УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА: историографическая концептуализация

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

THE URALS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND WORLD HISTORY: historiographical conceptualization

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА: историографическая концептуализация

HISTORIA EST MAGISTRA VITAE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА: историографическая концептуализация

ЕКАТЕРИНБУРГ
2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

THE URALS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND WORLD HISTORY:
historiographical conceptualization

YEKATERINBURG
2017

УДК 94 (470.54)
ББК 63.3 (235.55)
У 685

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА: историографическая концептуализация. — Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2017. — 392 с.

ISBN 978-5-906350-46-6

Монография носит концептуально-методологический характер и представляет попытку теоретического обоснования перспектив исследования истории Урала. В ней дается анализ достижений исторической науки в изучении развития региона в двадцатом столетии. Подчеркивается высокий уровень накопления исторических знаний на предшествующем этапе, создавшем серьезные предпосылки для фундаментальных обобщений. Акцентируется внимание на мало изученных темах, способных стать основой дальнейших изысканий. Предлагается оригинальная методологическая модель и периодизация научного осмысления истории Урала XX в., как базис дальнейших исследований в этом направлении. Делается вывод, что предложенный ракурс будущих изысканий, опирающийся на синтез преемственного развития историографического наследия и новых тематических сюжетов, базирующийся на широком интегративном анализе впервые вводимых в научных оборот архивных источников, позволит не только расширить уже имеющиеся исторические знания, но и обеспечит постановку новых проблем с их инновационным осмыслением.

Монография подготовлена по программе фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. В. СПЕРАНСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Д. В. Гаврилов, д.и.н., профессор, С. В. Воробьев, к.и.н.,
М. И. Вебер, к.и.н. (ответственный секретарь),
В. Д. Камынин, д.и.н., профессор, С. П. Постников, д.и.н., профессор.

РЕЦЕНЗЕНТЫ
Б. В. Личман, д.и.н., профессор,
И. В. Побережников, д.и.н.

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2017
© Издательство «Сократ», 2017

ISBN 978-5-906350-46-6

UDC 94 (470.54)
BBK 63.3 (235.55)
U 685

THE URALS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND WORLD HISTORY OF THE XX CENTURY: historiographical conceptualization. Yekaterinburg: Publishers «Sokrat», 2017. 392 p.

ISBN 978-5-906350-46-6

The monograph with its conceptual and methodological nature is an attempt to prove theoretically prospects for studying history of the Urals. It provides an analysis of achievements of historical science in the study of development of the region in the 20th century. The monograph emphasizes high level of accumulation of historical knowledge at the previous stage, which created serious premises for fundamental generalizations. The monograph focuses on insufficiently studied subjects, which can become the basis for further research. The authors propose an original methodological model and periodization of academic understanding of the history of the Urals in the 20th century, as a basis for further research in this direction. The authors concludes that proposed direction of future research, based on the synthesis of development of historiographical heritage and new thematic subjects, based on a broad integrative analysis of new archival sources, will allow not only to expand already available historical knowledge, but also ensure new challenges and their innovative understanding.

The monograph was prepared according to the program of fundamental research of Ural Branch of Russian Academy of Sciences:"The Urals in the social transformations of Russia during the XX century:specifics and identity of historical process"

EDITOR IN CHIEF A. V. SPERANSKY,
Doctor of Sciences in History, Professor

EDITORIAL BOARD:
D. V. Gavrilov, Doctor of Sciences in History, Professor,
S. V. Vorob'ev, Candidate of Sciences in History,
M. I. Weber, Candidate of Sciences in History (executive secretary),
V. D. Kamynin, Doctor of Sciences in History, Professor,
S. P. Postnikov, Doctor of Sciences in History, Professor.

REVIEWERS:
B. V. Lichman, Doctor of Sciences in History, Professor,
I. V. Poberezhnikov, Doctor of Sciences in History.

© Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

© Publishers «Sokrat», 2017

ISBN 978-5-906350-46-6

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

РАЗДЕЛ I
УРАЛ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Глава 1. На этапе раннеиндустриальной модернизации и революций. 1881 – 1917 гг. 25
Глава 2. В горниле Гражданской войны. 1918 – 1922 гг. 84

РАЗДЕЛ II
УРАЛ В ЭПОХУ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

Глава 1. На пути к социализму. 1922 – 1941 гг. 143
Глава 2. В годину военного лихолетья. 1941 – 1945 гг. 180
Глава 3. Послевоенные испытания. 1945 – 1953 гг. 221

РАЗДЕЛ III
УРАЛ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» И «СТАБИЛЬНОСТИ»

Глава 1. Хрущевская либерализация. 1953 – 1964 гг. 267
Глава 2. «Развитой социализм» в реалиях застоя. 1964 – 1985 гг. ... 311

РАЗДЕЛ IV
УРАЛ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Глава 1. Противоречия «перестройки». 1985 – 1991 гг. 335
Глава 2. В постсоветский период. 1991 – 2017 гг. 366

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 391

TABLE OF CONTENTS

PREFACE 17

SECTION I
THE URALS IN THE CONDITIONS OF SOCIAL CATACLISMS OF THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Chapter 1. At the stage of early industrial modernization and revolutions. 1880 – 1917 25
Chapter 2. In crucible of the Civil War. 1918 – 1922. 84

SECTION II
THE URALS IN THE EPOCH OF "SOCIALIST CONSTRUCTION"

Chapter 1. On the way to Socialism. 1922 – 1941. 143
Chapter 2. During hard times of the World war. 1941 – 1945. 180
Chapter 3. Post-war experiences. 1945 – 1953. 221

SECTION III
THE URALS IN THE PERIOD OF «THAW» AND «STAGNATION»

Chapter 1. The Khrushchev liberalisation. 1953 – 1964. 267
Chapter 2. The «developed socialism» in reality of Stagnation. 1964 – 1985. 311

SECTION IV
THE URALS IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE END OF THE XX - BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Chapter 1. Contradictions of «perestroika». 1985 – 1991 335
Chapter 2. In the post-Soviet period. 1991 – 2017 366

ABOUT THE AUTHORS 391

ПРЕДИСЛОВИЕ

В представленной на суд читателей монографии анализируются достижения и недостатки исторической науки в изучении развития Уральского региона в двадцатом столетии. Проведенные авторским коллективом изыскания показывают высокий уровень накопления исторических знаний на предшествующем этапе, создавшем серьезные предпосылки для дальнейшей углубленной исследовательской работы в рамках уральской проблематики.

История Урала всегда являлась важнейшей составляющей истории России и мировой истории в целом. Вклад Уральского региона в развитие российского социума и человеческой цивилизации огромен. Особенно значима роль края в трансформациях XX века, определивших качественный поворот в развитии экономического, политического, и социокультурного потенциала России и всего мирового сообщества. Поэтому не удивительно, что историческая наука неоднократно обращалась к уральской проблематике, обогатив общероссийскую и региональную историографию рядом интересных исследований.

Значительный прирост научных знаний по истории Урала XX века произошел в советский период. На этом этапе расширилась тематика исследований, появились первые серьезные труды. Имена уральских историков Ф. П. Быстрых, А. В. Бакунина, Ф. С. Горового, И. С. Капцуговича, О. А. Васьковского, В. Г. Чуфарова и др. получили широкое научное признание. Вместе с тем для этих работ, базирующихся на марксистско-ленинской методологии, были характерны политизированность и однобокость освещения исторических событий. Основное внимание акцентировалось на проблемах революций и гражданской войны, трудовой деятельности рабочего класса, «руководящей и направляющей» роли правящей партии и ее местных организаций.

В постсоветский период труды по истории Урала XX века, избавившись от диктата тоталитарной методологии, приобрели плюралистическую направленность и исследовательскую многогранность. В итоге, научный поиск уральских историков за последние четверть века привел к весомым результатам. Понимая, что без концептуального осмысления исторического процесса невозможно осуществить правильную реконструкцию прошлого ни на макро-, ни на микро- уровне, они осуществили методологический прорыв, базирующийся на теоретических разработках модернизационных моделей развития человеческого общества.

Методологической основой большинства современных исследований, касающихся истории Урала XX века, стала теория модернизации,

являющаяся познавательным фундаментом научной школы академика В. В. Алексеева. В трудах академика и его учеников впервые в отечественной историографии, была предложена типология социальных трансформаций в истории России, поставлена проблема темпорально-пространственного измерения перехода от традиционного к современному обществу, показана специфика проникновения на русскую почву зарубежных инноваций, охарактеризованы основные волны российских модернизаций в XVIII – XX вв.[1]

Познавательные возможности модернизационной парадигмы в первую очередь наглядно проявились при реконструкции уральскими историками ключевого явления мировой истории XX века: становления, эволюции, кризиса и краха советской общественно-экономической системы. Эта проблема была достаточно глубоко рассмотрена как на общероссийском, так и на уральском материале: были проанализированы движущие силы революционных преобразований, неудачи, пережитые нашей страной в XX столетии, охарактеризованы достигнутые в этот исторический период успехи. В целом, стержневая идея осуществленных исследований заключается в том, что начиная с петровских реформ, как и все ведущие страны мира, Россия двинулась в сторону формирования индустриальной цивилизации. Однако, начавшаяся в XX веке сталинская модернизация, правильно уничтожив феодальные пережитки, разрушила и буржуазные основы дальнейшего развития. Это нарушило естественное течение модернизационного перехода, привело к краху советской супердержавы и так называемой «социалистической» модели развития.

Модернизационное осмысление исторического процесса, как теоретико-методологическая основа исследовательской работы, явственно проявилось в изучении социально-экономического развития Уральского региона. При решении проблем промышленного развития Урала в XX веке, доминирующей тенденцией представляется

---

[1] См.: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений / Гл. ред. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2000; Опыт российских модернизаций XVIII – XIX века / Отв. ред. *В. В. Алексеев.* М., 2000; *Алексеев В. В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004; *Он же.* На перепутье эпох. Воспоминания современника и размышления историка. Екатеринбург, 2013; *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; *Он же.* Парадигма модернизации в историческом исследовании // Урал в модернизационной динамике XX века. Екатеринбург, 2015. С. 197 – 214; *Сперанский А. В.* Российская модернизация в контексте противоречий общества и власти: историографический аспект // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009. С. 309 – 317; *Он же.* Россия и модернизация: историософский аспект проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. С. 58 – 70; *Он же.* Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 27 – 39; и др.

стремление авторов связать динамику промышленного производства с социально-институциональными трансформациями, имевшими место, как на общероссийском, так и региональном уровне[1]. Органично вписывается в модернизационную парадигму и концепция агропереходa, развиваемая уральскими историками в сфере изучения сельского хозяйства Уральского региона в XX веке[2]. В научных трудах, посвященных аграрной проблематике, убедительно реконструируется динамика агропромышленной сферы региона на широком общероссийском фоне.

Достаточно интенсивно разрабатываются уральскими историками и проблемы общественно-политической истории. Ученые охватывают в своих исследованиях самые разнообразные проблемы: от роли личностного фактора в формировании конфигурации властных отношений до политических репрессий. Особое значение в последние годы приобрела тема «власть и общество». К наиболее крупным результатам этого направления исследований относятся подготовка и издание под руководством академика В. В. Алексеева шеститомного труда «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг.», включившего в себя уникальные документы и материалы по Свердловской, Челябинской и Пермской областям, а также две коллективные монографии «Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа» и «Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития», подготовленные авторскими коллективами, возглавляемыми профессором А.В. Сперанским. В обозначенных произведениях на широкой архивной базе показаны противоречивые тенденции взаимодействия власти и общества на Урале в XX веке[3].

В постсоветское время ученые осуществили успешные исследования в сфере изучения повседневной и социокультурной истории, активно развивается изучение военной истории. Многие результаты научных исследований историков нашли отражение в обобщающей коллективной монографии «Урал в панораме XX века» (Екатеринбург, 2000), подготовленной под руководством В. В. Алексеева и А. В. Сперанского. Книга осветила этапы

[1] См.: *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008; *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001; и др.

[2] См: *Корнилов Г. Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Токио, 2005; и др.

[3] См.: Общество и власть. Российская провинция. 1917 – 1985. Документы и материалы. Пермская, Свердловская, Челябинская области / Гл. ред. *В. В. Алексеев.* Т. 1 – 6. Екатеринбург – Челябинск – Пермь, 2005 – 2008; Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа / Отв. ред. *А. В. Сперанский.* Екатеринбург, 2008; Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития / Отв. ред. *А. В. Сперанский.* Екатеринбург, 2011.

развития региона в двадцатом столетии на основе сочетания различных жанров исторического повествования: историко-биографических портретов, исторических очерков, хроники основных событий и т.п.[1]

Таким образом, как в советский, так и в постсоветский период развития исторической науки Уральский регион всегда находился в поле зрения историков, что дало возможность накопить значительное количество различного рода материалов, требующих научной инвентаризации и историографического анализа для подведения промежуточных итогов изучения истории Урала XX века, выяснения степени изученности основополагающих проблем его развития, выявления новых тематических ракурсов, позволяющих актуализировать ранее не исследованные проблемы и определения перспектив дальнейших изысканий по основным направлениям жизнедеятельности региона.

Отсюда, целью данной монографии представляется разработка историографических и концептуально-методологических оснований для дальнейшей реконструкции истории Урала XX века, на принципиально новом качественном уровне, с учетом нового архивного материала, в контексте не только общероссийской, но и мировой цивилизационной динамики.

На наш взгляд, дальнейшее комплексное исследование ключевых аспектов функционирования Уральского региона в двадцатом столетии является объективной необходимостью, так как, это позволяет, опираясь на компаративный анализ, не только выявлять внутрирегиональную специфику и общероссийские тенденции, проходивших на Урале модернизационных процессов, но и вести целенаправленные исторические изыскания, нацеленные как на узкий круг специалистов, так и на самую широкую читательскую аудиторию, что настоятельно диктуется общественной потребностью.

Конечно, современные исследования исторического развития Уральского региона в XX веке должны осуществляться в тесном взаимодействии с изучением предшествующих этапов регионального развития, демонстрировать преемственность и прогрессивную динамику в эволюционном движении края. Поэтому в качестве одной из концептуально-методологических основ ретроспективного восприятия исторического процесса, проходившего на Урале с древнейших времен до наших дней, должна рассматриваться современная периодизация, достаточно аргумен-

[1] См: Урал в панораме XX века / Гл. ред. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2000.

тированно обоснованная в недавних работах уральских историков[1].

Выделенные в ней три этапа противоречивого пути, пройденного краем в течении нескольких столетий, охватывают основные взаимосвязанные между собой временные промежутки и сущностные моменты, убедительно показывающие его поступательное движение вперед. На первом этапе, именуемом этапом «периферии» (XVI – XVII вв.), происходило военно-промысловое и земледельческое освоение уральской территории, формировались истоки и основы дальнейших преобразований края, действительно являвшегося тогда далекой окраиной («периферией») Московского централизованного государства. На втором этапе, названном этапом «полупериферии» (начало XVIII – последняя четверть XIX в.), совершается социально-экономическое ускорение региона, который уже в рамках Российской империи, на базе процессов протоиндустриализации, обеспечивших создание мануфактурной промышленности, значительно приближается по степени своего экономического и социокультурного развития к центральным территориям страны, поднимаясь до уровня «полупериферии».

И наконец, на третьем этапе, нареченном этапом превращения в «центр» российской цивилизации, Урал в условиях модернизационных процессов, происходивших в конце XIX – XX вв., на основе индустриального транзита осуществляет переход на уровень, характеризующийся технологическими, институционально-социальными, ментальными параметрами современного типа.

Именно на этот этап исторического развития, сделавший Уральский регион одним из двигателей мирового прогресса, и спроецировано основное внимание в данной монографии с точки зрения историографической концептуализации дальнейшей исследовательской работы.

Вполне естественно, что новые целенаправленные и широкомасштабные изыскания в области истории Урала XX века потребуют высокого уровня аналитического мышления и глубины логических обобщений для решения далеко не простых задач, поставленных перед современными историками противоречивым прошлым, как всей России, так и ее важнейшего региона. Поэтому, нам представляется, что главный акцент в научных изысканиях по обозначенной тематике в первую очередь должен быть сделан на всеобъемлющей характеристике политико-экономических, социально-институциональных и социокультурных процессов, опреде-

[1] См.: *Артемов Е. Т.* Урал в российской истории: диалектика «центр-периферийных» отношений // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. № 2. С. 124 – 129; *Побережников И. В.* Урал в истории российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 118 – 126; *Сперанский А. В.* Урал в модернизационной динамике России XX века: перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 78 – 87.

ливших качественный поворот в развитии края в контексте отечественной и мировой истории.

Выявляя место и роль Уральского региона в общероссийских и мировых трендах следует отметить необходимость использования при этом структурационного подхода, позволяющего в рамках избранной модели «Центр – Периферия», определить соотношение регионального, странового и глобального измерений в истории Урала. То есть показать историческую самобытность Урала, представить его как целостное образование, основывающееся на оригинальной институционально-политической, социально-экономической и культурно-символической основе. В тоже время край должен видеться, и как важнейший фактор создания и дальнейшего развития России, и как производное от общероссийских и мировых тенденций.

Чтобы достигнуть такого трехмерного понимания значимости Уральского региона в жизнедеятельности человеческого социума XX века, требуется интенсивно-интегративное использование сюжетов макро- и микроистории, то есть отражение уральских трансформаций, сквозь призму, как магистральных трендов общероссийского и мирового развития, так и региональной специфики.

Если попытаться структуризовать будущие научные исследования, касающееся развития Урала в конце девятнадцатого – двадцатого столетий, то нам представляется логичным, соглашаясь с точкой зрения И. В. Побережникова, в качестве самостоятельных научно-исторических направлений при рассмотрении региональной истории выделить три основные измерения[1]. В качестве самостоятельного исследовательского направления представляется геоэкономическое измерение, как социально-экономический срез развития Урала, включая проблемы территориального разделения труда, функционирования промышленности, аграрного сектора, сферы торговли, социальной политики, демографических трансформаций и т.п.

Отдельным направлением исследовательской работы видится институционально-политическое измерение (общественно-политический срез), охватывающее вопросы развития политико-правовых и административных механизмов регионального управления, определения принципов организации и самоорганизации локальных сообществ. Думается, что в рамках этого направления необходимо дальнейшее изучение структуры и механизма функционирования региональных органов власти, их взаимодействия с центром, взаимоотношений с населением, религиозными конфессиями. Здесь же должны быть отражены проблемы межнациональных отношений, зарождения и функционирования партий и общественно-политических движений.

[1] *Побережников И. В.* Урал в истории российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 119 – 120.

Специфика культурного ландшафта и своеобразная ментальность населения Урала практически предопределяет выделение в качестве самостоятельного направления социокультурного измерения (культурный срез), содержащего в себе проблематику развития региональной культуры: науки, образования, литературы и искусства (театр, кино, изо, музыка).

Успешная инновационная реализация обозначенных направлений в научной практике возможна только при полном владении ранее накопленными историческими знаниями, поэтому представленные измерения региональной истории стали структурной основой историографического анализа имеющейся на сегодняшний день литературы по истории Урала XX века во всех разделах данной монографии.

Что же касается структурирования самих разделов, то следует отметить, что в рамках выделенных научно-исследовательских направлений, в соответствии с проблемно-хронологическим принципом исторических изысканий, вполне возможно выделение крупных исторических периодов, имеющих единую внутреннюю динамику развития и достаточную протяженность летоисчисления. В нашем представлении, как в истории России, так и истории Уральского региона, до начала XXI века достаточно рельефно прослеживаются четыре таких периода, хронологические рамки которых и стали границами разделов данной монографии[1].

Выделенная в отдельный период (1880 – 1922 гг.) история Урала, развивавшаяся в условиях социальных катаклизмов конца XIX – начала XX вв., представляется первой возможностью интенсивного буржуазного развития России, реализовывавшейся на основе великих реформ Александра II, но упущенная в суматохе войн и революций, обрушившихся на страну.

Второй период (1922 – 1953 гг.) демонстрирует историю Урала в эпоху «социалистического строительства», как отчаянную попытку в условиях жесткой командно-административной системы в кратчайшие сроки осуществить модернизационный переход к социализму, стоивший нашему народу колоссальных жертв и невосполнимых утрат.

Третий период (1953 – 1985 гг.) показывает историческое развитие Уральского региона в рамках «оттепели» и «стабильности», сначала породившее либерализацию и радужную надежду на быстрое построение «светлого будущего», а затем, погрязнув в «застойных явлениях», принесшее полное идейное разочарование и социальную апатию.

И наконец, четвертый период (1985 – наши дни) отражает уральскую историю в контексте социальных трансформаций конца XX – начала XXI вв., приведших к крушению советской государственности и зарождению «новой» России, получившей вторую возможность построения «образцового», «демократического» капитализма, реализация которой в современ-

[1] *Сперанский А.В.* Урал в модернизационной динамике России XX века: перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 82 – 83.

ных условиях проходит с большими противоречиями и изъянами

Важно отметить, что по каждому из обозначенных периодов уже имеются серьезные наработки. Ученые проделали большую работу по изучению уральской истории конца XIX – начала XXI вв., чему свидетельствует глубокий историографический анализ, проделанный авторским коллективом данной монографии. Тем не менее, этот же разбор, имеющейся на настоящий момент исторической литературы, позволяет сделать однозначный вывод о необходимости дальнейшей научно-исследовательской работы, направленной как на расширение и дополнение уже имеющихся исторических знаний, так и на постановку новых проблем с их инновационным осмыслением.

К примеру, в рамках периода «первичной капитализации» требуют глубокого изучения основные направления модернизационных процессов на Урале в период ранней индустриализации. Более пристальное внимание надо обратить на имевшие место дискуссии о перспективах развития уральской металлургии, на характер изменений в социальном составе уральских горнозаводчиков, на процессы акционирования горнозаводских округов и их финансово-производственной реорганизации. Недостаточно изучена проблемы технической оснащенности уральского сельского хозяйства и проведения в крае Столыпинской аграрной реформы. С позиций нового понимания истории весьма привлекателен аспект гражданского противостояния 1917 – 1922 гг. как попытка преодоления социокультурного раскола в обществе методами вооруженного насилия.

На этапе «социалистического строительства» применительно к Уралу мало изучены темы, связанные с организацией хозяйства и повседневной жизнью уральского населения в период военного коммунизма, опытом экономического и административно-политического районирования региона. Особый интерес вызывает уральский регионализм в контексте центр-периферийных отношений.

В эпоху «оттепели» и «стабильности» необходим кропотливый анализ региональной специфики процессов завершения раннеиндустриального этапа модернизации и перехода к позднеиндустриальному этапу, трансформации сталинского тоталитарного режима в авторитарный, превращения системы директивного планирования в «механизм торможения».

Правдивый и реалистичный показ времени «крушения СССР и зарождения новой России» объективно заставляет историков обратиться к политологическим проблемам, таким как формирование основных политических групп и региональных элит в их отношении к процессам реформирования экономических и управленческих структур, становление региональных политических организаций и объединений, институтов гражданского общества как политических и исторических феноменов социально-политической структуры российского общества, измене-

ние форм государственной власти и местного самоуправления на территории Урала в контексте общефедеральных политических тенденций и т.п.

Перечисление проблем, связанных с историей Урала конца XIX – начала XXI вв., нуждающихся в дальнейшем осмыслении, или инновационной постановке можно продолжить. Естественно, их гораздо больше, чем приведенных в качестве примера. Однако, это никак не влияет на общий вывод. Сегодня нужна «новая» история Урала и ее целесообразно разрабатывать на основе синтеза преемственного развития уже имеющегося богатого историографического наследия и новых тематических ракурсов, позволяющих актуализировать ранее не исследованные проблемы.

Думается, что проведенный авторским коллективом данной монографии глубокий историографический анализ, позволивший осуществить достаточно полную инвентаризацию накопленных исторических знаний и обозначить перспективы дальнейших изысканий, будет способствовать значительной активизации исследовательской работы в области истории Уральского региона конца XIX – начала XXI вв. на принципиально новом качественном уровне, с учетом богатого научного задела, сделанного в предшествующие годы и нового архивного материала в контексте не только в общероссийский, но и мировой цивилизационной динамики.

Монография подготовлена коллективом авторов: д.и.н. Д. В. Гаврилов (Раздел I, гл. 1.); к.и.н. М. И. Вебер (Раздел I, гл. 2); к.и.н. С. В. Воробьев (Раздел I, гл. 1); к.и.н. А. В. Иванов (Раздел I, гл. 2); д.и.н. В. Д. Камынин (Раздел II, гл. 1; Раздел IV, гл. 1); д.и.н. А. Д. Кириллов (Раздел IV, гл. 2); к.и.н. Б. А. Кириллов (Раздел IV, гл. 2); д.и.н. Г. Е. Корнилов (Раздел II, гл. 2); д.и.н. Л. Н. Мартюшов (Раздел III, гл. 2); к.и.н. Н. Н. Мельников (Раздел II, гл. 3); к.и.н. Д. Н. Ряпусова (Раздел II, гл. 3); д.и.н. А. В. Сперанский (Предисловие; Раздел I, гл. 1, 2; Раздел II, Гл. 2); д.и.н. А. В. Трофимов (Раздел III, гл. 1).

А. В. СПЕРАНСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор

PREFACE

Our monograph presented to a reader's opinion analyzes achievements and shortcomings of historical studies of development of the Urals in the 20th century. The research conducted by the team of authors shows a high level of accumulation of historical knowledge at the previous stage, which created serious premises for further in-depth research work within the framework of the Ural studies.

The history of the Urals has always been an important component of the history of Russia and world history in general. The contribution of the Ural region to the development of Russian society and human civilization is huge. The role of the Ural region in the transformations of the 20th century, which determined qualitative turn in the development of economic, political, and sociocultural potential of Russia and the whole world community, is especially significant. Therefore, it is not surprising that historical studies has repeatedly turned to researching the Urals, enriching all-Russian and regional historiography with a number of interesting works.

A significant increase in academic knowledge about history of the Urals in the 20th century occurred during the Soviet period. At this stage, the scope of researches expanded and the first serious research works appeared. The names of such Ural historians as F.P. Bystryh, A.V. Bakunin, F.S. Gorovoy, I.S. Kaptsugovich, O.A. Vas'kovsky, V.G. Chufarov and others received wide academic recognition. At the same time, these works based on the Marxist-Leninist methodology had such characteristics as politicization and one-sidedness in the coverage of historical events. Their works focused mainly on Russian revolution and Civil war, on labor activity of the working class, on the "leading and guiding" role of the ruling Party and its local organizations.

In the post-Soviet period, works on the history of the Urals in the 20th century acquired a pluralistic focus, escaping from the dictates of totalitarian methodology. As a result, during the last 25 years the research work of Ural historians led to significant results. Realizing that without a conceptual interpretation of the historical process it is impossible to reconstruct correctly the past either at the macro or at micro level, they made a methodological breakthrough based on theoretical construction of the modernization models for the development of human society.

The methodological basis of most modern works, researching history of the Urals in the 20th century, is the theory of modernization, which is cognitive foundation of the scientific school of Academician V.V. Alekseev. In their works,

the Academician and his pupils for the first time in Russian historiography proposed a typology of social transformations in the history of Russia and posed the problem of temporal and spatial measurement of the transition from traditional to modern society. They also showed the specifics of penetration of foreign innovations into Russian soil and characterized main waves of Russian modernization in the 18th – 20th centuries.[1]

The cognitive possibilities of the modernization paradigm became apparent when Ural historians reconstructed a key phenomenon in the world history of the 20th century: formation, evolution, crisis and collapse of the Soviet socio-economic system. The historians thoroughly studied this problem both on the All-Russian and on the Ural material: they analyze driving forces of revolutionary changes as well as failures experienced by Russia in the 20th century, they also characterize successes achieved in this historical period. In general, the core idea of the conducted research is that since the reforms of Peter the Great, Russia moved towards the formation of an industrial civilization like all leading countries of the world. However, Stalin's modernization, which began in the 20th century, destroyed not only feudal relics, but also bourgeois foundations for further development. This violated natural course of the modernization transition and led to the collapse of the Soviet superpower as well as so-called "socialist" model of development.

Modernization understanding of the historical process was clearly manifested in the study of social and economic development of the Ural region as theoretical and methodological basis for research work. Main tendency in researching the problems of industrial development of the Urals in the 20th century is the intention of authors to connect dynamics of industrial production with social and institutional transformations that took place at all-Russian and regional levels. The concept of agricultural transition, developed by the Ural historians in studies on agrarian history of the Urals in the 20th century, organically fits into

[1] Modernizatsiya: faktory, modeli razvitiya, posledstviya izmeneniy / Gl. red. *V.V. Alekseev*. Ekaterinburg, 2000; Opyt rossiyskih modernizatsiy XVIII–XIX veka / Otv. red. *V.V. Alekseev*. M., 2000; *Alekseev V.V.* Obshchestvennyy potentsial istorii. Ekaterinburg, 2004; *Alekseev V.V.* Na pereput'e epoh. Vospominaniya sovremennika i razmyshleniya istorika. Ekaterinburg, 2013; *Alekseeva E.V*. Diffuziya evropeyskih innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX v.). M., 2007; *Poberezhnikov I.V.* Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii. M., 2006; *Poberezhnikov I.V*. Paradigma modernizatsii v istoricheskom issledovanii // Ural v modernizatsionnoy dinamike XX veka. Ekaterinburg, 2015. Pp. 197 – 214; *Speransky A.V*. Rossiyskaya modernizatsiya v kontekste protivorechiy obshchestva i vlasti: istoriograficheskiy aspekt // Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskih modernizatsiy: regional'noe izmerenie. Ekaterinburg, 2009. Pp. 30–317; *Speransky A.V*. Rossiya i modernizatsiya: istoriosofskiy aspekt problemy // Ural industrial'ny. Bakuninskie chteniya. Ekaterinburg, 2011. P. 58 – 70; *Speransky A.V*. Modernizatsiya v Rossii: perekrestok mneniy // Modernizatsiya v usloviyah osvoeniya vostochnyh regionov Rossii v XVIII–XX vv. Ekaterinburg, 2012. Pp. 27–39.

the modernization paradigm.[1] Research works, devoted to agrarian problems, convincingly reconstruct the dynamics of agro-industrial sphere of the region on a broad all-Russian background.

The Ural historians also intensively research problems of socio-political history. They cover a variety of problems in their works: from role of personal factor in the formation of power relations to political repression. Researching "Power and Society" has particular importance in recent years. The most significant results of researches include preparation and publication under the supervision of Academician V.V. Alexeyev six-volume work "Society and Power. The Russian province. 1917–1985", which presented unique documents and materials on Sverdlovsk, Chelyabinsk and Perm regions. They also include two collective monographs "The State and the People in the conditions of socialist experiment: the experience of retrospective analysis" and "The Soviet political system in the history of Russia: features of geopolitical and regional development", written by the teams of authors headed by Professor A.V. Speransky. Using broad archive materials, above-mentioned works shows contradictory tendencies in the interaction between power and society in the Urals in the 20th century.[2]

In the post-Soviet era, historians conducted successful studies in the field of everyday history and socio-cultural history. Studying of military history is also actively developing. Many results of historical researches were presented in the collective monograph "The Urals in the panorama of the 20th century" (Ekaterinburg, 2000), written under the guidance of V.V. Alekseev and A.V. Speransky. The book highlighted main stages of development of the region in the 20th century, using a combination of different genres of historical narrative: historical and biographical portraits, historical essays, chronicles of major events, etc.[3]

Thus, in the Soviet as well as in the post-Soviet period, the Ural region has always been in the field of view of historians. This gave a chance to accumulate a significant amount of various materials, which require scientific inventory and historiographic analysis for summarizing the prominent results of the study of the history of the Urals in the 20th century. This also gave a chance to clarify the degree of study of the fundamental problems of regional development and to identify new thematic perspectives that allow us to actualize previously

[1] *Kornilov G.E.* Transformatsiya agrarnoy sfery Urala v pervoy polovine XX veka // XX vek i sel'skaya Rossiya. Tokio, 2005 i dr.

[2] Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917–1985. Dokumenty i materialy. Permskaya, Sverdlovskaya, Chelyabinskaya oblasti / Gl. red. *V.V. Alekseev*. Vol. 1–6. Ekaterinburg – Chelyabinsk – Perm', 2005–2008; Gosudarstvo i narod v usloviyah sotsialisticheskogo eksperimenta: opyt retrospektivnogo analiza / Otv. red. *A.V. Speransky*. Ekaterinburg, 2008; Sovetskaya politicheskaya sistema v istorii Rossii: osobennosti geopoliticheskogo i regional'nogo razvitiya / Otv. red. *A.V. Speransky*. Ekaterinburg, 2011.

[3] Ural v panorame XX veka / Gl. red. *V.V. Alekseev*. Ekaterinburg, 2000.

unsolved problems. A chance to determine the prospects for further research of main activities of the region.

Hence, the aim of this monograph is development of historiographical, conceptual and methodological grounds for the further reconstruction of history of the Urals in the 20th century on a new level, in the context of not only Russian but also the whole world civilization dynamics, taking into account new archival material.

In our opinion, further comprehensive research of key aspects of the functioning of the Ural region in the 20th century is an objective necessity. It allows us not only to identify intraregional specifics and all-Russian trends of modernization processes, which took place in the Urals, but also to conduct purposeful historical research, aimed at both a narrow circle of specialists and the widest readership. The latter is strongly dictated by the needs of society.

Of course, we should conduct modern studies of historical development of the Ural region in the 20th century in close interaction with the studying of previous stages of regional development. Modern studies also should demonstrate continuity and progressive dynamics in the evolution of the region. Therefore, we must consider modern periodization as one of the conceptual and methodological foundations of the retrospective perception of the historical process that took place in the Urals from ancient times to the present day. It was reasonably justified in recent works of Ural historians.[1]

The three stages of the contradictory path, which the region came during several centuries, include the main interrelated time intervals and essential moments, convincingly showing its progress. At the first stage, known as the "periphery" stage (16th-17th centuries), military, commercial and agricultural development of the Ural territory took place. At this stage, foundations for further transformations of the region, which was then periphery of the Moscow centralized state, were formed. At the second stage, called the stage of "semi-periphery" (from the beginning of the 18th century to the last quarter of the 19th century), the region had socio-economic growth. At this stage due to proto-industrialization, which created the manufacturing industry, economic and sociocultural development of the Urals approached closely to the level of central regions of Russia, to the level of "semi-periphery."

Finally, at the third stage, called the stage of becoming "center" of Russian civilization, the Urals under the conditions of modernization processes, which took place at the end of the 19th and 20th centuries, based on industrial transit,

[1] *Artemov E.T.* Ural v rossiyskoy istorii: dialektika «tsentr-periferiĭnyh» otnosheniĭ // Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek. 2012. № 2. Pp. 124 – 129; *Poberezhnikov I.V.* Ural v istorii rossiyskogo gosudarstva: postanovka problemy // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2012. № 2. Pp. 118 – 126; *Speransky A.V.* Ural v modernizatsionnoy dinamike Rossii XX veka: perspektivy issledovaniya // Ural'sky istorichesky vestnik. 2013. № 4 (41). Pp. 78 – 87.

moves to a level characterized by technological, institutional, social and mental parameters of modern type.

This stage of historical development made the Urals one of the engines of world progress. Our monograph focuses on this stage from the point of view of historiographical conceptualization of further research work.

New, purposeful and large-scale research in the history of the Urals in the 20th century will require a high level of analytical thinking as well as depth of logical generalizations for solving far from simple tasks confronting modern historians with the controversial past of both the whole of Russia and its most important region.

Therefore, it seems to us that the main emphasis in researching above-mentioned topics should be made on a comprehensive description of politica[1], economic, socio-institutional and socio-cultural processes, which determined a qualitative turn in the development of the region in the context of Russian and world history.

Identifying the place and role of the Ural region in Russian and world trends, we need to use the structural approach. Within the framework of "Center-Periphery" model, structural approach allows to determine correlation of regional, country and global dimensions in the history of the Urals. It means that we show historical identity of the Urals and present it as an integral entity based on an original institutional, political, socio-economic and cultural-symbolic basis. At the same time, the region should be seen as an important factor in the creation and further development of Russia as well as a derivative of Russian and global trends.

In order to achieve such a three-dimensional understanding of the significance of the Ural region in the life of human society in the 20th century, we need to integrate intensively the subjects of macro and microhistory. It means that we need to reflect Ural transformations through the prism of both the main trends of Russian and world development and regional specifics.

If we try to structure future scientific research on the development of the Urals in the late 19th and 20th centuries, then it seems logical to separate three main dimensions.1 To our opinion, geo-economic dimension is an independent research area as a socio-economic section of the development of the Urals, including problems of territorial division of labor and functioning of industry, problems of agrarian sector, problems in the sphere of trade, problems of social policy and demographic transformations, etc.

In our view, a separate direction of research work is institutional and political dimension. It includes development of political, legal and administrative mechanisms for regional administration, development of principles of organization and self-organization of local communities. It seems that in the

[1] *Poberezhnikov I.V.* Ural v istorii rossiyskogo gosudarstva: postanovka problemy // Ural'sky istorichesky vestnik. 2012. № 2. Pp. 119–120.

framework of this direction, it is necessary to continue study of structure and mechanism of functioning of regional authorities, their interaction with the center, relations with the population, religious confessions. It should also reflect the problems of interethnic relations, the birth and functioning of parties and socio-political movements.

The specificity of cultural landscape and peculiar mentality of population of the Urals practically predetermines to select sociocultural dimension as an independent direction. Sociocultural dimension includes problems of the development of regional culture: science, education, literature and art (theater, cinema, painting, music).

Successful and innovation realization of all above-mentioned directions in research practice is possible only with full possession of previously accumulated historical knowledge. Therefore, presented dimensions of regional history became the basis for historiographic analysis of all available literature on the history of the Urals in the 20th century in all sections of this monograph.

As for the structuring of the sections themselves, we should note that within the framework of above-mentioned research directions, in accordance with the problem-chronological principle of historical research, it is quite possible to distinguish large historical periods that have a single internal dynamics of development and a sufficient length of the chronology. In our view, we can distinguish four such periods both in the history of Russia and in the history of the Ural region, until the beginning of the 21st century.[1] Their chronological frames become the boundaries of the sections in our monograph.

During the first period (1880–1922), history of the Urals, which developed under the conditions of social cataclysms of the late 19th and early 20th centuries, seems to be the first possibility of Russia's intensive bourgeois development. The realization of it based on the great reforms of Alexander II, but was lost in the turmoil of wars and revolutions that struck the country.

The second period (1922–1953) demonstrates the history of the Urals in the epoch of "socialist construction" as a desperate attempt to implement a modernization transition to socialism in the conditions of a strict command and administrative system, which cost our people colossal sacrifices and irreplaceable losses.

The third period (1953–1985) shows the historical development of the Ural region within the framework of the "Thaw" and "Stagnation". First, it gave rise to liberalization and a hope for the "bright future," but later it steeped in "stagnant" and brought to ideological frustration and social apathy.

Finally, the fourth period (1985 – our days) reflects the Ural history in the context of social transformations of the late 20th and early 21st centuries. These transformations led to the collapse of Soviet statehood and the emergence of a

[1] *Speransky A.V.* Ural v modernizatsionnoy dinamike Rossii XX veka: perspektivy issledovaniya // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2013. № 4 (41). Pp. 82 – 83.

"new" Russia, which had the second opportunity to build "ideal", "democratic" capitalism. In modern conditions, the realization of this opportunity is accompanied by great contradictions and shortcomings.

It is important that we have serious research achievements for each of the above-mentioned periods. Researchers did a great job of studying the Ural history of the late 19th – early 21st centuries. Authors of this monograph shows evidence in a deep historiographic analysis. Nevertheless, the same analysis of all available historical literature allows us to make a conclusion about the need for further research work aimed both at expanding and at supplementing existing historical knowledge.

For example, within the period of "primary capitalization", the main directions of modernization processes in the Urals in the period of early industrialization require in-depth study. More attention we should pay to the discussions on the prospects for development of the Ural metallurgy, to the nature of changes in the social composition of owners of Ural mining companies, to the processes of corporatization of mining districts and their financial and industrial reorganization. The problem of the technical equipment of the Urals agriculture and the implementation of the Stolypin agrarian reform in the region has not been adequately studied. From the standpoint of a new understanding of history, it is promising to research such aspect of Russian civil war of 1917–1922 as an attempt to overcome the sociocultural split in society by methods of armed violence.

As for the stage of "socialist construction," the topics, related to the organization of economy and everyday life of the Ural population in the period of military communism and to the experience of economic and administrative-political zoning of the region, have not been sufficiently studied. Ural regionalism is especially interesting in the context of center-peripheral relations.

IAs for the epoch of the "Thaw" and "Stagnation", we need a painstaking analysis of regional specifics of the processes of completing the early industrial stage of modernization and transition to the late industrial stage. We also need to analyze transformation of Stalinist totalitarian regime into an authoritarian one as well as transformation of the system of directive planning into a "braking mechanism".

Historians, who want to show a true and realistic glimpse of the "collapse of the USSR and emergence of a new Russia", turn to political problems. Such problems include formation of major political groups and regional elites in their attitude to the processes of reforming economic and administrative structures. They also include formation of regional political organizations and associations as a political and historical phenomenon of the socio-political structure of Russian society and changing forms of state power and local self-government in the Urals in the context of general Russian political trends, etc.

We can continue the list of problems connected with history of the Urals at the end of the 19th and beginning of the 21st centuries, which require

further comprehension or an innovative formulation. Naturally, there are far more of them than those cited as examples. However, this does not affect the general conclusion. Today we need a «new» history of the Urals. We should write it, using synthesis of successive development of the already existing rich historiographic heritage and new thematic perspectives that allow us to update the problems that have not been previously studied.

It seems that the authors of this monograph made a profound historiographic analysis, which allowed to make a complete inventory of accumulated historical knowledge and to outline prospects for further research. The analysis will boost significantly research work in the field of history of the Ural region from the end of the 19th to the beginning of the 21st centuries. Taking into account research results made in previous years and new archival material, the research work will approach a new level.

The monograph was written by a team of authors: Doctor of Sciences in History D.V. Gavrilov (Section I, Chapter 1); Candidate of Sciences in History M.I. Weber (Section I, Chapter 2); Candidate of Sciences in History S.V. Vorob'ev (Section I, Chapter 1); Candidate of Sciences in History Vas.V. Zapary (Section II, Chapter 2); Candidate of Sciences in History A.V. Ivanov (Section I, Chapter 2); Doctor of Sciences in History V.D. Kamynin (Section II, Chapter 1; Section IV, Chapter 1); Doctor of Sciences in History A.D. Kirillov (Section IV, Chapter 2); Candidate of Sciences in History B.A. Kirillov (Section IV, Chapter 2); Doctor of Sciences in History G.E. Kornilov (Section II, Chapter 2); Doctor of Sciences in History L.N. Martyushov (Section III, Chapter 2); Candidate of Sciences in History N.N. Melnikov (Section II, Chapter 3); Candidate of Sciences in History D.N. Ryapusova (Section II, Chapter 3); Doctor of Sciences in History A.V. Speransky (Preface; Section I, Chapter 2); Doctor of Sciences in History A.V. Trofimov (Section III, Chapter 1).

A.V. SPERANSKY,
Doctor of Sciences in History, Professor

РАЗДЕЛ I

УРАЛ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Глава 1. На этапе раннеиндустриальной модернизации и революций. 1881 – 1917 гг.

Конец XIX – начало XX вв., 1881 – 1917 гг. – переломный период в истории России. Это время раннеиндустриальной модернизации страны: завершения промышленной революции, основанной на технических достижениях конца XVIII – XIX вв., перерастания мануфактур в фабрики, замены гидравлических двигателей на паровые и электрические, активного железнодорожного строительства, начала превращения страны из аграрной в аграрно-индустриальную.

Падение крепостного права в России в 1861 г. знаменовало рождение нового, более прогрессивного, по сравнению с феодально-крепостническим, социально-экономического и политического строя, способствовавшего более быстрому экономическому и культурному развитию страны. Основу новой, индустриальной цивилизации, шедшей на смену старой аграрной, составляли железо и сталь, железная руда и каменный уголь. В новую эпоху промышленный и военный потенциал стран определяли объёмы производства железа и стали, добычи каменного угля, выработки электроэнергии, возможности машиностроения. Быстро развивались транспорт, банковская и кредитная системы, усилился приток иностранных капиталовложений, происходил интенсивный рост образования и культуры, стали внедряться в производство научные достижения, росла общественная активность, оживилась идейная жизнь общества.

Одновременно в стране нарастали оппозиционные и революционные движения, шли поиски новой идеологии. Среди разночинной интеллигенции в 1860-х гг. широко распространились революционно-демократические идеи А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, нигилизм Д. И. Писарева, в 1870 – 1880-х гг. создалась теория народничества, на рубеже XIX – XX вв. сформировались нелегальные партии социал-демократов и социалистов-революционеров (эсеров), после революции 1905 – 1907 гг. сложилась широкая палитра легальных политических партий и течений (правые, октябристы, кадеты, блок прогрессистов и т. д.).

В конце XIX – начале XX вв. ещё больше и яснее обнаружилось экономическое и политическое отставание России от передовых промышленно развитых стран. Несмотря на сравнительно быстрое развитие российской промышленности в конце XIX – начале XX вв., социально-политические и экономические условия существовавшего в стране отсталого, полуфео-

дального политического режима тормозили прогресс экономики. За период 1860–1913 гг. разрыв между Россией и передовыми промышленно развитыми странами Запада не только не сократился, но в ряде важнейших отраслей увеличился. Производство чугуна в России в 1860 г. составило 40 % производства США и 61 % – Германии, в 1913 г. оно снизилось соответственно до 13 и 27,8 %[1].

Характеризуя экономическое положение России в конце XIX – начале XX вв., известный американский экономист Пол Грегори пишет: «Относительная отсталость экономики России очевидна, если обратиться к показателям, рассчитанным на душу населения. В 1913 г. Российская империя имела доход на душу населения, составлявший 50 % немецкого и французского, одну пятую английского и 15 % американского... Производство на душу населения в России в 1913 г. составляло 40 % от французского и немецкого, всё те же 20 % от английского и одну шестую от американского»[2].

Чрезвычайно отсталым было сельское хозяйство. По данным сельскохозяйственной переписи 1911 г., деревня имела 10 млн деревянных сох и плугов и 18 млн деревянных борон и только 4 млн железных плугов, земля на 3/4 обрабатывалась деревянными орудиями. В США в то время на полях работало более 100 тыс. тракторов[3].

Курс правительств Александра III и Николая II и их министров Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте на индустриализацию страны, осуществлявшийся в конце XIX – начале XX вв., был робким и половинчатым.

С. Ю. Витте рассчитывал осуществлять индустриализацию страны в первую очередь за счёт иностранных капиталовложений. П. А. Столыпин, возглавлявший правительство в 1906–1911 гг., прославляемый сейчас как «великий реформатор», не считал нужным принимать меры по развитию российской промышленности. Он всецело сосредоточился на аграрном секторе, причём и там не планировал технического перевооружения отсталого сельского хозяйства, а преследовал исключительно политическую цель – «успокоение» крестьянства и создание для правительства социальной опоры в деревне в лице зажиточного крестьянства.

В стране нарастало революционное и оппозиционное движение, обострялась социально-политическая обстановка. Буржуазия, которая в Западной Европе выступала инициатором революционных преобразований, в России была сравнительно немногочисленна, неконсолидирована,

---

[1] *Микешин Н.П.* Социально-экономические результаты Октября и буржуазная историография // Вопросы истории КПСС.1967. № 11. С. 96.

[2] *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.): Новые подсчёты и оценки. Перевод с англ. М., 2003. С. 21.

[3] *Суслов М. А.* Избранное: речи и статьи. М., 1972. С. 479.

слишком зависима от государственной власти, чтобы претендовать на политическое лидерство. Ричард Пайпс в книге «Россия при старом режиме» писал: «…Робость и косность состоятельного класса в экономической сфере проявлялись и в его политическом поведении. Сам он был настроен, безусловно, монархически и националистически, … предпочитал оставаться в тени»[1].

Главная партия российской либеральной буржуазии и ведущая сила в 1917 г. во Временном правительстве – партия кадетов, выступала за проведение модернизации страны, но считала это возможным только с широким привлечением иностранных капиталов. В проекте Декларации Временного правительства по экономическим вопросам говорилось: «Мощное развитие наших производительных сил немыслимо без привлечения иностранных капиталов и создания выгодных условий для их приложения … Без иностранной поддержки нам не разрешить великих заданий»[2].

Видный кадет А. И. Шингарёв писал: «Для использования громадных сияющих богатств нашей Родины необходим широкий приток иностранного капитала…»[3]. Ведущий экономист кадетской партии И. Х. Озеров призывал привлечь американский капитал к широкому железнодорожному строительству с наделением американских компаний экстерриториальными правами. Кадеты соблазняли американских предпринимателей тем, что Россия даст «для американской торговли даже более обещающее поле, чем Южная Америка»[4].

Левые партии (социал-демократы, эсеры) считали, что единственной перспективой хозяйственного и политического возрождения страны должен стать социализм. На выборах в Учредительное собрание, проведённых в ноябре 1917 г., большинство избирателей высказалось за социалистические партии. По данным 54 избирательных округов (из 79), без учёта национальных окраин, большевики получили 25 % голосов, социалисты-революционеры (эсеры) вместе с меньшевиками – 62 %, то есть подавляющее большинство населения (87 %) высказалось за социалистическую идею[5].

С такой очень сложной и контрастной общественно-политической и экономической обстановкой Россия подошла к Октябрю 1917 г.

Перед исследователями, изучавшими 1881 – 1917 гг., стояла трудная задача: выяснить основные направления социально-экономического раз-

---

[1] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 289 – 290.

[2] Проект Декларации Временного правительства по экономическим вопросам и Объяснительная записка к нему // Красный архив. 1925. Т. 10. С. 87 – 88, 93.

[3] *Шингарёв А. И.* Финансы России во время войны. Пг., 1917. С. 26.

[4] *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914 – 1917 г. Л., 1969. С. 24, 26.

[5] История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 275; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства.1917 – 1918. М., 1965. С. 437 – 440.

вития страны, приведшие к революционному взрыву 1917 г.; определить роль классов, сословий, партий, идейных течений, позиции, определившие их поведение в изучаемый и последующие периоды, дать им научную оценку.

В историографии России 1881 – 1917 гг. можно выделить четыре основных периода: 1) Дореволюционный, 1881 – 1917 гг., 2) Советский ранний, 1918 – 1945 гг., 3) Советский поздний, 1946 – 1991 гг., 4) Постсоветский, с 1991 г. до наших дней.

Досоветский период: 1881 – 1917 гг. Научная историография горнозаводского Урала стала складываться в пореформенный период. Основные её направления определились в годы проведения «Великих реформ 1860 – 1870-х гг.», когда сформировались традиции исследования главной отрасли экономики Урала – её горнозаводской промышленности.

Отмена в 1861 г. крепостного права, переход к вольнонаёмному труду, распространение рыночных отношений, начавшаяся капиталистическая перестройка горнозаводских вотчин, волнения горнозаводского населения, стремление горнозаводчиков оправдать свои феодальные привилегии вызвали появление в периодической печати и исторической литературе работ, в которых авторы стремились выяснить суть происходивших в стране перемен. В центре внимания оказались вопросы о месте и роли крупной промышленности, металлургии и горного дела в жизни страны, путях дальнейшего социально-экономического и политического развития страны.

А. К. Корсак выдвинул теорию об «искусственном образовании» уральской горнозаводской промышленности, созданной по его мнению Петром I при помощи исключительных льгот и привилегий и насаждения крепостного труда. «Новая форма промышленности, – писал Корсак, – была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни»[1].

Эта точка зрения была поддержана В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым. В. О. Ключевский, признавая заслуги Петра I в создании уральской горнозаводской промышленности, заявил о её «казённо-парниковом воспитании»[2]. П. Н. Милюков утверждал, что крупное производство в России не развивалось органически, а было создано «искусственными средствами», перенесено готовым «с Запада», заводы создавались «в стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей», были нежизненными, «могли держаться только искусственными средствами»[3].

Крупным трудом об уральской горнозаводской промышленности явилась опубликованная в 1869 г. книга академика В. П. Безобразова

---

[1] *Корсак А. К.* О формах промышленности вообще и значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861. С. 126 – 131.

[2] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 4. М., 1915. С. 155.

[3] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1898. С. 80.

«Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов». Автор по поручению Комиссии для пересмотра системы податей и сборов специально объехал уральские заводы с целью изучения их экономического состояния.

Причины кризисного положения казённого горнозаводского хозяйства Безобразов увидел в сохранившихся в регионе остатках крепостничества в результате проведения непоследовательной и противоречивой реформы 1861 г., в продолжении «условий, созданных прежним порядком горнозаводского хозяйства» и «не совместимых с вольнонаёмным трудом».

Безобразов резко критиковал организацию казённого хозяйства, указал на тормозящее влияние крупного горнозаводского землевладения, отметил медленный оборот капитала, отрицательные последствия опеки её правительством, выступил против сохранения заводов в руках казны, предлагал реорганизовать деятельность казённых заводов на коммерческих основаниях или продать их частным предпринимателям[1].

Р. С. Попов в 1874 г. опубликовал в журнале «Отечественные записки» работу «Горнозаводский Урал», в которой подверг резкой критике систему организации уральских горнозаводских хозяйств, сохранившиеся остатки крепостничества, феодальные монополии и привилегии заводовладельцев, тормозившие развитие горнозаводской промышленности, но позволявшие горнозаводчикам, не прилагая трудов, получать высокие дивиденды.

«На Урале, – писал Попов, – до сих пор почти нет заводчиков, т.е. людей, своею личною энергией поддерживающих промышленное дело, а есть только заводовладельцы, нередко знающие о своих заводах только то, что они дают известное число тысяч дохода; многие из них не видали ни одного завода или рудника, ни только своего, но и чужого». Многие из заводовладельцев безвыездно жили за границей, не знали русского языка. О безумном мотовстве уральских горнозаводчиков ходили легенды, а сами они являлись «обязательной принадлежностью всех увеселительных заведений от Петербурга до Ниццы и Монте-Карло»[2].

Попов отметил отсутствие средств существования у уральских рабочих в случае потери трудоспособности из-за старости, болезни или увечья, убедительно опроверг утверждения официальной и буржуазной историографии об «обеспеченности быта» рабочих с помощью земельных наделов.

Резко критиковал организацию уральских горнозаводских хозяйств Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он выступил против привилегированного характера и монопольного положения уральской горнозаводской промышленности, протестовал против правительственной финансовой поддерж-

[1] См: *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов: Издание Комиссии для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1869.

[2] *Попов Р. С.* Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 304.

ки горнозаводчиков, позволявшей им вести «беззаботное существование». Мамин-Сибиряк писал: «Почему-то бедствующими явились наши 18 уральских заводчиков, а что это за народ – назовём только главных бедняков: Демидов, князь Сан-Донато, граф Строганов, Стенбок-Фермор, наследники Яковлева и Расторгуева, князь Белосельский-Белозерский, А. Ф. Козелл-Поклевский и т. д.»[1]

Пореформенный Урал привлёк внимание зарубежной историографии. До середины XIX вв., как свидетельствует немецкий историк Ульрих Тройцш, в Центральной и Западной Европе «имелись только неточные и недостаточные сведения о техническом и экономическом состоянии русской металлургии. Немногочисленные сообщения, например, немецких металлургов, работавших на Урале, а также несколько описаний путешественников содержали неясные данные и предположения»[2].

Первая крупная работа о состоянии уральской горнозаводской промышленности (послужившая основой для многих позднейших публикаций) была издана в 1871 г. известным австрийским металлургом Петером Риттером фон Туннером, который в 1870 г. по приглашению русского правительства посетил промышленную выставку в Петербурге и совершил поездку по заводам Урала. Туннер, отметив высокое качество уральского железа, указал на техническую и организационную отсталость уральской металлургии.

Туннер особо отметил совершенное отсутствие на Урале железных дорог, затруднительность перевозок и подчеркнул, что без разветвленной сети железных дорог русская металлургическая промышленность вряд ли будет способна развиваться в широком масштабе. Уральские казённые заводы, о судьбе которых в то время в России велись оживленные дискуссии, Туннер предлагал передать иностранцам, имевшим капитал, но предостерегал против полной их распродажи, так как они ещё могли сыграть важную роль в экономическом развитии страны как опытные металлургические предприятия.

Туннер пришел к выводу, что уничтожение крепостного права сопровождалось для русской горной промышленности положительными последствиями, так как свободные рабочие стали прилежнее и искуснее, чем во время существования крепостного права, а владельцы заводов или управляющие ими – более деятельными и осведомлёнными по своей части.

Связь уральских рабочих с землей Туннер считал ненормальным явлением, так как повсюду было признано, что в главнейших горнопромышленных местностях опытный и искусный рабочий зарабатывает больше, чем при занятиях земледелием. Туннер не усмотрел существен-

[1] *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Кризис Уральской горной промышленности // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 232.

[2] *Тройцш Ульрих*. Развитие русской металлургической промышленности в отражении немецкой экономической и технической литературы (1850 – 1900). М., 1970. С. 1, 2.

ного различия уральских рабочих от рабочих тогдашней западноевропейской металлургии[1].

В 1872 – 1873 гг. выпустил двухтомный труд о прежнем развитии и современном состоянии русской промышленности Фридрих Маттей. Написана его книга была по материалам Всероссийской промышленной выставки 1870 г. и данным русских источников. Маттей был настроен фритредерски, выступал за немедленную продажу в частные руки всех уральских казённых заводов[2].

Работы П. Туннера и Ф. Маттея долгое время оставались в западноевропейской литературе единственными трудами, в которых имелись заслуживающие доверия сведения об уральской металлургии и её кадрах.

Власти и официальная российская историография отрицали существование на Урале фабрично-заводского пролетариата, проповедовали идею о коренном отличии уральских рабочих от рабочих других промышленных районов России и Западной Европы, считали уральских рабочих чуждыми пролетарских интересов, безудержно приукрашивали их положение.

«Горнозаводские рабочие Урала, – заявил в 1881 г. директор Горного департамента Н. А. Иосса, – не представляют собой кочующего бездомного народа, подобно рабочим других местностей центральной и южной России, не представляют из себя толпы пролетариев, как в Западной Европе; большая часть из них имеют усадьбу и клочок земли под покосами и живут собственным хозяйством»[3].

Секретарь Совета съездов горнопромышленников Урала Н. П. Штейнфельд в 1897 г. писал: «Мы пробовали сопоставлять условия жизни и деятельности уральского мастерового с бытом фабричных не только в Западной Европе, но и в центральных губерниях … Нигде положение мастеровых не находится в столь сравнительно благоприятных условиях, как на Урале»[4].

Подобную точку зрения на уральских рабочих высказал в 1899 г. и Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский[5].

---

[1] *Tunner P.* Russlands Montan – Industrie insbesondere dessen Eisenwesen // Beleuchtet nach der Industrie-Aussteellung zu St. Petersburg und einer Bereisung der vorzuglichsten Huttenwerke des Urals im Jahre 1870. Leipzig, 1871. S. 5 – 6, 108 – 109; *Туннер П. фон*. Горнозаводская промышленность России и особенности её железного производства / Перевод с нем. СПб., 1872.

[2] *Matthai F.* Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und in ihrem gegenwartigen Zustande mit besonderer Berucksichtigung der allgemeinen rissischen Manufaktur – Ausstellung in Jahre 1870. Leipzig, 1873. Bd. 2. S. 1 – 117, 466.

[3] *Иосса Н. А.* Выступление в прениях по докладу Д. К. Чернова // Записки императорского русского технического общества. СПб., 1881. Т. 1. С. 59.

[4] *Штейнфельд Н. П.* К вопросу о развитии кустарных промыслов на Урале // Урал (Екатеринбург). 1897. 24 сентября. № 210. С. 2.

[5] *Боклевский П. П.* Перспективы Уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899. С. 15.

Историограф уральских горнозаводчиков В. Д. Белов в 1896 г. издал «Исторический очерк Уральских горных заводов». Он придерживался концепции, что горнозаводская промышленность была «искусственным образованием», навязанным правительством «сверху», отклонила «движение нашей промышленности от её естественного пути ради скорейшего достижения результатов, требовавшихся общей государственной политикой».

В угоду горнозаводчикам, стремившимся сохранить в своих руках обширнейшие земельные владения в сотни тысяч десятин и монопольное право на разработку земных недр, Белов отстаивал существовавшую на Урале с крепостнических времён заводско-окружную систему, якобы успешно обеспечивавшую производственный процесс внутренними ресурсами, хотя позднее был вынужден признать её кризисное состояние.

Белов утверждал, что уральские рабочие живут очень хорошо, намного лучше, чем западноевропейские рабочие или русские рабочие центральной России. Он заявил, что положение уральских рабочих по своему материальному уровню «исключительно» и «приближается только к мечтательным, утопическим системам западного социализма и коммунизма». Белов одобрял зависимость уральских рабочих от заводов, рисовал идиллическую картину «гармонии» интересов рабочих и заводовладельцев, восхвалял «великий принцип взаимной пользы», якобы связывавший «неразрывной связью» уральских рабочих со «своими» заводами и «своими заводовладельцами»[1].

В 80 – 90 г. XIX в. на Урале усилилось стачечное движение рабочих, в связи с проведением землеустроительных работ резко обострились отношения между заводчиками и горнозаводским населением, принявшие характер настоящей «аграрной войны». В. А. Весновский в 1897 г. опубликовал большую статью «Рабочий вопрос на Урале», в которой показал существование на Урале огромной безработицы, отметил низкий уровень заработной платы рабочих, недостаточность земельных наделов горнозаводского населения[2].

«Легальный марксист» М. И. Туган-Барановский в книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.), в противовес утверждениям народников о беспочвенности российского капитализма доказывал, что капитализм в России уже существует, имеет в стране подготовленную почву, он прогрессивен и исторически обусловлен. Автор уделил значительное внимание горнозаводскому Уралу, но тоже утверждал, что крупное производство в России возникло при Петре I «искусственно», преувеличивал социально-экономическую и техническую отсталость Урала в пореформенный период[3].

---

[1] *Белов В. Д.* Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 21,76 – 77.

[2] См.: *Весновский В. А.* Рабочий вопрос на Урале. Екатеринбург, 1897.

[3] См.: *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.

Значительный резонанс в демократических кругах вызвала работа В. Ильина (В. И. Ленина) «Развитие капитализма в России» (1899 г.)». Показав успешное развитие в стране в пореформенный период рыночных отношений, он охарактеризовал Урал как район с «оригинальным строем горнозаводской промышленности», сохранивший многочисленные остатки крепостничества.

Отметив техническую отсталость уральской горнозаводской промышленности, Ленин вместе с тем указал, что «в последнее время и Урал начинает преобразовываться под влиянием новых условий жизни», а, приведя статистические данные о выплавке чугуна в России и на Урале за 1867 – 1897 гг., заключил, что из них «ясно видно, какая техническая революция происходит в настоящее время в России». Возражая Белову, Ленин указал, что «великий принцип взаимной пользы» на деле был формой прикрепления уральских рабочих к заводам и средством снижения их заработной платы[1].

В конце XIX в. отчётливо обнаружилось, что уральская древесноугольная металлургия уже не могла успешно конкурировать с работавшими на каменноугольном топливе заводами Юга России, стала терять позиции на внутреннем рынке. В последние годы XIX в. по производству чёрных металлов Урал был оттеснён на второй план быстро развивавшимся Югом. На Урале сохранялось большое число мелких заводов с отсталой, устаревшей техникой.

Правительственные круги были обеспокоены упадком уральской металлургии. Министром финансов С. Ю. Витте, с задачей выяснить причины «уральской медлительности», в 1899 г. была послана на Урал экспедиция во главе с великим русским учёным, профессором Д. И. Менделеевым, которая объехала почти все уральские горные заводы и исследовала их состояние. Результаты обследования были изложены в опубликованной в 1900 г. книге «Уральская железоделательная промышленность в 1899 г.».

Отставание Урала, писал Менделеев, было вызвано не истощением его природных ресурсов, а тем, что «дела на Урале ведутся старыми приёмами». В качестве тормозящих развитие уральской металлургии явлений он отметил сохранение в регионе многочисленных остатков крепостничества, запутанность земельных отношений, отсутствие горной свободы, существование устаревшего посессионного права, монополию казны, феодальные привилегии горнозаводчиков. В запутанности аграрных отношений и земельной неурядице на Урале Менделеев увидел корни новой «пугачёвщины»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 487 – 490, 493 – 494.

[2] См.: *Менделеев Д. И.* Заключительная глава // Уральская железоделательная промышленность в 1899 г. / Под ред. Д. И. Менделеева. СПб., 1900.

В работах экономистов и статистиков получили значительное освещение вопросы о положении в регионе сельского хозяйства и крестьянства. В. В. Грибель и Е. И. Краснопёров, используя данные земской статистики, показали эволюцию землевладения в уральских губерниях, недостаточность крестьянских наделов, причины упадка, разорения и оскудения крестьянских хозяйств[1]. Л. П. Сабанеев и Н. В. Ремезов рассмотрели поземельное устройство нерусских народностей Урала. Ремезов описал разграбление башкирских земель, их расчистку и распашку для посева хлебов в Башкирии[2].

Интенсивно изучались кустарные промыслы. В работах Е. И. Краснопёрова, П. Н. Зверева, Н. Л. Скалозубова и В. Заварина показаны масштабы, характер и географическое размещение кустарных промыслов, использования в них наёмной рабочей силы, разорение кустарей фабрикой. Либеральные народники видели в кустарных промыслах и земельных наделах горнозаводского населения основы «народного производства», залог мирного, «некапиталистического» развития[3].

Развитие образования и периодической печати вызвали в обществе интерес к истории их возникновения в регионе. В. Н. Шишонко опубликовал материалы о развитии народного образования в Пермской губернии, В. Е. Игнатьев – в Оренбургском учебном округе[4].

Рост экономических и культурных связей с западноевропейскими странами, заключение военного союза с Францией, возрастание иностранных капиталовложений в российскую промышленность, транспорт и финансы, в конце XIX в. усилили внимание к Уралу западных историков и экономистов.

Людвиг Бек в четырёхтомном труде «История железа» уделил значительное место российской металлургии. Её возникновение он связывал с заграничной поездкой Петра I в 1697 – 1698 гг., во время которой царь посетил саксонские доменные заводы в Ильзенбурге и Фрейбурге и сделал вывод о необходимости создания металлургических заводов на богатом природными ресурсами Урале. Быстрое развитие уральской металлургии

[1] См.: *Грибель В.* Поземельная собственность в Пермской губернии на 1887 год. Пермь, 1886; *Краснопёров Е. И.* Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Пермь, 1881.

[2] См.: *Сабанеев Л.* Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873; *Ремезов Н. В.* Землевладение в Уфимской губернии // Записки Русского географического общества: Отделение статистики. Т. 6. СПб., 1889; *Он же*. Очерки из жизни дикой Башкирии: Быль в сказочной стране. М., 1889.

[3] См.: *Краснопёров Е. И.* Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 г. Вып. 1 – 3. Пермь, 1887 – 1889; *Зверев П. Н.* Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1889; *Скалозубов Н., Заварин В.* Кустарные промыслы в Красноуфимском уезде. Пермь, 1889.

[4] См.: *Шишонко В. Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879; *Игнатьев В. Е.* Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за 25-летие существования. Оренбург, 1901.

и горнорудного дела Бек объяснял экономической политикой российского правительства, поощрявшего экспорт железа в Западную Европу, преувеличивал роль в развитии уральской металлургии приглашенных на российскую службу иностранных специалистов, особенно немцев[1].

В 90-х гг. XIX в., в связи с обострением русско-германских политических и экономических отношений, достигшем высшей точки в «таможенной войне» 1893 г., тон немецкой историографии в освещении российской истории с объективно-доброжелательного сменился на критический.

Герхард фон Шульце-Геверниц (1899 г.) определил развитие России в конце 1880-х – начале 1890-х гг. как односторонний меркантилизм. Назвав Урал «старинным гнездом русской металлургии», он указал, что Уральская горнозаводская область страдает «недостатками исторического и естественного характера». К числу неблагоприятных условий Шульце-Геверниц отнёс гнездообразные, рассеянные в разных местах залежи железной руды, древесное топливо, разбросанность заводов на большом пространстве, во многих местностях – отсутствие железных дорог. Развитие промышленности в России и её перспективы он оценивал негативно, считал главным тормозом высокие таможенные тарифы и правительственные регламентации[2].

Во Франции изучение русской истории являлось традицией, но преобладали поверхностные работы, в которых Россия обычно изображалась большой, малонаселенной, отсталой страной. Анатоль Леруа-Болье в трёхтомном труде (1882 – 1886 гг.) представил Россию страной с редкими городами и слабой промышленностью, с рабочими, ведущими «кочевой образ жизни». Урал привлек его лишь как край, населённый раскольниками[3].

В 90-е гг. XIX в., после начавшегося дипломатического и военно-политического сближения между Францией и Россией, усилившимся притоком в Россию французского капитала, интерес к Уралу увеличился.

В фундаментальном труде французской историографии того времени – «Истории XIX века», вышедшем под редакцией Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо, утверждалось, что успехи в конце XIX в. русской металлургической промышленности, стимулируемые системой запретительных пошлин и открытием богатых залежей железа и угля на Юге России, «изумительны»[4].

В 1899 г. во Франции вышла книга М. Э. Верстрата «Урал». Автор был крупным финансистом, работал на Урале, а позднее был вице-председателем

---

[1] См.: *Beck L.* Die Geschichte des Eisens intechnischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. Braunschweig, 1893–1897. T. 1 – 4.

[2] *Schulze-Gavernitz G.* Volkwirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig, 1899. S. 291.

[3] См.: *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tsare les russes. Vol. 1–3. Paris, 1882 – 1886.

[4] История XIX века / Под ред. проф. *Э. Лависса* и *А. Рамбо* / Перевод с фр. яз. Изд. 2-е, дополненное и исправленное / Под ред. акад. *Е. В. Тарле*. Т. 7. М., 1939. С. 422.

Русско-Азиатского банка. Он дал статистико-экономический обзор основных отраслей и районов уральской горнометаллургической промышленности, привёл различные данные об уральских рабочих. Состояние уральской металлургии автор оценивал, в общем, оптимистично, но отметил ряд её особенностей и слабых сторон – недостаток транспортных средств, слабую механизацию работ, преобладание ручного труда.

Отдельную главу книги Верстрат посвятил рабочей силе. Он указал на сохранение полукрепостнических связей рабочих с заводами, недостаток квалифицированных кадров, многонациональный состав уральских рабочих, низкий уровень заработной платы. Он расхвалил деятельность на Урале французских акционерных обществ, утверждал, что французские акционерные общества обеспечили своим рабочим «комфортные условия»[1].

И. Машá, показав быстрое развитие русской металлургии в конце XIX в., назвал это «феноменом, вызванном высокими тарифами». Рост выплавки металлов в России, по его заявлению, содействовал «окончательному приходу её в первые ряды цивилизации». В будущем, по мнению И. Машá, от русской металлургии можно было «ожидать ещё больших успехов»[2].

В Англии в 1901 г. организаторами международной выставки в Глазго выпущен сборник «Россия», в котором давалась краткая характеристика основных промышленных районов страны, в том числе Урала. В сборнике указано, что Урал, занимавший до 1895 г. первое место в стране по выплавке чугуна, уступил его Югу России. Авторы, отметив, что в крае имелись огромные площади не тронутых лесов и была возможность использовать сибирский кокс, сделали вывод, что с введением удобных средств транспорта выплавка чугуна на Урале достигнет огромных размеров[3].

Нельзя не заметить, что если в немецкой литературе того времени преобладала критическая точка зрения, отсталость и нежизнеспособность уральской металлургии явно преувеличивались, то во французской и английской литературе, в странах-союзницах, состояние и перспективы уральской металлургии оценивались очень оптимистически.

В 1900 – 1903 гг. в России разразился жестокий экономический кризис, за которым последовала затяжная промышленная депрессия. В поисках выхода из экономического кризиса и депрессии уральские историки и экономисты собрали богатый фактический материал о состоянии уральской промышленности в конце XIX – начале XX вв. Представители горнозаводчиков – С. П. Фармаковский, В. Д. Белов и др. – тяжёлое положение уральской металлургии, её кризис и застой объясняли географическими, экономическими и юридическими причинами, оправдывали деятельность

[1] *Verstraete M.* L'Oural. Paris, 1899. P. 1 – 11.

[2] *Machat I.* Le developpementeconomique de la Russie. Paris, 1902. P. 177.

[3] Russia ist industries and trade. Issued by order of stat secretary *S.J. de Witte*. Glasgow, 1901. P. 1, 29 – 31, 81, 88, 100, 300 – 302.

горнозаводчиков, упрекали правительство за недостаточную финансовую поддержку горнозаводской промышленности[1].

А. Н. Митинский и И. Х. Озеров, командированные в 1908 г. на Урал депутатами Государственной Думы для выяснения причин кризисного состояния уральской металлургии, указывали в первую очередь на тормозящее влияние сохранявшихся в регионе пережитков крепостничества и монополию горнозаводчиков в горном деле, отсутствие на заводах специализации производства, нерентабельность казённых заводов, косность и консерватизм их администрации, устаревшее горное законодательство[2].

И. П. Гливиц в книге «Железная промышленность России» (1911 г.) на статистическом материале показал отставание Урала от Юга России по производительности заводов и энерговооружённости рабочих[3]. Однако многие исследователи не согласились с его выводами. Митинский писал: «…Говорить об отсталости уральской техники сравнительно с Югом на основании общих цифр нельзя. Отсталость есть, и довольно большая, но, не как правило. Техника уральских заводов на многих из них высока»[4].

В начале XX в. в промышленных кругах и периодической печати развернулись дискуссии о необходимости индустриализации страны. В 1906 г. в статье «Учение о промышленности» Д. И. Менделеев писал, что отрасли тяжёлой промышленности, производящие средства производства, явятся основой для мощного промышленного развития страны, в том числе для производства предметов потребления[5].

И. Х. Озеров в работах «Экономическая Россия и финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века» (1905 г.) и «Что делать?» (1913 г.) писал о невыгодности оставаться земледельческой страной, о преимуществах промышленно развитых стран, призывал «индустриализировать Россию», «индустриализировать общество», «индустриализировать характер населения», высказывался за проведение твёрдой протекционистской политики и широкое привлечение иностранных капиталов. Образцом для него были США, «американская деловитость» и «американская подвижность»[6].

М. И. Туган-Барановский, откликнувшийся на «веление времени» книгой «К лучшему будущему» (1912 г.), образцом считал США, которые благодаря быстрому росту промышленности и городского населения, мощно-

---

[1] См.: *Фармаковский С. П.* Кризис уральских горных заводов. СПб., 1908; *Он же.* Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909; *Белов В. Д.* Кризис уральских заводов. СПб., 1910.

[2] См.: *Митинский А. Н.* Горнозаводский Урал. СПб., 1909; *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910.

[3] *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 26.

[4] См.: *Гливиц И. П.* Железная промышленность России. СПб, 1911.

[5] *Митинский А. Н.* Горнозаводский Урал ... С. 137.

[6] *Менделеев Д. И.* Учение о промышленности (1906) // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. 20. М., 1949. С. 580.

му притоку европейских денег и потоку европейских эмигрантов спешно преобразовывались в промышленно развитую страну. Выход России из кризиса он видел в привлечении иностранных капиталов, без которых, по его мнению, было «нечего и думать» о развитии российской промышленности[1].

Предложения о массовом привлечении иностранного капитала совпадали с покупкой иностранцами на Урале в начале XX вв. целых горнозаводских округов и массовой скупкой золотых и платиновых приисков. Слухи о предстоящем объединении всех уральских заводов в трест встревожили уральскую общественность. Л. Е. Воеводин (1910 г.) считал, что проектируемый трест «будет не более, не менее, как подготовительной работой к переходу всего уральского горнозаводского дела в одни руки, к какому-нибудь американскому миллярдеру Моргану или что-нибудь в этом роде... Нельзя ли пристегнуть к этому ещё экстерриториальность, на тот случай, когда Урал сделается английской областью…»[2].

Подъем рабочего движения в конце XIX – начале XX в., революция 1905 – 1907 гг. заставили правительственные круги признать существование на Урале фабрично-заводского пролетариата. Официальная и либеральная историография усилили внимание к рабочему вопросу, но всячески замалчивали проявления классовой борьбы на уральских заводах и фабриках, обвиняли в конфликтах на предприятиях самих рабочих.

Л. Е. Воеводин сетовал, что «нынешние настроения в виде стачек и рабочих бунтов» мешают «гармонии» труда и капитала, выступал против «попустительства» рабочим[3]. И. Х. Озеров объяснял тяжелое положение уральских рабочих их некультурностью, пьянством, отсутствием у них «американской подвижности», неумением приспособиться к новым условиям, неэластичностью, их нежеланием «увеличить, поднять свой комфорт жизни»[4].

Подводя итог развитию дореволюционной российской историографии, следует сказать, что на изучении истории региона в тот период негативно сказывалось отсутствие на Урале профессиональных историков, академических учреждений, высших учебных заведений, история края нашла отражение, главным образом, в работах экономистов, публицистов, краеведов.

В период экономического кризиса 1900 – 1903 гг. и революции 1905 – 1907 гг. внимание зарубежной историографии к уральской металлургии ослабевает. Однако усилился интерес к рабочему и социал-

---

[1] *Озеров И. Х.* Экономическая Россия и финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. 3, 67; *Он же.* Что делать? М., 1913. С. 85, 86, 163, 236, 254, 337.

[2] *Туган-Барановский М. И.* К лучшему будущему. СПб., 1912. С. 147, 152, 202 – 204.

[3] *Воеводин Л. Е.* Урал и его горнозаводская производительность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 30, 154, 184.

[4] См.: *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910.

демократическому движению, проявилось стремление понять причины и характер рабочего движения[1].

В. В. Витчевский (1905 г.) одобрил российскую политику протекционизма, но критиковал «систему Витте» за то, что в России имеет место одностороннее развитие промышленности, в то время как сельское хозяйство находится в полном небрежении. Он считал, что русская металлургическая промышленность вступила в период затишья, впала в летаргию, а непродуктивность уральских металлургических заводов объясняется их приверженностью к отсталой технике. Новая промышленная эпоха в России, по его мнению, должна была освободить производство от государственной опеки, бюрократической регламентации и фискальных ограничений[2].

В Германии в начале XX в. действовали Объединение по изучению России (1903 – 1916 гг.) и созданное в 1913 г. Немецкое общество по изучению России, трансформировавшееся в Немецкое общество по изучению Восточной Европы – Остфоршунг (Ostforschung – изучение Востока). Представители этих обществ считали успехи в индустриальном развитии России искусственным порождением политики царского правительства, преувеличивали заслуги иностранного капитала и предпринимателей иностранного происхождения в развитии крупной промышленности в России.

«Остфоршер» Отто Хетч в книге об экономическом развитии России (1913 г., 1917 г.) называл российский капитализм «недоразвитым», одобрял «систему Витте», считал двигателями промышленного прогресса курс правительства на привлечение иностранного капитала, интенсивное железнодорожное строительство и таможенную политику. Другой «остфоршер» – Отто Гобель, тоже положительно оценивал «виттевскую индустриализацию» и её достижения в промышленном преобразовании России[3].

В консервативной западноевропейской и американской литературе преобладал взгляд на Урал как на промышленно отсталый регион. Американский историк-экономист Дж. Мэйвор в двухтомном исследова-

---

[1] См.: *Leites K.* Die streiks in Russland. Zurich, 1908; *Kulczycki Ludwig.* Geschichte der russischen Revolution. Einige autoris. Ubers aus dem Polnischen v. A. Schapire – Neurath. Von Beginn der soziaidemokratischen Bewegung bis zum Ausbruch der Unzufriedenheit in der rissischen Gesellschaft (1886–1900). Gotha, 1914. Bd. 3; *Rabinowitz S.* Zur Entwicklung der Arbeiterbewegung in Russland bis surgrossen Revolution von 1905. Berlin, 1914. S. 7, 19, 25, 73.

[2] См.: *Wittschewsky V.* RusslandsHandels – , Zoll – und Industriepolitik von Peter dem Grossenbis auf die Geganwart. Berlin, 1905; *Витчевский В.В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого и до наших дней / Перевод с нем. яз. СПб., 1909.

[3] *Hoetzsch O.*Russland: EineEinfuehrung auf Grund seiner Geschichte vomJapanischenbiszum Weltkrieg. Berlin, 1917. S. 72 – 77, 144 – 145, 191 – 193; *Goebel O.* Russische Industrie // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin; Leipzig, 1913. S. 171 – 202.

нии «Экономическая история России» (1914 г.) для подтверждения подобного негативного мнения привёл два факта: 1) стихийные рабочие выступления на Урале – массовый уход рабочих с заводов после отмены в 1861 г. крепостного права и 2) анархистские черты в уральском рабочем движении в период отступления революции в 1906 – 1907 гг.[1]

Раннесоветский период: 1917 – 1945 гг. Это период становления советской исторической науки, базирующейся на марксистской концепции исторического развития. Это период формирования «коммунистической науки» ещё непоследовательной, понимавшей многие проблемы примитивно, схематично, социологизированно («школа М. Н. Покровского»). Это период борьбы ее воспитанников против прежних исторических воззрений.

В 1918 г. экономист-профессор В. И. Гриневецкий в книге «Послевоенные перспективы русской промышленности», проанализировав состояние важнейших отраслей российской промышленности, их техническую оснащенность, финансовые и сырьевые ресурсы, обеспеченность административным и производственным персоналом, указав на возраставшее значение промышленного потенциала Урала, сделал вывод, что экономическое возрождение страны возможно лишь путём привлечения иностранных капиталов, что Россия в дальнейшем сохранит «сельскохозяйственный характер» и останется в роли «крупного мирового поставщика сырья»[2].

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., подошли к проблеме модернизации страны иначе. В. И. Ленин видел путь к социализму в переходе к крупному хозяйству, построенному на машинной индустрии, в подъеме тяжёлой индустрии, в опоре на собственные ресурсы[3]. Оппозиционеры (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Е. А. Преображенский и др.) связывали возможность построения социализма в стране с успехами мировой революции[4].

В первой половине 1920-х гг. в периодической печати, в историко-экономических работах, написанных экономистами и государственными деятелями оживлённо обсуждались вопросы о перспективах курса на индустриализацию, своевременности и закономерности перехода к ускоренному развитию промышленности, необходимости создания мощной тяжёлой промышленности.

---

[1] *Mavor J.* An economic History of Russia. Volume two industry and Revolution. London; Toronto, 1914. Vol. 2. P. 368 – 369, 400, 568 – 571.

[2] См.: *Гриневицкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1918.

[3] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 152, 188; Т. 40. С. 148, 155 – 156, 163, 187; Т. 42. С. 30, 153 – 154, 157 – 159, 339, 345; Т. 43. С. 382; Т. 52. С. 39.

[4] См.: Четырнадцатый съезд ВКП(б). 18 – 31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1925; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет. М., 1962.

Важное место в дискуссиях занимал вопрос о потенциале российской промышленности накануне Октябрьской революции 1917 г., о плацдарме, с которого надо было начинать широкую индустриализацию страны. В центре обсуждаемых проблем был вопрос о степени проникновения в Россию иностранного капитала, его роли и места в российской экономике.

В. С. Зив привел список акционерных компаний на Урале, показал участие иностранных капиталов в акционировании уральской металлургической промышленности. И. Ф. Гиндин и Е. А. Грановский исследовали проникновение в конце XIX – начале XX в. в уральскую горнозаводскую промышленность банковского капитала, показали установление финансовым капиталом контроля над уральской металлургической промышленностью[1]. В результате на Урале, отмечал Гиндин, произошла замена старых полуфеодальных владельцев-аристократов «передовыми финансово-капиталистическими группами»[2].

А. Д. Брейтерман в трехтомном труде осветил развитие медеплавильной промышленности в России и СССР с XVIII в. до 1920-х гг., показал формы участия и роль иностранного капитала в её развитии на Урале[3].

В 1920-х гг. появились крупные работы, посвящённые истории рабочего класса России – книги К. А. Пажитнова, М. С. Балабанова, Ю.И. Гессена. К. А. Пажитнов рассматривал положение рабочих с тред-юнионистской точки зрения, освещал его в отрыве от социально-экономического и политического развития региона. В работе М. С. Балабанова чувствуется влияние меньшевистских теорий об отсталости и неразвитости российского пролетариата. Ю. И. Гессен отметил существование пережитков крепостничества на Урале, прикрепление горнорабочих к заводам с помощью земельных наделов, но оценивал пролетариат только как страждущий, угнетённый класс[4].

Авторы работ по аграрной истории страны, в которых содержался материал о состоянии сельского хозяйства и положении крестьянства в уральских губерниях – П. Н. Першин, Н. П. Огановский и др., преувеличивали

---

[1] См.: *Зив В. С.* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917; *Гиндин И. Ф.* Банки и промышленность в России до 1917 года. М.; Л., 1927; *Грановский Е. А.* Монополистический капитализм в России. Л., 1929.

[2] *Гиндин И. Ф.* Банки и промышленность в России до 1917 года. С. 141.

[3] См.: *Брейтерман А. Д.* Медная промышленность дореволюционной России и мировой рынок. Ч. 1. Пг., 1922.; Ч. 2. Л., 1925; *Он же.* Медная промышленность СССР и мировой рынок. Ч. 3. Л., 1930.

[4] См.: *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. Т. 1–3. Л., 1924 – 1925; *Балабанов М. С.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1 – 3. М., 1923 – 1926.; *Гессен Ю.И.* История горнозаводских рабочих СССР. Т. 1 – 3. М., 1928 – 1929.

роль «торгового капитализма» и «жизненность» мелких крестьянских хозяйств[1].

А. А. Савич отметил неудачу проведения столыпинской аграрной реформы на Урале, где из общины вышли только 10,2 % крестьянских дворов с 5,7 % надельных земель. Он попытался дать общий обзор истории уральского крестьянства и его борьбы в XVIII – XX вв., но поскольку располагал лишь отрывочными фактами, не смог дать полной картины заселения Урала и эволюции уральского крестьянства, не выделял его из состава горнозаводского населения, не видел разницы между рабочими и крестьянскими волнениями[2].

В 1920-х гг. значительную работу по сбору, научной обработке и изданию материалов по истории Урала в конце XIX – начале XX вв. проделали Комиссия по исследованию истории труда в России, губернские бюро Комиссии по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарты), Общество историков-марксистов. В 1925 г., к 20-летию революции 1905 – 1907 гг., ими был подготовлен ряд сборников документов и воспоминаний, статей, содержавших материалы не только о революционных событиях, но и о положении рабочих и крестьян, их борьбе за экономические и политические права[3].

В 1927 г. издан сборник документов и материалов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», посвящённый рабочим Урала в период Первой мировой войны и революции 1917 г. В начале 1930-хгг. появились работы С. М. Петрова «Большевики Урала в революции 1905 – 1907 гг.» и Ф. П. Быстрых «Возникновение Уральской областной организации РСПРП(б)»[4].

В литературе 1920-х гг. широко распространился взгляд на уральских рабочих как «полурабочих-полукрестьянах». Развернулась дискуссия о

---

[1] См.: *Першин П. Н.* Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907 – 1916 гг. и судьбы во время революции (1917 – 1920 гг.). М., 1922; *Огановский Н. П.* Сельское хозяйство России в XX в. М., 1923.

[2] См.: *Савич А. А.* Прошлое Урала. Пермь, 1925; *Он же.* Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII – XX вв. М., 1931.

[3] См.: Борьба за власть. Т. 1 – 2. Пермь, 1923 – 1924.; Революционное прошлое. Уфа, 1923; *Кийков А.* Из былого Урала. Уфа, 1923; Былое Урала. № 1 – 4. Уфа, 1924.; Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе. Вып. 1. Нижний Тагил, 1925; 1905: Революционные события 1905 г. в г. Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925; 1905 г. в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925; 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925; Рабочие и крестьяне области в революции 1905 г. Ижевск, 1925; Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.: Сборник материалов и документов. Свердловск, 1926; Златоуст: Революционное движение 1896 – 1905 гг. Свердловск, 1926; *Лещинский Н.* Мотовилиха. Свердловск, 1926.

[4] См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции: В документах и материалах. Т. 1 – 3. Свердловск, 1927; *Петров С. М.* Большевики Урала в революции 1905 – 1907 гг. М.; Свердловск, 1931; *Быстрых Ф. П.* Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). М.; Свердловск, 1933.

социально-экономическом облике уральских рабочих и их поведении во время гражданской войны. Н. Е. Какурин, А. В. Голубев, И. Подшивалов, А. П. Таняев и др. неудачи советских войск на Урале в 1918 г., участие части уральских рабочих в гражданской войне на стороне белогвардейцев объясняли «неблагоприятным» социальным составом уральских рабочих, «двойственностью» их «бытового и психического состояния», их политической «неустойчивостью», «шатаньем» в переломные моменты, вследствие которых часть из них «колебнулась» в сторону контрреволюции[1].

Вопрос о социально-экономическом облике уральских рабочих стал предметом дискуссии, развернувшейся на совместном заседании исторической секции сессии Академии наук СССР и местного отделения Общества историков-марксистов в июне 1932 г. в г. Свердловске.

Выступивший с докладом С. Г. Томсинский заявил, что неправильно рассматривать рабочий класс дореволюционного Урала как единую массу и не замечать различных категорий рабочих, что на Урале наряду с полукрестьянами имелись широкие кадры чистых пролетариев. А. П. Таняев предложил разделить уральских рабочих на три группы: пришлых рабочих, которые, по его мнению, были «чистейшими пролетариями», цеховых рабочих, которые тоже были «рабочими без каких-либо оговорок», и вспомогательных рабочих, которых он характеризовал как рабочих с наделом.

С. М. Петров предложил отнести к первой группе мастеровых, которые порвали с землей, ко второй – мастеровых и вспомогательных рабочих, которые еще не порвали с землей, но основным источником существования имели работу на заводе. Ф. П. Быстрых считал, что пришлые рабочие и мастеровые были чистыми пролетариями, а часть вспомогательных рабочих к концу XIX в. тоже порвала связь с землей[2].

Однако дать объективное, научное решение вопроса участники дискуссии не смогли, так как не располагали достаточным статистическим и фактическим материалом. Для подтверждения своей точки зрения они ограничивались лишь бездоказательными схематическими соображениями.

В 1920-х гг. в советской исторической науке преобладало мнение М. Н. Покровского, что уральская горнозаводская промышленность была крепостнической[3]. Но не все историки были согласны с таким категорическим мнением, они указывали на крупные перемены в структуре уральской

---

[1] *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 1 – 2. М.; Л., 1925 – 1926.; *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале (1917 – 1918 гг.). М., 1925. С. 33 – 34; *Шатилова Т.* Из быта горнозаводского населения на Урале в начале 20-го столетия // Труд в России. 1925. № 1. С. 135; *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале (1918 – 1919 гг.). М; Свердловск, 1930. С. 10.

[2] Труды июньской 1932 г. сессии АН СССР: Проблемы Урало-Кузбасского комбината. Т.1. Л., 1932. С. 313, 323, 342 – 343, 335 – 336.

[3] См.: Крепостная мануфактура в России / Под общей ред. М.Н. Покровского. Ч. 1 – 5. М.; Л., 1930 – 1935.

горнозаводской промышленности в конце XIX – начале XX в. А. П. Таняев отметил, что проникавший из центра в промышленность региона банковский капитал «поднял... жизнеспособность и расширил в громадной степени возможности для быстрого подъема уральской металлургии», вследствие чего «уральские заводы постепенно стали приобретать совершенно новый тип»[1].

В начале 1930-х гг. произошло резкое изменение общей обстановки на «историческом фронте». Была осуждена «вульгаризаторская» «школа М. Н. Покровского» В общеобразовательных учреждениях и вузах введено преподавание истории как учебного предмета. Началась массовая подготовка профессиональных историков, что оказало благоприятное воздействие на изучение прошлого региона.

Обширный материал об уральской металлургии, металлургических заводах Урала содержали книга С. Г. Струмилина «Черная металлургия в России и в СССР» (1935 г.) и первый том энциклопедии «Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г.» (1937 г.), изданный Институтом истории науки и техники АН СССР под редакцией академика М. А. Павлова[2].

С. П. Сигов в «Очерках по истории горнозаводской промышленности Урала» (1936 г.) дал широкую картину развития уральской металлургии в XVIII – начале XX в. Две последние главы книги посвящены изменениям в заводском хозяйстве в период, предшествовавший Первой мировой войне и в годы войны и революции 1917 г. Автор пришел к выводу, что на Урале в начале XX в. произошло «утверждение крупного капитала», считал 1900 – 1903 гг. временем «крушения на Урале» «старого горнозаводского уклада»[3].

М. Ф. Злотников выдвинул проблему промышленного переворота. В статье «От мануфактуры к фабрике», написанной в 1941 г., он заявил, что промышленный переворот в России, начавшись в 30-х гг. XIX в., завершился в пореформенный период[4].

Научные сотрудники историко-бытового отдела Государственного Русского музея С. Киселевская и М. Крутиков провели этнографическое исследование дореволюционного быта и культуры рабочих Добрянского, Полазнинского и Нижнетагильского заводов. П. П. Бажов опубликовал очер-

---

[1] *Таняев А. П.* Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны //Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 1. С. XIII, XV.

[2] См.: *Струмилин С. Г.* Черная металлургия в России и СССР: Технический прогресс за 300 лет. М.; Л., 1935; Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г. Т. 1. / Под ред. акад. *М. А. Павлова*. М.; Л., 1937.

[3] *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 107.

[4] *Злотников М. Ф.* От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. 1946. № 11 – 12. С. 41.

ки по истории Сысертских заводов, познакомившие читателей с бытом уральских горнорабочих в конце XIX – начале XX вв.[1]

В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. исследование темы было свернуто. Все материальные и интеллектуальные силы страны, в том числе труды историков, были направлены на достижение победы над фашизмом. Главной темой работ историков стало патриотическое воспитание народа, мобилизация населения на защиту Родины.

В период между Первой и Второй мировыми войнами в зарубежной историографии интерес к проблемам социально-экономического развитии России и Урала в конце XIX – начале XX вв. устойчиво сохранялся лишь среди российских историков-эмигрантов, политизированные концепции которых обычно поддерживали американские и западноевропейские историки. В западноевропейской и американской литературе господствовала теория, согласно которой Октябрьская революция 1917 г. в России была обусловлена отсталостью экономики страны и незрелостью российского рабочего класса.

Типична для того времени капитальная «История России» (1933 г.), созданная совместным трудом столпов российской эмигрантской, французской и немецкой историографии – П. Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйземана, которые утверждали, что под сенью царизма в России успешно развивался капитализм, в том числе и на Урале. Признавая, что экономическая политика царского правительства была направлена исключительно на защиту интересов высших социальных слоев, особенно класса землевладельцев-помещиков, а «виттевская» индустриализация страны сопровождалась обнищанием рабочих и крестьян, авторы считали Октябрьскую революцию 1917 г. в России «случайной» и «ненужной», произошедшей в результате Первой мировой войны и ошибок царского и Временного правительств[2]. Эту концепцию поддерживали американские историки Дж. Мэйвор, М. Карпович, Дж. Вернадский и др.[3].

В Германии в период Веймарской республики историки-«остфоршунги», сотрудники Института по изучению Восточной Европы в Бреслау, пытались подойти к изучению экономической истории России и Октябрьской революции с объективных позиций, стремились выяснить ее социально-

---

[1] См.: *Киселевская С.* Пожевской завод. Добрянский завод // Государственный Русский музей: Записки историко-бытового отдела. Вып. 2. Л., 1932; *Крутиков М.* Из истории Нижнетагильского завода и быта его рабочих // Там же; *Бажов П. П.* Уральские были: Из недавнего быта Сысертских заводов. Екатеринбург, 1924; *Он же.* Малахитовая шкатулка. М., 1939.

[2] *Milioukov P., Seignobos* C, *Eisenmann L.* Histoire de Russie. Paris, 1933. T.III: Reformes, reaction, revolutions (1855 – 1932). P. 1016 – 1017, 1040.

[3] *Mavor I.* The Russian Revolution. N.Y., 1929. P. 35, 38; *Florinsky M.* The End of the Russian Empire. New Haven, 1931. P. 24; *Karpovich M.* Imperial Russia. N.Y., 1932. P. 94; *Vernadsky G.* The Russian Revolution, 1917 – 1931. N.Y., 1932. P. 15, 18.

экономические предпосылки, условия возникновения и развития российского рабочего класса, его революционности. По мнению О. Гёбеля и З. Келера, в начале XX в. Урал был одним из важных российских индустриальных центров, где на горных заводах и рудниках имелись настоящие фабрично-заводские рабочие, сыгравшие ведущую роль в революционных событиях 1917 г.[1].

Но в большинстве обобщающих работ, опубликованных в зарубежной литературе, события российской истории освещалось бегло и поверхностно. К. Штелин преувеличил технико-экономическую и культурную отсталость страны, утверждал, что уральские металлургические заводы имели небольшое производство с унаследованной от времен крепостного права расточительностью в использовании рабочей силы и отсталой техникой[2].

На исторических концепциях и политических позициях зарубежных авторов периода между двумя мировыми войнами сильно сказывались не только их политизированность и тенденциозность, но и слабость в то время культурно-экономических связей между СССР и западными странами.

Позднесоветскийпериод: 1946 – 1991 гг. После окончания Великой Отечественной войны внимание к истории Урала, ставшему в 1941 –1945 гг. «опорным краем державы», «арсеналом Победы», резко усилилось. Наметился переход от рассмотрения отдельных проблем и общих работ, составленных из фрагментарных материалов, к созданию капитальных комплексных трудов, основанных на широком круге источников. Вследствие бурного развития на Урале сети высших учебных заведений в регионе появился значительный отряд профессиональных историков, в том числе кандидатов и докторов наук. Повысился теоретико-методологический и методический уровень исторических работ, расширилось число исследуемых тем, что позволило непрерывно наращивать потенциал исторической науки.

Заметным явлением в научной жизни Урала стали проходившие в 1948 – 1952 гг. в Свердловске дискуссии на научных конференциях «Уральские чтения». На одном из чтений присутствовали известные московские историки – академик А. М. Панкратова и профессор Б. Б. Кафенгауз.

В центре дискуссий оказались вопросы о социальном облике уральских рабочих, их землевладении и землепользовании. Два ведущих уральских историка – Ф. С. Горовой (Пермь, Пермский ун-т) и Ф. П. Быстрых (Свердловск, Уральский ун-т), придерживались противоположных взгля-

---

[1] *Goebel O.* Entwicklungsgang der russischen Industrie – arbeiter bis zur ersten Revolution (1905). Leipzig; Berlin, 1920. S. VI, 1, 3 – 4, 44 (Osteuropa – Institut in Breslau. Quellen und Studien, abt. 1. Recht und Wirtschaft. Hf. 4); *Kohler S.* Die Russische Industrie – arbeiterschaft von 1905 – 1917. Leipzig; Berlin, 1921. S. V – VI, 6 – 7, 14, 105 – 106.

[2] См.: *Staehlin K.* Geschichte Russlands. Berlin. 1923 – 1939. Bd. 1–4.

дов. Быстрых настаивал на том, что большинство горнозаводских рабочих к концу XIX в. совершенно порвало с землёй. Горовой утверждал, что уральские рабочие не похожи на пролетариев центра, они занимались земледелием и работали на заводах, были привязаны к заводам, а «безземельные рабочие для Урала не характерны, и если на Урале имелись таковые, то только единицы»[1].

Дискуссии не привели к решению поставленных вопросов, но наметили направления дальнейших исследований по этой теме.

В 1963 – 1965 гг. Пермским университетом под редакцией Ф.С. Горового в виде пособия для студентов была издана в двух томах «История Урала», систематизировавшая основные сведения об истории края. (В 1976 – 1977 гг. она была переиздана под редакцией И. С. Капцуговича)[2].

Появились крупные работы по истории уральской металлургии. С. Г. Струмилин в своих трудах «История черной металлургии в СССР. Т. 1» (1954 г.) и «История чёрной металлургии в СССР» (1967 г.) исследовал развитие чёрной металлургии Урала в период капитализма (1861 – 1917 гг.), дал анализ её развития в тесной связи с состоянием экономики страны, показал экономические формы металлургического производства, стадии развития капиталистических отношений в металлургической промышленности, динамику технико-экономических показателей основных металлургических производств[3].

С. А. Залесский в 1950-х гг. опубликовал две большие обстоятельные статьи об уральской металлургии в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. По непонятным причинам, они были незамечены или сознательно проигнорированы уральскими историками[4].

В 1960 г. А. С. Осинцев в книге «Черная металлургия Урала», показывая технико-экономическую отсталость уральской металлургии в дореволюционный период, явно сгустил краски. Он утверждал, что «уральские заводы имели крайне отсталую технику и давали ничтожно малое количество металла», назвал применявшуюся на них технику «первобытно-кустарной»[5].

---

[1] *Кривоногов В. Я.* О научных конференциях «Уральские чтения» // Вопросы истории. 1953. № 1. С. 155 – 158.

[2] См.: История Урала / Отв. ред. *Ф. С. Горовой.* Т. 1 – 2. Пермь, 1963 – 1965; Изд. 2-е. / Отв. ред. *И. С. Капцугович*. Т. 1 – 2. Пермь, 1976 – 1977.

[3] См.: *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. Т.1. Феодальный период (1500 – 1860 гг.). М., 1954; *Он же*. Избранные произведения: История чёрной металлургии в СССР. М., 1967.

[4] См.: *Залесский С. А*. Чёрная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1956. № 55. С. 139 – 172; *Он же.* Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1959. № 65. С. 80 – 118.

[5] *Осинцев А. С.* Чёрная металлургия Урала. Свердловск, 1960. С. 11, 20.

М. П. Вяткин в монографии «Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 гг.», поставив своей целью показать, «как в условиях развивавшегося в стране капитализма преодолевались своеобразные черты военно-феодального империализма», исследовал производственную и финансово-экономическую деятельность казенных и частновладельческих уральских горных округов, процессы монополизации в уральской промышленности[1]. А. Л. Цукерник и Т. М. Китанина рассмотрели деятельность синдикатов «Продамета» и «Кровли»[2].

В. И. Бовыкин, исследуя историю зарождению финансового капитала в России показал пути и способы проникновения иностранного капитала в горнозаводскую промышленность Урала в 90-е гг. XIX в.[3] И. Ф. Гиндин, вопреки ранее высказанному мнению, заявил, что на Урале в начале XX в. остатки крепостничества упрочивались, консервировались, происходило «приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов»[4]. Развитие уральской медеплавильной промышленности с XVII до конца XIX в. рассмотрел А.В. Черноухов[5].

В 1970 – 1980-е гг. сформировалось несколько точек зрения на социально-экономическую структуру уральской горнозаводской промышленности второй половины XIX – начала XX в.:

1) была на 100% капиталистической (С. Г. Струмилин, И. С. Канцарин);

2) в целом капиталистической, происходило постепенное отмирание и вытеснение сохранившихся остатков крепостничества (В. И. Бовыкин, М. П. Вяткин, П. Г. Рындзюнский, Ю. А. Буранов, Д. В. Гаврилов);

3) в целом капиталистической, но сохранявшиеся в ней крепостнические пережитки не вытеснялись, а упрочивались, консервировались, происходило приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов (К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин);

4) представляла «крепостнический уклад» (В. В. Адамов)[6].

---

[1] См.: *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 гг. М.; Л. 1965.

[2] См.: *Цукерник А. Л.* К истории синдиката «Кровля» (О развитии металлургической промышленности Урала, 1907 – 1918 гг.) // Исторические записки. 1958. Т. 52. С. 112 – 141*; Китанина Т. М.* Синдикат «Кровля» в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.) // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX – начала XX в. М.; Л., 1964. С. 53 – 85.

[3] См.: *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *Он же.* Индустриальное развитие России в 1861 – 1917 гг. М., 1970.

[4] *Гиндин И. Ф.* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX века // Исторические записки. 1968. Т. 82. С. 121.

[5] См.: *Черноухов А. В*. История медеплавильной промышленности России. XVIII – XIX вв. Свердловск, 1988.

[6] *Гаврилов Д. В.* Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861 – 1917 гг.): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991. С. 50.

Крайние позиции, построенные на искусственно созданных социологических схемах и игнорировании конкретно-исторической действительности, не нашли поддержки у большинства историков. По мере накопления исторических фактов становилось все яснее, что в начале XX в. Урал не переживал период застоя и «консервации пережиточных явлений», а происходило перевооружение металлургии на более высокой технико-технологической базе, регион вступал в новый этап модернизации.

В 1950 – 1970-е гг. шли дискуссии о «промышленном перевороте» в уральской горнозаводской промышленности, однако проблема рассматривалась с узких позиций, не учитывались работы зарубежных историков.

В промышленной модернизации, происходившей на Урале в XIX – начале XX в., названной советскими историками «промышленным переворотом», большинство их видели социально-технический скачок, единовременный акт, связанный с определенными техническими открытиями, вызвавшими социальные перемены, а не одну из фаз развития человечества, продолжительный по времени глобальный процесс, захвативший определённую эпоху. Придерживаясь подобных предпосылок, они произвольно и противоречиво определяли характер, критерии и хронологические рамки «промышленного переворота».

С. Г. Струмилин, Н. М. Дружинин, В. К. Яцунский, В. Я. Кривоногов, Б. Л. Цыпин главными критериями «промышленного переворота» в уральской металлургии считали замену кричного горна пудлинговой печью, водяного колеса – паровой машиной и водяной турбиной. П. Г. Рындзюнский и М. И. Черныш в качестве основного критерия выдвигали введение бессемеровского и мартеновского способов выплавки стали.

Назывались и другие технические и производственные критерии: внедрение цилиндрических воздуходувок, горячее дутье, освоение тигельного производства, изменение планировки цехов и заводов, замена деревянных промышленных сооружений каменными и т.п.

Начало «промышленного переворота» в уральской металлургии относили к первой четверти XIX в. (Г. И. Осколков), к 1830-м гг. (М. Ф. Злотников), к 1840–1850-м гг. (С. Г. Струмилин, В. К. Яцунский, В. Я. Кривоногов), ко второй половине 1850-х гг. (П. Г. Рындзюнский), к 1860-м гг. (Б. Л. Цыпин).

Завершение промышленного переворота, по их мнению, произошло в 1860 г. (С. Г. Струмилин), к концу 1870-х – началу 1880-х гг. (П. Г. Рындзюнский), к 1890-м гг. (Г. И. Осколков, Б. Л. Цыпин), до 1917 г. (Ф. П. Быстрых)[1].

---

[1] *Гаврилов Д. В.* Промышленная революция XVIII – XIX вв. на Урале. Историография проблемы // *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII – XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 142 – 144.

Дискуссии и придумывание критериев промышленного переворота, не обоснованные доказательствами, оказались бесплодными и бесполезными, тема тогда не получила глубокого научного освещения и своего решения.

В послевоенный период по инициативе академика А. М. Панкратовой развернулось масштабное исследование дореволюционной истории рабочих и рабочего движения с систематическим обследованием центральных и местных архивов, с привлечением широкого круга историков и архивистов.

В 1950 – 1963 гг. под редакцией А. М. Панкратовой и Л. М. Иванова была опубликована серия сборников документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке», два последних тома которой – третий и четвёртый, содержат документы конца XIX в. (1885 – 1900 гг.). В 1960 г. был опубликован сборник документов «Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в., 1861 – 1904»[1].

Рабочему движению и положению рабочих на Урале были посвящены защищённые в 1950 – 1960-х гг. кандидатские диссертации В. Е. Четина, А. А. Мухина, А. А. Александрова, Д. В. Гаврилова, Т. К. Гуськовой, Ю. А. Буранова, Г. В. Калугиной[2]. А. Г. Рашин на статистическом материале проиллюстрировал особенности формирования пролетариата Урала[3].

В 1960-х гг. появилось «новое направление в советской исторической науке», возглавляемое московскими историками (К. Н. Тарновский, П. В. Волобуев и др.), которое в собственной интерпретации выдвинуло «теорию многоукладности», её основой было утверждение, что в дореволюционной России капиталистический уклад был не систематизирующим, а лишь одним из укладов в многоукладной экономике страны и, следовательно, Россия ещё не была капиталистической страной, в ней отсутствовали объективные предпосылки для социалистической революции[4].

«Новое направление» поддержала группа уральских историков во главе с заведующим кафедрой истории СССР Уральского государственного уни-

---

[1] См.: Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. док. и материалов / Под ред. *А. М. Панкратовой* и *Л. М. Иванова*. Т. I – IV. М., 1950 – 1963; Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в., 1861 – 1904: Сб. док. М.; Л., 1960.

[2] *См.: Четин В. Е.* Рабочее движение в Пермской губернии в 1861 – 1870 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; *Мухин А. А.* Рабочее движение в Вятской губернии в 1859 – 1883 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киров, 1954; *Александров А. А.* Ижевский завод (История): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955; *Гаврилов Д. В.* Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1963; *Гуськова Т. К.* Рабочие Урала в пореформенный период. 60 – 90-е гг. XIX в. (По материалам Нижнетагильского горнозаводского округа): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1964; *Буранов Ю. А.* Промышленность и рабочий класс Урала в 1890 – 1917 гг. (По материалам Богословского горнозаводского округа): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1967; *Калугина Г. В.* Положение и борьба горнозаводских рабочих Урала в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1969; и др.

[3] См.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958.

[4] См.: *Гаврилов Д. В.* Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы V региональной научной конференции. Екатеринбург, 2003. С. 5 – 22.

верситета (г. Свердловск) В. В. Адамовым. Ученый (а вслед за ним и его аспиранты Ю. А. Буранов, Т. К. Гуськова, Л. В. Ольховая) утверждал, что на Урале вплоть до 1917 г., существовал «крепостнический уклад»; особенности экономической и социокультурной жизни края, его «оригинальный строй» определяла «окружная система» организации горнозаводского хозяйства; мощь финансового капитала «переплеталась» с силой крепостничества, пережитки крепостничества консервировались; горнорабочие Урала, «взятые в целом» представляли собой «не пролетариат, а сословие крепостнического уклада», их положение находило «аналогию» не с пролетариатом Центра или Юга, а «с сельскохозяйственными рабочими»[1].

Воззрения Адамова, озвученные им на Всесоюзной научной сессии по проблеме «многоукладности», проходившей в 1969 г. в Свердловске, и опубликованные в 1972 г. в сборнике «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности», не встретили поддержки у большинства историков. Взгляды «новонаправленцев» и «школы Адамова» были подвергнуты критике в центральной и местной периодической печати[2]. Адамов признал ошибочность своей точки зрения, само «новое направление» вскоре исчезло с исторической сцены. Спустя полтора десятилетия, в период «перестройки», были предприняты попытки возродить его, но они оказались безуспешными[3].

Созданные на Урале в 1978 г. – Отдел истории Института экономики УНЦ АН СССР, в 1988 г. – Институт истории и археологии УрО АН СССР, развернули исторические исследования в более крупных масштабах и на более высоком научном уровне.

Ю. А. Буранов в монографии «Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861 – 1917)», проанализировав состояние и механизмы капиталистической перестройки уральских горнозаводских хозяйств, показал основные этапы акционерного процесса на Урале, раскрыл процесс подчинения уральских акционерных обществ финансовым капиталом, вытеснение им старых владельцев из уральской горнозаводской промышленности[4].

В 1985 г. Д. В. Гаврилов в монографии «Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861 – 1900 гг.» проследил количественные и качественные изменения в структуре рабочих кадров и динамику их жизнен-

---

[1] *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225 – 256; *Он же.* Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. Ч. 2. Одесса, 1967. С. 162.

[2] См.: *Минц И. И., Нечкина М. В., Черепнин Л. В.* Задачи советской исторической науки на современном этапе её развития // История СССР. 1973. № 5; *Быстрых Ф. П., Кривоногов В. Я.* За строгую научность и историческую правду // Уральский рабочий. 1973. 4 марта; и др.

[3] См.: *Гаврилов Д. В.* «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005.

[4] См.: *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982.

ного уровня. Он показал, что уже в конце XIX в. уральские рабочие в своей основной массе (70 – 90 %) не занимались обработкой земли, порвали с земледелием. На уральских заводах сложилась значительная группа рабочих (около 40 – 50 %), которые были полностью безземельными, были лишены средств к существованию, кроме собственных рук, или имели только огороды и покосы, являвшиеся слабым подспорьем к их низким зарплатам[1].

В 1950 – 1980-е гг. широкое распространение получило издание книг по истории уральских заводов. Коллективами заводов, с участием писателей и журналистов, редко – и историков, был собран значительный материал по истории предприятий, изданы книги и очерки по истории почти всех металлургических заводов региона[2].

Интенсивно развернулось изучение истории сельского хозяйства и крестьянства Урала. М. И. Черныш рассмотрел поземельное устройство крестьян, их землевладение и землепользование, расслоение крестьянства, роль промыслов, положение крестьянства, его борьбу за хозяйственную самостоятельность и за землю. Он пришел к выводу, что «преобладание в крае государственных крестьян ... обусловило в пермской деревне более свободное и более быстрое проникновение товарно-денежных отношений и, следовательно, более интенсивное разложение крестьянства»[3].

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период, эволюцию землевладения и землепользования, рост торгового земледелия, расслоение крестьянства рассмотрел Х. Ф. Усманов. Развитие хозяйства башкир, их переход от кочевого скотоводства к земледелию исследовал Р. Г. Кузеев. Аграрные отношения на территории Удмуртии изучил М. А. Садаков[4]. Проведение столыпинской аграрной реформы в уральских губерниях показали Л. И. Легошин, Х. Ф. Усманов, Н. Г. Луковников[5].

---

[1] *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861 – 1900 (Численность, состав, положение). М., 1985. С. 139.

[2] См.: *Рябинин Б. С.* Самый северный: Очерки по истории металлургического завода имени А.К. Серова. Свердловск, 1951; Ревдинские были: Из истории Ревдинского метизно-металлургического завода. Свердловск, 1960; *Мацеевич Б. Т.* Ровесник века: Из истории Златоустовского металлургического завода. Челябинск, 1971; *Шумилов Е. Ф.* Город на Иже: Историческая хроника с прологом и эпилогом. Ижевск. 1990; и др.

[3] См.: *Черныш М. И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; *Он же.* Пермское крестьянство в капиталистический период, 1861–1907 гг.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Пермь, 1973.

[4] См.: *Усманов Х. Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период, 60 – 90-е гг. XIX в. М., 1981; *Кузеев Р. Г.* Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. 1968. Т. 3; *Садаков М. А.* Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. 1974. Вып. 2.

[5] См.: *Луковников Н. Г.* Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии // Записки Удмуртского НИИ. Ижевск, 1954. Вып. 16; *Усманов Х. Ф.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958; *Легошин Л. И.* Столыпинская аграрная реформа и дальнейшее развитие сельского хозяйства // Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961.

Развитие торгового земледелия в Оренбургской губернии и социальную дифференциацию оренбургского казачества, процесс сосредоточения земли в руках богатых казаков, обнищание трудового казачества, рост среди казачества демократических и революционных настроений исследовали Л. А. Селивановская и Л. И. Футорянский. Крестьянскому движению в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. посвятила свои работы В. Г. Авдеева[1].

В 1950–1980-х гг. развернулось систематическое исследование культурного наследия последних дореволюционных десятилетий. Культуру и быт рабочих горнозаводского Урала конца XIX – начала XX вв. исследовали В. Ю. Крупянская и Н. С. Полищук. В исследование декоративно-прикладного искусства внёс большой вклад Б. В. Павловский. Архитектуре того времени посвятили свои работы Н. С. Алфёров, Л. П. Холодова[2].

В 1990 г. была издана коллективная монография «История Урала в период капитализма» (отв. редактор Д. В. Гаврилов) – фундаментальный труд, систематически и всесторонне осветивший процесс экономического, социального и социокультурного развития региона в 1861 – 1917 гг.[3]

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, расширение и укрепление позиций СССР на мировой арене в послевоенный период привлекли внимание зарубежной историографии к истории России и Урала. Для американской и западноевропейской общественности и американских и западноевропейских историков, воспитанных на мифе о традиционной отсталости России, победа СССР в Великой Отечественной войне явилась неожиданностью. Обратившись к выяснению причин военно-экономической мощи СССР, они вынуждены были признать экономическое превосходство советской промышленности над военной промышленностью гитлеровской Германии, большую роль Урала в достижении победы над фашизмом.

М. Т. Флоринский в книге «Россия: история и её интерпретация» (1955 г.) писал, что русская промышленность во второй половине XIX – начале XX в. достигла неуклонного, хотя и несколько неуравновешенного

---

[1] См.: *Селивановская Л. А.* К вопросу о развитии торгового земледелия в Оренбургской губернии в пореформенный период // Учён. зап. Оренбургского пед. ин-та, 1956. Вып. 6; *Футорянский Л. И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, март – октябрь 1917 г. Оренбург, 1972; *Авдеева В. Г.* Крестьянское движение в Вятской губернии в конце 70-х – 80-е гг. XIX в. // Некоторые вопросы истории классовой борьбы и дружбы народов. Киров, 1972.

[2] См.: *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971; *Павловский Б. В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. Свердловск, 1975; *Он же.* Художественный металл Урала. Свердловск, 1982; *Алфёров Н. С.* Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960; *Холодова Л. П.* Архитектура металлургических заводов Урала второй половины XIX – начала XX в. М., 1977; и др.

[3] См.: История Урала в период капитализма / Отв. ред. *Д. В. Гаврилов*. М., 1990.

прогресса. Тем не менее русский капитализм, «добросовестно вынянченный Витте» и «вскормленный иностранными вкладчиками», был «недоразвитым ребенком». Уральская металлургия в пореформенный период проходила болезненный процесс реорганизации. Только советская индустриализация 1930-х гг. позволила России создать мощный военно-промышленный потенциал[1].

Г. В. Вернадский в «Истории России» (1957 г.) признал недостатки и ошибки в промышленной политике царского правительства. Он писал, что процесс индустриализации, начавшийся в стране во второй половине XIX в., развивался успешно, захватил металлургическую промышленность, даже Урал. Однако были допущены крупные просчёты. Быстрое развитие промышленности сопровождалось формированием рабочего класса в таком масштабе, которого не знала раньше Россия. Царское правительство, искусственно тормозя развитие профессиональных союзов и вообще всяких организаций, «неосознанно ускоряло» создание нелегальных революционных организаций, что способствовало развитию в стране революционного движения[2].

С развёртыванием «холодной войны», обострением идеологической борьбы против Советского Союза, изучение на Западе российской истории приняло резко выраженный антисоветский характер. Произошел огромный рост численности советологов. Почти при всех американских и западноевропейских университетах были созданы хорошо финансируемые центры и фонды, занимавшиеся изучением российской и советской истории.

В 1950 – 1960-х гг. на Западе сформировалась «концепция тоталитаризма», которая приобрела важное значение в идеологическом обосновании «холодной войны» и стала на несколько десятилетий методологической основой изучения американскими и западноевропейскими историками советской истории. Западными историками был выдвинут ряд модернистских теорий, основанных на идее глобальности мирового исторического процесса.

По концепциям модернистов (Уолтер Ростоу, Сирил Блэк, Дж. Кларксон и др.) в конце XIX – начале XX вв. Россия переживала «стадию подъёма», «фазу трансформации», существовала возможность мирным путем перестроить страну по западноевропейскому образцу, но страна и, особенно, Урал, обременённый пережитками крепостничества, трудно поддавались модернизации. Металлургия, это «избалованное дитя» государства, особенно сконцентрированная на Урале, переживала тяжелый кризис.

[1] *Florinsky M. T.* Russia: A history and an interpretation. New York, 1955. Vol. 2. P. 929 – 930, 946, 1124, 1225, 1232.

[2] *Vernadsky G.* A History of Russia; Fourth edition, comp lately revised. London, 1957. P. 243, 245 – 246.

«Виттевская» модернизация потерпела неудачу, не достигла намеченных целей и была завершена в СССР большевиками в 1920 – 1930-х гг.[1]

Теодор фон Лауэ считал, что главная причина падения царизма в России заключалась в его неспособности осуществить быструю модернизацию страны для преодоления её отсталости, в частности модернизировать отсталую горнозаводскую промышленность Урала. Д. И. Менделеев, посланный в 1899 г. С. Ю. Витте на Урал, констатировал отсутствие надежд на возможность быстрой модернизации уральской металлургии. Вторжение «виттевской индустриализации» в архаичное русское общество привело его к расстройству, а неудача модернизации вызвала отвращение интеллигенции к капитализму, подвергла рабочих и крестьян в глубокое отчаяние и сделала их противниками царского режима[2].

Александр Гершенкрон писал, что отмена крепостного права в 1861 г. была «трагически запоздавшим актом», российская индустриализация могла отбросить «костыли правительственной поддержки», «в отсутствие войны Россия продолжала бы двигаться по пути интенсивной вестернизации», но этому помешала «каузальная цепь» несчастий, обрушившихся на Россию. Не будь модернизация прервана Первой мировой войной, Россия стала бы демократической страной, наподобие западноевропейских стран[3].

Ведущий западный советолог Эдвард Хэллет Карр[4] выступал против преувеличения итогов «виттевской» индустриализации. «Виттевская индустриализация», отмечал он, не могла дать серьёзных положительных результатов ввиду враждебного отношения к ней господствовавших в политической области землевладельцев. «Накопившееся напряжение, – писал Карр, – выплеснулось в результате неудач и унижений русско-японской войны. В первую русскую революцию 1905 года были вовлечены различные слои общества... Февральскую революцию вызвали те же причины, что и революцию 1905 года, однако теперь они усугубились усталостью

---

[1] *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambrige (Mass.), 1960. P. 4 – 7, 36 – 38, 59, 66, 99, 164; *Black C. E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative history. New York – Evanston; London, 1966. P. 6 – 7, 79 – 81, 90 – 94; *Clarkson J. D.* A History of Russia. New York, 1961. P. 6, 37, 122, 352 – 354, 402 – 403.

[2] *Laue T. von.* Of the Crisis in the Russian Policy // Essays in Russian and Soviet History: In Honor of Geroid Tanquary Robinson / Ed. by *John Shelton Curtiss*. New York, 1963. P. 311, 315; *Он же.* Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900 – 1930. New York, 1964. P. 224; *Он же.* Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York; London, 1963. P. 214, 236 – 237, 267.

[3] *Gerschenkron A*. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), 1962. P. 138 – 142; *Он же*. Europe in Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. Cambridge (Mfss. At the UR), 1970. P. 104 – 110.

[4] *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution, 1917 – 1923. Vol. 1 – 3. London, 1950 – 1953; *Он же.* Some Random Reflections on Soviet Industrialization // Socialism, Capitalism and Economic Growth. Essays presented to Maurice Dobb / Ed. by *S.H. Feinstein*. Cambridge (Mass.), 1967. P. 274, 282; *Карр Э. Х.* Русская революция от Ленина до Сталина, 1917 – 1929 / Перевод с англ. яз. М., 1990.

от войны и всеобщим разочарованием»[1]. Проведение советской индустриализации быстрыми темпами, осуществление крупных промышленных проектов, создание в восточных районах страны – на Урале и в Сибири, мощных предприятий тяжёлой промышленности Карр считал объективной необходимостью[2].

В ФРГ в 1950 – 1960 гг. среди представителей «остфоршунга» сформировалось «пессимистическое направление» (Ю. Нецольд, Д. Гайер, К. Функен, Х. Шерер и др.), представители которого отрицательно оценивали экономическую политику царского правительства в конце XIX – начале XX вв., заявляли о провале виттевской индустриализаторской стратегии, отмечали крайне медленное развитие уральской металлургии, акцентировали внимание на негативных сторонах деятельности монополистических объединений. По их мнению, несоответствие политики правительства потребностям дальнейшего экономического развития страны привело к свержению царского режима[3].

Примыкавший к «пессимистическому направлению» Х. Хауманн считал, что в России существовал особый тип «искалеченного капитализма», осложнённого государственно-монополистическими и пережиточными структурами. Он отмечал высокую степень монополизации в русской тяжёлой промышленности, активное участие государства в экономике, конкурентную борьбу между монополиями. Хауманн признавал достижения виттевской индустриализации, но указывал на её проблемы и незавершённость[4].

Не поддержал «пессимистов» Георг фон Раух, отметивший интенсивный рост экономики России в период, предшествовавший революции 1917 г.[5]

Роже Порталь, автор крупных исследований, посвященных горнозаводскому Уралу[6], в работе «Индустриальная Россия с 1881 до 1927 г.» (1960 г.) отмечал, что после отмены крепостного права индустриальное развитие России было значительно, особенно в 90-е гг. XIX в. Оно проходило при ак-

---

[1] *Карр Э. Х.* Русская революция от Ленина до Сталина ... С. 9.

[2] Там же. С. 160 – 161.

[3] См.: *Notzold J.* Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Russlands in der Ara Witte und Stolypin. Berlin, 1966; *Geyer D.* Russische Revolution. Stuttgart, 1868; *Funken K.* Die oekonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution: Zur Entwicklung des Kapitalimus in Russland. Frankfurt a. Main-Zurich, 1976; *Scherer H.* Der Aufbruch aus der Mangelgesellschaft: Die Industrialisierung Russlands unter dem Zarismus (1860 bis 1914). Giessen, 1985; а также: *Дорожкин А.Г.* Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004.

[4] *Haumann H.* Kapitalismus in zaristischen Staat: Organisationsformen, Machtverhaltnisse und Leistundsbilanz im Industrialisierungsprozess. Konigstein: Hain, 1980. S. 34 – 35, 67, 68 – 69, 197.

[5] См.: *Rauch G. von*. Zarenreich und Sowjetstaat im Spiegel der Geschichte. Frankfurt am Main; Zurich. Muster-Schmidt, 1980.

[6] *См.: Portal R.* L'Oural au XVIII siecle: Etude d'histoire economique et sociale. Paris, 1950.

тивном содействии царского правительства, желавшего сделать из России великую державу. Традиционные порядки в России оставались очень сильными во всех сферах жизни и тормозили экономическое развитие, особенно устойчивыми они были в металлургической промышленности Урала. Её механизация была запоздалой, уровень технических усовершенствований варьировал по районам и уменьшался с запада на восток.

В западных районах страны существовал настоящий промышленный пролетариат, тесно связанный с большевистской партией и В. И. Лениным, в восточных районах такового ещё не было. Русский рабочий ни по мышлению, ни по связям с деревней, ни по уровню образования не может быть сравнен с немецким и французским рабочим. Горнозаводский Урал, по мнению Р. Порталя, представлял район, в котором производственные центры крупной металлургии были рассеяны в лесистой местности, на очень обширных пространствах, где были редки большие города, а посёлки, разбросанные в лесах, формировали очень слабые по плотности индустриальные районы. Рабочее население частично сохраняло сельскохозяйственные занятия[1].

Постсоветский период: 1991 – 2017. «Перестройка» и рыночные реформы, распад СССР и крах КПСС, смена в стране общественно-политического строя, отказ от марксистской формационной схемы открыли новый этап в развитии российской исторической науки. В условиях утверждения свободы научных исследований для историков появилась перспектива для беспристрастного научного освещения исторического прошлого, для создания «обновлённой истории», соответствующей современному уровню развития гуманитарных наук, независимой от влияния властных и финансовых структур, свободной от конъюнктурщины, идеологических и политических догм.

Но этого не случилось. Резкого позитивного перелома в исторических исследованиях не произошло. Возникший в стране идеологический кризис привёл российских историков в 1990-х гг. к методологической беспомощности, моментальной, бездумной смене частью историков своих научных взглядов и представлений. Появилось большое число «либеральных» историков, писателей, журналистов, телеобозревателей, которые под предлогом ликвидации «белых» пятен, «борьбы за правду», соблюдение «общечеловеческих прав», путём извращения фактов, подлогов и передёргивания стали подгонять исторические события под «либеральные» социологические схемы.

Самый многочисленный и самый привилегированный отряд советских историков – историки КПСС, не только не пытались отстаивать свои научные позиции (в написанных ими трудах не всё было антинаучно), но в большинстве своём немедленно поменяли идеологические

[1] *Portal R.* La Russie Industrielle de 1881 a' 1927. Paris, 1960. P. 4 – 7, 21 – 23, 55, 67 – 68.

взгляды на противоположные, из пламенных коммунистов моментально превратились в антикоммунистов и ретивее самых радикальных демократов занялись «разоблачением» марксизма-ленинизма, «очернением» российской истории, «обличением» советской «официальной» исторической науки. Начался пересмотр характера и сущности советской индустриализации, которой стала даваться сугубо негативная оценка, стало утверждаться, что в годы первых пятилеток крупнейший индустриальный комплекс страны – Урал, «был создан за счёт обкрадывания, разорения народа, подавления и убийства массы людей»[1].

Вместе с тем, в те же годы были развёрнуты исследования по пересмотру с новых идеологических позиций социально-политических проблем, недостаточно изученных или односторонне излагавшихся в советское время. На научных конференциях «Взаимодействие технического и социально-экономического развития Урала» (1989 г.) и Ползуновских чтениях (1994 г.) был поставлен вопрос о пересмотре взглядов на «промышленный переворот» на Урале, предложены решения, которые ушли вперед по сравнению с оценками, дававшимися советской историографией 1950 – 1980-х гг.

Д. В. Гаврилов в ряде работ стал рассматривать трансформацию социально-экономической структуры уральской горнозаводской промышленности в конце XIX – начале XX вв. не как «промышленный переворот», а как одну из фаз всемирного модернизационного процесса. Началом складывания на Урале предпосылок промышленной революции был определён рубеж XVIII – XIX вв., началом промышленной революции в регионе – 40 – 50-е гг. XIX в., завершающим её этапом – 80 – 90-е гг. XIX – начало XX в., время полного осуществления основных процессов, составлявших технико-технологическое и экономическое содержание промышленной революции[2].

М. А. Фельдман, оставшийся на старых позициях, объявил о «переосмыслении» им проблемы «промышленного переворота на Урале» и выдвинул свою собственную, своеобразную периодизацию. Считая главным критерием «промышленного переворота» уровень энергетической мощности промышленных предприятий (а не внедрение системы машин, как это было в действительности), он стал утверждать, что «промышленный переворот» на Урале начался в конце XIX в., причем только на 8 предприятиях, а завершился «в конце 1930-х гг.»[3]

Выдвинутая М. А. Фельдманом, в духе представителей «нового направления советской исторической науки», социологическая схема оказа-

---

[1] *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 4 – 5.

[2] См.: *Гаврилов Д. В.* Промышленная революция XVIII – XIX в. на Урале // *Гаврилов Д. В.* Горнозаводский Урал XVII – XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 124 – 144.

[3] См.: *Фельдман М. А.* Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления (дискуссии и обсуждения) // Отечественная история. 2005. № 4. С. 167 – 178.

лась, на наш взгляд, искусственной, коренным образом расходящейся с реальной действительностью. Попытка исследователя создать «переосмысленную» концепцию «промышленного переворота на Урале» является по нашему мнению неудачной[1].

В. Я. Фирсов и В. Н. Мартынова в книге «Медь Урала» (1995) дали обстоятельную характеристику состояния уральской медной промышленности в конце XIX – начале XX вв.[2]. В. П. Тимошенко исследовал положение Урала в мирохозяйственных связях и внешнеэкономические факторы модернизации уральской металлургии[3].

В коллективной монографии «Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале» (1997 г.), подготовленной под руководством Д. В. Гаврилова, исследованы актуальные проблемы экологии региона, их возникновение и трансформация на протяжении нескольких эпох, взаимодействие техно- и биосферы, экологические последствия промышленного освоения края[4].

В 2001 г. к 300-летию уральской металлургии Институтом истории и археологии УрО РАН, с участием преподавателей вузов, при поддержке Союза металлургов предприятий металлургического комплекса Свердловской области, под руководством В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова, была издана энциклопедия «Металлургические заводы Урала XVII – XX вв. – фундаментальный свод современных знаний о всех металлургических заводах, когда-либо существовавших на территории Урала[5].

Академик РАН В. В. Алексеев выявил основные тенденции развития уральской металлургии, характерные для раннеиндустриальной модернизации[6]. Д. В. Гаврилов показал, что Урал в конце XIX – начале XX вв. переживал не упадок, а модернизационный взлёт. Здесь были созданы потенциальные возможности для перевооружения уральской металлургии на новой, более высокой технико-технологической базе, регион вступал в новый, более высокий по своему уровню этап модернизации[7].

---

[1] См.: *Гаврилов Д. В.* Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. 2007. № 1. С. 143 – 159.

[2] См.: *Фирсов В. Я., Мартынова В. Я.* Медь Урала. Екатеринбург, 1995.

[3] См.: *Тимошенко В. П.* Внешнеэкономические факторы модернизации хозяйства Урала на рубеже XIX –XX вв. // Уральский исторический вестник. 2000. № 5 – 6. С. 313 – 333.

[4] См.: Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале / Отв. редактор *Д.В. Гаврилов*. Екатеринбург, 1997.

[5] См.: Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.: Энциклопедия / Гл. редактор *В. В. Алексеев*. Екатеринбург, 2001.

[6] См.: *Алексеев В. В*. Уральская металлургия в условиях раннеиндустриальной модернизации // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 5 – 18.

[7] См.: *Гаврилов Д. В.* Модернизационные процессы в уральской металлургии в конце X1X – начале XX в. (1890 – 1917) // Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал. XVII – XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 320 – 381.

Итогом многолетних исследований истории уральской металлургии стал фундаментальный труд В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова «Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней» (2008 г.), в котором всесторонне рассмотрены основные аспекты развития уральской металлургии, в том числе на этапе раннеиндустриальной модернизации, исследованы процессы трансформации уральской металлургии, формирования её техносферы, энергетической и сырьевой базы, совершенствования технико-технологических основ, функционирования механизмов управления, дана концептуальная оценка места уральской металлургии в системе мирохозяйственных связей[1].

История уральских металлургических заводов, вклад в науку уральских учёных-металлургов в конце XIX – начале XX вв. нашли отражение в серии статей Д. В. Гаврилова, опубликованных в изданной РОССПЭН энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.»[2]

В книге И. В. Побережникова, Н. А. Миненко, С. В. Голиковой, показаны интеграция аграрного окружения в заводское производство, влияние горнозаводской промышленности на хозяйственный уклад уральской деревни, социально-культурные процессы в горнозаводском районе, происходившие под воздействием заводской среды[3]. Д. В. Гаврилов рассмотрел социально-экономическую политику правительства по аграрному вопросу на горнозаводском Урале и влияние модернизационных процессов на динамику землевладения и землепользования горнозаводского населения в конце XIX – начале XX в.[4]. Проблемы управления горнозаводской промышленностью Урала в XIX – начале XX в.исследовал Е. С. Тулисов[5].

Л. В. Сапоговская исследовала модели развития золотопромышленных компаний, Е. Ю. Рукосуев проанализировал законодательство о золотом промысле, показал развитие техники и технологий добычи золота и платины, привёл статистические данные о их добычев конце XIX – начале XX вв.[6]

---

[1] См.: *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В*. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М., 2008.

[2] См.: Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008 – 2009.

[3] См.: *Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина X1X в.). М., 2000.

[4] См.: *Гаврилов Д. В.* Социально-экономическая политика правительства по аграрному вопросу на горнозаводском Урале во второй половине X1X – начале XX вв. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской науч. конф. Екатеринбург, 2007. С. 122 – 136.

[5] См.: *Тулисов Е. С*. Система административных институтов и учреждений горного ведомства Урала в XVIII – начале XX в. // Металлургическая промышленность России XVIII – XX веков. Саранск; Екатеринбург, 2007. С. 143 – 193.

[6] См.: *Сапоговская Л. В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX – XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998; *Рукосуев Е.Ю.* Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX веков. Екатеринбург, 2004.

Усилилось внимание к истории предпринимательства, к коммерческой и общественной деятельности горнозаводчиков. В 2006 г., в связи с 350-летием Н. Д. Антуфьева-Демидова, была проведена международная конференция, посвящённая юбилейной дате, опубликован ряд работ, посвящённых династии Демидовых[1].

Опыт типологии хозяйствования уральских заводовладельцев предприняла Л. В. Сапоговская[2]. Участие горнозаводчиков в развитии заводского хозяйства и технической реконструкции предприятий, характер их взаимоотношений с рабочими исследовали: в Нижнетагильском округе – Т. К. Гуськова, в хозяйственном комплексе Абамелек-Лазаревых – А. С. Грузинов[3].

Состав уральских заводчиков, их «практики владения», их роль и место в развитии горнозаводской промышленности, реализацию ими функций владения и управления, деятельность правительственных комиссий и совещаний по подготовке проекта прекращения посессионных отношений рассмотрел Е. Г. Неклюдов[4]. С. Г. Шустов опубликовал монографию о Пермском нераздельном имении графов Строгановых, в которой исследовал процессы социально-экономической модернизации имения, подготовки и проведения реформы 1861 г., землеустройства бывших крепостных, социальные аспекты модернизационных процессов[5]. Предпринимательство в фабрично-заводской промышленности, особенно в винокурении и виноторговле Пермской губернии в конце XIX – начале XX в., исследовал В. П. Микитюк[6]. Накопленные материалы об уральских предпринимателях дали возможность издать справочник «Предприниматели Урала XVII – начала XX в.»[7]. Уровень жизни и потребления населения России

---

[1] *Гаврилов Д. В.* Бесценный вклад династии Демидовых // Уральский федеральный округ. 2006. № 5 – 6. С. 60 – 61; и др.

[2] См.: *Сапоговская Л. В.* «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины X1X – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19 – 34.

[3] См.: *Гуськова Т. К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине X1X – начале XX в.: Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; *Грузинов А.С.* Хозяйственный комплекс князей Абамелек – Лазаревых во второй половине X1X – начале XX в. М., 2009.

[4] См.: *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики во второй половине X1X – начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013; *Он же.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

[5] См.: *Шустов С. Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX вв. Пермь, 2008.

[6] См.: *Микитюк В. П.* Винокуры Пермской губернии: предпринимательство и общественная деятельность (вторая половина XIX – начало XX вв.). Екатеринбург, 2016.

[7] См.: Предприниматели Урала XVII – начала XX вв. Справочник / Авторы-составители: Е.Г. Неклюдов, Е. Ю. Рукосуев, Е. А. Курлаев, В. П. Микитюк. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. Уральские горнозаводчики.

и Урала в пореформенный и предреволюционный период исследовал С. А. Нефёдов [1].

В сборнике статей и документов «Урало-Кузбасс: от замысла к реализации» (2010 г.) даны анализ основных факторов и характеристика этапов разработки в конце XIX – начале XX вв. программы Урало-Кузбасса[2].

После большого перерыва возобновилось изучение истории рабочих Урала. В 2001 г. М. А. Фельдман опубликовал монографию «Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг.», в которой подверг комплексному анализу изменения численности и состава, профессиональной подготовки, общеобразовательного и культурного уровня, материально-бытовых условий жизни рабочих[3]. В 2004 – 2011 гг. исследователь в соавторстве с С. П. Постниковым издал еще несколько книг по рабочей тематике[4].

Значительные достижения были сделаны в изучении истории военного производства и военной промышленности. В книге «Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времён до наших дней» (2008 г., гл. редактор А. В. Сперанский) в главе «Арсенал Российской империи» (авторы – Д. В. Гаврилов, А. В. Жук, Е. Ю. Рукосуев, Г. Н. Шумкин) показаны история производства вооружений и функционирование предприятий военной промышленности на Урале в конце XIX – начале XX вв.[5]

Значительное место в исследованиях уральских историков на современном этапе заняли проблемы военных столкновений в которых участвовала Россия в начале XX века. В книге «Военная история Урала: События и люди» (2008 г., гл. редактор А. В. Сперанский) в главах «На Дальнем Востоке» и «Мировая бойня» (автор – Д. В. Гаврилов) исследована роль уральской военной промышленности в оснащении российской армии вооружениями в годы русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и Первой мировой войны 1914 – 1918 гг., участие в этих войнах сформированных на Урале воинских частей[6].

---

[1] См.: *Нефёдов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1. С. 73 – 86; *Он же.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 96 – 107.

[2] См.: Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: Сб. статей и док. Екатеринбург, 2010.

[3] См.: *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001.

[4] См.: *Фельдман М.А., Постников С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). Екатеринбург, 2006; *Они же.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. М., 2009; *Они же*. Власть и рабочие Урала в 1917 гг. Екатеринбург, 2011.

[5] См.: Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времён до наших дней / Под ред. *А.В. Сперанского*. Екатеринбург, 2008.

[6] См.: Военная история Урала: События и люди / Под ред. *А.В. Сперанского*. Екатеринбург, 2008.

Л. В. Ваганова и Е. Ю. Рукосуев изучили механизмы взаимодействия правительства и предпринимателей в годы Первой мировой войны [1]. А. В. Жук в монографии «Арсенал Первой мировой войны: Оборонная промышленность Урала в 1914 – 1918 гг.» исследовал комплекс промышленных предприятий, занятых в процессе военного производства в годы войны[2].

В изучение изменений в общественном сознании, ментальности масс в период Первой мировой войны значительный вклад внесла О. С. Поршнева. Историк глубоко проанализировала влияние участия России в войне на настроения и поведение различных слоев населения России, показала проявления патриотического подъема и роста самосознания, проследила эволюцию общественных настроений в контексте менявшейся конкретно-исторической ситуации[3].

Новый взгляд на военные события 1914 – 1918 гг. продемонстрировал А. В. Сперанский. В ряде научных статей характеризуя участия России в Первой мировой войне, он опровергает ранее сложившиеся мифы при определении ее характера, оценке хода военных действий, деятельности русских военачальников, руководства страной, поведения народных масс. Проводя исторические параллели между событиями 1914 – 1918 гг. и 1941 – 1945 гг., исследователь делает вывод о том, что военные действия России в Первую мировую войну носили в первую очередь национально-освободительный характер, что ставит их на уровень Отечественной войны[4]. Вводя в научный оборот малоизвестные факты об эвакуации на Урал промышленных предприятий, Д. В. Гаврилов также подвергает сомнению выводы советской историографии, акцентировавшей основное внимание на «империалистическом характере» этой войны и, выступая против конъ-

---

[1] См.: *Ваганова Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Екатеринбург, 2005.

[2] См.: *Жук А. В.* Арсенал Первой мировой войны: Оборонная промышленность Урала в 1914 – 1918 гг. М., 2014.

[3] См.: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Она же.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185 – 200; *Она же.* Ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце // Родина. 2014. № 11. С. 35 – 39; *Она же.* Региональный опыт взаимодействия участников общественной мобилизации в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) // Человек в условиях модернизации XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 149 – 156; *Она же.* Общественные настроения в уральских губерниях в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 гг.) // Великая война 1914 – 1918 гг. М., 2016. С. 31 – 44; и др.

[4] См.: *Сперанский А. В.* Вторая Отечественная война: мифы, реалии, исторические параллели // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 4. С. 20 – 26; *Он же.* Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014 . т. 14. № 4. С. 45 – 48; *Он же.* Отечество в опасности: мифы и реалии Первой мировой войны // Традиции российского патриотизма в историко-культурном наследии Первой мировой войны. Екатеринбург, 2014. С. 7 – 17.

юнктурного мифотворчества, предлагает реалистично и правдиво отражать ее события[1].

Историю формирования представительских организаций уральских предпринимателей – Съездов горно- и золотопромышленников Урала, анализ их структурно-образующих компонентов, функционирования, влияния на процесс социально-экономической модернизации уральской промышленности в конце XIX – начале XX вв. показал Е. Ю. Рукосуев[2].

Продолжилось издание научно-популярных книг по истории предприятий, возрос их научный уровень, к их написанию стали привлекаться квалифицированные историки и экономисты, руководители предприятий[3].

В области изучения аграрного сектора ярким научным явлением стала монография С.А. Пьянкова. Ученый подробно и глубоко исследовал крестьянские хозяйства Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. в совокупности их экономических и демографических характеристик[4].

Усилилось внимание историков к вопросам развития культуры конца XIX – начала XX вв. Расширилась проблематика, касающаяся вопросов духовной жизни общества. Исследовались вопросы развития грамотности и образования, культуры и быта населения, призрения детей и детской смертности, формирования гражданского общества, поиска новых идеалов, влияния на провинциальную культуру декадентских течений и т.п.[5]

---

[1] См.: *Гаврилов Д. В.* Эвакуация промышленных предприятий на Урал в годы Первой мировой войны (1915 – 1918 гг.) // Традиции российского патриотизма в историко-культурном наследии Первой мировой войны. Екатеринбург, 2014. С. 17 – 23.

[2] См.: *Рукосуев Е. Ю.* Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015.

[3] См.: *Васютинский В. Ф.* Хранители «старого соболя»: История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината. Свердловск, 1990; *Комратов Ю. С., Семенов И. Г., Устьянцев С. В., Хлопотов С. И.* Нижнетагильский металлургический завод XVIII – XX века. Екатеринбург, 1996; *Свистунов В. М.* История Каслинского завода, 1745 – 1900 гг. Челябинск, 1997; *Гуревич Ю. Г.* Златоустовская сталь. Екатеринбург, 2002; и др.

[4] См.: *Пьянков С. А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. Екатеринбург, 2015.

[5] См.: *Гаврилов Д. В.* Уральский «серебряный век» // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 82 – 88; *Он же.* Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в., 1885 – 1900 гг. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2; *Дашкевич Л. А.* Техническая интеллигенция горнозаводского Урала: XIX в. Екатеринбург, 2000; *Дашкевич Л. А., Голикова С. В.* Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013; *Голикова С. В.* «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2006; *Она же.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012; *Казакова-Апкаримова Е. Ю.* Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008; *Микитюк В. П., Яхно О. Н.* Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX – XX вв.: очерки городского быта. Екатеринбург, 2014; *Чагин Г. Н.* Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX в. Томск, 1991; *Яхно О. Н.* Российское общество начала XX столетия в поисках новых идеалов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Т. 2. Екатеринбург, 2009; *Она же.* Провинциальный город рубежа XIX – XX вв.: противоречивая повседневность. Saaabrucken, 2015; и др.

В 1990-е годы, в период «перестройки» и начала перехода к рыночным реформам, в средствах массовой информации дореволюционная Россия идеализировалась, изображалась процветающей, счастливой страной с довольным, послушным населением, боготворившим царя. (Триумфально по экранам прошёл фильм «Россия, которую мы потеряли»). Но прошло немного времени и взгляд на историю дореволюционной России в либеральных средствах массовой информации поменялся на противоположный. Оказалось, что вся история России, начиная со времён Ивана Грозного до Николая II, была кровавой, «ужасной и омерзительной». Это крайние точки зрения. Они базируются на политической конъюнктуре и не имеют ничего общего с подлинной историей нашей страны.

В действительности, как это убедительно показано российскими историками в трудах, проанализированных в нашем историографическом обзоре, Россия в конце XIX – начале XX вв., несмотря на сохранявшиеся остатки крепостничества, была великой державой, страной с рыночной экономикой и достаточно высоким уровнем развития капитализма. В тоже время, несмотря на крупные сдвиги в экономике, культуре и духовной жизни общества, по сравнению с индустриально развитыми странами, Россия оставалась страной бедной, на невысоком уровне находились образование и культура, общество было расколото, обременено острыми классовыми, социальными и политическими противоречиями.

Следует отметить, что объективно-умеренная позиция в оценках развития России рубежа XIX – XX вв. в последнее время стало преобладать и в трудах зарубежных историков. Характерна для нового времени книга известного американского учёного, видного специалиста по экономической истории России конца XIX – начала XX вв., профессора Хьюстонского университета (штат Техас) Пола Р. Грегори, который пришёл к выводу, что несмотря на то, что Россия по производству продукции на душу населения уступала промышленно развитым странам Западной Европы и США, тем не менее, уровень экономического развития России накануне Первой мировой войны был выше, чем это традиционно было принято считать на Западе, темпы экономического роста страны были сравнимы с темпами роста ведущих стран Запада, она была достаточно интегрирована в мировую рыночную экономику[1].

Американские и западноевропейские ученые стали более объективно оценивать и роль Урала в развитии страны в начале XX в., показывать его влияние на успехи российской индустриализации и модернизации, признавать вклад региона в достижении победы над фашистской Германией в годы Второй мировой войны[2].

[1] См.: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчёты и оценки / Перевод с англ. яз. М., 2003.

[2] См.: *Wight M.* Power Politics. London; New York, 1999; и др.

Сближение позиций способствовало возникновению диалога между российскими и западными учеными, установлению прямого контакта ними. В 1992 – 1998 гг. научными сотрудниками Института истории и археологии УрО РАН, Упсальского и Стокгольмского университетов (Швеция) был выполнен совместный российско-шведский проект «Железоделательное производство в России и Швеции: сравнительный анализ» (руководители проекта – академик РАН В. В. Алексеев и профессор Рольф Торстендаль). В ходе осуществления проекта были выявлены сходные черты и специфические особенности в историческом развитии Урала и Швеции, проявившиеся в разных подходах к размещению предприятий, обеспечению их рабочей силой, к контролю за качеством продукции, к управлению металлопромышленностью со стороны государственных властей.

По результатам исследований были опубликованы (на английском языке) монографии: «Производство железа в Швеции и России: обозрение социальной организации железоделательного производства до 1900 г.». (Упсала, Швеция. 1993), «Железоделательные сообщества: Раннее индустриальное развитие в Швеции и России, 1600 – 1900)» (Оксфорд, Англия. 1998) [1].

Одной из важнейших проблем истории Урала начала XX века являются события, связанные с революцией 1917 года. Они стали предметом исторического исследования сразу же, как только отгремели последние залпы кровопролитного социального противостояния.

Революционные события 1917 г. на Урале и связанная с ними трансформация всех сфер жизни общества первоначально рассматривались как некая прелюдия, своего рода подготовительный этап социалистической революции. Поэтому сюжеты, относящиеся к весне – осени 1917 г., как правило, были составной частью научных трудов, воссоздающих панораму более масштабных с точки зрения советской историографии событий – Октябрьской революции и Гражданской войны.

В советской историографии, согласно безраздельно господствовавшей историко-материалистической концепции, бурные политические события, происходившие на Урале с февраля по октябрь 1917 г., рассматривались как буржуазно-демократическая революция, результатом которой было возникновение феномена двоевластия (в лице комитетов общественной безопасности и советов с одной стороны и комиссаров Временного правительства – с другой), не получившего, в отличие от

[1] См.: Ironmaking in Sweden and Russia: A urvey of the social organisation of iron production beforte 1900. Uppsala, 1993; Iron - Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600 – 1900. Berghahn Books Providence. Oxford, 1998.

столицы, юридического оформления[1]. Содержанием противостояния различных политических сил в этот период, по мнению советских историков, была борьба партии большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и стремление их оппонентов воспрепятствовать этому.

В тесной взаимосвязи с политическими анализировались и процессы социокультурного развития региона. Основное внимание исследователей было сосредоточено на росте классового самосознания, профессионального, образовательного и культурного уровня рабочего класса, которому отводилась роль главной движущей силы общественного прогресса. Поэтому историография данного вопроса весьма обширна и включает в себя фундаментальные исследования разных лет, авторами которых являются В. В. Берви-Флеровский, Л. С. Гапоненко, В. Ю. Крупянская, К. А. Пажитнов, А. М. Панкратова, А. Г. Рашин, Г. А. Трукан и др. историки[2]. Гораздо более скромно представлены аналогичные исследования, касающиеся других социальных групп[3].

На постсоветском этапе развития отечественной историографии отличительной чертой исследований стал отказ от моноконцептуального подхода к историческому процессу. Историко-материалистическая парадигма утратила свои лидирующие позиции, уступив их модернизационной, что в значительной степени стало результатом новаторской деятельности уральской научной исторической школы, созданной и возглавляемой академи-

---

[1] См.: *Блинова Ю.* Классовая борьба на Урале: краевед. пособие для школ повышенного типа. М.; Свердловск, 1930; Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951; Очерки истории Башкирской АССР: в 2 т. Уфа, 1959; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958; *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году. М., 1964; *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966; *Адамов В. В.* Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале / Под ред. *Ф. П. Быстрых.* Свердловск, 1967; *Лисовский Н. К.* 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; *Быстрых Ф. П.* Победа Октябрьской социалистической революции на Урале // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет. Свердловск, 1968; Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1984; *Васьковский О. А., Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1985; История Урала в период капитализма. М., 1990; и др.

[2] См.: *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России. М., 1938; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; *Крупянская В. Ю.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. М., 1971; *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России: в 3 т. Л., 1924; *Панкратова А. М.* Рабочий класс. М., 1983; *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940; *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., 1975; Краткая история советского рабочего класса. М., 1968; Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989; Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966; и др.

[3] См.: *Дубровский С. М.* Крестьянство в 1917 г. М., 1927; *Шестаков А. В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М., 1927; *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988.

ком РАН В. В. Алексеевым. В постсоветские годы уральскими историками были опубликованы труды, в которых представлен новый взгляд на события 1917 г. в России – как на этап длительного процесса перехода от традиционного общества к индустриальному[1]. Кардинальное переосмысление революционных событий на Урале в 1917 г., начавшееся в 1990-е гг. в условиях крушения официальной советской идеологии и начала «архивной революции», продолжается и по настоящее время.

В постсоветский период появилась реальная возможность использовать широкий круг недоступных ранее исторических источников и новые методологические подходы, однако первоначально процесс пересмотра накопленных советской историографией оценок шел медленно и тяжело. По мнению специалиста в этой сфере исторических знаний М. А. Фельдмана, проанализировавшего общероссийскую и уральскую историографию Февральской революции за период 1987 – 2007 гг., для уральских историков была характерна замедленная реакция «на процессы, происходящие в отечественной и западной историографии»[2].

Еще более категоричное мнение высказывали известные историографы Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин, отметившие, что «уральские историки ничего не сделали в области изучения Февральской революции. Не появилось ни одной специальной монографической работы по данной проблеме, хотя она освещается на страницах обобщающих работ по истории Урала и в статьях на страницах некоторых региональных энциклопедий»[3].

Тем не менее, переосмысление событий 1917 г. как в России в целом, так и на Урале в частности, пусть медленно, но происходило. Постепенно, сначала на уровне статей появляются работы, дающие оценки февральско-мартовских событий 1917 г. на Урале с либеральных позиций. По мнению историков данного направления, по традиции продолжавшим оперировать понятием «Февральская революция», все антимонархические действия были вызваны кропотливой предварительной работой различных политических сил, чьи цели на определенном этапе в общих чертах совпали. По мнению Д. В. Бугрова и Н. Н. Попова, эти силы представляли

---

[1] См.: *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России. М., 2007; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006; Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв.: взаимодействие микро- и макропроцессов. Екатеринбург, 2011; и др.

[2] См.: *Фельдман М. А.* Структуры власти и рабочие на Урале к 1917 г. (историографический и исторический аспекты) // Вопросы управления. 2009. № 7. С. 103 – 107; Он же. Оценки Февральской революции в России и на Урале в историографии последних двух десятилетий // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 163 – 170.

[3] См.: *Заболотный Е.Б., Камынин В. Д.* Изучение истории Февральской революции 1917 г. в уральской исторической литературе // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Екатеринбург, 2007. С. 98 – 105.

собой большинство наиболее активного в политическом отношении населения, включая буржуазию, пролетариат, интеллигенцию, средние городские слои, к которым позже подключились крестьянские организации[1]. Таким образом, по мнению этих авторов, Февральская революция явилась результатом действия большинства демократических сил российского общества.

Обозначенные подходы Н. Н. Попов и Д. В. Бугров в дальнейшем развивают и в монографической работе[2], поставившей вопрос о причинах поражения Февральской революции. Говоря о причинах потери альтернативной возможности демократического развития страны, авторы писали, что кратковременный период свобод после Февральской революции «не мог ничего изменить в исторических корнях, в сознании народа, который по-прежнему ждал «сильной руки»[3]. Политическая победа большевиков, была обусловлена тем, что они смогли увлечь народ, «истосковавшийся по лучшей жизни не столько сказочным идеалом светлого будущего, сколько силой отрицания старого порядка»[4]. В целом, как отмечает Л. Я. Баранова, в исследованиях постсоветского периода прослеживается мнение, что вектор исторического развития страны, заданный революционными событиями 1917 г., был обусловлен социальной борьбой низов за выживание, резкой маргинализацией общества в условиях войны и революции[5].

Важным направлением исследований событий 1917 г. стало изучение процесса складывания новой системы власти на Урале после падения монархии в России. Эти вопросы поднимались как в научных статьях, так и в обобщающих исследованиях монографического и диссертационного характера. В статьях В. В. Московкина, Г. А. Дробышева, Н. Н. Попова внимание обращается на деятельность комитетов общественной безопасности, как новых органов управления на местах в условиях смены политического строя. Историки дают оценку политической сущности этих структур, тех политических сил, которые участвовали в их организации, показывают результаты их деятельности[6].

---

[1] *Бугров Д. В., Попов Н. Н.* Мартовский ветер свободы: Февральская революция на Урале // Лики времени: очерки русской истории. Вып. 1. Екатеринбург, 1992. С. 51.

[2] См.: *Бугров Д. В., Попов Н. Н.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.

[3] Там же. С.119.

[4] Там же. С. 122.

[5] См.: *Баранова Л. Я.* Солдатские массы в Революции 1917 г.: мифы и реальность (К 70-летию со дня рождения профессора Н. Н. Попова) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016.

[6] См.: *Московкин В. В.* Комитеты общественной безопасности на Урале и Западной Сибири // Словцовские чтения-99. Тюмень, 1999. С.14 – 15; *Дробышев Г. А., Попов Н. Н.* К вопросу о характере деятельности комитетов общественной безопасности на Урале в 1917 г. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 101 – 104;

Значительный прирост исторических знаний по этой проблеме произошел в ходе научно-практической конференции «Урал в истории России. 1917.», прошедшей в Перми в декабре 2007 г. и внесшей заметный вклад в изучение причин и последствий событий 1917 года на Урале[1]. Большая часть публикаций по итогам конференции была посвящена проблеме организации новых органов власти (КОБов, органов городского самоуправления, Советов), борьбе политических партий за влияние и власть в регионе[2]. Также авторы рассматривали проблему взаимоотношения власти и разных социальных слоев и групп населения[3]. Ряд статей был посвящен силовым структурам (правоохранительные органы, армия) в условиях революции[4], формированию и деятельности структур гражданского общества[5].

В последнее время интересные статьи о становлении и функционировании новой власти на Урале в 1917 г. подготовили и опубликовали Д. Ирвин и М. А. Фельдман. Американский специалист Д. Ирвин обратился к изучению деятельности органов государственной власти и местного самоу-

---

[1] См.: Урал в истории России. 1917. Первые пермские историко-архивные чтения. Пермь, 2007.

[2] См.: *Бушмаков А. В.* Февральская революция в Перми // Урал в истории России. 1917. Первые пермские историко-архивные чтения. Пермь, 2007. С. 39 – 42; *Васильева О. И.* Деятельность комитетов общественной безопасности в Сарапульском уезде в 1917 году (по материалам ЦГА УР) // Там же. С. 47 – 50; *Козельчук Т. В., Тершукова Е. В.* 1917 год в журналах органов Курганского городского самоуправления // Там же. С. 104 – 107; *Мамаев А. В.* Демократическое самоуправление г. Вятки в условиях общенационального кризиса (осень 1917 г.) // Там же. С. 108 – 111; *Обухов Л. А.* 1917 г. на Урале // Там же. С. 4 – 16; *Он же.* Власть Советов: реальность или миф? (октябрь 1917 – 1918 гг.) // Там же. С. 135 – 139; *Паздникова О. А.* Нытвенский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в период с 1917 по 1918 год // Там же. С. 144 – 148; *Селянинова Г. Д.* За что был арестован пермский губернатор // Там же. С. 157 – 162; *Старков В. И.* Борьба за политическую власть на Урале в феврале – октябре 1917 года // Там же. С. 177 – 181; *Ярома О. В.* Пермская городская дума с марта по май 1917 года: реорганизация и демократизация (по материалам губернской периодической печати) // Там же. С. 223 – 225.

[3] См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Власть и рабочие Урала в 1917 году (к постановке проблемы) // Урал в истории России. 1917. Первые пермские историко-архивные чтения. Пермь, 2007. С. 17 – 19; *Белослудцева В. В.* Мещане и «новая власть» // Там же. С. 33 – 35; *Шилова И. С.* Будни революционного насилия: мрачные реалии повседневной жизни интеллигенции // Там же. С. 210 – 212.

[4] См.: *Ивашкевич В. В.* Пермский гарнизон в 1917 году // Урал в истории России. 1917. Первые пермские историко-архивные чтения. Пермь, 2007. С. 73 – 76; *Кобелева Е. А.* Влияние Октября 1917 года на систему государственной безопасности (на примере Пермской губернии) // Там же. С. 100 – 103; *Попп И. А.* Возрождение мировой юстиции в Пермской губернии в 1917 году: организационный аспект // Там же. С. 149 – 153; *Софьин Д. М.* Пермское губернское жандармское управление и Февральская революция 1917 года // Там же. С. 171 – 176.

[5] См.: *Дерюшева М. А.* Некоторые аспекты деятельности благотворительных учреждений Пермской губернии в 1917 году // Урал в истории России. 1917. Первые пермские историко-архивные чтения. Пермь, 2007. С. 65 – 72; *Кальсина А. А.* 1917 год. Педагогическая революция в Перми // Там же. С. 89 – 92; *Мурсалимов Г. С.* Профсоюзы Прикамья в 1917 году // Там же. С. 120 – 123.

правления в Екатеринбурге после Февральской революции. В центре внимания историка оказалась проблема подержания «порядка» и стабильности в условиях социально-политических потрясений, причины возникновения «беспорядка», борьба представителей Временного правительства с его проявлениями, в т.ч. с помощью репрессивных мер. Он приходит к выводу, что неспособность либеральных структур эффективно обеспечить порядок на местном уровне способствовала политической радикализации[1]. М. А. Фельдман, характеризуя местную систему власти в этот период, отметил, что структурная разнородность системы управления в уральских губерниях дополнялась разнородностью социальной и партийной[2].

Государственное строительство на Урале, осуществляемое в ходе революционного процесса 1917 года, предстает главным объектом исследования в монографиях Л. А. Обухова, В. С. Кобзова, Е. П. Сичинского[3]. В частности, Л. А. Обухов, анализируя альтернативы исторического развития отмечает, что осенью 1917 г. было несколько вариантов выхода из кризиса, в том числе и установление военной диктатуры[4]. Оценивая политику большевиков в послеоктябрьский период, он отмечает, что ее сильной стороной являлась идея создания однородного социалистического правительства. Вину за провал этой идеи Л. А. Обухов возлагает на лидеров меньшевиков и эсеров, которые «предпочли сотрудничество с кадетами», полагая, что именно этот политический союз способен вывести страну из кризиса[5].

В монографической работе В. В. Московкина достаточно подробно рассмотрено политическое противоборство политических сил на Урале в период от Февральской революции до октября 1917 г.[6] Историк показывает процесс формирования новой системы управления после Февральской революции, останавливается на проблеме формирования параллельных структур управления на местах, на роли КОБов и их взаимоотношениях с Советами. Относительно октябрьских событий В. В. Московкин анализирует деятельность уральских большевиков по захвату власти и противодействие этому со стороны антибольшевистских сил. Рассматривает первые действия большевистской власти, связанные с национализацией бан-

---

[1] См.: *Ирвин Д.* Либеральный порядок социальный «беспорядок»: власть в Екатеринбурге в условиях Февральской революции // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 311 – 321.

[2] См.: *Фельдман М. А.* Становление властных структур на Урале весной 1917 г.: современные подходы // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 144 – 158.

[3] См.: *Обухов Л. А.* Советы Урала в 1917 г. Пермь, 1992; *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Государственное строительство на Урале в 1917 – 1921 гг. Челябинск, 1997.

[4] *Обухов Л. А.* Советы Урала в 1917 году ... С. 55.

[5] Там же. С. 127.

[6] См.: *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917 – 1921 гг.). Тюмень, 1999.

ков и промышленных предприятий. Историк приходит к выводу, что «затянувшийся процесс взятия власти означал, […] что Октябрь в отличие от Февраля 1917 г. не выражал интересов большинства населения страны»[1].

Становление системы новых органов власти в 1917 г. в Пермской губернии рассматривается в диссертации Ю. М. Яркова[2]. Автор на основе большого количества архивных источников анализирует институты государственной власти в Пермской губернии, их взаимодействие с обществом и центральной властью. Специальное внимание уделено новым массовым общественным организациям, таким как КОБы, Советы, Крестьянский союз. Немалое место занимает в диссертации Яркова рассмотрение деятельности земств и городских дум губернии.

Трансформация системы местного самоуправления в Пермской губернии в революционный период проанализирована в диссертационном исследовании и ряде публикаций В. И. Тетерина. В работах этого автора рассмотрены процессы демократизации органов местного самоуправления в Пермской губернии весной – летом 1917 г., выборные кампании партий летом – осенью 1917 г., показаны структурные изменения в органах местного самоуправления в результате выборов. Рассматривая перипетии партийной борьбы, ученый отметил, что состав органов местного самоуправления в рассматриваемый период значительно расширился за счёт представителей социалистических сил. В исследованиях историка отражено противостояние органов местного самоуправления и большевиков в период установления их власти в Пермской губернии в ноябре 1917 – апреле 1918 г. Одной из причин победы большевиков, по мнению автора, стало то, что за короткий период самостоятельной деятельности, с марта 1917 г. по март 1918 г., земство и городские думы так и не сумели выстроить слаженно функционирующую систему управления[3].

Система функционирования института комиссаров Временного правительства на Урале оказалась в сфере научных интересов А. А. Пысина. В ряде статей исследователь, отметив слабую изученность этой темы в советской историографии, уделявшей основное внимание Советам, рассмотрел деятельность уездных комиссаров Пермской губернии, систему назначения и выборов этих представителей Временного правительства на местах, разногласия и конфликты, возникавшие с другими институтами

---

[1] См.: *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917 – 1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 108.

[2] См.: *Ярков Ю. М.* Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург. 2000.

[3] См.: *Тетерин В. И.* Земское самоуправление и вопросы политического воспитания граждан в условиях революции 1917 г. (на материалах Пермской губернии) // Омский научный вестник. 2013. № 2. С. 49 – 52; *Он же.* Трансформация системы местного самоуправления Пермской губернии в условиях революции (март 1917 – апрель 1918 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2016; и др.

власти и общественными организациями (Советы, КоБы). Он пришел к выводу, что «складывавшаяся сложная система взаимоотношений между комиссарами и общественными организациями давала широкие возможности для создания новых отношений между местными органами власти и местным обществом». Исследователь подверг ревизии тезис советской историографии о возникновении «двоевластия» после Февральской революции. По его мнению, никакого реального «двоевластия» или «многовластия» в губернии до октября 1917 г. не было, а тезис советских историков о «триумфальном шествии» Советской власти в Пермской губернии не соответствовал действительности[1].

Определяющую роль при создании новой структуры управления и использования ее в своих политических интересах имела расстановка политических сил, постоянно менявшаяся в ходе событий 1917 года в ходе противоборства различных партий, стремившихся к установлению власти. Поэтому не случайно уральские историки много места в своих исследованиях отводят характеристике деятельности партий на политической сцене постмонархического пространства России, вопросам межпартийной борьбы за власть, попыткам объяснения победы большевиков.

В этом ракурсе наибольший интерес представляют исторические исследования И. В. Шведова, который в своей диссертации, используя новые источники, показал политическую расстановку сил на Урале в период Февральской революции и борьбу общественных организаций и партий за влияние над армией и массами, раскрыл социально-экономическую политику большевиков в первые месяцы после прихода к власти[2].

Внимание привлекают и научные изыскания, касающиеся деятельности отдельных партий. Появляются исследования, в которых историки стремятся дать новую оценку роли и места социалистических партий в революционном процессе на Урале. В диссертационной работе А. А. Кононенко рассмотрена история партии эсеров в период революции и гражданской войны[3]. В центре исследовательского интереса С. Л. Бехтерева оказалась история одной из малоисследованных неонароднических организаций – Союза социалистов-революционеров максималистов[4]. В работе значитель-

---

[1] См.: *Пысин А. А.* Городской комиссар Временного правительства в Екатеринбурге // Восьмые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2010. С. 313 – 316; *Он же.* Уездные комиссары Временного правительства в Пермской губернии весной 1917 г. // Россия и мир в конце XIX – начале XX века. Пермь, 2012. С. 138 – 144; *Он же.* Институт комиссаров Временного правительства в Пермской губернии // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. М., 2013. С. 345 – 348.

[2] См.: *Шведов И. В.* Политическое и военное противостояние на Урале в 1917 – 1921 гг.: региональная специфика: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2016.

[3] См.: *Кононенко А. А.* Эсеры на Урале в 1917-1919 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994.

[4] См.: *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997.

ное место уделено возникновению этой организации в Удмуртии и ее деятельности в период революционного подъема 1917 г. Отмечается, что взгляды эсеров-максималистов были «достаточно влиятельными в рабочей среде», указываются причины такой популярности левых радикалов[1]. Автор проследил эволюцию политической позиции эсеров-максималистов от абсолютной поддержки власти большевиков осенью 1917 г. до конфликта с ними весной 1918 г. почти переросшего в вооруженное противостояние, отметив, что причиной конфликта стала узурпация власти большевиками[2].

Е. Б. Сергеева в условиях идеологической свободы постаралась, опираясь на новые архивные источники и периодическую печать партии меньшевиков, дать объективную оценку истории уральских меньшевистских организаций в 1917 г.[3] Она показала место меньшевистских организаций в политической жизни Урала в период революционных событий, отметила несостоятельность позиции советской историографии о незначительной роли меньшевиков в регионе, указав на то, что в первые месяцы после Февральской революции меньшевики обладали значительным влиянием на Урале[4]. В работе затрагиваются вопросы численности, состава местных меньшевистских организаций, рассмотрена практическая деятельность меньшевиков на местах, причины эволюции их программных установок. По мнению автора, причиной разрыва с большевиками стали «существенные расхождения в стратегии и тактике»[5]. Потерю популярности меньшевиками, как сторонников реформизма, Е. Б. Сергеева связывает с усилением радикализации масс к осени 1917 г. События октября 1917 г. меньшевики восприняли как узурпацию власти большевиками, а разгон Учредительного собрания как удар по основам демократии[6].

В статье О. С. Поршневой анализируются позиции разных политических партий и социальных групп на Урале в отношении заключения Брестского мира большевиками[7]. Отмечается, что после прихода к власти большевиков на Урале развернулась ожесточенная политическая и идейная борьба по вопросам, войны, мира и революции. Ее острота была обусловлена значительным влиянием противников большевиков в регионе, настаивавших на продолжении революционной войны с Германией[8].

---

[1] См.: *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 43.

[2] Там же. С. 68 – 69.

[3] См.: *Сергеева Е. Б.* Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917-1924 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996.

[4] Там же. С. 14.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 15 – 16.

[7] См.: *Поршнева О. С.* Война или мир? Идейная борьба вокруг Брестского мира в ноябре 1917 – марте 1918 г. (на материалах Урала) // Урал в событиях 1917 – 1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 47 – 55.

[8] Там же. С. 49, 51, 52, 54.

В дальнейшем этот исторический сюжет исследовательница масштабно развивает в своей монографии, где очень подробно показывает эволюцию мнений и настроений различных групп населения, политических партий и общественных институтов на Урале по вопросу войны и мира. В итоге ученый делает вывод, что рост популярности большевиков и левых эсеров осенью 1917 г. среди рабочих, крестьян и солдат был вызван усталостью от войны и убеждением, что «переход власти к советам гарантирует долгожданный мир, единственным препятствием к которому является власть буржуазии в лице Временного правительства»[1].

Характеризуя деятельность той или иной партии противоборствующей большевикам в ходе политической борьбы, авторы называют причины их поражения, но комплексная попытка ответа в их рассуждениях ускользает. В этой связи привлекают внимание исследования П. И. Костогрызова, в обстоятельной статье которого представлена реальная картина послеоктябрьской политической жизни во многих уральских городах и рабочих поселках. Выявляя характерные черты антибольшевистского сопротивления, историк указывает на то, что, захват большевиками власти на Урале встретил серьезное противодействие. «Его формы и интенсивность варьировались в зависимости от соотношения сил в каждом конкретном случае – от отказа сотрудничать с новой властью до вооруженных сопротивлений». Причины поражения антибольшевистского сопротивления П. И. Костогрызов видит в «его неорганизованности, раздробленности и оборонительном характере»[2]. Нам представляется, что к этим выводам исследователя стоит добавить еще решительность и целеустремленность большевиков, по мнению известного теоретика тоталитаризма А. В. Бакунина, с первых дней взявших курс на однопартийную систему с целью утверждения в стране диктатуры[3].

Очень актуален в современных исследованиях событий 1917 г. вопрос о движущих силах революционного процесса. Роль гегемона, безоговорочно отданная рабочему классу марксистской историографией советского периода, в нынешних условиях подвергается серьезному сомнению. Особенно рельефно эта позиция проявляется в исследованиях М. А. Фельдмана, рассматривающих общетеоретические вопросы, связанные с содержанием, характером и движущими силами революции 1917

---

[1] См.: *Поршнева О. С.* Урал в годы Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества. Екатеринбург, 2014. С. 98 – 124.

[2] См.: *Костогрызов П. И.* Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале (октябрь 1917–март 1918 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 32 – 46.

[3] *Бакунин А. В.* Советский тоталитаризм: генезис, эволюция, крушение. Екатеринбург, 1993. С. 10.

года. Значительное внимание в его работах, посвященных событиям 1917 г. уделяется роли и месту в них уральских рабочих[1].

В монографии М. А. Фельдмана «Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг.» (2001 г.) положению пролетариата Урала в период революционных потрясений посвящена целая глава. В ней он анализирует изменение трудового законодательства Временным правительством в пользу рабочих, показывает на примере Урала, что инициатива в этом вопросе была в итоге перехвачена левыми партиями[2]. Дается критическая оценка политики большевиков в рабочем вопросе, основное противоречие которой заключалось в том, что «гуманизм замыслов не имел должного экономического фундамента»[3]. Автор рассматривает культурный уровень рабочих крупной промышленности, их политические позиции и предпочтения, отмечает политическую неоднородность рабочей среды, которая «была усилена в ходе выборов в Учредительное собрание»[4].

В следующей монографии М. А. Фельдмана «Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.)» (2006 г.), написанной в соавторстве с С. П. Постниковым[5], тоже присутствуют отдельные сюжеты, посвященные различным процессам, происходившим в рабочем классе Урала в условиях революции: изменения в социальном составе, эволюция политических взглядов. Авторы отметили, что так называемые коренные рабочие Урала были во многом не согласны с радикальными действиями большевиков, «что повлекло за собой изменение настроений рабочих и облегчило ликвидацию в период гражданской войны советской власти на Урале»[6].

Проблема взаимоотношения власти и рабочих на Урале в 1917 г. стала темой еще одной монографии М. А. Фельдмана и С. П. Постникова. В ней дан подробный историографический обзор по вопросам взаимоотношения органов и центров власти к февралю 1917 г., истории промышленных рабочих на Урале в период революционных потрясений. Историки подробно останавливаются на оценках Февральской революции, на выявлении взаимосвязи между эволюцией властных структур весной 1917 г. и настроением и поведением промышленных рабочих Урала. Анализируется политика Временного правительства в отношении рабочих, деятельность Советов на Урале, роль Красной гвардии и солдатских масс в революционных со-

---

[1] См.: *Фельдман М. А.* Рабочие Урала в преддверии и в годы революции и гражданской войны: приобретения и потери // Урал в событиях 1917 – 1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 151 – 164; *Он же.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. Екатеринбург, 2001; и др.

[2] *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. … С. 62.

[3] Там же. С. 64.

[4] Там же. С. 140.

[5] См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

[6] Там же. С. 367.

бытиях и захвате власти большевиками. Делается вывод о том, что социальная политика Временного правительства позволяла смягчать возникающие конфликты между рабочими и предпринимателями, а легализация структур рабочего самоуправления создавала правовую и организационную базу для переговорного процесса. Показано, что даже к концу октября 1917 г. половина Советов Урала выступала против перехода всей полноты власти к Советам[1].

Таким образом, в трудах М. А. Фельдмана и С. П. Постникова повсеместно подчеркивается неоднородность рабочего класса Урала, вовсе не являвшегося, по их мнению, монолитной опорой большевиков. Более того, в одной из последних работ М. А. Фельдман, подчеркивая специфику Урала, отрицает пролетарский характер происходивших здесь в 1917 г. событий, и выделяет армию как важнейший политический институт, ставший ведущей силой революционного процесса[2].

С этой позицией категорически не соглашается Д. В. Гаврилов. Сохраняя приверженность идее ведущей роли рабочего класса, он отрицает основополагающий вывод своих оппонентов о том, что так называемые рабочие-собственники Урала придерживались умеренных взглядов и были готовы сотрудничать с предпринимателями, а за большевиками шли только малоквалифицированные рабочие. Ученый считает, что взгляды М. А. Фельдмана и С. П. Постникова не подкрепляются доказательствами, представляют перепев устаревших догм и повторяют утверждения современных либеральных авторов[3].

С исследованиями по рабочему классу тесно связано изучение социально-экономической истории горнозаводского Урала в революционный период. Этот аспект нашел отражение в монографии А. П. Абрамовского и А. В. Буданова, рассмотревших на ее страницах функционирование системы управления горными округами Южного Урала в условиях краха старого политического строя и формирования новых органов власти. Ими были проанализированы причины дестабилизации производства и производственных конфликтов, показаны новые формы участия в управлении производством инженерно-технического персонала и рабочих. А. П. Абрамовский и А. В. Буданов подробно остановились

---

[1] См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Власть и рабочие Урала в 1917 году. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011.

[2] См.: *Фельдман М. А.* Октябрь 1917 г. в Уральском регионе: закономерности и отличия // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 261 – 279.

[3] См.: *Гаврилов Д. В.* Так кто же делал революцию на Урале // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. 2012. № 1. С. 184 – 189; *Он же.* Урал 1917 года в освещении историков «неоинституционного подхода» // Индустриальная Россия: Профессорский сборник научных статей. Екатеринбург, 2012. С. 10 – 19; *Он же.* Странный метод «наращивания нового видения» // Вестник Прикамского социального института: Гуманитарное обозрение. 2013. № 1. С. 18 – 27.

на вопросе национализации промышленности Урала после Октябрьского переворота 1917 г. и особенностях этого процесса. Они отметили, что после прихода к власти большевиков уральская промышленность оказалась в критическом состоянии в результате действий заводовладельцев. На это новая власть ответила национализацией частной промышленности, которая носила карательный характер, и провела реорганизацию управления казенной промышленностью[1].

Наряду с публикациями, охватывающими границы всего Урала, в постсоветский период появляется значительное количество научных работ, посвященных протеканию революционных событий на его отдельных территориях. В. И. Бакулин, опираясь на документы музейных и архивных фондов, мемуарные источники предпринял попытку реконструкции истории Усольского уезда в 1917–1919 гг.[2] Он показал, как осуществлялась смена власти в уезде после Февральской революции, рассмотрел развитие политической жизни весной – летом 1917 г., деятельность местных органов самоуправления, Советов и общественных организаций. В. И. Бакулин указал на то, что «летом 1917 г. коммунистические организации уезда оставались немногочисленными, а влияние их на массы было пока еще весьма ограниченным»[3]. Автором проанализированы причины перехода власти к Советам на фоне обострения социально-политической обстановки во второй половине 1917 г., отмечено усиление в них позиций большевиков осенью – зимой 1917 г.[4]

В следующей монографии В. И. Бакулин расширил территориальные рамки исследования, рассмотрев революционные события 1917 г. не в отдельном Усольском уезде, а в Вятской губернии в целом. Поставив в работе цель дать объективный анализ этапов «Великой Русской революции 1917-1918 гг. в масштабах одной из наиболее крупных губерний бывшей Российской империи», автор показал распределение властных полномочий и управленческих функций между комиссарами Временного правительства, КОБами и прежними органами местного самоуправления – земствами и городскими Думами. Исследователь также указал на постепенно нараставшее разочарование населения губернии внутренней и внешней политикой Временного правительства, что, по его мнению, способствовало росту популярности левых политических сил, в том числе большевиков. Историк выделил местные особенности, повлиявшие на общие тенденции в эволюции общественных настроений, на характер и динамику протекавших в губернии политических процессов[5].

---

[1] См.: *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917 – 1918 гг. Челябинск, 2008.

[2] См.: *Бакулин В. И.* Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах: Учебное пособие по отечественной истории и краеведению. Соликамск, 1995.

[3] Там же. С. 24.

[4] Там же. С. 33 – 41.

[5] См.: *Бакулин В. И.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917 – 1918 гг. Киров, 2008.

Общественно-политические процессы в Вятской губернии в период революции 1917 г. и в начальный период гражданской войны рассмотрены также в работе Ю. М. Тимкина[1]. Он отмечает мирный характер перехода власти в губернии, указывает на отсутствие двоевластия, «так как Советы в большинстве своем не пользовались влиянием в обществе», а «вся власть находилась в руках исполнительных комитетов и комиссаров»[2]. Автор показывает борьбу Верховного совета по управлению губернией, в котором преобладали представители левых партий с большевиками, выявляет этапы установления советской власти в губернии[3]. Исследователь приходит к выводу, что весной 1918 г. власть большевиков оказалась в значительной степени «деморализованной, скомпрометированной и ослабленной». В ситуации демократического подъема большевики в мае – июне взяли курс на установление однопартийной диктатуры в губернии[4].

В русле локальной истории написана и монография А. Г. Борисова и И. А. Фомичева, представившая на своих страницах события 1917 г. проходившие в Верхотурском уезде и г. Верхотурье. Описывая революционный процесс, авторы подробно рассматривают вопросы формирования после Февральской революции новых органов власти (КОБов) и земских органов управления, деятельности различных политических партий и общественных организаций. Поднимается проблема «двоевластия» – взаимоотношения органов государственной власти Временного правительства и Верхотурского Совета, в котором ведущую роль играли большевики. Подробно освещен вопрос установления на этой территории Советской власти, рассмотрены этапы этого процесса, связанные с постепенным упразднением прежних органов управления[5].

Революционным событиям в Чердынском уезде посвящена публикация Л. А. Обухова[6]. Опираясь на сохранившиеся протоколы Чердынского Совета, исследователь воссоздает картину политических процессов в уезде в этот период, показывает формирование новых органов власти и конкуренцию за власть между Советом рабочих и солдатских депутатов, городской думой и комитетом общественной безопасности[7]. Отмечается, что ведущие политические позиции в структурах власти уезда занимали эсеры и меньшевики,

---

[1] См.: *Тимкин Ю. М.* Смутное время на Вятке. Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг. Учебное пособие. Гл. 1. Киров, 1998.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 48.

[4] Там же. С. 64.

[5] См.: *Борисов А. Г., Фомичёв И. А.* Верхотурский уезд в период революций и Гражданской войны. Верхотурье, 2009; *Борисов А. Г.* Верхотурье в годы революции и Гражданской войны. Екатеринбург, 2014.

[6] См.: *Обухов Л. А*. Чердынь. Год 1917 // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 135 – 141.

[7] Там же. С. 136 – 137.

значительно превосходившие по популярности в массах большевиков[1]. Автор придерживается мнения, что установление большевистской власти в уезде в феврале 1918 г. произошло благодаря решительным и незаконным действиям Лысьвенского отряда Красной гвардии и она, не имея социальной опоры, держалась только « … на насилии, угрозах и репрессиях»[2]. Постсоветская историография, касающаяся событий 1917 г. на местах, обогатилась также и новыми исследованиями, рассматривающими деятельность органов государственной власти на территории Южного Урала[3].

В постсоветский период историографии появляются исторические исследования, в которых применяются новые методологические подходы. В частности возникает «антропологическое» направление. В рамках этого направления публикуются работы, посвященные повседневной жизни человека в условиях революционной действительности. В парадигме истории повседневности рассматривает события 1917 г. И. В. Нарский[4]. Он старается выяснить «как протекала обычная жизнь в необычных условиях революции? Что видел и переживал обитатель региона, ставшего одним из эпицентров гражданской войны? Как объяснял безымянный «маленький человек» происходившее с ним и вокруг него? Какие линии поведения избирал, какие формы приспособления и протеста находил?». Историк также обращает внимание на такую форму девиантного поведения человека в экстремальных условиях революции и нестабильности, как пьянство. Отмечая массовый характер этого явления на Урале и указывая на то, что «пьяная вакханалия не локализовалась в городах, а широко разлилась по сельской местности»[5], исследователь делает вывод о том, что пьянство проявлялось как показатель слабости новой власти и развала привычной системы ценностей «маленького человека»[6].

Не обошли исследователи современного периода историографии и проблемы социокультурного характера.

В фундаментальной монографии М. Г. Нечаева подробно исследуется деятельность Русской православной церкви на Урале в период двух рос-

---

[1] См.: *Обухов Л. А.* Чердынь. Год 1917 // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 138 – 139.

[2] Там же. С. 140.

[3] См.: *Шилкин А. М.* Городское самоуправление на Южном Урале в 1917 – 1918 гг. Челябинск, 2004; *Семенченко И. В.* Земство на Южном Урале в 1917 – 1918 гг. Челябинск, 2005; *Сафонов Д. А.* Между империей и республикой Советов: местные власти на Южном Урале в 1917 – 1918 гг. Оренбург, 2008; *Кобзов В. С., Романов В. И.* Народная милиция Урала в период Февральской революции. Челябинск, 2010.

[4] См.: *Нарский И. В.* «Пьяная революция»: население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917 – 1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 193 – 212; Он же. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001.

[5] *Нарский И. В.* «Пьяная революция»: население и алкоголь на Урале в 1917 г. … С. 206.

[6] Там же. С. 207, 210.

сийских революций 1917 г.[1] Автор рассматривает проблему взаимоотношения РПЦ с новыми органами государственной власти. Анализируя реакцию церковных деятелей Урала на революционные события, историк отмечает, что «на местах церковь признала Временное правительство без санкции официального церковного руководства»[2].

В работе показано участие церкви в политической жизни этого периода, рассмотрена политика Временного правительства по отношению к церкви. Автор указывает на неоднозначность этой политики, на возникновение конфликта в июле 1917 г. в связи с ограничением прав РПЦ в сфере школьного образования[3]. Историк останавливается на «церковной революции» на Урале, связанной с возникновением реформаторского движения внутри РПЦ. Он указывает на широкий размах этого движения на Урале, отмечая, что «в уральских епархиях весной и в начале июня 1917 г. церковные реформаторы не только преобладали, но и сумели организационно оформиться и фактически захватить церковную власть»[4].

М. Г. Нечаев показал, что церковные структуры Урала после Октября 1917 г. активно выступали в поддержку Учредительного собрания, а отношение к власти большевиков со стороны уральского духовенства в период с октября 1917 по январь 1918 г. колебалось от индифферентного до их восприятия как «темных сил», натравливающих брата на брата и разрушающих храмы[5].

В сферу интереса уральских исследователей попала проблема школьного образования в период революционных событий на Урале И. М. Клименко рассмотрел вопрос перестройки системы образования в послереволюционный период на Урале, взгляды представителей левого и правого политического лагеря на новую школу, указал на близость их взглядов на реформирование школьного образования, приверженность концепции «трудовой школы». Он отметил, что в «рассматриваемый период кардинальное расхождение в содержании было явно выражено только в отношении преподавания Закона Божьего»[6].

М. В. Суворов обратился к изучению мероприятий Временного правительства по реорганизации системы профессионального педагогического образования, показал их реализацию на примере деятельности профессиональных педагогических учебных заведений на Урале. Была отмечена активная позиция преподавательского состава и учеников учительских

---

[1] См.: *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917 – 1922. Пермь, 2004.

[2] *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений … С. 38.

[3] Там же. С. 65.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 169.

[6] См.: *Клименко И. М.* Революционные перемены в теории и методике школьного образования в 1917 – 1919 гг. (на примере Екатеринбурга) // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ч. I. Екатеринбург, 2017. С. 192 – 204;

институтов в реализации новых принципов обучения. Историк отметил, что «большевизация» системы образования в стране, в том числе и на Урале, крайне негативно были встречены большинством профессионального учительского сообщества[1].

Ряд статей посвящены деятельности учительских корпораций на Урале в революционный период. В. П. Микитюк дал характеристику екатеринбургского педагогического сообщества в период 1917 – 1919 гг. Он рассмотрел общественную и образовательную деятельность екатеринбургских педагогов, их отношение к политическим событиям 1917 – 1919 гг., выявил наличие разногласий в учительской среде, проанализировал модели поведения педагогической корпорации в условиях революций и гражданской войны, взаимоотношения педагогов с различными властями, в том числе с Временным правительством и Советами[2].

В контексте формирования учительских корпораций после Февральской революции 1917 г. А. А. Кальсиной были изучены различные аспекты деятельности Пермского учительского союза, отмечена его реформаторская деятельность в сфере народного образования и разработки новых принципов управления школой. Как заметила А. А. Кальсина «февральские события пробудили у педагогической общественности давно зревшую надежду на обновление системы образования». Исследователь уделила также внимание анализу общественной активности учащейся молодежи и созданию ученических организаций[3].

Подводя итог изучению темы, можно сказать, что отечественная историография добилась значительных успехов в изучении истории Урала в период раннеиндустриальной модернизации. На большом конкретно-историческом материале всесторонне исследованы социально-экономическое, политическое и социокультурное развитие региона, вклад Урала в развитие современной цивилизации, его роль в мировой истории. Однако, наряду с успехами, в изучении темы имеются пробелы, нерешённые вопросы. Существует необходимость в создании фундаментального труда, комплексно, на новом научном уровне, с современных научных позиций излагающего историю Урала.

Что касается историографического анализа работ, посвященных событиям 1917 г. на Урале, то следует отметить, что начиная с 1990-х гг. в трудах историков наметилась явная тенденция к более всестороннему освещению событий. Имевшая место на территории Урала политическая

[1] См.: *Суворов М. В.* Российская революция 1917 г. и профессиональное педагогическое образование на Урале (на материалах Екатеринбургского и Уфимского учительских институтов // Там же. С. 291 – 301.

[2] См.: *Микитюк В. П.* Педагогическая корпорация Екатеринбурга в 1917 – 1919 гг. // Там же. С. 250 – 259.

[3] См.: *Кальсина А. А.* Пермский учительский союз в дни февральских событий 1917 г. // Там же. Ч. II. С. 47 – 54.

борьба теперь рассматривается не только с позиций победившей партии большевиков, что являлось доминирующей основой советской историографии, но и с точки зрения ее оппонентов, что способствует более объективной оценке свершившегося. В то же время, по аналогии с советским периодом, когда вся правда была только за большевиками, в современных публикациях явно прослеживаются обратная тенденция, представляющая большевиков только как узурпаторов власти, не поддерживаемых народом и сохранявших свое господство главным образом за счет насильственных мероприятий. Представляется, что подобного рода точка зрения не менее опасна с точки зрения «правды истории» и нуждается в серьезной корректировке. Подавляющее количество современных публикаций по уральской проблематике все еще остается в плену «трех русских революций», в то время как все больше и больше сторонников приобретает концепция единой российской революции, охватывающей хронологический отрезок в несколько десятилетий. Думается, что уральским историкам следует обратить на это более пристальное внимание, и продолжая исследования событий 1917 г., учитывать методологические инновации, связанные с процессуальным пониманием развития Русской революции[1].

[1] См.: *Сперанский А. В.* Революция и контрреволюция в России: трудный путь к согласию? // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ч. I. Екатеринбург, 2017. С. 45 – 55; *Он же.* Русский путь к единению: от революции к контрреволюции // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 52 – 60.

Глава 2. В горниле Гражданской войны. 1918 – 1922 гг.

Изучение истории Гражданской войны на Урале началось, что называется «по горячим следам», когда еще не отгремели последние залпы этой войны. Уже в 1919 – 1920 гг. в центральной и местной печати публикуются статьи, посвященные отдельным аспектам этого социально-политического феномена[1]. Справедливости ради, отметим, что эти работы носили скорее публицистический, нежели научный характер. И это вполне объяснимо: их авторы – непосредственные участники продолжавшейся Гражданской войны, а сами статьи – оружие идеологической борьбы, и потому они наполнены революционной риторикой в духе агитпропа, превалирующей над научным анализом.

Начало систематического, в полном смысле научного изучения истории Гражданской войны связано с деятельностью Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и истории РКП(б), более известной под названием Истпарта, которая была создана на основании постановления Совнаркома РСФСР от 21 сентября 1920 г. Спустя два месяца (23 ноября 1920 г.) в Екатеринбурге было создано местное отделение – Уралбюро Истпарта. Главными направлениями его деятельности стали сбор, научная обработка и публикация документов, имеющих отношение к революционным событиям в регионе. В начальный период своей деятельности истпарты уделяли основное внимание выявлению и сбору исторических источников – документов партийных, советских, профсоюзных и военных организаций, печатных изданий и воспоминаний участников событий. К концу 1920-х гг. историческая комиссия Уралбюро, работавшая под руководством А. П. Таняева, в основном завершила систематизацию архивных материалов периода Гражданской войны.

Публикаторская деятельность губернских и окружных истпартов первоначально заключалась в издании воспоминаний, отдельных документов и популярных брошюр. Начало этой работе положил Уфимский губком РКПб), выпустивший в 1919 г. «Уфимский сборник Октябрьской революции», а в следующем году – аналогичный сборник под несколько измененным названием – «Уфимский Октябрьский сборник». Оба они представляли собой подборки теоретических и публицистических статей, а также воспоминаний участников борьбы за установление советской власти на Южном Урале. Аналогичный характер имел изданный в 1921 г. в Екатеринбурге сборник «Рабочая революция на Урале». В него были включены воспоминания П. М. Быкова и Р. И. Берзина, статьи, характеризующие (естественно, с большевистской точки зрения) сущ-

[1] См.: *Мороз Г.* Из истории гражданской войны в России // Коммунистический Интернационал. М. – Пг., 1920. № 16. С. 3609 – 3634; *Евлампиев А.* Что дала Октябрьская революция крестьянству в земельном вопросе // Уфимский Октябрьский сборник. Уфа, 1920. № 2. С. 157 – 178.

ность колчаковского режима, а также ряд документов. Отдельными книгами в 1922 – 1924 гг. вышли воспоминания В. Быкова, А. Герасимова, М. Голубых, И. Онуфриева[1]. Важной вехой в деятельности Уралистпарта было издание в 1924 г. сборника «Колчаковщина». Он открывался вводной статьей А. Соколова, содержащей обзор основных событий Гражданской войны на Урале. При этом внимание автора было сосредоточено на социально-политических проблемах войны: выяснении ее причин, состава участников, роли и места различных социальных групп и политических партий. В сборник были включены отрывки из воспоминаний непосредственных участников событий, принадлежавших к противоположному – «контрреволюционному» лагерю (Л. Кроля, Дж. Уорда), а также ряд интересных документов.

В 1927 г. под редакцией А. П. Таняева издается трехтомный сборник документов по истории рабочего класса Урала[2]. Вступительные статьи, написанные им самим, а также А. Бессоновой и Е. Гольдич, содержат немало интересных мыслей и выводов о социальной структуре населения Урала, об отношении рабочих к различным политическим партиям и организациям. К 10-й годовщине восстановления советской власти на Урале А. П. Таняев издал сборник документов, а годом позже – исследование об основных этапах контрреволюционного движения в регионе, о деятельности Временного областного правительства Урала и о борьбе рабочего класса (именно в таком ракурсе представлены им события Гражданской войны) против колчаковской диктатуры[3].

В 1927 – 1928 гг. в связи с десятилетием революции Уралистпартом были изданы работы А. Баранова, П. Быкова, А. Ослоновского и А. Орлова[4]. Наряду с изложением фактического материала в них предпринята попытка анализа событий Гражданской войны, социальной базы советской власти и противостоящих ей антибольшевистских сил. Активную деятельность в этот период развернули все губернские и окружные истпарты Уральского региона. Уфимский, например, опубликовал серию сборников под общим заголовком «Былое Урала», сборник «Пройденный путь»,

---

[1] См.: *Быков В.* Подполье. Екатеринбург, 1923; *Герасимов А.* Год в колчаковском застенке. Екатеринбург, 1923; *Голубых М.* Уральские партизаны. Екатеринбург, 1924; *Онуфриев И.* Мои воспоминания: из истории гражданской войны на Урале. Екатеринбург, 1922.

[2] См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах. В 3 т. Свердловск, 1927.

[3] См.: Колчаковщина на Урале: в документах и материалах. Свердловск, 1929; *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале (1918–1919). Свердловск, 1930.

[4] См.: *Баранов А.* Гражданская война на Урале. Свердловск, 1928; *Он же.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928; *Быков П. М.* Красная Армия в борьбе за Урал. Свердловск, 1928; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства советов на Урале. 1917 – 1927. Свердловск, 1928.

а также труды Ш. Типеева по истории национального движения в Башкирии. Последние весьма интересны полемикой автора, выступающего с классовых марксистских позиций, с башкирскими националистами (З. Валидовым и его сторонниками), отрицавшими классовое расслоение башкир и считавшими основным фактором их общенационального движения русификаторскую политику царского правительства[1]. Сборник, изданный в Ижевске, явился первой серьезной попыткой проанализировать характер, цели и состав участников Ижевско-Воткинского восстания (август – ноябрь 1918 г.)[2]. В юбилейном сборнике, вышедшем в Вятке, обращают на себя внимание статьи М. Фаворова и Н. Городиловой, в которых представлен анализ социально-экономической и политической обстановки в Вятской губернии весной 1918 г., позволяющий оценить настроения населения региона, а также статья Н. Солоницына об истории повстанческого движения в Прикамье[3].

Во второй половине 1920-х гг. уральские историки обращаются к углубленному изучению материалов земской и государственной статистики, на основе чего публикуются содержательные статьи А. Кийкова и К. Петрова с анализом состояния промышленности и сельского хозяйства Южного Урала и Приуралья, структуры землевладения и землепользования накануне революционных событий в регионе[4].

Следует отметить, что группировавшиеся вокруг истпартов уральские историки внесли весомый вклад в создание советской историографии Гражданской войны. И хотя их работы не претендовали на полноту охвата событий, на глубокие теоретические обобщения, они послужили теми «кирпичиками», из которых строилось здание советской исторической науки.

И все же тон в изучении истории Гражданской войны на Урале задавали не уральские исследователи. В середине и второй половине 1920-х гг. в Москве и Ленинграде был издан ряд фундаментальных трудов по истории Гражданской войны в России. Большинство из них имели характер военно-стратегических исследований и были посвящены изучению опыта ведения боевых действий в условиях маневренной войны. Прежде всего,

---

[1] См.: *Типеев Ш.* К истории национального движения в Башкирии (1917 – 1929). Уфа, 1929; *Он же.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.

[2] См.: Ижевск в огне гражданской войны. 1917 – 1918 гг.: из истории революционного движения ижевских рабочих. Ижевск, 1927.

[3] См.: Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Сб. статей и материалов. Вятка, 1927.

[4] См.: *Кийков А.* Южный Урал и Приуралье в годы империалистической и гражданской войн // Пройденный путь: к истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. 1. Уфа, 1927. С. 3 – 25; *Петров К.* Экономика Южного Урала // Октябрь на Южном Урал: юбилейный сборник к 10-летию Октябрьской революции. Златоуст, 1927. С. 1 – 19.

это – работы А. Анишева, Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса[1]. В них в качестве самостоятельных разделов были включены главы о событиях Гражданской войны на Урале. Двухтомный труд Н. Е. Какурина «Как сражалась революция» по своей полноте и глубине анализа не имеет себе равных в советской историографии. В нем наряду с ходом боевых действий, автору удалось дать исчерпывающую характеристику военно-экономической и социально-политической ситуации в стране и в отдельных регионах, проследить динамику ее изменений на различных этапах войны. Не меньший интерес к исследованию указанных проблем проявил А. Анишев, который первым среди советских историков систематизировал внутренние причины, вызвавшие Гражданскую войну, дал ее первую научно обоснованную периодизацию. Кроме того, Анишев впервые в историографии указал на взаимосвязь между чередой антибольшевистских восстаний летом 1918 г. и принудительной мобилизацией крестьян в РККА.

Наряду с обобщающими работами в этот период появляется ряд трудов по частной проблематике. Так, М. Левидов и все тот же Н. Е. Какурин исследовали роль держав Антанты в организации военной интервенции и в оказании помощи контрреволюционным силам. В. Владимирова обратилась к вопросу о роли партий меньшевиков и эсеров в антибольшевистском движении в начальный период Гражданской войны; А. Городнев – о формировании и боевой деятельности частей Красной Армии, ее характере и классовой природе[2].

Кроме научных исторических трудов, в 1920-е гг. появляется ряд историко-публицистических статей и брошюр по интересующей нас проблеме. Изучение работ А. В. Луначарского, Ю. Стеклова, И. Вардина, С. И. Гусева дает возможность понять сущность политических позиций различных общественных сил, принимавших участие в Гражданской войне, и на этой основе составить более объективное представление о происходивших процессах, о месте и роли в них различных социальных групп и политических партий[3].

---

[1] См.: *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917 – 1920. Л., 1925. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. В 2 т. Т.1. М.; Л., 1925; Т.2. М., Л., 1926; *Он же.* Стратегический очерк гражданской войны. М., Л., 1926; *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918 – 1921. М., 1930.

[2] См.: *Левидов М.* К истории союзной интервенции. Л., 1925; *Какурин Н. Е.* Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России // Кто должник? М., 1926; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам: очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927; *Городнев А.* Очерки истории Красной армии. М., 1924.

[3] См.: *Луначарский А. В.* Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М., 1922; *Стеклов Ю.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922; *Вардин И.* Революция и меньшевизм. М.; Л., 1925; *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная Армия. М., 1958.

Историографический анализ был бы неполным, если бы мы прошли мимо работ В. И. Ленина, посвященных событиям Гражданской войны. Они не являются специальными историческими исследованиями. В большинстве своем они носят публицистический, либо прикладной характер. Тем не менее, информационная насыщенность, обилие фактического материала, ссылки на важные документы делают труды вождя большевистской партии незаменимыми источниками исследования экономических, социальных и политических проблем той эпохи[1]. К тому же содержащиеся в них оценки исторических фактов в силу особого положения, занятого в обществе и государстве коммунистической партией, приобрели критериальный характер и воспринимались советскими историками как непреложная истина. На многие десятилетия ссылки на высказывания В. И. Ленина, цитаты из его работ стали обязательным атрибутом трудов нескольких поколений советских историков.

Однако 1920-е гг. представляют собой особенный период в развитии и советской исторической науки, и общества в целом. Как известно, переход к новой экономической политике выразился в отказе от принципов «военного коммунизма» и определенной реанимации капиталистических элементов. Однако процесс либерализации режима не ограничился только экономикой, он охватил и другие сферы общественной жизни – политику и идеологию. Некоторое время (до 1922 – 1923 гг.) в стране легально действовали партии эсеров и меньшевиков, имевшие свои печатные органы, издававшие брошюры и книги. Либерализация, соединившаяся с борьбой за власть внутри правящей элиты, породила острые политические дискуссии, что не могло не способствовать смягчению идеологического прессинга. Особенно благотворно это сказалось на развитии общественных наук, которые на короткое время освободились из-под жесткой опеки со стороны партийных теоретиков, занятых в это время междоусобной борьбой. К тому же разворачивавшиеся политические дискуссии требовали научного обоснования, аргументации и поэтому неизбежно переносились в сферу общественных наук.

К числу проблем, вызвавших острые дискуссии, относится, например, вопрос об инициаторах (виновниках, как было принято говорить в советской исторической науке) развязывания Гражданской войны. Советские историки ответственность за это, как правило, возлагали на империалистические державы, стремившиеся уничтожить первое в мире государство диктатуры пролетариата. Эта точка зрения основывалась на сформулиро-

[1] См., например: *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 37. М., 1969. С. 235 – 338; *Он же.* Ценные признания Питирима Сорокина // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 37. М., 1969. С. 188 – 197; *Он же.* Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 39. М., 1970. С. 151 – 159; *Он же.* Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 40. М., 1974. С. 1 – 24; и др.

ванном В. И. Лениным выводе о том, что Гражданская война в России явилась «порождением происков мирового империализма, опасавшегося распространения революционного пожара на другие страны и народы»[1]. Применительно к Уралу такой внешней силой считался Чехословацкий корпус, восстание которого против советской власти было, по мнению советских историков, спровоцировано державами Антанты, использовавшими его в качестве ударного отряда интервенционистских сил. Такой точки зрения придерживались, в частности, А. Баранов, П. Быков, М. Голубых, И. Онуфриев, А. Ослоновский и А. Орлов[2]. Однако ряд исследователей не согласились со столь односторонней трактовкой событий. Они, хотя и признавали ответственность империалистов Антанты и других стран за развязывание Гражданской войны, но роль ее инициаторов отводили правым социалистам, и прежде всего – эсерам. В частности, Я. А. Яковлев в предисловии к упомянутой выше работе В. Владимировой писал: «Характерной чертой всех попыток свержения советской власти в начальный период развития контрреволюции является возглавление контрреволюции социалистами»[3]. То же самое утверждал Н. А. Корнатовский, отмечавший, что «основной тон событиям в Сибири и Поволжье задавали эсеро-меньшевистские организации»[4]. При этом оба автора только констатировали данный факт, не давая ему объяснения. Лишь И. Майский достаточно убедительно обосновал приоритетную роль Партии социалистов-революционеров в антибольшевистском движении на начальном этапе Гражданской войны[5].

Другая дискуссионная проблема – соотношение сил, так сказать, социальная база советской власти и антибольшевистского движения на Урале. Общее мнение советских историков было таково, что мятеж чехословаков послужил сигналом для повсеместного выступления против советской власти деревенского кулачества, зажиточного казачества и офицерства старой армии. Но объяснить этим тот факт, что в течение нескольких недель советская власть была свергнута на территории от Волги до Тихого океана, было сложно. Поэтому наиболее вдумчивые исследователи иска-

---

[1] *Ленин В. И.* Политический доклад ЦК на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.

[2] *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. С. 111 – 112; *Быков П. М.* Красная Армия в борьбе за Урал ... С. 21; *Голубых М.* Уральские партизаны ... С. 11; *Онуфриев И.* Мои воспоминания ... С. 52 – 61; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства советов на Урале ... С. 43.

[3] *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам: очерки по истории контрреволюции в 1918 г. … С. 4.

[4] *Корнатовский Н. А.* Основные этапы развития восточной контрреволюции // Колчаковщина: из белых мемуаров. Л., 1930. С. 5.

[5] См.: *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 42 – 44.

ли и находили его обоснование во внутренней политике советской власти. Так, например, И. Подшивалов отмечал, что уральская деревня встретила Октябрьский переворот довольно равнодушно. На Урале помещичье землевладение почти отсутствовало (за исключением Уфимской губернии), а потому первые аграрные преобразования, декретированные большевиками, местному крестьянству почти ничего не дали. Однако с весны 1918 г. «хлебный нажим», реквизиции, ограничение свободы торговли и как следствие этого – исчезновение промышленных товаров привели к тому, что крестьянство «зашаталось», недовольное хлебной и торговой политикой советской власти[1]. То же явление отмечал А. П. Таняев, однако причину колебаний крестьянства он видел лишь в том, что партийные и советские органы Урала, занимавшиеся преимущественно организацией управления промышленностью, упустили работу в деревне и обратились к ней только в июле – августе 1918 г., когда Гражданская война стала уже свершившимся фактом[2]. Оба названных фактора использовал для аргументации своего видения перехода крестьянства Урала на сторону антибольшевистских сил А. Анишев: крестьянство «не получило от советской власти ни материальной помощи, ни идейного руководства»[3].

Особенной частью сельского населения России было казачество. На территории Уральского региона находились земли Оренбургского и частично Уральского казачьих войск. К сожалению, в трудах историков 1920-х гг. не нашли должного отражения сложные процессы, происходившие в казачьих станицах и поселках. Подавляющее большинство исследователей, в том числе А. Анишев, А. Баранов, Н. Е. Какурин, И. Подшивалов безоговорочно причисляли казачество к реакционным силам, противостоявшим советской власти[4]. Эта оценка базировалась на теории И. В. Сталина о территориальном размежевании сил, революции и контрреволюции. Впервые она была изложена в статье «К военному положению на Юге», опубликованной в газете «Правда» 19 ноября 1919 г. Суть этой теории сводится к тому, что в ходе Гражданской войны в России противостояли друг другу промышленно и культурно развитый центр и отсталые, разобщенные по национальному признаку окраины, население которых, состоявшее из неполноправных башкир, татар и прочих представителей национальных меньшинств, нещадно эксплуатировалось привилегированными «казаками-колонизаторами»[5]. Она, казалось бы, подтверждается теми фак-

---

[1] *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале. 1917 –1 918. М., 1925. С. 106.

[2] *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале ... С. 6.

[3] *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны ... С. 128.

[4] *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны ... С. 127 – 128; *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале ... С. 59 – 61; *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 1. … С. 69 – 74; *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале … С. 114 – 119.

[5] *Сталин И. В.* К военному положению на Юге // Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 285 – 286.

тами, что именно в казачьих станицах Оренбуржья возникли первые контрреволюционные очаги, борьба с которыми велась, то затухая, то обостряясь в течение всей зимы и весны 1918 г. Но дело обстояло далеко не так просто, и лишь А. Ослоновский и А. Орлов попытались дифференцированно оценить политический выбор оренбургского казачества в Гражданской войне[1].

Существенной особенностью антибольшевистского движения на Урале было активное участие в нем рабочих. Этот факт не укладывался в официальную концепцию революции и Гражданской войны, поэтому большинство исследователей в 1920-е гг. его «не заметили», обойдя молчанием даже такое грандиозное явление как Ижевско-Воткинское восстание. А если и упоминали о нем – то вскользь, давая ему крайне неубедительное объяснение. Например, такое: ижевские рабочие ушли на фронт защищать советскую власть, а в это время на их родном заводе подняли мятеж кулаки и лавочники[2]. Лишь немногие из историков объясняли «податливость» уральских рабочих влиянию эсеро-меньшевистской агитации особенностями их социального статуса, а именно – наличием у них земельных наделов. В частности, А. П. Таняев утверждал, что уральский рабочий – это полурабочий-полукрестьянин, являвшийся не только продавцом рабочей силы, но и мелким земельным собственником. Такая двойственность налагала отпечаток на его психологию и политические настроения, определяла тяготение к «соглашательским» партиям[3]. Еще более категорично высказывался на этот счет И. Подшивалов: по его мнению, «уральский пролетариат в своей массе был мелкобуржуазен», что и объясняет его «шатания» от поддержки советской власти к борьбе против нее[4]. На наш взгляд, И. Подшивалов в данном случае допускает ту же ошибку, что и ортодоксальные историки-марксисты, но с противоположным знаком; как и они, он рассматривает рабочий класс как монолитную социальную группу, игнорируя наличие в ней различных по имущественному положению и политической ориентации слоев. Пожалуй, среди историков 1920-х гг. наиболее взвешенный подход продемонстрировал В. Сергеев, который на примере анализа социального состава рабочих Ижевского завода показал внутреннюю дискретность рабочего класса, столь характерную для всего Урала[5].

По вопросу о причинах свержения советской власти на Урале летом – осенью 1918 г. историки также разошлись во мнениях. Одни (А. Ослонов-

---

[1] *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства советов на Урале … С. 38 – 40.

[2] *Какурин Н. Е.* Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком. М., 1928. С. 28.

[3] *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале ... С. 10.

[4] *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале … С. 34.

[5] *Сергеев В.* Ижевский рабочий в борьбе за советскую власть // Ижевск в огне гражданской войны. С. 3 – 4.

ский и А. Орлов) вообще не поднимали его, другие (П. Быков, И. Подшивалов) объясняли исключительно военным превосходством противника, третьи (А. Анишев, Н. Е. Какурин, И. Майский, А. П. Таняев), основываясь на анализе социально-политических процессов, видели причину в узости социальной базы режима диктатуры пролетариата и в поддержке, оказанной населением антибольшевистским силам, выступавшим в то время под демократическими лозунгами.

Практическая деятельность этих сил после их прихода к власти и образования Временного областного правительства Урала не нашла объективного отражения в исследованиях 1920-х гг. Советские историки были поставлены в ситуацию выбора между научной объективностью и политической целесообразностью. Будучи в подавляющем большинстве коммунистами, они выбирали второе. Деятельность Областного правительства представлена ими как антинародная, направленная на реставрацию дореволюционных порядков, лишение рабочего класса и крестьянства всех завоеваний, достигнутых в ходе напряженной борьбы. Упор был сделан на репрессивные методы подавления недовольства народных масс и прямой террор[1]. Но даже такая трактовка событий представлена далеко не во всех работах. Многие историки весь период нахождения Урала под властью антибольшевистских сил объединяют понятием «колчаковщина», не выделяя в нем этапы демократической контрреволюции и военной диктатуры.

Гораздо более подробно советскими историками была исследована деятельность правительства адмирала А. В. Колчака. В советской историографии 1920-х гг. характер режима, пришедшего к власти в результате переворота 18 ноября 1918 г., изображался как ультрареакционный. Основным содержанием его деятельности считалась реставрация не только дооктябрьских, но и дофевральских порядков. Этой точки зрения придерживались Н. Е. Какурин, А. П. Таняев, А. Ослоновский и А. Орлов, некоторые другие исследователи[2]. Безусловно, она является политически и идеологически ангажированной и грешит необъективностью.

И наконец, еще об одной дискуссионной проблеме, поднятой историками 1920-х гг. Это – вопрос о сроках перехода среднего крестьянства от конфронтации с советской властью к ее поддержке. В более поздние годы в советской историографии утвердилось мнение о том, что так называемый «поворот» середняка на сторону советской власти произошел уже осенью 1918 г. В 1920-е же годы исследователи подходили к этой проблеме более реалистично. Пожалуй, только А. Анишев называл ноябрь 1918 г. в

---

[1] *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале ... С. 13 – 39; Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства советов на Урале … С. 53 – 58.

[2] *Какурин Н. Е.* Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком ... С. 42 – 43; *Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале ... С. 63 – 64; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства советов на Урале … С. 54, 67.

качестве «поворотного» пункта, приводя в качестве аргументов революцию в Германии и крах демократических иллюзий в связи с реакционной политикой белых правительств[1]. Большинство же разделяли точку зрения Н. Е. Какурина, который указывал на новый всплеск колебаний крестьянства в начале зимы 1918 г., приведший к поражениям Красной Армии и оставлению ею Перми, а переход крестьянства на позиции поддержки советской власти датировал лишь весной 1919 г.[2]

Итак, мы можем сделать некоторые выводы. 1920-е гг. были периодом относительного плюрализма в советской исторической науке. В это время над исследователями еще не довлели жесткие догматические формулы, воплотившиеся позднее в ленинско-сталинской теории социалистической революции. Несмотря на то, что принципы коммунистической партийности и классового подхода уже начали пускать корни, некоторые историки старались быть объективными, строить свои выводы на почве реальных фактов и не боялись отстаивать собственную точку зрения, отличную от общепринятой. Конечно, полной свободы выражения своих мыслей они не имели в силу того, что абсолютное большинство из них были членами Коммунистической партии, а значит, обязаны руководствоваться в своих исследованиях ее идеологическими установками. В связи с этим политическая ангажированность большинства работ просматривается весьма отчетливо. И тем не менее, значение 1920-х гг. в истории советской исторической науки трудно переоценить. Это был ее «золотой век». Именно в этот период определялись приоритеты в исторических исследованиях, был выработан, так сказать, их задающий вектор», сформулирована основная проблематика. Конечно, наряду с бесспорными успехами, историческая наука 1920-х гг. была не лишена и серьезных недостатков. Недостаточной была источниковая база, поскольку работа по выявлению и систематизации исторических источников только разворачивалась. Многие важные проблемы были лишь обозначены, и неизученных было больше, чем исследованных. Большинство советских историков этого периода были активными борцами за советскую власть. Описываемые ими события еще не успели стать для них Историей в полном смысле этого слова. Поэтому в их трудах преобладают эмоции, мешающие объективной оценке фактов и явлений. Они не смогли правильно оценить соотношение объективных и субъективных факторов острой гражданской борьбы, развернувшейся на Урале в 1918 – 1919 гг. Однако, уже тот факт, что в трудах историков этого периода нашли отражение эти процессы, является весьма ценным для науки.

Начало очередного этапа развития отечественной историографии, приходящегося на 30-е – первую половину 50-х гг. прошлого века, не внесло ничего принципиально нового в изучение проблематики Гражданской войны, за ис-

[1] Анишев А. Очерки истории гражданской войны ... С. 193 – 194.

[2] *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. … С. 118 – 119.

ключением того, что характерной чертой этого периода стала прогрессирующая идейная стагнация. Массированной атаке историческая наука была подвергнута в сентябре 1931 г., когда журнал «Пролетарская революция» опубликовал статью И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». В нем содержалось прямое указание прекратить дискуссии по ряду политических вопросов, представлявших собой аксиомы большевизма, и потому – не ставящихся под сомнение[1]. Обвиняя участников дискуссий в троцкизме и измене рабочему классу, И. В. Сталин потребовал освещать историю только с точки зрения интересов Коммунистической партии, утверждая «научный, большевистский подход»[2]. Развернувшаяся после этого письма вождя кампания по «очищению» советской исторической науки и утверждения в ней принципа коммунистической партийности на многие годы предопределила пути ее развития. Ограниченные строгими идеологическими рамками историки были вынуждены придерживаться единой трактовки событий, изложенной в статьях И. В. Сталина и в «катехизисе» революционера-большевика – кратком курсе истории ВКП(б). все, что за эти рамки выходило, объявлялось рецидивом буржуазной идеологии со всеми вытекающими для автора последствиями.

Результаты этой кампании просматриваются весьма отчетливо. Схематизм и упрощение становятся характерной чертой публикующихся в это время исторических трудов. В монографии военного историка А. Голубева, например, ленинско-сталинская концепция Гражданской войны выдержана скрупулезно: враждующие группировки четко разграничены по их классовой принадлежности (пролетариат, опирающийся на деревенскую бедноту с одной стороны, и буржуазно-помещичий блок – с другой), между ними находится многомиллионная колеблющаяся масса крестьянства, от позиции которого зависит ход и исход борьбы[3]. С. Рабинович в своей книге ясно дает понять, что поиски виновного в развязывании Гражданской войны закончены: им является мировой империализм. Автор отрицает существование сколько-нибудь значимой социальной базы контрреволюции, отдавая приоритет внешним факторам. Сталинская концепция «трех походов Антанты» против Советской республики становится теоретической основой понимания сущности Гражданской войны[4]. Двумя названными публикациями исчерпывается перечень научных трудов, в которых представлена общая картина гражданского противостояния в России. Научному сообществу весьма прозрачно намекнули: история Гражданской войны написана, все акценты расставлены.

---

[1] *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 85.

[2] Там же. С. 99 – 101.

[3] См.: *Голубев А.* Гражданская война. 1918 – 1920 гг. М., 1932.

[4] См.: *Рабинович С.* История гражданской войны. (Краткий очерк). М., 1933.

Поэтому внимание исследователей переключается на частные проблемы – ход боевых действий на отдельных фронтах[1], реже – на освещение событий в регионах[2]. Большинство появившихся в это время работ представляет собой оперативно-стратегические обзоры. Неслучайно написаны они военными историками и опубликованы Воениздатом. Подробное изложение боевых операций очень редко сопрягается в них с весьма беглым анализом социально-политических проблем, имевшим, порой, решающее значение для исхода вооруженной борьбы в специфических условиях Гражданской войны. Невозможно, например, исследуя ход военных действий, не учитывать такой фактор как расстановка социальных сил на театре войны. Поэтому в работах А. Федорова, В. В. Хрулева, Е. А. Болтина упоминается об изменении настроений среднего крестьянства Урала в пользу советской власти, но при этом в полном соответствии с общепринятой доктриной, не учитывая местной специфики, утверждается, что произошло оно осенью 1918 г.[3] Но и это можно считать в некоторой степени достижением, так как в ряде других работ авторы, в полном соответствии с внутриполитической конъюнктурой, вину за все неудачи Красной Армии возлагают исключительно на белогвардейскую агентуру, вредителей, троцкистов, эсеров и прочих врагов народа[4].

Провинциальные историки, конечно же, не могли противостоять давлению Центра, не следовать указаниям партийного руководства. Из их работ постепенно исчезают острые проблемы, упоминания о региональной социальной специфике. Правда, в одной из своих ранних работ Г. П. Рычкова среди факторов, обусловивших Гражданскую войну, еще выдвигала на первый план причины внутреннего порядка, такие как проведение аграрных преобразований, установление продразверстки, организацию комбедов, разгон Учредительного собрания[5]. Но в своих последующих работах так же, как и Ф. П. Быстрых, она строго придерживалась официальной

---

[1] См.: *Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; *Федоров А.* Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939; *Гуковский А. И.* Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939; *Воробьев В. Ф.* Оборона Оренбурга (апрель – май 1919 г.). М., 1938; *Болтин Е. А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949; и др.

[2] См.: *Гужвенко Г.* Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941; *Макаров В. П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932; *Попов Ф. Г.* Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. М.; Самара, 1934; и др.

[3] *Федоров А.* Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта … С. 5 – 6; *Хрулев В. В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 32 – 33; Болтин Е. А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака … С. 29.

[4] *Гуковский А. И.* Ликвидация Пермской катастрофы ... С. 18 – 20; *Пылаев П. И.* Сталин на Восточном фронте. М., 1940. С. 30 – 32, 39, 44 – 46, 52 – 54; *Софинов П. Г.* Пермская катастрофа и ликвидация ее последствий // Исторические записки. М., 1949. Т. 30. С. 39 – 42.

[5] *Рычкова Г. П.* Лысьва. Свердловск, 1932. С. 120 – 121.

концепции Гражданской войны[1]. Прекращение силовыми методами дискуссий способствовало утверждению точки зрения на рабочий класс как на монолитную массу, восторженно встретившую Октябрь. Из исторической литературы исчезли упоминания о его неоднородности, об особенностях социального статуса рабочих Урала. Господствующей становится тенденция «подтягивания» характеристики уральского рабочего до уровня промышленного пролетариата центральных и южных районов России. Она нашла отражение в трудах Е. Гольдич, Г. П. Рычковой, Ф. П. Быстрых, Г. Гужвенко, Ф. А. Александрова и других историков[2].

Вопрос о тяжелой социально-экономической ситуации в стране историками поднимался, но рассматривался он исключительно как следствие разрухи, принесенной мировой войной и безответственным, «хищническим» хозяйствованием капиталистов. Никто не пытался искать причины создавшейся критической ситуации в экономической политике большевиков. Вся вина возлагалась на бывших хозяев, как организаторов саботажа, и их пособников в лице значительной части технической интеллигенции и служащих[3]. Правда, в работах Г. П. Рычковой есть упоминания о контрреволюционных восстаниях в ряде уральских заводов, но о причинах и социальном составе участников этих выступлений либо не говорится вовсе, либо, как в статье Э. Б. Генкиной вся вина возлагается на эсеров, меньшевиков, троцкистов и «предателей из каменевско-зиновьевского блока»[4]. И. Недолин, Ю. Бессонов, А. Медведев, П. П. Бажов, В. В. Хрулев в своих книгах подчеркивали успехи мобилизации рабочих на борьбу с контрреволюционными силами, их решимость до конца отстаивать завоевания пролетарской революции[5]. Они утверждали, что рабочий класс Урала был априори враждебен демократической контрреволюции, и, тем более, установленной в ноябре 1918 г. колчаковской дик-

---

[1] См.: *Рычкова Г. П.* Боевые дни // Свердловск. Свердловск, 1946. С. 144 – 158; *Быстрых Ф. П.* Освобождение Урала от Колчака // В помощь пропагандисту и агитатору. Свердловск, 1945. № 6. С. 7 – 14.

[2] *Гольдич Е.* Из истории уральских заводов // Красный архив. 1936. № 1. С. 68 – 70; *Рычкова Г. П.* Лысьва ... С. 9; *Она же.* Красная гвардия на Урале. Свердловск, 1933. С. 60 – 61; *Быстрых Ф. П.* Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск – М., 1933. С. 6 – 8, 19 – 28; *Гужвенко Г.* Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 7, 55; *Александров Ф. А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. Уфа, 1951. С. 11 – 13.

[3] *Рычкова Г. П.* Большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1947. С. 83 – 84; *Она же.* Лысьва ... С. 111 – 115; *Бессонов Ю.* Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне. 1918. Свердловск, 1935. С. 28 – 29.

[4] *Рычкова Г.П.* Красная гвардия на Урале ... С. 89; *Генкина Э. Б.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции на местах // Исторический журнал. 1942. Кн. 10. С. 49 – 64.

[5] См.: *Недолин И.* Рейд Блюхера. Уфа, 1932; *Бессонов И.* Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне. Свердловск, 1935; *Медведев А.* По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1939; *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934; *Он же.* Формирование на ходу. Свердловск, 1936; *Хрулев В. В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940.

татуре. Поэтому свою задачу они видели в том, чтобы фактами проиллюстрировать антинародную, и в первую очередь – антирабочую политику как эсеро-меньшевистских, так и колчаковского правительств. Это должно было обосновать подъем всенародной борьбы против белогвардейщины и высветить преимущества пролетарской диктатуры перед диктатурой буржуазной. В связи с этим деятельность всех контрреволюционных правительств описывалась весьма тенденциозно и исключительно в черных красках. Причем, историки того периода не видели существенных различий между эсеро-меньшевистской демократией и военной диктатурой. И тем, и другим приписывалась политика реставрации дореволюционных порядков, с той лишь разницей, что у социалистов она маскировалась революционной фразеологией, а у А. В. Колчака – была открытой[1]. Из всех авторов этого периода лишь Ю. Бессонов изложил программу Областного правительства Урала достаточно объективно, на основании документальных материалов, не затушевывая ее антибольшевистской направленности, но и не приписывая уральским областникам несуществующих грехов[2]. Значительное место в литературе 1930 – 1940-х гг. занимает описание белогвардейского террора, острие которого было направлено против рабочего класса как носителя большевистской идеологии. Все упоминавшиеся авторы очень подробно, с привлечением большого количества источников описывают масштабы и чрезвычайную жестокость белого террора, который, тем не менее, не только не сломил волю народа к сопротивлению, но и, наоборот, привел к развертыванию массового партизанского движения, активизации деятельности подпольных большевистских организаций[3].

Парадоксально, но это так: наиболее глубоко социально-политическая проблематика была исследована в эти годы не историком, а публицистом и краеведом П. П. Бажовым. В 1934 и 1936 гг. одну за другой он опубликовал две книги о боевом пути известных на Урале частей Красной Армии: 1-го крестьянского коммунистического (более известного как полк Красных орлов) и 1-го Камышловского (впоследствии – 254-го стрелкового) полков[4]. В них наряду с историей формирования и боевой деятельности этих частей на фронтах Гражданской войны автор отметил весьма интересный феномен аграрных отношений в Зауралье, который ни до него, ни после историки не

[1] *Медведев А.* По долинам и по взгорьям ... С. 14 – 15; *Рубинштейн Р., Рычкова Г., Солдатов В.* Колчаковщина на Урале // Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939. С. 5 – 9, 13 – 15.

[2] *Бессонов Ю.* Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне ... С. 128.

[3] *Рубинштейн Р.* Большевистское подполье при Колчаке // Разгром колчаковщины на Урале. С. 67 – 85; *Бессонов Ю.* На фронте и в тылу. Свердловск, 1937. С. 47.

[4] См.: *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва: К истории полка Красных орлов. Свердловск, 1934; Он же. Формирование на ходу: К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка. Свердловск, 1936.

исследовали. Здесь при осуществлении аграрных преобразований 1917 – 1918 гг. на первый план вышла не внутри-, а межобщинная борьба между малоземельными («бедняцкими») и многоземельными («кулацкими») волостями, то есть имело место не классовое, а территориальное размежевание, при котором на первый план выходят другие социальные связи (соседские, родственные), способные определить место человека в социальном конфликте вопреки его имущественному положению. Это очень интересное наблюдение П. П. Бажова, но оно не вписывалось в схему Гражданской войны, выработанную большевистскими идеологами, и, видимо, поэтому впоследствии было предано забвению. Книга «Формирование на ходу» была запрещена, а П. П. Бажов в январе 1937 г. исключен из партии.

В 1942 г. в Москве Я. П. Резвушкиным была защищена докторская диссертация «Великая Октябрьская революция и гражданская война на Урале»[1]. Написанная на широком круге источников, эта диссертация дает объемную картину событий Гражданской войны на региональном уровне. К недостаткам диссертации следует отнести слабый научно-справочный аппарат (практически полное отсутствие ссылок на использованные источники) и преувеличение роли Сталина в событиях Гражданской войны. Несмотря на эти недостатки, исследование Я. П. Резвушкина по праву можно считать важной вехой в советской историографии Гражданской войны на Урале. К сожалению, эта диссертация не была опубликована в виде монографии и осталась без внимания отечественных историков.

Гражданская война в казачьих областях Урала освещалась историками в 1930-е – начале 1950-х гг. очень скупо, отдельными штрихами в общем контексте развернувшейся борьбы. Можно отметить лишь две работы, в которых участие казачества Урала в этой войне стало непосредственным предметом исторического исследования, – монографии Ф. Г. Попова и С. М. Петрова[2]. В отличие от трудов, вышедших в свет в 1920-е гг., они созданы на основе привлечения широкого круга источников: архивных документов и материалов периодической печати, однако в концептуальном плане мало чем от них отличаются. Авторы, как и прежде, доказывали тезис о сплошной изначальной контрреволюционности казачества, не отрицая при этом того факта, что отдельные представители этого сословия были активными сторонниками советской власти, что трактуется как исключение, подтверждающее правило. Корни казачьей контрреволюционности исследователи по-прежнему видели в лучшей земельной обеспеченности и нежелании поступиться ею в

[1] См.: *Резвушкин Я. П.* Великая Октябрьская революция и гражданская война на Урале: Дис. ... докт. ист. наук. М., 1942.

[2] См.: *Попов Ф. Г.* Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. М.-Самара, 1934; *Петров С. М.* Разгром дутовщины: (Первый этап борьбы: 1917 г. – январь 1918 г.). Челябинск, 1940.

пользу иногородних в ходе уравнительного передела. Отдельные краткие сведения, касающиеся оренбургского казачества, имеются в трудах историков, освещавших события Гражданской войны на Южном Урале: Н. Ф. Евсеева, Г. П. Рычковой, В. Ф. Воробьева, Г. Гужвенко, придерживавшихся традиционного для того времени взгляда на казачество как на контрреволюционную силу[1].

В начале 1950-х гг. интерес историков к проблемам Гражданской войны снизился. Рискнем предположить, что события той войны были оттеснены на второй план только что завершившейся Великой Отечественной. Даже в тех немногих изданиях, которые появились в этот период, внимание исследователей, во-первых, было сосредоточено на вопросах создания и развития Красной Армии[2]; во-вторых, – на международных аспектах Гражданской войны, точнее – на причинах, характере и последствиях иностранной военной интервенции. Начавшаяся «холодная война» вновь обострила противостояние двух общественных систем, и от историков потребовалось на конкретных примерах из недавнего прошлого доказать исконную враждебность империализма к победившему социализму. Советские историки выполнили поставленную задачу: на серьезной источниковой основе, с привлечением архивных фондов, советских и зарубежных периодических изданий, мемуарной литературы был написан ряд монографий, в которых империалистические державы Запада представали в качестве главной действующей силы Гражданской войны, боровшейся против Советской России как с помощью прямого вооруженного вмешательства, так и посредством военной, финансовой и политической поддержки Белого движения[3].

На Урале в начале 1950-х гг. научные исследования по Гражданской войне были практически свернуты. Единственной крупной работой, появившейся в это время, была монография А. И. Устькачкинцевой[4]. В заслугу автору следует поставить первенство в изучении деятельности комитетов бедноты на Урале, а также введение в научный оборот широкого круга источников, касающихся продовольственной и налоговой

---

[1] *Евсеев Н. Ф.* Конница в разгроме белых на Урале. М., 1934. С. 3; *Рычкова Г. П.* Красная гвардия на Урале ... С. 62 – 65; *Воробьев В. Ф.* Оборона Оренбурга ... С. 7 – 8; *Гужвенко Г.* Башкирия в борьбе за Октябрь ... С. 44.

[2] См.: *Петров Ю. П.* Строительство партийно-политического аппарата в Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 гг.). М., 1952; *Шатагин Н. И.* Организация и строительство Советской Армии в 1918 – 1920 гг. М., 1954.

[3] См.: *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1918 – 1920 гг. М., 1952; *Березкин А.* США – главный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918 – 1920). М., 1952; *Гулыга А., Геронимус А.* Крах антисоветской интервенции США в 1918 –1920 гг. М., 1952; *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917 – 1924). М., 1954.

[4] См.: *Устькачкинцева А. И.* Пермская партийная организация в борьбе за упрочение советской власти (1918 г.). Молотов, 1953.

политики советской власти в регионе. В остальном автор не выходит за рамки официальной концепции Гражданской войны.

В целом эволюция советской историографии Гражданской войны в 1930-е – первой половине 1950-х гг. представляла собой противоречивый процесс. С одной стороны, на базе накопленных в предшествующие годы знаний продолжалось развитие исторической науки. С другой, в связи с утверждением в СССР жесткого тоталитарного режима в ней возобладал догматизм, основанный на примитивном, вульгаризированном истолковании теории исторического материализма. Это придало историческим исследованиям однобокое направление, исключающее возможность объективной оценки сложных общественных явлений. Наверное, мы не очень погрешим против истины, утверждая, что по сравнению с 1920-ми гг. историческая наука сделала шаг назад.

Этапным событием в развитии не только исторической науки, но и всех отраслей гуманитарного знания стал XX съезд КПСС. Вскоре после завершения его работы в журнале «Коммунист» была опубликована коллективная статья нескольких видных историков, в которой были подняты некоторые принципиальные вопросы историографии Гражданской войны[1]. В статье были подвергнуты критике теоретические установки, сформированные в науке в период культа личности И. В. Сталина, и определены основные направления дальнейшего исследования совокупности проблем, относящихся к эпохе гражданского противостояния в России. В качестве ключевых задач выдвигались пересмотр роли и значения отдельных этапов борьбы в общем исходе Гражданской войны, необходимость показа роли народных масс и их коллективного руководителя – Коммунистической партии. Историков призвали к объективности: наряду с успехами и победами им рекомендовалось показывать отдельные ошибки, трудности и лишения, выпавшие на долю народа.

Подробно принципы нового подхода к изучению истории Гражданской войны были изложены в книге С. Ф. Найды, увидевшей свет в 1958 г.[2] В ней была подвергнута острой критике сложившаяся в исторической науке практика освещения и оценки событий, когда они служили лишь своего рода фоном для показа деятельности отдельных личностей – самого И. В. Сталина и узкого круга приближенных к нему лиц. Автор подчеркнул, что такой подход не только сковывал научную мысль, но и приводил к тенденциозности в подборе фактов и документов, к замалчиванию и искажению их. Однако критика культа личности и его последствий отнюдь не означала пересмотра методологических основ советской исторической науки. Наоборот, автор требовал усиления борьбы за комму-

[1] См.: *Кузьмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С.* О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54 – 71.

[2] См.: *Найда С. Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958.

нистическую партийность в науке против «народническо-эсеровских» и «мелкобуржуазно-анархистских ее искажений», «глубокого классового анализа исторических событий», поскольку только на основе этих принципов являлось возможным, по его мнению, их объективное освещение[1].

Позиция С. Ф. Найды полностью совпадала с теми установками, которые были сформулированы в передовой статье 3-го номера журнала «Вопросы истории» за 1957 г. В ней были подвергнуты уничтожающей критике те историки, которые развенчание культа личности поняли как определенную идеологическую либерализацию и попытались переосмыслить некоторые наиболее одиозные догматы, укоренившиеся в исторической науке в эпоху сталинизма. Однако их тут же, что называется, «поставили на место», обвинив в забвении принципа партийности исторической науки под прикрытием мнимой заботы об объективности при анализе общественных явлений. Всему научному сообществу еще раз напомнили, что «советский историк – не сторонний наблюдатель», что он «солдат партии» и при оценке фактов должен руководствоваться принципами классового подхода, а не «буржуазного объективизма»[2].

Поэтому все труды, созданные советскими историками в 50 – 80-е гг. XX века, объединяет концептуальная общность: они написаны в русле историко-материалистической парадигмы, строгого следования принципам классовости и партийности в оценке исторических фактов. Вместе с тем, изменения, происшедшие в общественно-политической жизни страны после XX съезда КПСС, оказали существенное влияние на развитие отечественной исторической науки. Прежде всего, произошла смена приоритетов в исследовательской проблематике: на первый план вышли вопросы социально-политического характера, потеснив вопросы вооруженного противостояния, партийно-государственного и хозяйственного строительства.

Отметим появление многотомных обобщающих трудов, а также энциклопедического издания по истории Гражданской войны, в которых уральская проблематика заняла достойное место[3]. Вслед за монографиями Л. М. Спирина, Г. В. Кузьмина, П. В. Соловьева, С. Ф. Найды[4] издается целый ряд трудов уральских историков, освещающих события Гражданской

---

[1] См.: *Найда С. Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958. С. 7 – 8.

[2] См.: За ленинскую партийность в исторической науке! // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 3 – 19.

[3] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3; 1959. Т. 4; Гражданская война в СССР. В 2 т. М., 1986; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983.

[4] См.: *Спирин Л. М.* Разгром армий Колчака. М., 1957; *Кузьмин Г. В.* Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958; *Соловьев П. В.* Коммунистическая партия – организатор разгрома военной интервенции и внутренней контрреволюции. М., 1958; *Найда С. Ф., Алексашенко А. П.* Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1959.

войны на Урале в целом и в его отдельных регионах[1]. Конец 1950-х гг. ознаменовался изданием большого количества мемуарной литературы – как сборников, так и книг воспоминаний участников Гражданской войны[2]. На следующее десятилетие приходится бум публикации сборников документов по той же тематике[3]. В 1960 – 1980-е гг. в ряде городов Урала прошли научные конференции, в ходе которых обсуждался широкий круг проблем, относящихся к хронологическому отрезку 1918 – 1920 гг.[4]

Уральскими историками был поднят ряд проблем, вызвавших в научном сообществе оживленные дискуссии. В их числе – вопрос об осуществлении аграрных преобразований советской власти. В его исследовании активное участие приняли Я. С. Юферев, П. С. Лучевников, Н. К. Лисовский, Н. В. Ефременков, Л. Ф. Малафеев, М. Д. Машин, В. П. Половинко, Л. А. Евдокимов, Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева и др.[5] К сожалению,

---

[1] См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918 – 1919 гг. Челябинск, 1958; *Рябухин Е. И.* В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959; Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959; *Рощевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; *Футорянский Л. И.* Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Оренбург, 1968; *Капугович И. С.* Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

[2] См.: В борьбе за власть Советов: воспоминания коммунистов-участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957; Под красным знаменем. Сб. воспоминаний. Пермь, 1957; За власть Советов: воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957; На Южном Урале: воспоминания участников гражданской войны. М., 1958; Легендарный рейд: сб. воспоминаний о походе южноуральских партизан под командованием В.К. Блюхера. М., 1959; В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959; *Голиков Ф. И.* Красные орлы. М., 1959; Страницы героического прошлого: воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1959; и др.

[3] См.: Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1962; Южное Зауралье в период гражданской войны. Курган, 1963; Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ижевск, 1962; Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966; Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 – 1920). Свердловск, 1967; Октябрь в Башкирии. Уфа, 1979; и др.

[4] См.: Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968; Установление и упрочение Советской власти на Урале. Челябинск, 1983; Гражданская война на Урале. Челябинск, 1983; и др.

[5] См.: *Юферев Я. С.* Победа Советской власти на Урале. Свердловск, 1957; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918 – 1919 гг. Челябинск, 1958; *Лисовский Н. К.* 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; *Ефременков Н. В., Малафеев Л. Ф.* Осуществление декрета о земле и развертывание социалистической революции в деревне // Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 90 – 114; *Евдокимов Л. А.* Деятельность земельных комитетов по проведению первых аграрных преобразований на Урале в ноябре 1917 – марте 1918 года // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1973. Сб. 2. С. 44 – 53; *Машин М. Д., Половинко В. П.* Осуществление первых социалистических преобразований в уральской деревне в период установления и упрочения советской власти (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Проведение аграрной политики советской власти в Зауралье. Челябинск, 1976. С. 72 – 85; *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Историография вопроса о перераспределении земельного фонда на Урале в результате Октябрьской революции // Историография истории Урала переходного периода. 1917 – 1937. Свердловск, 1985. С. 47 – 62.

многих из них поразила тяга к «гигантомании» – многократному преувеличению площади земель, переданных в пользование крестьянам региона. Разброс приводимых ими цифр настолько велик, что заставляет поставить вопрос об их достоверности. Степень изученности данной проблемы не позволяет сделать однозначного вывода о правоте того или иного автора, но дает основания утверждать, что реализация Декрета о земле на первом этапе аграрной революции не принесла уральскому крестьянству существенного улучшения земельной обеспеченности. Отсутствие крупных массивов частновладельческих земель не позволяло создать существенный распределительный фонд. Зато дало основание некоторым историкам утверждать, что именно это обстоятельство послужило ускорителем начала «второй социальной войны в деревне». В частности, Е. П. Редакова, С. С. Глебов, К. Я. Вотинова и И. С. Капцугович датировали начало внутриобщинных земельных переделов (т. е. изъятия земли у зажиточной части деревни в пользу бедноты) весной 1918 г., а Л. И. Легошин – и вовсе осенью 1917[1]. Однако это не находит подтверждения ни в источниках, ни в литературе[2].

Еще одна дискуссия развернулась по вопросу датировки советизации Урала. Ряд историков отстаивали утвердившийся в предыдущие десятилетия тезис о том, что она завершилась к весне 1918 г.[3] Однако Л. И. Легошин высказал сомнение в этом, а А. Т. Тертышный на основе исторических и историографических фактов доказал, что даже на незанятой белыми тер-

---

[1] *Редакова Е. П.* О некоторых особенностях в проведении аграрных преобразований в Южном Зауралье в 1918 – 1920 гг. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 181-182; *Она же.* Проведение в жизнь первых аграрных законов советской власти в Шадринском уезде (1918 – 1920 гг.) // Учен. зап. Курган. гос. пед. ин-та. Курган, 1962. Вып. 4. С. 176; *Глебов С. С.* Победа советской власти в Южном Зауралье. Курган, 1961. С. 142 – 143; *Вотинова К. Я., Капцугович И. С.* Упрочение советской власти. Первые социалистические преобразования на Урале // История Урала. Пермь, 1977. В 2 т. Т. 2. С. 62; *Легошин Л. И.* Большевики и крестьянское движение на Урале накануне Октябрьской революции // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет советской власти. Свердловск, 1968. С. 41.

[2] См.: *Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и Власть в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002. С. 102 – 107.

[3] Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 221; Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965. С. 244; *Быстрых Ф. П.* Установление власти советов на Урале // Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 471; *Он же.* Большевики Урала во главе масс в период борьбы за победу власти Советов // Вопросы истории КПСС. 1967. № 4. С. 58; *Катаев Л. В.* К истории установления власти Советов в волостях и селах Урала (1917 – 1918 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 105; *Он же.* Из истории строительства волостных и сельских Советов на Урале // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1970. № 103. Вып. 18. С. 25 – 27.

ритории процесс советизации растянулся на многие месяцы, а в ряде отдаленных районов – вплоть до начала 1919 г.[1]

С проблемой советизации тесно увязан вопрос о роли умеренных социалистов в этих органах власти. Изучавшие его И. П. Прусанов, А. С. Быстрова, П. Н. Соболев, Е. С. Садырина, Н. К. Лисовский, И. С. Капцугович, Л. И. Легошин, О. А. Васьковский, Л. В. Катаев и другие историки, как правило, возлагали на левых эсеров вину за медленное и недостаточно эффективное осуществление Декрета о земле и других законов советской власти, за срыв компании по заготовке продовольствия, им приписывались подрывные замыслы против большевистской партии[2]. Но в конце 1980-х гг. ряд исследователей отказались от предубеждения в отношении социалистов и доказали, что они активно участвовали в осуществлении первых декретов советской власти, проводили агитационно-пропагандистскую работу в деревне в ее интересах, а левоэсеровские боевые дружины сражались в рядах красногвардейских отрядов[3].

В 1950 – 1980-е гг. предметом пристального внимания историков стали вопросы, связанные с переходом уральского крестьянства на сторону антибольшевистских сил в начальный период Гражданской войны[4], а так-

---

[1] См.: *Легошин Л. И.* Большевики Урала в борьбе за установление власти советов в деревне // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 50 – 62; *Тертышный А. Т.* Историография советов Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (октябрь 1917 – 1918 г.). Свердловск, 1988.

[2] *Прусанов И.П.* КПСС – организатор военно-политического союза рабочих и крестьян. М., 1956. С. 12; *Быстрова А.С.* Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956. С. 8; *Соболев П. Н.* Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 125 – 128; *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 148 – 149, 211; *Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 131 – 134; *Капцугович И. С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 144 – 145; *Катаев Л. В.* Из истории строительства волостных и сельских советов на Урале. С. 35 – 36; *Васьковский О.А.* К вопросу о позиции мелкобуржуазных партий на Урале в период борьбы за упрочение советской власти // Наш край. Свердловск, 1971. С. 107 – 108; *Легошин Л. И.* Большевики и создание сельской Красной гвардии на Урале // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала. Свердловск, 1983. С. 71 – 72.

[3] *Семьянинов В. П.* Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры. Саратов, 1988. С. 71; *Акмалова А. А.* Левоблокистская тактика уральских большевиков в начальный период гражданской войны // Борьба партийных организаций Урала за союз трудящихся классов в период гражданской войны. Свердловск, 1987. С. 7 – 8.

[4] *Васьковский О. А.* К вопросу о соотношении классовых сил в уральской деревне в период гражданской войны (1918 г.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 344; *Никитин В. Н.* Борьба уральских коммунистов за военно-политический союз рабочего класса и крестьянства в период иностранной интервенции и гражданской войны // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск. 1972. Вып. 6. С. 115 – 118; *Машин М. Д., Половинко В. П.* Осуществление первых социальных преобразований в уральской деревне в период установления и упрочения советской власти. С. 82.

же с деятельностью чрезвычайных органов в деревне – комитетов бедноты[1]. Исследователи не вышли за рамки сформировавшейся в предшествующие годы концепции, объясняя отход крестьян от поддержки советской властью недовольством формами и методами проведения заготовительной кампании, незавершенностью аграрных преобразований, политическим влиянием кулачества, под которое попал и середняк. Что касается комбедов, то все исследователи делали упор на осуществление комбедами фискально-полицейских функций (организации учета посевов и урожая, изъятия совместно с продотрядами хлебных излишков, подавлении сопротивления зажиточных слоев деревни, недовольных продовольственной политикой властей), а также на «очищении» сельских и волостных советов от пробравшихся туда классово чуждых диктатуре пролетариата элементов. Но если некоторые исследователи (А. С. Быстрова, В. М. Жуков) считали, что за короткий срок своего существования комитеты бедноты полностью справились с возложенными на них задачами, то другие (О. В. Васьковский, А. Т. Тертышый, В. В. Третьяков) пришли к выводу, что они не смогли выполнить своей главной задачи – нейтрализовать середняка, оторвать его от кулачества и привлечь на сторону советской власти.

Но, пожалуй, наиболее широкой в 1950 – 1980-е гг. была дискуссия о времени «поворота» среднего крестьянства на сторону советской власти. С 1930-х гг. в отечественной историографии утвердилась точка зрения, датирующая это событие осенью 1918 г. Она перекочевала и в труды историков последующих десятилетий. Ее придерживались Н. С. Мутовкин, Е. С. Садырина, А. С. Быстрова, Е. И. Рябухин, П. И. Рощевский, т.е. в основном

---

[1] См.: *Герасимюк В. Р.* Начало социалистической революции в деревне. 1917 – 1918 гг. М., 1958. С. 68 – 160; *Она же.* Комбеды Российской Федерации в цифрах // История СССР. 1960. № 4. С. 120 – 126; *Чернобаев А. А.* Развитие социалистической революции в деревне. М., 1975; *Он же.* Комбеды Советской России. М., 1972; *Он же.* Комбед. М., 1978; *Быстрова А. С.* Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956; *Жуков В. М.* Из истории социалистической революции в уральской деревне (1918 г.) // Учен. зап. Свердл. высш. парт. школы. Свердловск, 1961. Вып. 2. С. 157 – 185; *Томшич Т. С.* О некоторых особенностях деятельности комбедов на территории Удмуртии // Вопросы истории и экономики. Ижевск, 1971. С. 24 – 31; *Никитин В. Н.* Борьба уральских коммунистов за организацию комитетов деревенской бедноты летом и осенью 1918 г. // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 122 – 134; *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* Проблема комбедов на Урале в исторической литературе // Историография истории создания союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 46 – 61; *Третьяков В. В.* К вопросу о времени возникновения и деятельности комбедов на Урале // Гражданская война на Урале. Челябинск, 1983. С. 29 – 32; *Понихидин Ю. М.* Комбеды в системе чрезвычайных органов власти периода «военного коммунизма»: (к постановке вопроса) // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 58 – 62.

авторы работ, опубликованных в 1950 – 1960-е гг.[1] Однако далеко не все разделяли подобную точку зрения. Так П. С. Лучевников в монографии, опубликованной в 1958 г., указывал, что осенью 1918 г. основная масса среднего крестьянства Урала, хотя и отказывается от активной поддержки контрреволюции, но, все же, не переходит на сторону советской власти, некоторое время сохраняя нейтралитет. Активное участие в борьбе с колчаковщиной середняцкая масса принимает лишь на завершающем этапе этой Гражданской войны в регионе[2]. Год спустя появляется коллективный труд «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», авторы которого, хотя и не поддержали радикальную переоценку П. С. Лучевникова, но, тем не менее, сместили датировку окончательного перехода уральского крестьянства на сторону советской власти на зиму 1918 – 1919 г.[3] Дальнейшие исследования проблемы связаны, в основном, с именами О. А. Васьковского, А. Т. Тертышного, И. Ф. Плотникова и В. Н. Никитина[4]. Их точка зрения сводится к тому, что зимой 1918 – 1919 г. крестьянство засомневалось в правильности своей позиции поддержки контрреволюционных сил, а к началу лета его переход на сторону советской власти состоялся. К сожалению, историки 1950 – 1980-х гг. недостаточно внимания уделили выявлению объективных и субъективных факторов поворота крестьянства. В этом отношении выводы исследователей 1920-х гг. выглядят более глубокими и обоснованными[5].

---

[1] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии ... С. 240; *Быстрова А. С.* Комитеты бедноты в Вятской губернии … С. 99 – 100; *Рябухин Е. И.* В борьбе с контрреволюцией … С. 87 – 88; *Рощевский П. И.* Гражданская война в Зауралье ... С. 140; *Мутовкин Н. С.* Политика Коммунистической партии по отношению к крестьянству. М., 1974. С. 15.

[2] *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале ... С. 45, 177 – 178.

[3] Коммунисты Урала в годы гражданской войны ... С. 242 – 246.

[4] *Васьковский О. А.* Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 138 – 139; *Он же.* Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981. С. 29 – 32; *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* Некоторые итоги изучения социально-политических проблем истории Урала периода гражданской войны (1918 – 1920) // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны. Свердловск, 1984. С. 136 – 138; *Плотников И. Ф.* В. И. Ленин о колебаниях и повороте среднего крестьянства Урала и Сибири на сторону советской власти в период иностранной интервенции и гражданской войны // Классовая борьба на Урале. 1917 – 1932 гг. Свердловск, 1974. С. 22 – 24, 31 – 35; *Никитин В. Н., Плотников И. Ф.* Осуществление коммунистами Урала решений VIII съезда РКП (б) по крестьянскому вопросу в период освобождения края от колчаковщины // Партийные организации Урала в борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции. Свердловск, 1979. С. 28 – 29; *Они же.* Борьба коммунистов за уральское крестьянство зимой 1918/19 г. // Урал в годы гражданской войны. Свердловск, 1986. С. 104 – 105; *Никитин В. Н.* Борьба уральских коммунистов за военно-политический союз рабочего класса и крестьянства в период иностранной интервенции и гражданской войны ... С. 138 – 140.

[5] Более подробный анализ см.: *Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и Власть в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.) ... С. 128 – 136.

Еще одна проблема, на которой хотелось бы остановиться – это попытка советских историков обосновать, доказать с использованием данных сельскохозяйственной статистики выдвинутый В. И. Лениным в 1919 г. тезис об «осереднячивании» российской деревни в результате аграрных преобразований советской власти. Он утвердился в отечественной историографии еще в 30 – 40-е гг. XX в., но тогда считался аксиомой и аргументации не требовал. Однако в 50-е и последующие годы набрала силу новая тенденция: историческая наука, базирующаяся на принципах исторического материализма, должна была подвести под ленинские выводы базисное обоснование. Попытки такого рода были предприняты Е. Н. Кочетовской, В. С. Зайцевым, П. Н. Соболевым, В. Сторожевым, П. И. Лященко, В. М. Андреевым, Н. С. Мутовкиным, Ю. А. Поляковым[1], а также уральскими историками А. С. Быстровой, Р. П. Толмачевой и В. П. Анистратенко[2]. Однако приводимые ими аргументы были столь слабы, а жонглирование цифрами столь очевидным, что некоторые историки (А. Ф. Данилевский, С. П. Трапезников, отчасти – В. П. Гуров), не решаясь прямо выступить против официальной доктрины, сформулированной еще В. И. Лениным, использовали в своих работах термин «нивелировка» деревни, не указывая при этом, на каком уровне она происходила[3].

И, наконец, еще одной проблемой, вызвавшей живой интерес исследователей, был вопрос о причинной обусловленности перехода к новой экономической политике. Как известно, уже во второй половине 1920 г. в деревне назрел новый политический кризис. Но вплоть до 1960-х гг. советская историография почти не уделяла внимания причинам его возникновения. Историки вообще избегали термина «кри-

---

[1] См.: *Кочетовская Е. Н.* Национализация земли в СССР. М., 1952; *Зайцев В. С.* Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения советской власти. М., 1953; *Сторожев В.* Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М., 1954; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1956; *Соболев П. Н.* Союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в Октябрьской революции. М., 1967; *Андреев В. М.* Под знаменем пролетариата: Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981; *Мутовкин Н. С.* Политика коммунистической партии по отношению к крестьянству. М., 1974; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

[2] См.: *Быстрова А. С.* Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956; *Толмачева Р. П.* К вопросу об экономической политике советской власти в деревне в 1920 г. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1964. Вып. 5. С. 103 – 111; *Анистратенко В. П.* Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1970. № 103. Сер. ист. Вып. 18. С. 77 – 96.

[3] *Данилов В. П.* Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни // Вопросы истории. 1962. № 2. С. 210 – 211; *Он же.* По поводу так называемого третьего этапа аграрной революции // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 208 – 211; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 1. С. 489; *Гуров В. П.* Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к НЭП // Наш край. Свердловск, 1971. С. 115 – 123.

зис», когда речь шла о конце эпохи «военного коммунизма». Безусловно, в числе предпосылок отказа от чрезвычайных мер и перехода к новой экономической политике мимоходом упоминалось о нарастании недовольства крестьян продразверсткой, но этому не придавалось решающего значения. Переход к нэпу трактовался как заранее спланированное мероприятие, как возврат к экономическим методам управления народным хозяйством, отказ от которых в пользу экстраординарных мер был обусловлен чрезвычайными обстоятельствами Гражданской войны. Тезис о несовпадении коренных экономических интересов крестьянства с тем хозяйственным укладом, который был сконструирован властью, появился в советской историографии позднее – в 1980-е гг. в трудах В. М. Андреева, И. А. Юркова, В. В. Кабанова, фундаментальном исследовании «История крестьянства СССР»[1]. Одновременно с ними уральские историки В. П. Анистратенко, В. П. Гуров, А. Т. Тертышный пришли к выводу о том, что переход к нэпу был вынужденной мерой, которая позволила предотвратить новый взрыв крестьянского недовольства[2]. С этой проблемой непосредственно связан сюжет о Западносибирском крестьянском восстании 1921 г., в орбиту которого был вовлечен и ряд уездов Урала. Он появился в трудах историков в 1970 – 1980-е гг., но оценки его характера, как кулацко-эсеровского мятежа, не выходят за традиционные для советской историографии рамки[3].

1960-е гг. стали переломным рубежом в историографии Гражданской войны в казачьих областях Урала. 24 октября 1963 г. газета «Южный Урал»

[1] См.: *Андреев В. М.* Под знаменем пролетариата … С. 181 – 195; *Юрков И. А.* Экономическая политика партии в деревне. 1917 – 1920. М., 1980. С. 42 – 55, 78 – 89; *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 165 – 202; История крестьянства СССР. Т. 1. М., 1986. С. 200 – 218.

[2] См.: *Анистратенко В.П.* Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу ... С. 77 – 96; *Гуров В. П.* Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к НЭП ... С. 115 – 123; *Он же.* К вопросу о политических настроениях уральских крестьян накануне перехода к новой экономической политике // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. Вып. 3. С. 3 – 12; *Он же.* Уральская деревня после разгрома колчаковщины // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала (1918 – 1920). Свердловск, 1982. С. 61 – 77; *Тертышный А. Т.* Хозяйственная политика партии и советского государства в деревне в 1919 – 1920 гг. // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала (1918–1920). Свердловск, 1982. С. 136 – 154.

[3] См.: *Анистратенко В. П.* Мероприятия партийных организаций Урала по ликвидации кулацкого мятежа 1921 г. // Из истории партийных организаций Урала: Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1971. № 120. Сер. ист. Вып. 23. С. 65 – 77; *Гуров В. П.* К вопросу о политических настроениях уральских крестьян накануне перехода к новой экономической политике // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. Вып. 3. С. 3 – 12.

опубликовала статью Л. И. Футорянского «За глубину, за правдивость», в которой автор призвал историков отказаться от односторонней оценки участия оренбургского казачества в Гражданской войне. Ее появление было не случайным. Тенденция к пересмотру взглядов на казачество как сплошную контрреволюционную массу подспудно вызревала в предшествующее десятилетие. Первым признаком этого была небольшая работа В. И. Ананьева, который, характеризуя настроения казачества в период Гражданской войны, в отличие от своих коллег, не причислял его целиком к лагерю контрреволюции. Он подчеркивал, что настроенной антисоветски была лишь офицерская и кулацкая верхушка; трудовое же казачество приветствовало советскую власть и, пускай пассивно (заняв позицию благожелательного нейтралитета), но все же поддержало ее в борьбе с режимом А. И. Дутова[1].

С середины 1960-х гг. эта тенденция становится господствующей. Подтверждением тому стала публикация монографий Н. К. Лисовского и А. В. Апрелкова – соответственно в 1964 и 1965 гг.[2] Оба автора категорически возражали против включения всего казачества в состав социальной базы контрреволюции. К ней они отнесли только кулацкую его часть, а трудовых казаков объявили сторонниками советской власти.

Настоящий бум в изучении истории оренбургского казачества произошел в 70 – 80-е гг. XX в. В этот период появляется целый ряд монографий, публикуется множество статей, освещающих его участие в революции и Гражданской войне. В концептуальном плане они в корне отличались от литературы предшествующего периода. Историки категорически отвергали сталинскую оценку населенных казаками областей как «Русской Вандеи», упрекали своих предшественников за игнорирование факта классового расслоения казачества, и на этой основе – за подмену классового антагонизма в казачьих районах сословным. Своей главной задачей они считали реабилитацию казачества, снятие с него ярлыка одной из основных контрреволюционных сил. Большая работа в этом направлении была проделана Л. И. Футорянским[3]. В его трудах нашли отражение все аспекты проблемы, но

[1] *Ананьев В. И.* Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург, 1959. С. 14 – 17.

[2] См.: *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины (1917 – 1919). М., 1964; *Апрелков А. В.* Под боевыми знаменами. Челябинск, 1965.

[3] См.: *Футорянский Л. И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март – октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972; *Он же.* Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России // Вопросы истории капиталистической России. М., 1972. С. 139 – 157; *Он же.* Упрочение союза рабочего класса и трудового крестьянства Оренбуржья в период подготовки и проведения VIII съезда РКП(б) // Борьба партийных организаций Урала за союз трудящихся классов в период гражданской войны. Свердловск, 1987. С. 102 – 112.

основное внимание исследователя было сосредоточено на аграрных отношения и структуре землепользования в казачьих районах, а также на социальной дифференциации казачьих хозяйств в предреволюционный период. Значительный вклад в изучение истории Гражданской войны в казачьих областях Урала внесли М. Д. Машин, А. А. Ермолин, Г. В. Пожидаева[1]. Наиболее полно этот вопрос исследован в вышедшей в 1984 г. в Саратове монографии М. Д. Машина. Ее лейтмотивом является доказательство глубокой социально-экономической дифференциации оренбургского казачества в предреволюционный период, которая в последующем, в годы Гражданской войны, обусловила его политическое размежевание.

Однако приверженность советских историков к сугубо материалистическому подходу, исключительно экономическая детерминация политических явлений привела их к серьезным ошибкам. Определяя основную часть казачьего населения как «трудовой элемент», то есть, относя его к середняцкой и бедняцкой части сельского населения, они сделали вывод о единстве экономических и политических интересов трудового казачества и трудового крестьянства. На этом основании был выдвинут тезис о том, что основная часть населения казачьих областей, несмотря на определенные колебания, была на стороне советской власти, а не контрреволюции. Под лозунгом восстановления исторической справедливости началось «перекрашивание» казачества. Особенно преуспел на этом поприще Л. И. Футорянский, который на основе имущественной дифференциации казачьих хозяйств сделал вывод о наличии классового антагонизма внутри сословия[2]. Отсюда последовал очень спорный вывод о господстве просоветских настроениях в казачьей среде.

В 1950 – 1980-е гг. появилось достаточно большое количество работ, в которых затрагивались проблемы участия рабочего класса Урала в Гражданской войне. Не внося ничего принципиально нового в концептуальные вопросы трактовки событий, работы эти ценны тем, что в них, в отличие от исследований предыдущего периода, больше внимания уделялось исторической конкретике, освещению событий в том или ином уезде, городе, заводе. Историки обращались к деятельности конкретных личностей. История перестала быть полем деятель-

---

[1] См.: *Машин М. Д.* Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976; *Он же.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984; *Ермолин А.А.* Революция и казачество (1917 – 1920 гг.). М., 1982; *Пожидаева Г. В.* Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 453 – 460.

[2] См.: *Футорянский Л. И.* Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 292 – 306

ности безликих масс. В этой связи следует еще раз отметить, ранее упомянутые труды Л. М. Спирина, Н. К. Лисовского, П. С. Лучевникова, Е. И. Рябухина, Е. С. Садыриной, В. И. Ананьева, П. И. Рощевского, Я. С. Юферева, а также ряд коллективных монографий уральских историков[1]. Уральская проблематика присутствует и в общих работах по истории Гражданской войны – в исследованиях И. Б. Берхина, Г. В. Кузьмина, И. Ф. Кондрашева и других историков[2].

Повышенное внимание историков к социально-экономической проблематике нашло свое выражение в следующем: если в предыдущие годы исследователи лишь констатировали изменения, происшедшие в экономической и социальной сферах в первые месяцы советской власти, то, начиная со второй половины 1950-х, они приступили к детальному исследованию этих преобразований. Появляется целый ряд работ по истории рабочего класса, в которых основное внимание уделено анализу указанных проблем. Среди них монографии П. В. Волобуева, Г. А. Трукана, Л. С. Гапоненко, Е. Г. Гимпельсона, Л. М. Спирина, совместные труды И. Е. Ворожейкина и С. Л. Сенявского, В. З. Дробижева, А. К. Соколова и В. А. Устинова и др.[3] Уральскими историками А. П. Абрамовским, А. И. Лахманом, В. Ф. Мамоноваым, К. Я. Вотиновой, Ф. П. Быстрых, С. М. Бабушкиным, И. М. Шакинко, И. К. Рафиковым, С. М. Исхаковым, Б. Х. Юлдашбаевым и др. был опубликован ряд книг и статей, посвященных установлению рабочего контроля на предприятиях Урала, национализации промышленности и созданию новых организационных форм ее управления. Их усилиями была воссоздана

---

[1] См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961; Урал в огне революции. Пермь, 1967; Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. Челябинск, 1972; Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; и др.

[2] См.: *Берхин И. Б.* Разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. М., 1958; *Кузьмин Г. В.* Гражданская война в СССР. М., 1958; *Кондрашев И. Ф.* Советская страна в период иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1958.

[3] См.: *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., 1975; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; *Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс. М., 1974; *Он же.* Рабочий класс в управлении советским государством: ноябрь 1917 – 1920 гг. М., 1982; *Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л.* Рабочий класс – ведущая сила советского общества. М., 1977; *Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975; Очерки истории советского рабочего класса. М., 1966; Краткая история советского рабочего класса: 1917 – 967. М., 1968; История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 1. М., 1984.

целостная картина социально-экономической жизни Урала в конце 1917 – первой половине 1918 гг.[1]

Оригинальную концепцию причин национализации горнозаводской промышленности предложил В. В. Адамов. Не отрицая саботажа хозяев, как фактора субъективного, он (единственный среди советских историков) указал на объективную экономическую обусловленность этого процесса. По его мнению, хозяйственная замкнутость, «самодостаточность» горнозаводских округов, их слабая включенность в межхозяйственные связи общероссийского рынка не давали им возможности выжить в условиях конкуренции с более молодыми и технически передовыми горнодобывающими и металлургическими предприятиями Юга. Горным округам Урала была необходима государственная опека, и они получили ее в форме национализации[2].

В оценке социальных последствий национализации советские историки почти единодушны. Важнейшим справедливо признается изменение самого положения рабочего класса в системе общественных отношений: он становится господствующим, привилегированным классом[3]. Это обстоятельство, по мнению ряда историков, коренным образом изменило отношение рабочих к труду, способствовало росту их сознательности. Вопрос об отрицательных последствиях национализации (резкое падение дисциплины и производительности труда) был весьма робко поднят советскими историками лишь в середине 1970-х годов в монографии Г. А. Трукана[4].

---

[1] См.: *Абрамовский А. П.* Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск, 1981; *Он же.* Деловые советы – коллегиальные органы рабочего управления национализированными предприятиями Урала // Строительство социализма на Урале. Свердловск, 1989. С. 4 – 18; *Лахман А. И.* Во имя революции. Киров, 1981; *Мамонов В. Ф.* К творчеству нового. Свердловск, 1988; *Вотинова К. Я.* Социалистические преобразования в промышленности на Урале в первый период советской власти // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1963. Т. 225. Вып. 3. С. 49 – 74; *Быстрых Ф. П.* К вопросу о рабочем контроле в уральской промышленности в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1960. Вып. 33. С. 3 – 12; *Бабушкин С. М.* Рабочий контроль над производством на Урале // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1958. Вып. 18. С. 213 – 223; *Шакинко И. М.* Борьба уральских рабочих с саботажем горнопромышленников в 1917 году // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1966. № 158. С. 286 – 296; *Рафиков И. К.* Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала // Формирование и становление рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989. С. 22 – 35; *Исхаков С. М.* Об экономическом положении рабочих Башкирии в первые месяцы советской власти (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988. С. 35 – 42; *Юлдашбаев Б. Х.* Рабочий класс Башкирии накануне и в период Октябрьской революции и гражданской войны // Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Уфа, 1971. Ч. 1. С. 9 – 46; и др.

[2] *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 256.

[3] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России … С. 71.

[4] *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., 1975. С. 236 – 237.

Применительно к Уралу эту проблему рассматривал А. П. Абрамовский, который к указанным выше недостаткам добавил самовольную распродажу средств производства, несанкционированный обмен вырабатываемой продукции на продукты питания, анархо-синдикалистские тенденции в деятельности деловых советов[1].

Вплоть до середины 1960-х гг. советские историки избегали обсуждения вопроса о причинах активного участия уральских рабочих в антибольшевистском движении летом – осенью 1918 г., ограничиваясь кратким упоминанием о том, что часть «несознательных» рабочих, недавних выходцев из деревни, поддалась эсеро-меньшевистской агитации и приняла участие в «кулацких» восстаниях, имевших место в Невьянске, Верхней Туре, Кушве, на Нейво-Рудянском, Шайтанском, Юговском, Саткинском, Кусинском заводах[2]. Однако ущербность подобной аргументации была очевидной. Исследование В. В. Адамовым социальной структуры и групповых экономических интересов рабочих Урала послужило базой для новых теоретических обобщений[3]. Основываясь на них, один из крупнейших историков Гражданской войны на Урале О. А. Васьковский сделал вывод о том, что в силу своей привязанности к земле, к хозяйству, уральский рабочий был подвержен тем же колебаниям, что и крестьянин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в тот период, когда основная масса крестьянства Урала и Сибири заняла враждебную или выжидательную позицию в отношении советской власти, это нашло понимание и поддержку среди значительной части горнозаводских рабочих[4]. Выводы О. А. Васьковского были новым словом в историографии Гражданской войны. Они подвели социально-экономическое обоснование под решение вопроса о политической позиции в ней рабочего класса.

Освещению участия рабочего класса Урала в Гражданской войне посвящено огромное количество литературы, вышедшей в 1950–1980-е гг. Естественно, в ней безраздельно господствует официальная концепция, четко определяющая социальные группы, на которые опирались противоборствующие стороны. Рабочий класс, в частности, предстает как стойкий и последовательный борец за идеалы коммунизма, твердо стоявший на стороне советской власти. В исторических трудах этого периода практически не поднимался вопрос о колебаниях рабочего класса, о поддержке,

---

[1] *Абрамовский А.П.* Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала ... С. 29 – 30; *Он же.* Деловые советы – коллегиальные органы рабочего управления национализированными предприятиями Урала … С. 16.

[2] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии ... С. 230 – 231; *Лучевников П. С.* Гражданская война в Южном Урале ... С. 11; Коммунисты Урала в годы гражданской войны ... С. 142, 170 – 171.

[3] *Адамов В. В.* Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900 – 1917 гг. // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1969. № 72. Вып. 9. Сб. 8. С. 165.

[4] Гражданская война и иностранная интервенция на Урале ... С. 65 – 67; Урал в огне гражданской войны ... С. 14 – 16.

которую на определенном этапе некоторые его слои оказывали демократической контрреволюции на Урале, в Поволжье и Прикамье. Явно недостаточное освещение получил вопрос об Ижевско-Воткинском восстании, хотя, казалось бы, явление такого масштаба и значимости должно было привлечь внимание историков. Тем не менее, в исследованиях первой половины и середины 1950-х гг. о нем просто не упоминают. С конца 1950-х гг. об Ижевском восстании появляются отрывочные сведения: в монографии Г. В. Кузьмина, в коллективном труде уральских историков «Коммунисты Урала в годы гражданской войны»[1]. Несколько строк ижевскому феномену было посвящено в третьем томе многотомном труда «История гражданской войны в СССР», вышедшего в 1957 г.[2] Несколько подробнее он освещен в трудах Е. С. Садыриной и Е. И. Рябухина, поскольку территориальные рамки их исследований не позволяли проигнорировать одно из самых значимых событий Гражданской войны в Вятской губернии[3]. Характерной особенностью перечисленных исследований является весьма поверхностное изучение причин и социальной базы восстания. Все сводится к выступлению неких «полубуржуазных элементов», проникших на заводы в годы мировой войны и потому подверженных провокационной антисоветской агитации эсеров и меньшевиков, воспользовавшихся уходом основных сил местных парторганизаций на фронт.

Не изменилась историографическая ситуация и в два последующих десятилетия. Лишь в начале 1980-х гг. была пробита брешь в своеобразной «стене молчания» вокруг события, не вписывавшегося в официальную концепцию классового противоборства в ходе Гражданской войны. В 1982 г. в Ижевске вышла в свет книга удмуртского историка и краеведа К. И. Куликова «В боях за Советскую Удмуртию». Заслугой К. И. Куликова является ввод в научный оборот широкого круга источников: документов, материалов периодической печати, мемуарной литературы, не известных широким слоям читателей. Однако в том, что касается оценки социально-политической сущности Ижевского восстания, историк не вышел за пределы круга, очерченного официальной историографической концепцией. Он приложил массу усилий для того, чтобы доказать чужеродность этого мятежа, отсутствие у него социальных корней в среде рабочих-оружейников Ижевска и металлургов Воткинска[4]. Но даже сам факт появления этой книги и робкие попытки автора донести до читателя хотя бы крупицы

---

[1] *Кузьмин Г. В.* Гражданская война и военная интервенция в СССР ... С. 80; Коммунисты Урала в годы гражданской войны ... С. 172.

[2] История гражданской войны в СССР. 1917 – 1922. Т. 3: Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1957. С. 211.

[3] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии … С. 230 – 231, 237; *Рябухин Е. И.* В борьбе с контрреволюцией ... С. 42 – 56, 72 – 76.

[4] См.: *Куликов К. И.* В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск, 1982.

правды об Ижевском восстании были встречены в штыки руководством Удмуртского обкома КПСС. К. И. Куликову инкриминировались «8 политических ошибок», а директор издательства «Удмуртия» получил выговор.

Что касается отношения населения к антибольшевистским силам, то советские историки, как правило, не отделяли режим демократической контрреволюции от военной диктатуры А. В. Колчака. В обиход вошел даже термин «белогвардейская оккупация» для того, чтобы подчеркнуть чужеродный, насильственно утверждаемый характер этого режима. Его использование было призвано внедрить в сознание читателя представление о противостоящих советской власти силах как о наемниках мирового империализма. Лишь немногие историки отваживались говорить о том, что «новая власть (имеются в виду правительства Комуча и Временное областное правительство Урала) опиралась не только на штыки, но и на доверие определенной части трудящихся»[1].

Активизации исторических исследований по проблематике Гражданской войны обусловила и появление трудов историографического характера. В 1960 – 1970-е гг. публикуются крупные монографии И. А. Шермана, С. Ф. Найды, В. П. Наумова, выходит капитальный коллективный труд советских историков по проблемам историографии и источниковедения Октябрьской революции[2]. Одновременно быстрыми темпами развивается и уральская историографическая школа. Ее возникновение и развитие связано, прежде всего, с именем известного уральского историка О. А. Васьковского. В его трудах рассмотрен, по сути дела, весь комплекс проблем историографического освещения Гражданской войны на Урале, как в целом, так и по отдельным периодам развития исторической науки[3]. Особен-

---

[1] Гражданская война и иностранная интервенция на Урале ... С. 199.

[2] См.: *Шерман И. А.* Советская историографии гражданской войны в СССР (1920 – 1931). Харьков, 1964; *Найда С. Ф., Наумов В. П.* Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М., 1966; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. М., 1972; Великий Октябрь: История. Историография. Источниковедение. М., 1978.

[3] См.: *Васьковский О. А.* Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта по разработке истории гражданской войны // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. № 59. Сер. ист. № 3: Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1966. С. 24 – 30; *Он же.* Советская историография истории гражданской войны на Урале // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. № 61. Сер. ист. Вып. 10: Вопросы советской историографии Урала. Свердловск, 1967. С. 136 – 189; *Он же.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. № 78. Сер. ист. Вып. 11: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967. С. 3 – 165; *Он же.* Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 131 – 139; *Он же.* Итоги и задачи изучения истории гражданской войны на Урале // Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968. С. 53 – 69; *Он же.* Советская историография гражданской войны на Урале (начало 30-х – середина 50-х гг.) // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. № 72. Сер. ист. Вып. 9: Вопросы истории Урала. Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 169 – 234.

ности проявления социальных проблем в отдельных районах Урала рассматривали З. А. Аминев, М. М. Мартынова, П. И. Рощевский1.

В 1980-е гг. интерес к историографическому изучению Гражданской войны продолжал возрастать, что связано с накоплением большого количества материала для исследований. В центральных издательствах выходят крупные монографии В. Д. Поликарпова, Е. Н. Городецкого, брошюра Л. М. Спирина и А. Л. Литвина2 , а также многотомное издание «Очерки истории исторической науки в СССР» (1985 г.). Во всех названных исследованиях определенное место отведено уральской региональной тематике. Во второй половине 1980-х гг. в историографических исследованиях происходит смещение акцентов. В связи с начавшейся перестройкой, которая втянула в свою орбиту и общественные науки, внимание историков переключается на переосмысление Октября и последовавших за ним событий в целом, что нашло отражение в статьях таких видных деятелей исторической науки как И. И. Минц и В. П. Наумов3. К тому времени на Урале сложилась своя историографическая школа, появилось несколько монографий, написанных О. А. Васьковским индивидуально, а также в соавторстве с его учениками А. Т. Тертышным, В. Д. Камыниным, Е. Б. Заболотным и др., в которых был обобщен опыт изучения истории Гражданской войны на Урале4. Показателем высокого уровня развития историографи-

---

[1] См.: *Аминев З. А.* Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии // Учен. зап. Башкир. гос. ун-та. Вып. 26. Сер. ист. наук. Вып. 5: Из истории Советской Башкирии. Уфа, 1967. С. 5 – 30; *Он же.* Историография Октябрьской революции в Башкирии // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 5 – 8; *Мартынова М. М.* Аграрные отношения в Вятской губернии в период империализма в советской историографии // Там же. С. 85 – 88; *Рощевский П. И.* К вопросу историографии гражданской войны в Зауралье в 1918 – 1920 гг. // Сб. материалов науч. сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск, 1963. С. 66 – 73.

[2] См.: *Поликарпов В. Д.* Начальный период гражданской войны: (история изучения). М., 1980; *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября: 1917 – середина 30-х годов. М., 1981; *Он же.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982; *Спирин Л. М., Литвин А. Л.* Партия большевиков – организатор разгрома белогвардейцев и интервентов: (историографический очерк). М., 1980.

[3] См.: *Минц И. И.* О перестройке в изучении Великого Октября // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 3 – 9; *Наумов В. П.* Современная историография Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1987. № 5. С. 76 – 94.

[4] См.: *Васьковский О. А.* Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981; *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* Современная историография истории Урала периода гражданской войны (1918 – 1920). Свердловск, 1984; *Васьковский О. А., Щербакова Н. М., Камынин В. Д.* Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. Свердловск, 1982; *Васьковский О. А., Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1985; *Васьковский О. А., Попов Н. Н.* Основные итоги изучения истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале // Урал и проблемы региональной историографии: советский период. Свердловск, 1986. С. 3 – 19; и др.

ческой мысли на Урале явилось проведение специализированных научных конференций: в 1985 г. в Челябинске («Историография гражданской войны на Урале») и в 1986 г. – в Свердловске («Урал и проблемы региональной историографии»)[1]. Количество их участников и широта охвата проблем продемонстрировали высокий научный потенциал уральской исторической школы. Эти конференции подвели своеобразный итог развитию советской историографии и знаменовали ее вступление на путь коренной перестройки.

Завершая обзор советской историографии Гражданской войны на Урале, мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего, следует отметить, что советскими историками была проделана громадная работа по изучению исторических источников: архивных документов, периодических изданий, мемуарной литературы. На этой основе была выстроена марксистско-ленинская концепция истории Гражданской войны. К сожалению, она носила скорее политико-идеологический, нежели исторический характер. Для ее обоснования осуществлялась целенаправленная корректировка источниковой базы исследований, а именно – избирательный принцип отбора документов, вводимых в научный оборот. Большое количество документов, содержание которых противоречило положениям и выводам официальной концепции, было помещено в спецхраны и таким образом скрыто от широкой научной общественности. В результате возникла проблема полноты и достоверности источников по истории Гражданской войны. Многие факты, не укладывающиеся в рамки общепринятой трактовки, либо замалчивались вовсе, либо преподносились в усеченном, искаженном виде, дабы не нарушать общей картины торжества идей социализма. Любые попытки историков выйти за пределы ленинско-сталинской версии Гражданской войны решительно пресекались административными методами. Однако, это не означает, что научная мысль стояла на месте. Напряженная работа историков по собиранию и анализу исторических фактов способствовала накоплению «критической массы» научного знания.

После распада Советского Союза наступает принципиально новый период в развитии историографии истории Гражданской войны на Урале. Он знаменуется тем, что подавляющее большинство историков, и те, кто занимался этими проблемами в советский период, и те кто начал свою научную деятельность уже в постсоветскую эпоху, переходят на сторону «белого движения» и очень критично относятся практически ко всем действиям осуществленными победителями в Гражданской войне – большевиками.

---

[1] См. об этом: *Камынин В. Д., Усанов В. И.* Конференция «Урал и проблемы региональной историографии» // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 123 – 125.

«Смена вех» ознаменовалась сменой методологических подходов. Идеологические ограничения снимаются, и исследователи начинают отказываться от историко-материалистической парадигмы в пользу модернизационной, цивилизационной, антропологической и т. п. Необходимость переосмысления Гражданской войны, ее причин, движущих сил и результатов, безусловно, являлась настоятельной необходимостью, что убедительно обосновал Ю. И. Игрицкий, в статье, опубликованной в сборнике «Гражданская война в России: перекресток мнений»[1].

Одним из первых в работу по объективизации картины Гражданской войны в Уральском регионе включился И. Ф. Плотников, выпустивший монографию под знаковым наименованием «Смута». В ней автор показал чрезвычайную сложность социально-политических процессов, имевших место на Урале летом 1918 г., отказался от бытовавшей в советской исторической науке оценки всех антибольшевистских сил как контрреволюционных, реставраторских[2]. Созданию воинских формирований антибольшевистских сил на востоке страны и их боевой деятельности посвящены монографии С. И. Константинова, В. В. Дубленных и Е. В. Волкова[3]. Перу последнего также принадлежит интересное исследование воздействия идеологии Белого движения на массовое сознание, формирования стереотипов его восприятия в советском обществе[4]. Е. В. Волков, И. Ф. Плотников, А. В. Ганин внесли заметный вклад в жанр исторической биографии, выпустив ряд трудов о деятелях Белого движения[5].

Переоценке подверглись, пожалуй, все аспекты историографии Гражданской войны. Например, характеризуя первые экономические преобразования советской власти, историки пересмотрели взгляд на национализацию промышленности как на плановый процесс формирования социалистической собственности. В частности, А. П. Абрамовский и А. В. Бу-

---

[1] См.: *Игрицкий Ю. И.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 55 – 70.

[2] См.: *Плотников И. Ф.* Смута. Уфа, 1994.

[3] См.: *Константинов С. И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997; *Дубленных В. В.* Белая армия на Урале: исторические справки частей и соединений. Екатеринбург, 2008; *Волков Е. В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.

[4] См.: *Волков Е. В.* «Гидра контрреволюции»: Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008.

[5] См.: *Волков Е. В.* Судьба колчаковского генерала: страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; *Он же.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биогр. справочник. М., 2003; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002; *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; *Он же.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

данов, исследовав социально-экономическую ситуацию в горных округах Южного Урала в конце 1917 – начале 1918 г., пришли к заключению о ее бессистемности, выборочности, на основании чего сделали вывод о ее преимущественно карательном характере[1]. Причины форсированной национализации горных заводов и целых округов, они выводят из сложной хозяйственной ситуации, дезорганизации производства разрыва экономических связей. Однако ответственность за эти явления, в отличие от В. И. Бакулина, который целиком возлагал ее на заводовладельцев, саботировавших мероприятия советской власти, частично перекладывают на органы распорядительного рабочего контроля, вмешательство которых в производственные процессы, по их мнению, было далеко не всегда компетентным и оправданным[2].

Кардинальному переосмыслению в современной отечественной историографии подвергся вопрос о взаимоотношениях рабочих и большевистской власти в период Гражданской войны. О массовых протестах рабочих в связи с разгоном Учредительного собрания писал Л. Г. Протасов[3]. Проблеме сложных взаимоотношений рабочих с «рабоче-крестьянской» властью несколько книг посвятил Д. О. Чураков[4]. Интересные сведения по этому вопросу, в частности, о количестве, характере и причинах забастовок, содержатся в коллективном труде сотрудников Института российской истории РАН[5]. Нельзя обойти вниманием книгу С. А. Павлюченкова «Военный коммунизм в России: власть и массы». В ней практически нет материала об Урале, но она дает общее представление о настроениях рабочих России в период Гражданской войны. В отличие от историков советской эпохи, С. А. Павлюченков в основе недовольства рабочих видит не только продовольственный кризис и хозяйственные трудности, которыми якобы искусно пользовались антисоветские силы. Не сбрасывая их со счета, он отмечает важную роль факторов политического характера, таких как разгон Учредительного собрания, установление жесткой однопартийной

---

[1] См.: *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917 – 1918 гг. Челябинск, 2008.

[2] *Бакулин В. И.* На пути интенсификации промышленного производства. (Из опыта 20-х гг.). Екатеринбург, 1992. С. 19; *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917 – 1918 гг. … С. 95 – 96.

[3] *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 146.

[4] См.: *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест: форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917 – 1918 годы. М., 2004; *Он же.* Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию: рабочее самоуправление в России. 1917 – 1918 гг. М., 2005; *Он же.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917 – 1930-е годы). М., 2007.

[5] См.: Трудовые конфликты в Советской России. 1918 – 1929 гг. М., 1998.

диктатуры (после событий 6 июля 1918 г.), преследования по политическим мотивам меньшевиков и левых эсеров, террор, развязывание Гражданской войны[1].

Современная российская историография позволяет понять, почему скрытое недовольство рабочих Урала в мае – июле 1918 г. выплескивается наружу, приобретая характер не только волнений, но и вооруженных выступлений. Эти события Гражданской войны были описаны и осмыслены в трудах историков из Екатеринбурга. Весьма убедительно о несогласии части уральских рабочих с действиями большевиков пишут екатеринбургские историки М. А. Фельдман и О. С. Поршнева[2]. Другой екатеринбургский исследователь Д. В. Гаврилов поместил в своей статье список, в котором перечислены 11 уральских заводов, где имели место антибольшевистские вооруженные выступления[3]. Еще один историк из Екатеринбурга М. И. Вебер опубликовал целую серию работ о восстаниях населения горнозаводских поселков Урала против диктатуры пролетариата. В своих публикациях М. И. Вебер выделил три основных этапа в эволюции вооруженного рабочего протеста на Урале: 1) январь – май 1918 г. (период спорадических, разрозненных антибольшевистских выступлений); 2) июнь – август 1918 г. (период крупных восстаний); 3) сентябрь – декабрь 1918 г. (постепенное затухание антибольшевистского рабочего протеста)[4].

Пик рабочих восстаний против большевистской власти на Горнозаводском Урале, по мнению М. И. Вебера, пришелся на июнь 1918 г. и был обусловлен объявленной большевиками в связи с выступлением Чехословацкого корпуса принудительной мобилизацией в Красную Армию. В это время на Южном Урале вспыхнули восстания рабочих Кусинского (14 – 22 июня) и Саткинского (18 – 28 июня) заводов. На Среднем Урале в этот период произошли также крупные восстания рабочих в Невьянске (12 – 17 июня), Каслях (12 – 16 июня) и Полевском (17 – 18 июня), а также ряд более мелких выступлений. Эти восстания оказали существенное влияние

---

[1] *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 145 – 148.

[2] См.: *Поршнева О. С., Фельдман М. А.* Власть и рабочие Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2013; *Поршнева О. С.* Власть и рабочие Урала: эволюция взаимоотношений в условиях Гражданской войны // Российская история. 2013. № 1. С. 47 – 62; *Фельдман М. А.* Были ли рабочие России инициаторами национализации промышленности в первые месяцы Советской власти? // Документ. Архив. История. Современность. Сб. научных трудов. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 229 – 247; и др.

[3] См.: *Гаврилов Д. В.* Уральские рабочие в гражданской войне 1918 – 1920 гг.: к историографии вопроса // История России первой трети XX в. Екатеринбург, 1996. С. 29 – 32.

[4] *Вебер М. И.* Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918 – 1919): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. С. 18.

на ситуацию на фронте, дестабилизируя тыл Красной Армии, деморализуя ее бойцов[1].

В целом, согласно подсчетам М. И Вебера, в 1918 г. на Урале произошло три крупных антибольшевистских восстания в горнозаводских поселках (Ижевско-Воткинское, Саткинское и Невьянское), 10 – 12 восстаний, которые можно оценить, как средние, и несколько десятков случаев волнений, закончившихся столкновениями и беспорядками. Полемизируя с советской историографией, М. И. Вебер акцентирует внимание на том, что организаторами восстаний уральских рабочих зачастую выступали не партии, а местные «Союзы фронтовиков» — внепартийные объединения ветеранов Первой мировой войны, изначально созданные для решения различных социально-бытовых вопросов, но вошедшие в конфронтацию с большевистской властью[2].

В 2010 г. увидела свет книга А. М. Кручинина о Невьянском восстании. Основное внимание автор уделил реконструкции и описанию боевых действий – занятию тем более сложному, что в первой половине 1918 г. РККА находилась в стадии формирования и в подавлении восстания приняли участие, главным образом, различные красногвардейские отряды, не имевшие налаженного делопроизводства. Скудость и разрозненность сохранившейся военной документации, ненадежность мемуаров и воспоминаний – вот основные препятствия на пути к воссозданию исторически достоверной картины боевых действий. Но надо отдать исследователю должное, так как он уверенно справился с этой непростой задачей. Помимо

---

[1] См.: *Вебер М. И.* «Златоустовская катастрофа» и её значение в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 125 – 141; *Он же.* Саткинское восстание 1918 г.: горнозаводские рабочие против диктатуры пролетариата // Маршал Победы в военной истории России. Екатеринбург, 2016. С. 48 – 55; *Он же.* «...Беспощадно выжечь все те заводские посёлки, население которых принимало участие в контрреволюционном выступлении». Невьянское антибольшевистское восстание 1918 года. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 24 – 28; *Он же.* Невьянское антибольшевистское восстание 1918 года // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1. Выпуск 17. С. 105 – 115; *Он же.* Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в Гражданской войне // Веси. 2014. Октябрь. № 8. С. 4 – 15; *Он же.* Неизвестное восстание: антибольшевистское выступление рабочих Каслинского завода в июне 1918 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 5 – 15; *Он же.* Мятеж рабочих Полевского завода против большевистской власти (16 – 18 июня 1918 года): причины и последствия // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С.170 – 182; *Он же.* Антибольшевистское выступление рабочих Верхне-Туринского завода 28 мая 1918 г. // Шаг в историческую науку. Вып. 12. Екатеринбург, 2012. С. 92 – 94; *Он же.* Бунтующий пролетарий: антибольшевистское выступление рабочих Юговского завода 18 июня 1918 г. в свете новых исторических источников // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 345 – 355.

[2] См.: *Вебер М. И.* К вопросу о роли политических партий в организации антибольшевистских восстаний уральских рабочих в 1918 г. // Военная история как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 53 – 58.

собственно боевых действий, в книге рассматриваются и социально-политические предпосылки восстания, а также его последствия – как в общем контексте Гражданской войны, так и сквозь призму личных судеб участников восстания[1].

В постсоветский период активизировался интерес исследователей к феномену Ижевско-Воткинского восстания – крупнейшего выступления рабочих против большевиков в годы Гражданской войны[2]. Фундаментальным исследованием истории восстания является монография П. Н. Дмитриева и К. И. Куликова «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» ставшая продолжением работы, начатой авторами в 1970 – 1980-е гг. По сравнению с книгой К. И. Куликова, о которой шла речь выше, эта глубже по содержанию, более упорядочена по форме. Еще более внушительной стала источниковая база: привлечены материалы зарубежных архивов, расширился круг мемуарной литературы и периодической печати, в основном, за счет изданий, выпускавшихся антибольшевистскими силами. Это позволило не только более полно осветить ход восстания, но и проследить судьбу его участников на последующих этапах Гражданской войны, вплоть до последних боев в Приморье осенью 1922 г. В новой книге стало меньше публицистичности и больше научного анализа. Однако в том, что касается интерпретации фактов, объяснения причин восстания авторы остались на позициях, характерных для советской историографии. Книга пестрит старыми идеологическими штампами: рабочие, поддерживающие большевиков, называются «передовыми», а симпатизирующие меньшевикам и эсерам – «отсталыми» и «несознательными»; падение авторитета и влияния большевиков летом 1918 г. объясняется «ухудшением качественного состояния рабочих коллективов»; рост недовольства рабочих масс политикой советской власти трактуется как «мелкобуржуазная волна», захлестнувшая рабочий класс[3].

По иному оценили сущность противостояния ижевских повстанцев большевистской диктатуре О. А. Васьковский и А. Т. Тертыш-

[1] См.: *Кручинин А. М.* Невьянский набат: Народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. Екатеринбург, 2010.

[2] См.: *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997; *Лекомцев В. Г.* К истории Воткинского завода: Междоусобная война (1918 – 1919 гг.) Воткинск, 1998; *Шумилов Е. Ф.* Августовское антибольшевицкое восстание 1918 г. в городе Ижевске и его последствия // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 12 – 22; *Чураков Д. О.* Государственная власть в России без большевиков: опыт правления третьей силы в Ижевске в 1918 г. // Там же. С. 23 – 25; *Шумилов Е. Ф.* Мифы и реалии Ижевского восстания // Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия. Ижевск, 2008. С. 54 – 65; *Ренёв Е. Г.* Латышские стрелки и подавление Ижевского антибольшевистского восстания // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 4. С. 40 – 48; *Он же.* Артиллерийское вооружение и боеприпасы Ижевской Народной армии накануне решающих сражений // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2012. № 1. С. 81 – 110; *Фельдман М. А.* Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России // Российская история. 2012. № 3. С. 12 – 20; и др.

[3] См.: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992.

ный: «Потомственные мастеровые люди, владевшие каким-то имуществом, не воспринимали большевизма с его экспроприаторскими наклонностями»[1]. Аналогичного мнения придерживается ижевский историк А. В. Коробейников, посвятивший две монографии исследованию различных аспектов восстания[2]. Однако точка в этом споре не поставлена, что наглядно продемонстрировала конференция, проведенная в 2006 г. в Ижевске, в ходе которой разгорелась жаркая дискуссия между историками, исповедующими разные идеологические и методологические принципы[3].

Острым в годы Гражданской войны был не только рабочий, но и национальный вопрос. Эта проблема также нашла свое отражение на страницах трудов современных российских исследователей. Антибольшевистское башкирское повстанческое движение на национальной почве подробно описано в монографии уфимского историка М. М. Кульшарипова[4]. А в книге Р. С. Таймасова основное внимание уделено участию башкир в антибольшевистских повстанческих отрядах на начальном этапе Гражданской войны – в 1918 г.[5] В 2010 г. была опубликована книга В. П. Булдакова, в которой был собран и систематизирован по месяцам обширный фактический материал об этнических конфликтах, происходивших в разных частях разваливавшейся Российской империи в 1917 – 1918 гг. М. И. Вебер в своей статье назвал этнические конфликты одним из значимых факторов антибольшевистских восстаний уральских рабочих в 1918 г.[6]

Вооруженная борьба, развернувшаяся в 1918 – 1919 гг. на территории Урала исследована советскими историками очень подробно, но и при этом весьма односторонне – с точки зрения победителей. Современные исследователи стремятся восполнить имеющийся пробел. В последнее десятилетие благодаря А. М. Кручинину, Н. И. Дмитриеву, О. А. Немытову, М. Г. Ситникову читатели получили возможность «увидеть» события Гражданской войны в нашем регионе с другой стороны линии фронта, ознакомиться с расписанным буквально по дням анализом боевой деятель-

---

[1] *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* Феномен диктатуры пролетариата. Екатеринбург, 1995. С. 138.

[2] См.: *Коробейников А. В.* Волжская флотилия против Прикамской Народной армии (осень 1918 г.). Ижевск, 2012; *Он же.* Воткинское судостроение и Гражданская война. (Очерки социальной истории города и завода). Ижевск, 2012.

[3] См.: Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 19 декабря 2006 г. Ижевск, 2008.

[4] См.: *Кульшарипов М. М.* Башкирское национальное движение (1917 – 1921 гг.). Уфа, 2000.

[5] См.: *Таймасов Р. С.* Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). Уфа, 2009.

[6] См.: *Вебер М. И.* Этнические конфликты как фактор антибольшевистских восстаний уральских рабочих в 1918 г. // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 28 – 38.

ности антибольшевистских вооруженных формирований[1]. Без преувеличения, ведущую роль в ликвидации такого рода «белых пятен» играет возглавляемый Н. И. Дмитриевым научно-исследовательский центр «Белая Россия», который за время своего существования (с 1996 г.) выпустил 20 номеров исторического научно-популярного альманаха «Белая Армия. Белое дело». Позитивные отклики региональных историков получили книги М. В. Таскаева[2]. Широко известна в научных кругах и монография новосибирского историка Д. Г. Симонова «Белая Сибирская армия в 1918 году», в которой комплексно описано формирование Сибирской армии и ведение ею боевых действий, в т. ч. на территории Урала[3].

Не замыкаясь на сюжетах вооруженного противоборства сторон, уральские историки глубоко исследовали проблемы экономики региона (Р. А. Хазиев)[4], государственного строительства и функционирования органов власти и управления – как советских, так и антибольшевистских (В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский, Р. Р. Мардамшин, С. П. Звягин, Д. Х. Яндурин, И. В. Семенченко, А. А. Абрамовский, Д. А. Сафонов)[5], их

---

[1] См.: *Кручинин А. М.* Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург, 2005; *Он же.* Сражение за Нижний Тагил в 1918 году. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале с 9 сентября по 8 октября 1918 г. Екатеринбург, 2008; *Он же.* Под бело-зеленым знаменем. Очерки истории военных действий в Зауралье летом и осенью 1918 г. Екатеринбург, 2008; *Он же.* Златоустовский фронт. Июнь 1918 г. Екатеринбург, 2012; *Он же.* Изменчивое счастье войны. Очерки истории боевых действий на Шадринском направлении летом 1918 г. Екатеринбург, 2012; *Он же.* Бои в верховьях Нейвы. Военно-исторический очерк о событиях Гражданской войны на Горнозаводском направлении в августе – сентябре 1918 года. Екатеринбург, 2013; *Дмитриев Н. И., Немытов О. А.* 16-й Ишимский стрелковый полк. Очерки истории. Екатеринбург, 2009; *Ситников М. Г.* 1-я Сибирская штурмовая бригада имени генерал-лейтенанта Пепеляева. Пермь, 2015; *Он же.* Пермь пала! Пермь, 2016.

[2] См.: *Таскаев М. В.* Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917 – 1920 гг.). Сыктывкар, 2000; *Он же.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011.

[3] См.: *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

[4] См.: *Хазиев Р. А.* Экономическое развитие периода Гражданской войны в Башкортостане. Уфа, 1994; *Он же.* Государственное управление экономикой Урала в 1917 – 1921 гг.: от централизованного администрирования к «планово-рыночному» хозяйству. Уфа, 2004; *Он же.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917 – 1921 годах. Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007.

[5] См.: *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Государственное строительство на Урале в 1917 – 1921 гг. Челябинск, 1997; *Мардамшин Р. Р.* Башкирская чрезвычайная комиссия. Уфа, 1999; *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; *Яндурин Д. Х.* Национально-государственное строительство в автономиях Урало-Поволжья. Уфа, 2001; *Семенченко И. В.* Земство на Урале в 1917 – 1918 гг. Челябинск, 2005; *Абрамовский А. А.* Борьба с преступностью. (Правоохранительные органы Урала в первые годы советской власти). Челябинск, 2008; *Сафонов Д. А.* Между империей и республикой Советов: местные органы власти на Южном Урале в 1917 – 1918 гг. Оренбург, 2008.

социальной политики (В. М. Рынков)[1], положения и общественной роли церкви (М. Г. Нечаев, А. Г. Поляков, А. В. Печерин)[2]. М. А. Фельдманом, С. П. Постниковым и Ю. Д. Коробковым досконально изучены вопросы, связанные с социально-экономическим положением и социокультурным обликом рабочих Урала в период Гражданской войны[3].

Внутренняя политика антибольшевистских правительств Урала и Сибири – еще один принципиальный вопрос, который подвергся переоценке за последние два десятилетия. В советской историографии эта политика традиционно определялась как антинародная, направленная на ликвидацию завоеваний трудящихся, достигнутых ими в ходе революции. Современная точка зрения не столь категорична. Так, например, Е. П. Сичинский, анализируя социальную программу Временного областного правительства Урала, указывает, что она предусматривала сохранение 8-часового рабочего дня, страхование по болезни и временной нетрудоспособности. Правительство признавало за рабочими право на объединение в профсоюзы и право на забастовки. Для решения трудовых конфликтов создавались примирительные камеры[4]. Глубокий анализ социально-экономической программы демократической контрреволюции дан в работе О. Ю. Никоновой, которая отмечает наличие в законодательстве Уральского и Сибирского правительств такой правовой нормы, как уголовное преследование предпринимателей за нарушение законов об охране труда[5]. Компромиссную позицию занимали антибольшевистские правительства и по аграрному вопросу. Исследователи отмечают, что земля была оставлена в руках фактических пользователей до решения вопроса о собственности

---

[1] См.: *Рынков В. М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2006; *Он же.* Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

[2] См.: *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений 1917–1922. Пермь, 2004; *Поляков А. Г.* Русская православная церковь и советская власть в середине 1917 – середине 1920-х гг.: (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007; *Печерин А. В.* Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Екатеринбург, 2016.

[3] См.: *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг.: численность, состав, социальный облик. Екатеринбург, 2001; *Постников С. П., Фельдман М. А.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900 – 1940 гг. Екатеринбург, 2004; *Они же.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). М., 2009; *Коробков Ю. Д.* Социокультурны й облик рабочих горнозаводского Урала: (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2003.

[4] *Сичинский Е. П.* Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 1. С. 169.

[5] См.: *Никонова О. Ю.* Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции» // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII – XX веках. Челябинск, 1997. С. 146 – 159.

Учредительным собранием. Не имела реставраторской направленности и аграрная политика правительства А. В. Колчака, основополагающим принципом которой было «непредрешение», т. е. отнесение окончательного разрешения земельного вопроса к компетенции Национального собрания (его созыв предполагался после ликвидации советской власти) при признании права фактических держателей полученной от советов земли собрать с нее урожай[1]. Переосмысление внутренней политики антибольшевистских режимов на Востоке России сопровождается изучением биографий должностных лиц, работавших в органах власти этих режимов, в т. ч. на Урале[2].

Традиционно высоким является интерес современных историков к аграрной проблематике, что вполне понятно с учетом удельного веса сельских жителей в общей численности населения постреволюционной России. При этом наблюдается впечатляющее разнообразие взглядов на сущность проводившихся советской властью преобразований и роль крестьянства в Гражданской войне. Ряд историков (И. Т. Филиппов, П. А. Шевоцуков, В. В. Милосердов) придерживаются прежней, ранее безраздельно господствовавшей, а ныне нещадно критикуемой советской исторической традиции, рассматривающей проблему взаимоотношений крестьянских масс и государства в «прокрустовом ложе» ленинско-сталинской доктрины.[3] Политику «военного коммунизма» (и продразверстку в том числе) они рассматривают как единственную меру, с помощью которой можно

---

[1] См.: *Сичинский Е. П.* Из истории Временного областного правительства Урала ... С. 164 – 172; *Никонова О. Ю.* Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции» … С. 146 – 159; *Кирьянова Е. А.* К вопросу об аграрной политике белогвардейского правительства А. В. Колчака // Гражданская война в России. СПб., 1998. С. 124 – 126; *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в начальный период гражданской войны (май-ноябрь 1918 гг.) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. История. Вып. 1. Тюмень, 1998. С.81 – 82; *Назыров П. Ф.* Регулирование аграрных отношений на Урале и вопрос о частновладельческих землях в 1918 – 1919 гг. // Вестник Тюмен. гос. ун-та. История. Тюмень, 1998. Вып. 1. С. 107 – 122; *Новиков М. Н.* Аграрная политика белого движения (1919–1920 гг.) // Личность, общество и власть в истории России: системный компаративный анализ. М., 1998. С. 334 – 338.

[2] См.: *Звягин С. П.* Управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов: страницы биографии // Гражданская война на Востоке России.. Пермь, 2008. С. 101 – 104; *Вебер М. И.* Управляющий Ирбитским уездом в 1918 – 1919 гг. М. А. Атмакин: страницы биографии // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. Ч. 1. Екатеринбург, 2011. С. 111 – 118; *Он же.* Эсер на службе у Колчака: Управляющий Ирбитским уездом в 1918 – 1919 гг. М. А. Атмакин // Россия XXI. 2013. № 5. С. 134 – 161; и др.

[3] См.: *Шевоцуков П. А.* Страницы истории гражданской войны: взгляд через десятилетия. М., 1992; *Филиппов И. Т.* Продовольственная политика в России в 1917 – 1923 гг. М., 1994; *Милосердов В. В.* Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. Ч. 1: Исторические этапы крестьянского вопроса в России. М., 1999.

было спасти страну от голода и экономической катастрофы, категорически отказываются признать ее одним из факторов, толкнувших страну в пучину Гражданской войны, повторяют не подтверждаемые фактами тезисы об «осереднячивании» деревни в результате осуществления Декрета о земле, о выдающейся роли комбедов в решении продовольственной проблемы. Часть исследователей (С. А. Никольский, Н. П. Носова), не отрицая в целом прогрессивного характера аграрных преобразований советской власти, критикуют крайности продовольственной политики, заключавшиеся в чрезмерном налогообложении крестьянских хозяйств и изъятиях по разверстке не только излишков, но и необходимой части произведенной продукции[1]. Наконец, еще одна группа историков (В. В. Казарезов, А. А. Куренышев, А. Н. Медушевский, А. А. Тилле) резко критикует всю аграрную политику большевиков, усматривая в ней не просто сиюминутное силовое решение острой продовольственной проблемы, а целенаправленную деятельность, направленную на фактическую реставрацию «государственного феодализма» в аграрном секторе[2].

По-новому историки стали подходить и к оценке роли крестьянства в социально-политическом противостоянии в период Гражданской войны. Советская историография никогда не считала крестьянство самостоятельным субъектом этой борьбы, отводя ему роль ведомой силы. Современный взгляд на эту проблему прямо противоположен: Т. В. Осипова, Д. А. Сафонов, А. А. Куренышев рассматривают крестьянство как достаточно организованное и осознающее свои интересы класс-сословие, имевшее свои экономические интересы, политические организации и собственную идеологию. В аграрном движении они видят не просто одну из составляющих революционного процесса, а выделяют его в самостоятельную «крестьянскую революцию», которая развернулась, начиная с февраля 1917 г., и которой сумели воспользоваться большевики и левые эсеры для обеспечения своей политической победы[3].

Современные исследователи Гражданской войны на Урале единодушны в том, что здешнее крестьянство, довольно равнодушно отнесшееся к смене власти в октябре 1917 г., уже весной следующего года

---

[1] См.: *Никольский С. А.* Власть и земля: хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М., 1990; *Носова Н. П.* Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). М., 1993.

[2] См.: *Казарезов В. В.* Крестьянский вопрос в России. Конец XIX – первая четверть XX века. Т. 1. М., 2000; *Куренышев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000; *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII – начало XXI века. М., 2005; *Тилле А. А.* Советский социалистический феодализм. 1917 – 1990. М., 2005.

[3] См.: *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996; *Она же.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; *Куренышев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

начало демонстрировать недовольство политикой советской власти, а именно – запретом свободной торговли хлебом и проведением массовых, бессистемных реквизиций, зачастую выливавшихся в акты произвола и прямого грабежа, когда у крестьян не только изымали продовольствие, но еще и облагали различного рода «контрибуциями»[1]. Л. А. Обухов наряду с этим отмечает и факторы политического характера, вызывавшие недовольство крестьян: разгон волостных земств и насаждение советов, довольно часто осуществлявшееся силой, а также невыполнение большевиками революционных лозунгов, выдвинутых ими в октябре 1917 г. В их числе автор называет обещание прекратить войну (в действительности вместо одной войны была навязана другая – Гражданская), дать народу землю и волю (проведение земельной реформы в том виде, как оно осуществлялось, крестьянство не удовлетворяло; новая власть не соответствовала крестьянским представлениями о «воле»). Летом 1918 г. к этому добавились мобилизации в Красную Армию[2].

И. Ф. Плотников дополняет этот перечень еще одним пунктом: форсированием социалистических преобразований, особенно с лета 1918 г.[3] Политику партии большевиков он определяет как антикрестьянскую, из чего делает вывод о неизбежности всеобщего возмущения сельского населения. В течение всей весны 1918 г. недовольство крестьянских масс нарастало и, по мере накопления «горючего материала», начало перерастать в открытые восстания против советской власти, которые охватили практически весь уральский регион.

Характерной особенностью современной российской историографии данного вопроса является то, что историки отказались от принятого ранее определения всех антисоветских выступлений в деревне как кулацких мятежей (И. Ф. Плотников, В. В. Московкин, Л. А. Обу-

---

[1] *Московкин В. В.* Противоборство политических сила на Урале и в Западной Сибири в начальный период гражданской войны (май – ноябрь 1918 г.). С. 79 – 80; *Ильдер М. А.* Политика большевиков в деревне весной – летом 1918 г. // Судьба России: Духовные ценности и национальные интересы. Екатеринбург, 1996. С. 246; *Андреев В. М.* Экономический саботаж деревни в обстановке военного коммунизма // Гражданская война в России (1919 – 1920 гг.). М., 1995. С. 58; *Тимкин Ю. Н.* Яранское восстание в Вятской губернии 11 – 13 августа 1918 г. // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 227 – 228; *Егоров А. В.* Грозные дни: (Дуванский край в феврале – июне 1918 г.) // Башкирский край. Уфа, 1994. Вып. 4. С.76 – 77; *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 115.

[2] *Обухов Л. А.* Крестьянское движение против большевистской диктатуры на Урале в 1918 г. // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. Тюмень, 1996. С. 44 – 45; *Он же.* Крестьянство Урала и борьба за власть // Революция и человек. М., 1996. С. 148, 155 – 157.

[3] *Плотников И. Ф.* Средний Урал в годы гражданской войны: (1918–1920). Свердловск, 1990. С. 9 – 10; *Он же.* Смута ... С. 4.

хов, А. В. Егоров и др.)[1]. Современная трактовка этого вопроса такова: поскольку аграрная политика советской власти противоречила интересам большей части крестьянства Урала (в этом регионе в силу более высокой обеспеченности крестьян землей средние и зажиточные хозяйства суммарно составляли большинство), то в антибольшевистскую борьбу была вовлечена основная масса сельского населения, включая даже часть бедноты. Некоторые историки (например, А. В. Бакунин, Г. И. Шмелев), определяя политику большевиков как изначально антикрестьянскую, сделали вывод о беспощадной войне, которую советская власть вела против всего крестьянства. Реакцией на это была ответная борьба, которую, естественно, вело опять же все крестьянство против режима пролетарской диктатуры[2].

Однако, на наш взгляд, такой подход к проблеме является несколько упрощенным, поскольку в этом случае вне поля зрения остается ожесточенная борьба внутри сельских обществ, которую разжигали большевики посредством насаждаемых ими комитетов бедноты. Современная оценка деятельности этих чрезвычайных органов в корне отличается от той, которую давала им советская историография. Комбеды определяются как органы власти сельских люмпенов, вся деятельность которых была олицетворением политики произвола и насилия над крестьянством. Причем осуществлялось это с ведома и молчаливого согласия официальных властей, которым было необходимо запугать крестьянство, сломить его волю к сопротивлению[3].

В ряду новаций следует отметить и тот факт, что повстанческое движение на территории, подконтрольной советской власти, историки перестали называть «бандитским». И. Ф. Плотников применил к нему термин «белопартизанское»[4]. А. М. Кручинин в своей книге о Невьянском восстании называет его «народным»[5]. М. И. Вебер использует в своих трудах термин «антибольшевистское повстанчество»[6].

---

[1] *Плотников И. Ф.* Смута ... С. 4 – 5; *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в начальный период гражданской войны ... С. 80; *Обухов Л. А.* Крестьянство Урала в борьбе за власть в 1918 г. … С. 148; *Егоров А. В.* Грозные дни … С. 79.

[2] *Шмелев Г. И.* Большевики и крестьянство // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 194 – 197; *Бакунин А. В.* Большевики и крестьянство в первые годы советской власти (1917 – 1922 годы) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны ... С. 4 – 5.

[3] *Шмелев Г. И.* Большевики и крестьянство … С. 205 – 206.

[4] См.: *Плотников И. Ф.* Участие уральских крестьян в противобольшевистском партизанском движении (1918 г.) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. С. 49 – 52.

[5] См.: *Кручинин А. М.* Невьянский набат: народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. Екатеринбург, 2010.

[6] См.: *Вебер М. И.* Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918 – 1919): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2014.

Оренбургским историком Д. А. Сафоновым была составлена хроника крестьянских мятежей на Южном Урале, начиная с отмены крепостного права и до конца Гражданской войны[1]. В поле зрения современных российских исследователей попали также отдельные, наиболее крупные, крестьянские восстания на Урале. Например, Сепычевское[2], Тамакульское[3], Юм-Юрлинское[4]. Кроме того, вышел ряд статей уральских историков об антибольшевистских крестьянских восстаниях в Красноуфимском уезде[5]. В целом, изучение истории конкретных крестьянских восстаний остается актуальным направлением исторических исследований Гражданской войны на Урале.

Процесс обратного перехода уральского крестьянства на сторону советской власти не удостоился большого внимания со стороны современных российских историков. Литература по данному вопросу представлена небольшими статьями И. Ф. Плотникова, И. В. Курышева, М. И. Вебера[6],

---

[1] См.: *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение на Южном Урале. 1855-1922 гг. Хроника и историогрфия. Оренбург, 1998.

[2] См.: *Безгодов А. А.* История Сепычевского восстания 1918 года по новым источникам // Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья (Мир старообрядчества. Вып. 6). Ярославль, 2005. С. 271 – 290; *Ситников М. Г.* Сепычевское восстание // Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг. М., 2013. С. 614 – 632.

[3] См.: *Вебер М. И.* Уральская провинция в начале Гражданской войны (на материалах Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 72 – 79; *Игумен Варнава (Аверьянов), Печерин А. В.* Духовное сопротивление богоборческой власти в Зауралье в 1918 г. // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып. 8. 2017. С. 7 – 15.

[4] См.: *Бахматов А. А.* Память: историко-документальная хроника Юрлинского района. Кудымкар, 1999; *Лыткин Д. С.* Юрлинское восстание в воспоминаниях соликамцев // Гражданская война на Урале (к 90-летию окончания Гражданской войны в России). Екатеринбург, 2012. С. 156 – 160.

[5] См.: *Яркова Е. И.* Крестьянские волнения в Екатеринбургской губернии в конце 1919 – 1920 г. // Война и российское общество (1914-1945 годы). Екатеринбург, 2005. С. 79 – 85; *Она же.* Крестьянские волнения в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии в 1919 – 1920 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 48 – 51; *Вебер М. И.* Поручик Рычагов и помещик Голубцов: история антибольшевистских восстаний в Красноуфимском уезде Пермской губернии в 1918 г. // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М., 2014. С. 60 – 100; *Ситников М. Г.* Уральский атаман Дрёмин // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015. С. 641 – 660.

[6] См.: *Плотников И. Ф.* К вопросу о «трагедии Колчака» (поражение белого движения на востоке России) // Гражданская война в России (1919 – 1920 гг.). М., 1995. С. 42 – 45; *Курышев И. В.* К вопросу о менталитете сибирского крестьянства в период гражданской войны // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны ... С. 34 – 36; *Вебер М. И.* «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой»: письмо священника Бориса Серебрякова // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 187 – 196.

историографическими обзорами А. Н. Крупиной и И. В. Скипиной[1], а также фрагментами, освещающими эту проблему в монографиях С.А. Павлюченкова и С. И. Константинова[2]. Все авторы сходятся во мнении: изменение политической ориентации крестьянства стало следствием целого ряда причин экономического и социально-психологического порядка, однако решающее значение придают различным факторам. А. Н. Крупина на первое место ставит социально-экономический. По ее мнению, большевики выиграли тем, что упорядочили изъятие средств из деревни для ведения войны (ввели продразверстку), в то время как белые по-прежнему практиковали произвольные реквизиции. И. Ф. Плотников доказывает несоответствие экономической и политической составляющих деятельности колчаковского правительства ожиданиям крестьянства, акцентирует внимание на политической разнородности белого движения, роли «военщины» и «атаманщины» в его дискредитации в глазах населения, подчеркивает просчеты при ведении войны, которые имели очень важное значение в формировании морального духа войск и настроения населения. М. И. Вебер пишет о том, что на изменение настроения уральских крестьян в пользу большевиков сильно повлияло мародерство разложившейся колчаковской армии во время ее отступления с Урала.

Оригинальную трактовку предложил историк из Новосибирска В. М. Рынков. В Сибири и на Урале, как известно, традиционно сильными были настроения в пользу сохранения общины. Это подтверждается тем фактом, что за годы столыпинской аграрной реформы процент хозяйств, порвавших с общиной, здесь был гораздо ниже, чем в среднем по стране. В то же время и правительства демократической контрреволюции, и правительство А. В. Колчака руководствовались либеральной идеей, предусматривавшей развитие мелкой земельной собственности при параллельном постепенном отмирании общины. Поэтому, взявшись за урегулирование проблемы земельных конфликтов, власти руководствовались правовой

---

[1] См.: *Крупина А. Н.* Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 4 – 24; *Скипина И. В.* Историки о политической позиции крестьянства в период борьбы с колчаковщиной // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны ... С. 56 – 58.

[2] См.: *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы ... С. 125 – 127; *Константинов С. И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств… С. 164 – 175.

концепцией, совершенно чуждой представлениям крестьянского большинства о путях развития общественных отношений в деревне. Таким образом, делает вывод автор, эта власть противопоставила себя крестьянству[1].

Наконец, С. А. Павлюченков и И. В. Курышев решающую роль отводят социально-психологической составляющей. При этом С. А. Павлюченков не отрицает значения экономических факторов, но решающим, по его мнению, являлась утрата зажиточными зауральскими крестьянами рынков сбыта своей продукции в Европейской России. Отсюда их требование прекращения войны с большевиками. Их борьба против колчаковского режима – это не сочувствие советской власти, а стремление устранить препятствия на пути к экономическому процветанию. И. В. Курышев же экономические факторы не рассматривает вовсе. Он считает, что в основе неприятия крестьянством сначала власти большевиков, а затем и их политических оппонентов лежит примитивизм сознания, а именно – понимание завоеванной в 1917 г. свободы как полной анархии. Отсюда автор выводит феномен замыкания деревни в кругу сугубо внутренних проблем, потерю интереса к государственному строительству. Кроме того, длительная война, безвластие, социальные катаклизмы привели к деградации прежних нравственных ценностей. Следствием этого стала восприимчивость молодежи и солдат-фронтовиков к леворадикальной идеологии, и именно они составили первоначальную базу формирования партизанских отрядов.

Отметим, что в постсоветский период сама собой умерла дискуссия о времени перехода среднего крестьянства на сторону советской власти. Кроме того, историки почти перестали употреблять термин «осереднячивание деревни», правда, исследований, подтверждающих надуманный, пропагандистский характер этого большевистского мифа, крайне мало. Их перечень ограничивается монографией В. Л. Телицына и статьей А. В. Иванова[2].

Основательному пересмотру в последние годы подвергся еще один аспект изучаемой нами проблемы – вопрос о взаимоотношениях советской власти и крестьянства на завершающем этапе Гражданской войны и причинах перехода к новой экономической политике. Нельзя сказать, что старая точка зрения на НЭП как на закономерный и запланирован-

---

[1] См.: *Рынков В. М.* Сибирское крестьянство в 1917 – 1919 г. в свете новых исследовательских подходов к истории революции и гражданской войны // История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 106 – 109.

[2] См.: *Телицын В. Л.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917 – 1921 гг. М., 1998; *Иванов А. В.* Отречемся от старого мифа? О дезавуировании тезиса об «осереднячивании» деревни как результате аграрных преобразований советской власти в 1917 – 1920 гг. // История в подробностях. 2010. № 4. С. 66 – 74.

ный большевистским руководством возврат к экономическим принципам взаимодействия города и деревни ушла в небытие. Ее по-прежнему отстаивают некоторые авторы (например, И. Т. Филиппов)[1]. Однако подавляющее большинство историков ныне придерживаются другого мнения. Как подчеркнул в своей монографии Н. Н. Метельский, в основе политики продразверстки лежала не объективная политика спасения страны от угрозы надвигающегося голода, а субъективный взгляд большевистских лидеров на хозяйственные принципы социализма[2]. В. П. Данилов в статье, опубликованной в журнале «Коммунист» еще в 1990 г. подчеркнул, что упорство, с которым большевики цеплялись за продразверстку, «продлевало состояние Гражданской войны и превращало ее из войны главным образом против буржуазии и помещиков в войну между рабочим классом и крестьянством»[3]. По мнению В. В. Кабанова, НЭП – это вовсе не научно обоснованная теория, а политика, к которой большевики пришли эмпирическим путем под давлением крестьянских восстаний[4].

Уральская историография продовольственной политики советской власти и ее эволюции в сторону НЭПа представлена фундаментальными монографиями В. А. Лабузова и П. Ф. Назырова, брошюрой их оппонента Л. И. Футорянского, коллективным трудом удмуртских историков, а также работами М. В. Анучиной, Н. Н. Греховой и Р. Р. Магомедова[5]. Авторами дан глубокий анализ социально-экономической ситуации в основных аграрных провинциях Урала – Оренбургской, Челябинской и Вятской губерниях. Приводятся данные о кризисных явлениях в сельском хозяйстве (сокращение посевных площадей и поголовья скота), социальной структуре крестьянства (за основу взят размер посевных площадей), некоторые сведения о повстанческом движении на Южном Урале.

---

[1] *Филиппов И. Т.* Продовольственная политика в России в 1917 – 1923 гг. … С. 146 – 147, 163.

[2] *Метельский Н. Н.* Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919 – 1921). Свердловск, 1991. С. 6.

[3] *Данилов В. П.* Аграрная политика РКП(б) – ВКП(б) в 20 – 30-х годах // Коммунист. 1990. № 16. С. 90.

[4] *Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 39 – 40.

[5] См.: *Лабузов В. А., Сафонов Д. А.* Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920 – 1922 гг.). Оренбург, 2002; *Лабузов В. А.* Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия советской власти (1917 – 1932 гг.). Оренбург, 2004; *Назыров П. Ф.* Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009; *Футорянский Л. И.* Продовольственная и аграрная политика двух властей (1917 – 1920). Оренбург, 1996; Крестьянские хозяйства Удмуртии. 1917 – 1927 гг. Ижевск, 2008; *Анучина М. В.* Сельское хозяйство Вятской губернии на пороге нэпа // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 234 – 235; *Грехова Н. Н.* К вопросу об отличиях продналога от продразверстки // Там же. С. 231 – 233; *Магомедов Р. Р.* Экономическая и политическая обстановка на Южном Урале накануне перехода к нэпу // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны ... С. 37 – 38.

Значительный пласт литературы посвящен исследованию крестьянского восстания, охватившего в 1921 г. обширные районы Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний и вошедшего в историю под названием Западносибирского. Многие годы эта тема была «неудобной» и, хотя и не входила в число запретных, но советская историография этого вопроса довольна скудна. В постсоветский период появился целый ряд работ, исследующих как феномен восстания в целом, так и его отдельные аспекты[1]. В них глубоко проанализированы причины восстания, в числе которых названы прямой грабеж деревни, проводившейся продорганами по прямому указанию губернских парторганизаций, бесчинства и злоупотребления бойцов продотрядов, враждебное отношение крестьян к «чужакам», а именно не местные уроженцы составляли в 1921 г. свыше 80 % ответственных работников губернского звена в Тюмени. В то же время авторы единодушны в неприятии версии советской историографии о подрывной деятельности эсеров как главной причине восстания, хотя и не отрицают активного участия в нем местных эсеровских организаций. Переосмысление истории Западно-Сибирского восстания современными российскими исследователями сопровождалось публикацией большого массива архивных документов, дающих полное представление о том, почему началось восстание, как оно протекало и какими методами было подавлено[2]. В целом, освещение восстания 1921 г. следует отнести к безусловным успехам современной региональной историографии.

Весомый вклад в разработку данной научной проблемы внес своей монографией «Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал»

---

[1] См.: *Лагунов К. Я.* Двадцать первый: хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991; *Он же.* И сильно падает снег… Тюмень, 1994; *Московкин В. В*. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46 – 64; *Шишкин В. И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 55 – 62; *Он же.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1997. № 2. С. 46 – 54; *Он же*. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // Социокультурное развитие Сибири XVII – XX вв. Бахрушинские чтения 1996 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1998. С. 91 – 99; *Он же.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica. 2000. Tomus XVII. Pp. 100 – 129; *Он же.* К характеристике антикоммунистического повстанческого движения в Тобольском уезде в феврале – мае 1921 г. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. Новосибирск, 2014. С.74 – 78; и др.

[2] См.: За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сборник документов / Сост. *В. И. Шишкин*. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. 1920 – 1921. Документы / Сост. и науч. редактор *В. И. Шишкин*. В 2 т. Т. 2. М., 2001.; *Вебер М. И.* «Судить буду группой по волостям»: Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Отечественные архивы. 2016. № 6. С. 88 – 103.

оренбургский историк Д. А. Сафонов[1]. Главное достоинство книги Сафонова – её несомненная ориентированность на «его величество исторический факт». Сафонов ввёл в научный оборот много неопубликованных источников, прежде всего документы различных советских партийных и государственных органов, в том числе ранее засекреченные, а также ряд документов из повстанческого лагеря. Согласно концепции Сафонова, в 1918 – 1919 гг. уральское крестьянство играло пассивную роль в Гражданской войне, выжидая, чем закончится фронтовое противостояние белых и красных, причем симпатии крестьян в этот период склонялись скорее на сторону большевиков. Только после поражения белых крестьянство превратилось из объекта в субъект Гражданской войны и, войдя в конфронтацию с большевистской властью, стало с оружием в руках отстаивать свои интересы. Как полагает Д. А. Сафонов, 1920 – 1921 гг. «были временем наибольшего подъема крестьянских выступлений, их наибольшей массовости и организованности» на Южном Урале[2].

В постсоветский период в исторической науке наблюдается всплеск интереса к истории казачьих войск России. Связано это, прежде всего, с процессом возрождения казачества, начавшимся на рубеже 1980 – 1990-х гг. Исходя из этого, становится понятным невиданное ранее количество публикаций по «казачьей» тематике. Было издано несколько обобщающих трудов по истории казачества Урала, в которые были включены главы, посвященные событиям Гражданской войны[3]. Региональным центром изучения истории Оренбургского казачьего войска стал Челябинск. Здесь был подготовлен и издан ряд сборников научных трудов, посвященных истории и культуре казачества[4]. В исследовательскую работу активно включились краеведы Южного Урала В. П. Баканов, И. Ф. Галигузов, Н. С. Шибанов[5].

В последние годы увидели свет несколько крупных исследований по новейшей истории оренбургского и уральского казачества, видное место в

---

[1] См.: *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920 – 1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998.

[2] Там же. С. 4.

[3] См.: *Мамонов В. Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995; История казачества Азиатской России / Под ред *В. В. Алексеева.* В 3 т. Екатеринбург, 1995; *Иванов В. А., Чугунов С. М.* История казачества на Урале. Оренбург, 2003.

[4] См.: Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994; Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997; Оренбургское казачье войско: страницы истории XIX – XX вв. Челябинск, 1999; Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999; Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001.

[5] См.: *Баканов В. П.* Горькое золото погон. Магнитогорск, 1997; *Галигузов И. Ф.* Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск, 1994; *Шибанов Н. С.* «Зеленая война»: исторические очерки. Челябинск, 1997.

которых занимает тема участия казаков в Гражданской войне. В них отчетливо просматривается борьба двух тенденций: с одной стороны – стремление ряда историков (Л. И. Футорянского, М. Д. Машина, Н. А. Хвостова и др.) отстоять концепцию о классовом размежевании казачества, об определяющей роли социально-экономического фактора в его политическом выборе. С другой – выдвижение историками нового поколения (В. С. Кобзовым, Т. К. Махровой, А. В. Ганиным и др.) тезиса о решающем значении сословно-корпоративных интересов и традиций, которые поставили подавляющее большинство казачества в ряды противников большевизма. В подтверждение сказанному приведем несколько примеров.

Н. А. Хвостов, явно идеализируя степень революционного альтруизма казачества, пишет в своей монографии о том, что трудящиеся казаки чуть ли не с восторгом встретили Декрет о земле и были готовы поделиться излишками своей земли с крестьянами[1]. Он явно преувеличивает степень социально-политического размежевания в станицах, утверждая, что низшие слои казачества сразу же встали на сторону диктатуры пролетариата, поскольку та решила вопрос о земле в интересах бедноты, в том числе и казачьей. Это абсолютно не соответствует историческим фактам: Основной закон о социализации земли предусматривал ее всеобщий уравнительный передел, в том числе – в пользу иногородних. М. Д. Машин в монографии, написанной в соавторстве с В. С. Семьяниновым, доказывает, что уже весной 1918 г. в казачьих станицах Оренбургского войска развернулась острая классовая борьба, в ходе которой трудовое казачество все более решительно поворачивало на сторону советской власти[2]. По прочтении книги остается впечатление, что авторы задались целью не объективного анализа, но доказательства глубоких симпатий оренбургского казачества к советской власти, а участие его в белых формированиях было лишь временным заблуждением. То же самое можно сказать в адрес Л. И. Футорянского. Безусловно, он является авторитетнейшим специалистом в области новейшей истории оренбургского казачества, опубликовавшим в последние годы две монографии, которые написаны на основе обработки огромного количества архивных документов и массовых источников[3]. Заслуживает уважения его твердость в отстаивании своих идеологических позиций, но отрицание роли сословных противоречий в казачьих областях как одного из факторов Гражданской войны, а также «расказачивания» как официальной государственной политики,

---

[1] *Хвостов Н. А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917 – 1920). Красноярск, 1991. С. 80 – 87.

[2] *Машин М. Д., Семьянинов В. С.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918 – 1919). Иркутск, 1991. С. 91, 118.

[3] См.: *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998; *Он же.* Казачество России в огне гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Оренбург, 2003.

санкционированной лидерами большевистской партии, вызывает, по меньшей мере, удивление[1].

Подавляющее большинство современных историков придерживается иных взглядов, отказавшись от догматического подхода, абсолютизирующего «классовый» признак для причисления той или иной части казачества к противоборствовавшим в Гражданской войне силам (В. Ф. Мамонов, Н. И. Фокин, А. П. Абрамовский и В. С. Кобзов, Я. А. Перехов, В. П. Трут, А. В. Ганин, авторы коллективного труда «История казачества Азиатской России» и др.)[2]. Они рассматривают взаимоотношения казачества с советской властью в динамике, выделяя в них как периоды мирного сосуществования, так и периоды взаимного недоверия и враждебности. Опровержением стереотипа о том, что в Красную Армию уходили добровольцами бедняки, а в Белую – преимущественно кулаки, являются примеры противоположного характера[3]. На этой основе делается вывод о том, что причины, поставившие казаков по разные стороны линии фронта, были многообразны, и привести всех к «общему знаменателю» просто невозможно (А. В. Ганин). Имеет место и другое мнение, согласно которому линия раскола в казачьей среде проводится по возрастному признаку: между молодежью (преимущественно фронтовиками) и «стариками»[4]. Растет число тех, кто ратует за возвращение к трактовке конфликта в казачьих областях как сословного – между казачеством и иногородними (О. Б. Герман, А. В. Ганин)[5]. Весьма интересны работы Ф. А. Каминского, ориентированные на исследование социально-экономических процессов, происходивших в Оренбургском казачьем войске в первой четверти XX века[6].

---

[1] *Футорянский Л. И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918 – 1920 гг.). С. 190 – 191, 313 – 319.

[2] См.: *Мамонов В. Ф.* Гибель русской Вандеи: казачество востока России в революции и гражданской войне. Челябинск; Екатеринбург, 1994; *Он же.* История казачества России. Т. 1; *Фокин Н. И.* Финал Трагедии. Уральские казаки в XX веке: историко-краеведческий очерк. М., 1996; *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999; *Перехов Я. А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920 – 1926 гг.). Ростов-на-Дону, 1997; *Трут В. П.* Дорогой славы утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007; *Ганин А. В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. М., 2008; История казачества Азиатской России. Т.3. XX век. Екатеринбург, 1995.

[3] См.: История казачества Азиатской России. Т. 3 … С. 64.

[4] *Зайцев А.А.* Изменения в социальной психологии казачества в годы Октября и Гражданской войны // Человек и его время. М., 1991. С. 139 – 141.

[5] *Герман О. Б.* Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2003. С. 476; *Ганин А. В.* Накануне катастрофы. С. 56 – 60.

[6] См.: *Каминский Ф. А.* Оренбургское казачество в первые годы советской власти (1921 – 1926). Магнитогорск, 1996; *Он же.* Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001; *Он же.* Общины оренбургских и сибирских казаков в конце XIX – начале XX века // Клио. 2003. № 3. С. 148 – 154.

Помимо пристального изучения истории казачьих войск на Урале, современная российская историография немало внимания уделяет изучению Гражданской войны на уровне отдельных уездов или городов. В этой связи хотелось бы выделить книги историков и краеведов А. А. Пашкова[1], А. А. Кононенко[2], В. И. Бакулина[3], А. Г. Борисова[4], В. Г. Лекомцева[5], Н. И. Дмитриева и О. А. Немытова[6].

И еще на одном явлении в современной историографии хотелось бы остановиться. Часть историков пришла к выводу о том, что сущность сложных явлений общественной жизни невозможно постигнуть без исследования социально-психологических особенностей, менталитета людей, включенных в те или иные социальные группы. Первой такой работой стала нашумевшая «Красная смута» В. П. Булдакова[7], которую научная общественность окрестила «историографической бомбой», подрывающей фундамент традиционных интерпретаций революции и Гражданской войны в России. Редакцией журнала «Отечественная история» был организован специальный «круглый стол», в ходе которого более десятка ведущих российских историков дали свои отзывы о книге[8]. Диапазон их оценок весьма широк: от категорического неприятия (Ю. П. Шарапов) до горячей поддержки и одобрения (А. Я. Лившин, Т. Г. Леонтьева). При этом большинство рецензентов сошлись в едином мнении: В. П. Булдаков сформулировал абсолютно новую концепцию революции как взрыва архаичных древних ценностей, разрушающих более продвинутое общество, уничтожающих силы, ведущие к нему; как катастрофический шаг архаизации общества, взрыв массового насилия[9]. Соответственно этому главными побудительными мотивами действий масс в ходе революции и Гражданской войны В. П. Булдаков считает не осознанные экономические и политические интересы, а некие иррациональные, подсознательные мотивы, которые можно понять только с точки зрения психопатологии массового сознания. Поэтому характеристику различным слоям общества и их деятельности в революционном процессе он дает на основе психоаналитического

---

[1] См.: *Пашков А. А.* Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917 – 1920 гг.). Шадринск, 2007.

[2] См.: *Кононенко А .А.* Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009.

[3] См.: *Бакулин В. И.* Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах. Соликамск, 1995; *Он же.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917 – 1918 гг. Киров, 2008.

[4] См.: *Борисов А. Г.* Верхотурье в годы революции и Гражданской войны. 1917 – 1922 гг. Екатеринбург, 2014.

[5] См.: *Лекомцев В. Г.* К истории Воткинского завода: Междоусобная война (1918–1919 годы). Воткинск, 1998.

[6] См.: *Дмитриев Н. И., Немытов О. А*. Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918 –1 919. Екатеринбург, 2012.

[7] См.: *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

[8] См.: «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 139 – 168.

[9] Там же. С. 142.

исследования. Так, например, восприятие российским крестьянином власти, по мнению В. П. Булдакова, аналогично восприятию природной стихии – она есть зло, но зло неизбежное, которое, к тому же, должно вести себя «по-божески». Поэтому крестьянин в России всегда бунтовал с демонстративной целью, дабы дать понять власти, что отдельные ее представители (преимущественно на низовом уровне) нарушают «природно-божескицарский» закон[1]. Достигнув своей цели, он вновь приходил в состояние смирения, признавая фатальную неизбежность наличия внешней по отношению к себе власти. С этой точки зрения получают объяснение и метания крестьянства в годы Гражданской войны, и характерная половинчатость, незавершенность крестьянских восстаний этого периода.

Почин известного историка получил поддержку в научном сообществе. Применительно к нашей тематике можно отметить труды А. Я. Лившина[2]. В них прослеживается стремление автора истолковать события Гражданской войны, основываясь на групповых настроениях, на эмоциональном восприятии людьми внешних по отношению к ним явлений. В региональной историографии социокультурный подход в его, так сказать, классической форме реализован О. С. Поршневой[3]. И хотя хронологические рамки ее работ лишь частично захватывают начальный период Гражданской войны, тем не менее, выводы автора о деформирующем воздействии мировой войны на массовое сознание, на систему ценностей и возникновении на этой основе предпосылок девиантного поведения людей в экстремальных условиях вполне могут быть экстраполированы и на эпоху войны Гражданской.

Еще один историографический факт стал, на наш взгляд весьма ярким событием в научной жизни нашего региона – это «Жизнь в катастрофе» И. В. Нарского[4]. Весьма необычной является реализация авторского замысла – трехуровневый анализ «повседневной истории» Гражданской войны: во-первых, с точки зрения профессионального историка, во-вторых, с точки зрения очевидца событий, в-третьих, попытка взглянуть на ситуацию изнутри, поставив себя на место рядового обывателя – жертвы гуманитарной катастрофы, разразившейся в стране. Это позволяет автору не только дать внешнюю оценку событий, но и моделировать поведенческие

---

[1] *Булдаков В. П.* Красная смута ... С. 22.

[2] См.: *Лившин А. Я.* Общественные настроения в Советской России. 1917 – 1929 гг. М., 2004; *Он же.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917 – 1932 гг. М., 2010.

[3] См.: *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Она же.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

[4] См.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001.

стратегии выживания людей в экстремальных военных условиях. Тем самым И. В. Нарскому удалось выйти на совершенно иной уровень изучения проблемы, сочетающий анализ исторических фактов с синтезом, если можно так выразиться, «исторических голограмм».

Нельзя не отметить того факта, что в постсоветский период проблемы Гражданской войны на Урале неоднократно выносились на обсуждение научных конференций различного уровня[1]. Центральными и региональными издательствами был выпущен ряд сборников документов, относящихся к интересующей нас эпохе[2]. Публикация исторических источников по

[1] См.: Гражданская война в России (1919 – 1920 гг.): междунар. науч. конф., 13 – 14 декабря 1994 г. : материалы второй сессии. М., 1995; Гражданская война в России: материалы 10-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1998; Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы науч. конф. в Челябинске. 19 – 20 апреля 2002 г. М., 2003; Гражданская война как феномен мировой истории: материалы науч. конф., 26 апреля 2008 г. Екатеринбург, 2008; Гражданская война на Востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток: материалы Всерос. науч. конф., г. Пермь, 25 – 26 ноября 2008 г. Пермь, 2008.

[2] См.: Челябинская область. 1917 – 1945 гг. Сб. док. и мат-лов. Челябинск, 1998; Письма во власть, 1917 – 1927: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Сб. документов. Тверь, 1999; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918 – 1922 гг. М., 2000; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 1. Екатеринбург, 2000; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917 – 1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Уфа, 2002, 2003; Общество и власть. Российская провинция. 1917 – 1985. Документы и мат-лы. В 6 т. / Гл. редактор академик *В. В. Алексеев*. Свердловская область. 1917 – 1941. Екатеринбург, 2005; Челябинская область. 1917 – 1945. Челябинск, 2005; Пермский край. 1917 – 1940. Пермь, 2008; Миасский завод и его окрестности в 1917 – 1919 гг. Сб. документов. Челябинск, 2005; А. А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917 – 1920). Документы и материалы. Ч. 1. Уфа, 2005; Ч. 2. Уфа, 2011; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь – октябрь 1918 года). М., 2011; Красный террор на Востоке России в 1918 – 1922 гг. Сб. документов / Сост. *С. С. Балмасов.* М., 2006; Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революций и Гражданской войны (1917 –1922 гг.). Сб. док. и мат-лов. В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2006; Ч. 2. Уфа, 2009; Централизованное управление уральской промышленностью и социальная практика на Урале в 1917–1921 гг. Документы и материалы / Сост. *Р. А. Хазиев.* Уфа, 2007; Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. Сб. документов. Екатеринбург, 2008; Зауральское крестьянство. 1919–1922. Материалы и док. Курган, 2008; Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. документов. Пермь, 2008; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.). Сб. документов / Сост. и науч. ред. *В. И. Шишкин.* Новосибирск, 2010; Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. Сб. документов / сост. и науч. ред. *В. В. Журавлев.* СПб, 2012; и др.

Гражданской войне на Урале ведется и в научных журналах[1]. Достижения современной отечественной историографии нашли отражение в ряде энциклопедических изданий по истории Гражданской войны, изданных в последние годы[2].

Продолжается процесс историографического изучения Гражданской войны. В центральных и региональных издательствах опубликованы монографии Г. А. Бордюгова, В. И. Голдина, В. В. Рыбникова, В. Т. Тормозова, А. И. Ушакова, в которых отражена и уральская тематика[3]. Традиционно активна уральская историографическая школа. В 1990-е гг. достоянием научной общественности стали труды О. А. Васьковского, А. Т. Тертышного, Е. Б. Заболотного[4]. В следующем десятилетии вышли в свет работы

[1] См.: Документы 1918, 1960–х гг. о Сепычевском восстании 1918 г. (публикация подготовлена *А. А. Безгодовым*) // Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья (Мир старообрядчества. Вып. 6). Ярославль, 2005. С. 319 – 330; *Вебер М. И.* «С болью в сердце вынужден донести Вам о невозможном поведении гг. офицеров»: рапорт начальника милиции Верхотурского уезда Екатеринбургской губернии // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 328 – 336; *Ситников М. Г., Вебер М. И.* «В военном деле, если что когда-либо и знал, то давным-давно всё перезабыл»: доклад поручика А. М. Смирнова о генерал-майоре А. В. Бордзиловском // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 1. С. 177 – 344; *Вебер М. И.* «Организовать подпольную работу в Троицке – оказалось безнадежным делом»: доклад подпольщика Сергея Малышева Уральскому Обкому РКП (б) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 114 – 119; *Он же.* «Громкий по названию, но жалкий по своему делу и печальной памяти»: документы колчаковского следствия об отряде анархистов матроса М. Х. Петрова, 1918 г. // Вестник музея истории Екатеринбурга. Вып. 2. 2016. С. 4 – 50; *Ганин А. В.* Новые материалы об атамане А. И. Дутове // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015. С. 100 – 220; *Он же.* «Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил». Исповедь сотника Рогожкина // Историки-слависты МГУ. Кн. 11. Многоликий и беспокойный славянский мир. М., 2016. С. 379 – 407; *Он же.* Из воспоминаний С. А. Щепихина // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Док. и мат-лы. М.; СПб., 2016. С. 31 – 53; и др.

[2] См., например: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале (1917 – 1922 гг.): энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007.

[3] См.: *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки. М., 1998; *Голдин В. И.* Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; *Рыбников В. В.* «Белое дело» в литературе и источниках: историографические исследования проблем белого движения в гражданской войне в России (1917 – 1922 гг.). М., 2001; *Ушаков А. И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993; *Он же.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004; *Тормозов В. Т.* Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. М., 2008.

[4] См.: *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* 1917 год в России: история изучения. Екатеринбург, 1993; Их же. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в оценке историков) Екатеринбург, 1995; *Заболотный Е. Б.* Российская историография 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995.

А. В. Иванова и А. Т. Тертышного, И. В. Скипиной, В. И. Цепиловой[1].

Итак, выход российской исторической науки на новый теоретико-методологический уровень стал свершившимся фактом. Исследователи получили полную свободу самовыражения. Ныне над ними не довлеет необходимость сверять свои идеи с официально принятой доктриной. Историческая наука стала поликонцептуальной, открытой для любых дискуссий, в ней не стало закрытых или запретных тем. Несомненно, это положительно сказывается на развитии исторических исследований.

[1] См.: *Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и Власть в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; *Скипина И. В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; *Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920 – 2004 гг.). Екатеринбург, 2005.

РАЗДЕЛ II

УРАЛ В ЭПОХУ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

Глава 1. На пути к социализму. 1922 – 1941 гг.

Приоритетным для советских историков являлось исследование социально-экономических проблем. Их изучение началось по «горячим следам» происходивших событий в 1920 – 1930-е гг., однако литература этого времени преимущественно носила агитационно-пропагандистский, популярный характер.

«Классические» труды советских историков по экономике и социальной структуре региона были созданы во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг.

Уральские исследователи внесли большой вклад в изучение истории промышленности края в 1922 – 1941 гг. В советский период исследованием этой проблемы занимались как историки, так и экономисты. Экономисты изучали, главным образом, развитие отдельных отраслей промышленности. Историки же занимались исследованием крупных периодов ее истории. В работах А. В. Бакунина, В. Н. Зуйкова, П. Г. Матушкина, В. В. Фельдмана[1] была изложена советская концепция развития промышленности Урала в переходный период, определены основные этапы, методы, источники осуществления советским государством промышленной политики, ее принципиальное отличие от дореволюционного и зарубежного опыта индустриализации, о влиянии внутренних и внешних условий на особенности проведения индустриализации в СССР. В. В. Фельдман описал процесс развития уральской промышленности в годы восстановительного периода, В. Н. Зуйков – в годы первой пятилетки, А. В. Бакунин – в годы второй пятилетки. Сердцевиной развития уральской промышленности в этот период было создание Урало-Кузнецкого комбината, обобщающее исследование по этой проблеме было написано П. Г. Матушкиным. Историки доказывали, что развитие промышленности на Урале в 1922 по 1941 гг. происходило поступательным образом, и оно способствовало формированию материально-технической базы социализма в восточных районах страны.

Отсутствие источников не позволяло советским историкам изучать развитие промышленности Урала накануне Великой Отечественной войны. Толь-

[1] См.: *Матушкин П. Г.* Урало – Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966; *Бакунин А. В.* Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933 – 1937). Свердловск, 1968; *Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале (1926 – 1932). М.,1971; *Фельдман В. В.* Восстановление промышленности на Урале в 1921 – 1926 гг. Свердловск, 1989.

ко в работе М. И. Ушакова содержались обобщенные сведения о наличии на Урале в годы третьей пятилетки военно-экономического потенциала[1].

Развитие транспорта в Уральском регионе в период 1922 – 1941 гг. освещалось на страницах юбилейных работ по истории железнодорожного транспорта Урала[2], научно-популярных изданий по истории речного и воздушного транспорта[3]. В работах экономистов содержались данные о формировании новых транспортно-экономических связей Урала в годы индустриализации[4].

По истории уральского транспорта был защищен ряд кандидатских диссертаций. Диссертация Е. Г. Захаровой была посвящена железнодорожному строительству в Уральском регионе в восстановительный период (1921 – 1925 гг.)[5]. Т. А. Стоянова обратилась к особенностям региональной транспортной политики во второй пятилетке (1933 – 1937 гг.)[6]. Автор рассмотрела проблему технической реконструкции уральского транспорта в контексте индустриального строительства на Урале и в Сибири. В монографии, написанной на примере изучения опыта Ленинградской, Московской, Новосибирской, Свердловской, Челябинской и Пермской областей, М. Е. Плеханов охарактеризовал основные этапы электрификации железных дорог СССР и Урала[7].

В работах советского периода по истории промышленности и транспорта пропагандировалась руководящая роль партийных организаций как определяющее условие успешного решения производственных задач.

Исследованием истории рабочего класса Урала в 1922 – 1941 гг. занимался большой коллектив ученых. В. Г. Черемных защитил докторскую диссертацию по этой проблеме на материалах региона в целом[8], А. И. Су-

---

[1] См.: *Ушаков М. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление военно-экономического потенциала страны (1938 – июнь 1941 гг.): По материалам партийных организаций Урала. Харьков, 1968.

[2] См.: Славный путь. Свердловская железная дорога за 40 лет Советской власти. Свердловск, 1958.; *Балакин П. Ф., Варгин С. Н., Ветлугин И. М.* и др. Свердловская магистраль. 100 лет. Свердловской железной дороги. Свердловск, 1978.

[3] См.: *Галязимов Б., Кочетков Д.* На гребне волны: страницы истории судоходства в Обь-Иртышском речном бассейне. Тюмень, 1970; *Дубилет Н., Золотов А., Ремезов В.* Кама – рекатруженица. Пермь, 1972; *Иванов В.* На бельских просторах. Уфа, 1982; *Бобков А., Магазов А.* Мирные крылья Башкирии. Уфа, 1983.

[4] См.: *Комар И. В.* Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959; *Червяков А. П.* Экономические связи и развитие железных дорог Урала. М., 1976.

[5] См.: *Захарова Е. Г.* Восстановление и развитие железнодорожного транспорта Урала (осень 1919 – 1925 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1981.

[6] См.: *Стоянова Т. А.* Деятельность партийных организаций по развитию железнодорожного транспорта Урала в годы социалистического строительства (1933 – 1937 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск,1981.

[7] См.: *Плеханов М. Е.* История электрификации железных дорог СССР. Свердловск, 1977.

[8] См.: *Черемных В. Г.* Рабочий класс Урала в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1928 – 1937 гг.): Автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Пермь, 1966.

ханов – на материалах Удмуртской АССР[1]. Им же была выпущена монография по истории рабочих автономной республики[2].

Исследователи изучали изменения в составе рабочего класса, его половозрастные характеристики, национальные отряды уральских рабочих, источники и формы пополнения рядов рабочего класса, материально-бытовое положение рабочих, их культурно-технический уровень. Влияние марксистко-ленинской парадигмы особенно сильно проявлялась в многочисленных работах, посвященных анализу общественно-политической и производственной активности рабочего класса.

Для уральской историографии этого вопроса особенно актуальным был вопрос о социальной природе советского рабочего класса. Советские историки доказывали, что в годы социалистической реконструкции промышленности Урала «завершился процесс формирования рабочего класса, как класса социалистического общества и раскрылись его могучие творческие возможности в строительстве новых форм жизни»[3].

В то же время многие историки пытались объяснить причины длительного сохранения землепользования у рабочих Урала, проследить динамику его развития на различных этапах советской истории, выяснить какие отряды рабочего класса были наиболее тесно привязаны к земле, определить его значение для существования этих слоев рабочего класса.

В годы «перестройки» в связи с развернувшейся критикой сталинизма очень активно начал изучаться переломный период в истории советского рабочего класса, который пришелся на конец 1920-х – начало 1930-х гг.[4] В. И. Бакулин, О. Л. Лейбович, С. П. Постников попытались представить советский рабочий класс как одну из социальных основ формировавшегося в то время культа личности Сталина.

Серьезное внимание уральские историки уделяли и исследованиями истории сельского хозяйства и крестьянства. После XX съезда КПСС начали появляться работы, освещавшие историю развития кооперации в период НЭПа и процесс коллективизации сельского хозяйства.

Деятельность кооперации по снабжению крестьян, ее участие в восстановлении сельскохозяйственного производства, торговом обороте между

---

[1] См.: *Суханов А. И.* Рабочий класс Советской Удмуртии 1917 – 1980 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 1987.

[2] См.: *Суханов А. И.* Рабочий класс Удмуртии (1917 – 1970). М., 1986.

[3] *Адамов В. В.* К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале // Сб. мат. науч. сессии вузов Урал. экон. района. Свердловск, 1963. С. 82.

[4] См.: *Бакулин В. И., Лейбович О. Л.* Рабочие, «спецы», партийцы (о социальных истоках «великого перелома») // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6; *Постников С. П.* «Великий перелом» и процесс «разрабочивания» рабочих Урала // Советское общество: прошлое, настоящее, будущее. Челябинск, 1991. Ч. 1.

городом и деревней изучалась на примере восстановительного периода[1]. Рассматривался социальный состав и экономические связи кооперативных организаций, при этом слабое влияние коммунистов в кооперации, ее стремление к независимому существованию трактовалось как отрицательный фактор, свидетельствующий о ее мелкобуржуазном, и даже капиталистическом характере, преувеличивалось влияние зажиточных слоев на руководящие органы кооперативов. Процесс реорганизации кооперативной системы в конце 1920-х гг., ее изменение в связи с начавшимся курсом на коллективизацию исследовалось В. Е. Муравьевым[2].

История колхозного строительства на Урале в политическом, экономическом и социальном аспектах наиболее подробно была рассмотрена в докторской диссертации Н. В. Ефременкова. Автор проанализировал развитие сельскохозяйственного производства на Урале накануне и в период коллективизации, изучил введение многополья, землепользования и землеустройства в колхозах, проблемы повышения урожайности. Расширение посевных площадей признавалось им важнейшим фактором поступательного развития сельскохозяйственного производства[3].

Советские историки показывали преимущественно достижения в сельскохозяйственном производстве. Негативные процессы имевшие место в развитии производства либо рассматривались как временные трудности в ходе социалистического строительства, либо вообще замалчивались. Так тема голода 1932 – 1933 гг. являлась запретной в советской историографии, породив тем самым одно из многочисленных «белых пятен» в отечественной истории. Историки в лучшем случае обсуждали трудности проведения хлебозаготовительных кампаний, которые объяснялись «саботажем кулачества» и объективными причинами – погодными условиями, сложностью становления колхозов.

При рассмотрении социальных аспектов жизни уральского села рассматривались многообразные связи, взаимоотношения между различными группами крестьянства в процессе их экономической, социально-политической и культурной деятельности, раскрывалась общественно-политическая активность сельских тружеников. Приводились данные о социальном составе доколхозной деревни, показывались социально-экономические отношения уральского крестьянства в период сплошной коллективизации во всей их сложности и многообразии.

---

[1] См.: *Машин М. Д.* Из истории сельскохозяйственного кооперирования крестьянских хозяйств Челябинской губернии в 1921 – 1925 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966. С. 164 – 174; *Толмачева Р. П.* Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства на Среднем Урале в 1919-1925гг.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967.

[2] См.: *Муравьев В. Е.* Социально-экономическое развитие уральской деревни накануне массовой коллективизации (1926 – 1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1968.

[3] См.: *Ефременков Н. В.* Подготовка и проведение коллективизации сельского хозяйства Урала 1917 – 1932 гг. Свердловск, 1969.

В работах, посвященных проблеме раскулачивания на Урале, содержались сведения об удельном весе элементов, «направленных на перевоспитание на новостройки Урала в начале 1930-х гг.». По подсчетам Н. М. Щербаковой, к концу первой пятилетки количество спецпереселенцев в Уральской области превысило 550 тыс. человек, из них 155618 «влились в состав рабочего класса и использовались на строительстве Магнитки, Синарского и других заводов»[1]. А. В. Бакунин подсчитал, что в 1935 г. среди рабочих Свердловской области спецпереселенцев было около 17%, а среди строителей – 13,7%[2].

История советской деревни в период с 1922 по 1941 гг. испытала в годы «перестройки» влияние новых подходов. Были предприняты попытки дать новые оценки роли кооперации в социалистическом государстве и экономике Урала. Активизировалось изучение механизмов влияния административно-командной системы на кооперацию. Показывалась ее финансовая зависимость от государства, проявлявшаяся в отсутствии как правовой, так и хозяйственной самостоятельности.

Историки активно включились в развенчание сталинизма, административно-командной системы управления селом[3]. В период «перестройки» начали писать о насильственной коллективизации, предпринимались попытки осуждения колхозно-совхозной системы, так как некоторые авторы, прежде всего публицисты, считали ее атрибутом тоталитарного режима. Привлекла особое внимание проблема раскрестьянивания[4], был поставлен вопрос об «искажениях» в политике раскулачивания и коллективизации.

В период «перестройки» начали писать о голоде 1932 – 1933 гг. в основных зерновых районах СССР. По мнению М. Н. Денисевича, основной причиной голода стало массовое обобществление посевов, скота, фактическая ликвидация приусадебных участков, чрезмерное изъятие хлеба и мясопродуктов у колхозников и единоличников. Большие надежды выхода из кризиса сельского хозяйства возлагались на фермерские хозяйства. М. Н. Денисевич проанализировал развитие

---

[1] *Щербакова Н. М.* Вопросы численности и состава рабочего класса Урала в исторической литературе // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917 – 1937). Свердловск, 1980. С. 105.

[2] *Бакунин А. В.* Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933 – 1937 гг.) // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 63.

[3] См.: *Толмачева Р. П.* Коллективизация. Уроки истории // Наука Урала. 1987. 9 авг.; *Филатов В. В.* Стиль и методы управления колхозами на Урале в период коллективизации. Магнитогорск, 1989; *Цыганов В. Б.* Формирование административно-командной системы управления колхозами Урала (1933 – июнь 1941 г.). Свердловск, 1991.

[4] См.: *Базаров А. А.* Кулак и агрогулаг. Ч. 1. Челябинск, 1991; *Капустин А., Мотревич В.* Спецпоселенцы // Уральский рабочий. 1991. 9 июля; *Цыганов В.* Бумеранг коллективизации. Политика ликвидации кулачества на Урале: как это было? // На смену! 1990. 14 ноября.

этих хозяйств, раскрыл механизм реализации решений по их ограничению[1].

Однако большинство уральских историков выступили против таких рассуждений, доказывая преимущества крупного сельскохозяйственного производства. Исследования уральских историков и экономистов по проблемам экономики в период с 1922 по 1941 гг. удалось систематизировать и обобщить в коллективном научном труде «История народного хозяйства Урала», увидевшим свет в конце 1980-х гг. Эта работа стала по существу первым обобщающим трудом, посвященным экономике Урала за большой исторический период с 1917 по 1985 гг. Авторы труда подчеркивали, что «предлагаемая читателю книга – первая попытка воссоздания истории советского народного хозяйства крупного экономического региона страны»[2]. Особенностью «Истории народного хозяйства Урала» являлось то, что хотя она увидела свет в конце «перестройки», но основывалась на марксистской трактовке развития советской экономики.

После распада СССР, в постсоветский период изучение истории промышленности, транспорта и рабочего класса Урала продолжилось. Выходят обобщающие труды, посвященные истории промышленного развития за длительный период развития края[3] и его регионов[4]. Авторы на большом фактическом материале, в том числе только что открытого для исследователей в реалиях новой России, впервые в исторической науке попытались раскрыть взаимосвязь между административным устройством региона и экономическим потенциалом Урала.

По-прежнему, доминируют исследования, посвященные развитию отдельных отраслей промышленности края: черной[5] и цветной металлургии[6], лесной[7], горной[8]. Огромное значение для активизации исследований истории уральской промышленности имел 300-летний юбилей уральской металлургии, широко отмеченный научной общественностью региона в начале XXI столетия.

---

[1] См.: *Денисевич М. Н.* Индивидуальное хозяйство на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991.

[2] Предисловие // История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч.1 (1917 – 1945). Свердловск, 1988. С. 4.

[3] См.: *Бакунин А. В., Бедель А. Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994.

[4] См.: *Лапаева М. Г.* Развитие хозяйства Оренбургской области (1875 – 1996). Оренбург, 1997; История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006.

[5] См.: *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001; *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

[6] См.: *Набойченко С. С.* Заводы цветной металлургии Урала: Ист. справка. Екатеринбург, 2005. Изд. 2-е; *Моисеев Г. С.* Цветная металлургия Урала (1917 – 1945 гг.). Екатеринбург, 2003.

[7] См.: История развития лесной промышленности Среднего Урала. Екатеринбург, 1997; *Зыкин И.В.* «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половины 1941 г. Н.-Тагил, 2015.

[8] См.: *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

В изучении истории промышленного развития Урала в 1922 – 1941 гг. поставлены новые исследовательские проблемы. А. А. Антуфьев выпустил специальную работу, в которой большое место было уделено анализу предвоенной промышленности Урала[1].

В начале XXI столетия уральские историки стали анализировать особенности промышленной политики Советского государства в регионе. Эта проблема изучается с точки зрения извлечения исторического опыта из той эпохи для применения его в решении современных проблем развития промышленности[2]. К анализу промышленной политики применяются новые методологические подходы. Во-первых, она рассматривается как фактор российских модернизаций. Во-вторых, уральские исследователи применяют к анализу ее развития в советский период теорию мобилизационного общества. В-третьих, реализация советских промышленных мегапроектов того времени анализируется сквозь призму геополитического подхода[3].

Новейшие историко-экономические исследования по истории транспорта на Урале поднимают новые проблемы: о модернизации паровозного парка железных дорог, с уточнением статистических сведений о протяженности электрифицированных железнодорожных линий на Урале в довоенных пятилетках, о значимости советского опыта по организации железнодорожных перевозок[4].

В работах И. П. Климова проведен анализ процесса перестройки работы транспорта в условиях новой экономической политики, определены приоритетные направления модернизации транспортной системы Урала в годы первых пятилеток, показано значение человеческого фактора в развитии транспорта. Исследователь изучил развитие всей транспортной системы Уральского региона, включавшей железнодорожный, водный, автомобильный, воздушный и гужевой транспорт. Основное внимание автором уделено железнодорожному транспорту, которому принадлежала решающая роль в осуществлении транспортных перевозок в регионе. Рассматри-

---

[1] См.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

[2] См.: *Алексеев В. В., Сапоговская Л. В.* Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). Екатеринбург, 2000.

[3] См.: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX вв. М., 2004; Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010.

[4] См.: *Колесников Б. И.* Развитие Свердловской железной дороги: Технико-экономические аспекты: К 120-летию Свердловской железной дороги. Екатеринбург, 1997. 48; *Лукьянин В. П.* Больше века на службе России. Екатеринбург, 1998; *Литовченко Г. А.* Дорога длиною в век. Пермь, 1999; *Коптелов В. Т.* Железная дорога Екатеринбург – Тюмень – Омск: Очерки истории Тюменского отделения дороги. Тюмень, 2001; *Лоскутов С. А.* Южно-Уральская магистраль: Историко-экономический очерк. Челябинск, 2001.

вается также развитие социальной сферы транспорта и реформирование системы управления железнодорожным транспортом[1].

В современной историографии изучению численности и состава советского рабочего класса в 1922 – 1941 гг. уделяется достаточно большое место[2].

Исследователи перестали писать «по пятилеткам» и стали глубже изучать процессы, происходившие в рабочем классе Урала в годы новой экономической политики, а также впервые рассматривать динамику численности рабочих на протяжении всех 1930-х гг. Более подробно, чем их предшественники, современные уральские авторы рассматривают развитие рабочего класса Урала накануне Великой Отечественной войны.

По-новому современные исследователи изучают изменения в составе уральских рабочих. Они подвергли критическому анализу и переосмыслению выводы советских историков о кадровом, половозрастном и национальном составе уральских рабочих.

Современные историки более дифференцированно, подходят к изучению вопроса об источниках пополнения рядов рабочего класса Урала. Самое пристальное внимание современные исследователи уделяют использованию принудительного труда как источника пополнения рядов рабочего класса Урала. В уральской историографии последних лет рассматривается принципиально новая проблема мотивации и стимулов труда рабочих. С позиции новых методологических подходов, прежде всего через призму теории повседневности, анализируется проблема жизненного уровня рабочего класса.

В современной историографии вопрос о социальном облике уральского рабочего стоит не менее остро, чем в советской историографии. Под влиянием новых методологических веяний современные исследователи предпочитают писать о социокультурном облике российских рабочих. С. П. Постников и М. А. Фельдман полагают, что это более удачный термин, поскольку «социокультурный подход предполагает исследование взаимодействия социального пространства, в котором действуют различные слои рабочего класса. Продуктом внутреннего взаимодействия является социокультурный облик конкретной социальной группы промышленных рабочих»[3].

---

[1] См.: *Климов И. П.* История развития транспорта на Урале (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Тюмень, 2005; *Он же.* Человеческий фактор в развитии российского транспорта. 1917 – 1941 гг. (на материалах Урала). М., 2006.

[2] См.: *Бехтерева Л. Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. Ижевск, 1999; *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001; *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

[3] *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.) .... С. 8.

В работах современных исследователей впервые была подвергнута научному анализу динамика землепользования уральских рабочих в годы не только НЭПа, но и всех предвоенных пятилеток. Авторы солидарны в том, что связь с землей определяла особенности развития уральских рабочих, влияла на их социальный облик. Однако степень этого влияния, а главное – его последствия для облика рабочего, историки оценивают поразному. Многие современные авторы связь рабочих с землей не рассматривают в качестве исключительной особенности именно Урала. Они полагают что, аграризация была одной из составляющих процесса деклассирования рабочего класса после окончания гражданской войны и была характерна не только для Урала.

Современные исследователи не соглашаются с мнением советских авторов, что в годы второй пятилетки землепользование уральских рабочих практически исчезло. М. А. Фельдман пишет, что последствия голода 1932 – 1933 гг. для рабочего класса заставили власти «пойти на уступки и постановление правительства в январе 1934 г. о развертывании индивидуального рабочего огородничества следует рассматривать не как вынужденную реакцию на опасность голодных бунтов, но и как осознание неуступчивости позиции рабочего»[1]. Автор пришел к выводу, что к 1941 г. на Урале «преобладающим стал рабочий, характерный для раннеиндустриальной модернизации»[2].

В постсоветский период продолжилось исследование истории сельского хозяйства и крестьянства Урала. В современной историографии сложилось два направления в изучении истории сельского хозяйства. Представители либерального направления продолжают разрабатывать исследовательские проблемы, поставленные в годы «перестройки», привлекая внимание к проблемам насильственной коллективизации, раскулачивания, голода. Наиболее активно разрабатывал эти вопросы И. Е. Плотников[3].

Представители другого направления на основе концепции модернизации изучают процессы, происходившие в советском сельском хозяйстве на региональном уровне. Они кардинально изменили отношение к традиционным вопросам аграрной истории Урала, уделив главное внимание их теоретическому переосмыслению.

Историки отказались от господствующей в СССР концепции социалистического кооперативного строительства. Они признали несостоятельным термин «ленинский кооперативный план», определили, что в период «военного коммунизма» и НЭПа доктринальные представления правящей

---

[1] *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. … С. 276.

[2] *Фельдман М. А.* Условия труда промышленных рабочих Урала в первые четыре десятилетия XX в. // Россия и мир: история и историография. Екатеринбург, 2006. Вып. I. С. 47.

[3] См.: *Плотников И. Е.* Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х начале 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 2. С. 74 – 92.

партии о сущности социалистического строя и использовании кооперации для его построения не изменялись. Исследователи пришли к выводу, что подлинно кооперативные принципы в условиях социализма реализовать было нельзя, а кооперативный социализм или кооперативная коллективизация не могли превратиться из утопической идеи в реальность из-за огосударствления кооперативной деятельности.

В работах В. А. Лабузова и В. П. Петровой[1] создана новая концепция развития сельскохозяйственной кооперации Урала, проанализированы изменения системы крестьянского землепользования и землеустройства в доколхозный период и в начале массовой коллективизации. Взяв за основу исследования концепцию модернизации, авторы сумели показать этапы трансформации крестьянского землевладения от общинного и частного к государственному; кардинальное изменение видов землепользования – от общинного и участкового к коллективному, развитие кооперативного движения.

Г. А. Никитина рассмотрела социальное поведение и общественное сознание удмуртских крестьян как членов традиционной корпоративной ячейки – общины – в условиях воздействия на них явлений внешнего и внутреннего характера. В работе охарактеризована земельная практика в доколхозной удмуртской деревне; показаны отношения крестьян с новой властью; рассмотрен процесс отторжения от общины ее институтов и функций; прослежены изменения, происходящие в сфере традиционных ценностных установок общинников в условиях социалистической модернизации 1920 – начала 1930-х гг.[2]

Большой вклад в изучение аграрного сектора Урала периода коллективизации деревни внес Г. Е. Корнилов, ставший автором нового теоретико-методологического подхода историко-аграрных исследований. На основе обобщения и анализа обширных комплексов эмпирического материала, он разработал концепцию аграрного перехода, которая объясняет трансформацию аграрной сферы и сельского социума в России и ее регионах в XX в. В книге, написанной Г. Е. Корниловым совместно с Е. Ю. Барановым и В. А. Лабузовым, анализируются аграрная и продовольственная политика советского государства, ее влияние на систему продовольственного обеспечения, факторы недопотребления и голода в начале 1930-х гг., их воздействие на демографическую ситуацию в регионе. Впервые в отечественной и миро-

---

[1] См.: *Лабузов В. А.* Прерванный выбор. Оренбургская деревня в 20-х – начале 30-х годов. Ч. 1: Сельское хозяйство Оренбургской губернии в годы НЭПа. М., 2003; *Он же*. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия советской власти (1917 – 1930 гг.). Оренбург, 2004; *Петрова В. П.* История сельскохозяйственной кооперации Урала (1917 – 1930 гг.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 2004.

[2] См.: *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). Ижевск, 1998.

вой историографии голод 1932 – 1933 гг. в России рассматривается в контексте продовольственной безопасности страны[1].

Обобщающие работы по развитию сельскохозяйственного производства в период коллективизации на Урале создал В. В. Филатов. По его наблюдениям динамика и темпы расширения посевных площадей в этот период были очень высокими. Резкое увеличение посевов колхозно-совхозного сектора и одновременное сокращение площадей в индивидуальных хозяйствах прослеживалось и в стране, но уральские темпы в большинстве случаев опережали общесоюзные и общероссийские. В сельском хозяйстве региона наблюдался перманентный кризис животноводства. Вынужденный убой скота на начальном этапе коллективизации, отсутствие нормальной кормовой базы, неудовлетворительное содержание поголовья не способствовали подъему скотоводства. Непроизводительные потери также сдерживали аграрную рационализацию на селе. Высокие потери сельскохозяйственных культур при уборке, хранении, транспортировке, падеж скота в связи с болезнями, плохим содержанием и кормлением повышали себестоимость производимой продукции[2].

Историки пришли к выводу, что в процессе перестройки сельскохозяйственного производства в период сплошной коллективизации в стране появился совершенно новый класс советского общества – колхозное крестьянство. Они указывают на то, что произошли изменения не только в системе экономических, социальных связей, но в и социально-психологическом состоянии всех категорий крестьянства Урала. Выделяются две группы основных факторов, оказывавших наиболее интенсивное и заметное влияние на изменения в социальной психологии разных сословий крестьянства в ходе проведения сплошной коллективизации на Урале: внешние, определяемые политикой, экономикой и идеологией государства, действиями органов власти, и внутренние, определяемые религиозным мировоззрением, традициями, сформировавшимися в самой крестьянской среде. Установление жесткого контроля над деревней, по существу, закрепостило крестьянина и лишило его самостоятельности, способствовало развитию в крестьянской среде равнодушия, безынициативности, признания неполноценности своей личности.

Таким образом, на рубеже XX – XXI вв. исследование экономической истории характеризуется появлением новых научных проблем, расширением источниковой базы, применением к исследованию различных мето-

[1] См.: *Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А.* Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М., 2009.

[2] См.: *Филатов В. В.* Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск, 2006; *Он же.* Уральское село, 1927 – 1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства. Магнитогорск, 2006; *Он же.* Уральское село, 1927 – 1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск, 2006; *Он же.* Уральское село, 1927 – 1941 гг.: продуктовые и денежные повинности. Магнитогорск, 2007.

дологических оснований, использованием концептуальных подходов и методов исследования, разработанных в зарубежной и отечественной экономической науке.

Проблематика научных исследований по истории политических процессов на Урале в период с 1922 по 1941 гг. оставалась неизменной до конца советской эпохи. Историки вели изучение политической системы советского общества, которая включала историю местных большевистских организаций, деятельность Советов депутатов трудящихся и массовых организаций трудящихся: профсоюзов и комсомола.

В 1960 – 1980-е гг. в регионе были опубликованы работы по истории практически всех областных (за исключением Свердловской) и многих городских партийных организаций. Вышла обобщающая работа по истории партийных организаций Урала, второй том посвящался интересующему нас периоду[1].

Проблематика историко-партийных исследований была чрезвычайно разнообразной. Большое место в своих работах авторы отводили изучению проблемы регулирования количественного и качественного состава местных партийных организаций, в частности, регулярно проводимых на протяжении всех 1920-х гг. «чисток» их рядов от чуждых элементов.

Проблематика внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. освещалась советским исследователями односторонне, и это свидетельствовало о том, что решения правящей партии о десталинизации мало сказались на концептуальных подходах к освещению проблемы. В целом советские историки делали вывод о том, что партийные массы единодушно поддержали «ленинское ядро» ЦК РКП (б) – ВКП (б) в борьбе с «оппортунистами», защитили ленинское теоретическое наследие от «троцкистских» и иных фальсификаций и именно это обеспечило победу социализма.

Критика апологетической концепции истории большевизма началась в годы «перестройки». Новизна в подходах к истории партии заключалась, во-первых, в том, что исследователи стали разоблачать «предательскую» роль Сталина по отношению к большевистской теории и практике, разработанным Лениным. В годы «перестройки» стал весьма актуальным призыв к очищению коммунистических организаций от бюрократов и замене их рабочими «от станка». Историки стали привлекать для решения этой проблемы исторический опыт. В связи с этим они обратились к изучению «ленинского призыва», организованного после смерти Ленина в 1924 г. Эти новые подходы к изучению большевистской партии впервые прозвучали на региональных научных конференциях, состоявшихся в 1989 и

[1] См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала: В 2 т. Т. 2. 1921 – 1973. Свердловск, 1974.

1990 гг. в Свердловске[1] и в 1991 г. в Тюмени[2] в выступлениях О. А. Мазура, А. В. Свалова, С. Н. Стругова, В. А. Юкляевских[3].

Во-вторых, больше внимания стало уделяться изучению внутрипартийной борьбы[4]. В-третьих, А. В. Бакунин и Р. Т. Москвина впервые попытались использовать в изучении истории большевистских организаций Урала концепцию советского тоталитаризма[5]. В связи с этим резко возрос интерес к изучению жертв политических репрессий 1930-х гг. на Урале[6]. Историки публиковали не только биографии репрессированных лиц, но и анализировали некоторые сюжеты, связанные с характеристикой партийного авангарда. «Перестроечная» литература отличалась публицистической заостренностью, влиянием политической конъюнктуры, которые впоследствии привели к нигилизму в отношении к большевистской политической элите.

Одним из важнейших элементов советской политической системы являлись общественные организации. В советской историографии изучению деятельности этих организаций придавалось большое значение, и они характеризовались как атрибут советской демократии, как свидетельство народного характера советской власти. Тем не менее, деятельность профсоюзных и комсомольских организаций показывалась исключительно через призму партийного руководства ими. Это позволяло рассматривать профсоюзы и комсомол как «приводные ремни партии» по воздействию на массы трудящихся. По истории профсоюзов уральскими авторами был с

---

[1] См.: Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1989; В. И. Ленин и революционно-преобразующая деятельность большевистских организаций Урала. Свердловск, 1990; В. И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1990.

[2] См.: История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. I. Тюмень, 1991.

[3] *Свалов А. В.* Ленинский призыв в партию на Урале // В. И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1990. С. 69 – 72; *Стругов С. Н.* Негативные явления в деятельности Уральской областной организации ВКП (б) в середине 20-х гг. // Там же. С. 93 – 99; *Мазур О. А.* Ленинский призыв на Урале (по материалам переписи вновь принятых членов РКП (б) 1924 г.) // История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. I. Тюмень, 1991. С. 106 – 107; *Юкляевских В. А.* К истории Ленинского призыва в партию (по материалами Тюменского округа) // Там же. С. 107–109.

[4] См.: *Суслов А. Б.* Борьба уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919–1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989.

[5] См.: *Бакунин А. В., Москвина Р. Т.* Изменения в социальном составе партии в период индустриализации (по материалам Уральской партийной организации) // Современные концепции проблем истории Урала. Свердловск, 1991. С. 60 – 73; *Они же.* ВКП (б) в условиях складывания тоталитарной политической системы (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 47 – 50.

[6] См.: Большевики-ленинцы на Урале. Свердловск, 1989; 37-й на Урале. Свердловск, 1990.

оздан обобщающий труд[1]. Литература по истории уральского комсомола носила юбилейный и очерковый характер[2].

Важнейшей чертой советской историографии являлось рассмотрение советского строительства на Урале как единственно возможного пути развития политической системы. Критический анализ истории советов не предусматривался, процесс его развития оценивался как исключительно прогрессивный. В уральской историографии история Советов в 1922 – 1941 гг. изучалась недостаточно активно. На фоне многочисленных «Очерков» по истории областных партийных организаций в регионе не было издано обобщающего труда по этой проблеме. Это было одним из свидетельств приниженного положения Советов в обществе в рассматриваемый период. История Советов Урала рассматривалась исключительно через призму партийного руководства ими[3].

В годы «перестройки» отношение к изучению роли Советов как к политической основе советского государства стало меняться. В связи с провозглашением партии курса на переход к полновластию Советов и идеализацией НЭПа, исследователи стали извлекать из этого периода советской истории исторический опыт, изучали роль и место Советов в политической системе советского общества, формулировали новые подходы к изучению истории советского строительства и доказывали, что в 1920-е гг. проходил процесс демократизации политической системы за счет повышения в ней роли Советов. Вопрос о демократизации Советов Урала историки связывали с проведенной в 1923 г. в СССР административно-территориальной реформой, приведшей к образованию Уральской области[4]. В. М. Куликов указывает на то, что во второй половине 1920-х гг. даже антибольшевистские силы изменили свою тактику и взяли на вооружение лозунг «Советы без коммунистов». Автор писал о том, что «теперь деревенские эксплуататоры пытались осуществить его «мирными», легальными средствами в ходе перевыборов Советов»[5].

---

[1] См.: История профсоюзов Урала (1905 – 1984). М., 1984.

[2] См.: Боевой путь уральского комсомола. Свердловск,1958; История комсомола Прикамья. Пермь, 1968; Координаты подвига: Очерк по истории Челябинской областной комсомольской организации. Челябинск, 1968; Так нам сердце велело…: Очерки истории Свердловской организации ВЛКСМ. Свердловск, 1968; Все тебе, Родина! Очерки Оренбургской областной организации ВЛКСМ (1919 – 1977). Челябинск, 1977; С огнем большевистским в груди: Очерки истории комсомола Урала (1919 – 1979). Свердловск, 1979.

[3] См.: *Гришанов В. П.* Борьба партийных организаций Урала за политическое укрепление сельских Советов в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1929 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1978.

[4] См.: *Плотников И. Ф.* Образование Уральской области и реорганизация советского государственного аппарата на местах // Наши Советы и другие общественные организации. М., 1989. С. 39 – 44.

[5] *Куликов В. М.* Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале 1925 – 1932 гг. Свердловск, 1987. С. 61.

Хотя советские историки в силу идеологических причин вынуждены были доказывать то, что Советы в годы НЭПа играли достаточно активную роль, но и они обращали внимание на некоторые недостатки в деятельности Советов. Они объясняли низкую эффективность деятельности сельских Советов проникновением в их состав нетрудовых элементов деревни[1].

В советской историографии достаточно своеобразно затрагивалась проблема репрессий на Урале. На страницах многих изданий, в том числе энциклопедического характера, можно было встретить упоминание о некоторых деятелях большевистской партии, репрессированных в 1930-х гг. Однако, авторы не имели возможности сказать об их судьбах.

В работе А. В. Бакунина о репрессиях говорилось буквально следующее: «в 1935 г., и особенно в 1936 и 1937 г. имели место необоснованные исключения из партии и репрессии честных и преданных партийных, советских, хозяйственных, военных работников»[2].

Такова была в советской историографии официальная история политических событий на Урале в период 1922 – 1941 гг., которая впоследствии стала основой для критики.

На современном этапе происходит кардинальное изменение проблематики политической истории Урала. В последнее время заметно ослабел интерес ученых к изучению истории большевистских организаций. Однако исследования, пусть не так интенсивно, как в советский период, но все таки продолжаются. Историки изучают социальный состав уральских организаций РКП (б), социальный облик коммунистов в 1922 – 1941 гг., уровень их организованности, политической активности и т.д.[3]

Повысился интерес к изучению партийно-государственной элиты Урала. Наиболее продвинулись в этом направлении С. В. Воробьев, В. Д. Камынин, А. В. Сушков, В. В. Филатов[4]. С. В. Воробьев выступил

---

[1] См.: *Гришанов В. П.* Деятельность партийных организаций Урала по усилению роли рабочего класса в укреплении сельских Советов (1926 – 1929) // Строительство социализма на Урале: история и историография. Свердловск, 1989. С. 41 – 47.

[2] *Бакунин А. В.* Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933 – 1937 гг.). Свердловск, 1968. С. 409.

[3] См.: *Москвина Р. Т.* Коммунистические структуры в тоталитарной политической системе: Уральская областная организация ВКП (б) в конце 20-х – начале 30-х гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 1993; *Бакунин А. В.* Коммунистические организации // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 275 – 278; *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

[4] См.: *Филатов В. В.* Уральская политическая элита 30-х годов: формирование кадрового состава // Россия в истории мировой цивилизации: Мат. 1-й Всеросс. науч. конф. Челябинск, 1996. Ч. 3. С. 99 – 104; *Сушков А. В.* Руководители города Свердловска: Ист.-биограф. Справочник. Екатеринбург, 2007; *Камынин В. Д.* Время Кабакова // «Время Кабакова». Сб. мат. к 75-летию образования Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 6 – 16.

против общепринятого мнения о том, что номенклатура, как новый социальный институт советского общества, был официально оформлен в середине 1920-х гг. Автор считает, что этот институт начал активно формироваться уже в первой половине этого десятилетия, когда «он был достаточно открытым для определенных социальных групп. Наиболее благоприятные возможности для доступа в ряды номенклатуры имели выходцы из рабочей среды, крестьяне-бедняки. Шанс попасть в него при определенной настойчивости имели и представители других социальных слоев»[1].

В современной историографии проявляется интерес к выявлению инакомыслящих в советской политической системе. К этой категории отнесены, главным образом, представители непролетарских политических партий и оппозиционных группировок внутри большевистской партии. Именно с их деятельностью современные авторы связывают наличие альтернатив в историческом развитии советского общества в 1920-е гг.

Современные исследователи проанализировали наиболее значимые политические конфликты, имевшие место в партии большевиков в 1920-е гг. Говоря о причинах, вызвавших всплеск внутрипартийной борьбы в РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е гг., А. Б. Суслов относит к ним ликвидацию политических оппонентов большевиков; расхождения большевистских лидеров во взглядах на построение социализма в СССР; борьбу оппозиционных групп против партийного большинства за расширение внутрипартийной демократии, против режима безоговорочного подчинения партийному аппарату, против концентрации власти в руках Сталина; борьбу лидеров партии за власть, за личное первенство. Характеризуя особенности внутрипартийной борьбы в регионе, он рассматривает ее как борьбу за власть[2].

Однако среди уральских исследователей имеются и критики рассмотрения внутрипартийной борьбы только как борьбы за власть. В. М. Кружинов пишет: «В отличие от большинства предшественников, рассматривавших политические конфликты в Советской России исключительно (точнее: почти исключительно) как битву партийных вождей за властные полномочия, в которой общественные «низы» в основном присутствуют в качестве созерцателей, автор исходит из того, что политическая борьба ведется не только за монопольное использование объективированных инструментов власти (репрессивный аппарат, партийно-государственные структуры, финансы и т.п.), но и за идейную гегемонию в обществе». Также автор отказывается от признания «эгоцентрических мотивов политиче-

---

[1] *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.

[2] *Суслов А. Б.* Межпартийная и внутрипартийная борьба на Урале в 1921 – 1929 гг. // Страницы истории. Пермь, 1993. Вып. I. С. 25.

ского поведения исключительно в качестве первоочередных и тем более единственных»[1].

По словам Е. В. Рожкова, «партийные разногласия в годы НЭПа не были только личной борьбой за власть наследников Ленина, но с самого начала явились столкновением разных, а в некоторых существенных пунктах – даже противоположных идеологических систем, которые, в конечном итоге, отражали противоречия в общественном сознании нации, вступившей на путь экономической модернизации»[2]. Н. Н. Попов считал, что представители оппозиции «увидели, ощутили глубину бездны, в которую толкали советское общество Сталин и его соратники». Он указывает на то, что некоторые противники сталинизма поняли эту опасность рано, еще в 1920-е гг.[3]

Особенностью современного этапа изучения данного вопроса является желание авторов подробно разобраться в доводах, которые выдвигали различные стороны, участвующие во внутрипартийных дискуссиях. Кроме того, они оперируют более реалистичными данными о поддержке различных оппозиционных групп населением Урала по сравнению с теми, которые приводились в работах советских исследователей. Очевидно также, что симпатии большинства современных авторов находятся на стороне противников сталинского режима. Историографический анализ современной литературы показывает, что в отличие от работ советских времен разработка истории внутрипартийных конфликтов 1920-х гг. в настоящее время идет в более широком контексте, с учетом позиции правящих групп среднего и нижнего уровней власти, общественных «низов», взаимодействия центра и провинции. Этому способствовало расширение региональных исследований по проблеме.

В современной историографии произошло значительное переосмысление деятельности Советов. В 1990-е гг. на исследования в этой области оказали сильное влияние два политических процесса, которые происходили в новой России. С одной стороны, в связи с появлением в России новых экономических и политических реалий произошел отказ от Советов как формы государственного управления. С другой стороны, в связи с возрождением российской государственности в общероссийской историографии повысилось внимание исследователей к изучению исторического опыта в этой области, как положительного, так и негативного.

Именно в современной историографии была сделана попытка отойти от изучения частностей в истории создания и деятельности местных Советов

---

[1] *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти 1917 – 1927 гг. (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 17.

[2] *Рожков Е. В.* Экономическая программа «левой оппозиции» в 20-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994. С. 3.

[3] *Попов Н. Н.* К вопросу о создании научных биографий противников сталинизма // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 132.

и выяснить, насколько выбранная большевиками форма государственной власти – Советы – соответствовала социально-экономическому состоянию страны и политической культуре населения Урала в 1920-е гг.[1]

В связи с переходом от власти Советов к другим формам государственного управления, их деятельность стала подвергаться резкой критике. Либеральные исследователи полагают, что признания факта несовершенства советской формы демократии достаточно, чтобы вообще вычеркнуть Советы из истории. Так, в одном из обобщающих трудов по истории Урала в разделе об общественно-политической жизни края в 1920-е гг. о деятельности Советов упоминается лишь в одной фразе[2].

Другие исследователи продолжают высоко оценивать роль Советов как политического института в период НЭПа. Удмуртские ученые пишут: «Уникальным институтом, позволяющим использовать на практике все выгоды непосредственной, «прямой» демократии являлись Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»[3]. Л. А. Коноплева вообще считает Советы такой формой народовластия, «которая позволяла в течение 70 с лишним лет демонстрировать положительный демократический опыт, накопленный в советском государстве»[4]. Современные исследователи по-новому подходят к анализу проблемы взаимоотношений между Советами и большевистской партией. Ряд современных авторов разделяет мнение историков эпохи «перестройки» и полагает, что 1920-е гг. предпринималась попытка ввести реальное разделение властей и сделать так, чтобы партийные органы занимались политическим руководством, а Советы – государственным управлением. Однако, пишет П. В. Панов, реализовать этот принцип на практике не удалось, ибо «в условиях существовавшего механизма партийного руководства, когда большинство руководителей партии работало не в советских органах, а в партийных, сама жизнь заставляла их решать повседневные, текущие проблемы, выходить за рамки чистого «руководства» и вторгаться в сферу «управления»[5].

М. Н. Денисевич и В. Т. Прохоров считают, что при оценке роли Советов в общественно-политической жизни страны в 1920-е гг. следует исходить, прежде всего, из того, что «фактически центральная и местная

---

[1] См.: Партийные, советские и общественные организации на Урале: История и проблемы взаимоотношений. В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 1992; *Панов П. В.* Партия большевиков и Советы Урала в годы НЭПа: эволюция механизма местной власти: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1992; *Винниченко О. Ю.* Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929 – 1941: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курган, 2001; и др.

[2] См.: Урал: век двадцатый. Екатеринбург, 2000. С. 78.

[3] История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 137

[4] *Коноплева Л. И.* Проблемы демократизации органов самоуправления на Урале в 1920-е гг. историографический обзор // Экономическая история XX века: проблемы историографии. Екатеринбург, 2008. С. 110.

[5] *Панов П. В.* Партия большевиков и Советы Урала в годы НЭПа ... С. 13 – 14.

власть была сосредоточена в партийных комитетах предприятий, организаций, а также в районных, городских, областных и Центральном Комитете партии»[1]. А. Э. Бедель, С. В. Воробьев и С. П. Постников подчеркивают, что «в рамках сложившейся политической системы все важнейшие решения в области промышленной политики принимались центральными органами власти, прежде всего партийными»[2].

Одной из наиболее актуальных проблем, на которую обращают внимание современные исследователи, является проблема абсентизма. Они подтверждают мнение своих предшественников о том, что наиболее активно неучастие населения Урала в выборах Советов пришлось на первые годы НЭПа. Удмуртские исследователи пишут: «Об этом свидетельствовали итоги первых избирательных кампаний в сельские и городские Советы, показавшие низкую активность избирателей (20 – 30 %)»[3].

Исследователи пытаются разобраться в причинах абсентизма. На этот вопрос в современной исторической литературе высказываются различные мнения. Л. А. Коноплева считает, что «на первом этапе достижения полновластия Советов низкий процент участия населения в выборах был вполне закономерным явлением»[4]. Либеральные исследователи полагают, что основной причиной низкой явки избирателей была утрата доверия населения к органам советской власти, которые ассоциировались в сознании избирателей с диктатурой большевистской партии. И. В. Нарский пишет о сильной апатии, охватившей рабочее население Урала в связи с переходом к НЭПу[5].

С. Л. Логинов признает, что проникновение кулацких элементов в советы носило массовый характер и стало причиной принятия в 1927 г. циркуляра ЦК окружкомам ВКП(б), в котором ставилась задача полностью и абсолютно очистить советы «от зажиточных и кулаков, кассируя такие перевыборы, где прошло кулачество, где выборы прошли под влиянием и руководством кулачества, выдвигать на работу в Советы членов партии и Советской власти»[6].

Сторонники другой точки зрения полагают, что во второй половине 1920-х гг. партийные органы стали «подчинять деятельность Советов задачам партии». По их наблюдению, это проявлялось в том, что осуществлялось регулирование социального состава Советов, лишались избира-

---

[1] *Денисевич М. Н., Прохоров В. Т.* Советы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е ид. … С. 495.

[2] Опыт Российских модернизаций XVIII – XX в. М., 2000. С. 168.

[3] История Удмуртии: XX век. С. 137.

[4] *Коноплева Л. И.* Проблемы демократизации органов самоуправления на Урале в 1920-е гг. … С. 118.

[5] *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 347.

[6] *Логинов С. Л.* Перевыборная кампания в Советы и взаимоотношения Советов и партии в 20-е гг. // Тез. докл. Второй респуб. науч. конф. «История Советской России: новые идеи, суждения». Ч. II. Тюмень. 1993. С. 32.

тельного права многочисленные категории населения, предпринимались меры по увеличению в составе Советов коммунистов, рабочих, сельской бедноты, женщин[1].

Активно в уральской историографии изучается история профсоюзных организаций в годы новой экономической политики[2]. Современные авторы переносят акцент изучения с политической на социальную функцию, выполняемую этими организациями. М. М. Бадретдинова разъясняет: «С появлением негосударственных предприятий, использующих наемную рабочую силу, возросла роль профсоюзов, менялось их место в системе государства». «С переходом к нэпу, – подчеркивает автор, – профсоюзы стали заниматься вопросами нормирования и оплаты труда, строго следили за исполнением декретов и распоряжений правительства по охране труда и социальному обеспечению рабочих и служащих, особенно на частных предприятиях»[3].

В современной уральской историографии история молодежных организаций Урала в 1922 – 1941-е гг. с новых методологических позиций разработана крайне слабо. К 80-летнему юбилею комсомола вышли очерки истории некоторых региональных комсомольских организаций[4]. Новые подходы к изучению истории уральского комсомола попытался реализовать Ю. А. Стецура[5].

В современной историографии большое внимание уделяется изучению политики советского государства в области борьбы с инакомыслием в период 1922 – 1941 гг. Эта проблема стала предметом самого пристального изучения именно современных исследователей в силу раскрытия секретных архивов, развернувшейся полномасштабной критики сталинизма и его конкретных проявлений.

Достаточно развитым в современной историографии является направление по исследованию складывания на Урале мест заключения для инакомыслящих и врагов советской власти. Подавляющее большинство исследований по данной теме выполнена на материалах конца 1920-х – начала 1950-х гг., когда советская пенитенциарная система уже полностью

---

[1] История Удмуртии: XX век ... С. 138.

[2] См.: *Прошина Н. М.* Профсоюзы и защита интересов трудящихся в годы НЭПа (1921 – 1928 гг.) (по материалам профобъединений металлистов и горнорабочих Урала): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993; *Мурсалимов Г. С.* Профессиональные союзы (профсоюзы) // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 442; *Бакунин А. В., Попов Н. Н.* Профессиональные союзы // Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 464 – 466; и др.

[3] История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 218 – 219.

[4] См.: *Александрович Ю. М.* 80-летие ВЛКСМ в Челябинской области: хроника, итоги, выводы. Челябинск, 1998; *Патрикеев Н.Б.* Комсомол Северо-Западной Сибири: очерки истории. Ханты-Мансийск, 1998; *Он же.* Пламя погасших костров: Из истории детского движения. Тюмень, 1998.

[5] См.*: Стецура Ю. А.* Революционный пафос и трагизм поколения 20 – 30-х гг. Екатеринбург – Пермь, 1995.

сформировалась. О развитии советской пенитенциарной системы на Урале обобщающие исследования создали А. С. Смыкалин и М. В. Рубинов[1]. Историки перешли от изучения отдельных фактов репрессий к исследованию проблемы государственного террора со стороны большевистского режима. Политические репрессии на Урале в 1990-е гг. рассматриваются на страницах обобщающих работ по данной проблеме[2], в том числе региональных «Книг памяти»[3].

Современные исследователи поставили ряд теоретических вопросов о месте репрессий в политической жизни советского общества. А. В. Сперанский считает, что сегодня в исторической литературе можно встретить две точки зрения на вопрос о месте репрессий в деле построения социализма. Первая представляет репрессии как отступление от ленинизма, деформацию социализма под воздействием И. В. Сталина. Вторая, рассматривает репрессии как закономерный процесс, связанный с построением социализма в соответствии с доктриной марксизма-ленинизма[4].

Позиция А. В. Бакунина представляет собой яркий пример второй точки зрения. Ученый считал, что «массовые репрессии были запрограммированы отсутствием зрелых социально-экономических условий для перехода к новому строю. Они являлись фактором сохранения незаконной власти узурпаторов»[5]. Под узурпаторами А. В. Бакунин подразумевал большевиков, которые, взяв власть в свои руки, начали строить коммунистическое общество. Построение коммунизма, с точки зрения автора, неизбежно вело к репрессиям, так как коммунизм основан на утопических идеях, при воплощении которых их создатели вынуждены были лгать и обманывать народ: «Поднять такое общество на осуществление утопических целей и вместе с тем обезопасить и укрепить власть был призван не только могущественный политико-идеологический прессинг, но и особенно фор-

---

[1] См.: *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997; *Рубинов М. В.* Становление и развитие советской пенитенциарной системы. 1918 – 1934 гг. (По материалам Урала): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2000.

[2] См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. В 2-х ч. Ч. I: Репрессии 1920 – 1930-х гг. Н-Тагил, 1996; *Бакунин А. В. Репрессии* // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. С.457 – 459.

[3] См.: *Кириллов В. М.* Жертвы репрессий. Н - Тагил. 1920 – 1980-е гг. Екатеринбург, 1999; Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий / Сост. Суслов А.Б. и др. Пермь, 1998.

[4] См.: *Сперанский А. В.* Концепция тоталитаризма как методологическая интерпретация истории России XX века // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 231 – 239; *Он же.* Диктатура личности в контексте массовых репрессий // Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития. Екатеринбург, 2011. С. 154; *Он же.* Сталинизм и советская модель государственного управления в свете «концепции тоталитаризма» // Эволюция российского и зарубежного государства и права. Екатеринбург, 2016. С. 894.

[5] *Бакунин А. В.* Репрессивная политика советского тоталитарного режима // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 7.

мирующийся репрессивный аппарат, система беззакония, насилия и террора сверху донизу»[1].

Точку зрения Бакунина полностью разделяет Р. Т. Москвина. Она подчеркивает, что репрессии – это не отступление от основ социализма, а неотъемлемый элемент тоталитарной системы. Как и Бакунин, она обращает внимание на ту роль в репрессиях, которую сыграла утопичность самой идеи социализма[2].

А. С. Смыкалин, хотя и не акцентирует внимание на утопичности идеи социализма, тем не менее, согласен, что репрессии были нужны, чтобы сохранить и укрепить позиции социализма[3].

А. В. Бакунин определяет репрессии как «меры карательного характера тоталитарного государства, направленные на подавление, наказание граждан, оказывающих активное или пассивное сопротивление власти». По его мнению, основные формы репрессий: тюрьмы, лагеря, спецпоселения, депортация, ссылка «осуществлялись на всех этапах существования советского тоталитарного режима». Сравнивая деятельность Ленина и Сталина, автор пришел к выводу, что ленинизм и сталинизм мало чем отличаются друг от друга, более того первый породил второй. Отсюда метод репрессий, используемый Сталиным, ленинский. Разница у Ленина со Сталиным наблюдалась только в размерах и масштабах репрессий, а также в том, что Ленин к концу своей жизни отказался от утопического плана, а Сталин начал его осуществлять, «ввергнув страну в новую, теперь уже всесоюзную мясорубку»[4].

Первый период политических репрессий в стране А. В. Бакунин датировал 1917 – 1928 гг. и выделил внутри него три этапа: с октября 1917 до осени 1918 г., когда репрессии активно применялись против представителей свергнутой власти; с лета 1918 до конца 1922 г., когда «красный террор» приобрел массовый характер; с 1923 до конца 1920-х гг., когда произошло сокращение репрессий[5]. Историк считал, что на последнем этапе «на основе решения о реорганизации ВЧК, принятия уголовного и гражданского кодексов РСФСР советская власть перешла к внешним формам правового государства»[6].

Наиболее значительный вклад современные исследователи внесли в изучение конкретного механизма политических репрессий на Урале в 1920-е гг. Крупная обобщающая работа по истории репрессий на Урале написана В. М.

---

[1] *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма. В 2-х кн. Кн. 2: Апогей. Екатеринбург, 1997. С. 80.

[2] *Москвина Р. Т.* Репрессии как неотъемлемый элемент сталинской тоталитарной политической системы // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 64 – 66.

[3] *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России ... С. 24.

[4] *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма ... С. 8

[5] *Бакунин А. В.* Репрессии ... С. 457.

[6] *Бакунин А. В.* Репрессивная политика советского тоталитарного режима ... С. 8

Кирилловым[1]. В этой работе рассмотрены законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства; лишение избирательных прав населения Урала в 1920-е гг.; судьбы раскулаченных спецпереселенцев и репрессии по контрреволюционным делам конца 1920-х гг. Однако, в этой книге обойдены многие сюжеты репрессивной политики советского государства в 1920-е гг. Кроме того, она выполнена на материалах только Нижнетагильского округа Уральской области, а таких округов в ней в 1920-е гг. было 15.

Большое количество работ посвящено изучению судеб конкретных людей, которые были подвергнуты репрессиям со стороны советского государства. Поскольку эта литература носит массовый характер, то Е. А. Игишева применила к ее исследованию метод контент-анализа. Этот метод позволил автору выделить в литературе работы, посвященные основным категориям репрессированных на Урале в 1920-е гг. Первую категорию составляют исследования о так называемых «бывших», включающих представителей эксплуататорских классов, чиновников царской администрации и местных органов Временного правительства, представителей белого движения, небольшевистских политических партий, а также священнослужителей. Ко второй категории относятся работы, посвященные репрессированным в 1920-е гг. участников крестьянских выступлений. Третья часть литературы написана об участниках внутрипартийной борьбы на Урале. Четвертая – весьма многочисленная часть – посвящена репрессированным представителям уральской интеллигенции не только старой, с дореволюционными корнями, но и новой, получившей образование уже в советское время. Наконец, к пятой категории работ относится литература о репрессированных представителях национального движения на Урале[2].

Подводя общие итоги изучения истории политического развития Урала в 1922 – 1941 гг., следует отметить, что существует значительный комплекс литературы, в которой получили отражение ее все наиболее важные вопросы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что изучение темы велось неравномерно на разных этапах историографического процесса. Это зависело от конкретно-исторических условий и идеологических установок, господствовавших в нашей стране на тот или иной период.

В советское время следование «единственно верной» марксистско-ленинской методологии вынуждало ученых подбирать факты под заранее известную концепцию политической истории советского общества и в ее русле оценивать различные перипетии политической борьбы. Работы этого периода отличались в значительной степени описательностью и фрагментарностью в освещении событий.

---

[1] См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. В 2-х ч. Ч. I: Репрессии 1920 – 1930-х гг. Н-Тагил, 1996.

[2] См.: *Игишева Е. А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии. Екатеринбург, 2008. С. 223 – 224.

В годы «перестройки» начал меняться вектор изучения истории 1922 – 1941 гг., в частности, возник интерес к опыту политического плюрализма нэповского десятилетия, к возможным альтернативам развития страны.

Отличительной чертой современной историографии является рассмотрение политической истории с позиций различных методологических подходов. Исследователи на основании новых источников, большинство которых было впервые введено в научный оборот, проанализировали традиционные проблемы политической истории, поставленные еще в советской историографии. Кроме того, были определены новые исследовательские проблемы, которые не могли рассматриваться в советский период в силу идеологических и политических причин.

В советское время развитие культуры в Уральском регионе в 1922 – 1941 гг. рассматривалось через призму осуществления ленинского плана построения социализма в СССР, составной частью которого являлась «культурная революция». Уральские историки вели дискуссии в терминологическом соотношении двух понятий – культурной революции[1] и культурного строительства[2].

Среди советских исследователей истории культуры Урала особое место занимал В. Г. Чуфаров. В его работах были разработаны практически все аспекты культурной жизни Урала: от ликвидации неграмотности до развития фундаментальной науки. Следует особо отметить заслуги В. Г. Чуфарова в подготовке научных работников, оставивших заметный вклад в изучении региональной культуры.

Отстаивая концепцию «культурной революции», В. Г. Чуфаров определял ее как сложный революционный процесс, связанный со всесторонним духовным обновлением общества, становлением нового, высшего типа культуры – социалистической культуры, опирающейся на все передовое, что создано предшествующим развитием человеческой мысли[3]. По мнению В. Г. Чуфарова, период «культурной революции» коренным образом отличался от последующих этапов культурного строительства в нашей стране. Ломка старой, реакционной и создание новой, социалистической культуры протекали в условиях острой классовой борьбы. Для осуществления культурных преобразований в этот период применялись революционные формы и методы, которые утратили свое значение в последующем (чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, самообложение в пользу учреждений культуры, культпоход, рабфаки и т. п.).

---

[1] См.: Культурная революция на Урале. Свердловск, 1966.

[2] См.: Деятельность партийных организаций Урала по развитию социалистической культуры / Под ред. *А. П. Панфилова.* Вып. 1. Свердловск, 1967; Вып. 2. Свердловск,1968.

[3] *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920 – 1937 гг.). Свердловск, 1970. С. 24.

Обсуждался вопрос о хронологических рамках «культурной революции» на Урале. Первая точка зрения сводилась к тому, что «культурная революция» началась сразу же после перехода власти в руки пролетариата и была тесно связана с происходящими в стране политическими и экономическими преобразованиями. Что же касается конца «культурной революции», то по этому вопросу исследователи высказывали различные соображения. В. Г. Чуфаров считал, что ее главные задачи были решены к концу второй пятилетки, когда в основном было покончено с неграмотностью взрослого населения, в стране был введен начальный всеобуч и имелись большие успехи в осуществлении неполного среднего образования, была создана армия советской интеллигенции, ликвидировано культурное неравенство народов СССР и навсегда покончено со старым бытом деревни, социалистическая идеология стала безраздельно господствовать в советском обществе[1].

Другая точка зрения исходила из того, что хотя к началу Великой Отечественной войны в области культуры были достигнуты серьезные успехи, однако социалистическая «культурная революция» в стране победила лишь одновременно с полной и окончательной победой социализма, т.е. к концу 1950-х гг. После этого, писал П. К. Кузнецов, начался завершающий этап «культурной революции», связанный с периодом коммунистического строительства[2]. В целом, верность концепту «культурной революции» уральские историки сохраняли вплоть до конца советского периода[3].

Большое внимание уральские исследователи уделяли изучению деятельности партийных организаций по руководству культурой. Доминировали исследования, в которых показывалось повышение культурного уровня различных категорий трудящихся как результат плодотворной деятельности партийных организаций по осуществлению культурных преобразований.

Подавляющее большинство работ уральских исследователей культурной революции выполнено в так называемом отраслевом разрезе. В советской литературе было прослежено развитие на Урале всех основных отраслей культурного строительства в «переходный период», включая проблемы народного образования, формирования социалистической интеллигенции, культурно-просветительной работы, науки и искусства.

---

[1] *Чуфаров В. Г.* Основные моменты периодизации истории осуществления культурной революции на Урале // Культурная революция в СССР. М., 1967. С. 270.

[2] *Кузнецов П. К.* Особенности и основные этапы культурной революции в Удмуртии // Труды Пермского политехнического института. 1973. № 126. С. 119.

[3] См.: *Шишмаренкова А. В.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1986.

Исследователи подчеркивали, что особенная трудность в овладении широкими массами достижениями культуры заключалась в массовой неграмотности населения, унаследованной от дореволюционного прошлого. Историки доказывали, что задача ликвидации неграмотности взрослого населения являлась первоочередной в культурном строительстве, так как без ее осуществления невозможно было культурное возрождение страны. Д. П. Горбунова и В. Г. Чуфаров обращали внимание на особую значимость ликбеза для Уральского региона, поскольку дореволюционный Урал отставал в культурном отношении от центральных районов России[1]. Большинство исследователей признавали, что к началу второй пятилетки с неграмотностью на Урале было покончено, а оставшиеся 5 – 8 % неграмотного населения не могли оказать какого-либо влияния на темпы социалистических преобразований. Н. Я. Кемерова считала, что проблема ликвидации неграмотности населения Урала не была решена вплоть до начала Великой Отечественной войны, ибо в годы предвоенных пятилеток его ряды постоянно пополнялись новыми слоями, выходцами из национальных районов страны, где грамотность была еще ниже[2].

Истории общеобразовательной школы в годы «социалистического строительства», когда осуществлялись сначала начальное, а затем семилетнее всеобщее образование, было посвящено немало работ[3]. Обобщающее исследование по этой проблеме подготовил П. В. Гришанов[4]. Литература, посвященная истории общеобразовательной школы, имела одну общую черту: в ней много места отводилось истории педагогической мысли. Исследователи показали, что наряду с теневыми сторонами, связанными с перестройкой содержания школьного образования в 1920-е гг., в истории школы было много положительного и даже поучительного.

Система народного образования включала сеть учебных заведений профессионального характера. Советские историки подчеркивали, что формирование ее имело особое значение именно для Урала, который до Октябрьской революции не обладал подобными учебными заведениями и в период «социалистического строительства» испытывал острейшую потребность в квалифицированных кадрах[5]. Исследователи обратили внимание на соз-

[1] См.: *Чуфаров В. Г., Горбунова Д. П.* От неграмотности – к вершинам культуры. Свердловск, 1963.

[2] См.: *Кемерова Н. Я.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию культурно-просветительной работы в годы второй пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 12.

[3] См.: *Покровская Н. К.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию общеобразовательной школы в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

[4] См.: *Гришанов П. В.* Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926 – 1937 гг.). Челябинск, 1982.

[5] *Постников С. П.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования рабочих в годы восстановления народного хозяйства, 1921 – 1925: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. С. 3.

дание сети низшего производственно-технического образования, призванной подготовить для народного хозяйства Урала рабочих и сельских специалистов, показывалась роль отдельных форм обучения в обеспечении промышленности специалистами. Для быстрейшего удовлетворения потребности уральской промышленности в квалифицированных кадрах применялись различные формы обучения, как с отрывом, так и без отрыва от производства.

В. И. Баннова высоко оценивая роль школ ФЗУ, утверждала, что уже в годы восстановления народного хозяйства именно они стали основной формой подготовки и резерва квалифицированных рабочих[1]. По мнению С. П. Постникова, в тот период основную массу рабочих кадров готовили непосредственно на производстве через профтехкурсы, индивидуально-бригадное ученичество и т.п. Что же касается школ ФЗУ, то в период восстановления народного хозяйства они подготовили лишь небольшую часть нового пополнения квалифицированных уральских рабочих[2].

С. С. Сергеев рассмотрел создание на Урале средних специальных учебных заведений[3], впервые раскрыл многие моменты профессиональной подготовки кадров через техникумы за весь реконструктивный период. Автор считал, что именно в то время завершился процесс формирования советской системы среднего специального образования, сложились основные формы и методы учебно-воспитательной работы. Он остановился на вопросе расширения техникумов и их сети за указанный период. По мнению автора, в первой пятилетке наблюдалось количественное увеличение этих учебных заведений, преимущественно технического профиля. В годы второй пятилетки общее количество техникумов несколько сократилось, главный упор делался на качество подготовки специалистов, происходило упорядочение сети средних специальных учебных заведений, укрепление их материальной базы.

Внимание советских исследователей привлекала история высшего образования на Урале[4]. Были опубликованы научно-популярные очерки по

---

[1] См.: *Баннова В. И.* Комсомол Урала – помощник Коммунистической партии в борьбе за восстановление промышленности и транспорта (1921 – 1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1977.

[2] *Постников С. П.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования рабочих в годы восстановления народного хозяйства, 1921 – 1925: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. С. 14.

[3] См.: *Сергеев С. С.* Создание высшего и среднего специального сельскохозяйственного образования на Урале // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1968. Сб. 67. С. 110 – 125.

[4] См.: *Деменев А. И., Добровольский Н. С.* Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958; *Добровольский Н. С.* У истоков высшего образования на советском Урале // Вестник высшей школы. 1960. № 10. С. 87 – 90.

истории крупнейших учебных заведений Урала[1]. В исследованиях В. Г. Чуфарова, М. Е. Главацкого важное место отводилось изучению деятельности партийных организаций Урала по созданию сети высших учебных заведений[2]. Естественно, основное внимание уделялось вузам технического профиля, которые в то время доминировали среди высших учебных заведений Урала. Авторы рассматривали вопросы укрепления материальной базы вузов, совершенствование учебного процесса в высших учебных заведениях, борьбу за рационализацию сети вузов и т.д.

Крупнейшей исследовательской проблемой истории культуры на Урале в 1922 – 1941 гг. являлось изучение формирования социалистической интеллигенции. Историки ставили вопросы о месте интеллигенции в социалистическом обществе, путях ее формирования. В литературе отмечалась острота этой проблемы для молодого Советского государства. Историки сходились во мнении, что в конкретно-исторических условиях переходного периода социалистическая интеллигенция формировалась по трем основным каналам: через систему средней специальной и высшей школы, путем выдвижения рабочих и крестьян на руководящие посты и за счет привлечения старой интеллигенции на сторону Советской власти. Эти направления развивались и использовались Советским государством с первых лет его образования, однако постепенно высшая и средняя специальная школа становится главным, а затем единственным источником пополнения кадров интеллигенции в нашей стране. Использование старой интеллигенции и выдвиженчество были характерны лишь для переходного от капитализма к социализму периода.

---

[1] См.: *Главацкий М. Е.* Уральский государственный университет. Свердловск, 1960; 40 лет Пермскому государственному педагогическому институту: Ист. очерк. Пермь, 1961; Уральский политехнический институт за 40 лет. Свердловск, 1962; Пермский государственный университет им. А. М. Горького: Ист. очерк. 1916 – 1966. Пермь, 1966; Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967; 50 лет Свердловскому горному институту им. В.В. Вахрушева первому техническому вузу на Урале 1917 – 1967. М., 1967; Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова. Исторический очерк. 1920 – 1970. Свердловск, 1970; Магнитогорский педагогический: К 40-летию института. Челябинск, 1972; *Леднев В. П.* Школа педагогических кадров на Среднем Урале: Свердловский педагогический институт. Свердловск, 1975; *Пономарев В. А.* Первый вуз Челябинска. Челябинск, 1975; Свердловский государственный педагогический институт, 1930 – 1980. Свердловск, 1980; Уральский государственный университет. Свердловск, 1980; С именем Ленинского комсомола. Свердловск, 1982.

[2] См.: *Главацкий М. Е., Чуфаров В. Г.* Деятельность Уральской партийной организации по развитию высшей технической школы в годы первой пятилетки // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1956. Сб. 26. С. 228 – 236; *Трофимова Л. М., Чуфаров В. Г.* Деятельность Коммунистической партии по совершенствованию и дальнейшему развитию сети высшей школы в годы второй пятилетки: (На материалах Урала) //Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С. 131 – 137.

Учитывая специфику экономики Урала, испытывающей потребность прежде всего в инженерно-технических кадрах, историки обратили особое внимание на формирование производственно-технической интеллигенции. В работах М. Е. Главацкого, М. И. Кондрашовой, Т. Г. Усольцевой[1] раскрывались особенности создания этого отряда уральской интеллигенции. Авторы показывали плохую обеспеченность народного хозяйства Урала квалифицированными специалистами, особенно отраслей тяжелой промышленности.

М. Е. Главацкий писал, что решению этой проблемы в сравнительно быстрые сроки способствовал ряд факторов: постоянно возрастающий спрос промышленности на специалистов, наличие потомственных рабочих, боевая и сплоченная партийная организация. Историк, подсчитав количество специалистов технического профиля, подготовленных вузами Урала для народного хозяйства в годы предвоенных пятилеток, отмечал, что в целом система высшего образования справилась с задачами, поставленными перед ней промышленностью. Были поставлены очень важные вопросы о природе выдвиженчества, его роли в создании новой интеллигенции. По мнению М. Е. Главацкого, выдвиженчество было рождено Октябрьской революцией, самой природой социалистического строя. Он выступал с критикой тех авторов, которые связывают возникновение выдвиженчества с нехваткой кадров[2]. Изучалось формирование на Урале и других отрядов советской интеллигенции[3].

Советские исследователи обращались к истории становления советской системы организации науки на Урале[4]. Это проблема комплексная, и различные ее аспекты рассматривались как в трудах по истории высшего образования на Урале, так и в работах по истории советской интеллигенции. Из специальных исследований по истории науки следует отметить

---

[1] См.: *Усольцева Т. Г.* Деятельность Уральской партийной организации по подготовке и воспитанию инженерно-технических кадров в период первой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967; *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926 – 1937 гг.). Свердловск, 1974; *Кондрашова М. И.* Коммунистическая партия – организатор формирования социалистической интеллигенции в 1917 – 1937 гг. (на материалах партийных организаций Урала). Иркутск, 1985.

[2] См.: *Главацкий М. Е.* Подготовка инженерных кадров на Урале в предвоенные годы // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 3. С.75 – 93.

[3] См.: *Волков С. М.* Подготовка и повышение квалификации учительских кадров на Урале в 1928 – 1932 годах // Учен. зап. Перм.ун-та. 1969. № 215. Из истории партийных организаций Урала. С. 47 – 70.

[4] См.: *Кальниченко В. С.* О роли науки в осуществлении планов социалистического строительства на Урале // Тр. Урал. политехн. ин-та. 1975. Сб. 234. С. 29 – 37.

работы А. В. Бакунина, З. Т. Сажиной, М. Е. Главацкого[1]. А. В. Бакунин и З. Т. Сажина рассмотрели вопрос о роли В. И. Ленина в развитии науки на Урале. Авторы показывали интерес В. И. Ленина к решению проблемы Урало-Кузнецкого комбината, использованию природных ресурсов Урала. В работе подчеркивалось непосредственное участие В. И. Ленина в создании Уральского университета, долгое время являвшегося единственным центром научных исследований на Урале, а также претворение ленинских идей о развитии науки на Урале в период реконструкции народного хозяйства.

В. Г. Чуфаров многое сделал для характеристики научно-исследовательской деятельности вузов Урала, помощи партийных органов по укреплению материальной базы вузовской науки, рассмотрел основные достижения научных исследований в уральских вузах. Большое внимание уделялось развитию академической[2] и отраслевой[3] науки на Урале в предвоенный период.

Д. Ш. Давлетбаев, А. Ф. Прокладова, Ф. Л. Саяхов показали расширение сети научных учреждений в годы первых пятилеток, решение проблемы научных кадров, укрепление материальной базы научных учреждений, достижения в укреплении связи науки с производством в автономных республиках Урала[4].

Советские исследователи подробно изучали развитие различных видов искусства на Урале. В монографии В. Г. Чуфарова была рассмотрена проблема партийного руководства искусством Урала в целом.

Большая часть исследований представляла собой искусствоведческие и литературоведческие труды, посвященные истории театра[5], изобрази-

---

[1] См.: *Бакунин А. В., Сажина З. Т.* В. И. Ленин и партийное руководство наукой // Труды Уральского политехнического института. 1972. № 207. С. 4 – 18; *Сажина З. Т., Главацкий М. Е.* Горизонты высшей школы и науки на Урале. Свердловск, 1981.

[2] См.: Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. Вып. l7. Свердловск, 1959; Уральский филиал Академии наук СССР / Сост. *Г. П. Блохин.* Свердловск, 1967.

[3] См.: *Панченко С. И.* Тридцатилетие института (1931 – 1961 гг.) // Подготовка и коксование, углей. 1962. Вып. 3. С. 3 – 10; *Довгопол В. И.* Сорок лет работы Уральского научно-исследовательского института черных металлов // Сталь. 1970. № 9. С.769 – 771; Уральский государственный институт по проектированию металлургических заводов (Уралгипромез). Свердловск, 1972; Институту «Унипромедь» – 50 лет // Цветные металлы. 1979. № 12. С. 9 – 38; *Ярцев М. А.* Челябинскому Гипромезу – сорок лет // Сталь. 1981. № 11. С. 24 – 25.

[4] См.: *Давлетбаев Д. Ш.* Развитие народного образования и науки в Башкирской АССР за годы Советской власти // Октябрь и торжество ленинской национальной политики в Башкирии. Уфа, 1968. С.89 – 102; *Прокладова А. Ф.* Развитие среднего и высшего образования и научных учреждений в Удмуртии // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968. С. 503 – 507; *Саяхов Ф. Л.* Из истории создания научных учреждений и вузов в Башкирской АССР: Деятельность Башкобкома // Учен. зап. Башк. ун-та. 1973. Вып. 70. Сер. ист. наук. № 9. Из истории социалистического строительства в автономных республиках РСФСР. С 5 – 19.

[5] См.: *Панфилов А. П.* Театральное искусство Урала. Свердловск, 1967.

тельного[1] и музыкального[2] искусства, развития литературы[3]. Выходили работы по истории отдельных учреждений культуры края[4]. Театроведческий и искусствоведческий анализ истории культуры способствовал более рельефному пониманию многих важных аспектов в истории отечественного искусства и его взаимоотношений с государством. В работах историков, посвященных уральскому изобразительному искусству, прослеживалась история становления и развития конкретных отраслей, подробно анализировались процессы художественной жизни Урала, творчество отдельных уральских живописцев, граверов, мастеров прикладного искусства. Были созданы исследования по истории искусства в национальных районах Урала[5].

В исследованиях по истории культуры нашла отражение борьба за ленинское понимание социалистической культуры, роли искусства в жизни советских людей, показаны основные вехи и этапы в развитии различных видов искусства на Урале. Авторы анализировали трудности и успехи в становлении и развитии советской художественной культуры на Урале на фоне бурных и сложных событий общественной жизни, наложивших большой отпечаток на становление социалистической культуры.

Уже в годы «перестройки» концепция «культурной революции» и ее итогов к концу «реконструктивного» периода была подвергнута критике. «Культурная революция» перестала рассматриваться как составная часть ленинского плана построения социализма и ее содержанием историки, по аналогии с «культурной революцией» в КНР, стали считать террор против советской интеллигенции. Согласно мнению уральских историков определенный культурный прогресс и достижения в развитии отдельных от-

---

[1] См.: *Павловский Б. В.* Художники Свердловска. Л., 1960; *Байнов Л. П.* Художники Челябинска. Челябинск, 1978; Художники Советской Башкирии: Справочник /Автор-сост. *Э. П. Фенина.* Уфа, 1979; *Павловский Б. В., Ярков С. П.* Из истории изобразительного искусства Среднего Урала (1930 – 1960-е гг.) // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1985. С.88 – 106.

[2] См.: Композиторы Урала. Свердловск, 1968. 135 с.

[3] См.: *Ахлюстина М. А.* Деятельность партийных организаций по руководству художественной литературой (1932 – 1937 гг.) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978. С. 60 – 66; *Хусаинов Г. Б.* Башкирская советская поэзия: 1917 – 1980. М., 1980.

[4] См.: *Курочкин Ю. М.* Из театрального прошлого Урала. Свердловск, 1957; *Логиновский М. Г.* Повесть о любимых актерах. Свердловск, 1968; *Келлер И. И. Кокурина А. С., Надеждин Ю. Ф.* Пермский ордена Трудового Красного Знамени академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского. Пермь, 1971; *Коган Б.* Добрый мир оперетты. Свердловск, 1973; *Андрианова Г. С.* Из истории развития театрального искусства на Урале в годы второй пятилетки. Свердловск, 1978; *Матафонова Ю. К.* Свердловский драматический. Свердловск, 1980.

[5] См.: *Хайруллин Р. Х.* Мастера оперного искусства Башкирии. Уфа, 1963; *Он же.* Башкирский ансамбль народного танца. Уфа, 1966; *Лебединский Н. Л.* Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1965; Путь к удмуртской опере. Ижевск, 1969; *Поляк А. И.* Художники Удмуртии. Ижевск, 1970; *Гайнуллин М., Хусаинов Г.* Писатели советской Башкирии: Библиографический справочник. Уфа, 1977; *Голубкова А. Н.* Музыкальная культура советской Удмуртии. 1917 – 1967. Ижевск, 1978.

раслей советской культуры в 1920 – 1930-е гг. являлись следствием общецивилизационного процесса, переживаемого страной[1].

В литературе по истории культурных преобразований на Урале были переосмыслены такие дефиниции, как «культура», «культурная революция», «культурное строительство», «культурно-технический уровень» рабочего класса и др. Это стало результатом применения к изучению истории культуры междисциплинарных методов и становления в уральской историографии культурологического направления. В 1990-х гг. произошел разрыв с марксизмом и принципом партийности в оценке развития культуры и замена его социокультурным подходом. Уральские исследователи Г. С. Адрианова, С. С. Загребин, М. В. Попов и другие поставили вопрос о тоталитарном облике советской культуры в 1920 – 1930-е гг.[2] В современной историографии весьма актуальной остается проблема партийно-государственного руководства культурой Урала в период 1922 – 1941 гг.[3]

Современная историография, отказавшись от концепта «культурной революции» для характеристики культуры 1920 – 1930-х гг., вводит новое понятие «культурной политика»[4], которая рассматривается как политика в области культуры, духовной жизни, рассчитанную на создание, поддержание и улучшение условий деятельности представителей культуры и искусства, пропаганду и распространение культурных достижений, приобщения к культуре широких слоев населения, особенно молодежи. С. С. Загребин характеризует культурную политику как «целостный феномен, представленный в системе государственных мероприятий в области просвещения, средств массовой коммуникации, искусства и религии»[5]. Автор рассматривает особенности и противоречия процесса становления советской модели духовной культуры, ее ценно-

---

[1] См.: *Гайнуллин М.* и др. Писатели Советской Башкирии: Библиогр. справ. Уфа, 1988; *Вольфович В. А.* Челябинск музыкальный. Челябинск, 1989; *Загребин С. С.* Культурное строительство Челябинской области в довоенные пятилетки. Челябинск, 1989; *Зияэтдинов Р. М.* Идеологическая деятельность Башкирской областной партийной организации (1926 – 1932): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1989; Композиторы Советской Башкирии / Сост. Э.М. Давыдова. Уфа, 1989; *Постников С. П.* Подготовка рабочих кадров на Урале (1921 – 1941): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1991.

[2] См.: *Адрианова Г. С.* Художественная интеллигенция Урала. 1930-е гг. Екатеринбург, 1992; *Загребин С. С.* Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929 – 1941 гг. Челябинск, 1994; *Кузбеков Ф. Т.* История культуры башкир. Уфа: Китай, 1997; *Попов М. В.* Культура и быт крестьян Урала в 1920 – 1941 гг. Екатеринбург, 1997.

[3] См.: *Янборисов М. Х.* Партийно-государственная политика в области культуры. 1917 – 1941гг. (На материалах государственных и общественно-политических организаций Республики Башкортостан): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

[4] См.: *Загребин С. С.* Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929 – 1941 гг. Челябинск, 1994; *Он же.* Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900 – 1940 гг. (На материалах уральского региона). Челябинск, 1998; *Он же.* Культурная политика российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск, 2006;

[5] *Загребин С. С.* Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900 – 1940 гг. (На материалах уральского региона). Челябинск, 1999. С. 3.

стей, используя для этого метод сравнения культурной политики проводимой в царской России с 1900 г. с политикой большевиков и их результатов.

По мнению С. С. Загребина, специфическими чертами культурной политики Советской власти в 1920 – 1930-е гг. являлись: идеологизация (наделение любых культурных инициатив классово-значимыми целями); утилитаризм (ориентация культурного развития в соответствии с политическими задачами власти); дуализм (одновременное присутствие в культурной политике общегуманистического содержания и прагматичных политических задач); классовость (как аксиологический критерий общественной жизни и культуры)[1].

Выходят работы о развитии культуры в отдельных регионах Урала[2], а также по истории отдельных отраслей культуры. Много внимания, как и прежде, уделяется изучению особенностей истории образования в регионе, включающей ликвидацию неграмотности взрослого населения[3], развитию образовательной[4], профессионально-технической[5] и высшей[6] школы.

---

[1] *Загребин С. С.* Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900 – 1940 гг. (На материалах уральского региона). Челябинск, 1999. С. 312.

[2] См.: *Тетерятник О. П.* Культура Южного Урала в период НЭПа (1921 – 1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1996; *Галигузов И. Ф.* Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск. 2000; История культуры Южного Зауралья. В 2 тт. Т. 2. Советский период. Курган, 2005.

[3] См.: *Никулина Т. Е.* Развитие начальной школы и ликвидация неграмотности в Удмуртии: Исторический опыт и уроки. 1920 – 1934 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 1994; *Павлова Л. В.* Ликвидация неграмотности взрослого населения. 1897 – 1939 гг.: На материалах Оренбуржья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

[4] См.: *Кораблева Г. В.* Школьное строительство в Оренбуржье: реализация гарантий Конституции СССР 1936 года (1936 – 1977 гг.). Оренбург, 1998; *Она же.* Осуществление общих условий права на образование в реализации национальной общеобразовательной школы Урала (1936 – 1993 гг.). Оренбург, 1999; *Болодурин В. С.* История образования в Оренбуржье. Оренбург, 2000; *Он же.* Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735 – 1940 гг.). Оренбург, 2001; *Он же.* Образование в Оренбуржье (XVIII – XX вв.). Оренбург, 2008; *Попов М. В., Протасова Э. К., Бахтина И. Л.* Начальное образование в уральской деревне в 1920 – 1941 гг. Екатеринбург, 2006.

[5] См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров в промышленности Урала в 1900 – 1940 гг. Екатеринбург, 2004.; Начальное профессиональное образование на Среднем Урале. 1917 – 1990 гг. / Под ред. М. Т. Крючкова. Екатеринбург, 2007.

[6] См.: Башкирский государственный медицинский институт имени XV-летия ВЛКСМ (1932 – 1992). Уфа, 1992; *Главацкий М. Е.* Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995; Уральский государственный технический университет. 1920 – 1995 гг.: Исторический очерк / Под ред. *Б. В. Личмана.* Екатеринбург, 1995; Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, 1999; Очерки истории Уральского государственного педагогического университета / Под ред. *В. А. Козлова.* Екатеринбург, 2001; УГТУ – УПИ: Очерки истории. 1920 – 2005 / Под ред. *С. С. Набойченко.* Екатеринбург, 2005; Оренбургскому государственному педагогическому университету 90 лет. Оренбург, 2009; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 1920 – 2010: Этапы большого пути. Екатеринбург, 2010.

Изучается история формирования различных отрядов интеллигенции Урала[1]. Исследователи, рассматривающие историю становлению вузовского образования, особое внимание уделяют формированию вузовской интеллигенции в межвоенный период[2]. Выходят многочисленные биобиблиографические издания, на страницах которых нашли освещение жизненный и профессиональный путь ученых Урала периода 1922 – 1941 гг.[3] В работе А. В. Черноухова специальному исследованию подверглось становление исторического образования на Урале в годы третьей пятилетки[4].

В. С. Терехов анализирует процесс формирования и развития в 1930-е гг. технических специалистов Урала, которые, по мнению автора, представляли собой особую социально-профессиональную группу, включавшую инженерно-технические и управленческие кадры уральской промышленности. Автор рассмотрел количественные и качественные параметры социального положения технических специалистов, охарактеризовал репрессивную политику по отношению к ним[5].

Историки на междисциплинарном уровне анализируют процессы становления и развития различных отраслей искусства Урала[6].

---

[1] См.: *Суворов М. В.* Уральское учительство в 1920 – 1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

[2] См.: Научные школы Уральского государственного технического университета: История и современность / Под ред. *Б. В. Личмана.* Екатеринбург, 1995; УГТУ – УПИ: Люди. Годы. Управление. Вуз и личность. Екатеринбург, 2001.

[3] См.: Ведущие ученые Уральского государственного технического университета: Биограф. справочник / Под. ред. *Б. В. Личмана.* Екатеринбург, 1995; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, I изд. – 1995; II изд. – 2000; III изд. – 2010; *Мазур В. А.* Ректоры Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2005; *Она же.* Ректоры Уральского государственного университета (1931 – 1946 гг.). Екатеринбург, 2008; Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003; УГТУ – УПИ: Профессура 1920 – 2008 / Под ред. *С. С. Набойченко.* Екатеринбург, 2011.

[4] См.: *Черноухов А. В.* Исторический факультет Свердловского университета. 1938 – 1945 гг. Екатеринбург, 2008.

[5] См.: *Терехов В. С.* Рекруты великой идеи: Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

[6] См.: *Ложкин В. В.* Театральное искусство Удмуртии. Ижевск, 1994; *Миненко Н. А., Федоров С. В.* Город на Исети: Страницы Шадринской летописи: К 335-летию Шадринска и 100-летию Шадринского государственного драматического театра. Шадринск, 1997; *Наточий В. Ф.* Силуэты. Хроника Оренбургского театра музыкальной комедии. Оренбург, 2001; Челябинский академический театр драмы: избранные очерки истории и современности: в 2-х тт. Т.1. 1921 – 1973. Челябинск, 2001; *Ярков С. П.* Художественная школа Урала. Екатеринбург, 2002; *Костерина А. Б.* Судьба русского театра. Екатеринбург, 2003; *Хавторин Б.* История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII – XX вв.). Оренбург, 2004; *Сибиряков И. В.* Всерабис: страницы истории. Челябинск, 2006; *Он же.* Уралрабис: профсоюз работников искусств на Урале в 20 – 30-е гг. XX в. Челябинск, 2008; Репертуар Башкирского государственного академического театра драмы имени Мажита Гафури 1919 – 2009 гг. / Сост. *А. А. Балгазина, М. А. Валитова.* Уфа, 2009.

Весьма продуктивным в исследованиях по истории культуры является применение социокультурного подхода. Об эффективности его применения можно судить по работам по истории уральских рабочих в 1920 – 1930-е гг. С. П. Постников и М. А. Фельдман пишут не только о том, как в эти десятилетия менялся образовательный уровень рабочих Урала, но и о том, как формировался их новый социокультурный облик[1].

На рубеже XX – XXI в. начался качественно новый этап изучения церковно-государственных отношений на Урале в период 1922 – 1941 гг., который отличается по сравнению с советским периодом новыми теоретическими подходами и новой источниковой основой. Работы советских историков были написаны с позиций государственного атеизма и отличались остро критическим отношением к истории Русской Православной церкви. С традиционных марксистских позиций были написаны работы Н. И. Музафаровой[2]. Начальный этап церковно-государственных отношений на Урале после окончания гражданской войны освещен в работах М. Г. Нечаева и Н. А. Зориной[3].

По церковно-государственных отношений на Урале период 1922 – 1941 гг. был защищен ряд кандидатских диссертаций П. Н. Агафоновым, М. В. Булавиным, В. В. Вяткиным, П. В. Каплиным[4]. Авторы анализируют церковную жизнь и положение священнослужителей на Урале в эти десятилетия, участие уральских священнослужителей в расколах Русской Православной церкви. Рассматривается политика государства в церковном вопросе, в том числе, особенности реализации декрета об отделении церкви от государства на Урале, организация атеистической работы и др. П. Н. Агафонов выпустил ряд справочных

---

[1] См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). М., 2009.

[2] См.: *Музафарова Н. И.* Партийное руководство атеистическим воспитанием на Урале в годы социалистического строительства (1917 – 1937). Иркутск, 1987; *Она же.* Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917 – 1937 гг. (На материалах Урала): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1992.

[3] См.: *Зорина Н. А.* Становление государственно-церковных отношений на Урале (1917 – 1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917 – 1922. Пермь, 2004.

[4] См.: *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной церкви в России в 1917 – 1927 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Агафонов П. Н.* Эволюция государственно-церковных отношений в 1920 – 1929 гг.: На материале Пермской епархии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2002; *Вяткин В. В.* История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005; *Каплин П. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927 – 1938 гг. (на материалах Урала): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

изданий, посвященных духовенству Пермской епархии в интересующий нас период[1].

Исследование истории Урала в период 1922 – 1941 гг. прошло несколько этапов, принципиально отличающихся по методологическим и концептуальным подходам, составом авторов, источниковой базой. Изучение некоторых социально-экономических, политических и культурных аспектов региональной истории периода «социалистического строительства» началось по «горячим следам» происходивших событий в 1920 – 1930-е гг., однако литература этого времени преимущественно носила агитационно-пропагандистский, популярный характер. «Классические» труды советских историков по этим проблемам были созданы во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. Хотя в годы «перестройки» второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. декларировались «новые» подходы к изучению истории Урала, однако вплоть до начала 1990-х гг. они реализовывались главным образом в рамках марксистко-ленинской методологии. Особенностью изучения истории данного периода в годы «перестройки» явилось то, что изменение представлений о прошлом происходило не на основе достижения историографией качественно нового уровня, а под влиянием политических изменений в стране.

Приоритетным для советских историков являлось исследование социально-экономических проблем. Согласно господствующей в советское время концепции экономика Урала в межвоенный период развивалась поступательно. К началу Великой Отечественной войны в регионе была создана материально-техническая база социалистического общества, были проведены социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства. Уральский промышленный район превратился в составную часть второй угольно-металлургической базы страны – Урало-Кузнецкого комбината.

Политическая история Урала «переходного периода» от капитализма к социализму освещалась исключительно через призму деятельности большевистских организаций. Немногочисленные работы по истории массовых организаций трудящихся – профсоюзов и комсомола – раскрывали их деятельность как помощников партийных организаций в реализации поставленных ими задач.

История развития социалистической культуры Урала рассматривалась преимущественно через призму осуществления в регионе «культурной ре-

[1] См.: *Агафонов П. Н.* Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. Пермь, 1996; *Он же.* Епископы Пермской епархии. 1918 – 1928 гг. Век государственного атеизма. Ч. I. Пермь, 1997; *Он же.* Епископы Пермской епархии. 1928 – 1965 гг. Век государственного атеизма. Ч. II. Пермь, 1997; *Он же.* Духовенство Пермской епархии. 1918 – 1928 гг. Век государственного атеизма. Ч. I. Пермь, 1997; *Он же.* Духовенство Пермской епархии. 1928 – 1965 гг. Век государственного атеизма. Ч. II. Пермь, 1997.

волюции», основные задачи которой были реализованы к концу второй пятилетки.

Современная литература по истории Урала в период 1922 – 1941 гг. весьма многочисленна и разнообразна. В ней высказываются различные взгляды на основные проблемы этого периода, отношение к которому определяется существованием в современной исторической науке различных методологических парадигм. В современной уральской литературе нашли определенное отражение неомарксистское, либеральное и модернизационное направления в изучении истории края.

Приверженцы традиционных воззрений полагают, что в эти годы прежде всего под влиянием НЭПа произошла определенная демократизация политического строя, в результате чего были созданы условия для развития народного хозяйства с учетом возможностей, которая предоставляла рыночная экономика. В годы предвоенных пятилеток сталинский режим решил поставленные задачи по созданию в регионе слаженного народного хозяйства, обеспечившего стране достижение Победы в Великой Отечественной войне.

Сторонники либеральной парадигмы полагают, что тоталитарный политический режим явился тормозом в развитии НЭПа, который в конечном счете привел его к общему кризису. В годы предвоенных пятилеток сложившаяся административно-командная система путем репрессий провела индустриализацию с преимущественным развитием тяжелой промышленности и насильственную коллективизацию деревни. Главным содержанием политической истории Урала в период 1922 – 1941 гг. были репрессии в отношении самых различных категорий населения.

С позиций модернизационного подхода рассматривается более широкий круг причин введения и отмены НЭПа, более дифференцированно оценивается суть политической системы 1920-х гг., проводится тезис о проведении сталинской модернизации в годы предвоенных пятилеток.

Глава 2. В годину военного лихолетья. 1941 – 1945 гг.

История Великой Отечественной войны всегда была и остается важнейшим направлением в научно-исследовательской работе российских историков. К XXI веку по этой проблеме написано несколько десятков тысяч монографий, брошюр и статей, анализирующих самые различные аспекты жизнедеятельности советского государства в «годину суровых испытаний».

Накопление научной информации по военной проблематике шло постепенно. Этот процесс начался по «горячим следам» еще в годы войны и продолжается по настоящее время. В связи с этим, положив в основу периодизации историографии военного времени принцип плюрализации познания, учитывающий наличие возможности для исследователей свободно выражать свои взгляды или отсутствие таковой, можно выделить два основных этапа прироста исторических знаний: первый (советский) – с 1941 года по конец 1980-х годов; второй (постсоветский) – с начала 1990-х – по наши дни.

Советский период (1941 – 1990 гг.), за исключением небольшого отрезка времени с конца 1950-х по начало 1960-х годов, был отмечен безраздельным господством унифицированной методологии, при некоторых колебаниях в сторону усиления или ослабления идеологического диктата, не менявших общую направленность выходящих из-под пера исследователей исторических трудов. Для постсоветского периода (1991 г. – наши дни) характерен начавшийся еще в конце советской эпохи мучительно сложный переход к новому качеству исторической науки, вектор которого был направлен от тоталитарной методологии к плюрализму мнений в рамках марксизма и далее к полному методологическому плюрализму.

За эти годы коллективными и индивидуальными усилиями ученых был создан солидный банк данных практически по всем направлениям жизнедеятельности нашей страны в военный период. Исторические работы неоднократно учитывались и анализировались в различного рода библиографических обзорах и указателях, становились предметом исследования многочисленных историографических трудов, публиковавшихся как в советский период, отличавшийся идеологической односторонностью и тематической ограниченностью[1], так и в постсоветскую

[1] См.: КПСС - вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. Историографический очерк. М., 1973; Очерки советской военной историографии. М., 1974; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. М., 1974; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976; Историография Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1980; Тыл Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Указатель советской исторической литературы за 1955 – 1977 гг. М., 1980; Великая Победа: К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов (Советская историография). М., 1985. Ч. 1 – 2; Великая Победа: Исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.) Ч. 3. М., 1987; и др.

эпоху, характеризующуюся оценочной противоречивостью, отсутствием четких методологических подходов, нигилистическим отношением к опыту советской историографии, применением ранее не практиковавшихся методов исследования[1].

Великая Победа была достигнута колоссальным напряжением сил всей страны. Каждый ее регион внес свой конкретный вклад в общее дело отражения смертельной опасности. Однако Урал, сыгравший в годы суровых испытаний решающую роль «опорного края державы», по праву занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. Поэтому, не случайно, что выдающаяся роль Урала, как кузницы оружия, места формирования многочисленных воинских формирований, духовного центра борющейся страны, предопределила повышенный интерес исследователей к военной истории этого края, выразившийся в написании большого количества различных научных работ, ярко проявившихся как на этапе советской[2], так и постсоветской исто-

---

[1] См.: Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995; *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны: (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995; *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Отечественная историография Второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145 – 157; *Золотарев В. А.* Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 4 – 11; *Невежин В. А.* СССР во Второй мировой войне: новейшая российская историография проблемы // Война 1941 – 1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 77 – 192; *Галлямова Л. И.* Новые подходы к изучению истории Великой Отечественной войны в современной российской историографии // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 24 – 31; *Кринко Е. Ф.* Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. 2012. № 2. С. 69 – 77; *Сперанский А. В.* Теоретико-методологические подходы в изучении истории Второй мировой войны в советской и российской историографии // Проблемы экономической истории России. Екатеринбург, 2007. С. 375 – 398; *Он же.* Современные дискуссии по проблемам Второй мировой войны: стереотипы и инновации // Быть достойными поколения победителей. Ч. 2. СП(б). 2010. С.199 – 210; *Он же.* Великая Отечественная война в концептуальном осмыслении современной истории: проблемы и дискуссии // Народ. Война. Победа. Сб. статей. Пенза, 2015. С. 4 – 12; *Он же.* Победа над фашизмом в контексте современных дискуссий и политических мнений // Великая Отечественная война – героическая и трагическая страницы в истории советского народа. Оренбург, 2016. С. 350 – 357.

[2] См.: Урал в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Указатель литературы 1941 – 1973 гг. Свердловск, 1974; *Агарышев П. Г., Дергач М. С, Евланова М. Н.* Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975; *Наумова А. Г., Унгвицкий В. Н.* Историография деятельности партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны // Исследования по истории Урала. Вып. 5. Пермь, 1976; *Евланова М. Н.* Рабочий класс – фронту. Челябинск, 1984; Урал в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Библиографический указатель. Уфа, 1991; и др.

риографии[1]. За 1941 – 1985 гг. было опубликовано множество статей, брошюр по истории Урала периода Великой Отечественной войны. Одним из первых обстоятельный анализ развития уральской промышленности в период войны дал экономист К. И. Клименко[2], чьи опубликованные статистические материалы до сих пор используются историками. Обобщенные сведения о промышленности Урала, о роли региона в производстве военной продукции приведены в книге Н. А. Вознесенского. Он первым предложил концепцию об истоках экономической победы Советского Союза над фашистской Германией. По его мнению, она состояла в преимуществах социализма, в общегосударственной собственности на средства производства и в плановом ведении народного хозяйства[3]. Об исторической роли Урала в Великой Отечественной войне речь также идет в работах Н. М. Шверника, А. Н. Лаврищева, Н. С. Патоличева, А. Е. Ферсмана, других партийных и государственных руководителей, организаторов производства, ученых, непосредственно участвовавших в превращении края в «становой хребет обороны»[4].

Значительный фактологический материал по многим направлениям жизнедеятельности советского социума в период Великой Отечественной войны представлен в фундаментальных, многотомных трудах, посвященных различным проблемам и периодам истории нашей страны. Историки, анализируя трудные годы военного лихолетья, естественно не мог-

---

[1] См.: *Корнилов Г. Е.* Современная историография уральского тыла в годы Великой Отечественной войны // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 435 – 439; *Он же.* Историография истории Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 23 – 37; *Он же.* Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 50 – 62; *Он же.* История российских регионов периода Великой Отечественной войны: особенности современной историографической ситуации // Великая Отечественная война в судьбах народов и регионов. Казань, 2015. С. 69 – 82; *Сперанский А. В.* Историография Великой Отечественной войны: дискуссионные проблемы периодизации // Гуманитарные проблемы российского общества: история и современность. Челябинск, 1999. С. 187 – 190; *Он же.* Периодизация историографии Великой Отечественной войны: проблемы и дискуссии // Горьковская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: история и современность. Нижний Новгород, 2005. С.63 – 67; *Он же.* Военный потенциал Урала в историографии XXI века // Гуманитарная академическая наука: приоритеты и перспективы исследовательского поиска. Екатеринбург, 2013. С. 123 – 129.

[2] См.: *Клименко К.* Уральский промышленный район. М., 1945.

[3] См.: *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947; *Он же.* Избранные произведения 1931 - 1947. М., 1979.

[4] См.: *Шверник Н. М.* Речь на собрании избирателей Свердловского избирательного округа 1 марта 1950 г. М., 1951; *Лаврищев А. Н.* Промышленность Урала в Отечественной войне // Плановое хозяйство. 1944. №3; *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость. М., 1977; *Ферсман А. Е.* Урал – сокровищница Советского Союза. М., 1942.

ли обойти стороной и героические свершения жителей Уральского региона. Роль и значение Урала в достижении Великой Победы раскрыты в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг.», в 6-ти томном издании «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (Т. 5, Кн. 1) в многотомной «Истории СССР» (т. 10), книгах «Советский тыл в Великой Отечественной войне», «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны», 12-томной «Истории Второй мировой войны». Много интересной и полезной информации о боевых и трудовых подвигах уральцев имеется на страницах энциклопедии «Великая Отечественная война»[1].

Материалы о военных буднях уральского тыла достаточно широко представлены в научных монографиях ученых-историков, пытавшихся проанализировать различные проблемы Великой Отечественной войны в общесоюзном масштабе. «Уральский след» явственно прослеживается в исследованиях Г. Д. Комкова, раскрывшего сущность идейно-политической работы КПСС в 1941 – 1945 гг., А. В. Митрофановой, Г. Г. Морехиной, Г. С. Кравченко, Г. А. Куманева, сделавших акцент на промышленном развитии СССР в военное время, Ю. В. Арутюняна показавшего вклад советского крестьянства в общую победу над врагом[2].

Тема «Урал в обороне» самым активным образом разрабатывалась и на региональном уровне. Значимость уральского края в общенародной борьбе народов Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков была отражена, прежде всего, в работах, посвященных общей истории региона. Так, достаточно широко вклад тружеников Урала в Великую Победу показан в очерках истории местных партийных организаций[3].

Постепенно по мере накопления материала, собирая по крупицам уже опубликованные сведения, а также опираясь на новые документальные

---

[1] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. М., 1960 – 1965. Т. 1 – 6; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн.1. М., 1970; История СССР. Т. 10. М., 1973; История Второй мировой войны. 1939 – 1945. М., 1973 – 1982. Т. 1 – 12; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1 – 2. М., 1974; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. М., 1976; Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Энциклопедия. М., 1985.

[2] См.: *Комков Г. Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941 – 1945 гг. М., 1965; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; *Морехина Г. Г.* Рабочий класс – фронту. М., 1962; *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1970; *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938 – 1945). М., 1976; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

[3] См.: *Наумова А. Г.* Пермская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Пермь, 1960; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1973; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. Свердловск, 1974; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 2-е изд. Челябинск, 1977.

данные, извлеченные из архивных хранилищ, уральские историки приступили к освещению отдельных аспектов и направлений функционирования Урала в годы Великой Отечественной войны.

Прежде всего, пристальное внимание исследователей было обращено на процессы промышленных трансформаций уральской экономики в соответствии с условиями военного времени. В частности, развитию отдельных отраслей промышленности Урала посвятили свои работы Г. И. Дедов, Н. П. Липатов, П. Г. Агарышев, А. Ф. Васильев[1].

Вопросы пополнения отряда уральских рабочих, их трудовой активности, организации патриотических движений на производстве, привлечения к производственной деятельности женщин и подростков, были проанализированы в исследованиях Н. А. Мошкина, А. Г. Карманова, М. Н. Евлановой, Г. П. Ануфриенко и др.[2]

Важное место в слаженной работе тыла отводилось развитию аграрного сектора, обеспечивавшего городское население Урала продовольствием. В советский период изучение этой проблемы уральскими историками только начиналось. В ряде публикаций А. Б. Сендеревой, В. И. Швыдченко, А. Г. Наумовой, в рамках господствующей в то время идеологии, была продемонстрирована сила и жизненность колхозного строя, готовность советского крестьянства вместе со всем народом защищать Родину. Был показан немалый вклад в обеспечении победы над врагом, который внесли работники совхозов и МТС Урала. Однако глубокий и объективный анализ положения уральской деревни в военное время был еще впереди[3].

---

[1] См.: *Дедов Г. И.* Кизеловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1959; *Липатов Н. П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Очерки истории строительства. М., 1960; *Агарышев П. Г.* В забой, как в бой … Челябинск, 1972; *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. М., 1982.

[2] См.: *Мошкин Н. А.* Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956; *Карманов А. Г.* Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957; *Евланова М. Н.* Из опыта работы партии по подготовке рабочих в годы Великой Отечественной войны // Из истории уральских партийных организаций: Сб. науч. трудов каф. ист. КПСС ЧПИ. Челябинск, 1968; *Ануфриенко Г. П.* Деятельность партийных организаций по привлечению женщин к производительному труду в промышленности в первый период Великой Отечественной войны // Человек, труд, коммунизм (из истории партийной организации рабочего класса Магнитки). Сб. науч. трудов МГМИ. Вып. 66. Магнитогорск, 1970.

[3] См.: *Сендерева А. Б.* Коммунисты Свердловской области во главе организации шефской помощи в массово-политической работе среди колхозников в первый период Великой Отечественной войны (1941 – 1942 гг.). Тр. СХИ. Т. 9. Свердловск, 1960; *Швыдченко В. И.* Сельское хозяйство Оренбургской области в годы Великой Отечественной войны // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968; *Наумова А. Г.* Колхозное крестьянство – фронту (по материалам уральских партийных организаций 1941 – 1945 гг. // Из истории партийных организаций Западного Урала: Учен. зап. Перм. ун-та. № 10. Пермь, 1972.

Важными направлениями исследовательской деятельности историков в «доперестроечное» время были массово-политическая работа партийно-государственных структур среди населения и развитие духовного потенциала Уральского региона в экстремальных условиях военного времени. Достаточно широко освещались проблемы всенародной помощи фронту, оказания практического содействия уральцев в восстановлении освобожденных от немецкой оккупации районов СССР[1].

Что касается культурного развития Уральского региона в военный период, то здесь в первую очередь нужно подчеркнуть вклад исследователей в изучение проблем функционирования системы образования. Первая попытка показать деятельность уральских вузов в военный период была предпринята в одном из разделов монографии А. И. Деменева и Н. С. Добровольского «Высшее образование на Урале», вышедшей в 1958 году. Затем свет увидели статьи А. Г. Наумовой, З. И. Сираева, З. В. Семочкиной и Г. А. Ивановой, рассмотревшие некоторые вопросы работы вузов Прикамья, Южного Урала и Башкирии[2].

Весомый вклад в изучение проблемы внесла З. И. Гузненко, написавшая кандидатскую диссертацию «Руководство партийными организациями Урала высшей школой в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). На материалах Свердловской и Пермской областей». В этом научном труде, а также в ряде статей, подготовленных на его основе, автор осветила вопросы формирования студенческих контингентов, сохранения и восстановления материальной базы вузов, показала особенности учебного процесса и агитационной работы[3].

Вопросы, связанные с разработкой темы среднего специального образования на Урале в военный период стали предметом исследования в кан-

---

[1] См.: Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975. *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982; Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу. 1941 – 1945 гг. Л., 1980.

[2] См.: *Деменев А. И., Добровольский Н. С.* Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958; *Наумова А. Г.* Пермская высшая школа в годы войны // Уч. зап. Свердловского пединститута. Сб. 26. Свердловск, 1965; *Сираев З. И.* Высшие учебные заведения и научные учреждения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Из истории советской Башкирии. Уфа, 1967; *Семочкина З. В.* Вузы Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // На путях строительства коммунизма. Челябинск, 1977; *Она же.* Партийная забота о вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне. Челябинск, 1985; *Иванова Г. А.* Средняя специальная и высшая школа Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Науч. труды Куйбышевского пединститута. Т. 143. Вып. 4. Куйбышев, 1974.

[3] См.: *Гузненко З. И.* Руководство партийными организациями Урала высшей школой в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). На материалах Свердловской и Пермской областей: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1973.

дидатской работе и ряде статей Н. Н. Баженовой. Этот автор проанализировал деятельность партийных организаций Урала по сохранению контингентов учащихся средних специальных заведений, по улучшению качества подготовки молодых специалистов, по укреплению учебной базы ссузов и обеспечению их педагогическими кадрами[1].

Проблема развития в годы войны средних общеобразовательных школ и других детских учебно-воспитательных учреждений подымалась в исследованиях Ю. С. Токаревой, Н. Н. Кузьмина, О. Н. Грачевой, Г. А. Ивановой, З. И. Гузненко, И. Ф. Плотникова. Однако ограниченные объемом, географическими рамками отдельных областей, написанные на основе произвольно взятых фактов, эти работы не смогли четко обозначить общерегиональные тенденции[2].

В первый период накопления исторических знаний (1941 – 1985 гг.) наиболее слабым местом в историографии культурного развития уральского региона военных лет являлась область литературы и искусства. За исключением работ А. В. Сперанского и Е. И. Семочкиной, касавшихся соответственно проблем развития театрального и изобразительного искусства, все остальные немногочисленные публикации были написаны практиками культурной сферы и носили, в основном, искусствоведческий или мемуарный характер[3].

В годы Великой Отечественной войны Урал был не только надежной тыловой базой, мощным промышленным и культурным фундаментом борющейся с фашизмом страны. Край был и центром подготовки многочис-

---

[1] См.: *Баженова Н. Н.* Партийное руководство средним специальным образованием на Урале в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988.

[2] См.: *Токарева Ю. С.* Роль партии в воспитании патриотизма учащихся: Из жизни общеобразовательной школы в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.). Пермь, 1962; *Кузьмин Н. Н.* Из истории средней школы Кургана в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время // Учен. зап., посвященные 300-летию городов Кургана и Шадринска. Курган, 1962; *Грачева О. Н.* Руководство партийными организациями Урала народным образованием в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1965; *Иванова Г. А.* Общеобразовательная школа в Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1972; *Гузненко З. И.* Партийное руководство учебным процессом в общеобразовательных школах в годы Великой Отечественной войны // Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры. Свердловск, 1981; *Плотников И. Ф.* Народное образование и культура Урала в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Развитие школы: опыт партийного руководства, проблемы, задачи. Свердловск, 1989.

[3] См.: *Сперанский А. В.* Театральные учреждения Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1986; *Семочкина Е. И.* Челябинские художники в Великой Отечественной войне // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска. Челябинск, 1987.

ленных частей и подразделений, воевавших практически на всех фронтах. Боевая доблесть уральских воинов была отражена в монографиях И. А. Кондаурова, С. Х. Айнутдинова, А. И. Корзикова. На страницах этих книг авторы показали процесс формирования уральских полков, дивизий, корпусов, их боевые маршруты, сражения с противником, связи фронтовиков с тружениками тыла[1]. Значительное место событиям Великой Отечественной войны отводится и в коллективной монографии «Уральцы бьются здорово», посвященной истории Уральского военного округа[2].

Советский период историографии Великой Отечественной войны знаменуется появлением и целого ряда работ, претендующих на обобщение истории Урала в этот сложный и противоречивый период развития нашей страны. Причем имеют место работы, как республиканского, так и общеуральского характера. К таким исследованиям можно отнести работы Н. А. Мошкина, отразившие ратный и трудовой вклад трудящихся Удмуртии в победу над немецко-фашистским агрессором[3]. Самоотверженная борьба башкирского народа по укреплению уральского тыла показана в монографии Т. Х. Ахмадиева[4].

Итоговой работой первого этапа историографии можно считать коллективную монографию «Урал – фронту», вышедшую в 1985 году к 40-летию Победы. Эта книга стала первым обобщающим трудом, характеризующим вклад Уральского региона в разгром фашистской Германии. На ее страницах, на основе широко используемых архивных документов, были комплексно рассмотрены вопросы организации на Урале военного производства, сельского хозяйства, транспорта. Особое внимание авторами было уделено деятельности партийных организаций по мобилизации всех сил и средств на обеспечение фронта боевой техникой, стрелковым оружием, боеприпасами. В монографии нашли отражение проблемы научной и культурной жизни региона в экстремальных условиях военного лихолетья, показана помощь уральцев фронту и освобожденным от немецких оккупантов районам Советского Союза[5].

Накопленный советскими, в том числе и уральскими, историками арсенал знаний о Великой Отечественной войне в 1945 – 1985 гг. не мо-

---

[1] См.: *Кондауров И. А.* Боевая доблесть коммунистов и комсомольцев Урала. 1941 – 1945. Пермь, 1975; *Он же.* Навечно в памяти народной. Пермь, 1985; *Айнутдинов С. Х.* Священную клятву держали. Свердловск, 1982; *Корзников А. И.* Уральцев слава боевая. Свердловск, 1985.

[2] См.: Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968.

[3] См.: *Мошкин Н. А.* Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956; *Он же.* Во имя Победы … Ижевск, 1968; *Он же.* Организационно-партийная и идеологическая работа Удмуртской парторганизации в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1985.

[4] См.: *Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984.

[5] См.: Урал – фронту / Под ред. А. *В. Митрофановой.* М., 1985.

жет не вызвать уважительного отношения. Многие работы по указанной проблематике, безусловно, имеют значительную научную ценность, поскольку содержат в себе большой объем фактического материала, вводят в научный оборот архивные данные, освещают ранее не изученные проблемы. Однако, с позиций, произошедших на рубеже XX – XXI веков в исторической науке изменений, нельзя признать их безоговорочную продуктивность. Основная масса этих трудов создавалась в условиях полного отсутствия плюрализма познания и господства до предела унифицированной методологии. Поэтому, в большинстве случаев, они вынуждались, при всем богатстве фактологического материала, утверждать одни и те же основополагающие историософские догмы.

В первую очередь, их отличает «трепетное» отношение к коммунистической идеологии, как к лучшей в мире, поэтому в строгом научном плане они, безусловно, несут на себе печать ущербности. Их выводы и оценки базируются не на беспристрастном и объективном анализе всего спектра проблем, а прежде всего на идеологических догмах и политических стереотипах, навязанных господствовавшим в 1945 – 1985 гг. в СССР политическим режимом.

В конце XX – начале XXI вв., в связи с глубинными общественно-политическими преобразованиями, в изучении нашей истории наметилась положительная тенденция. Появились работы, которые без ностальгических всхлипываний по прошлому и угодливо-конъюнктурных реверансов в адрес настоящего, на основе широкой исторической базы и новых методологических подходов, осуществили беспристрастный анализ многих исторических проблем.

Несомненный прорыв обозначился и в историографии Урала периода Великой Отечественный войны. На этом этапе были подготовлены и опубликованы новые монографии, авторы которых с позиций современной методологии, проанализировали практически все основополагающие сферы развития Уральского региона в условиях военного времени: промышленность, аграрный сектор, социальную сферу и духовный потенциал.

Важной вехой в изучении истории уральской промышленности периода войны стал выход в свет монографии А. А. Антуфьева, впервые представившей комплексный анализ не только топливно-энергетической отрасли, черной металлургии и машиностроения, но и цветной металлургии, химической, лесной, деревообрабатывающей, легкой, пищевой промышленности, имевших общесоюзное значение. При этом автор исследовал не только количественные, но и качественные показатели уральской промышленности, характеризовавшие динамику производительности труда и себестоимости продукции, рентабельность, ритмичность, технический прогресс и другие экономические параметры, выполнение плановых заданий, комплексность использования природных ресурсов, соот-

ношение экстенсивных и интенсивных факторов, уровень организации и условия труда.

Автор начинает свое исследование с характеристики предвоенного состояния уральской промышленности, утверждая, что именно в этот период была осуществлена ее милитаризация. Отсюда делается вывод, что перестройки уральской экономики на военный лад и создания слаженного военного хозяйства в начале войны не было. По мнению исследователя, все процессы происходившие в промышленном производстве Урала после нападения Германии на СССР, были лишь продолжением довоенного процесса перевода народного хозяйства на военные рельсы.

А. А. Антуфьев утверждает, что во время войны уральская индустрия развивалась главным образом за счет экстенсивных факторов. Трехкратное увеличение валовой продукции было достигнуто благодаря сравнительно высоким закупочным ценам на военную технику, боеприпасы, снаряжение и другую продукцию, шедшую на оборонные цели. Отсюда высокие темпы роста промышленного потенциала Урала, как считает автор, были связаны, главным образом, с интенсивным развитием, прежде всего машиностроения.

Воюющей стране были необходимы танки, самолеты, артиллерийские установки, стрелковое оружие, боеприпасы и т.п. Поэтому делалось все возможное и невозможное, чтобы Красная Армия, противостоящая на фронте немецкому Вермахту, не испытывала никакого дефицита в вооружениях. Машиностроение развивалось за счет внедрения научно-технических достижений, чему способствовала эвакуация на Урал десятков научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов. Вместе с этими учреждениями на уральскую землю прибывали видные ученые и тысячи научных сотрудников, чей умственный потенциал в значительной мере способствовал военно-техническому прогрессу. Этому же содействовали централизация и специализация производства. Крупносерийное и массовое изготовление продукции позволяли заводам применить самые передовые, а иногда и неизвестные мировой практике технологические методы, механизировать многие трудоемкие операции.

А. А. Антуфьев попытался найти новые, неординарные подходы к оценке процессов, происходивших в кадровом составе уральской промышленности, выявлению роли командно-административной системы. Он исследовал уголовно-правовые меры принуждения, широко применявшиеся в сфере трудовых отношений, особенно при наборе рабочей силы на производство и в процессе укрепления трудовой дисциплины.

В целом, автор делает правильный вывод, что хотя СССР и превратился в величайшую военную державу, но по степени социально-

правового развития, уровню жизни народа, образования, научно-технического прогресса страна оставалась на задворках мировой цивилизации[1].

Если в труде А. А. Антуфьева предпринимается попытка комплексной характеристики развития практически всех отраслей уральской индустрии в предвоенный и военный период, то в коллективной монографии «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» авторское внимание сосредоточено главным образом на освещении основных направлений деятельности только военно-промышленного комплекса Уральского региона. Данная работа, вышедшей в свет под редакцией А. В. Сперанского, стала первым в отечественной историографии трудом, всесторонне рассмотревшим эволюцию оружейного дела в регионе, специализировавшемся на производстве вооружений и боеприпасов на протяжении очень длительного исторического времени.

Огромное внимание на ее страницах уделено периоду Великой Отечественной войны. Авторы работы подвергли интегративному анализу процессы разработки, производства, совершенствования и использования всех основных видов вооружений, производившихся на Урале в эти трудные для страны годы. Книга наглядно демонстрирует читателю, что отличные тактико-технические характеристики оружия, произведенного на Урале, позволяли Красной Армии на протяжении всей войны самым эффективным образом использовать его на театре военных действий, одерживать замечательные победы, защищая национальную независимость и освобождая от фашистской оккупации страны Европы.

Важной особенностью монографии является то, что характеристика производственно-технологических процессов изготовления вооружений в годы войны, осуществляется совместно с отображением героического труда рабочих и инженерно-технических работников, показом титанического труда организаторов производства. Человеческий фактор, поставленный авторским коллективом во главу угла изложения исторического материала, дает возможность продемонстрировать и творческий поиск выдающихся советских конструкторов. Книга дает понять читателю, что создание знаменитых танков КВ, Т-34, ИС, обеспечивших советской стране победу в Великой Отечественной войне, напрямую связано с развитием инженерной мысли Ж. Я. Котина, А. А. Морозова, Л. С. Троянова, М. Ф. Балжи. Что творчество замечательных конструкторов артиллерии В. Н. Сидоренко, Ф. Ф. Петрова, Л. И. Горлицкого превратило Урал в настоящее «царство пушек», производившее замечательные самоходные

[1] См.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

артиллерийские установки СУ-85, СУ-100, СУ-122, полевые, танковые и зенитные пушки. Что благодаря подвижнической деятельности конструкторов стрелкового оружия С. Г. Симонова, Ф. В. Токарева, М. Е. Березина, В. А. Дегтярева Красная Армия оснащались в годы войны первоклассными пистолетами, винтовками, автоматами, пулеметами, ни в чем не уступавшими лучшим немецким образцам[1].

Важно отметить, что на постсоветском этапе развития историографии истории Великой Отечественной войны, историки, отталкиваясь от обобщенных данных, показывающих деятельность уральского ВПК в годы войны, начинают углубленные исследования функционирования его основополагающих отраслей. В первую очередь пристальное внимание исследователей обращается к танковой промышленности Урала, давшей фронту 2/3 всех выпущенных за годы войны в СССР бронемашин. За последние годы по этой проблематике Вас. В. Запарием, Н. Н. Мельниковым, А. В. Сперанским и др. исследователями написано и опубликовано значительное количество научных трудов, проанализировавших процессы производственной деятельности уральского танкопрома, выявивших их особенности, проявлявшиеся, как накануне Великой Отечественной войны, так и в условиях военного времени[2].

В частности, проведенные уральскими историками, и в первую очередь Н. Н. Мельниковым, научные изыскания позволили определить основную периодизацию становления и развития танковой промышленности Урала, доказать, что расширение танкостроительной базы в начале войны, и последующее создание здесь целого комплекса предприятий танковой промышленности было обусловлено, сначала своевременным и оперативным перемещением отдельных промышленных предприятий с

---

[1] См.: Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2008.

[2] См.: *Запарий Вас. В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. Екатеринбург, 2015; *Запарий Вас. В., Мельников Н. Н.* Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // Уральский исторический вестник № 1 (46). 2015. С. 36 – 44; *Мельников Н. Н.* Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2016; *Он же.* Государство и война: проблема управления танковой промышленностью // Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития. Екатеринбург, 2011. С. 189 – 220; *Он же.* Развитие танковой промышленности СССР в период Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2013. С. 344 – 355; *Он же*. Формирование комплекса уральских предприятий по производству тяжелой бронетехники в условиях военного времени // Военная история как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 189 – 193; *Сперанский А. В.* Танковое производство на Урале в XX веке как фактор развития военно-промышленного комплекса СССР // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 2. С. 55 – 58; и др.

западных территорий, а затем беспрецедентной по срокам и масштабам эвакуацией основной части промышленного потенциала СССР[1].

Глубокий анализ процесса танкового производства позволил также сделать вывод о том, что после эвакуации отрасль попадает в полосу кризиса качества и надежности своей продукции (1942 – 1943 гг.), что на фоне постоянного повышения производственной программы и при дефиците энергии и ресурсов заставляет изменить технологию танкостроения, сделать ее более приспособленной к условиям военного времени. Исследования показали, что для адаптации отрасли к нуждам военного времени были использованы новейшие достижения науки и техники. Они были в централизованном порядке внедрены не только на всех уральских предприятиях, но и в рамках всего советского танкостроения.

Подробное рассмотрение модернизационных процессов, развивавшихся на танковых заводах Урала, позволило Вас. В. Запарию, Н. Н. Мельникову прийти к заключению о постоянной интенсификации танкового производства и умелом использовании кадровых резервов в повышении производительности труда[2].

Особый акцент при характеристике модернизации уральского танкопрома Д. В. Гавриловым, Н. Н. Мельниковым был сделан на изучении броневого и корпусного производства. Были отмечены причины низкого ка-

---

[1] См.: *Мельников Н. Н.* Проблема становления Уральской танковой промышленности в контексте патриотического воспитания // Разведка в системе национальной безопасности России: история и современность. Екатеринб ург, 2011. С. 231 – 237; *Он же.* Перемещение дизельного производства Кировского завода на Уралтурбозавод летом 1941 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 2. Екатеринбург, 2011. С. 131 – 134; *Он же.* Организация производства в экстремальных условиях войны (на примере Уральского танкового завода) // Известия УрФУ. 2012. № 4. С. 178 – 185; *Он же.* Эвакуация и размещение коллективов танковых заводов на Урале осенью 1941 г. // Урал индустриальный: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Т. 1. Екатеринбург, 2014 г. С. 431 – 434; *Он же.* Процесс создания уральского комплекса предприятий танковой промышленности в 1940 – 1941 гг. // Танкпром II. М., 2014. С. 85 – 89; *Он же.* Эволюция планов развития танковой промышленности на Востоке СССР в конце 1941 г. – начале 1942 г. // Маршал Победы в военной истории России. Екатеринбург, 2016. С. 246 – 249.

[2] См.: *Воробьев С. В., Мельников Н. Н.* Кадровое обеспечение танковой промышленности Урала в годы Великой Отечественной // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. I. Екатеринбург, 2015. С. 60 – 73; *Запарий, Вас. В.* Опыт антикризисного управления в социальной политике государства в танковой промышлености Урала в годы Великой Отечественной войны // Маршал Победы в военной истории России. Екатеринбург, 2016. С. 216 – 224; *Мельников Н. Н.* Кадровое обеспечение предприятий танковой промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны // История науки и техники в современной системе знаний. Екатеринбург, 2011. С. 96 – 99; *Он же.* Модернизация танковой промышленности Урала в 1943 – 1944 гг.: выпуск новых моделей бронетанковой техники // Годы поисков и свершений. Екатеринбург, 2015. С. 164 – 170.

чества металла и броневых корпусов в первые месяцы военного времени, показаны пути решения этой проблемы[1].

Проведенные исследования показали, что в 1943 – 1945 гг. отрасль окончательно окрепла и, преодолев кризис надежности, перешла к периоду стабильной работы и постоянного наращивания выпуска продукции. На этом этапе был достигнут паритет советских танков с появившимися у Вермахта в 1942 – 1943 гг. бронемашинами нового поколения, обладавшими мощной броней и первоклассным пушечным вооружением. В публикациях Вас. В. Запария, М. В. Михеева отмечается, что эти достижения обуславливались эвакуацией на Урал ведущих научных институтов и подразделений, сыгравших огромную роль в разработке и внедрении новых технологий. Была достигнута небывалая до этого концентрация лучших умов, в тесной связи с производством, позволившая в итоге, опираясь на меньшую материально-сырьевую базу, чем Германия, достичь экономической победы над ней[2].

Наряду с производственными процессами, изучалась и социальная сфера танкопрома. Проведенные Вас. В. Запарием изыскания дают возможность утверждать, что его предприятия, первоначально функционировали в условиях крайне неразвитого социально-бытового сектора. К 1943 г., когда острота и напряженность кризиса начального периода войны несколько ослабли, руководство НКТП начало уделять больше внимания урегулированию насущных вопросов жизни рабочих и служащих. Однако методы командования и администрирования способствовали консервации негативных моментов в функционировании социального сектора[3].

---

[1] См.: *Гаврилов Д. В.* Создание советской противоснарядной танковой брони // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург, 2009. С. 362 – 377; *Он же.* Создатель броневой противоснарядной стали // Военно-исторический журнал. 2011. № 11; *Мельников Н. Н.* Организация броневого производства на Урале в 1941 – 1942 гг. // Современный учебник по истории: Теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты. Ч. II. Екатеринбург, 2014. С. 113 – 123; *Он же.* Проблема организации бронекорпусного производства танка Т-34 на Урале в 1942 – 1943 гг. // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. I. Екатеринбург, 2015. С. 173 – 181.

[2] См.: *Запарий, Вас. В.* Оценка советскими специалистами НКТП мощностей германской танковой промышленности в конце 1944 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 353 – 360; *Он же.* Исторический опыт функционирования предприятий танковой промышленности на Урале в 1940-е гг. // Танкпром II. М., 2014. С. 47 – 56; *Михеев М. В.* Советская танковая промышленность и Академия наук СССР: вопросы сотрудничества // Танкпром-3: презентация проектов. Нижний Тагил, 2016. С. 66 – 69.

[3] См.: *Запарий Вас. В.* Государственная политика по стабилизации социально-бытового положения работников уральской танковой промышленности в 1945 – 1950 гг. // Российский научный журнал. 2015. № 6. С. 52 – 68; *Он же*. Система ОРСов и их роль в организации материального обеспечения работников танковой промышленности Урала в 1942 – 1945 гг. // Годы поисков и свершений. Екатеринбург, 2015. С. 89 – 92.

Наряду с изучением танкового производства, в поле зрения историков находится и такая важная отрасль военно-промышленного комплекса Урала как артиллерийская промышленность. В свое время лидер Советского государства И. В. Сталин утверждал, что «артиллерия - самый важный род войск … бог современной войны…»[1]. Такое внимание «отца всех народов» к артиллерии самым благоприятным образом сказывалось на ее совершенствовании и развитии. Артиллерийское производство в предвоенный период и особенно в годы Великой Отечественной войны становится практически сердцевиной всей уральской оборонной промышленности. Поэтому научно-исследовательский интерес к этой проблеме не случаен.

Необходимо отметить, что несмотря на отсутствие комплексных монографических исследований, по вопросу функционирования артиллерийской промышленности на Урале накоплены достаточно обширные сведения, опубликованные в произведениях самого различного рода. Довольно развернутый материал об артиллерийском производстве на Урале в годы Великой Отечественной войны представлен в вышедших под редакцией А. В. Сперанского коллективных монографиях «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» и «Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны»[2]. Интересные данные об изготовлении пушек на уральских заводах в военные годы имеют место в его индивидуальной монографии «На войне как на войне… Свердловская область в 1941 – 1945 гг.»[3]. Некоторые моменты происходившие в артиллерийской промышленности Урала в годы войны нашли отражения в работах, посвященных истории отдельных заводов[4], произведениях отражающих роль человеческого фактора в процессе создания артиллерий-

---

[1] Речь и выступления И. В. Сталина на приеме в честь выпускников военных академий. 5 мая 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. ЛЛ. 1 – 12.

[2] См.: Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. *А. В. Сперанского*. Екатеринбург, 2008; Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны / Под ред. *А. В. Сперанского*. I изд. – Екатеринбург, 2005; II изд. – Екатеринбург, 2010.

[3] См.: *Сперанский А. В*. На войне как на войне… Свердловская область в 1941 – 1945 гг. I изд. – Екатеринбург, 2014; II изд. – Екатеринбург, 2015.

[4] См.: *Агеев С. С., Бриль. Ю. Г.* Неизвестный Уралмаш: история и судьбы. Екатеринбург, 2003; *Денисенко С. Г., Мокрушин Е. Ф.* Ижевский электромеханический завод. Ижевск, 2002; *Овсянников М. Г.* Уралмаш – наша гордость: (воспоминания парторга ЦК). Белгород, 2001; *Швецов Б. Б.* Артиллерийское производство на Уралмашзаводе. Историческая справка. Ч. I. Рукопись. Хранится в Музее УЗТМ (г. Екатеринбург).

ских вооружений[1], в мемуарах руководителей производства, конструкторов, инженеров и рабочих[2].

В последнее время значительно усилилась научно-историческая составляющая исследований, проводимых в области изучения деятельности артиллерийской промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны. На основе привлечения новых архивных данных и использования новейшей литературы были подготовлены и опубликованы научные статьи, отражающие историографическую ситуацию в решении данной проблемы[3], освещающие вопросы организационно-управленческого, экономического, технико-технологического характера, возникавшие в процессе конструкторских разработок артиллерийских установок и их последующего производства на промышленных предприятиях Урала в предвоенный период и особенно в сложных условиях военного времени 1941 – 1945 годов.

В вышедших в свет публикациях А. В. Сперанского, С. М. Тюшнякова убедительно показано, что в 1930 – 1940-е гг., уральское артиллерийское производство, прошедшее все необходимые стадии модернизации, включавшие в себя техническую реконструкцию предприятий, усовершенствование процесса управления производственным процессом, повышение уровня квалификации рабочих и инженерно-технических работников, вышло на передовые позиции в мировом производстве артиллерийских установок, что во многом определило успехи Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и создало мощную базу

---

[1] См.: *Воробьев С. В.* Уральские страницы деятельности советского конструктора артиллерийской техники Г. С. Ефимова // Личность в истории: теоретико-методологические аспекты. Ч. 1. Екатеринбург, 2011. С. 127 – 133; *Воробьев С. В., Мельников Н. Н.* В. Г. Грабин и Ф. Ф.Петров: к истории создания СУ-85 и СУ-100 в годы Великой Отечественной войны // Военная история Урала как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 147 – 152; *Дуняшин А. Б.* Из бригады конструктора Кошкина. Екатеринбург, 2004; *Кадочников В. Н.* Лебедев: Человек и его время». Пермь, 2006; *Сперанский А. В.* Отец самоходной артиллерии России (уральский период в жизнедеятельности Л. И. Горлицкого) // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. Екатеринбург, 2011.

[2] См.: *Горлицкий Л. И.* Воспоминания главного конструктора. Рукопись. Хранится в музее ЦКБ «Трансмаш» (г. Екатеринбург*); Зимовец Е. В.* От орудийных мастерских в г. Санкт-Петербурге до завода № 8 им. Калинина в г. Свердловске и ОАО «МЗИК» в г. Екатеринбурге. Рукопись. Хранится в музее МЗИК (г. Екатеринбург); *Петров Ф. Ф.* Краткие воспоминания о себе. Жизнь, отданная артиллерии. Екатеринбург, 2002.

[3] *Тюшняков С. М.* Артиллерийская промышленность на Урале в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 45 – 51.

для укрепления обороноспособности страны в послевоенный период[1].

Таким образом, в области изучения функционирования артиллерийской промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны проделана большая экспериментально-организационная и научно-исследовательская работа, требующая интегративного обобщения в монографическом или диссертационном варианте. Кроме того, как показывает историографический анализ, по рассматриваемой проблеме еще имеется значительный комплекс вопросов нуждающихся в дальнейшем изучении. В частности слабо раскрыты система кадрового комплектования и материально-бытового обеспечения артиллерийских заводов, роль и влияние Коммунистической партии и советского правительства, взаимодействие партийных структур с заводскими коллективами, специфика производственных процессов в артиллерийской промышленности Урала 1940-х гг. и т.п.

Важнейшим направлением экономического развития страны является сельское хозяйство, призванное обеспечивать промышленность сырьевыми ресурсами и снабжать народонаселение необходимыми продуктами питания. Исключительная роль аграрного сектора еще более усиливается в условиях военного времени, что обуславливает проявление исторического интереса к его деятельности в экстремальных условиях, стимулирует проведение серьезных научных исследований. Аграрная сфера экономики Урала периода Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена историками в большинстве своем утверждающими, что уральская деревня, оказавшись в труднейшем положении, заплатила очень дорогую цену за победу и неуклонно шла к своему разрушению.

Среди многочисленных исследований, посвященных данной проблеме, в первую очередь следует выделить научные труды Г. Е. Корнилова, который в целом ряде монографий и статей осуществил попытку комплексного анализа производственных, общественно-политических, демографических процессов, происходивших в уральской деревне в годы войны и первым в российской историографии поставил вопрос о колоссаль-

[1] См.: *Сперанский А. В.* Модернизация артиллерийского производства на Урале в 1930 – 40-е гг. // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества. Екатеринбург, 2012. С. 264 – 271; *Он же.* Артиллерийское производство на Урале в советский период истории России // Индустриальная Россия. Екатеринбург, 2012. С. 350 – 362; *Он же.* Производство реактивных и ствольных минометов на Среднем Урале в годы Великой Отечественной // Военная история как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 218 – 223; *Он же.* Производство артиллерии на УЗТМ в годы Великой Отечественной войны // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ч. 2. Екатеринбург, 2013. С. 238 – 245; *Он же.* Модернизация артиллерийского производства на Урале в 1940 - 80-е гг.: разработка и выпуск РСЗО // Региональный фактор модернизации России XVIII-XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 193 – 199; *Сперанский А. В., Тюшняков С. М.* Артиллерийское производство на Урале в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. 2017. Т. 17. № 2. Серия «Социально-гуманитарные науки». С. 47 – 50.

ной цене заплаченной крестьянством для достижения Победы[1]. Значительный вклад в изучение вопросов жизнедеятельности аграрного сектора Урала в экстремальных условиях войны внесла Р. Р. Хисамутдинова, сделавшая в своих работах акцент на рассмотрении основных направлений аграрной политики Советского государства, подробно показав ее положительные и отрицательные стороны, ярко продемонстрировав жертвенный подвиг сельских тружеников региона[2]. Значительно раздвинули границы исторических знаний научные работы В. П. Мотревича, детально характеризующие состояние производительных сил сельского хозяйства в годы войны, глубоко анализирующие трудовые ресурсы села, наглядно демонстрирующие динамику аграрного производства[3]. Серьезную лепту в решение «крестьянского вопроса» военной поры внесли исторические произведения М. Н. Денисевича, изучившего процессы функционирования индивидуальных хозяйств граждан, и В. Т. Анискова, опубликовавшего ряд статей о заготовках и личном потреблении кре-

---

[1] См.: *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990; *Он же.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Он же.* Колхозная торговля на Урале в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 1994. №. 2. С. 186; *Он же.* Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 63 – 71; *Он же.* Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941 – 1953 гг.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 91 – 98; *Он же.* Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 394 – 405; и др.

[2] См.: *Хисамутдинова Р. Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002; *Она же.* Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны. Оренбург, 2003; *Она же.* Аграрный сектор экономики Урала в годы Великой Отечественной войны // Идет война народная, священная война. Оренбург, 2011. С. 71 – 78; *Она же.* Голод в Уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Знать, чтобы не забыть: Тоталитарная власть и народ в 20-е – начале 50-х гг. XX века. Усть-Каменогорск, 2014. С. 520 – 539; *Она же.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Уральского региона) // Народ. Война. Победа. Пенза, 2015. С. 201 – 206; *Она же.* Повседневная жизнь и общественные настроения сельского населения Урала в условиях Великой Отечественной войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (К 100-летию Русской революции 1917 г. СПб., 2017. С. 270 – 278.

[3] См.: *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; *Он же.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941 – 1950 гг.). Екатеринбург, 1993; *Он же.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI вв. Коломна, 2008. С. 225 – 233; *Он же.* Проведение заготовок сельскохозяйственной продукции в колхозах на Урале в годы Великой Отечественной войны // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 198 – 210; *Он же.* Руководящие колхозные кадры на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2014. № 1. С. 66 – 69; *Он же.* Динамика аграрного производства на Урале в годы Великой Отечественной войны // Эволюция российского и зарубежного государства и права. Екатеринбург, 2016. С. 724 – 731; *Он же.* Доходы крестьян на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2016. № 3. С. 49 – 55; и др.

стьян, о борьбе с «недоимщиками» и «хлебосаботажниками» на материалах уральской деревни[1].

В целом следует отметить, что в центре внимания современных исследователей уральского села военной поры, в отличие от работ представителей советской историографии, изучавших в основном аграрную политику партии и государства, оказалось изучение внутреннего состояния и развития деревни. На основе большого массива сельскохозяйственной статистики – годовых отчетов колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, подсобных сельскохозяйственных предприятий Урала ими показано влияние войны на состояние и развитие экономики деревни. В работах постсоветского периода выявлены особенности, связанные со специализацией аграрной сферы в регионе, отражены основные результаты и направления сельскохозяйственного производства, его организации и системы управления, сочетание различных категорий хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции[2].

Изучение документов центральных и местных бывших партийных архивов позволили современным исследователям изучить механизм и тенденции реализации партийно-государственной политики сталинизма в аграрной сфере страны и региона. Это дало возможность прийти к выводу о корректировке аграрной политики в 1944 – 1945 гг. в сторону ослабления давления на деревню, что и помогло выйти из кризисного состояния аграрной сферы, остановить спад сельскохозяйственного производства в тыловых регионах страны.

Введение в научный оборот документов по колхозной торговле привели к выводу, что колхозы и колхозники вынуждены были продавать сельскохозяйственную продукцию, чтобы на вырученные деньги заплатить налоги, которые увеличились за годы войны в 5 – 6 раз. Документы бюджетных обследований крестьянских хозяйств показали нищенское положение колхозников, отдававших фронту и государству свой труд и большую часть произведенной продукции и выживших благодаря личному хозяйству. Документы Наркомата заготовок СССР осветили механизм военно-экономической мобилизации сельского хозяйства. Государство в годы войны постоянно изыскивало возможности увеличения изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянства. В этих условиях невозможно было осуществление и простого воспроизводства. Деревня тыловых районов работала на износ. Жесткое государственное регулирование было характерно для всех воюющих государств, но в СССР оно при-

[1] См.: *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1955 гг.). Екатеринбург, 1991; *Анисков В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993; *Он же.* О бедной деревне замолвите слово... Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Вологда – Ярославль, 1996; *Он же.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда-Ярославль, 1998; и др.

[2] См.: Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953 / Сост. *Г. Кесслер, Г. Е. Корнилов.* М., 2006.

няло уродливые формы. Работа на износ, разрушавшая деревню, была той огромной ценой, которую заплатило крестьянство за победу в войне.

Новым направлением в изучении истории Урала военного времени стали историко-демографические публикации. Введение в научный оборот демографической статистики позволили выяснить количественные и качественные изменения в структуре населения региона, имевшие долговременное влияние; показать изменения и факторы, влиявшие на рождаемость, смертность, естественное движение; исследовать потоки и формы миграционного движения, в том числе и эвакуации, и их воздействие на население. В ряде работ показана связь и зависимость демографических процессов с экономическим и социальным развитием. В работах Г. Е. Корнилова выявлены две противоположные тенденции демографического развития: с одной стороны, значительный рост населения Урала в 1941 – 1942 гг. (на 9,9%), с другой – неуклонное сокращение его к концу войны (на 7,8%). Выявлено, что определяющим фактором количественных и качественных характеристик населения Урала были миграции. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что обусловило значительный отток людских ресурсов из аграрного сектора. Деревня в годы войны понесла двойные потери – гибель людей на фронте и уход населения в города. Ущерб, нанесенный войной, огромные людские потери резко ухудшили положение уральской деревни. К концу войны численность городского и сельского населения в регионе – впервые в истории – сравнялись[1].

Специфика Урала состояла в том, что он находился в глубоком тылу. Через его территорию проходили основные транспортные магистрали из европейской части СССР на восток. Промышленный потенциал региона позволил обеспечить трудоустройство эвакуированного населения и беженцев, а, следовательно, возможность его выживания. Поскольку Урал принял более 2 млн мигрантов, изучение проблемы на материалах такого масштаба вышло за рамки регионального исследования.

В работах М. Н. Потемкиной, Г. Е. Корнилова, А. В. Сперанского прослежены не только местные особенности приема, устройства и деятельности эваконаселения, но выявлены общие закономерности этих процессов. Доказано, что эвакуация населения в годы войны носила в основном добровольно-принудительный, контролируемый характер. Особый интерес вызывает объективная демонстрация бытовых условий и характеристика

[1] См.: *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Он же.* Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67 – 82 ; *Он же.* Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94 – 107; *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е.* Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

массового сознания эваконаселения. В отличии от работ советской историографии, рассматривавших, как правило, только позитивные примеры, в исследованиях постсоветского периода отражены и драматические коллизии, сопровождавшие процессы эвакуации: тотальный дефицит товаров, большая скученность населения, антисанитария, невысокий уровень общей культуры и т.п.

Тем не менее, как отмечают современные исследователи, несмотря на объективные и субъективные трудности военного времени, в ходе эвакуационных перемещений было организовано транспортное, медико-санитарное, финансовое, идеологическое обеспечение людей. Социальная политика по отношению к эваконаселению претерпевает эволюцию от простого восприятия эвакуированных людей, временно попавших в беду, до выработки для них специальной системы дифференцированной социальной помощи. Поэтому государство, задействовав общественные организации, руководство предприятий и местное население, сумело обеспечить выживание эвакуированных людей в уральском тылу.

Анализ процессов реэвакуации населения показал, что она осуществлялась с декабря 1941 по 1948 гг., проходила многообразными социальными потоками и завершилась возвращением подавляющего большинства эвакуированных на прежние места жительства. Последствиями пребывания эвакуированного населения на Урале были: интенсивное промышленное развитие региона, изменение кадрового состава рабочей силы, рост научного и культурного потенциала края. Проведенные исследования и изложенные в публикациях последних лет факты дали основание для пересмотра общепринятого положения о том, что в СССР в кратчайшие сроки была создана гибкая система центральных и местных эвакуационных органов. Напротив, как считают историки, эта система формировалась длительное время и сопровождалась неоднократными реорганизациями[1].

[1] См.: *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; *Она же*. Эваконаселение в уральском тылу 1941 – 1948 гг. Магнитогорск, 2006; *Она же.* Восприятие жизни в эвакуации на Урале: стереотипы и их преодоление // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Екатеринбург, 2015. С. 196 – 202; *Она же.* Эвакуированные как особая категория населения в условиях Великой Отечественной войны // Урал в модернизационной динамике России XX века. Екатеринбург, 2015. С. 342 – 360; *Она же.* «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск, 2016; *Она же.* Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941 – 1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 219 – 226; *Она же.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения – 12. Могилев, 2017. С. 47 – 48; *Корнилов Г. Е.* Эвакуация гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны: дискуссия о количестве размещенных в восточных районах РСФСР // Демографические процессы на постсоветском пространстве. Екатеринбург, 2015. С. 66 – 71; *Он же.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112 – 121; *Сперанский А. В*. Эвакуация как фактор восполнения трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны (на примере Уральского региона) // Историческая демография. 2016. № 1. С. 23 – 26.

В исследованиях Н. П. Палецких впервые в региональной историографии рассмотрена социальная политика на Урале в годы войны. В ее монографиях в центре внимания оказались объективные и субъективные основы, пределы необходимого и возможного в социальной политике в условиях войны. Автор анализирует процессы выработки и реализации трудовой и налоговой политики, организации системы жизнеобеспечения, показывает источники и способы осуществления социальных мероприятий, выявляет основные тенденции развития социальной структуры, эффективность и результаты социальной политики в экстремальных обстоятельствах военного времени.

Автор пришла к выводу, что в основе трудовой политики в годы войны лежали апробированные методы: использование революционного энтузиазма масс, государственное принуждение и ограниченное применение экономических стимулов. Нельзя не согласиться с выводом Н. П. Палецких о том, что в годы войны Советское государство прибегло к административно-мобилизационному механизму организации совокупного общественного труда. Разнообразие административных санкций давало усиление внеэкономического принуждения к труду, а в социальном смысле они означали широкомасштабные горизонтальные и вертикальные перемещения работников. Система принудительного труда в материальном производстве выступала в форме усиления государственной эксплуатации производителей – в изъятии и присвоении государством прибавочной стоимости. Однако автор отметила, что в 1941 – 1945 гг. основная часть прибавочного продукта шла на решение проблем достижения победы, выживание народа и самосохранение общественно-политического строя.

По мнению Н. П. Палецких, первостепенное значение для превращения Урала в опорный край державы имели его социальные ресурсы, а также деятельность властей по их сохранению, возобновлению, наращиванию, использованию, развитию. Историк убедительно доказала, что решение задач по созданию слаженного военного хозяйства, оказание всемерной помощи фронту, организация систем жизнеобеспечения и активного функционирования тылового социума наполнили новым содержанием взаимозависимость и взаимодействие общества и власти.

Люди видели, чувствовали, знали: власть служит жизненным потребностям общества, работает на выполнение главной и всеобщей задачи. Об этом свидетельствуют меры по спасению и сохранению детского населения, по повышению рождаемости, по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, по социализации подрастающих поколений, по поддержанию системы образования, по организации здравоохранения. Ни одна из систем воспроизводства и развития социальных ресурсов в экстремальных условиях войны не была разрушена.

В решении социальных проблем властные структуры и в центре, и на местах проявили оперативность и политическую волю. В чрезвычайной обстановке и зачастую чрезвычайными методами партийно-советская система выполнила свою основополагающую функцию: организовала общество на отпор врагу и достижение победы[1].

Одному из аспектов социальной политики – трудовому подвигу подростков государственной системы трудовых резервов посвящена монография Г. К. Павленко. Формирование и развитие системы трудовых резервов исследованы на фоне процессов, проходивших на фронте и в тылу. В монографии сделана попытка выявить психологию поведения подростков-учащихся РУ и ФЗО, мастеров, руководителей учебных заведений. Такие явления, как иждивенческие настроения, безразличие к наведению порядка в общежитиях, к заготовке дров, угля, ремонту одежды и обуви, к соблюдению учащимися правил личной гигиены и другие, Г. К. Павленко попыталась объяснить не только военными условиями, но и сохранением значительных черт традиционной культуры.

Автор отметила, что в годы войны воспитанники учебных заведений трудовых резервов составили 59% от рабочих, принятых в промышленность, на транспорт и стройки Урала. Что именно они – подростки военной поры, получившие закалку в трудовых резервах, составили костяк тружеников страны, восстановивших ее из руин, освоивших новые технологии в 1950 – 1960-е годы[2].

Представление о репрессивной политике советских властей на Урале дают исследования В. М. Кириллова. Он показал, что в конце 1930-х – 1940-е гг. в регионе были созданы многочисленные лагерные системы, пропустившие через себя сотни тысяч заключенных. Наиболее крупными из них были – Ивдельлаг, Севураллаг, Богословлаг, Тагиллаг. Практически все наиболее тяжелые вспомогательные работы в функционировании уральской экономики в годы обеспечивались за счет «зеков». Учитывая распространенность «шарашек», использовавших труд узников ГУЛАГа, отмечает автор, заключенные составляли и значительную часть ученых, ИТР в оборонной промышленности.

---

[1] См.: *Палецких Н. П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995; *Она же.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007; *Она же.* Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 59 – 63; *Она же.* Свободное время и досуг населения Урала в период Великой Отечественной войны // Урал в модернизационной динамике России XX века, Екатеринбург, 2015. С. 322 – 342; *Она же.* Специалисты сельского хозяйства на Урале периода Великой Отечественной войны как объект социальной политики // Гуманитарные и экономические науки - агропромышленному комплексу России. Челябинск, 2017. С. 118 – 126.

[2] См.: *Павленко Г. К.* Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала – фронту. 1941 – 1945. Челябинск, 2004.

Важным для историографии является вывод В. М. Кириллова, что репрессии привели к колоссальной деформации морали и нравственности уральцев и невольных мигрантов. Лагеря и спецпоселения формировали новый тип человека – надломленного, привыкшего жить тяжелым нелюбимым трудом, молчаливого и покорного государственному насилию[1].

Значительным шагом в отечественной историографии является комплексное изучение спецконтингента на Урале. Обобщающим трудом, представляющим спецконтингент как особую социальную группу зависимого населения СССР, является монография А. Б. Суслова. Историк дал подробную характеристику всем категориям спецконтингента, мобилизованного в лагеря Пермской области, выявил черты сходства и различия в их социальном и правовом статусе, в организации их труда и в их идеологичесвкой обработке, определил подходы к проблеме сравнительного анализа эффективности вольнонаемного и принудительного труда в СССР[2].

Деятельность военизированных трудовых формирований в годы войны на Урале проанализировал Г. А. Гончаров. Он полагает, что с первых дней военного лихолетья была выделена особая социальная группа людей, которая должна была работать до конца войны в составе рабочих колонн. Наибольшей численности личного состава трудармия достигла в середине 1943 г. В это время она насчитывала более 190 тыс. чел., из которых: 61,7% представляли мобилизованные немцы, 35% – трудмобилизованные из Средней Азии и Казахстана и 3,3% – спецпоселенцы. В середине 1944 г. их численность сократилась до 140 тыс. человек. Особый социальный статус определил режим содержания и размещения людей, мобилизованных на трудовой фронт. Вклад в победу над врагом они вносили в условиях полной изоляции и политического недоверия к себе[3].

Исследование жизнедеятельности формирований из советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД СССР на территории

---

[1] См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920 – 1950-е гг. Ч. 1 – 2. Нижний Тагил, 1996; *Он же.* История репрессий на Урале. 1920-е – начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.

[2] См.: *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929 – 1953 гг.). М., 2010.

[3] См.: *Гончаров Г. А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006; *Он же.* Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6. С. 183 – 186; *Он же.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: формирование и размещение // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 9. С. 138 – 142; *Он же.* Использование трудовой армии на Урале в 1941 – 1945 гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР: экономика, политика, память. М., 2013. С. 132 – 154; *Он же.* Трудмобилизованные на хозяйственных объектах Урала в годы Великой Отечественной войны // Война и право: бессмертный подвиг советского народа. Челябинск, 2015. С. 48 – 53; *Он же.* «Трудмобилизованные» в рабочие колонны на территории Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Урал – Алтай: через века в будущее. Уфа, 2016. С. 95 – 97.

Свердловской области предпринял С. А. Разинков. На основе анализа массовых источников (карточек персонального учета и личных дел трудармейцев, архивно-следственных дел, учетных карточек и личных дел спецпоселенцев) он исследовал дислокацию, состав, режим содержания, условия трудового использования, материально-бытовое положение, господствующие психологическое состояние мобилизованных немцев двух крупнейших лагерных систем региона. По его мнению, общее количество советских немцев-трудармейцев, прошедших через Тагиллаг составило 6,7 тыс. человек, через Богословлаг – около 20,7 тыс. человек[1].

Механизм реализации политики советского государства по отношению к иностранным военнопленным на Урале в годы Великой Отечественной войны исследован Н. В. Суржиковой. На страницах работ этого автора раскрывается характер и направленность эволюции системы учреждений для содержания плененных солдат и офицеров противника, анализируется динамика их численности и состава, демонстрируются особенности материально-бытового обеспечения и трудового использования, политической и оперативно-следственной работы. Н. В. Суржикова определила, что на территории Свердловской области в 1942 – 1949 гг. функционировало 13 лагерей для военнопленных, через которые прошло более четверти миллиона военнослужащих германской, итальянской, венгерской, румынской, финской и японской армий. Это была пятая по масштабам сеть лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. По подсчетам автора, пленные иностранные военнослужащие составляли 6% от экономически активного населения Свердловской области. Большинство их трудилось в экономических структурах НКВД-МВД. Проанализировав финансовую документацию лагерей, историк приходит к выводу о нерентабельности принудительного труда военнопленных[2].

---

[1] См.: *Разинков С. Л.* Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941 – 1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; *Он же.* Социальный портрет немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Урала в 1941 – 1946 гг.: опыт создания и анализа просопографической базы данных // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 449 – 454; *Он же.* Ленинградские немцы в лагерях Урала // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 166 – 173.

[2] См.: *Суржикова Н. В.* Иностранные военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942 – 1956 гг.). Екатеринбург, 2006; *Она же.* Военнопленные в экономике Среднего Урала // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 235; *Она же.* «Мы были в шоке»: советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 132 – 143; *Она же.* «Презумция виновности»: процессы над военнопленными и интернированными в системе сталинского правосудия конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2010. № 1. С. 35 – 39; *Она же.* Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации // Российская история. 2011. № 4. С. 53 – 63; и др.

Оперативную деятельность территориальных органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны впервые в региональной историографии изучил А. И. Вольхин. В его работах определено соотношение реальных и потенциальных, внешних и внутренних угроз безопасности Урало-Сибирского региона. Автор выявил роль и место органов госбезопасности в политической системе советского общества военных лет, исследовал разведывательные, диверсионные, вредительские, саботажнические, идеологические, повстанческие, террористические акции спецслужб иностранных государств и враждебных антисоветских элементов. Историк обратил внимание на имевшие место факты предательства и пособничества врагу, показал адекватность форм и методов борьбы с ними территориальных органов госбезопасности.

По мнению А. И. Вольхина, органы госбезопасности СССР никогда не являлись самостоятельной и независимой силой, своеобразным «государством в государстве». Их деятельность всегда находилась под контролем Политбюро ЦК, крайкомов и обкомов правящей партии, определявшей задачи, направления, формы и методы работы, структурные реорганизации спецслужб. Это предопределило их дуалистическую природу. С одной стороны, органы госбезопасности Урала и Сибири являлись орудием в укреплении политического режима, выполняли любые установки партийных инстанций, направленные на обеспечение стабильного существования властных структур. С другой стороны, они, являясь составной частью государственных институтов, призванных обеспечивать суверенитет, независимость и территориальную целостность страны, сумели защитить экономический потенциал советского тыла, удержать под жестким контролем социально-политическую обстановку в регионе[1].

Продовольственное положение горожан Урала оказалось в центре внимания исследований А. Н. Трифонова. Историк проанализировал основные черты продовольственного положения населения региона накануне войны, выявил основные мероприятия по реорганизации системы снабжения продовольствием в военных условиях. В результате автор пришел к выводу, что сосредоточение в руках государства запасов продовольствия,

[1] См.: *Вольхин А. И., Мотревич В. П.* Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 145 – 155; *Вольхин А. И., Демидов А. М.* Борьба органов НКВД – НКГБ Урала и Сибири с антисоветской агитацией и пропагандой в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор. 2000. № 1. С. 19; *Вольхин А. И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: Дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001; *Он же.* Роль органов НКВД - НКГБ СССР в укреплении внутриполитической безопасности глубокого советского тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала и Сибири) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Петрозаводск, 2014. С. 105 – 111.

строгая централизация планирования, распределение товарных ресурсов по единому плану, карточная система, жесточайший режим экономии позволили Советскому государству наиболее эффективно использовать ресурсы и обеспечить нормированное снабжение городского населения[1].

С вопросами продовольственного обеспечения уральцев в годы военного лихолетья тесно связана проблема голода. Эта тема находится в стадии разработки, поэтому исторические исследования в этом направлении ограничиваются пока небольшими статьями, затрагивающими лишь ее отдельные аспекты. В публикациях М. Н. Денисевича, Г. Е. Корнилова, В. П. Мотревича предпринята попытка выявить и сформулировать основные этапы голода: время возникновения, апогей и продолжительность. Исследователи, проанализировав широкий массив документов, отмечают, что на рубеже 1942 – 1943 гг. Урал оказался на грани голода. Апогей продовольственного кризиса и локальные очаги голода длились два года – 1943 и 1944, однако массового распространения в период войны голод в регионе не получил[2].

С проблемой продуктового снабжения и материально-бытового обслуживания населения в годы Великой Отечественной войны близко соприкасается и тема функционирования на Урале промысловых и потребительских кооперативов, ставшая предметом исследования А. А. Пасса. Совокупность проводимых в стране в предвоенный период мероприятий, считает исследователь, отражала тенденцию формирования так называемой «малой» кооперативной экономики, отличающейся динамичностью и компактностью. Возможности, которыми располагали кооперативы, были весьма скромными. Однако, незамысловатость ширпотреба, производимого в артелях, и скудость выбора в лавках сельпо не мешали им играть важную стабилизирующую роль в структуре социально-экономических отношений в СССР. В годы войны промысловые артели и потребительские общества, участвуя в обеспечении армии и тыла, продемонстрировали высокую степень активности. Выполняя правительственные задания, кооперативы руководствовались не столько соображениями выгоды, сколько необходимостью обеспечить выживание и воспроизводство. В этом отноше-

[1] См.: *Трифонов А. Н.* Продовольственное положение на Урале в период Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1993; *Он же.* Продовольственная база городов: сельскохозяйственные подсобные хозяйства г. Свердловска в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Екатеринбург, 2015. С. 221 – 224; *Он же.* Особенности решения продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2015. С. 173 – 177.

[2] См.: *Денисевич М. Н.* Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 1995; *Корнилов Г. Е.* Питание и смертность сельского населения в годы Великой Отечественной войны // 50-летию победы. Тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1995. С. 80 – 83; *Мотревич В. П.* Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 85 – 87.

нии они находились в русле общей макроэкономической политики, проводимой Коммунистической партией. Были расширены допустимые пределы влияния кооперативно-индивидуалистических интересов на отношения внутри коллективов товариществ и пайщиков и на их взаимосвязи с партнерами и государством. Оставаясь в сфере планового регулирования, кооперативы получили определенную свободу в видах деятельности, оплате труда, ценообразовании; приобрели право осуществлять самостоятельный поиск контрагентов, использовать финансовые и налоговые льготы.

Совершенствование институциональной среды благотворно отразилось на показателях уральских промсоветов и промсоюзов. В 1944 г. промартели произвели товаров первой необходимости в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Почти на 880 млн рублей было изготовлено боеприпасов, армейского снаряжения и обмундирования. Облпотребсоюзы края стабильно превышали довоенный объем госпоставок. За 1941 – 1945 гг. они сдали почти 1,5 млн т картофеля, что составило одну треть от поставок совхозов и колхозов края. Историк приходит к выводу о том, что это был конструктивный этап в развитии промысловой и потребительской кооперации региона. Социальное значение промартелей и сельпо возросло, среди их членов укрепились отношения товарищества и взаимопомощи. Наличие в советской системе кооперативных ассоциаций с отличным от госпредприятий экономическим содержанием повышало ее приспособляемость к перекосам и деструктивным воздействиям, вызванным милитаризацией народного хозяйства и военной обстановкой[1].

Битва с грозным противником, выигранная на пределе возможностей, убедительно показала, что для полной победы решающее значение имели не только социально-экономические факторы жизнедеятельности общества, непосредственно влиявшие на крепость фронта и тыла. Важнейшую роль в борьбе с грозным противником играл духовный потенциал страны, являвшийся основой морального духа народа, защищавшего Отечество. Именно он лежал в основе отваги и героизма воинов, именно он делал тружеников тыла фантастически работоспособными.

Уникальную роль в военной судьбе страны сыграл Урал, ставший не только «кузницей оружия», но и духовным центром, активно влиявшим на

---

[1] См.: *Пасс А. А.* Кооперативная промышленность и торговля на Урале в 1939 – 1941 гг. Челябинск, 2000; *Он же.* Война и кооперация. Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941 – 1945 гг. Челябинск, 2000; *Он же.* «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939 – 1945 гг. Челябинск, 2002; *Он же.* Кооперативы в системе «теневой» экономики на Урале (1939 – 1945 гг.) // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 232 – 248; *Он же.* Негосударственные предприятия как индикатор пределов мобилизационной экономики в 1941 – 1945 гг. (на материалах Урала) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 95 – 99.

укрепление моральных сил нации. Поэтому культурное развитие региона в годину суровых испытаний всегда вызывало исторический интерес, стимулирующий исследовательскую деятельность. Основным научным трудом, проанализировавшем на основе интегративных обобщений практически все определяющие направления деятельности культурной сферы Урала, является монография А. В. Сперанского «В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1996 г.). На ее страницах отмечено, что влияние культуры на состоянии военного общества было огромно. Это способствовало осмыслению происходящего, определяло единство целей, задач, чувств народа, обуславливало его сознательное участие в боях. Культура была фундаментом, «становым хребтом», на котором базировалось мужество, стойкость, героизм. Если материальное производство обеспечивало страну техникой и продовольствием, то образование, литература, искусство, религия вложили в руки народа духовное оружие, без которого победа была вряд ли возможна.

Исторический труд А. В. Сперанского поднимает очень сложную и противоречивую проблему взаимоотношений интеллигенции и политического режима. Вопреки безапелляционным и бездоказательным утверждениям либеральных историков об идейно-конъюнктурной ограниченности духовного потенциала сталинской державы, используемого якобы только в целях обслуживания и оправдания тоталитарного режима, ученый поставил вопрос об объективной необходимости компромисса, достигнутого в годы войны между властью и деятелями культуры.

Интересы государственной независимости, чувство национальной гордости, ответственность за судьбу своего народа, – отмечает историк, – незамедлительно предопределили единственно правильный в тех условиях выбор. Подавляющее большинство деятелей культурной сферы, остались верны патриотическому долгу, признав в данный момент неизбежность поддержки сталинского государства. В свою очередь, угроза поражения заставила власть несколько ослабить регламентацию духовной жизни, дав возможность деятелям культуры в полной мере проявить себя в деле мобилизации масс на отпор врагу. В результате, возможно впервые после утверждения коммунистического режима, возникла ситуация, когда интересы тоталитарного государства, интеллигенции и народных масс совпали с жизненными интересами страны. Духовные процессы, возникшие в обществе в дни суровых испытаний, способствовали созданию психологического единства людей, являвшегося важнейшим фактором Победы.

Анализируя удивительный на фоне войны всплеск в развитии духовного потенциала Уральского региона, ученый отмечает, что одной из главных причин этого стала эвакуация сюда большого количества учреждений науки, образования и культуры из западных районов страны. Прибывшие в регион ученые, деятели образования, литературы и искусства дали мощ-

ный импульс для творческой работы местной художественной, научной и педагогической элиты, способствовали максимальному ее использованию в мобилизации всех сил и средств общества.

Историк выяснил, что в результате этих процессов доля Урала в общероссийском культурном потенциале за годы войны значительна выросла. К концу военных действий в регионе были сосредоточены 14% вузов, 16% средних специальных заведений, совместно подготовившие 10% всех российских специалистов. В областях и республиках Урала работало 15 % общеобразовательных школ, 16% театральных учреждений, 27% киноустановок.

Проанализировав процессы развития литературы и искусства в годы войны, А. В. Сперанский приходит к выводу, что героико-патриотические произведения, созданные деятелями культуры, не могли быть конъюнктурными, а выражали стремление всей страны к победе и во многом способствовали ее достижению. Ученый заключает, что культурный потенциал Урала был полностью использован для организации обороны страны. Деятели образования, литературы и искусства всеми доступными им средствами способствовали патриотическому воспитанию масс, пробуждали их готовность к самопожертвованию на фронте и в тылу[1].

Монография А. В. Сперанского, комплексно представившая проблемы развития культуры в военные годы, стала отправной точкой для дальнейшего интенсивного и углубленного исследования этой проблемы, как в целом[2], так и ее основных составляющих. В ряде научных статей и разделах коллективных монографий, написанных З. И. Гузненко, А. В. Жуком, В. А. Козловым, А. В. Сперанским показаны серьезные изменения, которые претерпел в годы Великой Отечественной войны образовательный уровень культурного развития Урала3, включавший в себя вузовскую, среднеспециальную и общеобразовательную системы обучения.

---

[1] См.: *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Екатеринбург, 1996.

[2] См.: *Сперанский А. В.* Урал в период второй мировой войны: динамика социокультурных процессов // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 37 – 49; *Он же.* Социокультурная трансформация Уральского региона как фактор стабильности тыла в условиях военного времени (1941 – 1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 348 – 366; *Он же.* Культура Урала как важнейший фактор Великой Победы // Война. Культура. Победа. Челябинск, 2005. С. 148 – 153; *Он же.* Духовное оружие Победы. Социокультурное развитие Уральского региона в годы Великой Отечественной войны // Освобождая блокадный Ленинград. Санкт-Петербург, 2009. С. 339 – 347; *Он же.* Силой духа // Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 2010. С. 142 – 187; и др.

[3] См.: *Козлов В. А., Сперанский А. В.* Великая Отечественная война и образование на Урале. Общеобразовательная, средняя специальная и высшая школа в 1945 – 1950-х гг. // История развития системы образования на Урале. Екатеринбург, 2004. С.77 – 86.

Преодолев многочисленные трудности объективного и субъективного характера, институты и университеты[1], техникумы и училища[2], общеобразовательные школы[3] готовили в годы войны не «винтики» бездушной государственной машины, способные лишь к выполнению команд, а достаточно образованных граждан великой страны, воспитанных в духе патриотизма, готовых защитить свою Родину.

Научные исследования, проведенные в постсоветский период А. В. Сперанским, А. С. Луньковым, Д. Н. Ряпусовой убедительно доказали, что за годы Великой Отечественной войны значительно вырос художественно-образный уровень культуры Уральского региона. Интенсивно развивалась литературная жизнь Урала. Из-под пера местных и прибывших в эвакуацию литераторов выходили произведения публицистики, художественной прозы, поэзии, драматургии, несущие огромный мобилизационно-организаторский и идейно-воспитательный заряд[4]. Позитивный эффект имела временная эвакуация на Урал ведущих артисти-

---

[1] См.: *Гузненко З. И.* Государственная образовательная политика в годы Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 7 – 17; *Гузненко З. И., Жук А. В.* В знании сила // Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 2010. С. 90 – 141; *Сперанский А. В.* Эвакуация на Урал высших учебных заведений в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Вторая региональная научная конференция. Екатеринбург, 1998. С. 64 – 67; *Он же.* Проблемы трансформации сети высших учебных заведений на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 283 – 287; *Он же*. Система военной, общефизической и гуманитарной подготовки студентов вузов Урала в годы Великой Отечественной войны // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Екатеринбург, 2001. С. 79 – 81; *Он же.* Проблемы формирования профессорско-преподавательского корпуса в вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 80 – 84; и др.

[2] См.: *Сперанский А. В.* Организация учебного процесса в ссузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Ч. 2. Екатеринбург, 2009. С. 245 – 250.

[3] См.: *Сперанский А. В.* Особенности учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе Урала в годы Великой Отечественной войны // Региональная модель исторического образования: история, теория, технология. Екатеринбург, 2001. С. 78 – 89; *Он же.* Патриотическое воспитание учащихся общеобразовательных школ Урала в годы Великой Отечественной войны // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития. Ч. 2. Екатеринбург, 2003. С. 454 – 459; *Он же.* Общеобразовательная система Урала в годы Великой Отечественной войны: проблема кадров и ее решение // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. Оренбург, 2005. С. 129 – 136.

[4] См.: *Сперанский А. В*. Власть и литература в экстремальных условиях войны: формы и методы руководства // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 113 – 130; *Он же.* Командно-административное управление литературным процессом в экстремальных условиях войны // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2003. С. 140 – 158; *Он же.* «К штыку приравняли перо»: взаимодействие властных структур и литераторов Урала в годы Великой Отечественной войны // Десятые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2013. С. 308 – 314.

ческих коллективов страны. Породив творческое содружество флагманов театрального искусства с театрами Урала, она способствовала совершенствованию уральской школы актерского и режиссерского мастерства. В годы войны повысилось качество постановки спектаклей, усилилась роль театров региона в агитационно-массовой работе с трудящимися, в военно-шефской работе с красноармейцами[1].

Значительный вклад в общую победу над немецким фашизмом внесли уральские художники, проделавшие большую работу по перестройке своей деятельности с целью активизации изоискусства как одного из самых доходчивых и массовых средств агитации и пропаганды[2]. Особую значимость в общественном развитии Урала в годы Великой Отечественной войны приобрело кино, способствовавшее повышению уровня мобилизационной работы, оказывавшее непосредственное влияние на укрепление стойкости народа, борющегося за свободу и независимость Родины[3].

---

[1] См.: *Луньков А. С.* Финансирование театров Урала в годы Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 137 – 139; *Луньков А. С., Сперанский А. В.* Театр и власть в экстремальных условиях войны: проблема взаимоотношений // Уральский исторический вестник. 2008. № 1. С. 50 – 53; *Луньков А. С.* Деятельность театров Урала в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008; *Сперанский А. В.* Художественно-творческая деятельность эвакуированных на Урал театров в годы Великой Отечественной войны // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 381 – 384; *Он же.* Взаимодействие деятелей театрального искусства и партийно-государственных органов в годы Великой Отечественной войны (на примере Урала) // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 201 – 202.

[2] См.: *Сперанский А. В.* Художественные выставки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урало-Сибирская выставка. Екатеринбург, 2003; *Он же.* Война и изобразительное искусство: политический плакат в действии // Седьмые Татищевские чтения. В.Н. Татищев и культурное наследие Урала в исторической динамике. Екатеринбург, 2008. С. 223 – 230; *Он же.* Изобразительное искусство Урала в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2011. № 4. С. 54 – 61.

[3] См.: *Ряпусова Д. Н.* Киноиндустрия Урала в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941 – 1953 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; *Она же.* Свердловская студия кинохроники в годы Великой Отечественной войны // Девятые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2012. С. 271 – 275; *Она же.* Городские кинотеатры – юным уральцам: организация детского досуга в годы Великой Отечественной войны // Военная история как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 212 – 215; *Она же.* Управление отечественной киноотраслью в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 270 – 277; *Она же.* На вечернем сеансе в небольшом городке…»: кино в контексте Великой Отечественной войны по воспоминаниям и письмам уральцев // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. Вып. 3. С. 99 – 109; *Она же.* «Урал кует Победу»: образ тылового региона в кинохронике Великой Отечественной войны // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. II. Екатеринбург, 2015. С. 97 – 106; *Она же.* Отражение военной повседневности в свердловском игровом кинематографе (на примере фильма «Освобожденная земля») // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Оренбург, 2015. С. 592 – 595; *Она же.* Сплошная кинофикация Молотовской области (1940-е – начало 1950-х гг.) // Исторический Ежегодник. 2016. Новосибирск, 2016. С. 44 – 59.

В годы войны усилилась насыщенность музыкальной жизни региона по сравнению с мирным временем. Возросло количество концертов, музыкальных вечеров, лекториев, увеличилось число людей, посетивших эти мероприятия. Все это свидетельствовало о том, что за годы войны общий уровень музыкального образования уральского населения значительно вырос[1].

На втором этапе развития региональной историографии объектом пристального внимания историков стали религиозные процессы, происходившие на Урале в период военного времени. В свет вышел ряд публикаций, отражающих изменение религиозной ситуации, как на отдельных территориях, так и по всему региону в целом. Т. А. Чумаченко прослеживает влияние новой религиозной политики советского государства в общесоюзном масштабе и на материалах Южного и Среднего Урала[2], Г. С. Бирилов и Г. М. Нечаев анализируют патриотическую деятельность представителей Пермской (в годы войны Молотовской) епархии[3]. Проблемы возрождения религиозных чувств у населения Урала, взаимодействия православной церкви с государственными структурами поднимаются Г. Е. Корниловым[4]. В публикации Р. С. Аюпова представлена картина возобновления исламского движения в Башкирии, отражены его противоречия и компромиссы при взаимодействии с местными органами власти. А. Б. Юнусова исследовала историю распространения и функционирования ислама на территории Башкортостана в длительной исторической ретроспективе. Однако в ее монографии целая глава посвящена анализу процесса нормализации государственно-религиозных отношений, религиозной жизни му-

---

[1] См.: *Сперанский А. В.* Музыкальное искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: особенности и закономерности развития // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1997. С. 123 – 126.

[2] См.: *Чумаченко Т. А.* Новая религиозная политика советского правительства: положение в уральской деревне в 1940-е гг. // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 209 – 213; *Она же.* Церковная политика советского правительства в 40-е – первой половине 50-х гг. и ее реализация на Урале (по материалам Челябинской и Свердловской областей) // Исторические чтения. Челябинск, 1995. С. 104 – 108; *Она же.* Государство, Православная Церковь, верующие. 1941 – 1961 гг. М., 1999; *Она же.* Челябинская епархия в 1940-е – 50-е гг.: духовенство, верующие, власть // Южный Урал в судьбе России. Челябинск, 2003. С. 348 – 349; *Он же.* Динамика открытия церквей и молитвенных домов в Челябинской области в период потепления государственно-церковных отношений. 1943 – 1948 гг. // Социум и власть. 2015. № 2. С. 105 – 107; и др.

[3] См.: *Бирилов Г. С.* Пермская церковь в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1991; *Нечаев Г. М.* Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 1995.

[4] См.: *Корнилов Г. Е.* Патриотическая позиция Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 197 – 204; *Он же.* Религиозные представления крестьян накануне и в годы Великой Отечественной войны // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996.

сульман республики в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы[1].

В целом ряде работ А. В. Сперанского впервые дается обобщенный анализ религиозной обстановки во всех пяти областях и двух автономных республиках Уральского региона: прослеживается процесс возрождения религиозных традиций, восстановления молитвенных зданий, возобновления деятельности церковных организаций, исследуются причины улучшения взаимоотношений религии и власти, освещается патриотический подъем среди духовенства и верующих. Ученый делает вывод, что либеральный поворот большевистской диктатуры к церкви был спланированным политическим маневром, целью которого было полное подчинение церковных институтов интересам воюющего государства[2].

На втором этапе региональной историографии предпринимались попытки комплексных исследований по истории Урала в годы Великой Отечественной войны, охватывающих территориальные рамки как всего региона, так и его отдельных областей, республик, городов. Заметным явлением в историографии стал выход сборника-справочника «Урал ковал победу» под редакцией П. Г. Агарышева. В нем представлена обширная информация о вкладе уральцев в разгром немецко-фашистских захватчиков.

---

[1] См.: *Аюпов Р. С.* Мечеть и церковь в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны по (по сообщениям НКВД) // Научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: уроки и проблемы»

[2] См.: *Сперанский А. В.* Духовно-религиозный ренессанс Уральской провинции в годы Великой Отечественной войны // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 98 – 108; *Он же.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны: возрождение духовности. Екатеринбург, 2004. С. 18 – 23; *Он же.* Новая религиозная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны: противоречия компромисса. // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Екатеринбург, 2005. С. 56 – 66; *Он же.* Русская православная церковь и советское государство в годы войны: парадоксы взаимодействия // Урал в 1941 – 1945 годах: экономика и культура военного времени. К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. Челябинск, 2005. С. 232 – 241; *Он же.* Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны: возрождение религиозных традиций // Уральский исторический вестник. 2005. № 10 – 11. С. 144 – 160; *Он же.* Уральская деревня в годы Великой Отечественной войны. Противоречия религиозного возрождения // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII − XX вв.: история и современность. Оренбург, 2007. С. 280 – 287; *Он же.* Власть, Церковь, Народ: единство во имя Победы // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 97 – 138; *Он же.* Открытие православных культовых учреждений на Урале в 1941 – 1945 гг.: противостояние власти и верующих // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2009. С. 118 – 123; *Он же.* Парадокс лихолетья // Веси. 2010. № 3. С. 68 – 77; *Он же.* Советское государство и неправославные религиозные конфессии в годы Великой Отечественной войны // Восьмые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2010. С. 502 – 506; *Он же.* Православие и бюрократия: решение церковного вопроса в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016, Т. 16. № 3. С. 63 – 67.

Впервые в одной книге даны биографические справки на 657 уральцев, ковавших победу в тылу; содержится список предприятий, награжденных орденами и получивших на вечное хранение Красные Знамена. В сборнике перечислены воинские формирования, отправленные с Урала на фронт; госпитали, в которых находились на излечении раненые; трудовые коллективы, граждане, оказавшие помощь фронту и получившие благодарность от Верховного Главнокомандующего[1]. Общеуральская проблематика превалирует в монографии И. А. Якунцова. На ее страницах освещаются наиболее значимые события истории Великой Отечественной войны, связанные с Уралом и уральцами – воинами и тружениками тыла, внесшими весомый вклад в достижение Великой Победы. Автор ярко демонстрирует примеры патриотизма, героизма и жертвенности, проявляемые населением «станового хребта обороны» в тяжелейших условиях военного времени[2].

На уровень общеуральских обобщений претендуют исследования А. В. Сперанского, опубликованные в виде крупных разделов коллективных монографий[3], статей, вышедших в свет на страницах журналов[4] и различных научных сборников[5]. В этих работах, базирующихся на впервые вводимый в научный оборот архивный материал, показана геополитическая роль Уральского региона в стратегии Второй мировой войны.

---

[1] См.: Урал ковал победу. Сборник-справочник / Под ред. *П. Г. Агарышева.* Челябинск, 1993.

[2] См.: *Якунцов И. А.* Урал в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Пермь, 2003.

[3] См.: *Сперанский А. В.* Опорный край державы // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 264 – 289; *Он же.* Урал в стратегии Второй мировой войны: геополитический и социально-экономический аспект // Россия в XX веке. Война 1941 – 1945 гг. Современные подходы. М., 2005. С. 101 – 112; *Он же.* Священная война // Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург, 2008. С. 217 – 271; *Он же.* Роль Урала в истории Второй мировой войны: проблемы геополитики и экономики // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М., 2010. С. 151 – 163.

[4] См.: *Сперанский А. В.* Урал в стратегии второй мировой войны // Отечественная история. 2001. № 3. С. 213 – 214; *Он же.* Становой хребет обороны // Родина, ноябрь 2001 г. С. 84 – 85; *Он же.* Бастион Великой Победы // Веси. 2010. № 2. С. 55 – 62; *Он же.* Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2010. № 3. С. 108 – 117.

[5] См.: *Сперанский А. В.* Уральский фактор в геополитической и военной стратегии второй мировой войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения. СПб, 2001. С. 22 – 30; *Он же.* Урал в геополитических планах участников Второй мировой войны // Историческое пространство России: инерция и трансформация. Челябинск, 2003. С. 122 – 125; *Он же.* Урал в Великой Отечественной войне: единство фронта и тыла // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 137 – 140; *Он же.* Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург, 2005. С. 14 – 24; *Он же.* Единство фронта и тыла как важнейший фактор победы // Война и российское общество: 1914 – 1945 годы. Екатеринбург, 2005. С. 137 – 145; *Он же*. Урал в геополитических планах Германии и стран антигитлеровской коалиции // Уральский вестник международных исследований. Вып. IV. Екатеринбург, 2005. С. 81 – 85; *Он же.* Вклад Урала в Великую Победу: историческая правда и национальная безопасность // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. I. Екатеринбург, 2015. С. 7 – 16; *Он же*. Урал в Великой Отечественной войне: правда истории как фактор консолидации общества // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Оренбург, 2015. С. 606 – 612; и др.

На примерах пяти уральских областей и двух республик проанализированы сложные и противоречивые эвакуационные процессы, перестройка уральской промышленности на военный лад, создание и функционирование военно-промышленного комплекса, деятельность аграрного сектора, развитие духовного потенциала и его влияние на формирование идейно-политической консолидации населения. Не обойдены вниманием и процессы формирования уральских воинских подразделений и их участия в сражениях Великой Отечественной войны.

К работам субрегионального характера относятся монографии, показавшие вклад в победу над фашизмом национальных республик Урала. Книга Р. С. Аюпова отразила самоотверженную борьбу с грозным врагом жителей Башкирии. Изучив большой массив опубликованных и архивных документов, труды предшественников, автор исследовал перестройку на военный лад народного хозяйства БАССР, общественно-политическую жизнь, развитие культуры и искусства. Положительным моментом является и то, что в книге изложен не только трудовой, но и ратный подвиг жителей республики[1].

В комплексном исследовании Н. А. Родионова рассмотрены базовые факторы развития индустриального и военного производства Удмуртии. Проанализировано состояние сельского хозяйства республики, подняты проблемы народной помощи фронту, взаимодействия социума и власти, повседневной жизнедеятельности населения. Автор раскрыл актуальные аспекты изучения военной истории, сохранения и мемориализации исторической памяти о войне[2].

Монография В. Д. Павленко и Г. К. Павленко посвящена воинам и труженикам Челябинской области. На ее страницах отражены основные военные операции с участием южноуральцев на фоне широкой панорамы тяжелой и самоотверженной работы тружеников области ради свободы и независимости Родины[3].

Роль Свердловской области в разгроме фашистской Германии глубоко и всесторонне проанализирована в целом ряде статей и разделов книг, написанных А. В. Сперанским[4]. В обобщенном виде вклад Среднего Урала в Великую Победу представлен в его дважды издававшейся монографии.

---

[1] См.: *Аюпов Р. С.* Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1994.

[2] См.: *Родионов Н. А.* Удмуртская республика: путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.

[3] См.: *Павленко В. Д., Павленко Г. К.* Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941– 1945 гг. Челябинск, 2005.

[4] См.: *Сперанский А. В.* Свердловская область в годы Великой Отечественной войны (55 лет со дня Победы) // Календарь знаменательных и памятных дат. Свердловская область. 2000. Екатеринбург, 2000. С. 62 – 69; *Он же.* Средний Урал в Великой Отечественной войне: вклад в Победу // Урал индустриальный. Т. II. Екатеринбург, 2007. С. 241 – 245; *Он же.* «Сороковые грозовые …» Свердловская область в 1941 – 1945 гг. // Свердловская область: страницы истории (1934 – 2014). Екатеринбург, 2014. С. 101 – 133.

В книге проанализированы основные проблемы, связанные с участием свердловчан в основных социально-экономических, общественно-политических и культурных процессах военного времени. Ученый последовательно изложил материал, касающийся участия воинских подразделений, сформированных Уральским военным округом, в битвах с неприятелем, ярко показал роль заводов Среднего Урала в производстве оружия и боеприпасов, всесторонне отразил вклад деятелей литературы и искусства Свердловской области в общую победу над врагом. Особый акцент А. В. Сперанский сделал на характеристике исторических персоналий. Очерки о жизнедеятельности выдающихся представителей края, проявивших себя на различных поприщах в годину суровых испытаний, логично вписаны автором в общую канву текста и значительно углубляют его содержательный смысл[1].

Заметным явлением в историографии Урала стала публикация научных трудов, освещающих жизнедеятельность отдельных уральских городов в условиях военного времени. Первым исследованием подобного рода стала монография А. В. Федоровой, посвященная истории города Оренбурга в годы Великой Отечественной войны. Как расширились функции города, стал ли он «городом-заводом», что представляла из себя социальная сфера областного центра – на эти и другие вопросы отвечает историк. А. В. Федорова выделила этапы мобилизации горожан на фронт, изучила процессы организации военного производства, приема и размещения эвакуированных предприятий и населения. Лучшими сюжетами книги, на наш взгляд, являются те, где дан рассказ о культурной жизни города – театрах, деятелях культуры. Эта работа дала толчок развитию исторического городоведения на Урале[2].

Военные годы одного из крупнейших городов Урала – Свердловска (ныне Екатеринбург) тоже нашли отражение, как в разделах книг, посвященных истории города в целом[3], так и в обобщающей коллективной монографии, правдиво воссоздавшей жизнедеятельность его населения в условиях суровых испытаний. В книге, опубликованной под редакцией А. В. Сперанского и выдержавшей два издания, отмечено, что предприятия города за годы войны увеличили объем продукции в 7 раз. Главным источником самоотверженной работы свердловчан, их стойкости и терпимости в преодолении трудностей, их готовности пойти на жертвы и лишения был патриотизм. Авторы монографии доказывают это на многочисленных примерах, описывая конкретные достижения ученых, инже-

---

[1] См.: *Сперанский А. В.* На войне как на войне … Свердловская область в 1941 – 1945 гг. I изд. Екатеринбург, 2014; II изд. Екатеринбург, 2015.

[2] См.: *Федорова А. В.* Оренбург годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995.

[3] См.: *Сперанский А. В.* Работник и воин // Екатеринбург. Исторические очерки (1723 – 1998). Екатеринбург, 1998. С. 165 – 177; *Суржикова Н. В.* Война // Екатеринбург: листая страницы столетий (1723 – 2003). Екатеринбург, 2003. С. 106 – 120.

неров, рабочих. Впервые в региональной историографии проанализирована демографическая ситуация в городе. Показана динамика роста населения Свердловска, достигшего 548 тыс. человек. На страницах книги показано, как решалась продовольственная и жилищная проблемы, развивалось коммунальное хозяйство, городской транспорт. Большой раздел посвящен научным учреждениям и развитию научных исследований. Результатом усилий академических и вузовских учреждений стала разработка и практическая реализация программы по превращению Урала в основную индустриальную базу СССР. В монографии отмечена насыщенность культурной жизни города, активно развивавшейся в результате творческой деятельности писателей, художников, музыкантов, артистов. Город стал не только грандиозной кузницей оружия и местом подготовки прославившихся на фронте воинских частей и соединений, но и уникальным центром культуры, оказавшим влияние на всю борющуюся с неприятелем страну. Авторы монографии приходят к выводу, что суровые годы войны сплотили население города, заставили его в едином порыве отдавать все свои силы для достижения победы над врагом[1].

Отдельным направлением научных исследований уральских историков является формирование и участие воинских подразделений, сформированных на Урале, в сражениях Великой Отечественной войны. Проблемы подготовки резервов для фронта, включая ее боевую, политическую, материально-техническую составляющие, поднял в своих исследованиях В. П. Могутнов. Ученый убедительно показал, что с началом войны мобилизация людских и материальных ресурсов осуществлялась на основе расчетов мобилизационного плана. На одно из первых мест выдвинулась задача мобилизации в РККА военнообязанных, находившихся в запасе и получивших армейскую подготовку в предвоенные годы. Анализируя потребность армии в пополнении, историк описал дополнительные источники ее комплектования. Он приводит сведения о направлении в армию военнообязанных из числа ранее судимых, рабочих строительных колонн, ограниченно годных по состоянию здоровья, других категорий населения. Автор изучил деятельность военных комиссаров и исполкомов местных советов по подготовке молодежи к военной службе, организации лечебно-оздоровительных и профилактических мероприятий, повышении общеобразовательного уровня призывников. За годы войны, отметил историк, заметно выросло количество призывников, прошедших вневойсковое обучение на различных курсах, подразделениях Всевобуча, осоавиахимовских подразделениях. Исследования В. П. Могутнова показали, что если в первый период войны на Урале формировались главным образом пехотные части, то начиная с 1943 г. основной упор делался на танковые,

[1] См.: Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны / Под ред. *А. В. Сперанского*. I изд. – Екатеринбург, 2005; II изд. – Екатеринбург, 2010.

артиллерийские и другие специальные подразделения. Это объяснялось тем, что перешедшей в наступление Красной Армии теперь требовались войска повышенной подвижности и огневой мощи. В целом исследователь делает справедливый вывод о том, что война на практике подтвердила правильность положений советской военной доктрины, предусматривавшей создание и использование стратегических резервов как главного условия повышения боеспособности действующей армии[1].

В сравнении с советским периодом историографии, боевые действия воинских частей и подразделений, сформированных на Урале, освещаются современными историками в меньшей степени. Практически отсутствуют монографии комплексно, на основе новых архивных материалов, представляющие ратный подвиг уральцев. Тем не менее, после определенного научного спада, характерного для конца XX – начала XXI вв., исторический интерес к этой проблематике постепенно пробуждается. Вновь появляются публикации, демонстрирующие отвагу и героизм, проявленные уральскими воинами на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них имеют место попытки обобщающего плана, представленные в разделах монографий[2], показ участия уральцев в отдельных сражениях[3], характеристики боевого пути некоторых, наиболее известных, уральских воинских частей[4].

---

[1] См.: *Могутнов В. П.* Владеть оружием учились на Урале (Войсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945). Часть I. Курган, 1998; *Он же.* Владеть оружием учились на Урале (Вневойсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945). Часть II. Курган, 1998; *Он же.* Война. Урал. Резервы (1941 – 1945 гг.). Курган, 1999; *Он же.* Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) (На материалах Урала): Дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 2000.

[2] См.: *Сперанский А. В.* Ратный подвиг свердловчан в годы Великой Отечественной войны. // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. Екатеринбург, 1998; *Константинов С. И., Сперанский А. В.* На смертный бой // Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. I изд. Екатеринбург, 2005. С. 172 – 196; II изд. С. 198 – 210; *Сперанский А. В.* Разгромим, уничтожим врага // На войне как на войне… Свердловская область в 1941 – 1945 гг. II изд. Екатеринбург, 2010. С. 286 – 350.

[3] См.: *Нуждин О. И.* Борьба воинов 22-й армии в окружении под г. Великие Луки (22 – 26 августа 1941 г.) // Маршал Победы в военной истории России. Екатеринбург, 2016. С. 110 – 114; *Сперанский А. В.* Вклад уральцев. К 65-летию Победы // Уральский федеральный округ. 2010. № 1 – 2. С. 56 – 57; *Он же.* Первый шаг к Победе. К 70-летию битвы под Москвой // Уральский федеральный округ. 2011. № 11 – 12. С. 20 – 21; *Он же.* Урал – Сталинграду. 70-летие битвы на Волге // Уральский федеральный округ. 2012. № 9 – 10. С. 52 – 54.

[4] См.: Добровольцы Урала. Екатеринбург, 2008; Никто не забыт, ничто не забыто / Под ред. *А. Д. Кириллова.* I изд. Екатеринбург, 2008; II изд. Екатеринбург, 2011; *Кириллов А. Д., Хорьков В. К.* Наш Уральский добровольческий. Екатеринбург, 2013; *Сперанский А. В.* Народный подвиг Урала: К 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса // Веси. 2013. № 2. С.4 – 15; *Он же.* «Танковый корпус сверх плана»: уникальный подарок уральцев // Военная история как фактор патриотического воспитания. Екатеринбург, 2013. С. 9 – 18; *Он же.* «О доблестях, о подвигах, о славе…»: боевые действия 22-й армии в начале Великой Отечественной войны / Одиннадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2015. С. 325 – 330; и др.

Особо следует выделить монографию О. И. Нуждина о трагедии и подвиге 22-й армии РККА, созданной на базе войск Уральского военного округа. Книга уральского историка, построенная на документальном материале, правдиво воссоздает страшную картину кровавых оборонительных боев лета – осени 1941 года, показывает самопожертвование красноармейцев и командиров 22-й армии, чей героизм и отвага во многом способствовали провалу немецкого плана «молниеносной войны»[1].

В постсоветский период историографии, начиная с 1990-х годов, по вполне понятным причинам, практически прекратились исследования деятельности партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Последней работой, посвященной анализу исторического опыта идеологической работы коммунистов в годы войны, стала монография Б. П. Дементьева. Коммунисты, безусловно, влияли на все сферы общественной жизни, формировали образ врага, призывали к беззаветному служению Отечеству, поднимали патриотический дух, объединяли население на борьбу с фашизмом. Выдвинув четкий и понятный людям лозунг «Все для фронта! Все для победы!», они сумели добиться общественно-политической консолидации советского общества[2]. Поэтому, в сегодня, когда конъюнктурно-политические страсти заметно поостыли, исследования деятельности партийных, общественных организаций, местных органов государственной власти необходимо продолжить, использовав труды предшественников и появившиеся возможности изучения ранее недоступных архивных документов.

Заметный вклад в историографию истории Великой Отечественной войны внесли традиционные военно-исторические чтения, проводимые в Екатеринбурге. В рамках этих мероприятий было проведено несколько крупных научных форумов, всероссийского и международного масштаба. В опубликованных сборниках материалов этих конференций в конкретно-историческом и научно-теоретическом и плане, с учетом современных концептуально-методологических интерпретаций и с использованием новых архивных источников, рассмотрены проблемы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Урала в годы Великой Отечественной войны в контексте общероссийской и мировой истории. Опубликованные доклады, дают возможность подвести промежуточные итоги изучения истории региона в военный период и определить перспективы дальнейших исследований. Они во многом содействуют укреплению общественного интереса к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, совершенствова-

---

[1] См.: *Нуждин О. И.* Незабытые: о трагедии и подвиге 22-й армии РККА. Екатеринбург, 2015.

[2] *Дементьев Б. П.* Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990.

нию процесса духовно-патриотического воспитания населения, направленного против искажения исторической памяти в гражданском сознании населения России[1].

Историографический анализ показывает, что тема «Урал в годы Великой Отечественной войне», является одним из наиболее приоритетных направлений научно-исследовательской работы уральских историков. Как в советский, так и постсоветский периоды историографии велось и ведется целенаправленное изучение многочисленных вопросов жизнедеятельности региона в экстремальных условиях военного лихолетья. Следует отметить широту проблем и комплексность работ, вышедших в постсоветский период в регионе. Сложившаяся историографическая ситуация, позволяют приступить к подготовке обобщающего труда об уральском тыле в годы Великой Отечественной войны. При этом необходимы исследования малоизученных проблем геополитического положения Урала, анализ влияния войны на экономическое, политическое, культурное, демографическое, экологическое развитие региона в военное и послевоенное время. Важную значимость должно приобрести изучение особенностей быта, феномена массового участия женщин в индустриальном производстве и на фронте, продолжение изучения ратных дел уральцев на фронтах, роли психологического фактора, отражение роли Уральского региона в мировой истории середины XX столетия. Вектор исследований должен смещаться в направлении исторической антропологии, что позволит рассматривать военное прошлое края во всей его многомерности и вариативности.

---

[1] См.: Урал в Великой Отечественной войне / *Под ред. В. В. Алексеева.* Екатеринбург, 1995; Урал в стратегии Второй мировой войны / *Под ред. В. В. Алексеева.* Екатеринбург – Каменск-Уральский, 2000; Средний Урал в первый период Великой Отечественной войны: вклад в подготовку коренного перелома / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2002; Урал в военной истории России: традиции и современность / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2003; Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2005; Подвиг Урала в исторической памяти поколений / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2010; Разведка в системе национальной безопасности России: история и современность / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2011; Военная история как фактор патриотического воспитания / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2013; 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Ч. I. – II. / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2015; Маршал Победы в военной истории России / Под ред. *А. В. Сперанского.* Екатеринбург, 2016.

Глава 3. Послевоенные испытания. 1945 – 1953 гг.

Процесс формирования историографии послевоенного социально-экономического развития Урала происходил непрерывно (но с разной степенью интенсивности) на протяжении без малого семидесяти лет. За прошедшие годы сложился внушительный корпус научной литературы по данной тематике.

Работы первых послевоенных лет насыщены богатым фактическим материалом, статистическими таблицами, содержат теоретические выводы, но большей частью они носят публицистическо-пропагандистский характер. Основное внимание их авторы уделяли пропаганде мероприятий партии и правительства по восстановлению и подъему промышленности и сельского хозяйства. Исследователи неизменно делали акцент на исключительный гуманизм советского строя и неустанную заботу партии и правительства о благе народа. По словам Р. П. Толмачевой, в работах допускались преуменьшения трудностей, известная лакировка положения, в них не получили освещения проблемы советской действительности[1].

На этом этапе исследователей более волновали вопросы организации труда и производства, комплексной механизации сельского хозяйства, партийно-агитационной работы на предприятиях. Именно в таком ключе были написаны публикации, посвященные электрификации уральских колхозов и внедрению электрической энергии в сельскохозяйственное производство региона в послевоенный период[2].

Уральский промышленный комплекс становится объектом пристального внимания башкирских исследователей. В своих трудах они дают сведения о начале создания в республике нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, о закладке новых предприятий и т. д.[3]

---

[1] *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в послевоенные годы: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Свердловск, 1982. С. 5.

[2] См.: *Анисимов Н. И.* Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952; *Ахмеров А.* Бригада Героя Социалистического Труда А.В. Стоянова. Уфа, 1948; *Гамбаров Р. У.* Коммунисты нашего колхоза в борьбе за подъем сельского хозяйства. Уфа, 1955; *Рябинин Б. О.* Электрификация уральских колхозов. М., 1948; *Смирнов С. В.* Повышение благосостояния трудящихся. Свердловск, 1955; *Тиунов В.* Электрификация колхозной деревни. Пермь, 1946; *Уразбаев Н. Р.* Годы великих преобразований: (Из доклада на юбилейной сессии Верховного Совета БАССР 23 марта 1949 г.). Уфа, 1949; *Саматов В. А.* Технический прогресс в промышленности Урала в годы четвертой пятилетки (1946 – 1950 гг.) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 244 – 268; *Емельянов В. П., Зиночкин А. Г.* Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Свердловской области в послевоенный период (1946 – 1955 гг.) // Там же. С. 269 – 291; и др.

[3] См.: *Каримов Х. А.* Промышленность Башкирии за годы сталинских пятилеток // Тридцать лет Советской Башкирии. Материалы по истории Башкирской АССР. Уфа, 1949. С. 105 – 131; *Петров А. К.* Промышленность Башкирии в годы Отечественной войны и послевоенной пятилетки // Там же. С. 166 – 193; *Тимергазин К. Р.* Очерки по истории башкирской нефти. Уфа, 1957; *Улин В. И., Янгуразов А. В.* Развитие промышленности Башкирии (краткий очерк). Уфа, 1958; *Городничев Н. П., Дьяков А. Я.* Успехи в развитии экономики и культуры Башкирской АССР за 40 лет. Уфа, 1959; и др.

В 1960-х гг. начинается новый этап историографии социально-экономического развития региона, которое рассматривалось в контексте общего курса отечественной истории. Поэтому для выявления взаимозависимости региональных и общесоюзных процессов большую важность играют труды комплексного характера. В этот период вышли в свет многотомные и энциклопедические изданиями по истории СССР и КПСС, монографические исследования, посвященные в том числе и многим аспектам социалистического строительства. Данные исследования заложили последующие историографические традиции[1].

Отличительным признаком значительной части публикаций, вышедших в 1960 – 1980-х гг., являлась их историко-партийная направленность. На фоне развития уральских партийных организаций исследователи изучали весь комплекс социально-экономических, политических и социокультурных проблем в регионе послевоенных лет. Достаточно колоритно это прослеживается в работах Ж. Ш. Ахиярова, Е. К. Минибаева, М. Б. Муртазина, С. Г. Фатиховой и др., посвященных изучению нефтяной промышленности Башкирии[2].

Серьезный вклад в разработку темы становления нефтяного комплекса Уральского региона внесли работы Ю. Н. Никифорова и А. Я. Стрельцова. Указанные авторы обстоятельно проанализировали предпосылки зарождения и процесс становления нефтеперерабатывающей промышленности в Башкирии[3].

---

[1] См.: История коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах. Т. 5. Кн. 1. М., 1970; Кн. 2., М., 1980; История СССР. Эпоха социализма. М., 1973; Краткая история СССР. М., 1978; История социалистической экономики СССР в 7 т. М., 1976 – 1980; Советский рабочий класс на современном этапе. М., 1964; *Лельчук В. С., Бейлина Е. Э.* Промышленность и рабочий класс СССР в условиях НТР. М., 1982; Труд и научно-технический прогресс. М., 1988; и др.

[2] См.: *Ахияров Ж. Ш.* Деятельность партийной организации Башкирии по повышению эффективности нефтедобывающей промышленности: (1951 – 1955 гг.) // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. Вып. 5. М., 1974. С. 219 – 239; *Минибаев Е. К.* Развитие нефтедобывающей промышленности и изменение численности рабочих-нефтяников Башкирии в 1946 – 1958 гг. // Проблемы истории СССР. Вып. 2. М., 1973. С. 3 – 23; *Муртазин М. Б.* Руководящая роль КПСС в создании нефтяной промышленности Башкирии. Уфа, 1960; *Фатихова С. Г.* Борьба партийной организации Башкирии за развитие нефтедобывающей промышленности в годы четвертой пятилетки: (1946 – 1950) // Уч. зап. Бирского пед. ин-та, 1962. Вып. 4. Вопросы философии и истории КПСС. С. 150 – 234.

[3] См.: *Никифоров Ю. Н.* Шаги нефтехимии республики. Историко-партийный очерк. Уфа, 1974; *Стрельцов А. Я.* О поисках промышленной нефти на территории между Волгой и Уралом // Башкирская парторганизация во главе социалистической индустриализации республики Уфа, 1970. С. 64 – 81; и др.

В 1970-е гг. публикуется ряд обобщающих работ, посвященных истории уральского сельского хозяйства, в том числе послевоенного периода[1]. Р. П. Толмачева рассматривает положение уральских колхозов к концу войны и последующее их восстановление и развитие. Основу монографий составили материалы уральских архивов и бюджетные обследования населения. В своих работах Р. М. Толмачева смогла выявить тенденции развития сельского хозяйства Урала и изучить уровень материального благосостояния колхозников[2].

Исследования В. П. Емельянова, В. Т. Волкевича, Н. П. Павлова и Г. Ш. Илишева посвящены изучению сельскохозяйственного развития отдельных регионов Урала[3]. Работы данного историографического периода были написаны в рамках существующей идеологии, их авторы положительно оценивали решения руководящих органов. Все имеющиеся в исследованиях негативные оценки связывались, прежде всего, с субъективными факторами. Крупной обобщающей работой по истории послевоенной деревни на данном этапе стал четвертый том «Истории советского крестьянства»[4].

В 1979 г. был выпущен сборник статей, значительное место в котором заняли работы, посвященные исследованию качества жизни уральских горожан периода четвертой и пятой пятилеток. С новых позиций стали рассматриваться социально-экономические аспекты жизни горожан, в первую очередь рабочего класса. Материалы областных архивов, бюджетные обследования горожан давали историкам широкий простор для исследований данной сферы. Их авторы допускали (хоть и весьма осторожную) критику положения дел в общественно-экономическом и социально-культурном развитии региона[5].

М. Н. Денисевич в своей кандидатской диссертации проанализировал деятельность партийных организаций Южного Урала по развертыванию

---

[1] См.: Из истории социалистического строительства на Урале. Вып. 2. Свердловск, 1976; В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 2. Свердловск, 1970; и др.

[2] См.: *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). Томск. 1979; *Она же.* Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981.

[3] См.: *Павлов Н. П.* Крестьянство Удмуртии, 1946 – 1970. М, 1975; *Илишев Г. Ш.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946 – 1970 гг.). Саратов, 1982; *Емельянов В. П.* Борьба партийных организаций Урала за развитие сельского хозяйства в послевоенный период (1946 – 1953 гг.) // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 2. Свердловск, 1970; *Волкевич В. Т.* Повышение авангардной роли коммунистов Свердловской областной парторганизации в восстановлении и укреплении сельского хозяйства (1946 – 1952) // Из истории социалистического строительства на Урале. Вып. 2. Свердловск, 1976; и др.

[4] См.: История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х гг. Т. 4. М., 1988.

[5] Рабочий класс Урала (1937 – 1975). Свердловск, 1979. С. 43, 49 и т.д.

торговли в годы четвертой пятилетки (1946 – 1950 гг.), затронул вопросы отмены карточной системы, показал проблемы в решении кадрового вопроса, развитии товарооборота[1]. В контексте истории парторганизаций рассмотрено развитие системы торговли на Урале в годы пятой пятилетки (1951 – 1955 гг.) Н. Д. Запецкой[2].

В 1970-е гг. публикуется ряд обобщающих работ, посвященных истории Уральского региона, в том числе позднесталинского периода[3]. Они содержат большой фактологический материал, а также итоговые сведения по результатам развития отдельных отраслей и секторов экономики в послевоенные годы.

К характерным чертам историографии следует отнести преимущественное внимание исследователей к освещению позитивных количественных достижений индустриального и социального развития Урала. Сильное влияние на работы историков оказали стереотипы, сформировавшиеся на предшествующих этапах изучения темы: отсутствие критического отношения к экстенсивности развития, внимание к крупным предприятиям, идеологические установки на «социалистичность» преобразований. Не были сформулированы общие закономерности и тенденции индустриального развития с учетом социально-экономического, экологического, общественно-политического и духовно-культурного аспектов жизнедеятельности региона в рассматриваемый период.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в результате ослабления идеологического давления начинается новый этап развития отечественной историографии. События «перестройки» способствовали кардинальному изменению отношения исследователей ко многим явлениям и процессам прошлого. Ученые получили возможность обратиться к рассмотрению ранее «закрытых» тем.

В конце 1980-х гг. выходит монография М. Т. Крючкова. В работе рассказывается о провале планов капитального строительства, о неудачах попыток снижения доли ручного труда в производстве, о нехватке ресурсов. Автор приходит к неожиданному для своего времени выводу. Так, проанализировав рост вкладов в сберегательных кассах во второй половине 1940-х гг., он вместо традиционных для советской историографии рассуждений о повышении доверия народных масс к правительству делает справедливое, на наш взгляд, заключение о товарном дефиците и противо-

---

[1] См.: *Денисевич М. Н.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию советской торговли в годы 4-й пятилетки (1946 – 1950 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1980.

[2] См.: *Запецкая Н. Д.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию советской торговли в годы пятой пятилетки (1951 – 1955 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1984.

[3] См.: Из истории социалистического строительства на Урале. Вып. 2. Свердловск, 1976; В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 2. Свердловск, 1970; и др.

речии между возможностями материальной базы, роста благосостояния и культуры и уровнем потребительского спроса трудящихся[1].

В этот же период несколько отличный от предыдущих работ взгляд на развитие сельского хозяйства появляется в работах М. Н. Денисевича, В. П. Мотревича, Г. Ш. Илишева и др.[2]. Авторы делают выводы о полном включении колхозов в административно-командную систему управления страны, в результате чего колхозники были отчуждены от средств производства и распределения производимой продукции. Но в тоже время наблюдается значительный рост роли личных подсобных хозяйств, в том числе в послевоенный период. В последующем В. П. Мотревич продолжил изучать сельскую жизнь послевоенного Урала[3].

В переломные 1990-е гг. продолжается изучение послевоенной истории вне рамок довлеющей идеологии. В исследованиях развития сельского хозяйства особое место занимает проблема происхождения и масштабов голода 1946 – 1947 гг., который практически не изучался советскими учеными. В отечественной историографии первой половины – середины 1990-х гг. эту тему активно развивал В. Ф. Зима[4]. По его данным, от голода погибло не менее 2 млн. человек, около 4 млн. человек получили тяжелые повреждения здоровья. Среди причин голода исследователь выделил трудности послевоенных лет и крупную засуху 1946 г. Однако особое место В. Ф. Зима отвел политике государства, которая привела к изъятию продовольствия у населения, и потому называл голод 1946 – 1947 гг. рукотворным.

Впоследствии вышел в свет целый ряд публикаций, авторы которых высказали критическое отношение к тезису В. Ф. Зимы о «рукотворном голоде». В частности, исследователи И. Е. Зеленин, В. В. Кондрашин и др.

---

[1] *Крючков М. Т.* Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946 – 1958). Свердловск, 1988. С. 239.

[2] См.: *Бакунин А. В., Денисевич М. Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы развития (30 – 80-е гг.). Свердловск, 1990; *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991; *Илишев Г. Ш.* Башкирская деревня в первые послевоенные годы. 1946 – 1950. Уфа, 1988; *Мотревич В. П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). Свердловск, 1990; *Он же.* Сельскохозяйственное переселение на Урал в 40 – 50-е гг. // Современные концепции проблем истории советского Урала. Свердловск, 1990; *Он же.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики, 1941 – 1950 гг. Екатеринбург, 1993; и др.

[3] См.: *Мотревич В. П.* Развитие животноводства на Урале в 1940-е гг. // Научно-практические проблемы развития уральской деревни. Екатеринбург, 2009. С. 276 – 286; *Он же.* Сельскохозяйственное производство на Урале в 1946 – 1960 гг. // Алдамжаровские чтения – 2011. Костанай, 2011. С. 212 – 217; *Он же.* Валовая продукция сельского хозяйства на Урале в послевоенные годы // Аграрный вестник Урала. Екатеринбург, 2015. С. 36 – 40; *Он же.* Денежные доходы колхозников Свердловской области в послевоенные годы (по данным бюджетных обследований) // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений. Мичуринск, 2016. С. 72 – 75; и др.

[4] См.: *Зима В. Ф.* Голод в России 1946 – 1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35 – 52; *Он же.* Голод в СССР 1946 – 1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; и др.

считают, что В. Ф. Зима недооценивает значение и последствия военного периода и засухи 1946 г.[1]

На современном этапе развития уральской исторической науки важная роль в изучении послевоенного уральского села принадлежит Р. Р. Хисамутдиновой, которая подготовила монографию и ряд статей по данной теме[2]. Включившись в дискуссию о причинах и масштабах голода 1946 – 1947 гг., исследователь отстаивает точку зрения, согласно которой вина за ухудшение последствий природного катаклизма целиком лежит на власти: «если для областей, охваченных засухой, планы хлебозаготовок были уменьшены, то с областей вне засухи наоборот был установлен дополнительный план хлебозаготовок по постановлению Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г. Был составлен список 37 областей, краев и республик, которые, как считало правительство, имеют возможность досрочно выполнить государственный план хлебопоставок и сдать зерно сверх плана, в их числе оказались все 7 областей и автономных республик Урала»[3].

На современном этапе в своих исследованиях Р. Р. Хисамутдинова касается широкого круга вопросов, связанных с экономической и социальной сферой уральского села в послевоенный период[4]. Социально-

---

[1] См.: *Волков И. М.* Деревня СССР в 1945 – 1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С.115 – 124; *Он же.* Засуха, голод 1946 – 1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 28 – 36; *Кондрашин В. В.* Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: история и современность. Оренбург, 2007. С. 298 – 312; *Зеленин И. Е. Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946 – 1947 годов: происхождение и последствия // Отечественная история. 1997. № 2. С. 196 – 198; и др.

[2] См.: *Хисамутдинова Р. Р.* Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург, 2003; *Она же.* Проведение хлебозаготовительной кампании 1946 г. в Чкаловской области // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 1999. № 1. С. 44 – 61; *Она же.* Восстановление материально-технической базы сельского хозяйства Урала после окончания Великой Отечественной войны // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX – XX вв.: эволюции и кризисы. Оренбург, 2009. С. 380 – 385; *Она же.* Нарушения колхозного землепользования на Урале в 1940 – 1950-е // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 116 – 123; и др.

[3] *Хисамутдинова Р. Р.* Голод 1946 – 1947 годов в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 2000-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6 – 2. С. 334.

[4] См.: *Хисамутдинова Р. Р.* Осуществление «сталинского плана преобразования природы» в уральской деревне (1948 – 1953 гг.) // Новината за напреднали наука – 2013. Материали за IX международна научна практична конференция. Том. 38. История. София, 2013. С. 79 – 85; *Она же.* Засуха и голод 1946 – 1947 годов (на материалах Урала) // Голодовки в истории России XVIII – XX веков. Оренбург, 2013. С. 253 – 262; *Она же.* Нарушения колхозного землепользования на Урале в 1940 – 1950-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 116 – 123; и др.

экономическое положение послевоенного уральского крестьянства включает в сферу своих исследований Г. Е. Корнилов[1].

Развитию послевоенного уральского села и продуктовому обеспечению населения посвятил свои работы исследователь В. Н. Мамяченков[2]. В 2002 г. автор выпустил монографию, где подробно исследовал вопросы материального положения колхозников Уральского региона на примере Башкирии, Свердловской и Оренбургской областей в послевоенный период. На основе обширного массива данных бюджетных обследований исследователь провел анализ уровня доходов, расходов и потребления жителей уральского села[3]. Темой следующей его монографией стала мало разработанная проблема материальных условий жизни семей рабочих промышленности и колхозного крестьянства Свердловской области в послевоенные годы. На основе большого объема фактологического и цифрового материала автор проанализировал уровень материальной обеспеченности двух наиболее многочисленных категорий населения Среднего Урала[4].

В 2016 г. оригинальную тему исследований предложил уфимский ученый Т. Г. Мухтаров. Он сделал попытку определения наиболее важных факторов, положивших в послевоенный период начало интенсивной алкоголизации башкирского населения. В деле установление причин и механизмов алкоголизации башкир для него интересны нарративы самих баш-

---

[1] См.: *Корнилов Г. Е.* Сталинская модернизации деревни: несостоявшийся агропереход (1935 – 1953 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 125 – 144; *Он же.* Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941 – 1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 91–98; и др.

[2] См.: *Мамяченков В. Н.* Материально-бытовое положение крестьянства Урала в 40-х гг. // Урал в великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 144 – 146; *Он же.* Данные бюджетных обследований о натуральных и денежных доходах колхозников свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1998. С. 67 – 69; *Он же.* Голод в уральской деревне в первые послевоенные годы: цифры и факты // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1999. С. 207 –209; *Он же.* Кампания по борьбе с нарушениями устава сельхозартели и уровень материальной обеспеченности крестьянства Свердловской области в первые послевоенные годы // Историк и его эпоха. Тюмень, 2007. С. 302 – 304; *Он же.* Потребление непродовольственных товаров и условия жизни крестьянства Урала в послевоенный период (1946 – 1965 гг.) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Коломна, 2013. С. 673 – 678; *Он же.* Динамика и структура денежных расходов семей советских рабочих и служащих в 1946 – 1991 гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 2. С. 192 – 206; и др.

[3] См.: *Мамяченков В. Н.* Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946 – 1960). Екатеринбург, 2002.

[4] *См.: Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946 – 1953 гг.). Екатеринбург, 2009.

кир. В то же время автор считает, что важное значение имеют нарративы, охватывающие более широкие рамки и проливающие свет на процессы алкоголизации населения всей России[1].

В последние годы у региональных исследователей все больший интерес вызывает тема электрификации сельского хозяйства Урала в послевоенный период. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. к этому вопросу обратилась Р. Р. Хисамутдинова[2]. По проблеме развития сельской электрификации на Урале в 1920-е – 1953 гг. защитила кандидатскую диссертацию и опубликовала ряд статей А. П. Кузьмина[3]. Этой темы в своих исследованиях касался и В. П. Мотревич[4].

В середине 1990-х гг. появляются публикации, посвященные истории атомного проекта на Урале. Серьезный вклад в исследование проблемы внесли В. Н. Новоселов и В. С. Толстиков[5]. Первоначально их работы носили научно-популярный характер. Авторы достаточно подробно осветили процесс создания химкомбината «Маяк» в Озерске (Челябинск-40) и экологические последствия функционирования данного предприятия, опубликовали информацию о радиоактивном заражении окружающей среды на Урале.

Впоследствии В. С. Толстиков расширил исследование, посвященное экологическим последствиям аварии на химкомбинате «Маяк»[6]. Автор более подробно остановился на изучении проблемы отношения персонала к опасности ядерного производства, указал на связанный с этим рост числа профессиональных заболеваний работников и жителей города Челябинска-40 (Озерска), а также близлежащих населенных пунктов, проанализировал медико-демографическую и психологическую обстановку в пострадавших от радиации районах.

---

[1] См.: *Мухтаров Т. Г.* Факторы алкоголизации башкирского населения в послевоенный советский период: рефлексия в массовом сознании и общественной мысли // Городские башкиры: урбанизация и этничность. Уфа, 2016. С. 150 – 157.

[2] См.: *Хисамутдинова Р. Р.* Электрификация сельского хозяйства Чкаловской области в 40-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 1998. № 2. С. 107 – 112; *Она же.* Электрификация сельского хозяйства Урала в 40-е годы // История отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути, решения. Ч. 2. Оренбург, 2001. С. 139 – 147.

[3] См.: *Кузьмина А. П.* Сельская электрификация на Урале в 1920 – 1953 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Она же.* Электрификация села на Урале в 1920 – 1953 гг. // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 52 – 59; и др.

[4] См.: *Мотревич В. П.* Электрификация сельского хозяйства на Урале в 1940 – 1950-е гг. // Аграрный вестник Урала. 2013. № 5. С. 34 – 35.

[5] См.: *Новоселов В. Н., Толстиков В. С.* Тайны «сороковки». Челябинск, 1995; *Они же.* Атомный след на Урале. Челябинск, 1997.

[6] См.: *Толстиков В. С.* Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале. (1945-1998). Челябинск, 1998.

В 1999 г. вышла монография В. Н. Новоселова «Создание атомной промышленности на Урале». В своей работе автор анализирует научные, технологические и организационные предпосылки создания атомной промышленности на Урале, которые позволили в достаточно сжатые сроки построить полный цикл предприятий атомного комплекса СССР[1]. Ученый исследовал организацию системы строительства предприятий, вопросы управления строительными организациями, роль политотделов в мобилизации всех категорий трудящихся и ряд других моментов. Впервые в отечественной историографии автор проанализировал социальный состав строителей комплекса атомных предприятий.

Значимым трудом по истории атомной промышленности на Урале стала книга Е. Т. Артемова и А. Э. Беделя «Укрощение урана», где авторы осветили процесс строительства Уральского электрохимического комбината в Новоуральске (Свердловск-44)[2]. Исследователями подробно описаны этапы создания, технические и технологические проблемы, возникшие в ходе строительства и эксплуатации предприятия, его успехи. Большое место в работе занимает анализ кадровой политики предприятия (подбор, расстановка, подготовка и воспитание специалистов), трудовой дисциплины, особенностей формирования социальной инфраструктуры закрытого города, развитие культуры и т. д. Изучив внутренние и внешние факторы, влиявшие на создание и развитие атомной промышленности, исследователи справедливо полагают, что ее становление стало возможным благодаря наличию в стране мощной промышленной и технической базы, опыта строительства гигантов отечественной индустрии, значительному научному потенциалу страны и трудовому энтузиазму советского народа.

Значительный вклад в разработку темы «атомного проекта» внесли труды В. Н. Кузнецова. В публикациях ученого проанализирован процесс строительства и развития закрытых административно-территориальных образований на Урале в советский и современный период истории России. Показаны предпосылки, причины размещения, особенности организации производства и функционирования предприятий атомной промышленности на Урале. Выявлены закономерности формирования трудовых коллективов уральских предприятий, учреждений уголовно-исправительной системы, учреждений образования, властных структур. Дана оценка их вклада в строительство заводов атомной отрасли в условиях строжайшей секретности и режима сохранения государственной тайны. Особый интерес представляют исследования историка отражающие деятельность немецких ученых и специалистов в работах по реализации советского атомного проекта, раскрывающие механизм получения разведывательными

[1] См.: *Новоселов В. Н.* Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.

[2] См.: *Артемов Е. Т., Бедель А. Э.* Укрощение урана. Екатеринбург, 1999.

органами Советского Союза секретных материалов о проводимых за рубежом работах по урановой проблеме[1].

Интересные исследования в рамках обозначенной проблематики провела Н. В. Мельникова, сосредоточившая внимание на социально-психологических и коммуникативных аспектах существования закрытых городов как части российского ядерного комплекса[2].

В постсоветский период продолжают выходить работы, посвященные индустриальному развитию региона. В 2006 г. Р. Р. Басыровым была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, где автор подробно анализирует проблему создания химической промышленности в Башкирской АССР в 1930 – 1960-е гг., которая являлась составной частью территориальной модели модернизации страны[3]. Впоследствии Р. Р. Басыров продолжил изучение этого аспекта в рамках монографии[4].

За последние полтора десятилетия в регионе появилось значительное количество работ, раскрывающих особенности и этапы развития некоторых отраслей уральского военно-промышленного комплекса. Значительную часть своих исследований Вас. В. Запарий посвятил изучению послевоенного развития танковой промышленности Урала. Исследователь предложил оригинальную периодизацию истории уральского танкостроения второй половины 1940-х гг. Автор выявил и описал причины формирования производственного кризиса в танковой промышленности региона в 1946 – 1948 гг., проанализировал процесс выхода из него. Вас. В. Запарий наглядно показал связь уральской танковой промышленности с атомным проектом. Ученый отметил, что это отрицательно сказалось на разви-

---

[1] См.: *Кузнецов В. Н.* Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие. Екатеринбург, 2003; *Он же.* Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004; *Он же.* Закрытые города Урала. Исторические очерки. Екатеринбург, 2008; *Он же.* История атомного проекта на Урале. Очерки и статьи. Екатеринбург, 2009; *Он же.* Немцы в советском атомном проекте. Екатеринбург, 2014; *Он же.* Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Часть 1. Екатеринбург, 2015; Часть 2. Екатеринбург, 2016; и др.

[2] См.: *Мельникова Н. В.* Закрытый город: население и его менталитет (1950 – 1960 гг.). Екатеринбург, 2001; *Она же.* Феномен закрытого города. Екатеринбург, 2006; *Она же.* Закрытый атомный город как субкультура // Уральский исторический вестник. 2008. № 1. С. 54 – 61; *Она же.* Закрытый атомный город: особый статус и особая жизнь // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сургут, 2015. С. 410 – 421; *Она же.* Коммуникативные практики взаимодействия Уральского ядерного центра и власти // Коммуникации в мультикультурном обществе. М., 2016. С. 225 – 229; и др.

[3] См. : *Басыров Р. Р.* Создание химической промышленности в Башкирской АССР в 1930 – 60-е гг: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

[4] См.: *Басыров Р. Р.* Становление химической промышленности в Башкирии в 1930 – 1960-е гг. Стерлитамак, 2010.

тии отрасли, так как стремительное формирований атомной индустрии в послевоенный период отвлекло на себя значительную часть квалифицированных кадров и мощностей танкопрома. Исследователь представил также данные о количественном выпуске бронетанковой техники на Урале с 1945 по 1950 г. В сфере его научных интересов и социально-бытовое положение работников танковой промышленности, которое на фоне остальных промышленных отраслей региона находилось в несколько лучшем положении. Эти и другие сюжеты нашли свое отражение в монографии и серии статей автора[1].

В 2011 г. выходит монография Л. В. Шубариной «Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945 – 1965 гг.», где автор подробно описывает предпосылки создания и этапы развития оборонно-промышленного комплекса на Урале[2]. Кроме того, автор рассматривает отдельные аспекты развития военной промышленности региона[3]. Истории ракетной промышленности послевоенного Урала посвящены работы А. П. Финадеева[4].

Важным направлением изучения истории Урала в послевоенный период является социальная политика. Научные интересы Н. В. Хомяковой связаны с исследованием процессов реализации социальной политики советского государства на Южном Урале. По данной теме в 2007 г. ею была защищена кандидатская диссертация[5]. На счету ученого и целая серия статей, раскрывающих различные аспекты послевоенной государственной политики в социальной сфере (социальная защита детей, пенсионное обе-

---

[1] См.: *Запарий Вас. В.* Танковая промышленность Урала в 1940-е годы. Екатеринбург, 2015; *Он же.* Система управления предприятий танковой промышленности Урала в 1940-е гг. // История науки и техники в современной системе знаний. Екатеринбург, 2014. С. 93 – 98; *Он же.* Исторический опыт функционирования предприятий танковой промышленности на Урале в 1940-е гг. // Танкпром II. М., 2014. С. 47 – 57; *Запарий Вас. В., Мельников Н. Н.* Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. №1. С. 36 – 44; и др.

[2] См.: *Шубарина Л. В.* Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945 – 1965 гг. Челябинск, 2011.

[3] См.: Шубарина Л. В. Роль танковой и атомной отраслей промышленности в реализации атомного проекта СССР (1945 – 1954 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41. С. 73 – 79; *Она же.* Этапы формирования оборонно-промышленного комплекса Урала на базе ракетно-ядерного производства (1945 – 1965 гг.) // Армия и общество. 2010. № 1. С. 87 – 92; и др.

[4] См.: *Финадеев А. П.* Начальный этап развития ракетной промышленности на Южном Урале // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области). Челябинск, 2003. С. 279 – 284; *Он же.* Создатели ракетной промышленности на Урале // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала. Челябинск, 2004. С. 146 – 150; и др.

[5] См.: *Хомякова Н. В.* Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1945 – 1953 гг.): Дис. …канд. ист. наук. Оренбург, 2007.

спечение, медицинское обслуживание, развитие сети общеобразовательных учреждений и т.д.)[1].

В постсоветский период в рамках изучения социальной политики советского государства на Урале в послевоенный период уральские историки также активно исследовали вопросы функционирования индивидуальных хозяйств (М. Н. Денисевич)[2], проблемы развития системы здравоохранения (Т. Н. Виноградова)[3]. Р. Р. Хисамутдинова, Е. Б. Алантьева, Л. М. Семенова опубликовали ряд работ, раскрывающих особенности отмены карточной системы и проведения денежной реформы 1947 г.[4]

В первые послевоенные годы авторы работ, посвященных общественно-политической жизни страны, находились в безусловной зависимости от государственного идеологического курса[5]. В последующий период, после XX съезда КПСС, круг общесоюзных работ значительно расширяется, появляются обобщающие исследования по истории общественно-политических организаций[6]. Это дает толчок для развития региональной

---

[1] См.: *Хомякова Н. В.* Социальная защита детей, оставшихся без попечения родителей, на примере Чкаловской области в послевоенные годы. 1945 – 1953 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2004. № 3. С. 43 – 49; *Она же.* Медицинское обслуживание населения и его эффективность в первое послевоенное десятилетие (на примере Челябинской и Чкаловской областей) // История государства и права. 2007. № 2. С. 23 – 27; *Она же.* Социально-правовые аспекты организации пенсионного обеспечения на Урале в послевоенный период (1945 – 1964 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 5 (154). С. 92 – 97; Она же. Развитие социальной инфраструктуры на Южном Урале в послевоенные годы (1945 – 1953 гг.) // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Оренбург, 2014. С. 2189 – 2191; *Она же.* Развитие сети учреждений общего образования в послевоенные годы на Южном Урале // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Оренбург, 2016. С. 2290 – 2293; и др.

[2] См.: *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991.

[3] См.: *Виноградова Т. Н.* Санитарно-противоэпидемическое состояние Башкирии в 1945 – 1953 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 409 – 413; *Она же.* Оказание медицинской помощи женщинам Башкирской АССР в 1945 – 1953 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2011. № 6. С. 45 – 49.

[4] См.: *Хисамутдинова Р. Р., Алантьева Е. В*. Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 127 – 135; *Хисамутдинова Р. Р.* Проведение денежной реформы и отмена карточной системы в 1947 году (на материалах Чкаловской (Оренбургской) области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2 (10). С. 149 – 160; *Семенова Л. М.* Нарушения финансовой дисциплины в СССР (на примере проведения денежной реформы 1947 г. в Башкирской АССР) // Российский электронный научный журнал. 2013. № 5. С. 106–114; *Она же.* Из истории денежной реформы на примере БАССР // Инновационному развитию агропромышленного комплекса – научное обеспечение. Уфа, 2012. С. 158 – 159; и др.

[5] См.: *Улин В. И.* Социалистическое соревнование на предприятиях промышленности. Уфа, 1951; *Смирнов С. В.* Повышение благосостояния трудящихся. Свердловск, 1955; и др.

[6] См.: Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1961; *Алексеев Г. Л., Иванов Е. А.* Профсоюзы в период строительства коммунизма. М., 1968; и др.

историографии. Появляются работы по истории уральских партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций[1].

В течение 1970 – 1980-х гг. выходит целая серия очерков, посвященных истории региональных партийных организаций, где отражены вопросы послевоенного развития партстроительства на Урале[2].

При переходе от советского к современному историографическому периоду особое место в трудах исследователей стали занимать проблемы тоталитаризма в СССР позднесталинского периода. На уральском материале данный аспект освещался А. В. Бакуниным, выделившим в числе особенностей тоталитаризма проведение экспансионистской политики, содержание которой включало в себя и освоение труднодоступных регионов силами спецконтингента[3].

Среди исследователей Уральского региона появилась значительная группа специалистов, посвятивших свою работу изучению репрессивной политики советского государства. Вопросами законодательного обеспечения и практической реализации репрессивной политики в нижнетагильском районе в 1940 – 1950-х гг. занимается В. М. Кириллов[4]. Проблему трудового использования спецконтингента на Урале в 1940-х – начале 1950-х гг. исследовал Г. Я. Маламуд, в диссертации которого впервые представлены сводные данные по региону[5]. Исследователь И. А. Коломейский в своих работах рассматривает организацию культурно-воспитательной работы в исправительно-трудовой системе ГУЛАГа на материалах Челябинской области[6].

Н. А. Морозов выпустил ряд работ, посвященных системе ГУЛАГа в Коми АССР. В своих исследованиях автор отмечает усложнение в послевоенный период социального состава лагерей за счет советских немцев, окруженцев, пособников оккупантов, представителей депортированных народов. Он проводит анализ качественного состава заключенных как

---

[1] См.: *Саматов В. А.* Перестройка работы профсоюзов. Повышение боеспособности профсоюзных организаций (1946 – 1961) // Трудовая и общественно-политическая активность рабочего класса Урала в условиях социализма 1937 – 1975. Свердловск, 1982. С. 49 – 68; *Шпак Т. В.* Укрепление сельских профсоюзных организаций Урала в 60-е годы // Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни. Свердловск, 1985. С. 113 – 120; и др.

[2] См.: Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. Челябинск, 1977. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983.

[3] См.: *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма. Кн. 1 – 2. Екатеринбург, 1996, 1997.

[4] См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920 – 1950 гг. В 2 ч. Н. Тагил, 1996.

[5] См.: *Маламуд Г. Я.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

[6] См.: *Коломейский И. А.* Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР на территории Челябинской области (1930 – 1950-е гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

источника дешевой рабочей силы. Исследователь утверждает, что лагеря были градообразующими факторами процесса урбанизации в Коми АССР. Отмечая улучшение положения заключенных в 1947 – 1954 гг., автор вместе с тем констатирует всплеск волны массовых протестов и восстаний заключенных на территории Коми края (как и по всей системе ГУЛАГ) в послевоенный период[1].

А. С. Кимерлинг в своих исследованиях приходит к выводу, что в регионе репрессивная кампания в рамках «Дела врачей» проходила значительно более медленными темпами, которые не могут быть объяснены общей нераспорядительностью и слабой дисциплиной исполнителей. Местные власти были готовы выдать на расправу некоторых, с их точки зрения, мало ценных представителей еврейского национального меньшинства, но в то же время желали сохранить для работы нужных людей. При этом низовой антисемитизм переплетался с социальным протестом, мишенью которого была многочисленная бюрократия без всяких этнических различий[2].

Большой интерес среди исследователей вызывает проблема спецпереселенцев на Урале. Эта тема получила освещение в работах Е. В. Чупиной, Н. Н. Шитюка, В. П. Мотревича, Ю. Ю. Пажит, В. М. Кириллова и др.[3] В работах названных авторов показано юридическое положение спецпереселенцев в рамках советской правовой системы, рассмотрена их трудовая деятельность, роль и место в экономике региона, национальный, социальный и политический состав этой категории граждан.

Не менее любопытны исследования, посвященные истории пребывания военнопленных на послевоенном Урале. Наиболее широко данный аспект освещен В. П. Мотревичем, А. И. Вольхиным, Н. В. Суржиковой,

---

[1] См.: *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929 – 1956 гг.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Он же.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929 – 1956. Сыктывкар, 1997; *Он же.* ГУЛАГ в Коми АССР (30 – 50-е гг.) // Отечественная история. 1995. № 2. С.182 – 187; *Он же.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948 – 1954 годы). Сыктывкар, 1998; и др.

[2] См.: *Кимерлинг А. С.* Политическая кампания «Дело врачей» в провинции. 1953 год (на материалах Молотовской и Свердловской областей): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Она же.* Дело врачей и научная среда (по материалам Пермского архива) // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Екатеринбург, 1999. С. 49 – 51; *Она же.* Кадровый вопрос в период политической кампании «Дело врачей» // Уч. зап. гуманитарного факультета. Вып. 1. Пермь, 2000. С. 86 – 97; и др.

[3] См: *Пажит Ю. Ю.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; *Шитюк Н. Н.* Массовые выселения жителей южных областей Украины на Урал в 20-е – 50-е гг. XX века // Урал индустриальный. Екатеринбург,1999. С. 89 – 92; *Чупина Е. В.* Спецкомендатуры МВД и административный надзор за спецпереселенцами в конце 1940-х – нач. 1950-х гг. // Там же. С. 81 – 84; *Кириллов В. М.* История репрессий на Урале 1920-е – начало 50-х гг. (на материалах Нижнетагильского региона): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.

Н. Н. Макаровой[1]. На фоне показа особенностей и условий содержания военнопленных в регионе, их трудовой эксплуатации авторы поднимают серьезные морально-этические проблемы, стремятся изобразить плен как особую социокультурную реальность и вместе с тем как один из способов межэтнической и межцивилизационной коммуникации. Они рассматривают вопросы обнаружения и перезахоронения останков военнопленных, реабилитации некоторых несправедливо осужденных за военные преступления. Заслугой названных ученых является опубликование и введение в научный оборот значительного комплекса документов из архивов советских спецслужб и МВД, касающихся рассматриваемой проблемы.

В центре внимания пермских исследователей А. Б. Суслова, Л. А. Обухова находится роль и место принудительного труда в экономике страны в 1918 – 1953 гг.[2] А. Б. Суслов сосредоточил внимание на исследовании ор-

[1] См.: *Макарова Н. Н.* Военнопленные в Магнитогорске: особенности социально-бытовых условий жизни (1945 – 1950 гг.) // Российская история. 2016. № 6. С. 83 – 96; *Мотревич В. П.* Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. 1991. 31 мая; *Он же.* Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Екатеринбург, 1992. С. 85 – 87; *Он же.* Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 105 – 106; *Он же.* Военные преступники // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 122; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; *Он же.* Вопросы репатриации в СССР (на материалах Свердловской области) // Клио. 1999. № 3. С. 283 – 285; *Он же.* Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942 – 1956 гг. (по материалам Свердловской области) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 1 (234). С. 209 – 216; *Мотревич В. П., Смыкалин А. С.* Военнопленные Второй мировой войны на Урале: неизвестные страницы истории // Историк и его время. Вологда, 2010. С. 230 – 243; *Суржикова Н. В.* Из истории лагеря № 476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1996. С. 95 – 99; *Она же.* Военные преступники на Среднем Урале в 1949 – 1956 гг. // Проблемы военного плена… Ч. 2. С. 234 – 236; *Она же.* Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949 – 1956 гг.) // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1999. С. 84 – 89; *Она же.* Иностранные военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942 – 1956 гг.). Екатеринбург, 2006; *Она же.* «Мы были в шоке»: советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 132 – 143; *Она же.* «Презумпция виновности»: процессы над военнопленными и интернированными в системе сталинского правосудия конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Вестник пермского университета. Серия: История. 2010. № 1. С. 35 – 39; и др.

[2] См.: *Обухов Л. А.* История одной колонии (лесная ИТК-6. Первый кучинский период, 1946 – 1953) // Вестник пермского университета. Серия: История. 2010. № 1. С. 40 – 47; *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929 – 1953) // Годы террора. Ч. 1. Пермь, 1998. С. 169 – 229; *Он же.* Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929 – 1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 85 – 97; *Он же.* Быт спецпоселенцев в Молотовской области (1945 – 1953) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2001. № 1 – 2. С. 75 – 85; *Он же.* Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х годов // Российская история. 2004. № 5. С. 81 – 96; *Суслов А. Б., Фролова Е. С.* Трудмобилизация российских немцев на Урале в 40 – 50-е гг. XX в. вопросы историографии // Регионы в современном мире. Пермь, 2013. С. 125 – 126; и др.

ганизации трудовой деятельности спецконтингентов Пермской области в период сталинизма. Он пришел к выводу, что важнейшим критерием оценки качества управления трудовыми ресурсами для властей являлось использование мобилизационных возможностей рабочей силы, а экономическая эффективность рассматривалась как второстепенный показатель[1]. С. В. Токмянина в своем исследовании соглашается с этим тезисом. В первую очередь властью ценилась возможность беспрепятственной эксплуатации спецконтингента в любых условиях. Выполнение плановых заданий базировалось не на повышении производительности труда заключенных, а на увеличении их числа на основном производстве, вне зависимости от категории трудового использования[2].

Политические аспекты общественной жизни Башкирии в послевоенные годы отражены в трудах С. Ф. Касимова, Ш. Н. Исянгулова[3]. Повседневную жизнь городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы изучает О. Н. Туриянова[4]. Вопросами взаимоотношений власти и общества в послевоенный период занимается Р. Н. Сулейманова. В 2014 г. под ее редакцией вышел сборник документов, раскрывающий особенности взаимоотношений власти и общества послевоенного периода на примере Башкирской автономной республики[5]. Деятельность местных органов власти и государственную политику в отношении деревни на этапе послевоенного периода изучала Л. М. Семенова[6].

Еще одной, ранее, безусловно, «запретной», темой стало изучение подпольных антисоветских организаций, созданных гражданами СССР и существовавших на Урале в середине 1940-х гг. Начало этому положил В. П. Мотревич, опубликовав в 2007 г. на страницах сборника «Документ. Ар-

---

[1] *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 32 – 33.

[2] См.: *Токмянина С. В.* Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945 – 1953 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

[3] См.: *Касимов С. Ф.* Национально-государственное устройство Башкортостана в 1946 – 2000. Уфа, 2009; *Исянгулов Ш. Н.* Общественно-политическое развитие Башкирской АССР в 1945 – 1964 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006; *Он же.* Социальный протест колхозников Башкирской АССР в послевоенный период (1945 – 1953 гг.) // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Уфа, 2013. С. 238 – 243; и др.

[4] См.: *Туриянова О. Н.* Досуг городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945 – 1953 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (256). Вып. 50 (история). С. 57 – 61.

[5] См.: Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945 – 1964 гг.: на примере Башкирской АССР. Сборник документов и материалов / Под ред. *Р. Н. Сулеймановой.* Уфа, 2014.

[6] См.: *Семенова Л. М.* Деятельность местных органов власти после окончания Великой Отечественной войны // Особенности развития агропромышленного комплекса на современном этапе. Ч. III. Уфа, 2011. С. 258 – 263; *Она же.* Государственная политика в советской деревне после войны // Современный мир: экономика, история, образование, культура. Уфа, 2011. С. 222 – 225; *Она же.* Государственная политика в деревне после войны // Российское крестьянство: история, хозяйство, культура. Уфа, 2012. С. 85 – 88; и др.

хив. История. Современность» статью о деятельности нелегальной молодежной организации «Союз свободных республик»[1]. В ней на основе документов архива УФСБ рассказывается о группе молодых людей из четырех человек, создавших в середине 1940-х гг. подпольную организацию, преследовавшую весьма амбициозные цели свержения советского правительства и вооруженного захвата власти в СССР. Однако в дальнейшем эта тема не получила серьезного развития у автора.

В последнее время появились работы, раскрывающие деятельность правоохранительных органов региона по борьбе с преступностью[2]. В 2009 г. в Челябинске прошла защита кандидатской диссертации В. В. Калмыкова. В своей работе автор раскрывает деятельность южноуральской милиции в послевоенный период[3]. Развитию коррупции в послевоенной советской системе посвящена статья А. С. Кимерлинг[4].

Изучению партийно-государственной номенклатуры посвящен целый ряд работ А. В. Сушкова[5]. Историком показано противостояние между «кланами» уральских политических деятелей, их участие в репрессиях и общесоюзной борьбе за власть, стиль руководства управлением регионом. Немало внимания исследователь уделил злоупотреблениям полномочиями в среде уральских партийных элит.

Г. Н. Шапошников, рассматривая вопросы жизнедеятельности связистов Среднего Урала в четвертой пятилетке, осветил быт мелкого советского чиновника. Тем самым он положил начало изучению ранее игнорировавшейся среди уральских исследователей категории «маленьких людей»[6].

---

[1] См.: *Мотревич В. П.* О деятельности молодежной нелегальной организации «Союз свободных республик» // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 474 – 482.

[2] См.: *Мартыненко С. В., Хисамутдинова Р. Р.* Борьба правоохранительных органов Чкаловской области с послевоенной преступностью // Мы выстояли и победили. Оренбург, 2005. С. 380 – 383; *Они же*. Борьба с преступностью в Чкаловской области после окончания Великой Отечественной войны (1945 – 1953 гг.) // IX Царскосельские чтения. Том 1. СПб., 2005. С. 181 – 183.

[3] См.: *Калмыков В. В.* Милиция Южного Урала в период послевоенного восстановления народного хозяйства: Автореф. дис. … канд. ист. Наук. Челябинск, 2009.

[4] См.: *Кимерлинг А. С.* Особенности провинциальной советской коррупции в 1946 – 1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 101 – 108.

[5] См.: *Сушков А. В.* Партийно-государственная номенклатура Среднего Урала в 1945 – 1964 гг.: коллизия власти // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург. 2008; *Он же.* Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б) – КПСС (1932 – 1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937 – 1950). Екатеринбург, 2007; *Он же.* «Зальцман чувствует себя вождём». И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24. С. 78 – 90; и др.

[6] См.: *Шапошников Г. Н.* Труд и быт связистов Среднего Урала в IV пятилетке (1945 – 1950) // Индустриальная Россия. Екатеринбург, 2012. С. 378 – 386.

Первый опыт осмысления послевоенного развития отечественной культуры связан с появлением целого ряда постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, которые наложили заметный отпечаток на формирование оценок и суждений о культурных процессах второй половины 1940-х гг. Публикации, носившие иллюстративно-описательный и нередко декларативный характер, были посвящены рассмотрению основных направлений культурной жизни тех лет, неизменно заключали в себе мысль о масштабности партийного руководства культурными преобразованиями. Приведенный в работах набор фактов, как правило, служил подтверждением заранее сформулированных выводов[1].

Наряду с изданиями, претендовавшими на охват широкой проблематики, вышли в свет работы по истории отдельных сфер отечественной культуры[2]. Содержательный материал о деятельности культурно-просветительных учреждений в 1946 – 1953 гг. представлен в монографии П. И. Кабанова[3]. Интересные сведения о послевоенном развитии советского кино раскрывает серия книг, обобщивших его 30-летний путь[4]. Основные вехи истории народного образования в период позднего сталинизма отражены в изданиях, осветивших вопросы партийного руководства сферой просвещения[5]. О ключевых элементах вузовской системы тех лет повествуется в монографиях А. Я. Синецкого и С. В. Кафтанова[6].

---

[1] См.: *Кафтанов С. В.* Расцвет социалистической культуры народов СССР. М., 1947; *Жирнов В.* Культурное строительство в послевоенной пятилетке. М., 1947; *Он же.* Развитие советской социалистической культуры. М., 1952; *Абросенко Е. К.* Советская социалистическая культура – самая передовая в мире. М., 1951; *Стефановский П. Т.* КПСС за дальнейший рост культуры советского народа в годы первой послевоенной пятилетки. М., 1953; *Глушенок С. И.* Борьба КПСС за подъем культурного уровня в послевоенный период. 1946 – 1950 гг. М., 1954; *Карпов Г. Г.* О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954; *Берестнев В. Ф.* О советской социалистической культуре. М., 1954; *Грачев А. Д.* Борьба КПСС за подъем культурного уровня советского народа в годы четвертой пятилетки. М., 1955; *Ким М. П.* Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М., 1955; *Лифанов М. И.* Культурный рост советского общества. Л., 1955; и др.

[2] См.: *Вавилов С. И.* Советская наука на новом этапе. М., 1946; *Он же.* Тридцать лет советской науки. М., 1947; Русское советское искусство. 1917 – 1950 гг. М., 1954; и др.

[3] См.: *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1946 – 1953. М., 1955.

[4] См.: Вопросы киноискусства: сб. статей / Под общ. ред. *Д. И. Еремина*. М., 1949; Тридцать лет советского киноискусства. М., 1949; 30 лет советской кинематографии: сб. статей / Под общ. ред. *Д. И. Еремина.* М., 1950.

[5] См.: *Калашников А. Г.* 30 лет советского просвещения. М., 1947; *Константинов Н., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948; *Они же.* Народное образование в СССР. М., 1952; *Эфиров А.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М., 1948.

[6] См.: *Синецкий А. Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М., 1950; *Кафтанов С. В.* Высшее образование в СССР. М., 1950.

После окончания Великой Отечественной войны появляются публикации и о культурном развитии Урала в четвертой и пятой пятилетках[1]. В ряде статей и брошюр дан фрагментарный анализ состояния кинопроизводства и кинофикации[2], художественной[3] и театральной[4] жизни региона. Развитию научной мысли и вкладу ученых Урала в достижения отдельных отраслей науки посвящен монографический труд Г. И. Чуфарова и А. Н. Пятницкого, работы Н. И. Мельникова и У. С. Еникеевой[5]. Литературное творчество знаменитого уральского сказочника П. П. Бажова рассмотрено в книгах М. А. Батина и К. В. Боголюбова[6]. О пропагандистской роли региональной прессы повествует статья Е. Я. Багреева[7].

Отдавая должное авторам, сделавшим определенный вклад в становление историографии культурного развития Урала в послевоенный период, необходимо указать на слабые стороны вышеназванных работ. Наиболее явные из них – низкий исследовательский уровень, чрезмерная тенденциозность, враждебность по отношению к «буржуазной» культуре. Следует также подчеркнуть явную количественную ограниченность и содержательную бедность изданий, написанных на материалах Уральского региона.

Интерес историков к проблемам культурных преобразований заметно усилился в середине 1950-х гг., что было связано со сменой политического курса и определенным улучшением обстановки для развития гуманитарных наук. Этот импульс сохранялся вплоть до горбачевской пе-

---

[1] См.: *Казанцев Д., Толкач Л., Писарев А.* Расцвет культуры удмуртского народа // Тридцать лет Советской Удмуртии. Материалы по истории Удмуртской АССР. Вып. 14. Ижевск, 1950. С. 125 – 143; Пятницкий А. Наука, культура, искусство // В нашем краю. Статьи и очерки о Свердловской области. Свердловск, 1953. С. 101 – 136; *Боголюбов К.* Писатели нашей области // Там же. С. 136 – 151; *Павловский Б.* Изобразительное искусство // Там же. С. 152 – 166.

[2] См.: Плоды культурной революции // Уральский рабочий. 1947. 31 октября; *Лисицкий Б.* Что дала сплошная кинофикация // Уральский рабочий. 1949. 30 июня; *Матвеев Б.* По страницам киножурналов «Сталинский Урал» // Советское искусство. 1952. 21 мая.

[3] См.: *Павловский Б.* Художники на Урале. Краткий обзор работ за 30 лет. Свердловск, 1948; *Он же.* Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953; Молотовская государственная художественная галерея. Молотов, 1953.

[4] См.: *Шарц А.* Путь театра // Прикамье. 1947. № 10. С. 320 – 333; *Незнамов М.* Старейший российский театр на Урале. Чкалов, 1948; Молотовский театр оперы и балета. Молотов, 1954.

[5] См.: *Чуфаров Г.И., Пятницкий А.Н.* Вклад ученых Урала в науку. Свердловск, 1948; *Мельников Н. И.* Научная деятельность. 50 лет Уфимскому НИИ вакцины и сывороток. Уфа, 1955; *Еникеева У. С.* 50 лет Уфимскому НИИ вакцин и сывороток. Уфа, 1955; и др.

[6] См.: *Батин М. А.* Творчество П. П. Бажова. Свердловск,1953; *Боголюбов К. В*. Народный писатель. К 5-летию со дня смерти П. П. Бажова. Свердловск, 1955.

[7] См.: *Багреев Е. Я.* Печать в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки в 4 года // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск, 1950. С. 199 – 207.

рестройки, хотя и заметно трансформировался в середине 1960-х гг. Период с 1965 по 1984 г. отмечен стремительным ростом числа публикаций, а также отходом от критического анализа фактов и явлений, который отчетливо проявился на предшествующем этапе (признание огромного влияния культа личности на содержание и идейную направленность всех сфер культурной жизни первого послевоенного десятилетия).

Характерной особенностью исследований середины 1960 – 1970-х гг. являлся повышенный интерес ученых к теоретическим вопросам советской культуры (разработка понятийного аппарата, дискуссии по поводу этапов культурного строительства в СССР и их содержания и т. п.). Помимо историков к обсуждению активно подключались философы и социологи. Теоретические и конкретно-исторические разработки велись параллельно как в общесоюзном масштабе, так и на региональном уровне[1], что в некоторой мере способствовало повышению аналитичности исследований, более углубленному осмыслению культурных процессов, происходивших в послевоенное десятилетие.

Вместе с тем исследовательский вектор по-прежнему во многом определялся выходом в свет сборников директивных документов партии и правительства по вопросам культуры, очередных изданий статистических сборников по культурному строительству, «хроник» культурной жизни в СССР с их тенденциозным подбором цифр и трактовкой исторических фактов. Сохранялись значительные перекосы в оценке вклада отдельных категорий населения в социокультурные процессы советского общества в целом.

На данном историографическом этапе вышли в свет многотомные и энциклопедические изданиями по истории СССР и КПСС, где на фоне важнейших исторических событий кратко отражены некоторые культурные процессы[2]. Появились и первые обобщающие работы о развитии совет-

[1] См.: *Чуфаров В. Г.* Вопросы периодизации культурной революции в свете ленинского учения о построении социализма (на материалах Урала) // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала: сб. статей. Вып. 1. Свердловск, 1970. С. 34 – 46; Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974; *Коган Л. Н.* Культура в социалистическом образе жизни // Культура и социалистический образ жизни. Свердловск, 1980. С. 3 – 19; и др.

[2] См.: История коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах. Т. 5. Кн. 1. М., 1970; Кн. 2., М., 1980; История СССР. Эпоха социализма. М., 1973; Краткая история СССР. М., 1978; История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях. В 12-ти томах. Вторая серия. Т. X. М., 1973; Т. XI. М., 1980.

ской культуры[1], в которых имеется интересный материал по послевоенному периоду. Причем наряду с успехами культурных преобразований в них с известными допущениями говориться о трудностях, отдельных промахах и ошибках, что, безусловно, является положительным исследовательским моментом.

В подчеркнутом историко-партийном ключе написаны монография П. И. Кабанова[2], книги «КПСС во главе культурной революции СССР» и «Культурная революция в СССР. 1917 – 1965», повествующие о деятельности партии в области культуры на протяжении полувекового периода[3], а также труды, раскрывающие методы партийно-государственных органов по организации послевоенного развития целых культурных направлений (в частности, культурно-просветительной работы)[4].

Историко-педагогический характер имеют сводные работы о народном образовании[5]. На данном этапе послевоенное развитие вузовской, академической и отраслевой науки[6] позиционировалось с чередой успехов и до-

---

[1] См.: *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М., 1957; *Он же.* Советская культура. М., 1957; *Карпов Г. Г.* Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; Развитие социалистической культуры в союзных республиках / Под ред. *Г. Г. Карпова.* М., 1962; *Сабирзянов Г. С.* По законам дружбы и братства. Взаимопомощь народов СССР в культурном строительстве в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (1941 – 1950 гг.). Казань, 1974; и др.

[2] См.: *Кабанов П. И.* История культурной революции в СССР: краткий очерк. М., 1971.

[3] См.: Культурная революция в СССР. 1917 – 1965. М., 1965; КПСС во главе культурной революции СССР. М., 1973.

[4] См.: *Виноградов А. П.* Деятельность культурно-просветительных учреждений в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества (1946 – 1955 гг.). Харьков, 1969; История культурно-просветительной работы в СССР. 1917 – 1969. Ч. 2. Харьков, 1970; *Савченко А.* История культурно-просветительной работы в СССР. М., 1970; Культурно-просветительная работа в СССР. М., 1974; *Пиналов С. А.* История культурно-просветительной работы в СССР. Киев, 1983; и др.

[5] См.: *Королев Ф. Ф.* Успехи народного образования за 40 лет. М., 1957; *Киреев Н.* Народное образование в СССР. М., 1957; Национальные школы РСФСР за 40 лет: сб. статей. М., 1958; *Дейнеко М. М.* 40 лет народного образования в СССР. М., 1957; Народное образование в СССР. 1917 – 1967. М., 1967; и др.

[6] См.: *Несмеянов А. Н.* 40 лет советской науки // Вестник АН СССР. 1957. № 11. С. 17 – 35; *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд. М.-Л., 1957; *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М., 1957; *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958; *Елютин В. П.* Высшая школа страны социализма. М., 1959; *Чуткерашвили Е .В.* Развитие высшего образования в СССР. М., 1961; История Академии наук СССР. Т. 2. М.-Л., 1964; *Дедюшина Н. А.* Организация деятельности учреждений Академии наук СССР на востоке страны (1932 – 1967): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1969*; Комков Г. Д., Карпенко О. М., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук – штаб советской науки. М., 1968; Наука Союза ССР. М., 1972; *Беляев Е. А., Дубинкин В. Г.* Рост численности научных кадров в союзных республиках (1917 – 1970 гг.) // История СССР. 1972. №5. С. 109 – 124; *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М., 1979; Организация науки в Ленинграде. 1703 – 1977. Л., 1980; Советская наука. Итоги и перспективы. М., 1982.

стижений (прежде всего, в решении ядерной проблемы). Авторы демонстрировали динамичный рост сети академических учреждений и численности научных кадров, нивелируя либо вовсе опуская упоминание о многочисленных трудностях. В данной связи примечательно появление книги, обобщившей опыт изучения ресурсного потенциала, производительных сил и культуры Сибири в 1920 – 1950-е гг., в которой подробно и достаточно взвешенно освещены формы и направления академических исследований в регионе[1].

В небольших брошюрах и серьезных монографических работах по истории университетов страны прослеживается общая тенденция – стремление представить советские вузы кузницей кадров новой интеллигенции[2]. Несмотря на неполноту и неравномерность исследования отдельных звеньев образовательной системы и научной мысли послевоенных лет, вклад советских ученых в определение проблематики и выявление основных тенденций в данной сфере очевиден.

В поле зрения исследователей попадает история развития музейного и библиотечного дела (динамика роста сети, история крупнейших учреждений)[3], средств массовой информации и агитации (печать, радио, кино)[4]. Среди экономических работ, отличающихся аналитичностью содержания, интересны научные публикации, обобщившие опыт производства советских фильмов, их проката, а также организации и планирования киносети в послевоенные годы[5].

---

[1] См.: Академия наук и Сибирь. (1917 – 1957 гг.). Новосибирск, 1977.

[2] См.: История Московского университета. В 2-х т. М., 1955; Саратовский университет (1909 – 1959). Саратов, 1959; Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962; Развитие науки в Ростовском государственном университете. 1915 – 1965: сб. статей. Ростов-на-Дону, 1965; Московский университет за 50 лет. М., 1967; и др.

[3] См.: История музейного дела СССР. М., 1957; Библиотечное дело в СССР. Сб. статей. М., 1957; *Васильченко В. Е.* История библиотечного дела в СССР. М., 1958; *Соловьева А., Хейфиц М.* Материалы к истории библиотечного дела СССР (1917 – 1959). Л., 1960; *Моисеев А. М.* (Разгон А. М.) Краеведческие музеи СССР за 50 лет (1917 – 1967) // История СССР. 1967. № 6. С. 188 – 209.

[4] См.: Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма. М., 1966; Вопросы партийно-советской печати. Сб. статей. Л., 1967; *Мишурис А. Л., Кузнецов И. В.* История партийной и советской печати. М.,1968; *Глейзер М. С.* Радио и телевидение в СССР (1917 – 1963). Даты и факты. М., 1965; Искусство миллионов. Советское кино. 1917 – 1957. М., 1958; Краткая история советского кино. 1917 – 1967. М., 1969; Годы и фильмы. 1919 – 1969. М., 1970; и др.

[5] См.: *Калистратов Ю. А*. Вопросы экономики советской кинематографии: Дис. … д-ра экон. наук. М., 1956; *Он же.* Экономика производства и обращения кинофильмов в СССР. М., 1958; *Калистратов Ю. А., Анашкин А .А.* Кинопрокат и его проблемы. М., 1963; *Нашельский А. Ю., Столярова Т. А.* Экономика, организация, планирование киносети и кинопроката. М., 1964; *Горюнова Г. Н.* Пути повышения производительности труда на киностудиях художественных фильмах: Дис. … канд. экон. наук. М., 1957; *Она же.* Организация производства кинофильмов. М., 1964.

Религиозная жизнь советского общества впервые выступает объектом самостоятельного рассмотрения в работах Н. С. Гордиенко, В. А. Куроедова и Э. И. Лисавцева, отразивших положение церкви в послевоенные годы[1].

Весомым вкладом в формировавшуюся историографическую базу стало издание многотомных работ по истории отдельных направлений культуры, подготовленных коллективами специалистов преимущественно на основе нового архивного материала[2]. Эти труды содержат ценные обобщения и важные справочные данные, но в большинстве своем не воссоздают исторический процесс. Они построены на анализе деятельности отдельных учреждений, направлений литературы и искусства, а также творчества конкретных персоналий, а потому могут быть использованы как интересный и информативный источник для дальнейших обобщений и систематизации.

Приращение научных знаний о послевоенном культурном развитии интенсивно шло и на региональном уровне. В немалой мере этому способствовало появление большого количества публикаций по истории уральских городов[3], очерков о развитии областей, республик[4], партийных орга-

---

[1] См.: *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазных фальсификаций положения религии в СССР. М., 1975; *Гордиенко Н. С.* Эволюция русского православия в 20-е – 80-е годы XX века. М., 1984; *Куроедов В. А*. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984.

[2] См.: Очерки истории советского кино. В 3-х т. / Под ред. *Ю. С. Калашникова* и др. Т. 2 – 3. М., 1959 – 1961; История русской советской музыки. В 4-х т. Т. 4: 1946 – 1958 гг. М., 1963; История русской советской литературы. В 4-х т. М., 1967 – 1971; История советского кино. 1917 – 1967. В 4-х т. М., 1969 – 1978; История русского советского драматического театра. В 6 т. М., 1966 – 1971; История музыки народов СССР (1917 – 1958). М., 1973; Из истории русской советской музыки. Вып. 1 – 3. М., 1971 – 1978; и др.

[3] См.: Челябинск (К 220-летию города). Б.и., 1956; *Жданов А. Ф.* Березники – город уральских химиков. Пермь, 1956; *Неверов Л. П.* Свердловск. Свердловск, 1956; *Дорофеев С. К.* Губаха – город угля, химии и электроэнергии. Пермь,1957; Шадринск за 40 лет советской власти. Б.и., 1957; Пермь / Ред.-сост. *М. Г. Гуревич.* Пермь, 1957; *Панов П. Г.* Свердловск в настоящем и будущем. Свердловск, 1958; Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958; *Тахаев Х. Я.* Уфа – столица Башкирской АССР. Уфа, 1961; *Лапин Н., Горелов В., Курочкин А., Минский А.* Триста лет Кургану (1662 – 1962). Курган, 1962; и др.

[4] См.: Челябинская область за 40 лет советской власти. Челябинск, 1957; Советская Башкирия. Исторические очерки. Уфа, 1957; Пермская область. Природа. История. Экономика. Культура. Пермь, 1959; 40 лет Удмуртской АССР. Ижевск, 1960; Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1 – 2. Ижевск, 1958 – 1962; Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. (Советский период) / Отв. ред. В.П. Иванков. Уфа, 1966; Очерки истории Курганской области. Курган, 1968; и др.

низаций[1], а также обобщающих трудов по истории региона[2]. Ввиду своего комплексного характера указанные издания лишь в общих чертах касались вопросов культуры. По степени информативности к ним примыкают отдельные статьи в сборниках, посвященных деятельности партийных и советских органов по руководству народным хозяйством и культурным строительством на Урале[3].

На обозначенном этапе региональная историография пополнилась первыми исследованиями, обобщившими послевоенный опыт культурного строительства в ряде областей и республик Урала[4]. В них рассматриваются общие тенденции и региональная специфика осуществления образовательного процесса, развития профессионального искусства, расширения деятельности культурно-просветительных учреждений, рост научных центров региона.

Заметным вкладом в историографию проблемы стало появление монографий, посвященных отдельным культурным отраслям. В. Г. Боброва, Г. Д. Фролова, А. П. Обухов, К. А. Пономарев, С. Р. Алибаев и Ф. Х. Мустафина подробно исследовали систему народного просвещения Удмуртской и Башкирской АССР, показали, как шел процесс совершенствования

---

[1] См.: Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973; *Бакунин А. В.* Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. Свердловск, 1974; Очерки истории Курганской областной организации КПСС. Курган, 1977; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Оренбург, 1973; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС, 1917 – 1977. Челябинск, 1977; Пермская областная организация КПСС, 1883 – 1980: Хроника. Пермь, 1981; и др.

[2] См.: История Урала: в 2-х т. Период социализма. Т. 2. Пермь, 1965; История Урала. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 2. Пермь, 1977.

[3] См.: *Плотников М. Ф.* Подъем культуры на селе // Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период крупного подъема сельского хозяйства (1953-1958 гг.). М., 1961. С. 417 – 479; *Олин В. М.* Работа Челябинской и Оренбургской областных партийных организаций по развитию и укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений (1946 – 1952) // Деятельность партийных организаций Урала по руководству народным хозяйством и культурой в условиях социалистического общества. Свердловск, 1976. С. 23-29; *Сайранов Х. Г.* Культурные преобразования в Башкирии в период социалистического строительства (1917 – 1958 гг.) // Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. Уфа, 1979. С. 34 – 52; *Павлов А. С.* Социально-культурная деятельность местных Советов (1946 – 1961 гг.) // Местные Советы – органы народовластия. М., 1983. С. 45 – 59.

[4] См.: *Ябров И. М.* Культурное строительство. Пермь, 1957; *Кузыев Р. У.* Культурное строительство в Башкирской АССР в 1946 –1955 гг. Уфа, 1957; *Он же.* Культурное строительство в Башкирской АССР в годы четвертой пятилетки (1946 – 1950 гг.). Уфа, 1958; *Сайгин Н. И.* Расцвет социалистической культуры Оренбургской области. Оренбург, 1959; *Трефилов Г. Н.* К вершинам культуры. Ижевск, 1964; Культурная революция на Урале. Свердловск, 1966; Культурная революция в Удмуртии. Ижевск, 1970; *Гусев В. Г.* Развитие культуры удмуртского народа. Ижевск, 1971; *Кузнецов П. К.* Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975; Культура и быт башкир. Сб. статей. Уфа, 1978; и др.

учебно-воспитательной деятельности школ и постепенный переход ко всеобщему среднему образованию в республиках[1]. Однако подобных работ на материале сопредельных территорий создано не было. Их отсутствие частично восполняют научные статьи ряда авторов[2], а также диссертационное исследование Н. Ф. Муравьевой[3], в котором проанализирован процесс послевоенного развития и укрепления материальной базы и кадрового обеспечения школьной сети Свердловской и Челябинской областей. Ученый приходит к выводу, что успехи, достигнутые по этим направлениям в годы четвертой пятилетки, явились фундаментом, обеспечившим «восстановление семилетнего всеобуча в последующий период и создание условий для постепенного перехода ко всеобщему среднему» образованию. Во всех вышеназванных работах отмечалось, что осуществлению Закона о всеобуче в значительной мере способствовала активная шефская помощь школе со стороны рабочих, колхозников и служащих Урала, поскольку интенсификация школьного строительства во многом велась не просто силами данных категорий, но и на средства их «самообложения».

Еще один аспект, который исследовался в регионе на данном историографическом этапе – это оживление пионерского движения, решение проблем управления школой, трудового воспитания и политехнического обучения школьников в послевоенные годы (создание кружков юннатов и пришкольных участков, тимуровских команд, работа учащихся на учебно-опытных станциях и т. д.)[4]. Авторы стремились оценить роль школы в подготовке специалистов различных отраслей хозяйства и общую эффективность народного образования.

---

[1] См.: *Боброва В. Г.* Становление советской школы в Удмуртии. Ижевск, 1967; *Фролова Г. Д.* Из истории Удмуртской школы. Ижевск, 1971; *Обухов А. П.* Народное образование в Удмуртской АССР. 1917 – 1970 гг. Ижевск, 1975; *Пономарев К. А.* Ко всеобщему среднему. Ижевск, 1975; *Мустафина Ф. Х.* Развитие всеобщего среднего образования в БАССР в 1917 – 1978 гг. Уфа, 1979; *Алибаев С. Р.* Школы Башкирской АССР. Прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития. Уфа, 1966.

[2] См.: *Кузьмин Н. Н.* Развитие народного образования на территории области в 1917 – 1967 гг. // Народное образование в Курганской области за 50 лет советской власти. Курган, 1967. С. 19 – 50; *Он же.* Развитие народного образования в Курганской области (1943 – 1966) // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968. С. 489 – 494; *Цыпина З. Д., Гришанов П. В.* Деятельность партийных организаций Свердловской и Пермской областей по расширению сети общеобразовательных школ в 1952 – 1958 гг. // Партийные организации Урала во главе хозяйственного и культурного строительства. Свердловск, 1974. С. 99 – 108.

[3] См.: *Муравьева Н. Ф.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию общеобразовательной школы в годы четвертой пятилетки (на материалах партийных организаций Свердловской и Челябинской областей): Дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1978.

[4] См.: *Миркина Г. Л.* Вопросы идейно-политического воспитания учащихся // Народное образование в Курганской области… С. 78 – 100; *Сазонов А. Д.* Трудовое воспитание школьников // Там же. С. 101 – 136; *Захаров М. Г.* Проблемы управления школой // Там же. С. 171 – 198.

Развитию высшего школы на Урале посвящены соответствующие разделы монографии А. И. Деменева и Н. С. Добровольского[1], а также очерков по истории уральских вузов[2]. В указанных работах отражены важнейшие события, связанные с развитием высшей школы региона, ее материальное и кадровое обеспечение, содержание научно-педагогической деятельности вузов. Попытка определить уровень преподавания общественных наук в институтах Свердловска в годы четвертой пятилетки предпринята Л. П. Мироновой[3]. Вместе с тем на данном историографическом этапе вопросы послевоенного средне-специального образования на Урале за исключением нескольких сводных трудов и публикации А. Ф. Прокладовой[4] в литературе не рассматривались.

Исследовательский потенциал различных научных подразделений, их связь с производственной сферой, а также история изучения природных ресурсов региона отражены в ряде изданий[5]. Особенно подробно проанализирован опыт функционирования научных учреждений медицинского

---

[1] См.: *Деменев А. И., Добровольский Н. С.* Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958.

[2] См.: *Горловский М. А., Чуфаров В. Г.* Уральский университет (краткий исторический очерк) Свердловск, 1956; *Шерстенников Н. А.* Башкирский медицинский институт им. XV-летия ВЛКСМ (1932 – 1957 гг.). Краткий очерк, 1959; *Главацкий М. Е.* Уральский государственный университет. Свердловск, 1960; Пермский педагогический институт. 40 лет. Исторический очерк. Пермь, 1961; Пермский государственный университет имени А.М.Горького. Исторический очерк (1916 – 1966). Пермь, 1966; Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967; 50 лет Свердловскому горному институту им. В.В. Вахрушева, первому техническому ВУЗу на Урале. 1917 – 1967. М., 1967; *Бахтизин Н. Р., Богданова Р. А.* Кузница сельскохозяйственных кадров. Уфа, 1972; Уфимскому нефтяному институту 20 лет / Под ред. *В. Л. Березина.* Уфа, 1968; Уфимскому нефтяному институт 25 лет / Под ред. *З. С. Сюняева.* Уфа, 1973; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, 1980; *Гелынтейн М. Я., Коротков Н. Р., Сорина Р. М.* Уфимскому ордена Ленина Авиационному институту им. Серго Орджоникидзе – 50 лет: Очерк истории. Уфа, 1982; и др.

[3] См.: *Миронова Л. П.* Деятельность Свердловской партийной организации по совершенствованию преподавания общественных наук (1946 – 1950) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978. С. 95 – 98.

[4] См.: *Прокладова А. Ф.* Развитие специального среднего и высшего образования и научных учреждений в Удмуртии // Победа Октябрьской революции на Урале… Свердловск, 1968. С. 503 – 507.

[5] См.: *Куроедов В.* Партийные организации и научные учреждения. М., 1956; Связь науки с производством в социалистическом обществе. Сб. статей. Свердловск, 1956; *Трофимук А. А.* Урало-Поволжье – новая нефтяная база СССР (история открытия, состояние, перспективы). М., 1957; Пермский сельскохозяйственный институт им. Д. Н. Прянишникова. Пермь, 1958; *Тахаев Я. Х.* Природные условия и ресурсы Башкирской АССР: Экономико-географическая характеристика. Уфа, 1959; *Саяхов Ф. Л.* Из истории создания научных учреждений и вузов в Башкирской АССР // Из истории социалистического строительства в республиках РСФСР. Учен. зап. Башк. ун-та. Уфа, 1973. Вып. 70. С. 5 – 19; Развитие науки в Удмуртии: Технические и естественные науки. Ижевск, 1977.

профиля[1], а также становления и развития нефтехимии на Южном Урале[2]. Послевоенные достижения естественных, технических и гуманитарных наук, их внедрение в народное хозяйство и культуру на территории Башкирской АССР достаточно полно освещены учеными республики в юбилейных коллективных трудах[3]. Во всех перечисленных работах прослеживается сугубо прагматичный подход к науке, при котором последняя рассматривалась в качестве «служанки производства», а ее развитие привязывалось к решению народнохозяйственных задач. Вопрос о самоценности научного познания, его внутренних законах и логике уводился на второй план либо вовсе не ставился.

Определенные успехи были достигнуты уральскими исследователями в изучении истории национальной литературы и ее жанров[4]. Отдельно следует отметить первый коллективный труд, подготовленный творческим союзом писателей и научных сотрудников Удмуртского НИИ[5]. В нем подведены итоги 40-летнего пути удмуртской литературы. Глава пятая содержит критический анализ основных тенденций послевоенного развития национальной прозы, поэзии, драматургии, творчества детских авторов. В книге имеются ссылки на первоисточники, что повышает ее научную составляющую. Однако наличие тенденциозных посылов в критике авторов несколько снижает общее положительное впечатление от данной работы.

В некоторой мере исследователям удалось преодолеть наметившийся ранее «перекос» в изучении культурных процессов города и деревни. Серьезное внимание вопросам культурного строительства на селе в первые послевоенные годы уделено в монографических трудах Г. Ш. Илишева и Р. П. Толмачевой[6]. Культурно-просветительная работа как одна из форм

---

[1] См.: *Кулагина А. А., Мухаметова Г. М., Карамова Л. М., Камалов М. Х.* История развития здравоохранения и медицинской науки в Башкирской АССР (1917 – 1980 гг.). Уфа, 1981; *Кулагина А. А.* Развитие медицинской науки в Башкирской АССР. Уфа, 1989; и др.

[2] См.: *Рафиков С. Р.* Нефтехимические исследования в Башкирии // Вестник Академии наук СССР. 1972. № 12. С. 60 – 69; *Насыров И. И.* В борьбе за большую нефть. Уфа, 1959; *Никифоров Ю. Н.* Шаги нефтехимии республики: историко-партийный очерк. Уфа, 1974; Люди. Годы. Нефть: Коллективный рассказ о пути, пройденном нефтяниками республики за пятьдесят лет. Уфа, 1982.

[3] См.: Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969; В научном поиске. К 50-летию Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1982.

[4] См.: Очерки истории башкирской советской литературы. Ч. 2. Уфа, 1966; История башкирской советской литературы / Сост. *Л. И. Залесская, Г. Б. Хусаинов.* М, 1977; Писатели Советской Башкирии. Уфа, 1981; Поэты Советской Башкирии. Уфа, 1975; *Ермакова Ф. К.* Путь удмуртской прозы. Ижевск, 1975; *Зуева А. С.* Поэтика удмуртского романа. Ижевск, 1976; *Богомолова З. А.* История удмуртского романа. Ижевск, 1977.

[5] См.: Очерки по истории удмуртской советской литературы. Ижевск, 1957.

[6] См.: *Илишев Г. Ш.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946 – 1970 гг.). Саратов, 1982; *Он же.* Башкирская деревня в первые послевоенные годы (1946 – 1950 гг.). Уфа, 1988; *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в послевоенные годы (1946 – 1950). Томск, 1979; *Она же.* Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981.

помощи и шефства рабочих над колхозным крестьянством представлена в статье А. М. Янгалина[1].

Среди работ, раскрывающих процесс функционирования уральской киноотрасли, большинство публикаций обращено к рассмотрению кинопроизводства в регионе. Сведения о трудностях кинофикации и радиофикации Южного Урала в послевоенные годы даны на страницах «Ученых записок» ОГПИ[2]. М. И. Шифриным показана роль личностного фактора, проблемы кинорепертуара и культурно-массовой работы со зрителем в ходе проведения сплошной кинофикации Свердловской области[3].

Вместе с тем на региональном уровне еще не появилось серьезных монографических исследований, представивших объектом специального изучения сами очаги культурной жизни города и деревни (клубы, библиотеки, избы-читальни, хаты-лаборатории, музеи, кинотеатры и т. д.), несмотря на их немалую роль в повседневном досуге населения СССР. Публикации, затрагивающие данную тематику, содержат отрывочные сведения и не позволяют установить общерегиональные тенденции[4]. Несколько более подробное рассмотрение в советский историографический период получила история провинциальных театров. Однако сделано это главным образом за счет публикаций искусствоведческого и мемуарного характера[5]. Развитие уральской музыки и живописи в послевоенные годы также осве-

---

[1] См.: *Янгалин А. М.* Шефство рабочего класса Башкирии над колхозной деревней в первые послевоенные годы // Из истории рабочего класса Башкирской АССР. Уфа, 1967. С. 46 – 52.

[2] См.: *Шишков Б. Ф., Щетинина Т. А.* Деятельность партийных организаций Южного Урала по дальнейшему развитию и совершенствованию радио, кино и телевидения (1946 – 1965 годы) // Ученые записки ОГПИ им. В.П. Чкалова. Вып. 26. Оренбург, 1968. С. 143 – 151.

[3] См.: *Шифрин М. И.* Вчера и сегодня Свердловского кинематографа. Свердловск, 1967.

[4] См.: *Бикбулатов М. Т.* Финансы и хозяйственно-культурное строительство в Башкирской АССР (1917 – 1967 гг.). Уфа, 1968; Исследование и планирование развития духовной культуры трудящихся Урала. Свердловск, 1975; *Саяпов Т. Ш.* Ленинский комсомол Башкирии. Исторический очерк. Уфа, 1978; *Панина Т. С.* Оренбургский областной краеведческий музей. Оренбург, 1981; *Болтушкин В. В., Ганеев Р. Г.* Развитие культуры в Уфе (1946 – 1980). Уфа, 1981.

[5] См.: *Панфилов А. П.* Основные этапы развития Свердловского государственного драмтеатра. 1930 – 1950. Свердловск, 1956; *Он же.* Драматические театры области. Свердловск, 1957; *Он же.* Свердловский драмтеатр. Свердловск, 1957; *Он же.* Театральное искусство Урала. 1917 – 1967 гг. Свердловск, 1967; *Курочкин Ю.* Из театрального прошлого Урала. Заметки собирателя. Свердловск, 1957; Чкаловский областной драматический театр имени М. Горького. Чкалов, 1957; *Волков – Кривуша С. В.* Русский театр в Уфе. Исторический очерк. Уфа, 1959; Любимые актеры. Челябинск, 1966; *Краснянский Э. Б.* Встречи в пути. Страницы воспоминаний. Театр. Эстрада. Цирк. М., 1967; Башкирский государственный академический театр драмы / Сост. *В. Г. Галимов, С. С. Саитов.* Уфа, 1969; *Келлер И. И.* Пермский ордена Трудового Красного Знамени государственный академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского. Пермь, 1971; и др.

щалось в работах преимущественно искусствоведческого жанра[1]. «Узким местом» в изучении культурных преобразований на Урале послевоенных лет по-прежнему являлись проблемы развития религии.

Из представленного обзора следует, что история развития культуры во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. в масштабах всего Уральского региона не становилась темой специального исследования. Многие аспекты культурной жизни тех лет в советской историографии рассматривались вскользь. Послевоенное десятилетие в трудах большинства авторов нередко выглядело как некий транзитный отрезок маршрута, не требующий специальной остановки. От подробного изучения культурных преобразований первых послереволюционных лет, периодов индустриализации и коллективизации, Великой Отечественной войны исследователи 1950 – 1980-х гг. зачастую переходили к констатации актуальности и практической значимости разработки текущих культурных проблем и перспектив развития, ограничивались приведением итоговых (за 30, 40, 50 лет советской власти и т. д.) данных о свершениях и достижениях в ее различных сферах[2].

Даже на завершающем этапе первого историографического периода в оценках советских исследователей присутствовала формировавшаяся годами традиция. Декларируя успехи культурной революции государства, авторы публикаций подчеркивали невиданно короткие сроки ликвидации неграмотности населения благодаря созданию новой, социалистической по своей сути, системы народного образования; указывали на решительное преодоление культурного разрыва между городом и деревней; отмечали положительные количественные и качественные изменения в развитии науки, литературы и искусства, а также достижения в подготовке кадров советской интеллигенции и т. д. Превалировало мнение, что главным результатом всех предпринимаемых усилий в комплексе стало создание самой передовой в мире социалистической культуры и появление нового советского человека (активного строителя коммунистического общества).

Более 40 лет действовала неизменная в своих основаниях схема представления и интерпретации фактов и процессов культурной жизни советского общества, накладывавшая отпечаток на содержание публикаций,

---

[1] См.: *Павловский Б. В.* Художники Свердловска. Свердловск, 1960; *Голубкова А.* Музыкальная культура советской Удмуртии (1917 – 1967). Ижевск, 1978; *Губайдуллин Н. Ш.* История башкирской советской музыки: Дис. ... канд. искусств. Уфа, 1968; *Фоменков М. П.* Башкирская народная песня (жанр, формы, средства музыкальной выразительности): Автореф. дис. ... канд. искусств. М., 1978; *Червонная С. М.* Живопись автономных республик РСФСР (1917 – 1971). М., 1978; *Попова Л. Н.* Живопись Советской Башкирии: Автореф. дис. ... канд. искусств. Л., 1976; и др.

[2] См.: *Городничев Н. П., Дьяков А. Я.* Успехи в развитии экономики и культуры Башкирской АССР за 40 лет. Уфа, 1959; Башкирия за полвека. Уфа, 1969; Пермская область в цифрах и фактах: Прикамье за 70 лет Советской власти. Пермь, 1987; и др.

определявшая рамки научных изысканий. На наш взгляд, утверждение Г. А. Янковской, высказанное в отношении работ 1950 – 1970-х гг. об изобразительном искусстве эпохи сталинизма, справедливо для оценки историографической ситуации в целом, поскольку от публикаций тех лет «бесполезно ожидать свободную полемику <…> или искать ответы на вопросы о художественном культе Сталина, о судьбах репрессированных мастеров культуры, об истории союза художников, о художественной повседневности». Утвердившаяся практика стала постепенно меняться лишь в ходе разрушения советской цензуры – во второй половине 1980-х гг.[1] Тем не менее, следует подчеркнуть значительные заслуги советских исследователей в обобщении обильного фактического материала, формировании и расширении проблемного поля изучения культурного развития Уральского региона в послевоенный период.

События «перестройки», утверждение атмосферы гласности закономерно изменили отношение специалистов к рассматриваемой проблематике, дав возможность широко использовать архивный материал, по-новому трактовать события прошлого. Под прицелом критиков послевоенной культурной политики Советского государства оказался идеологический диктат сталинской эпохи и его противопоставление свободной природе творческого труда.

На данном этапе постепенно утрачивается благоговейное отношение к коммунистической идеологии. Но одновременно зарождается концептуально-методологический хаос, обусловивший потерю четких ориентиров интеллектуальной деятельности, одним из результатов которого стало возникновение перехлестов в оценке сталинского периода.

В это время как в общесоюзном масштабе, так и на региональном уровне было создано лишь несколько исследовательских работ, которые помогли принципиально продвинуться в осмыслении вопросов культурного развития послевоенных лет[2]. Особо следует отметить аналитический труд А. И.

---

[1] См.: *Янковская Г. А.* Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. 2007. Выпуск 3 (8). Серия «История и политология». С. 128 – 136.

[2] См.: *Дмитриев Ю. А., Хайченко Г. А.* История русского и советского драматического театра (от истоков до современности). М., 1986; Культура в советском обществе. М., 1988; *Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г. М., 1988; *Мотревич В. П.* Деятельность профсоюзов по улучшению культурно-бытовых условий работников совхозов Урала в послевоенные годы // Развитие культуры уральской советской деревни (1917 – 1987 гг.). Свердловск, 1989. С. 76 – 85; *Жидков В. С.* Культурная политика и театр. М., 1989; Вопросы культурного строительства в Башкирской АССР (1917 – 1985 гг.). Межвузовский научный сборник. Уфа, 1989; *Каримов К. К.* Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа, 1986; Композиторы и музыковеды Советской Башкирии. Уфа, 1987; *Соскин В. Л.* Сибирь. Революция. Наука. Новосибирск, 1989; *Этингер Я. Я.* «Дело врачей» и судьба одной семьи // Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 126 – 129; 40 лет академической науке в Башкирии: история, филология. Уфа, 1991; *Главацкий М. Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.

Труся, посвященный проблемам советского высшего технического образования[1]. С критической позиции в монографии представлены противоречия, ошибки и трудности в деле руководства высшей школой. Автор приходит к выводу, что чрезмерная регламентация жизни учебных заведений блокировала творческую инициативу и активность научно-педагогических кадров. Аналогичное заключение о послевоенном развитии советской науки делает Г. А. Лахтин, подчеркивая, что партийно-государственная монополия препятствовала свободному и динамичному росту научной мысли[2]. Ощутимый вклад в раскрытие табуированных ранее вопросов взаимодействия государства и церкви на данном историографическом этапе привнесен Н. С. Гордиенко, Ю. А. Калининым, Н. П. Красниковым[3].

В целом следует подчеркнуть, что большинство трудов второй половины 1980-х гг., несмотря на некоторое расширение предметного поля исследования, не отличалось новизной подачи материала, во многом продолжая традиции предшествующего историографического этапа. Так, появилась новая академическая история удмуртской советской литературы, где поступательный процесс развития национальной художественной мысли представлен как составная часть многонациональной культуры СССР[4]. В двухтомнике имеется глава «Удмуртская литература послевоенного десятилетия», что свидетельствует о традиционном подходе: литературные вехи совпадают с этапами общественно-исторического развития. В издании сохранен принцип очерковости, препятствующий пониманию полноты литературного процесса.

Вместе с тем поступательное движение в развитии научной мысли продолжалось. Именно последующий период стал наиболее продуктивным с точки зрения прироста знаний, достижения глубины осмысления и интерпретации культурных процессов. Кардинальная смена ценностных ориентиров способствовала заметному расширению методологического инструментария исследований. Сложилась ситуация, когда сочетание и конкуренция различных подходов препятствуют однобокости и тенденциозности суждений, обеспечивают всесторонность и комплексность рассмотрения тех или иных событий прошлого.

В постсоветское время появилось немало трудов, характеризующихся усилением информативности, методологической стройностью, высоким

---

[1] См.: *Трусь А. И.* Техническая школа в условиях упрочения социализма (1938 – 1958). М.,1989.

[2] См.: *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М.,1990.

[3] См.: *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л., 1988; *Калинин Ю. А.* Модернизм русского православия. Киев, 1988; *Красников Н. П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988; Русская Православная Церковь. 988 – 1988. Очерки истории. 1917 – 1988. М., 1988.

[4] См.: История удмуртской советской литературы. В 2-х т. / Отв. ред. *В. М. Ванюшев.* Ижевск, 1987 – 1988.

уровнем обобщения, что формирует углубленное представление о той обстановке, в которой протекала послевоенная культурная жизнь. При этом наблюдается отход от упрощенных однозначных трактовок социокультурных явлений и процессов. На современном этапе интерес значительной части историков концентрируется вокруг жизни и деятельности человека творческого труда в рамках советской социалистической системы. Большое внимание ученые уделяют изучению влияния идеологических кампаний, репрессивных методов руководства культурной сферой, а также ответным реакциям и поведенческим практикам представителей творческой интеллигенции.

Сущность взаимоотношений художественной интеллигенции и власти в первой половине 1950-х гг. раскрывается в монографии М. Р. Зезиной[1]. Е. С. Громов анализирует культурные предпочтения и вкусы И. Сталина, смысл и последствия сталинских методов руководства литературой и искусством[2]. Борьба с антипатриотизмом-космополитизмом в послевоенной отечественной науке показана А. С. Сониным[3]. Акцент на идеологической кампании послевоенных лет и ее определяющем влиянии на развитие различных сфер советской культуры присутствует в трудах Е. Ю. Зубковой, А. В. Пыжикова, А. А. Данилова, В. Г. Сизова, Г. В. Костыченко, В. Д. Есакова, Е. С. Левиной, Л. И. Пыстиной, В. Л. Соскина, Е. И. Самарцевой, В. Я. Александрова и др.[4] В названой литературе выявляются стратегии

---

[1] См.: *Зезина М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 60-е гг. М., 1999.

[2] См.: *Громов Е.* Сталин: власть и искусство. М., 1998.

[3] См.: *Сонин А. С.* Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.

[4] См.: *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945 – 1953. М., 1993; *Она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М., 1999; *Она же.* Общественные настроения в послевоенной России, 1945 – 1953: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; *Пыжиков А. В., Данилов А. А.* Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953. М., 2002; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929 – 1966). М., 1993; Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996; *Шноль С. Э.* Герои и злодеи российской науки. М., 1997; *Сизов В. Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2001; *Костырченко Г. В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997. С. 90 – 149; *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело «КР». Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001; *Пыстина Л. И.* Проблема изучения научной интеллигенции в послевоенные годы (идеологические кампании 1940-х гг.) // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993; *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Из записок современника. СПб., 1992; *Мирский М. Б.* Процессы «врачей-убийц». 1929 – 1953 // Вопросы истории. 2005. №4. С.83 – 92; *Самарцева Е. И.* Интеллигенция России в Отечественной историографии (1917 – 90-е гг. XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Тула, 1999; *Соскин В. Л.* В ракурсе личной судьбы: материалы по истории советской интеллигенции (1920 – 1950-е годы). Новосибирск, 2013.

выживания советской интеллигенции в условиях безраздельного господства партийно-государственного заказа. Серьезные препятствия в развитии интеллектуальной и творческой деятельности объясняются искаженным пониманием ее сущности и роли в социалистическом обществе.

Ценный историографический пласт составляют труды об отечественном кино, в которых особенно выразительно представлены трудности и противоречия послевоенного киноискусства, специфика и содержание периода «малокартинья»[1]. В последние годы появляются и комплексные исследования, выполненные на стыке различных областей знаний (культурологии, социологии, антропологии, истории и философии)[2]. Среди подобных работ следует выделить монографию Е. А. Добренко, в которой анализируются механизмы создания исторических мифов сталинской эпохи в кино и литературе, а содержание фильмов рассматривается с точки зрения заложенных в них идеологических образов и канонов[3].

В ситуации «визуального поворота» современных исследований актуализируется проблема использования аудиовизуальных источников для изучения позднесталинского периода. Происходит осознание глубинного потенциала игрового кино в раскрытии целого пласта социокультурных особенностей развития советского общества, который не доступен для осмысления с опорой на традиционные письменные источники. В этой связи, интересен опыт Т. Дашковой, анализирующей процесс формирования посредством сталинского кинематографа 1930 – 1950-х гг. образцов для подражания и стереотипов поведения в таких, казалось бы, «неполитических» сферах, как любовь и быт. Автор, в частности, показывает, как в позднесталинский период игровое кино конструирует желательный тип взаимоотношения полов[4].

Обращаясь к образам И. Сталина в изобразительном искусстве, выраженным через различные «артефакты культа» (статуи, бюсты, плакаты,

---

[1] См.: *Юренев Р. Н.* Краткая история киноискусства. М., 1997; История страны. История кино / Под ред. *С. С. Секиринского*. М., 2004; Первый век нашего кино. Фильмы. События. Герои. Документы. Энциклопедия. М., 2006; История отечественного кино / Под ред. *Л. М. Будяк*. М., 2005; *Зоркая Н. М.* История советского кино. СПб., 2006.

[2] См.: *Грановская О. В.* Социокультурные проблемы управления и организации отечественной кинематографии. Советский период: Дис. … канд. культурологии. М., 2003; *Шестакова И. В.* Социокультурная детерминация функционирования кинематографа в России и на Алтае: Дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2006; *Еланская С. Н.* Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: Дис. … канд. философ. наук. Тверь, 2007; *Лубашова Н. И.* Кинематография России XX в.: культурологический аспект: Автореф. дис. … д-ра культурологи. Краснодар, 2007; и др.

[3] *Добренко Е.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2009.

[4] См.: *Дашкова Т.* Телесность – идеология – кинематограф: визуальный канон и советская повседневность. М., 2013.

рисунки и т. д.), Я. Плампер исследует «внутреннюю кухню» производства культа личности «вождя народов» от его зарождения до апогея. Ученый приходит к выводу, что в СССР никогда не существовало специального «ведомства, которое можно было бы назвать «Министерством культа Сталина»; создание культа осуществлялось силами бесчисленных индивидуальных и институциональных акторов в условиях их непрерывной борьбы за власть». При этом роль арбитра и «финального фильтра артефактов» выполнял сам И. Сталин[1].

Заметной тенденцией среди современных исследователей становится уход от мелкотемья, тяготение к многогранной репрезентации и стремление вписать культуру сталинской эпохи в общий контекст социальной, интеллектуальной и политической истории советского общества. В этом отношении примечательны работы уральского историка Г. А. Янковской, которая анализирует различные стороны социальных и институциональных аспектов системы изо-искусств, в том числе и на этапе позднего сталинизма[2], не обходя вниманием локальный уровень развития художественной жизни в советской провинции[3].

В современных исследованиях отечественного образования и науки также присутствует более взвешенная интерпретация тенденций послевоенных лет, тяготение к постижению советской ментальности, определявшей расхождения официальных установок и их практической ре-

---

[1] См.: *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / Пер. с англ. *Н. Эдельмана.* М., 2010.

[2] См.: *Янковская Г. А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007; *Она же.* Парадоксы советской художественной культуры эпохи «большого стиля» // Вестник Пермского университета. Серия «История». 1999. Вып. 4. С. 14 – 150; *Она же.* «Предвестие свободы»: опыт социальной интерпретации одной художественной дискуссии конца 1940-х годов // Отечественная история. 2006. № 5. С. 125 – 130; *Она же.* Сценарии профессиональной идентичности советских художников в годы сталинизма // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М., Магнитогорск, 2007. С. 375 – 385; *Она же.* Художник в годы позднего сталинизма: повседневная жизнь и (или) идеология // Words, Deeds and Values. The Intelligentsias in Russia and Poland during the Nineteenth and Twentieth Centuries, ed. by Fiona Bjorling & Alexander Pereswetoff-Morath. - Lund. 2005. (Slavica Lundensia. Volume 22). P. 269 – 286; *Она же.* «Теневая экономика» советского изобразительного искусства в контексте позднего сталинизма // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945 – 1953 гг. М., 2015. С. 394 – 403; и др.

[3] См.: *Янковская Г. А* Провинциальная классика советской эпохи // Искусство Перми в культурном пространстве России. Век XX. Исследования и материалы. Пермь, 2000. С. 112 – 121; *Она же.* Повседневность художественной жизни провинциального города в годы сталинизма // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство / под ред. *С.Ю. Малышевой.* Казань, 2003. С. 226 – 237; *Она же.* Художественное просвещение и провинциальный зритель советского искусства в годы позднего сталинизма // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2006. Вып. 16/3. С. 334 – 342.

ализации[1]. Анализируя специфику взаимодействия власти и научно-педагогического сообщества, авторы выявляют не только отрицательные, но и положительные стороны этого процесса.

Наблюдается активный рост интереса ученых к религиозной жизни советского общества. Данная проблема исследуется как в общесоюзном масштабе, так и в региональном разрезе[2]. Наиболее колоритно послевоенные церковно-государственные взаимоотношения представлены в монографиях О. Ю. Васильевой, М. В. Шкаровского и Т. А. Чумаченко[3], где вскрываются причины трансформации роли РПЦ во внутри- и внешнеполитическом курсе страны, показана реакция церковной среды на властные инициативы.

Достижения отечественных исследователей удачно дополняются наработками зарубежной историографии, для которой характерно пристальное внимание к идеологическим, психологическим и экономическим аспектам развития советской культуры[4]. Заметное место государственно-церковным взаимоотношениям в послевоенные годы отведено на страницах трудов

---

[1] См.: *Казарин В. Н.* Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири: формирование, облик, деятельность. Вторая половина 1940-х – середина 1960х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998; *Дукарт С. А.* Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945 – 1953): вопросы теории и историографии: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998; *Сизов С. Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе 1946 – 1964 гг. Омск, 2001; *Стрекопытов С. П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.). М., 2002; *Катровский А. П.* Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. М., 2003; и др.

[2] См.: *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. М., 1994; *Прядкина О. А.* Взаимоотношения советского государства и Русской православной церкви в 1941 – 1954 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004; *Чеботарев С. А.* Отношения государства и церкви в середине 1940-х – 1960-х гг.: на материалах Тамбовской области: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004; *Маслов Е. А.* Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940 – 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004; *Шабалин Н. В.* Политические технологии советского государства в отношении Русской православной церкви в 1943 – 1964 гг.: проблемы региональной специфики и реализации в Кировской области: Дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006.

[3] См.: *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943 – 1949 гг. М., 1999; *Чумаченко Т. А.* Советское государство и Русская Православная Церковь: история взаимоотношений, 40-е – первая половина 50-х гг.: Дис. … канд. ист. наук. М., 1994; *Она же.* Государство, православная церковь, верующие. 1941 – 1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в 1943 – 1957 гг. // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36 – 57; *Он же.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). М., 1999.

[4] См.: *Dunmore T.* Soviet Politics. 1945 – 1953. London, 1984; *Hahn Werner O.* Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. 1946 – 1953. London, 1982; *Werth A.* Russia: The postwar Years. N.-Y., 1971.

В. Флетчера и Д. В. Поспеловского[1]. Изучению проблемы власти и интеллигенции посвящены работы В. Н. Сойфера, Л. Р. Грэхэма, Д. Байрау, А. М. Блоха[2]. Вокруг переоценки сталинской эпохи в кино и роли кино в развитии сталинизма строятся монографии П. Кенеза[3], а также коллективный труд под общей редакцией Р. Тейлора и Д. Спринга[4]. Кинематограф здесь показан как один из инструментов создания режима манипуляции в стране.

За гранью привычного (для отечественных исследователей) восприятия искусства послевоенных лет как органической части соцреалистического канона выявляется неоднозначность подходов к феномену советского официального искусства в западной историографии. В одних случаях, присутствует стремление наделить его исключительно тоталитарными чертами и особенностями, в других, – предпринимаются попытки вписать эту часть советской действительности в общеевропейский контекст.

На иной качественный уровень вышла современная региональная историография послевоенной культурной жизни Урала, что связано с усилением источниковой базы работ и использованием новых исследовательских подходов. Тематика проблемного поиска, во многом сформировавшаяся ранее, заметно расширилась.

Институциональный принцип изучения культурных процессов второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. представлен в диссертационном исследовании и монографии А. Г. Алятиной (в соавторстве с Р. Р. Хисамутдиновой), где на основе обильного фактического материала показана комплексная деятельность учреждений культуры Южного Урала по реализации государственных задач[5]. Отдельные аспекты культурного строительства послевоенных лет раскрывают М. Н. Федченко, В. В. Подливалов,

---

[1] См.: *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church Underground. 1917 – 1970. Oxford, 1971; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

[2] См.: *Сойфер В. Н.* Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М., 1991; *Он же.* Очерки истории российской и советской науки. М., 1998; *Байрау Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122 – 135; *Блох А. М.* Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. М., 2005.

[3] См.: *Kenez P.* Cinema and Soviet Society, 1917 – 1953. Cambridge, N.Y., 1992; *Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. N.Y., 1999 (переиздана в 2006 году).

[4] См.: Stalinism and soviet cinema. Edited by Richard Taylor and Derek Spring. London, N.Y., 1993.

[5] См.: *Алятина А. Г.* Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945 – 1953 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2006; *Хисамутдинова Р. Р., Алятина А. Г.* Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны. Оренбург, 2011.

Г. Ш. Исмагилова, О. И. Новикова и М. Х. Янборисов[1]. Вопросы развития киноиндустрии в регионе в период позднего сталинизма отражены в специальных разделах работ Н. Б. Кирилловой[2], научно-популярных публикациях Л. Н. Эглита[3], а также в диссертационном исследовании и статьях Д. Н. Ряпусовой[4].

Заслугой современных уральских исследователей является критическое рассмотрение послевоенной партийно-государственной политики в сфере музыкальной культуры, изучение деятельности специализированных учебных заведений по подготовке кадров, анализ развития основных жанров и направлений, а также форм и методов приобщения широких слоев населения к музыкальному искусству и т. д.[5]

---

[1] См.: *Янборисов М. Х.* Культурное развитие Республики Башкортостан: политический аспект проблемы. Уфа, 1993; *Федченко М. Н.* Повседневная жизнь советского человека (1945 – 1991 гг.). Курган, 2009; *Подливалов В. В.* Учреждения культуры Зауралья в послевоенные годы (1946 – 1951 гг.) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 7. Шадринск, 1994; *Он же.* Некоторые проблемы формирования духовной культуры тружеников Зауралья (1952 – 1961 гг.) // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Курган, 1997. С. 158 – 166; *Исмагилова Г. Ш.* Школы и культурно-просветительные учреждения Зауралья Башкирской АССР в 1917 – 1985 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа 2007; *Новикова О. И.* Культурно-просветительная работа в деревне в 40 – 60-х годах XX века (на материалах Башкирской АССР): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2007.

[2] См.: Кино Урала (1943 – 1993). Творческие портреты, рецензии, обзоры, интервью / Под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург, 1993; *Кириллова Н. Б.* Феномен уральского кино. Екатеринбург, 2003; *Она же.* Кино Урала: от прошлого к будущему. Екатеринбург, 2013; и др.

[3] См.: *Эглит Л.Н.* Фильм родился с Победой // Уральский рабочий. 2003. 24 апреля; *Он же.* Мастера подставляли плечо (К 60-летию Свердловской киностудии) // Уральский рабочий. 2003. 31 июля; *Он же.* Свердловская студия кинохроники (1933 – 1951). Екатеринбург, 2012; и др.

[4] См.: *Ряпусова Д. Н.* Киноиндустрия Урала в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941 – 1953 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; *Она же.* «Что сегодня покажет нам товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1 (21). Пермь, 2013. С. 185 – 196; Она же. Политика «малокартинья» в системе позднего сталинизма: предпосылки, содержание, последствия // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг. М., 2015. С. 404 – 414; *Она же.* Мечта об алмазном городе: кинорепрезентация Урала в послевоенные годы // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 4(35). Пермь, 2016. С. 75 – 85; и др.

[5] См.: *Хавторин Б. П.* Музыкальная культура Оренбурга XX столетия. Оренбург, 1999; *Он же*. Музыкальная культура Оренбуржья: История и современность (архивные изыскания): Автореф. дис. … д-ра искусствоведения. Магнитогорск, 2006; *Беляев С. Е.* Музыкальное образование на Урале: истоки, традиции. Екатеринбург,1995; Композиторы и музыковеды Башкортостана: очерки жизни и творчества / Науч. ред.-сост. *Е. Скурко*. Уфа, 2002; Композиторы Южного Урала. Челябинск, 2003; *Запольский М. С.* Смотры художественной самодеятельности Чкаловской области (1946 – 1950 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2012. № 1(1). Серия «Исторические науки и археология». С. 1 – 5.

Творческие импульсы, шедшие «снизу», также становятся объектом пристального рассмотрения ученых. Е. А. Чайко анализирует, как в послевоенных частушках оказались запечатлены гендерные стереотипы, бытовавшие у населения горнозаводской зоны Южного Урала. Исследуя фольклорный материал, автор, в частности, показывает его влияние на формирование идеальных представлений и ценностей, добрачное поведение молодежи[1].

Следует признать, что недостаточно изученной остается история изобразительного искусства региона, хотя в последнее время стали появляться научные труды, посвященные отдельным аспектам этой многогранной темы[2]. С. Н. Куликовских рассматривает такую часть индустриальной культуры Урала как деятельность Златоустовского завода по выпуску металлических художественно украшенных изделий. Автор исследует вопросы подготовки кадров граверов и художественного образования, анализирует проблемы преемственности поколений и сохранения традиций искусства металлообработки в годы послевоенного восстановления[3].

Элементы новизны привнесены и в разработку проблемы послевоенного развития образования на Урале. Наибольших успехов в освещении данного направления добились ученые Южного Урала[4]. Следует отметить оригинальный авторский подход Т. М. Аминова и Р. М. Хусаинова, сместивших исследовательских фокус на рассмотрение истории коммерческого образования в Башкирии[5]. В монографических трудах В. В. Филатова

---

[1] См.: *Чайко Е. А.* «Я любила лейтенанта и ремень через плечо»: отражение гендерных стереотипов в частушках горнозаводской зоны Южного Урала конца 1940-х – начала 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18(199). Серия «История». Вып. 41. С. 55 – 61.

[2] См.: *Фенина Э. П.* Художники Башкортостана. XX век. Уфа, 2002; *Трифонова Г. С.* Художественная культура Южного Урала, 1900 – 1980-е гг. Художественная среда. Музей. Художник. Челябинск, 2009.

[3] См.: *Куликовских С. Н.* К проблеме производства художественной гравюры на Златоустовском заводе в первые послевоенные годы (1945 – 1950-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 37 – 41.

[4] См.: Развитие школьного образования Республики Башкортостан в XX веке. 2-е изд. Уфа, 2002; *Сулейманова Л. Ш.* История становления развития национальных общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений в Башкортостане (1900 – начало 1970-х годов XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2001; *Хомякова Н. В.* Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945 – 1953 гг.: Дис. …канд. ист. наук. Оренбург, 2007; *Маркелова Л. Н.* Среднее профессиональное образование Башкортостана 1925 – 1985 гг.: становление и развитие. Стерлитамак, 2005; *Исмагилова Г. Ш.* Проблемы развития школьного образования Башкирского Зауралья в послевоенные годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30(321). Серия «История». Вып. 57. С. 46 – 50.

[5] См.: Развитие коммерческого образования в Башкирии (1908 – 1967 годы): от Торговой школы до Уфимского профессионального торгового училища / *Т. М. Аминов, Р. М. Хусаинов*. Уфа, 2009.

детально освещена управленческая, образовательная, научная и внеучебная деятельность отдельно взятого вуза страны. На примере Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова проанализированы особенности развития, а также противоречия и трудности, с которыми сталкивалась высшая школа Уральского региона в послевоенные годы[1].

Указанный труд тем более информативен на фоне большинства изданий, как правило, подготовленных к очередной юбилейной дате того или иного высшего учебного заведения. Последние не содержат критического анализа и взвешенных оценок послевоенного периода. Их цель – обогатить локальную историю новыми сведениями и фактами, уточнить и конкретизировать данные об отдельных учебных и научно-исследовательских подразделениях, выцветить жизнь вуза и оживить рассказ воспоминаниями наиболее известных ученых и преподавателей. Акцентированный показ достижений и положительных сторон ограничивает возможность формирования объективного представления о развитии высшей школы региона на этапе позднего сталинизма[2].

О. Ю. Харитонова обратилась к изучению интеллектуального и творческого потенциала уральских вузов в 1945 – 1955 гг. Ее исследование посвящено рассмотрению условий формирования высшей школы и научного потенциала края. От анализа партийно-государственной политики в области высшего образования ученый переходит к интерпретации жизненных позиций научно-педагогического сообщества региона, подчеркивая влияние последнего на становление личности молодых специалистов в одно из самых сложных и противоречивых десятилетий советской истории[3].

Ключевые события послевоенного развития науки Урала представлены К. К. Каримовым, Е. Т. Артемовым, Н. В. Мельниковой, А. В. Самариным[4], которые отмечают факт глубокого вмешательства в творческий

---

[1] См.: *Филатов В. В.* История Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова: 1940-е гг. Магнитогорск, 2015; *Он же.* История Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова: 1950-е гг. Т. 1. Магнитогорск, 2015.

[2] См.: Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 2. Пермь, 1995; Уральский государственный технических университет. 1920 – 1995 гг. Исторический очерк. Екатеринбург, 1995; Уральский государственный технический университет. Екатеринбург, 2000; *Тулинский С. В.* Южно-Уральский государственный университет 1943 – 2003. Исторический очерк. Челябинск, 2003; Профессора Челябинского государственного педагогического университета: Биографии / Под. ред. *В. В. Латюшина, В. Г. Швеммера.* Челябинск, 2004; и др.

[3] См.: *Харитонова О. Ю.* Научно-педагогические работники Урала: формирование и творческая активность (1945 – 1955 годы): Дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2005.

[4] См.: *Каримов К. К.* Развитие науки в Башкортостане: вторая половина XVIII – первая половина XX в. М., 2008; *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; *Самарин А. В.* История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1941 – 1991). Сыктывкар, 2006.

процесс со стороны властных структур с целью достижения безусловной политической лояльности научного сообщества и успешного решения задач социалистического строительства. Вместе с тем подчеркивается, что повышенное внимание государства к науке позволило существенно усилить материальную базу исследований, расширить сеть профильных учреждений, улучшить качественный состав научных кадров. По мнению исследователей, рост научного потенциала региона в первое послевоенное десятилетие во многом шел эволюционным путем – за счет укрепления сложившейся специализации академической науки. Одновременно предпринимались попытки форсировать развитие Уральского филиала АН СССР и превратить его в региональный центр научной мысли. Новым явлением стало привлечение ученых филиала к разработке технологий атомного производства в лабораториях первенцев отечественной ядерной отрасли[1].

В русле современных историографических тенденций преподносится региональный аспект проблемы взаимоотношения власти и интеллигенции[2]. В диссертационном исследовании А. И. Прищепы представлен социально-политический и духовный контекст формирования и развития инакомыслия на Урале. Исследователь показывает усиление критических настроений в регионе после окончания Великой Отечественной войны в ситуации сокращения социального страха в 1940-е гг., анализирует деятельность уральской интеллигенции в художественном творчестве и литературе, социально-политических науках, а также формы самоорганизации и функционирования политических объединений молодежи, вдохновленной запалом «поколения победителей»[3].

Воспроизводя сценарий развертывания идеологической кампании 1946 г. против художественной интеллигенции г. Молотова, А. С. Кимерлинг приходит к интересному выводу. Ученый заключает, что у партийно-государственных лидеров на местах существовала особая тактика реагирования на столичный импульс – сдерживание и обеспечение подконтрольности критики в отношении членов творческой общественности города, придание ей формальных черт. Побудительным мотивом к этому было чувство самосохранения – опасение, что подпавший под пресс идеологической машины представитель

---

[1] См.: Форпост большой науки. Закрепляя достигнутое // Академическая наука Урала: Очерки истории / Гл. ред. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2007. С. 198 – 221.

[2] См.: *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40 – 50-х гг. М., 2008; Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века / Отв. ред. *В. Л. Соскин*. Новосибирск, 2011.

[3] См.: *Прищепа А. И*. Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х – сер. 1980-х гг.): Дис... д-ра. ист. наук. Сургут, 1999.

художественной интеллигенции мог увлечь за собой членов местной номенклатуры. Эта тактика выхода из-под прессинга «малой кровью», по мнению автора, была усовершенствована в ходе последующих политических кампаний[1].

Новое освещение получили отдельные вопросы реализации религиозной политики советского государства, а также атеистической пропаганды в Уральском регионе[2]. Постигая специфику государственно-конфессиональных отношений, авторы показывают, как на местах осуществлялся курс, взятый в 1943 г. и предполагавший «не препятствовать оживлению религиозной жизни в стране». На современном этапе исследуются и причины, послужившие свертыванию этой практики «лояльности». Особое внимание уделяется росту глубинных противоречий внутри государства после смерти И. Сталина, приведших к антирелигиозной кампании 1954 г. Объясняя суть последней, А. Л. Глушаев делает акцент на пропагандистских акциях против бытовых и традиционных форм религиозности. Проанализировав содержание публикаций периодической печати, материалы партийных органов Западного Урала, он приходит к выводу, что актуализация антирелигиозных установок «преследовала цели, выходящие за рамки государственно-церковных отношений». В действительности требовалась более глубокая «советизация» повседневности, упрочение советских традиций быта, а реакция на проводимые в рамках кампании мероприятия послужила складыванию особого образа жизни внутри страны во второй половине 1950-х гг.[3] Значительной заслугой исследователя является изучение трансформации религиозной ситуации в Молотовской области, ключевым сюжетом

---

[1] См.: *Кимерлинг А. С.* Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зощенко и А. Ахматову // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3(23). Серия «История». С. 188 – 195.

[2] См.: *Чумаченко Т. А.* Новая религиозная политика советского правительства: положение в уральской деревне в 1940-е годы // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 209 – 213; *Новикова О. И.* Культпросветучреждения как основной рычаг атеистического воздействия государства на сознание народа в первые послевоенные годы // 60 лет Великой Победы». Уфа, 2005. С. 64 – 69; *Она же.* Особенности государственно-конфессиональных взаимоотношений в 1945 – 1955 гг. (на материалах Башкортостана) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 148 – 149; *Федченко М. Н.* Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). Курган, 2006; *Мотревич В. П.* Христианские конфессии и общины в Свердловской области в послевоенные годы // Культура Урала в XVI – XXI вв.: исторический опыт и современность. Кн.1. Екатеринбург, 2008. С. 171 – 177; *Мотревич В. П., Радостева Ю. А.* Меннониты в Свердловской области в 1940 – 1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 168 – 175.

[3] См.: *Глушаев А. Л.* Антирелигиозная кампания 1954 года: мобилизационные практики и повседневность (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2(16). Серия «История». С. 120 – 129.

которой стал процесс образования и эволюции протестантских общин в послевоенные годы[1].

Либерализации государственной религиозной политики на территории Башкирской АССР посвящена отдельная глава монографии А. Б. Юнусовой[2]. Автор обращается к изучению опыта жизни мусульман региона в годы непродолжительной «атеистической оттепели», завершившейся на рубеже 1940 – 1950-х гг., отмечает определенную активизацию деятельности религиозных учреждений, усиление открытости вероисповедания при сохранении незарегистрированных общин и «бытовой религиозности», отправления религиозных обрядов и молитв на дому, что было связано с действием запретов и наличием всепроникающего контроля со стороны властей. Подчеркивая роль ислама как существенного фактора сохранения самосознания башкир, историк выявляет побудительные мотивы и механизмы воспроизводства религиозности в послевоенный период.

Своего рода продолжением указанных научных изысканий стало диссертационное исследование А. Н. Потаповой, в котором представлена оценка религиозной ситуации на территории Южного Урала в 1940-е – 1950-е гг.[3] Примечательно, что в данной работе дана характеристика религиозной активности населения региона, изучены экономические аспекты осуществления конфессиональной политики, в частности, выявлена степень вовлеченности религиозных структур в решение внутрихозяйственных и кадровых вопросов.

Г. Ш. Хакимов акцентирует внимание на тотальном контроле в отношении мусульманских общин региона со стороны государственных инстанций. Анализируя деятельность уполномоченных Совета по делам религиозных культов на территории ряда областей Урала, автор приходит к выводу, что их роль в проведении религиозной политики послевоенных лет была определяющей. При этом смыслообразующим стержнем и руководством к действию выступала идея максимального ограничения сферы религиозного влияния[4].

В данном контексте интересно заключение И. Ю. Федотовой, изучив-

---

[1] См.: *Глушаев А. Л.* Протестантские общины в городах и рабочих поселках в 1945 – 1965 гг. : на материалах Молотовской (Пермской) области : Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Он же.* «Собирается собрание в этом… как барак»: протестантские брачные общины Молотовской (Пермской) области на исходе сталинского времени // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945 – 1953 гг. : Материалы IIV международной научной конференции. Тверь, 4-6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 611 – 622.

[2] См.: *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

[3] См.: *Потапова А. Н.* Религиозная политика Советского государства и ее осуществление на Южном Урале в 1941 – 1958 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

[4] См.: *Хакимов Р. Ш.* Религиозная политика государства в отношении мусульманских общин: роль уполномоченных Совета по религиозным культам Урала (1944 – 1965 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6. Серия «История». Вып. 54. С. 103 – 109.

шей функционал уполномоченных Совета по делам РПЦ на территории Молотовской области в обозначенный период. Автор утверждает, что, будучи частью системы госорганов, уполномоченные, безусловно, вмешивались в дела РПЦ. Но вместе с тем они нередко выступали защитниками духовенства и верующих от незаконных действий местных властей[1].

Несколько иной исследовательский вектор избрал М. В. Булавин. Отойдя от анализа церковно-государственных отношений и целей государства в религиозном вопросе, он сосредоточил внимание на изучении внутриорганизационных проблем РПЦ в послевоенные годы. Ученый, в частности, обратился к рассмотрению кадрового состава уральского клира, представил его характеристику, дал оценку культурного уровня священников Молотовской (Пермской) и Свердловской епархий[2].

В трудах уральских исследователей представлен свежий взгляд на развитие литературных процессов в регионе. Формировавшаяся долгие годы «бажовиана» пополнилась целым рядом научных публикаций[3]. Обращает на себя внимание оригинальная точка зрения М. А. Литовской, по мнению которой знаменитый сказочник стремился создать собственный вариант уральской истории с опорой на индивидуальную и коллективную память (вопреки навязываемой интерпретации событий в русле историко-материалистического подхода), а его тексты способствовали становлению региональной идентичности и формированию «авторского эпоса горного Урала»[4].

Литературный портрет Свердловска, показанный в динамике и историческом развитии, запечатлен на страницах коллективного историко-литературного исследования «Екатеринбург литературный»[5]. Отдельные

---

[1] См.: *Федотова И. Ю.* Деятельность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по открытию церквей в Молотовской области (1940-е – начало 1950-х годов) // Вестник Челябинского университета. 2009. № 23. Серия «История». Вып. 33. С. 67 – 71.

[2] См.: *Булавин М. В.* Священнические кадры православных епархий Среднего Урала в период 1945 – 1958 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. Серия «История». Вып. 46. С. 100 – 105.

[3] См.: *Никулина М. П.* Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002; Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире. Екатеринбург, 2004; *Жердев Д. В.* Поэтика сказов П. П. Бажова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997; Бажовская энциклопедия / Ред.-сост. *В. В. Блажес, М. А. Литовская*. Екатеринбург, 2007 (переиздана в 2014 г.); *Плотников И. Ф.* Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004; *Слобожанинова Л. М.* «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова в литературе 1930 – 40-х годов. Екатеринбург, 1998; *Сутырин В. А.* Павел Бажов. Биографическое повествование. Екатеринбург, 2012; и др.

[4] См.: *Литовская М. А.* Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII – XX вв. в контексте общероссийских процессов / Отв. ред. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2010. С. 434 – 452.

[5] См.: Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2016.

статьи словаря повествуют о литературных событиях и явлениях в послевоенной жизни города и области, о писателях, поэтах, драматургах, критиках, издателях, живших и творивших в эту эпоху.

На примере национальной коми литературы 1930 – 1950-х гг. В. А. Лимерова и М. А. Литовская продемонстрировали, как в сталинскую эпоху вырабатывался компромисс между руководящими государственными инстанциями и художественной интеллигенцией. Частным случаем достижения такого «негласного соглашения» стал историко-революционный роман, создававшийся на местном материале. При этом, с одной стороны, напрямую не попирались требования государственной издательской машины с ее дидактикой и партийной патетикой, а, с другой, – в произведении присутствовал содержательный, тяготевший к правдивости рассказ об истории, традициях и обычаях народа (этнографический реализм)[1].

Помимо сущности литературного процесса уральских исследователей интересуют вопросы структурирования историко-литературного материала, методологии его описания. Происходит пересмотр центральной идеи научных изысканий советского периода о том, что литература региона являет собой лишь часть (элемент) литературы союзной. Данная мысль воспринимается как пережиток «унифицирующего подхода к явлениям духовной жизни»[2]. Одной из ключевых проблем становится периодизация литературы Урала XX в. с учетом этнического многообразия региона, ее соотнесение с общероссийским литературным контекстом. Т. А. Снигирева выделяет период Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие как «уникальное 15-летие в развитии всей культуры региона», вырабатывает новое видение форм взаимодействия уральской литературы с общероссийской (общесоюзной) культурой[3].

В монографическом труде венгерского исследователя П. Домокоша история удмуртской литературы преподносится как самостоятельное художественное явление, имеющее собственную внутреннюю логику развития, которая не всегда совпадает с этапами общественно-политической истории (например, выделен раздел «Удмуртская литература в период с 1938 по 1955 годы»)[4]. В ряду больших коллективных проектов, осветивших послевоенный период, следует назвать фундаментальное 6-титом-

---

[1] См.: *Лимерова В. А., Литовская М. А.* Историко-революционный роман в коми литературе 1930 – 1950-х гг. как результат компромисса // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 23 – 31.

[2] См.: *Созина Е. К.* Об «Истории литературы Урала»: предисловие к проекту // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 7 – 17.

[3] См.: *Снигирева Т. А.* Проблемы периодизации литературы Урала XX века // Литература Урала: история и современность. Вып. 3. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 5 – 15.

[4] См.: *Домокош П.* История удмуртской литературы. Ижевск, 1993 (в 1975 г. книга вышла за рубежом на венгерском языке).

ное издание «История башкирской литературы», опубликованное в 1990-е гг. на национальном языке, на основе которого готовится сокращенное 3-хтомного издание на русском языке[1].

Оригинальный взгляд на полиэтничность отечественной литературы, ее выраженность в региональном разрезе, представлен на страницах коллективной монографии «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности»[2]. Авторы выявляют и презентуют пермскую культурную общность в качестве некоего уникального межлитературного образования, сложившегося под влиянием языковой, этнокультурной и географической близости коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. В процессе постижения художественных традиций и стратегий пермских литератур воспроизводится картина мира в удмуртской и коми поэзии первой половины XX в.[3]

Из приведенного обзора следует, что на сегодняшний день исследователи подошли вплотную к решению серьезной научной задачи – созданию академической истории литературы Уральского региона, где во всей полноте и многообразии будет отражена региональная специфика развития общероссийской литературы[4].

В заключении отметим, что важной особенностью развития региональной историографии в постсоветский период стал факт открытия для исследователей широкого круга различных документов, прежде всего, архивных. Именно это позволило резко изменить тематику исторических исследований. Если на этапе советской историографии важнейшими элементами процесса накопления исторического знания были работы по истории партийных организаций ВКП(б) – КПСС и достижения социалистического государства во всех сферах жизнедеятельности, то на современном этапе эти темы практически исчезают. Им на смену приходят научные исследования ранее недоступные: отдельные отрасли военно-промышленного комплекса, репрессивная политика государства в отношении различных категорий населения, тяжелое социально-экономическое положения советских граждан (прежде всего сельского населения) и прочее.

Благодаря появлению новых исследовательских направлений практически не осталось таких аспектов послевоенной жизни Урала, которые бы

---

[1] См.: История башкирской литературы. В 6-ти т. Уфа, 1991–1996.

[2] См.: Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / Науч. ред. *Т. А. Снигирева, Е. К. Созина.* Екатеринбург-Ижевск-Сыктывкар, 2014.

[3] См.: Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / Науч. ред. *Т. А. Снигирева, Е. К. Созина.* Екатеринбург-Ижевск-Сыктывкар, 2014. С. 178 – 200.

[4] Конкретным результатом в решении поставленной задачи стал выход в 2012 г. первого тома академической истории (См.: История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. / Гл. ред. *В. В. Блажес, Е. К. Созина.* М., 2012).

не попали в поле зрения ученых. На сегодняшний день, на наш взгляд, основная проблема состоит в различной степени интенсивности, локальности и фрагментарности их рассмотрения. Последнее обстоятельство, очевидно, обусловлено и тем, что восприятие самого периода как внутренне целостного и самостоятельного возникло лишь недавно и пока не является общепринятым (в частности, нет единого мнения о верхней хронологической границе). Поэтому по-прежнему актуальным остается вопрос о подготовке обобщающих трудов, которые суммировали бы результаты, достигнутые в изучении ключевых направлений и проблем развития Урала послевоенного десятилетия.

РАЗДЕЛ III.

УРАЛ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» И «СТАБИЛЬНОСТИ».

Глава 1. Хрущевская либерализация. 1953 – 1964 гг.

Наполнение контента событийной истории и создание представлений о векторах и трендах исторического процесса применительно к истории Уральского региона в 1953 – 1964 гг., происходило в границах двух историографических этапов: советского и современного.

В советской историографии можно выделить три периода: 1) «хрущевский», когда историки проводили первичный отбор фактов, комментировали официальные партийно-государственные решения и оценки, создавали позитивный образ «славного» десятилетия; 2) «брежневский», когда исследователи признают завершенность «славного десятилетия», растворяют его в концептах «завершения построения социализма» и «развитого социализма»; 3) «перестроечный», когда на волне «гласности» велся поиск «истинно социалистических» моделей развития, «реанимировались» представления о «славном послесталинском десятилетии», подчеркивалась демократическая суть «хрущевской оттепели», шла речь о результатах и пределах процесса десталинизации.

В современной историографии, с ее концептуальным плюрализмом, прослеживаются направления интерпретации «хрущевского периода». Во-первых, это либеральная историография, акцентирующая внимание на инициированных в «хрущевский период» реформах, способствующих десталинизации и демократизации, началу демонтажа (непоследовательного и противоречивого) тоталитарной сталинской системы, на выявлении возможных границ и пределов этого процесса. Признается, что в условиях однопартийной политической системы, эти изменения не носили необратимого характера, о чем свидетельствует отставка Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. и последующий «брежневский застой».

В основе второго направления находится представление о мощном потенциале социалистического строя (мобилизационной системы), в значительной мере реализованного в «послесталинское десятилетие», благодаря, заложенному в нем еще при И. В. Сталине, ресурсе развития. Для представителей эволюционирующей советской историографической традиции (ставшей в глазах современных исследователей «консервативной») – эпоха Хрущева – это одновременно время реализации преимуществ советской модели развития, неоспоримых успехов (от массового жилищного строительства до прорыва в космос), и потерь, заложенные «мины» под фун-

дамент советского общества (подрыв авторитета СССР в мире, в результате непродуманной критики Сталина; выдвижение, конкретизированной во времени и количественных показателях, задачи построения альтернативного западному — варианта потребительского общества — «советского коммунизма»; попытка «догнать и перегнать Америку», заведомо обреченная на поражение и приведшая, впоследствии, к разбалансировке всей советской общественно-экономической системы; постоянный «административный зуд» и т.п.).

Третье направление – модернизационное. Созданные в его русле труды, дают представления о процессах раннеиндустриальной и позднеиндустриальной модернизации, осуществляемой в послевоенном СССР, на страновом и региональном (уральском) уровне. Для модернизационной парадигмы характерно стремление вписать региональные, страновые исторические процессы в контекст общемировых трендов, увидеть их специфику. В этом ракурсе, события, происходившие на Урале в 1953 – 1964 гг. являлись проекцией как общих модернизационных процессов, происходивших в СССР (научно-техническая революция, демографическое развитие, агропереход и др.), так и имели яркую региональную специфику (модернизация промышленного потенциала, создание мощного военно-промышленного комплекса, урбанизация и др.)

В советской историографии изучение периода 1953 – 1964 гг., получившего название «славного десятилетия», началось по «горячим следам» событий. В ситуации жесткой увязки выводов исследователей с директивами партии и правительства, главной задачей становилось насыщение публикаций фактическим материалом, подтверждающим успешную реализацию курса на завершение построения социализма и перехода к коммунизму. Решения XX съезда КПСС открывали для исследователей новые возможности и одновременно создавали новые ограничительные рамки. Содержание региональной истории было тесно увязано с общими концептуальными построениями, характерными для советской историографической традиции, интерпретировавшей новейшую историю страны как путь реализации закономерностей прогрессивного развития, достижения «полной и окончательной победы социализма» и «перехода к развернутому строительству коммунизма».

На «брежневском» этапе историографии наблюдается отказ от выделения в качестве самостоятельной ступени исторического развития СССР – периода начала 1950-х – середины 1960-х гг. Происходит его включение в модель «развитого социализма», начальная граница которого определялась решениями XXI съезда партии о достижении окончательной победы социализма и Программой КПСС, принятой на XXII съезде. В это время утверждалось, что на протяжении 1960-х гг. протекало формирование зре-

лого социалистического общества в СССР[1]. За идеологически ангажированными формулировками и определениями достигнутой степени и уровня «социалистичности» социально-экономического строя скрывалась существующая историческая реальность, описывая которую историки создавали фундамент для последующих концептуальных трактовок и объяснений.

Уральские историки пытались осмыслить происходившие в регионе индустриальные процессы, уделяли внимание изучению развития промышленности Урала, рассматривая, на страницах обобщающих трудов по истории Урала, ход выполнения планов послевоенных пятилеток и семилетки[2]. Изучалась история городов и промышленных предприятий края. В очерках коммунистических организаций Урала шла речь о формировании промышленной политики партии, влиянии партийного руководства на развитие промышленного потенциала Урала, совершенствовании хозяйственного механизма. Этапы в развитии промышленности определялись рамками пятилетних и семилетнего (1959 – 1965 гг.) планов развития народного хозяйства, основное внимание уделялось характеристике директив по составлению народнохозяйственных планов и меньше освещались реальные результаты их выполнения[3]. Публиковались работы по истории отдельных отраслей и предприятий уральской промышленности; развитию ее материально-технической базы; управлению индустрией Урала; ее кадровому потенциалу; проблемам научно-технического прогресса[4]. В них акцентировалось внимание на узловых проблемах развития промышленности: экономической эффективности производства, научно-техническом прогрессе, подготовке и переподготовке кадров. В типичной для того времени докторской диссертации В. Ф. Попова, посвященной деятельности партийных организаций по развитию электроэнергетики Урала в 1956 – 1965 гг., рассматривались четыре проблемы: роль партийных организаций во внедрении достижений технического прогресса, деятельность партий-

---

[1] См.: История СССР. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945 – 1961 гг. Т. XI. М., 1980; История КПСС. Т. 5. Кн. 2. М., 1980; История социалистической экономики СССР. Т. 6, 7. М., 1980; и др.

[2] См.: История Башкирской АССР. Уфа, 1970; Из истории Урала. Свердловск, 1971; История Урала. Пермь, 1977.

[3] См.: *Воронов А. М., Цвирко О. В.* Оренбуржье на подъеме. Челябинск, 1976; История Башкирской АССР. Уфа, 1972; История советского Урала. 1946 – 1975 / Под ред. *В. А. Саматова.* Свердловск, 1982; *Коваленко А. В.* Годы созидания. Челябинск, 1976; и др.

[4] См.: *Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* Флагман отечественной индустрии: История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1978; *Ефимова Т.* Уралмашевцы: Десять заводских пятилеток, Свердловск.1982; Ижмаш. Ижевск,1982; *Комаров Л. С., Боярчиков В. Г.* Летопись Челябинского тракторного. 1945 – 1980. М., 1982; *Крючков М. Т.* Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946 – 1958). Свердловск, 1988; *Личман Б. В.* Экономическая стратегия КПСС и тенденции развития индустрии Урала. Свердловск, 1991; *Родина И. В.* Горнорудная промышленность Урала (1950 – 1960 гг.). Свердловск, 1991; и др.

ных организаций по развитию технического творчества электроэнергетиков, совершенствование организационно-партийной работы, подготовка кадров на электростанциях и энергостройках Урала, идейно-политическая работа партийных организаций среди электроэнергетиков и энергостроителей Урала. В качестве важнейшего вывода автор отметил, что «создание мощной электроэнергетической базы на Урале позволило подвести прочную энергетическую базу под все отрасли народного хозяйства, повысить энерговооруженность труда. Волей партии и народа Урал превращен в крупнейший индустриальный район страны»[1].

В уральской историографии освещались проблемы интеграции науки и производства, выделялись этапы развитии науки в регионе, перечислялись важнейшие работы ученых, направленные на решение узловых проблем развития производительных сил Урала. Большинство работ были написаны в традиционном для советской историографической традиции русле истории партийного руководства развитием науки в регионе и укреплении ее связи с производством. Тогда как проблемы, связанные с ростом сети научных учреждений, с выявлением соотношения структурных звеньев науки (академической, вузовской, отраслевой, заводской), с анализом механизма материализации научно-технических достижений, не попадали в сферу исследовательского интереса. По мнению Б. В. Личмана[2], все многообразие вопроса об изменении хозяйственного механизма свелось исследователями к изучению только одного аспекта — совершенствованию организации труда и производства, а проблемы планирования и управления оставались неизученными. Отсутствовали исследования экономической стратегии государства в индустрии региона, основных ее направлений: инвестиционного, структурного, социально-демократического, научно-технического; индустрия Урала не изучалась в единстве важнейших отраслей народного хозяйства (промышленности, строительства, транспорта) и длительной исторической ретроспективе; не рассматривались проблемы управления природоохранными процессами. В работе, посвященной социально-демографической и квалификационной характеристике работников индустрии Урала во второй половине XX века, Б. В. Личман[3] показал, что в экономике, развивавшейся на командно-распределительной основе, с середины 1950-х гг., центр тяжести в инвестиционной политике переносится с расширения производственных фондов на их обновление, происходит переход от количественных факторов роста к качественным, усиливается интенсификация производства, закономерностью научно-

[1] См.: *Попов В. Ф.* Деятельность партийных организаций по развитию электроэнергетики Урала (1956 – 1965 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. Пермь, 1972.

[2] См.: *Личман Б. В.* Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х – середины 80-х годов. Екатеринбург, 2008. С. 13 – 37.

[3] *Личман Б. В.* Политика и индустрия. Екатеринбург, 1992. С. 4.

технического прогресса, определяющей интенсификацию, стали реконструкция, техническое перевооружение.

Одним из направлений исследований являлись, проводимые в 1950 – 1960-е гг. реформы в области управления промышленностью, роль и место совнархозов (СНХ) в советской экономике. В работах «хрущевского этапа» утверждалось, что совнархозы полностью себя оправдали. Обращалось внимание на необходимость их укрупнения, борьбы с местническими тенденциями, проявлявшимися в невыполнении планов кооперированных поставок, неправильном использовании капиталовложений, что вырастало в серьезное препятствие для развития народного хозяйства страны в целом. Не обошлось тогда и без обвинений в адрес антипартийной группы В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, которые «тормозили необходимые преобразования в области управления промышленностью».

На «брежневском» этапе историографии, усилилось критическое восприятие опыта совнархозов. Новая политическая ситуация требовала обоснования «косыгинской» реформы 1965 г., вернувшей отраслевой (министерский) принцип управления промышленностью.

Начавшаяся «перестройка» явились стимулом к активизации изучения вопросов управления. Ю. А. Веденеев исследовал трансформации советской управленческой системы в контексте территориального и отраслевого принципов организации управления. В 1990-х гг. в работах историков о региональных особенностях управленческих реорганизаций середины 1950-х – 1960-х гг. несколько преувеличивалась самостоятельность СНХ в решении ставившихся правительством задач и утверждался тезис о принципиальной нереформируемости советской системы управления[1].

Включение реформ управления в контекст изучения роли и места научно-технического прогресса, научно-технической политики (НТП) советского общества предпринял В. Э. Лебедев, показавший, что со второй половины 1950-х гг. в стране предпринимались попытки разгерметизации социальных систем, а расширение масштабов, усложнение структуры экономики сделали невозможным высокую концентрацию экономической власти. Крайне централизованная, административно-директивная экономика сменилась иной ее разновидностью – экономикой согласования, в которой отношения между субъектами управления представляли собой не только отношения подчиненности, но и отношения обмена, предполагавшие действие принципа обратной связи. По мнению В. Э. Лебедева, такая модель экономики в наибольшей степени отвечала потребностям регионального развития. С середины 1950-х – до середины 1960-х гг. возникли определенные условия для расширения числа субъектов социальной, в том числе и научно-технической деятельности, началось формирование региональной и научно-технической по-

[1] См.: *Веденеев О. А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1956 – 1987). М., 1990.

литики как особого направления в единой общегосударственной стратегии управления инновационным процессом. Полицентризм в области управления развитием науки и техники, институционализация субъектов научно-технической политики региона привели к появлению региональных и функциональных бюрократических элит. Экономическая децентрализация 1950 – 1960-х гг. стала средством политической либерализации, расширения влияния того социального слоя на местах, который оказывал воздействие на принятие политических решений. Борьба с жестко централизованной бюрократической системой административными методами привела к укреплению функциональных и возникновению региональных бюрократических элит. Своеобразный «политический бюрократизм» определил основное направление преобразований в управлении НТП в регионе. Этот «политизированный механизм» территориального управления НТП был пригоден в условиях экстенсивного развития Уральского экономического района, который характеризовался перманентной «мобилизацией» различного рода ресурсов и был маловосприимчив к НТП как интенсивному фактору расширения воспроизводства. Но обеспечить переход на качественно новую стадию экономического роста в регионе было невозможно[1].

Вслед за В. Э. Лебедевым изучение региональной научно-технической политики на примере Урала предпринял М. А. Корабельников отметивший, что во второй половине 1950-х гг. произошло изменение управленческой модели хозяйства. Параллельно с попытками разгерметизации социальной системы происходила передача больших властных полномочий на места. Образованным во второй половине 1950-х гг. совнархозам передавались не только функции контроля, но и определенные финансовые рычаги воздействия на процесс научно-технического развития региона. В их ведении находилось до 80% средств, необходимых для развития прикладных исследований. По мнению автора, вектор движения от всевластия центра к свободе регионов был правилен. Однако отсутствие стабильности управленческих структур при неразвитости экономических отношений привело к возникновению противоречий между подсистемами единого управленческого организма, свертыванию реформ и замедлению НТП[2].

По мнению Е. Т. Артемова, стремление избавиться от пут «предельной централизации и регламентации» в руководстве народным хозяйством не являлось главным побудительным мотивом осуществления совнархо-

---

[1] См.: *Лебедев В. Э.* Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации (1956 – 1985 гг.). Свердловск, 1991; *Он же.* Научно-техническая политика советского общества во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (региональный аспект). Екатеринбург, 1992.

[2] См.: *Корабельников М. А.* Взаимодействие техно - и биосферы региона. Экологический кризис на Урале (конец 1950-х – начало 1960-х гг.). Екатеринбург, 1992; *Он же.* Научно-техническая политика Советского государства и ее реализация на Урале во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. Екатеринбург, 1993.

зовской реформы. Ее определяли, прежде всего, политические причины: Н. С. Хрущев стремился реформировать сталинскую пирамиду власти под себя, подрывая мощь центрального государственного аппарата управления (оплота «отраслевого вождизма») и осуществлял кадровую «зачистку» высших сфер власти в интересах набиравшего силу партаппарата[1].

Современные исследователи обращаются к различным аспектам деятельности уральских совнархозов. А. В. Буданов изучил военно-мобилизационную работу на предприятиях Челябинского совнархоза и пришел к выводу, что ориентация высшего советского государственного и партийного руководства на лидерство в гонке вооружений в рамках «холодной войны» оказывала вредное влияние на экономику, из которой в бесплодную, с экономической точки зрения, мобилизационную сферу не всегда оправдано перекачивались дополнительные ресурсы. Местные хозяйственные и производственные руководители вольно или невольно противились этому. При этом, те же руководители успешно выполняли план производства военной техники, которая поступала непосредственно в войска, понимая, что в тех условиях наличие сильной армии было необходимо для удержания паритета (а значит, мира) в противоборстве держав[2].

Развитие легкой промышленности Урала в 1957 – 1965 гг. исследовал С. В. Горшков. Он рассмотрел процесс передачи предприятий местной промышленности и промысловой кооперации в ведение уральских совнархозов, «особую» роль партийных органов в сложившейся системе управления предприятиями легкой индустрии края. Оценивая процесс создания производственных объединений в легкой промышленности Урала, автор отметил, что они приблизили органы управления непосредственно к производству, способствовали началу специализации не только отдельных предприятий и производств, но и отдельных областей на определенных видах продукции: Свердловской – на производстве шерстяных и льняных тканей, обуви и верхнего трикотажа; Челябинской – на выпуске хлопчатобумажных тканей и обуви; Пермской – на производстве шелковых тканей, чулочно-носочных изделий, бельевого трикотажа и т.д. Однако механическое соединение родственных предприятий, которые часто находились друг от друга на значительном расстоянии, не смогло дать существенного эффекта в росте качественных показателей развития, таких как производительность труда, фондоотдача, себестоимость[3].

---

[1] *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 180.

[2] См.: *Буданов А. В.* Военно-мобилизационная работа на предприятиях Челябинского совнархоза в 1957 –1962 гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 168 – 174.

[3] См.: *Горшков С. В.* Влияние территориально-отраслевой системы управления на легкую промышленность Урала (1957 – 1965) // Известия УрФУ. Сер 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 137 – 146.

В советской историографии изучались различные аспекты кадрового потенциала промышленности: социальное развитие рабочего класса, его место в социальной структуре общества, изменения в социально-демографической и профессионально-квалификационной структуре, культуре и благосостоянии рабочих. Уральские исследователи обращались к проблемам изменения количественных характеристик рабочих промышленности, подготовки и повышения квалификации индустриальных кадров, социальной и производственной активности трудящихся, социалистического соревнования, и его высшей формы – движения за коммунистическое отношение к труду, анализировали деятельность партийных организаций и профсоюзных организаций по укреплению трудовой дисциплины, распространению передового производственного опыта, техническому творчеству трудящихся[1]. Большинство из этих работ были написаны на материалах отдельных областей региона, охватывали две-три отрасли промышленности.

В постсоветской историографии преодолеть эти недостатки, в значительной мере, удалось Л. Н. Мартюшову, рассмотревшему в комплексе, происходившие в 1955 – 1985 гг., количественные перемены в составе рабочих промышленности Урала, изменения демографических характеристик, проблемы жизненного уровня рабочих, социальной активности[2].

В современной историографии усилиями В. В. Алексеева, С. А. Баканова, А. В. Бакунина, А. Э. Беделя, Д. В. Гаврилова, В. В. Запария и др.[3] продолжилось изучение динамики развития важнейших отраслей экономики Урала, прежде всего, истории уральской промышленности. Эти исследования значительно расширяют представления о путях развития промышленности в це-

---

[1] См.: *Козлов А. Д., Руденко Р. Ф.* Возрастание роли рабочих Урала в управлении производством в годы семилетки // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968; *Лукьянов В. Т.* О некоторых вопросах партийной работы по развитию технического творчества уральских рабочих (1959 – 1965) // Деятельность коммунистов Урала по подъёму творческой активности рабочего класса. Свердловск, 1979; *Фадеев А. И.* Руководство партийных организаций Урала движением за коммунистическое движение к труду (1958 – 1965). Пермь, 1974; *Чернова М. Г.* Роль рабочего класса в совершенствовании демократических основ управления производством (на материалах Урала) (1959 – 1965) // Деятельность коммунистов Урала по подъёму творческой активности рабочего класса. Свердловск, 1978; и др.

[2] См.: *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955 – 1985 гг.: (Историко-экономический аспект). Екатеринбург, 1999.

[3] См.: *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008; *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012; *Бакунин А. В., Бедель А. Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994; Очерки истории горнозаводского Урала. Челябинск, 1996; *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX века. Екатеринбург, 2001; Урал индустриальный. Екатеринбург, 1997; *Ежов А. О.* Титановая промышленность Урала в XX веке: особенности и перспективы развития // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 47 – 56; и др.

лом и ее отдельных отраслей, их «жизненных циклах», о способах организации производства на уральских предприятиях. В них, в частности, показано, как в конце 1950-х гг. происходила НТР в ключевых отраслях уральской промышленности. Ее вехами, например в металлургии, было укрупнение основных металлургических агрегатов, в особенности доменных печей, внедрение принципиально новых технологических процессов в доменном и сталеплавильном производстве (применение природного газа и кислорода), техническое совершенствование прокатного передела[1].

На материалах Урала, относящегося к классическому типу старопромышленного региона, сделаны попытки рассмотреть его индустриальную историю в контексте мирового развития. В центре внимания находятся проблемы взаимовлияния модернизации и регионального развития, пространственной неравномерности модернизационных процессов и региональных противоречий. Проблемам поиска путей социально-экономического оздоровления старопромышленных районов посвящены исследования В. П. Тимошенко, В. Г. Кима[2]. Выявлены историко-экономические особенности развития Урала в XX в.: роль Урала как базисного региона в геополитической стратегии СССР на протяжении 1930-х – 1990-х годов (от создания Урало-Кузнецкого комбината в 1930-е гг. и производства военной техники в 1940-х гг. до создания ракетно-атомного «щита» в 1950-х –1970-х гг.); гипертрофированное развитие в связи с этим базовых отраслей промышленности (добывающей, металлургии, тяжелого машиностроения, химии); формирование большинства городов Урала вокруг градообразующих предприятий и их уязвимость в период спада промышленного производства.

Исследование проблем институциональных механизмов хозяйственного управления на Урале связано с анализом процесса смены моделей экономического развития региона[3]: дореволюционного (вплоть до окончания НЭПа), модели «регионального комбината» (с конца 1920-х гг. до Великой Отечественной войны) и модели «опорного края державы» (военные, послевоенные годы и вплоть до распада СССР). Такой подход позволил выявить особенности экономического развития Урала в контексте общероссийских процессов. Показатели экономического развития страны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. свидетельствовали о завершении к этому времени построения в СССР индустриального общества, в создании которого Уральский регион играл значимую роль. В 1950-е гг. на Урале сохранялся курс на преимущественное развитие отраслей, производящих средства производства, что обеспечивало решение таких общесоюзных задач, как: обеспечения материальных условий для осуществления научно-технической революции; создания предпосылок для промышлен-

---

[1] *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 193.

[2] См.: *Ким В. Г., Тимошенко В. П.* Старопромышленный район: проблемы социально-экономического оздоровления. Екатеринбург,1996.

[3] См.: *Анимица Е. Г., Тертышный А. Т.* Экономическая реформа в России. Екатеринбург, 1995.

ного подъема стран социалистического лагеря; тиражирования индустриальных технологий с позиций реализации политики «рационального размещения производительных сил»; обеспечения связи центральных районов с целинными и залежными районами Казахстана и других восточных районов, с районами добычи нефти и газа в Западной Сибири (строительство железной дороги Ивдель – Обь началось в конце 1959 г.); организации новых военных (ракетно-ядерных) производств. Уральские исследователи[1] отметили, что со второй половины 1950-х гг. в экономике региона начинает формироваться комплекс отраслей четвертого технологического уклада: электроника, авиакосмическая техника, средства коммуникаций, атомная энергетика.

Важным направлением в современной уральской историографии стало исследование пределов, возможностей и результатов советской модели в русле мобилизационного типа развития и «мобилизационной экономики»[2]. Исследователи обратили внимание на такие характерные черты, как: обязательная строгая определенность чрезвычайных целей, позволяющая концентрировать на приоритетных направлениях ресурсы и сверхусилия, обеспечивая быстрое достижение этих целей; большая роль в достижении целей принадлежала механизмам внеэкономического принуждения; высокоцентрализованная система управления промышленностью, гипертрофированная роль государства; советская промышленность была нацелена на результат, не считалось актуальным обращать внимание на эффективное использование ресурсов, минимизировать затраты и т.д.[3] Эти черты проявились в «хрущевский» период при постановке и реализации задач: «Догнать и перегнать Америку», освоения целины, массового жилищного строительства, «революции» в военно-промышленной сфере.

Мощным фактором развития мобилизационной экономики являлся советский оборонно-промышленный комплекс (ОПК), а Уральский регион в послевоенные годы стал одним из его центров. В исследованиях, посвященных истории ОПК СССР, содержится материал по оборонной промышленности Урала, в том числе в 1950 – 1960-е гг., проанализированы экономические аспекты работы ОПК, показаны высокая эффективность

---

[1] См.: *Анимица Е. Г., Глумов А. А., Дворядкина Е. Б., Кочкина Е. М., Новикова Н. В.* Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург, 2009. С. 131 – 133.

[2] См.: Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2009; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012.

[3] См.: *Артемов Е. Т.* Проблемы исторической преемственности в отечественной промышленной политике // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 15 – 16; *Алексеев В. В.* Основополагающая тенденция российской истории XX в. // Уральский исторический вестник. 2001. № 7; *Камынин В. Д.* Уральские исследователи о мобилизационном типе развития промышленности // Индустриальная Россия. Вчера. Сегодня. Завтра. Екатеринбург, 2012. С. 3 – 6.

мобилизационной экономики СССР при реализации Атомного проекта, создании ракетной и радиоэлектронной промышленности[1]. В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков, Б. М. Емельянов, Е. Т.Артемов, А. Е. Бедель, Н. В. Мельникова[2] и др., опубликовали книги по истории закрытых уральских городов бывшего Минсредмаша: Озерска, Лесного, Новоуральска, Снежинска. Шведский историк-экономист Л. Самуэльсон в труде «Танкоград» на примере ОПК Челябинской области показал основные закономерности развития оборонных отраслей СССР в военные и послевоенные годы[3]. В книге по истории уральского оружия, созданной под редакцией А.В. Сперанского, отмечается, что вторая половина XX в. стала временем жесткого противостояния двух социально-политических систем, в основе которого лежало глобальное противоборство СССР и США. Стремление Советского Союза поддерживать военно-стратегический паритет, способствовало формированию на Урале научно-производственного ракетно-ядерного комплекса, предприятия которого наладили производство расщепляющих материалов и сборку серийных ядерных боеприпасов[4].

Появились публикации, посвященные В. П. Макееву, Н. А. Семихатову[5], возглавлявшим предприятия уральского ОПК, на которых создавались ракеты, способные нести ядерный заряд на любое расстояние и поражать потенциального противника, где бы он ни укрывался.

---

[1] См.: *Алексеев В. В.* Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999; *Алексеев В. В., Литвинов Б. В.* Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940 – 1950 гг.). Вып. 1. М, 1997. С. 291 – 302; *Артемов Е. Т., Бедель А. Э.* Укрощение урана. Екатеринбург, 1999; *Новоселов В. Н.* Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999; *Барабанов В. А.* Российский ОПК: история и современность. М., 2002; *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930 – 1980-е гг.). М., 2006; *Буданов А. В.* Высшие и центральные органы управления оборонно-промышленным комплексом СССР в 1957 – 1965 гг. // Оборонно-промышленный комплекс России: прошлое и настоящее. Челябинск, 2010; *Карпенко А. В.* Российское ракетное оружие, 1943 – 1993. СПб., 1993; *Сперанский А. В.* Уральский военно-промышленный комплекс как фактор оборонной мощи СССР // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 6 – 15; и др.

[2] См.: *Новоселов В. Н., Толстиков В. С.* Тайны «Сороковки». Екатеринбург, 1995; *Емельянов Б. М.* Раскрывая первые страницы. Екатеринбург, 1997; Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997; Слово о приборостроительном. Кн. Вторая. Челябинск, 1998; *Артемов Е. Т., Бедель А. Е.* Укрощение урана. Екатеринбург, 1999; *Новоселов В. Н., Толстиков В. С., Клепиков А. И.* История Южно-Уральского управления строительства. Челябинск, 1998; *Новоселов В. Н., Толстиков В. С.* Атомный след на Урале. Челябинск, 1999; *Мельникова Н. В.* Закрытый город: население и его менталитет (1950 – 1960-е годы). Екатеринбург, 2001; и др.

[3] См.: *Самуэльсон Л.* Танкоград: секреты русского тыла, 1917 – 1953. М., 2010.

[4] См.: Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. *А. В. Сперанского*. Екатеринбург, 2008.

[5] См.: *Дуняшин А. Б.* Шесть океанов под килем. Екатеринбург, 2004; *Пяткин В. А.* Генеральный конструктор. Миасс, 1998; *Саенко П. А.* Мы учим летать ракеты. Екатеринбург, 2008; *Он же.* Николай Семихатов, Екатеринбург, 2012.

Уральские историки обратились к организационно-производственным и социальным аспектам, к социальной инфраструктуре оборонно-промышленного комплекса на Урале[1]. Рассмотрение истории развития уральского ОПК в 1945 – 1960 гг., предпринятое в монографии Л. В. Шубариной, позволило прийти к выводу о том, что важнейшей особенностью ОПК на Урале являлось комплексное развитие его отраслей. Впервые они появились в годы войны в танковой индустрии и производстве боеприпасов. В послевоенный период ведущее место в ОПК занял ракетно-ядерный промышленный комплекс, в результате чего весь цикл от разработки конструкций до серийного производства ядерных боеприпасов, ракет и танков стал осуществляться в рамках одного региона, что определяло уникальность формирования ОПК на Урале[2].

В монографии «Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов» (2011 г.) военно-промышленный комплекс Урала рассматривается как фактор модернизационной динамики России. Отмечается, что модернизационные процессы в СССР, тесно связанные с военной индустрией, способствовали совершенствованию научно-технической базы страны, делали ее конкурентоспособной на международной арене. Они укрепляли авторитет правящей элиты, предоставляли возможность советскому государству не только проводить независимую внешнюю политику, но и в определенной степени диктовать свою волю мировому сообществу. В известной мере они также давали населению реальную почву для созревания чувств гордости за свою Родину, формирования патриотической и гражданской позиции. При этом, будучи парциальным явлением, военно-промышленные инновации объективно не могли в полной мере обеспечить линеарный характер советской модернизации. Все другие сферы общественного развития, задавленные остаточным принципом финансирования на протяжении многих десятилетий пребывали в состоянии «застоя», демонстрируя вопиющую неспособность удовлетворять растущие потребности социума.

В современной историографии важнейшей составляющей советской мобилизационной экономической модели и военно-промышленного комплекса называют систему ГУЛАГа[3]. В целом «лагерная экономика» как особый хозяйственный механизм, основанный преимущественно на использовании

---

[1] См.: *Хомутова Н. С.* Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945 – 1955 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2007; *Гресь С. И.* Оборонная промышленность Челябинской области в 1946 – 1950-е гг.: организационно-производственные и социальные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.

[2] См.: *Шубарина Л. В.* Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945 – 1965 гг. Челябинск, 2011.

[3] См.: *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5. С. 135 – 149; № 6. С. 144 – 155; *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188 – 190.

различных видов принудительного труда, прежде всего заключенных, к середине 1950-х гг. свое существование прекратила[1]. В фундаментальном труде «ГУЛАГ: экономика принудительного труда» (2008 г.) рассмотрены общие вопросы принуждения к труду в СССР в 1930 – 1950-х гг., масштабы и структура лагерной экономики, эволюция системы ее управления, показаны специфические методы сочетания принуждения и стимулирования труда заключенных ГУЛАГа, рассмотрен феномен коррупции в системе лагерей. Экономика ГУЛАГа исследуется в региональных и отраслевых измерениях, основное внимание уделяется специфике использования принудительного труда в тех районах страны, где рабочая сила ГУЛАГа играла наиболее важную роль (на Дальнем Востоке, в Заполярье, в Карелии, в Сибири и на Урале). Авторы исследуют вопросы организации принудительного труда, его производительности и степени эффективности на крупнейших объектах ГУЛАГа, а также в сельском хозяйстве и на лесозаготовительных работах. Уральские исследователи А. Б. Суслов, С. В. Токмянина[2] рассмотрели социальный и правовой статус, положение и труд различных категорий спецконтингента, показали существенный вклад заключенных лагерей в развитие народного хозяйства Урала до начала 1950-х гг. Необходимость принудительного труда обуславливалась как характером советской экономики, нацеленной на экстенсивное производство, так и дисбалансом между масштабностью экономических задач и наличными ресурсами. Столкнувшись с проблемой дефицита капиталовложений, промышленность Урала компенсировала этот недостаток за счет использования труда спецконтингентов. Заключенные были задействованы на строительстве крупных объектов тяжелой промышленности. Без лесопродукции, произведенной лагерными невольниками, была бы невозможна плодотворная деятельность уральских предприятий. В то же время, являясь регионом повышенной концентрации лагерных систем, Урал испытал все негативные последствия карательной политики государства. Лагеря Западного и Среднего Урала, служившие не только формой наказания, но ставшие образом жизни, оказывали существенное влияние на менталитет и социокультурную жизнь в регионе.

Значительное внимание при изучении социально-экономической истории исследователи уделяли проблемам развития сельского хозяйства. В период нахождения у власти Н. С. Хрущева объяснение причин отставания развития сельского хозяйства до 1953 г. сводилось к комментированию оценок сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, акцентирова-

---

[1] См.: *Иванова Г. М.* «Лагерная экономика» послевоенного периода // Вопросы истории экономических и политических отношений в России (XX в.). М., 1996. Вып. II. С. 33 – 44; *Она же.* История ГУЛАГа. 1918 – 1958: социально-экономические и политико-правовые аспекты. М., 2006.

[2] См.: *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004; *Токмянина С. В.* Лагерная экономика Урала в позднесталинский период: 1945 – 1953 гг. : Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

лась роль субъективного фактора (неправильные, ошибочные действия И. В. Сталина). Историки обращались к деятельности партии по укреплению материально-технической базы колхозов, совхозов, реорганизации машинотракторных станций (МТС), освоению целинных земель и строительства совхозов, изменению системы заготовок сельскохозяйственных продуктов, укреплению села кадрами. Отмечалось, что оплата колхозников не полностью учитывала затраченный труд, допускалась уравниловка, слабо использовались экономические рычаги управления, а итоги развития сельского хозяйства в стране в 1959 – 1961 гг., свидетельствовали, что не везде работали «с должным напряжением», «во многих областях, районах, колхозах и совхозах не были использованы возможности для увеличения производства и допущено отставание с выполнением принятых обязательств», в результате – «большой недобор хлеба в крупнейших зерновых областях»[1]. Вместе с тем, утверждалась возможность в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения, создания изобилия продуктов в стране, одобрялась линия на свертывание личных подсобных хозяйств.

На «брежневском» этапе историографии исследователи стремились показать, как преемственность проводимого партией курса по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства, так и волюнтаристские и субъективистские ошибки, допущенные в области руководства сельским хозяйством за время правления Н. С. Хрущева. К объективным причинам отставания сельского хозяйства до 1953 г. относили: огромный ущерб сельскому хозяйству, нанесенный войной; недостаток средств для обеспечения одновременно быстрого развития тяжелой индустрии и сельского хозяйства. Отмечались и субъективные причины: крупные ошибки, просчеты в руководстве сельским хозяйством, недооценка огромных разрушительных последствий войны, нарушение принципов материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии производства. Отмечались также: исчерпанность к началу 1950-х гг. возможностей роста сельскохозяйственного производства за счет восстановления посевных площадей до уровня 1940 г.; организационная перестройка, связанная с укрупнением колхозов; последствия засухи начала 1950-х гг., от которой пострадали некоторые области Сибири и Казахстана; недостатки чрезмерной централизации планирования, отстранение широких масс колхозников от участия в решении наиболее важных вопросов развития общественного хозяйства; отрицательные стороны административных методов руководства колхозами, которые замедляли темпы роста сельского хозяйства[2].

---

[1] *Капский В., Коркоценко Д.* Борьба КПСС за новый подъем сельского хозяйства в 1953 – 1961 гг. М., 1962. С. 97, 101, 111.

[2] Очерки по историографии советского общества. М., 1967. С. 234 – 235; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 11. М., 1980. С. 477 – 478.

Уральские исследователи стремились отразить различные стороны колхозной жизни: материально-техническую базу, развитие земледелия и животноводства, заготовки сельскохозяйственной продукции, кадровый состав, материально-бытовое положение крестьянства, сельскую культуру и т.д.

На «перестроечном» этапе историографии внимание исследователей переключается на проблемы неэффективности колхозного строя и реабилитацию частного интереса и частной собственности на землю, отмечается, что с середины 1950-х гг., аграрный курс 1953 г., который базировался на материальной заинтересованности, начинает меняться, идет борьба с личными подсобными хозяйствами, ухудшается продовольственная ситуация. Проблемам развития индивидуальных хозяйств на Урале, противоречивости государственной политики в этой области при Н. С. Хрущеве посвятил ряд разделов своей монографии М. Н. Денисевич[1], отметивший, что аграрная политика в 1950-е – первой половине 1960-х гг. не затрагивала основ сформированной ранее модели общественно-экономического развития. Сельское хозяйство рассматривалось как единый, обобществленный, централизованно управляемый организм, который должен развиваться по законам промышленности – от мелкого к крупному производству. Индивидуальное хозяйство считалось антиподом социалистического строительства. Аграрные преобразования 1950-х гг. явились вынужденным компромиссом государства с индивидуальным сектором в условиях нарастающего кризиса колхозно-совхозного производства. Возвращение в 1956 – 1960 гг. к политике ограничения индивидуальных хозяйств, попыткам их насильственного слияния с колхозно-государственной собственностью привело к очередной волне падения уровня сельхозпроизводства в 1960 – 1965 гг.

В постсоветской историографии в исследованиях по аграрной истории стала использоваться новая источниковая база. Л. Н. Мазур на основе изучения бюджетов колхозников Среднего Урала первой половины 1960-х гг. показала, что животноводство было важнейшей отраслью личного хозяйства и определяло его производственную мощность. Несмотря на проведение тогда мероприятий, направленных на ограничение личного животноводства, в большинстве семей содержали крупный и мелкий рогатый скот, свиней, птицу. Личное животноводство не только позволяло покрыть основные потребности сельчан в мясо-молочной продукции, яйцах, шерсти, но и давало ощутимый денежный доход, т.е. определенная ее часть реализовывалась через рынок и кооперацию[2].

[1] *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Свердловск, 1991. С. 113, 114.

[2] См.: *Мазур Л. Н.* Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала в первой половине 60-х гг. Екатеринбург, 1992. С. 17; *Она же*. Приусадебное землепользование колхозников, работников совхозов и горожан в 1930 – 1980-е годы (по материалам Урала) // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003. С. 366 – 384.

Большое значение использования сельскохозяйственной статистики при изучении аграрных проблем продемонстрировал В. П. Мотревич. Он проанализировал приемы и методы сбора и разработки статистических материалов в 1950-е гг., определил содержание и значение различных показателей[1].

В современной уральской историографии выделяется несколько основных направлений аграрной политики 1950-х – первой половины 1960-х гг.: 1) изменение принципов налоговой и заготовительной политики, направленных на повышение материальной заинтересованности крестьян, увеличение капиталовложений в сельское хозяйство; 2) попытки внедрения новых принципов планирования, способствующих развитию местной инициативы; 3) расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель; 4) организационные преобразования (ликвидация МТС, перевод колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, образование совнархозов, решение проблемы обеспечения подготовленными руководящими кадрами и специалистами колхозов и совхозов); 5) изменение социально-экономического статуса крестьянства (введение пенсионного обеспечения, минимум оплаты труда и т.д.)[2].

Процесс трансформации аграрного производства и переход от экстенсивного натурального к механизированному интенсивному производству получил название «агропереход» и был введен в научный оборот Г. Е. Корниловым[3], разделившим модернизационные процессы в деревне XX века на три фазы. Во второй фазе (1950 – 1980-е гг.) осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям НТР; аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер. Во второй половине XX века в русле агроперехода происходили сложные и противоречивые процессы: введение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, (экономическая трансформация); изменение типа воспроизводства сельско-

---

[1] См.: *Мотревич В. П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941 – 1960 гг.). Свердловск, 1991; *Он же.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941 – 1950 гг.). Екатеринбург, 1993; *Он же.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1950-е гг. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века : сборник научных статей. Коломна, 2009. С. 466 – 471.

[2] Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 328.

[3] См.: *Корнилов Г. Е.* Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002; *Он же.* Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург, 2004; *Он же.* Модернизация сельского хозяйства Урала в XX веке // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007; *Он же.* Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4 – 15; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009. С. 178.

го населения, ломка сельской патриархальной семьи, массовые перемещения селян (демографическая трансформация); демократизация общественно-политической жизни, участие крестьянства в политических процессах, партиях, движениях (политическая трансформация); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрение грамотности крестьянства, городской культуры и городских ценностей секуляризации сознания и образа жизни (культурная трансформация); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (социальная трансформация); изменение сельской поселенческой сети (трансформация сельского расселения). Одним из результатов трансформаций аграрной сферы в XX веке, по мнению Г. Е. Корнилова, стало раскрестьянивание российской деревни – процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей. В конце 1950-х гг. в сельской местности РСФСР проживало 48% всего населения, а в Уральском районе – до 44%[1].

Современные исследователи отмечают[2], что в 1950-е гг., несмотря на рост аграрного производства на Урале, вклад сельского хозяйства в продовольственный баланс страны снизился, в связи с восстановлением экономики в западных районах СССР. Исключение составляли зерновые. Однако фактически это означало, что освоение уральской целины привело в регионе к еще большему перекосу в сторону зернового хозяйства, отрицательно сказалось на обеспечении своего населения основными продуктами питания. В конце 1950-х гг. сельское хозяйство Урала, как и страны в целом, столкнулось с серьезными трудностями, вследствие серьезных ошибок в области аграрной политики, попыткой добиться ускоренного развития сельского хозяйства за счет волевых решений. Программа тех лет по животноводству, необдуманное повсеместное выращивание кукурузы, ограничение личных подсобных хозяйств населения, необоснованное преобразование многих колхозов в совхозы, реорганизация структуры управления серьезно отразились на темпах развития аграрного сектора. В результате в первой половине 1960-х гг. по сравнению с 1959 г. на Урале не было прироста объемов сельскохозяйственного производства. Вместе с тем, отмечают историки[3], дело не только в «волюнтаризме» и непредска-

[1] Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 129.

[2] См.: *Мотревич В. П.* Развитие сельского хозяйства на Урале. Ретроспективный анализ // Аграрный вестник Урала. 2011. № 9. С. 42 – 45.

[3] См.: *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. 1997 – 1998 гг. Вып. 2. М., 2000; *Мамяченков В. Н.* Завершение хрущевских реформ в сельском хозяйстве: а было ли оно? (на материалах Свердловской области) // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений. Мичуринск, 2016. С. 76 – 81.

зуемости, поскольку в годы семилетки наблюдалось не падение производства сельхозпродукции, а лишь снижение темпов роста. В целом же, хрущевские реформы стали последней попыткой командной системы создать высокопродуктивное сельское хозяйство на базе полностью обобществленной собственности.

Важным направлением исследований является социальная проблематика, уровень и качество жизни уральского населения. В «хрущевский» период историографии началось осмысление проблем уровня жизни населения, его связи с реальной заработной платой и общественными фондами потребления, благосостояния отдельных категорий трудящихся[1].

На «брежневском этапе» историографии в историко-партийных работах, появились разделы, посвященные народному благосостоянию. Достигнутый в СССР уровень жизни связывался с социалистическим укладом экономики, при этом признавалось наличие некоторых проблем и при социализме. Исследователей интересовали источники роста народного благосостояния в СССР, пути его повышения, проблемы сближения уровня жизни в городе и селе, заработная плата, доходы и расходы населения, реальные доходы населения, личные подсобные хозяйства, общественные фонды потребления. Уральские историки освещали проблемы социальной сферы в очерках о деятельности областных партийных организаций региона[2], рассматривали отдельные аспекты социальной политики[3]. Появляются исследования, посвященные материальному стимулированию труда различных категорий населения, роли общественных фондов потребления (ОФП), динамике потребления и улучшению работы сферы бытового обслуживания, расширению торговой сети, повышению рождаемости и продолжительности жизни городского населения региона, развитию медицинского обслуживания[4].

---

[1] См.: *Пятунин М.* Забота партии о благе народа. Свердловск, 1953; *Шандра В. А.* Повышение материального и культурного уровня жизни народа. Свердловск, 1956.

[2] См.: Очерки по истории БАССР. Уфа, 1966; Очерки истории Челябинской областной партийной организации КПСС. Челябинск, 1967; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983.

[3] См.: Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976; История Урала: в 2 т. Пермь, 1977; История советского Урала. 1946 – 1975. Свердловск, 1982.

[4] См.: *Вологжанин В. С.* Основные направления совершенствования заработной платы на современном этапе строительства коммунизма. Свердловск, 1965; *Спирова В. А.* Развитие коллективных форм заработной платы (на УЗТМ) // Пути повышения производительности труда и совершенствование его научной организации в промышленности СССР. Свердловск, 1966. С. 43 – 56; *Денисевич М. Н., Лыкова Л. А., Суворов В. Ю.* Исследования уровня жизни рабочего класса Урала в условиях развитого социализма (историография проблемы) // Урал и проблемы региональной историографии. Советский период. Свердловск, 1986. С. 143 – 146; *Трофимов А. В.* Рост реальных доходов трудящихся Среднего Урала (1959 – 1965) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. Свердловск, 1982. С. 116 – 124.

В научный оборот[1] входит понятие жизненного комплекса трудящихся (ЖКТ), включавшего выравнивание доходов разных классов и социальных групп, введение льгот по региональному перемещению трудящихся и региональных (поясных) коэффициентов к зарплате, регулирование цен на предметы потребления и т.д. Отставание в развитии Уральского экономического района объясняли особенностями структуры народного хозяйства Урала, высоким удельным весом отраслей добывающей и тяжелой промышленности, непосредственно не участвовавших в формировании ЖКТ. Урал был также не в состоянии обеспечить себя сельскохозяйственными продуктами, что не позволяло довести уровень потребления целого ряда продуктов до рационального. Исследователи[2] указывали на различия регионов по уровню развития в них непроизводственной сферы. Прирост занятых в непроизводственной сфере Урала происходил более низкими темпами, чем в РСФСР и СССР, при опережающих темпах в сфере материального производства, что объяснялось, с одной стороны, снижением доли капиталовложений, направляемых в народное хозяйство Урала, в общем объеме капиталовложений РСФСР и СССР, а с другой – низким удельным весом капиталовложений, выделяемых на развитие непроизводственной сферы в регионе, чем по республике и стране в целом.

Исследователи обращались к изучению истории торговли на Урале в 1950 – 1960-е гг.[3] Они зафиксировали, как достигнутые успехи (рост сети торговых предприятий, совершенствование ее материально-технической базы, появление новых форм обслуживания покупателей и т.д.), так и низкий уровень товарооборота, отставание по душевому потреблению наиболее ценных продуктов питания в Уральском регионе по сравнению со средними показателями по РСФСР.

Констатируя значительные успехи в строительстве жилья, достигнутые в «хрущевский» период, уральские ученые подчеркивали, что удовлетворение потребности в жилье приводило к закреплению квалифицированных кадров на Урале. Размеры капитальных вложений в жилищное строительство росли из года в год, были достигнуты определенные успехи,

---

[1] См.: *Деменев А. И., Цыпин Б. Л., Морозов Г. Б., Кулешов Н. Ф.* Влияние жизненного комплекса трудящихся на эффективность региональной экономики // Региональная экономика и эффективность общественного производства. Свердловск, 1976.

[2] См.: *Косяков П. О., Жеманова М. П.* Влияние региональных особенностей на повышение эффективности использования трудовых ресурсов Урала // Региональные особенности развития общественного производства. Свердловск, 1978.

[3] См.: *Серебренникова Л. Н.* Розничный товарооборот – важный показатель жизненного уровня населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976; *Запецкая Н. Д.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию советской торговли в годы пятой пятилетки (1951 – 1955): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983; *Трофимов А. В.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию советской торговли в годы семилетки (1959 – 1965). Дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1987.

однако, жилищная проблема продолжала оставаться нерешенной. Обеспеченность жителей региона жилой площадью и коммунально-бытовыми удобствами отставала от средних показателей по РСФСР[1], поскольку Урал являлся старопромышленным районом с большим количеством ветхого деревянного жилья.

В годы «перестройки» в уральской историографии растет интерес к проблематике материальных условий жизни: наряду с коллективными сборниками трудов, содержащих материалы, посвященные вопросам материального благосостояния населения Урала и Свердловской области, издаются работы А. В. Бакунина, В. Л. Берсенева, И. С. и С. Г. Важениных, М. Н. Денисевича, В. П. Мотревича и др.[2]

Важной вехой в постсоветской историографии стал выход в свет фундаментальных коллективных трудов уральских авторов – «Уральская историческая энциклопедия», «Урал в панораме XX века», содержащих большой объем научного материала, в том числе и по проблемам уровня жизни. Вопросы уровня и качества жизни уральского населения в 1950 – 1960-е гг. нашли отражение в работах В. Д. Камынина, М. А.Клиновой, Б. В. Личмана, Л. Н. Мазур, С. А. Ряскова, А. В. Трофимова, Р. А. Хазиева и др.[3], коллективных трудах Института экономики УрО РАН[4]. При анализе уровня жизни уральские историки обратились к бюджетным обследованиям населения Урала[5]. Исследователи обращали внимание на то, что вопросы обе-

---

[1] См.: *Мирошник Г. П.* Улучшение жилищно-коммунальных условий – важный фактор повышения жизненного уровня населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976.

[2] См.: *Бакунин А. В., Денисевич М. Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-е – 80-е годы). Свердловск, 1990; *Мотревич В. П.* Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг.: методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Свердловск, 1990; Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сборник научных трудов УНЦ АН СССР. Свердловск, 1987.

[3] См.: Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; *Клинова М. А.* Уровень жизни городского населения РСФСР (1946 – 1991 гг.) в отечественной историографии. Екатеринбург, 2014; *Личман Б. В., Камынин В. Д.* История Урала. XX век. Екатеринбург, 1996; *Мазур Л. Н.* Села и деревни Среднего Урала в XX веке. Екатеринбург, 2003; *Рясков С. А.* Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала. Екатеринбург, 2004; *Трофимов А. В.* Доходы, потребление, торговля на Урале (середина 1950-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 1995; *Хазиев Р. А.* «Культура советской торговли» эпохи Хрущева: виртуозы обвеса, обсчета и продажи «из-под полы» // Вестник Башкирского университета. 2010 № 3. С. 884 – 891.

[4] См.: Уральский регион: последствия экономического реформирования. Екатеринбург, 1996; Уровень жизни населения Урала: социальная стратификация регионального социума и система социальной защиты. Екатеринбург, 1999.

[5] См: *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985). Свердловск, 1991; *Мазур Л. Н.* Материальное благосостояние колхозников Среднего Урала в 60-е годы // Советское общество в зеркале социологии. Челябинск, 1991. С. 67 – 79; *Мотревич В. П.* Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946 – 1958 гг. (по материалам бюджетных исследований) // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. С. 78 – 89; и др.

спечения населения промышленными товарами на Урале стояли значительно более остро, чем по стране в целом. Региональная особенность состояла в недостаточном уровне развития легкой промышленности, отставание которой началось уже в 1960-е гг. и постоянно усиливалось, вплоть до распада СССР.

Уральские историки Л. Н. Мартюшов и Б. В. Личман[1] продолжили исследование темы территориальных различий в уровне жизни населения. Обратившись к проблеме денежных доходов, они отмечали, что в ходе упорядочения заработной платы в СССР (1956 – 1962 гг.) в промышленности Урала практически повсеместно проводилось снижение тарифных разрядов. Были «упорядочены» льготы, которыми пользовалась часть рабочих, уменьшены размеры районных коэффициентов, отменены в ряде районов зональные надбавки, что привело к снижению зарплаты некоторых категорий трудящихся. В частности, на предприятиях Свердловской области из-за «уточнения границ районов Крайнего Севера» зарплата снизилась у 12% рабочих. Причем снижение коснулось в основном квалифицированных рабочих, чей заработок превышал 150 – 200 р.

В современной историографии, посвященной проблемам материальных условий жизни населения, изучаются теоретические аспекты уровня жизни, перспективные пути его повышения и влияющие на него прямые и косвенные факторы, проводится сравнительный анализ уровня и качества жизни в Советском Союзе и Российской Федерации, в отдельных регионах страны, рассматриваются условия жизни отдельных категорий населения. Мировоззренческий и концептуальный плюрализм позволяет исследователям фокусировать внимание на различных составляющих уровня и качества жизни, по-разному оценивать эффективность социальной политики государства и региональной власти. Так, Е. А. Леонтьева показала, что на Южном Урале в 1953 – 1964 гг. реализация социальной политики способствовала позитивным изменениям в жизни общества. Хотя многие социальные проблемы до конца решить не удалось, но они были значительно смягчены. В сфере здравоохранения реализация таких принципов, как доступность, бесплатность и профилактическая направленность, сочеталось с увеличением его финансирования, расширением сети медицинских учреждений, коечного фонда (в 2,2 раза), ростом численности специалистов (в 1,9 раза), укреплением материально-технической базы и способствовало снижению уровня заболеваемости населения по ряду болезней и увеличению показателя естественного прироста населения. За счет увеличения инвестиций в социальное обеспечение населения Южного Урала с 1953 по 1964 г. в 6 раз увеличился контингент получающих пен-

[1] См.: *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955 – 1985 годах. Екатеринбург, 1999; *Личман Б. В.* Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х – середины 80-х гг. Екатеринбург, 2007.

сии. С 1964 г. впервые пенсии стали получать члены колхозов, однако размеры пенсии были намного ниже, чем у рабочих и служащих. Проводилась значительная работа по санаторно-курортному лечению, переобучению и трудоустройству инвалидов и престарелых, устройству их в специализированные учреждения, число которых за исследуемый период увеличилось в 1,5 раза. Широкая программа развития коммунально-бытового хозяйства способствовала улучшению социальной сферы жизни населения региона. Увеличение капиталовложений позволило расширить сеть водопроводно-канализационного хозяйства, предприятий бытового обслуживания населения, улучшить благоустройство городов и рабочих поселков. В то же время эти изменения мало коснулись сельских жителей[1].

В. Н. Мамяченков рассмотрев материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946 – 1991 гг. пришел выводу о том, что темпы роста благосостояния в стране и на Урале хронически отставали от формирующихся в обществе стандартов потребления, что провоцировало перманентный дефицит, а основной характеристикой уровня жизни населения оставалась неудовлетворенность базовых потребностей. Он отметил, что уровень и динамика материальной обеспеченности населения Свердловской области имели более высокие, чем в среднем по стране, показатели, что объяснялось значительным уровнем развития промышленного производства и предопределяло более высокий уровень заработной платы населения и, соответственно, более высокие доходы и расходы. В структуре потребления населения приоритетными были расходы на питание, приобретение одежды и обуви, уплату налогов (сборов и платежей), покупку алкогольных напитков и формирование вкладов. В 1950-е – 1960-е гг. на Урале происходил довольно быстрый рост потребления основных продуктов питания, который позднее сменился стагнацией и спадом. Индустриальный потенциал Свердловской области способствовал более активному решению жилищной проблемы, чем в целом по стране. Вместе с тем в условиях прогрессирующей урбанизации решить жилищную проблему не удалось[2].

В современной уральской историографии[3] признаются, как позитивные изменения в уровне и качестве жизни, расширение степеней свободы

---

[1] См.: *Леонтьева Е. А.* Медицинское обслуживание населения Южного Урала в 1953 – 1964 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 1. С. 28 – 34; *Она же.* Социальная политика на Южном Урале в период правления Н. С. Хрущева (1953 – 1964 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2013.

[2] См.: *Мамяченков В. Н.* Роковые годы: материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946 – 1960). Екатеринбург, 2002; *Он же.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих в 1953 – 1964 гг.: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2010.

[3] См.: *Трофимов А. В.* Хрущевские реформы и качество жизни уральского населения // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016. С. 367 – 375.

человека (от совместного обучения мальчиков и девочек в школах до отдельных квартир и разрешения абортов), так и их девальвация в результате следования идеологизированным принципам: ограничение личных подсобных хозяйств, запрещение частнопредпринимательской деятельности и т.д. Менялись стандарты потребления, экономические стратегии поведения уральского населения. Позитивные изменения качественных параметров жизни происходили, прежде всего, у городского населения (жителей ЗАТО), модифицировались стандарты потребления, возникали новые формы проведения досуга и т.п. Вместе с тем, для значительной части населения Урала востребованными оставались стратегии выживания в условиях бедности. Надежды и разочарования, вызываемые противоречивостью «хрущевских» реформ, порождали как социальный оптимизм, так и социальное недовольство.

Проблемы уровня и качества жизни в современной историографии связывают с существующими в советской экономической модели дефектами и изъянами. До конца 1980-х гг. проблема существования в СССР «нелегальной», «теневой» экономик не рассматривалась в отечественной историографии, а все материалы, касающиеся негативных сторон функционирования советской экономики, были надежно закрыты от исследователей.

В историографии периода «перестройки» обосновывалась мысль о «загнивании» советской экономики в результате не только замедления темпов экономического роста, государственного монополизма, но и расширения сферы «теневой экономики». Появился тезис о том, что после смерти И. В. Сталина, когда стала демонтироваться репрессивная система, в советской экономической модели возникли чуждые ее сущности явления. Поскольку, в сталинские времена такого явления, как «теневая экономика», в стране не существовало – слишком велик был страх и хорошо работали карательные органы, соответственно, стоило лишь убрать элемент страха, и естественное стремление части хозяйственных руководителей и просто предприимчивых людей получать больше прибыли, в том числе в целях личного обогащения, стало быстро реализовываться.

Современные исследователи предприняли попытки показать наличие «теневой экономики» на всем протяжении существования Советского государства[1]. В послесталинское десятилетие провозглашенная политическая линия на личную заинтересованность способствовала несанкционированному проявлению экономической инициативы. По мере выдвижения в качестве перспективной, но казавшейся реальной задачи – построения коммунизма – все так называемые пережитки капитализма, в том числе личная предприимчивость, стремление к наживе, стали рассматриваться как нетерпимые явления, с которыми надо вести решительную борьбу. М. А. Клинова рассчитала

[1] См.: *Бокарев Г.* Власть и преступность в России в период хрущевской оттепели и реформ 60 – 70-х гг. // Россия: XXI век. М., 1995.

приблизительные объемы доходов городского населения Свердловской области, полученные от практики хищений, представила реакцию уральских жителей на злоупотребления со стороны представителей власти[1]. Р. А. Хазиев показал, что в Уральском регионе в «хрущевский» период проявляется такое, ранее явно не выраженное, социальное явление, как жажда наживы. Использование различных путей, способствующих личному обогащению, было вызовом советской системе, утверждавшей идеи равенства, уравнительности, стоицизма и отвергалось большей частью населения, не попавшей в номенклатурную обойму. В стране и регионе проявились негативные антисоциальные процессы, происходил рост кумовства, коррупции, «адресное» перераспределение за мзду лимитированных фондов, организация черных касс для подкупа должностных лиц. Важнейшим компонентом после десятилетий сталинского стоицизма стала утверждающаяся в эпоху Н. С. Хрущёва материалистическая концепция жизни по-советски, при которой одним из существенных показателей успеха становятся «сытая» повседневность, деньги, привилегии и показная роскошь[2].

В современной отечественной историографии разрабатываются вопросы уровня жизни населения и специфики его материально-бытового пространства, которое, с одной стороны детерминирует поведенческие стереотипы граждан, а с другой, само является результатом реализации определенных экономических стратегий. Изданные в Уральском регионе в последние годы сборники документов[3] позволяют выявить, существовавшие в 1950 – 1960-е годы, представления о динамике параметров качества жизни, через призму их восприятия уральскими жителями.

Экономические представления и модели поведения уральского населения помещаются в контекст модернизационных процессов, вектор кото-

---

[1] См.: *Клинова М.А.* Девиантные экономические практики городского населения Свердловской области в 1960 — начале 1970-х гг. // Человек в условиях модернизации XVIII – XX вв. сб. науч. ст. Екатеринбург: 2015. С. 361 – 367; *Она же.* «При советской власти не должно быть буржуев!»: суждения уральского населения о злоупотреблении руководства (по материалам писем и жалоб (1964 – 1982 гг.)) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2016. № 4. С. 115–123.

[2] См.: *Хазиев Р. А.* Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 874 – 881; *Он же.* «Ловкачи на все руки»: нелегальное получение доходов в эпоху Н. С. Хрущева // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 260 – 279; *Он же.* Подпольная хозяйственная деятельность на Урале в 1953 – 1964 гг. // Вестник истории, литературы, искусства. 2015. Т. 10. С. 138 – 148; *Он же.* Послесталинская рефлексия на бедность: пионеры консьюмеризма, доморощенные коммивояжеры и теневики на уральской периферии в 1953 – 1964 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016. С. 552 – 560.

[3] См.: Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945 – 1964 гг.: на примере Башкирской АССР / Отв. ред. *Р. Н. Сулейманова*. Уфа, 2014; Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917 – 1991 гг.) / Отв. ред. *А. В. Трофимов.* Екатеринбург, 2015.

рых – превращение традиционного, аграрного общества в индустриальное, городское[1]. Происходившие в 1950-е – 1960-е гг. на Урале урбанизация, аграрный и демографический переходы, расширение региональной составляющей советского оборонно-промышленного комплекса и т.д. – определяли и коррелировали экономические представления и модели поведения жителей региона.

Исследование советской модели мобилизационного типа развития и «мобилизационной экономики»[2], выявило, что мобилизационные стратегии имели определенный потенциал роста эффективности и производительности труда, однако, в исторической перспективе – не содержали в себе потенциала саморазвития. Коррективы, внесенные преемниками Сталина в мобилизационную модель развития, способствовали росту предприимчивости, инициативности, порой переходящих в пограничные или запрещенные советским законодательством формы экономического поведения (спекуляция, тунеядство и т.п.). Государство переходит к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении власти, что способствовало формированию режима эмпатии, который не табуировал и отвергал, а принимал и реагировал на индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина. Результатом данной политики стал рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация в хрущевское время.

Среди различных суждений и оценок, посвященных социально-экономическим реформам, проводимых в «хрущевский» период, отметим основные смысловые концепты. Первый: реформы были обусловлены прагматическими соображениями, являлись реакцией «коллективного руководства» на многочисленные проблемы, существовавшие в стране, даже несколько «опережая» ожидания общества, жившего в условиях выживания. Второй: реформы вызрели еще в сталинский период, и продолжали курс на построение социализма и коммунизма, менее жесткими методами, способствуя трансформации административно-командной системы. Третий: «хрущевские» реформы, наряду с устранением негативных сторон сталинского режима, стали предательством интересов социализма и попыткой (изначально обреченной на неудачу) соревноваться с Западом в построении своего варианта потребительского общества. Четвертый: являясь драйверами советской модернизации в условиях корректировки, соз-

---

[1] См.: Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: сб. ст. / Отв. ред. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2011; *Трофимов А. В.* Модернизационные процессы и экономические модели поведения уральского населения (1945 – 1965 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII – XX вв. Екатеринбург: 2015. С. 327 – 332.

[2] См.: *Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А.* Мобилизационная модель развития российского общества XX века и проблемы ее трансформации. Челябинск, 2013.

данной при Сталине, мобилизационной системы, завуалированные в коммунистическом дискурсе, эти реформы оставили долговременные и неоднозначные последствия в социальном пространстве, оказали существенное влияние на параметры уровня и качества жизни населения страны и Уральского региона.

Обращение исследователей к общественно-политической сфере советского общества на «хрущевском» и «брежневском» этапах историографии не ограничивалось комментированием и разъяснением решений партийных форумов и подбором фактов, свидетельствующих о правильности партийно-государственного курса, осуществляемого в СССР. Прослеживается стремление наполнить конкретно-историческим содержанием концепты, используемые при трактовке «хрущевского периода»: «полного и окончательного построения социализма», «перехода к строительству социализма», «преодоления культа личности и его последствий», «волюнтаризма и субъективизма». Историки обращались к различным аспектам общественно-политической жизни страны, таким как участие в ней рабочего класса, деятельности партийных, комсомольских организаций, депутатов местных советов и др.[1]

В годы «перестройки», санкционированный властью «вброс» в публичное пространство материалов по эпохе Н. С. Хрущева, призванный легитимизировать политику М. С. Горбачева, как продолжение курса на очищение социализма от деформаций, доведение до логического конца политики десталинизации, начатой в середине 1950-х гг., актуализирует обращение к общественно-политической тематике. В многочисленных публикациях «хрущевское» десятилетие начинает противопоставляться последовавшему за ним «брежневскому застою», рассматриваются альтернативные возможности развития, связанные с личностями Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, Л. П. Берия. С линией XX съезда КПСС связывают возможность построения гуманного социализма. В реформаторской деятельности Н. С. Хрущева видят истоки «перестройки». Борьбу «сталинистов» и «антисталинистов» в середине 1950-х гг. рассматривают через призму борьбы «реформаторов» и «консерваторов» в конце 1980-х гг.

Выбор вектора исследования и авторских оценок в современной историографии зависит от мировоззренческих и концептуальных пристрастий. Так, уральский историк М. Г. Суслов, сохраняя приверженность советской историографической традиции, в книге посвященной анализу причин краха советской политической системы рассматривает объективные причины (зарождение и развитие в недрах советской политической системы бур-

[1] См: *Лепешкин А. И.* Советы – власть народа: 1936 – 1967. М., 1967; *Павлов А. С*. Местные Советы в период упрочения и развития социалистического общества (1946 – 1961 гг.) // Вопросы истории. 1982. № 5; Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни. Свердловск, 1985; и др.

жуазных рыночных отношений) и субъективные факторы (деятельность соответствующих социальных групп и представителей правящей элиты), которые оказали влияние на судьбы нашей страны в XX веке. Показывая проблемы деформации системы и то, как сама КПСС уничтожала советскую власть, а ее лидеры «подкладывали бомбы» под советскую политическую систему, и, в конечном счете, взорвали ее, он значительное внимание уделяет периоду 1953 – 1964 гг. и деятельности Хрущева[1].

В тоже время, организаторы и участники международной конференции «После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории» (Екатеринбург, октябрь 2015 г.) акцентировали внимание на проблемы преодоления диктатуры Сталина как фактора советского транзита к несталинской, умеренно авторитарной модели развития. Начавшимся после смерти Сталина существенным политическим и социально-экономическим реформам способствовали многочисленные предпосылки, прежде всего тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале 1950-х гг., массовые ожидания перемен и осознание советскими лидерами невозможности продолжения прежнего курса.

Появились публикации, в которых анализируются внутрипартийные дискуссии по социальным вопросам, происходившие на Урале, в середине 1950-х гг. О. Л. Лейбович[2] выдвинул гипотезу, что под воздействием культурного шока, вызванного смертью и разоблачением Сталина рядовые партийцы подвергли критике сложившийся социальный порядок: привилегии номенклатуры, социальную несправедливость, низкие доходы рабочих и колхозников, жилищный кризис. В дискуссии он выделяет два основных течения: профессиональное, апеллирующее к знаниям социальной медицины, и доминирующее, низовое, опирающееся на личный опыт критиков. В ходе партийных дискуссий проявились настроение недовольства условиями жизни значительной части городского и сельского населения. Собрания в марте — апреле 1956 г. могли бы стать источником формирования автономного от власти общественного мнения, но этого не произошло в силу разных причин: слабости коммуникаций между партийцами из разных организаций, а также отсутствия адекватного социальным проблемам языка.

Современные исследователи отмечают усиление политического и экономического влияния региональных элит в послесталинский период, объясняя это действием ряда факторов.

---

[1] См.: *Суслов М. Г.* Причины краха советской системы. Пермь, 2007.

[2] См.: *Лейбович О. Л.* «Кто в нормальных условиях завтракает супом?» Партийные дебаты на социальные темы в эпоху оттепели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 41 – 51; *Он же.* «Недели свободы»: дебаты о сталинизме в марте – апреле 1956 г. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016. С. 54 – 64.

Во-первых, тем, что внутри матрицы советской экономики сверхцентрализованная «административно-бюрократическая система» стала замещаться системой «административно-бюрократического рынка» корпоративного типа и «экономикой согласований», где принятие экономических решений осуществлялось в процессе неформального согласования интересов различных субъектов модернизационного процесса на основе создаваемого с конца 1950-х гг. хозяйственного механизма совнархозов. Данные субъекты являлись составной частью бюрократической системы согласований и действовали по ее правилам[1], отстаивая, по выражению Р. Г. Пихоя[2], групповые интересы внутри партийно-государственной элиты. Большинство российских и западных исследователей считают, что группы интересов в советском государстве существовали и имели большое значение в функционировании всего общества[3].

Во-вторых, усилению региональных элит способствовала внутриполитическая борьба за власть в правящей элите между преемниками И. В. Сталина. В годы правления И. В. Сталина, по мнению Н. Барсукова[4], борьба внутри правящей корпорации имела замкнутый на высшую номенклатуру цикл. Региональным властям в ситуации гипертрофированного контроля всех сфер центральной властью отводилась роль исполнителя решений Центра. Конфликты внутри руководства, по оценке М. Реймана[5], оставались долго под спудом, их развитие тормозила непреодоленная слабость аппаратов власти и управления. Впервые активность региональных властей в отношении социально-экономического развития собственной территории проявляется в постсталинский период, когда начинается открытое политическое соперничество на центральном уровне между Н. С. Хрущевым, Г. М. Маленковым, Л. П. Берия. Обозначившийся конфликт между группами интересов основных властных институтов советского общества не мог не отразиться на усилении региональных властей. Возникает новая система взаимоотношений между Центром и регионами, ее сущность со-

---

[1] *Перегудов С. П.* Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М., 2003. С. 37 – 38.

[2] *Пихоя Р. Г.* О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945 – 1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4.

[3] См.: *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000; *Лапина Н., Чирикова А.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации // Федерализм, региональное управление и местное самоуправление. 1999. № 6; *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945 – 1991). Пермь, 2003; *Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семененко И. С.* Группы интересов и Российское государство. М., 1999; *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917 – 1985 гг. М., 2001.

[4] *Барсуков Н.* На переломе. Советское общество в послевоенное десятилетие // Свободная мысль. 1994. № 6. С. 96.

[5] *Рейман М.* Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 26.

стояла в усилении влияния партийных органов краев и областей в подготовке решений по экономическим вопросам.

Ю. В. Аксютин, Ю. Г. Белоногов, О. Л. Лейбович, О. В. Хлевнюк[1], используя, в том числе и уральский материал, показали, что партийные руководители начинают активно защищать и отстаивать свои региональные экономические интересы, предпринимают действия по ограничению влияния руководства отраслевых министерств и ведомств. По мнению В. П. Мохова[2], при руководстве Н. С. Хрущева произошла трансформация положения и статуса региональной элиты. Содержание трансформации определялось передачей части полномочий в руки региональных элит. Поэтому в период либерализации хозяйственного механизма при Н. С. Хрущеве процесс оформления и артикуляции региональных интересов, по выражению ряда исследователей, «зашел далеко»[3]. Именно с попыткой перенести центр тяжести управления экономикой на совнархозы в период правления Н. С. Хрущева, полагают Н. Лапина, А. Чирикова, связано зарождение региональных элит[4]. Тогда как, Е. Г. Анимица и А. Т. Тертышный отмечают, что в «хрущевский период» «о возрождении территориального (регионального) самоуправления не могло быть и речи, ибо самостоятельность мест и самодеятельность населения шли вразрез с теми целями и принципами, которые ставили перед собой партийные лидеры»[5].

Пермский исследователь В. П. Мохов констатировал, что в первой половине 1950-х гг. завершился период существования крайне многочисленной номенклатуры ЦК КПСС. В июле 1953 г. было принято постановление ЦК КПСС, согласно которому сокращалась номенклатура обкомов, крайкомов, республиканских комитетов КПСС «в целях повышения ответ-

---

[1] См.: *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 1964 гг. М., 2004; *Белоногов Ю. Г.* Динамика представительства номенклатуры ЦК КПСС в региональной номенклатуре в 1953 – 1965 годах (на примере Молотовского (Пермского) обкома КПСС) // Вестник ПГТУ. Культура. История. Философия. Право. Пермь, 2009. № 1 (20). С. 130 – 158; *Он же.* Генезис советской региональной элиты как группы интересов во внутриэлитных политических конфликтах 1950-х – 1960-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 – 2. С. 21 – 26; *Лейбович О. Л.* Реформы и модернизация в 1953 – 1964 гг. Пермь, 1993; *Хлевнюк О. В.* Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31 – 49; *Он же.* Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия 1962 – 1964 годы // Российская история. 1968. № 4. С.164 – 179.

[2] См.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945 – 1991). Пермь, 2003.

[3] См.: *Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семененко И. С.* Группы интересов и Российское государство. М., 1999.

[4] См.: *Лапина Н., Чирикова А.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации // Федерализм, региональное управление и местное самоуправление. 1999. № 6.

[5] См.: *Анимица Е. Г., Тертышный А. Т.* Экономическая реформа в России. Екатеринбург, 1995.

ственности советских и хозяйственных руководителей, райкомов и горкомов партии за подбор и расстановку кадров». Численность региональной номенклатуры ЦК КПСС сократилась в 1956 г. в три-пять раз по сравнению с предшествующим периодом и затем на протяжении тридцати лет сохранялась примерно на одном уровне. Резкое сокращение численности номенклатуры ЦК КПСС в середине и во второй половине 1950-х гг. было вызвано: 1. Сложностью контроля за такой большой по численности номенклатурой, длительностью и многоступенчатостью утверждения многих кадров номенклатуры регионального уровня. Несмотря на сокращение номенклатуры ЦК, ликвидировать многоступенчатость в утверждении кадров было невозможно, поскольку это составляло чрезвычайно важный аспект действия механизма номенклатуры. 2. Изменением политических институтов, новым раскладом сил в обществе, модификацией методов управления и поддержания господства в стране со стороны КПСС[1].

Развивая положение о том, что в 1950-х – середине 1960-х гг. в СССР проводилась модернизация в рамках правил оформлявшегося «административно-бюрократического рынка» и «экономики согласований», Е. А. Хромов в качестве основного субъекта проведения данной модернизации в регионах страны, называет региональную элиту, которая структурно входила в центральную, являлась проводником ее решений, отвечала за реализацию принятых в Центре модернизационных программ. В то же время региональная элита отдельных территорий, являясь носителем собственных стратегических проектов и целей, обладателем необходимой политической воли для реализации этих проектов, пыталась вырабатывать свои приоритетные направления регионального развития и перестраивать структуру своей экономики в соответствии с индустриальной моделью. Конфликт и борьба интересов между группами в самой региональной элите, были одним из ведущих факторов выбора той или иной территорией специфической стратегии индустриализации региона наряду с установлением неформальных взаимовыгодных связей с различными центральными хозяйственными комитетами и ведомствами в период либерализации хозяйственного механизма[2].

Историки отмечают, что некомпетентность значительной части чиновников, коррупция и злоупотребления были факторами, снижающими эффективность советской управленческой модели. Не имея возможности (по субъективным и объективным причинам) применять сталинские методы, Н. С. Хрущев занялся, в основном, реорганизациями партийно-

---

[1] *Мохов В. П.* Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // Научно-практический журнал Северо-западной академии государственной службы. 2005. № 1. С. 101.

[2] См.: *Хромов Е. А.* Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 183 – 186.

государственных структур и запугиванием чиновничества. Принятое в 1962 г. решение о разделении партийного и советского аппарата по отраслевому принципу – на промышленный и сельскохозяйственный, призвано было ослабить влияние регионального аппарата, поскольку противоречило интересам региональных руководителей[1].

Современные уральские исследователи обратились к анализу общественно-политических процессов, происходивших на Урале в середине XX в. Вышли работы по истории репрессий на Урале, об эволюции пенитенциарных структур до начала 1960-х гг., истории инакомыслия на Урале[2]. Проанализировать деятельность комсомола как органическую составляющую социокультурной системы советского общества 1940 – 1950-х гг. и как один из компонентов микросред жизнедеятельности различных категорий молодых производственников Уральского региона попытался М. Н. Федченко[3]. К проблеме взаимоотношений власти и населения через призму жалоб и обращений граждан обратились М. А. Клинова, Р. Н. Сулейманова[4]. Уральские исследователи рассмотрели различные аспекты социально-профессионального облика и характерные черты коллективной биографии руководителей высшего и среднего эшелонов областного партийно-государственного аппарата[5]. Н. В. Мельникова, В. Н. Кузнецов раскрыли особенности общественно-политической жизни и менталитета населения закрытых городов Урала[6]. А. В. Сушков, предложив новый ракурс рассмотрения личностного фактора

---

[1] *Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006, С. 123; Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953 – 1964 гг. М., 2009. С. 14 – 15.

[2] См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в сер. 1920 – нач. 50-х гг. Ч. 2. Нижний Тагил, 1996; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; Пихоя Р. Г. СССР: История власти. 1945 – 1991. М., 1998; *Прищепа А. И.* Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х – сер. 1980-х гг.). Сургут, 1998; *Русина Ю. А.* Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Екатеринбург, 2015; *Руткевич М. Н.* Развитие философии и социологии в Уральском университете (40 – 70-е гг. XX в.). М., 2003; и др.

[3] См.: *Федченко М. Н.* Молодые производственники Урала. Исторический опыт социализации (1945 – начало 1960-х гг.). Казань, 2001.

[4] См.: *Клинова М. А.* Власть глазами крестьян (на материалах писем и жалоб послевоенного десятилетия) // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. С. 63 – 77; *Сулейманова Р. Н.* «Зачем такое правительство нужно?»: власть в представлениях населения Башкирской АССР (1945 – 1950-е годы) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 772 – 776.

[5] См.: *Сушков А. В., Разинков С. Л.* Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома. 1934 – 1991: Биогр. справ. Екатеринбург, 2003; Курганская область: лидеры и время (1943 – 2003): Сб. док. Курган, 2003; *Нечаева С. В.* Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934 – 2006 гг. Челябинск, 2007.

[6] См.: *Мельникова Н. В.* Закрытый город: население и его менталитет (1950 – 1960-е гг.). Екатеринбург, 2001; *Кузнецов В. Н.* Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.). Екатеринбург, 2003; *Он же.* Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Ч. 1. Екатеринбург, 2015; Ч. 2. Екатеринбург, 2016.

на региональном уровне, в контексте политических процессов, происходивших в Президиуме ЦК КПСС в 1957 – 1964 гг., показал, что Свердловская область находилась в авангарде кадровых нововведений, а ее руководящий партийно-государственный аппарат являлся важным кадровым резервом для высших властных органов страны и крупных, экономически значимых регионов[1].

Важный импульс для углубления представлений об общественно-политической истории 1953 – 1964 гг. на региональном уровне дали, предпринятые в последние годы, публикации архивных материалов[2]. Особо следует выделить, осуществленный уральскими исследователями, проект «Общество и власть. Российская провинция 1917 – 1985 гг.»[3].

Использование новых источников и концептуальных подходов способствовали появлению работ, посвященных проблемам общественно-политической активности населения в региональном и социальном измерениях. А. Ю. Балтина[4] на основе анализа протоколов сельских Советов Урала (1946 – 1958 гг.) показала рост удельного веса критики во второй половине 1950-х гг. Также были отмечены пассивность большинства депутатов, преимущественно нейтральный характер их выступлений, принятие решений на сессиях главным образом по хозяйственным вопросам, незначительный удельный вес отчетов исполкомов и депутатов перед своими избирателями. К. Б. Валиуллин констатировал, что меры периода «хрущевской оттепели» не смогли в корне изменить формальный, ограниченный характер социалистического демократизма, строго регламентированного партийно-советским аппаратом в собственных корыстных интересах. Масштаб участия рабочих в общественной жизни и его эффективность не соответствовали возможностям и потребностям общества[5].

---

[1] См: *Сушков А. В.* Партийно-государственная номенклатура Среднего Урала в 1945 – 1964 гг.: коллизии власти // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 166 – 202; *Он же.* Президиум ЦК КПСС в 1957 – 1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009.

[2] См.: Работа административных органов в 1950 – 1961 гг. Подборка документов. Екатеринбург, 1994; Преодоление культа личности И. В. Сталина в Свердловской областной парторганизации 1953 – 1964 гг. Подборка документов. Екатеринбург, 1999; Хрущевская оттепель на Урале: 1963 – 1964 гг. Тематический перечень. Екатеринбург, 2000; Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953 – 1964. М., 2009; На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945 – 1960 гг. М., 2010; и др.

[3] Общество и власть. Российская провинция. 1917 – 1985. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Екатеринбург [и др.]. 2005 – 2008.

[4] См.: *Балтина А. Ю.* Деятельность постоянных комиссий сельских Советов Урала в 1946 – 1958 гг. // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1990. С. 85 – 91; *Она же.* Методика анализа протоколов сессий сельских Советов Урала в 1946 – 1958 гг. // Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 82 – 94.

[5] См.: *Валиуллин К. Б.* Рабочий класс в общественно-политической жизни страны в 1956 – 1975 гг. (На материалах Урала). Уфа, 1995.

Исследователи в качестве одной из наиболее характерных черт «хрущевского» периода в идейно-политической сфере называют попытку теоретической разработки и практического внедрения в общественное сознание «образа коммунизма». В. Л. Дрындин рассмотрел механизмы трансляции официального представления о коммунизме, функционирование партийной и государственной машины «агитации и пропаганды» на материалах Южного Урала в контексте решений и постановлений центральных органов. Автор показывает, с какими трудностями сталкивались агитаторы на местах, как была организована их работа, демонстрирует плюсы и минусы работы по пропаганде государственной идеологии[1]. А. А. Фокин обратил внимание на то, что население, наряду с официальными перспективами и усилиями посредников, также порождало и тиражировало образы коммунизма. Официальные коммунистические перспективы выступали, скорее, как оболочка, и текст Программы партии воспринимался как своеобразное «откровение». В реальной жизни людей интересовали конкретные положения, связанные с обыденной стороной жизни. Наиболее популярной была идея коммунистического распределения, выраженная в лозунге «от каждого по способностям, каждому по потребностям»[2].

Следовательно, на рубеже 1950 – 1960-х гг. в Советском Союзе существовал не один, а несколько разнородных образов коммунизма, что вызывало трудности их гармонизации и делало нереальным соединение их в рамках одного официального образа «светлого будущего».

В советской историографии основу изучения истории культуры в СССР составляли труды М. П. Кима[3], определившего предмет истории советской культуры и его структурные элементы, исследовавшего социальное предназначение культуры, разработавшего периодизацию культурного строительства. На «брежневском» этапе историографии рассматривались проблемы становления и развития системы партийного, государственного и общественного руководства культурой, выработки механизма взаимодействия власти и культуры, появились обобщающие труды, посвященные анализу законодательно-правовых актов, регулирующих развитие советской интеллигенции, художественной самодеятельности, создание систе-

---

[1] См.: *Дрындин В. Л.* История пропагандирования постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации Советского общества (на материале Южного Урала середина 50-х – середина 60-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1997.

[2] См.: *Фокин А. А.* «Коммунизм не за горами»: образы «Светлого будущего» в СССР на рубеже 1950 – 60-х годов // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М, 2010. С. 332 – 366; *Он же.* Представление о коммунизме у населения СССР на рубеже 1950 – 1960-х гг. в связи с принятием III Программы КПСС // Социальная история: ежегодник. 2010. СПб., 2011. С. 302 – 326; *Он же.* Мобилизация населения на решение партийных задач в 1950 – 1960-е гг. // Челябинский гуманитарий 2012. № 4 (21). С. 99 – 106.

[3] См.: *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М., 1957; *Он же.* Коммунизм и культура. М., 1969.

мы подготовки кадров, строительству учреждений культуры. Весомый вклад в изучение культурной жизни Урала внесла свердловская (екатеринбургская) школа исследователей культуры. Одними из первых, кто поставил вопрос о необходимости рассмотрения сферы культуры региона в качестве самостоятельного и целостного объекта целенаправленного воздействия, были исследователи Уральского научного центра АН СССР[1].

Различные аспекты культурной жизни на Урале нашли отражение в работах М. Г. Марченко, В. П. Поляничко, Р. П. Толмачевой[2]. Информация о развитии культуры региона содержалась в обобщающих трудов по истории областных партийных организаций, материалов «от съезда к съезду». В них идеализировалась государственная политика культурного строительства в стране и на Урале, положительно оценивалась деятельность власти по руководству культурно-просветительными учреждениями, переоценивалось влияние идеологических постановлений ЦК КПСС на духовную жизнь региона.

Исследователи обращались к начавшейся во второй половине 1950-х гг. реформе общеобразовательной школы. В «хрущевский» период историографии связь между школой и обществом интерпретировалась следующим образом: коммунистическая партия провозгласившая, что она выражает интересы общества и ведет его по пути прогресса и процветания, периодически издавала постановления о школе, в которых формулировался очередной «социальный заказ» учреждениям образования. Историки комментировали директивные решения партийных органов и оценивали их как новый этап, развивающий представления классиков научного социализма, а практическая деятельность местных органов народного образования трактовалась как последовательное осуществление партийной политики и преодоление объективных противоречий и субъективизма отдельных педагогических коллективов и педагогов. Сама концепция реформ не подвергалась сомнению, подчеркивался приоритет передового опыта над недостатками, отдельные критические замечания носили частный характер.

В «брежневский» историографический период в публикациях появились сведения о нерешенных вопросах, выявленных в ходе проведения образовательных реформ. Вместе с тем, авторы стремились представить общую картину развития системы образования, связывали прогресс в области народного образования с партийно-государственным руководством и регулированием, созданием однотипных учебных заведений, единством

[1] См.: *Шарова А. Ф.* Особенности долгосрочного планирования развития культуры региона // Социологические исследования проблем духовной жизни трудящихся Урала. Свердловск, 1974. С. 9 – 18.

[2] См.: *Марченко М. Г.* Развитие культуры Челябинской области. Челябинск, 1959; *Поляничко В. П.* Воспитательная роль учреждений культуры. М., 1976; *Толмачева Р. П.* Деятельность советских культурно-просветительных учреждений Урала (1946 – 1958 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни. 1917 – 1987. Свердловск, 1990. С. 86 – 97.

учебных программ, при этом практическая работа звеньев партийного и государственного управления анализировалась без должной критики.

В работе Т. И. Зиминой на примере деятельности партийных организаций Курганской, Свердловской, Оренбургской, Пермской и Челябинской областей были показаны процесс реформирования общеобразовательной школы, развития материальной базы школ, совершенствования учебно-воспитательной работы, количественные изменения сети школ. Констатируя положительную динамику школьного и учебно-производственного строительства, развития их материально-технической базы, автор отмечала, что нередко школьников обучали слишком узким, не требующим трехлетнего обучения профессиям, часто не учитывали потребности народного хозяйства региона в рабочих тех или иных специальностях, что, в свою очередь, не вызывало у школьников интереса к овладению профессией и снижало уровень трудового воспитания.[1]

На «перестроечном» этапе историографии появляются работы, в которых более критично анализировались проблемы государственной политики и партийного руководства в области народного образования, опыт разработки и реализации школьной политики в СССР, обращалось внимание на негативное влияние партийно-государственного диктата на развитие советской школы[2].

В постсоветской историографии 1990-х гг., продолжилась тенденция представлять лишь негативные стороны развития советской школы. Если в советский период, предметом замалчивания и фальсификации, было дореволюционное прошлое, в том числе и проблемы народного образования, то в современной России, такая практика стала применяться в отношении советского периода развития школы. Более сбалансированное видение истории развития советской школы представлено в исследовании В. А. Штурбы. В ее докторской диссертации, посвященной вопросам государственной политики в области народного образования, один из разделов посвящен реформе школы 1950 – 1960-х гг. Автор выявил противоречивый характер государственной политики в области образования, постарался дать объективную оценку положительных результатов развития системы образования советского периода[3].

Уральский исследователь И. А. Шебетя проанализировала процесс реформирования общеобразовательной школы в 1950 – 1960-е гг. на Южном

---

[1] См.: *Зимина Т. И.* Партийное руководство общеобразовательной школой на Урале (1959 – 1970 гг.). Красноярск, 1984.

[2] См.: *Дайч З. Г.* Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. М.,1991.

[3] См.: *Штурба В. А.* Разработка государственной политики в области народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 1960 – 1980-е гг. (на материалах Юга России): Дис. … д-ра ист. наук. М., 2001.

Урале и показала несоответствие правильной цели реформы «приблизить школу к жизни» и реальных материальных возможностей. Она обратила внимание на противоречия между поставленной правительством задачей подготовки через общеобразовательную школу высококвалифицированных специалистов, готовых работать в условиях научно-технической революции и реальным воплощением этих задач в регионе[1].

В противовес этим выводам Е. А. Леонтьева полагает, что к середине 1950-х гг. были созданы все условия для решения новых задач в развитии общего образования как одного из важных направлений государственной социальной политики в регионе. Увеличение финансирования позволило расширить сеть школ на Южном Урале и число педагогов. Для улучшения работы по воспитанию и образованию детей открывались школы-интернаты (общие и специальные для детей с ограниченными возможностями) и группы продленного дня. Количество школ-интернатов с 1958 по 1964 г. возросло в 3,5 раза, контингент учащихся — в 5,5 раза. Достижением являлась отмена платы за обучение в старших классах, средних специальных и высших учебных заведениях[2].

В современной российской историографии преобладают представления о культуре как сложном и многослойном объекте, требующем многофакторного анализа. Усилилось внимание к региональным аспектам, проблемам личностного начала в социокультурных процессах, роли в советской культуре различных групп.

Обратившись к исследованию динамики социокультурных процессов в отечественной науке 1950 – 1970-х гг. В. С. Балакин выделил наиболее существенные атрибуты мировосприятия советских ученых, нашедшие свое отражение в мире идей, социокультурных представлений, языке, стереотипах поведения. К ним он отнес: доминирование эмоционально-чувственного отношения к жизни над рациональным; огромную целеустремленность, желание усовершенствовать общество, веру в лидера, вождя, ожидание от него быстрого решения всех социальных проблем; соотнесение своих чувств с общей идеологией, политизацию всех общественных явлений; отсутствие гуманистического понимания личности как уникальной сущности, носителя высшего духовного начала; постоянный поиск и конструирование социального идеала будущего, устойчивая вера в возможность его достижения; державный патриотизм и роман-

[1] См.: *Шебетя И. А*. Система школьного образования на Южном Урале в середине 50 – 60-х гг. XX века: Дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2003.

[2] См.: *Леонтьева Е. А.* Состояние школьного образования на Южном Урале в 1953 – 1964 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 59 – 66.

тизм[1].

В 1990-е – 2000-е гг. уральская историография пополнилась рядом исследований, дающих представления об основных этапах развития художественной культуры, проблемах культурного строительства и культурной политики, оценивающих идеологические постановления ЦК КПСС, деятельность партийных, государственных и общественных организаций по управлению развитием культуры и искусства[2].

Рассмотрев ситуацию в области культурного строительства на Южном Урале в 1945 – 1953 гг. А. Г. Алятина пришла к выводу о противоречивом характере культурной политики, осложняющим деятельность учреждений культуры и искусства[3]. Проблемы партийно-государственного руководства культурным строительством, тандема «власть и культура» во второй половине XX в. на Южном Урале исследовала А. В. Зыкова. Проанализировав систему взаимоотношений власти и культуры на Южном Урале в 1950-е – 1970-е гг. она пришла к выводу о том, что политика и практика власти в культурном строительстве оставалась единственно возможной в Советском государстве. С целью политического подчинения творческой интеллигенции власть создала Союзы художников и писателей и встроила их в систему органов государственного управления, что привело к их обюрократизации. В ответ на тотальный контроль в творческой среде формировались самостоятельные объединения, складывалась неофициальная культура, распространялись политические анекдоты. Под жестким контролем цензуры формировался репертуар театров и концертных организаций. При этом театральная и музыкальная жизнь Южного Урала второй половины XX в. демонстрировала, что периферийное творчество, было провинциально только географически, но не по уровню художественной реализации. Партийные и советские органы разработали ряд мер, направленных на финансовую, материальную и творческую поддержку самодеятельности, возложив, при этом, на профессиональные учреждения искусства обязанность разносторонней помощи любитель-

[1] См.: *Балакин В. С.* Отечественная наука в 1950-е – середине 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск, 1997; *Он же.* Отечественная наука в 1950-е – середине 1970-х гг. (Динамика социокультурных процессов): Дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998.

[2] См.: *Байнов Л. П.* Очерки истории искусств Южного Урала. Челябинск, 2007; *Галигузов И. Ф.* Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000; *Казакова Г. М.* Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения. СПб., 2007; Культура. Искусство. Творчество. Челябинская область. Челябинск, 1995; Челябинский академический театр драмы: избранные очерки истории и современности: в 2 т. Т. 1. 1921 – 1973 гг. Челябинск, 2001; *Хавторин Б. П.* Музыкальная культура Оренбурга XX столетия. Оренбург, 1999; *Федченко М. Н.* Молодежь Урала и проблемы кинорепертуара (1945 – начало 60-х) // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Вып. 4. Курган, 2001. С. 100 – 106; и др.

[3] См.: *Алятина А. Г.* Деятельность кинотеатров городов Чкалова и Челябинска в послевоенные годы (1946 – 1955 гг.) // Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России. Оренбург, 2004. С. 259 – 262.

ским коллективам, которые, по замыслам власти, должны были прийти на смену профессиональным театрам. Существовал тандем «власти и культуры», в котором партия сдерживала творческие порывы интеллигенции, что привело к культурному «двоемыслию», появлению и распространению андеграунда. Финансовая поддержка власти, способствовала формированию условий для культурной деятельности, а интеллигенция, в ответ, следовала социалистическому эталону, поэтому, полагает историк, взаимоотношения власти и культуры в 1950-е – 1970-е гг. были обоюдовыгодными[1].

В русле исторической урбанистики исследователи обратилась к выявлению общих закономерностей и региональных особенностей социокультурного пространства уральских городов[2].

В современной уральской историографии нашли отражение процессы и тенденции, которые принято называть «оттепелью» в литературе и искусстве. К характерологическим особенностям литературной «оттепели» на Урале Т. А. Снигирева[3] относит: одновременность начала «оттепельного» движения с общесоюзным; пролонгированность «глотка свободы», выход «оттепельного» движения за общесоюзные хронологические рамки; действие своеобразного закона «охранной грамоты» провинциальной жизни, обусловившего возможность ограничить «энергию заблуждения» и «энергию обольщения», свойственные «оттепели». Она отмечает изменение общественного сознания, связанное с ослаблением страха перед «мертвой буквой закона», вызванное очищением трагедией войны. Особое экономическое положение Урала в военные и послевоенные годы обусловило особое художественное осмысление ее писателями-уральцами. Для них память войны — это не память боев, но, прежде всего, память рабочего детства и высокого чувства гражданского и духовного единства. Урал – место ссылки и эвакуации, что во многом определило своеобычность «возрожденческих» лет в регионе, придало им особую «аранжировку». Во-первых, это была географическая эвакуация: Ленинград, Прибалтика, Украина, Москва. Сразу же после войны Урал был определен и как место возвращения западной и восточной эмиграции (Шанхай, Харбин), которая сохранила русскую культуру, но с явственной экзотической

---

[1] См.: *Зыкова А. В.* Поход за повышение культуры села в 1960 – 1962 гг. на Южном Урале (на материалах Оренбургской области) // Вестник ЧелГУ. 2009. № 4. История. Вып. 29. С. 77 – 81; *Она же.* Власть и местные отделения Союза художников РСФСР в 1950 – 1970-е гг. (на материалах Южного Урала) // Известия АлтГУ. 2009. № 4. История и политология. Вып. 4. С. 85 – 88.

[2] См.: *Малкова И. Г.* Города промышленного Урала: трансформация культурного пространства (вторая половина XX века). Екатеринбург–Челябинск, 2013; *Стась И. Н.* Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 168 – 175.

[3] См.: Литературная жизнь Урала XX века: литературоведческая концепция музейной экспозиции. Екатеринбург, 2008. С. 94 – 114.

прививкой. Во-вторых, к 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел». Традиционные национальности, живущие на Урале, в годы войны и послевоенные годы были и добровольно, и насильственно дополнены (после войны не все захотели или смогли уехать). Это немцы Поволжья, принесшие свою культуру быта. Пленные немцы, выстроившие некоторые улицы и центры таких городов, как Свердловск, Нижний Тагил, Серов, Карпинск, Ревда, Дегтярск и др., в чьем архитектурном облике «немецкий след» очевиден. Это крымские татары, корейцы, ассирийцы, внесшие восточный акцент в культуру Уральской провинции. В-третьих, это культурная эвакуация: театры, издательства, музеи, сообщества писателей, определившие необычайно высокую интенсивность культурной жизни нескольких десятилетий. Важнейшим фактором интенсификации литературной жизни на Урале было открытие своего «толстого» регионального журнала – «Урал» (1958 г.) и своего краеведческого журнала – «Уральский следопыт» (1958 г.).

Одной из важных исследовательских проблем является рассмотрение изменений в социокультурной сфере через призму изменения положения в государстве Русской православной церкви и происходящих в ней внутренних процессов. В 1950-е гг. происходит смена модуса существования Русской православной церкви в советском государстве, в связи с переходом от ситуации «сталинского конкордата» с церковью к возобновлению открытых преследований религии при Н. С. Хрущеве. Современные авторы обратили внимание на цели государственной политики в религиозном вопросе, общее положение церкви, меры, предпринимаемые государством для использования православной церкви в своих интересах и ограничения ее влияния на общество, рассмотрели различные аспекты антирелигиозной кампании и реакции на нее представителей конфессий в Уральском регионе[1]. Оказалось, что в условиях модернизирующегося общества сама церковь оказалась не готова к вызовам времени, связанными с повышением образовательного и культурного уровня населения, духовным подъемом, характерным для «оттепели». М. В. Булавин обратил

[1] См.: *Глушаев А. Л.* Антирелигиозная кампания 1954 года: мобилизационные практики и повседневность (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. 2011. Сер. История. Вып 2. С. 120 –129; *Он же.* Несогласные: региональные особенности движения баптистов-инициативников в первой половине 1960-х годов (на материалах Пермской области) // Вестник Пермского университета. 2014. Сер. История. Вып. 2. С. 123 – 133; *Глушаев А. Л., Глушаева С. В.* «Собираются на моления в явочном порядке…»: евангельские общины Пермского Прикамья начала 1960-х годов // Вестник Пермского университета. 2016. Сер. История. Вып. 3. С. 145 – 154; *Марченко А. Н.* «Хрущевская церковная реформа»: очерки церковно-государственных отношений (1958 – 1964 гг.) (по материалам архивов уральского региона). Пермь, 2007; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941 – 1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве : (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). М., 1999; и др.

внимание на то, что пожилые и малообразованные священники, составлявшие основу уральского клира на рубеже 1940 – 1950-х гг., могли, с относительным успехом, удовлетворять только элементарные требоисполнительские запросы своих прихожан, но оказывались не в состоянии поднять общий уровень церковной жизни. Осознав эту проблему, уральские правящие архиереи на протяжении 1950-х гг. предприняли ряд усилий по омоложению состава духовенства и поднятию его образовательного уровня. Эта деятельность, едва начав приносить свои первые ощутимые плоды, была во многом свернута в результате очередного неблагоприятного для церкви поворота государственной политики. В итоге потребность церкви в квалифицированных кадрах оказалась до конца не удовлетворенной, и это стало одной из причин дальнейшего оттеснения ее на периферию общественной и культурной жизни в позднесоветский период[1].

Современные исследователи[2] изучают влияние внутренних (социально-экономическое положение) и внешних (национальная политика государства) факторов на этнодемографическое развитие Уральского региона во второй половине XX в. Урал этого периода в демографическом отношении относят к благополучным районам страны, поскольку в регионе обеспечивалось простое воспроизводство рабочей силы. Со второй половины 1950-х гг. демографическое развитие края вступило в третью фазу демографического перехода, сопровождаемую ослаблением миграции из села в город, снижением темпов урбанизации, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. В послевоенный период, и особенно в конце 1950-х, Урал потерял в неэквивалентном миграционном обороте с другими территориями СССР 2992,0 тыс. чел., причем городское население региона за счет миграции выросло на 931 тыс., а сельское сократилось в результате безвозвратной миграции на 3923 тыс. чел. Кроме этого, в результате старения населения кривая смертности постепенно начинает расти. С 1959 г. Урал утратил лидирующее положение по темпам прироста населения, чему способствовали отменена законов, запрещавших репрессированным народам выезжать за пределы территории вынужденного переселения, снятие ограничений на выезд из сельской местности. Все это усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей. Л. Н. Мазур показала, что спецпоселки, существовавшие на Урале в 1930 – 1950-е годы представляли модель развития поселенческой

[1] См.: *Булавин М. В.* Священнические кадры православных епархий Среднего Урала в период 1945 – 1958 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. История. Вып. 46. С. 100 – 105.

[2] См.: Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 124; *Мотревич В. П.* Историческая демография России. Екатеринбург, 2007; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 178 – 179.

сети в соответствии с командно-административными принципами, создание и функционирование поселений должно было соответствовать целям государства: освоению труднодоступных с неблагоприятным климатом, но богатых природными ресурсами территорий, выбор мест для ссылки всех неугодных правящему режиму. Этот подход опирался в первую очередь на общественную целесообразность и в последнюю – на то, насколько удобным и соответствующим требованиям жизнеобеспечения будет вновь создаваемый населенный пункт. Он получил дальнейшее развитие во второй половине XX в. и способствовал модернизации системы сельского расселения в соответствии с административными принципами[1].

Исследуются изменения в численности основных этнических групп населения региона и факторов, влиявших на эти изменения; этнокультурное развитие основных этнических групп региона; рассматриваются этнические аспекты в изменении социально-профессионального состава населения; тенденции межнациональной брачности; выявляются этнические особенности естественного и миграционного движения населения.

Уральские историки увязывают этноязыковые процессы на Урале с национальной политикой государства и миграционной активностью различных этносов и этнических групп. М. В. Сумачева подчеркивает, что в течение длительного времени отношение к проблеме сохранения и функционирования национальных языков определяло национальную политику государства, взаимоотношения власти и «национальных меньшинств». Шел процесс формирования и развития советского народа как новой исторической общности. Борьба народов за сохранение своей национальной культуры, языка, интересов воспринималась как проявление национализма. Во второй половине XX в. для многонационального Уральского региона обычным явлением стали этнически смешанные браки, увеличение числа таких браков было показателем этнической и религиозной толерантности, создавало как благоприятную среду для ассимиляционных процессов, так и негативно влияли на этноязыковые процессы. Миграционные процессы в 1960-е – середине 1980-х гг. XX в. во многом имели сходный характер у всех этносов. Основной миграционный поток шел преимущественно в восточном направлении. Оттоку населения из региона способствовала отмена запрета на выезд бывших заключенных, а также высокие заработки на предприятиях Сибири. Особенно высокой миграционной активностью обладали украинцы и немцы, немного уступали им башкиры и угрофинские народы. Миграционная активность русских была невысокой. Уже в этот период миграционные процессы ряда кавказских и среднеазиатских

[1] См.: *Мазур Л. Н.* Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930 – 1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 176 – 207.

народов приобрели интенсивный характер. Отток населения из сельской местности в города наблюдался у всех этносов, обратный процесс был незначительным и свойственным слабо представленным на Урале в то время этносам – армянам, кабардинцам, ингушам, киргизам[1].

М. В. Сурина пришла к выводу, что во второй половине XX в. существенных изменений национального состава населения Урала не наблюдалось. В целом сложившийся к середине XX в. национальный состав сохранялся и на протяжении второй половины столетия, происходили внутренние изменения в пропорциональном составе различных этнических групп. На ассимиляционные процессы в Уральском регионе большое влияние оказали урбанизационные процессы. Социально-профессиональный состав различных этнических групп весьма неоднороден и зависит от накопленного этносом «багажа» знаний и степени втянутости в экономические процессы. Для всех этнических групп Уральского региона было свойственно снижение рождаемости, ставшее результатом урбанизационных процессов[2].

О. Г. Черезова показала, что в середине 1950-х гг. рождаемость среди сельского населения Среднего Урала была достаточно высокой и достигала 28 – 32%, что являлось следствием послевоенного подъема рождаемости и вступления в репродуктивный возраст женщин довоенных лет рождения [3].

Представляют интерес реконструкции социокультурных практик, существовавших в 1950 – 1960-е гг., выполненные современными уральскими исследователями в жанре истории повседневности и микроистории[4]. О.

---

[1] См.: *Сумачева М. В.* Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009.

[2] См.: *Сурина М. В.* Этнодемографическое развитие Урала во второй половине XX века: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

[3] См.: *Черезова О. Г.* Сельское население Среднего Урала во второй половине XX века (историко-демографические процессы): Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Она же.* Рождаемость и смена репродуктивных установок населения Свердловской области в 1960 – 1970-е годы // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 112 – 117.

[4] См.: 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь, 2007; «Когда мы были молодые…»: документальная дилогия. Кн. 1. Пермские целинники. 1954 – 1964 гг. Пермь, 2009; *Косматова Е. В.* Вещи в повседневности челябинцев в 1960-е годы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 195 – 197; *Лейбович О. Н.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008; *Он же.* Политические паттерны в городской повседневности // Повседневность индустриального города. Пермь, 2011. С.87 – 92; *Мельникова Н. В.* Атомный проект: власть в повседневной жизни закрытого города // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 203 – 224; *Ромашова М. В.* Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): Дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2006; *Чащухин А. В.* Педагогический корпус в социальном пространстве формирующегося города (1950 – первая половина 1960-х гг.): Дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2006; и др.

Л. Лейбович реконструируя индивидуальные случаи на основе сохранившихся в источниках следов, основное внимание уделяет описанию конфликтных полей, свойственных позднесталинскому и послесталинскому времени. Автор показывает, как появившиеся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. ферменты разложения, в последующее, послесталинское десятилетие вызывают к жизни несколько разрушительных для сложившейся политической системы процессов: отчуждение от политической жизни множества молодых людей, протестные акты одиночек, во имя коммунистических принципов отвергающих партийную линию, десакрализацию власти и, наконец, глухое недовольство всем и всяческим начальством со стороны городских и сельских низов. Н. В. Мельникова отметила, что даже лучшее качество жизни, обеспеченное высшим руководством страны для жителей закрытых уральских городов (ЗАТО) не стало залогом однозначно положительного отношения населения к существующей власти. В. С. Балакин и О. В. Ралкова[1] обратили внимание на проблемы, связанные с использованием уральцами свободного времени, объем которого увеличился в 1950-е гг. В работе Е. А. Чайко[2] рассмотрены локальные сюжеты, посвященные бытовому укладу жителей Челябинской области.

В русле истории повседневности исследовал праздничную культуру Южного Урала в период «хрущевской оттепели» А. А. Мордасов. Он отметил, что вместе с другими типами и формами народного празднества, перешедшими из 1920 – 1930-х гг., новые праздники демонстрировали всему миру окончательно сложившуюся новую историческую общность – советский народ, его образ жизни, духовные ценности и идеалы. В основе большинства советских праздников лежали значительные общенародные события прошлого и история строительства социалистического общества. Появились новые праздничные формы: посвящение в рабочий класс, хлеборобы и т.п.; чествования героев пятилеток, трудовых династий; конкурсы по профессиям; слеты передовиков производства, наставников молодежи; трудовые вахты, ударные недели, месячники, красные субботники и воскресники; декады «Наука – производству»; слеты рационализаторов и изобретателей; праздники первой зарплаты, проводы на пенсию[3].

Обратим внимание на сочетание в современных исследовательских практиках микро- и макроподходов к осмыслению и интерпретации пе-

[1] См.: *Балакин В. С., Ралкова О. В.* Свободное время населения Урала в 1950-е гг.: новые источники и подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. Серия: Социально-гуманитарные науки, Выпуск 18. № 4. С. 40 – 45.

[2] См.: *Чайко Е. А.* Будни советского человека в контексте российской истории 1930 – 1950-х годов: локальный мир южноуральского горнозаводского района // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 115 – 125.

[3] См.: *Мордасов А. А.* Праздничная культура Южного Урала в период «хрущевской оттепели» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2007. № 1. С. 73 – 85.

риода 1953 – 1964 гг. Произошло существенное изменение ракурсов исторического рассмотрения: от традиционных для советской историографической традиции проблемных исследований социально-экономической истории на региональном уровне до попыток осмысления региональной специфики развития Урала – как одного из центров российской цивилизации в контексте модернизационных процессов.

В историографии истории Урала 1965 – 1985 гг. можно четко проследить два периода, выделить две различные парадигмы, определявшие направление исторических исследований, их цели и задачи, выбор объекта и предмета исследований и, в значительной мере, предопределяющие их результат.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. история региона рассматривалась с позиции концепции «развитого социализма». На XXIV съезде КПСС был сделан вывод о том, что у нас в стране построено «развитое социалистическое общество» и, в перспективе, предстоит относительно долгий период развития совершенствования социализма на его собственной основе. Эта концепция определила направления исследований первого периода. Большинство этих исследований написано в историко-партийном плане, что вполне естественно для данного этапа развития исторической науки. Это нисколько не снижает их ценности, но сам подход к изучению проблемы обусловливает ряд недостатков.

Во-первых, неоправданно большое внимание уделялось деятельности именно партийных организаций, анализу форм и методов этой деятельности, а все успехи и достижения объяснялись, как правило, партийным воздействием на решение этих проблем. Иными словами, концептуальная схема большинства работ сводилась к изучению партийного влияния на ход тех или иных процессов и абсолютизации этого влияния.

Во-вторых, как следствие этого подхода, материалы и решения партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС (если они впоследствии не были подвергнуты критике на том же уровне) рассматривались как окончательная, абсолютная истина и даже определялись как теоретико-методологическая основа исторических исследований.

Наиболее ярким примером такого подхода являются «Очерки истории коммунистических организаций», выходившие в первой половине 1970-х гг. практически во всех областях Урала[1]. В том же ключе написаны и очерки истории ряда областей Урала, изданные в это время[2].

Для этого периода характерно сравнительно небольшое количество крупных обобщающих трудов. Это вполне естественно. Создание таких трудов требует осмысления событий с точки зрения исторической ретроспективы. Современнику трудно дать объективную оценку происходящих

[1] См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. 1921 – 1973 гг. Свердловск, 1974; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1973; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. Челябинск, 1973; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973; и др.

[2] См.: Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1973; Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1988; и др.

событий, не зная их результатов. Поэтому в историографии этого периода преобладают кандидатские диссертации, написанные непосредственно по горячим следам, они дают лишь первичное обобщение материала, накопление фактов, зачастую носят конъюнктурный характер.

В то же время, необходимо выделить и ряд крупных работ обобщающего характера. В первую очередь это второй том «Истории Урала», подготовленный коллективом ученых и преподавателей Пермского государственного университета под ред. И. С. Капцуговича[1]. Он включает период до 1977 г. и содержит обширный материал по развитию промышленности, сельского хозяйства, образования и культуры региона. IX глава, рассматривающая развитие промышленности, сельского хозяйства, рост материального благосостояния в период 1965 – 1977 гг., написана доктором исторических наук, профессором В. Ф. Поповым. Авторы X главы, освещающей вопросы культурного строительства на Урале – Т. И. Зимина, М. Е. Главацкий, Б. В. Григорьев, Г. Г. Воронцова, Б. В. Павловский, М. И. Плясова.

На время 1970-х – 1980-х гг. приходится расцвет творческой деятельности выдающегося историка Урала А. В. Бакунина. Заслуженный деятель науки, доктор исторических наук, профессор А. В. Бакунин с 1962 г. по 1977 г. заведовал крупнейшей на Урале кафедрой истории КПСС Уральского политехнического института (в настоящее время Уральский федеральный университет). В 1978 – 1988 гг. возглавлял отдел истории Института экономики УНЦ АН СССР, одновременно заведуя кафедрой истории КПСС Уральского госуниверситета. А. В. Бакунин создал свою научную школу историков промышленности и рабочего класса Урала. Под его руководством на кафедре УПИ была подготовлена группа молодых исследователей, разрабатывающих проблемы истории индустриального развития Урала. В числе учеников А. В. Бакунина будущие видные историки Урала – Б. В. Личман, В. Э. Лебедев, В. В. Запарий, А. В. Сперанский и многие другие. Под руководством и при участии А. В. Бакунина на кафедре были написаны ряд крупных монографических исследований, такие как «КПСС и научно-технический прогресс» (1974 г.), «Очерки истории Свердловска» (1973 г.)[2] и др.

В конце 1970-х гг. А. В. Бакунин возглавил проблемный совет «КПСС и научно-технический прогресс» при Минвузе РСФСР. Кафедра истории КПСС УПИ становится координирующим центром, объединяя научные разработки по проблемам научно-технического прогресса в масштабах всей страны. Под руководством и при непосредственном участии А. В. Бакунина в 1960-е – первой половине 1970-х годов было подготовлено и издано 10 монографий. В этот период под его руководством была подготовлена коллективная монография «Деятельность КПСС по ускорению

[1] См.: История Урала. Т. 2. Пермь, 1977.

[2] См.: КПСС и научно-технический прогресс / Под ред. *А. В. Бакунина.* Свердловск, 1974; Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1974; и др.

научно-технического прогресса» (1980 г.). В данной монографии на материалах Уральского региона детально рассматривается «единая научно-техническая политика партии». Делается вывод о том, что данная политика являлась главным плюсом социалистической плановой системы. Достижения науки и техники, новые технологии, достижения в области организации производства и труда централизованно, путем директивного планирования, практически единовременно внедрялись приказами по министерству на всех предприятиях отрасли. Это способствовало ускорению научно – технического прогресса[1]. Через четыре года под руководством и по инициативе А. В. Бакунина была подготовлена еще одна коллективная монография «История профсоюзов Урала» (1984 г.)[2].

Оценивая творческое наследие А. В. Бакунина этого периода, следует учитывать, что мировоззрение ученого складывалось в определенную эпоху. А. В. Бакунин был человеком своего времени. С изменением жизни общества меняется парадигма исторических исследований, но наследие ученого, его вклад в историческую науку Урала неоценимы.

В 1970-е гг. складывается еще одно научное направление в исторической науке Урала. Его возглавил доктор исторических наук, профессор В. Г. Чуфаров. В 1970 – 1989 гг. он заведовал кафедрой истории КПСС Уральского государственного университета, возглавлял проблемный совет Минвуза РСФСР «Партийное руководство культурным строительством в СССР». Им была создана научная школа по вопросам развития образования и культурного строительства на Урале. В. Г. Чуфаров подготовил 7 докторов и 40 кандидатов наук. В их числе доктора наук, видные историки образования и культуры Т. И. Зимина, П. В. Гришанов, М. В. Попов и др.

Третьим направлением в исторической науке Урала, сложившимся в период 1960-х – 1980-х годов, стало историографическое направление, возглавляемое доктором исторических наук, профессором Уральского государственного университета О. А. Васьковским. Под его руководством было защищено 17 кандидатских и 3 докторских диссертации. Среди его учеников такие видные историки, как В. Д. Камынин, А. Т. Тыртышный, Е. Б. Заболотный и др.

Единственной методологией исторического исследования в этот период была марксистская. Научные исследования концентрировались, главным образом, вокруг изучения социально-экономических проблем истории Урала. Основными направлениями исследования были: история развития промышленности и ее отдельных отраслей, история рабочего класса, главным образом его социальной активности (социалистическое соревнования, участие рабочих в управлении производством, рационализатор-

[1] См.: Деятельность КПСС по ускорению научно-технического прогресса / *Под ред. А. В. Бакунина.* М., 1980.

[2] См.: История профсоюзов Урала 1905 – 1984. М., 1985.

ское движение и т.д.), а так же история образования и культуры. Особенностью этого периода было широкое участие партийных работников, экономистов, практиков хозяйственного строительства в написании исторических работ.

Исходя из упрощенно понимаемой марксистской парадигмы освещения социально-экономических процессов, историки стремились доказать их постоянное прогрессивное развитие от этапа к этапу. Эти этапы определялись рамками пятилетних планов развития народного хозяйства. Любые негативные моменты, если они не были подвергнуты критике на официальном уровне, просто игнорировались.

Рубежом, положившим начало новому этапу развития исторических исследований этого периода, стал 1985 г. С этого времени для характеристики всего этапа исторического развития страны с 1965 г. по 1985 г утверждается термин – «эпоха застоя». Данное определение носит чисто конъюнктурный характер, является не чем иным, как новым политическим штампом. Термин «эпоха застоя» ведёт своё происхождение от политического доклада ЦК XXVII съезду КПСС, прочитанного М. С. Горбачёвым. В нем констатировалось, что «в последнее время в жизни общества начали проступать застойные явления как в экономической, так и в социальной сферах». Впоследствии это определение распространилось на весь период от прихода Л. И. Брежнева к власти (середина 1960-х) до начала перестройки (вторая половина 1980-х) и прочно утвердилась в общественном сознании.

Начавшаяся во второй половине 1980-х гг. «перестройка» в исторической науке первоначально сводилась к раскрытию «белых пятен истории», ликвидации «фигур умолчания». Вместе с тем в этот период выходят в свет крупные труды, подготовленные еще в «годы застоя». В 1990 г. вышел в свет второй том «Истории народного хозяйства Урала»[1]. Написанный объединенными усилиями историков и экономистов, этот труд содержит обширный материал по истории периода 1965 – 1985 гг. В нем рассматриваются проблемы социально-экономического развития региона, развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, роста благосостояния и социальной активности трудящихся.

В этот период на первый план выходит изучение Урала, как единого социально-экономического комплекса, начавшееся еще в 1970-е гг. Из работ, рассматривающих проблемы управления и развития Уральского региона, следует в первую очередь выделить труды экономистов О. А. Перелешиной, С. Г. Важенина, Е. Г. Анимицы, Н. Ратнер, М. Шарыгина[2], истори-

[1] См.: История народного хозяйства Урала. Т. 2. (1946 – 1985). Свердловск, 1990.

[2] См.: *Перелешина О. А.* Новые задачи старопромышленного региона. Основные проблемы народнохозяйственного комплекса Урала. М., 1976; *Важенин С. Г.* Экономический потенциал социальной структуры. Свердловск, 1983; *Анимица Е., Ратнер Н., Шарыгин М.* Уральский регион: социально-экономическое развитие. Свердловск,1992; и др.

ков А. В. Бакунина, А. Э. Беделя, Б. В. Личмана[1], всесторонне изучивших процессы размещения производственных сил и определивших перспективы экономического и социального развития региона. Проблемам научно-технического прогресса, выработки и осуществления научно-технической политики Уральского региона посвящены работы В. Э. Лебедева[2].

Особый интерес представляет работа В. В. Алексеева «Регионализм в России». По мнению ученого модернизационный подход к истории требует усиления внимания к проблеме регионализма. Он пишет: «Беспрецедентные масштабы территории, природно-климатическое и национальное разнообразие России, как ни в одном другом государстве мира, на первый план выдвигают региональные проблемы»[3]. Подводя определенный итог изучению данного вопроса, эта работа определяет дальнейшие направления региональных исследований, в том числе изучения Уральского региона.

В 1988 г. в рамках Уральского отделения АН СССР был создан Институт истории и археологии. Директором института стал академик РАН, доктор исторических наук В. В. Алексеев. Коллектив Института сразу же приступил к разработке и изданию крупных трудов обобщающего характера. В первую очередь следует выделить «Уральскую историческую энциклопедию»[4]. Это фундаментальный труд, в котором отражен исторический опыт населения региона во всех сферах человеческой деятельности – политической, экономической, производственной, духовной и др.; отражена роль Уральского региона в российской и мировой экономике. Труд по созданию энциклопедии объединил усилия более 300 специалистов разного профиля: историков, археологов, экономистов, географов, литературоведов, искусствоведов, краеведов и др. Энциклопедия содержит более 2500 статей, посвященных различным аспектам экономического, политического и социокультурного развития Урала. Хронологически энциклопедия охватывает материал, начиная с освоения региона человеком до конца XX века. Территориальные рамки исследования охватывают весь Уральский регион, включают территории Курганской, Оренбургской, Пермской, Челябинской областей, Удмуртии и Башкортостана, что позволяет выделить как общие закономерности развития, так и специфические региональные особенности исторического процесса.

---

[1] См.: *Бакунин А. В.* Урал как единый промышленно-экономический регион. Екатеринбург, 1991; *Бакунин А. В., Лебедев В. Э.* Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. Свердловск, 1991; *Бакунин А. В., Бедель А. Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994; *Личман Б. В.* Экономическая стратегия КПСС и тенденции развития индустрии Урала (1956 – 1985). Свердловск, 1990; *Он же.* Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992.

[2] См.: *Лебедев В.Э.* Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации. Свердловск, 1991; *Он же.* Техносфера региона: исторический аспект. Екатеринбург, 1993.

[3] См.: *Алексеев В.В.* Регионализм в России. Екатеринбург, 1999.

[4] См.: Уральская историческая энциклопедия. I изд. Екатеринбург, 1998; II изд. Екатеринбург, 2000.

Необходимо так же отметить книгу «Урал в панораме XX века»[1] Это научно-популярное издание, рассчитанное на широкий круг читателей и, в то же время, написанное на высоком научно-теоретическом уровне. Книга стала первой и на наш взгляд удачной попыткой соединить научность с занимательностью изложения материала. Наряду с профессиональными историками, в ее написании принимали участие деятели науки различных направлений, литературы, искусства. В основу структуры книги положен проблемно-хронологический принцип изложения, что позволяет выделить основные, внутренне целостные и содержательно конкретные этапы развития Урала в XX в. Этапы истории Урала представлены в виде отдельных глав, дополненных историческими очерками, углубляющими понимание исторических событий (авторами VIII главы, охватывающей период 1965 – 1985 гг., являются О. И. Ган, Б. В. Личман, Л. Н. Мартюшов, И. Л. Мартюшова). Задачи книги сформулировал в предисловии главный редактор, академик РАН В.В. Алексеев: «В противовес прежним историографическим трактовкам истории Урала в XX в., стремившимся либо подчеркнуть «авангардную» роль края в утверждении и консолидации советской власти, либо, наоборот, односторонне высветить моменты его извечной – то явной, то скрытой оппозиционности тоталитарному режиму, в предложенном обобщающем труде новейшая история региона рассматривается с позиций приоритетного исследования органически выраставших из всей прошлой истории края внутренних источников его самоопределения и саморазвития в сложной, драматической реальности XX в. Такой подход позволяет выработать объективный и осмысленный взгляд на динамику и ритм уральской истории XX в., ее основные коллизии и драматические повороты… Данный концептуальный подход, однако, не сводится к узкопровинциальной, местнической точке зрения искусственно изолирующей региональную историю от общероссийской. Напротив, он органически соединяет самоценность региональной истории с живой, пульсирующей тканью российской истории, анализирует изменение роли и влияния Уральского региона на социально-экономический базис и политическую динамику развития России»[2].

В 1990-е гг. в исторической науке меняется проблематика исследований. Это во многом объясняется открытием ранее засекреченные архивных фондов, открытой публикацией трудов зарубежных авторов, стимулировавших фактический пересмотр всей отечественной истории, и в первую очередь – историю советского периода. Произошло перемещение акцентов с изучения социально-экономических проблем на изучение политической истории. Резко снизился интерес к истории уральской промышленности и рабочего класса советского периода. Значительно упал интерес

[1] См.: Урал в панораме XX века / Гл. редактор *В. В. Алексеев*, зам. гл. редактора *А. В. Сперанский*. Екатеринбург, 2000.

[2] Там же. С. 8.

и к периоду 1965 – 1985 гг. Директор Государственного областного учреждения «Государственный общественно-политический архив Пермской области», М. Г. Нечаев, говоря о состоянии и перспективах развития исторической науки в Пермской области на рубеже XX и XXI веков, отмечал, что пермские историки стали специализироваться в основном на социально-политической и культурологической тематике. Говоря о подъеме интереса к истории городов и градообразующих предприятий, М. Г. Нечаев, сетовал, что этот жанр «… можно отнести к своеобразному «мегабуклету» или «корпоративному фотоальбому»… но ничего общего с подлинным изучением истории промышленности подобные книги не имеют»[1].

Справедливости ради надо заметить, что в 2006 г. в свет вышла «История промышленности Пермского края – XX век», названная все тем же М. Г. Нечаевым «исследовательским прорывом»[2]. Однако неясность жанра позволяет предъявить к данному изданию определенные претензии. Книгу трудно отнести к исследовательской литературе из-за отсутствия историографии, анализа источников, научно-справочного аппарата (нет сносок, примечаний, исторических справок, и т.д.). Вряд-ли можно согласиться с названиями глав и разделов, такими как «Застой» (речь идет как раз о периоде 1965 – 1985гг. прим. автора), «Перестройка» или «Новое время»[3].

В таком же ключе написана и монография оренбургского историка М. Г. Лапаевой «Развитие хозяйства Оренбургской области (1875 – 1996 гг.)», включающая в себя материалы по периоду 1964 – 1985 гг. В ней показаны основные этапы и особенности становления промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, капитального строительства, а также непроизводственной сферы, рассмотрены вопросы формирования промышленных узлов, проблемы и тенденции экономического развития Оренбуржья, определено место области в народнохозяйственном комплексе России и Уральского экономического района. Однако книга носит обзорный характер и фактически представляет из себя учебное пособие [4].

Среди немногих историков, сохранивших верность ранее избранной проблематике, следует выделить Б. В. Личмана, чей авторитет, как историка промышленности и рабочего класса, утверждается еще в 1980-е гг. В начале 1990-х гг. им были написаны две монографии уже с учетом новых подходов. В этих изданиях историку удалось доказать, что развитие промышленности региона в 1970-е – начале 1980-х не проходило однозначно поступательно – в нем были и взлеты и падения. Историк считает, что «основное противоречие в развитии региона заключается в сильнейшем

[1] См.: *Нечаев М.Г.* Рецензия на книгу «История промышленности Пермского края – XX век» / Цит. по: istoriya-promyshlennosti-permskogo-kraya.

[2] См.: История промышленности Пермского края – XX век». Пермь, 2006.

[3] См.: *Нечаев М.Г.* Рецензия на книгу «История промышленности Пермского края – XX век» …

[4] См.: *Лапаева М.Г.* Развитие хозяйства Оренбургской области (1875 – 1996 гг.) // http: artlib.osu.ru

нарушении в 70 – 80-е гг. оптимальных пропорций между материальной и социальной сферами. Первая получила большее развитие, по сравнению со второй. Причем это противоречие на Урале является более глубоким, чем в целом по СССР». Показывая развитие промышленности Уральского региона, ученый подробно характеризует состояние индустриальных кадров региона, исследует процессы подготовки и повышения их квалификации, проводит анализ демографической ситуации, фиксирует изменения в социальной структуре уральского социума[1].

Проблемы рабочих кадров промышленности Урала исследованы в монографиях Л. Н. Мартюшова. Эти работы носят комплексный характер. Наряду с традиционными проблемами, такими как, социально-демографические, проблемы миграции, проблемы источников пополнения и воспроизводства промышленных рабочих, количественных и качественных изменений в их составе, повышения квалификационного и профессионального уровня, вопросами социально-политической активности (участие рабочих в управлении производством и государством, развития соревнования и др.), детально рассмотрены проблемы «истории повседневности» – быт рабочих, проблемы благосостояния, настроений в рабочей среде, проблемы религиозности и т.д. Все эти вопросы рассматриваются комплексно, всесторонне, в контексте реалий экономического и социального развития края. Автор делает вывод о том, что выявленные тенденции в развитии промышленности и рабочего класса региона носят общемировой характер и характерны для всех индустриально развитых стран. Это, во-первых, проблема сокращения общей численности рабочих промышленности. «С завершением индустриализации достигается естественный предел роста численности рабочих. Интенсификация производственных процессов ведет в дальнейшем к их сокращению». Во-вторых, происходит снижение удельного веса рабочих, занятых в производственной сфере и, соответственно, рост числа занятых в перерабатывающих отраслях при сокращении численности занятых в добывающих отраслях. Сопоставляя эти данные с данными развитых стран, в первую очередь США, автор приходит к выводу, что экономика Урала развивалась в русле мировых процессов модернизации. Вместе с тем автор отмечает специфическую особенность Урала – снижение доли рабочих, занятых в легкой и пищевой промышленности. По мнению автора «здесь сказалась специфика района, изначально ориентированного на развитие тяжелой индустрии, и сложившаяся в течение десятилетий недооценка этих отраслей»[2].

[1] См.: *Личман Б.В.* Урал: политика и индустрия. Социально-демографическая и квалификационная характеристики работников индустрии во второй половине XX в. Екатеринбург, 1992; *Он же.* Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992.

[2] См.: *Мартюшов Л.Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955 – 1985 гг. (историко-экономический аспект). Екатеринбург, 1999; *Он же.* Влияние модернизационных процессов на индустриальные кадры Урала (сер. 1950-х – 1980-е гг.). Екатеринбург, 2009; *Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л.* Социальная активность рабочих промышленности Урала в сер. 1950-х – сер. 1980-х гг. Екатеринбург, 2009

Выше отмечалось, что в постсоветский период интерес к проблемам промышленности и рабочего класса региона резко снизился, количество работ, посвященных данной проблематике сократилось. Однако с введением в оборот новых, ранее недоступных источников возросло качество исследований. Появляются крупные труды обобщающего характера, рассматривающие проблемы развития региона в комплексе. Следует выделить в первую очередь фундаментальное исследование «Экономическая энциклопедия регионов России» в 95 томах, один из крупнейших издательских проектов в истории страны. Цель проекта – «создание целостной картины предпосылок, условий, особенностей и основных направлений социально-экономического, научно-технологического и общественно-политического развития Российской Федерации на переломном этапе ее истории». В рамках издания предполагается выпуск 89 томов, посвященных отдельным субъектам Федерации. В 1998 году вышел в свет том «Свердловская область», подготовленный авторским коллективом ученых Института Экономики УрО РАН под руководством А. И. Татаркина[1]. Данная книга содержит уникальный материал, характеризующий социально-экономический потенциал области, создававшийся в течении долгих лет, в том числе и в период середины 1960-х – начала 1980-х гг.

Значительным событием для исторической науки Урала стал выход в свет трёхтомной энциклопедии «Инженеры Урала», предпринятый по инициативе Уральского отделения Российской инженерной академии (УрО РИА) и поддержанный губернатором Свердловской области Э. Э. Росселем. Энциклопедия является первым в истории Урала, а по охвату территорий и диапазону представленных в ней сведений об инженерах всех отраслей техники и науки – первым и уникальным в СССР и России трудом, посвящённым творцам уральской техники и промышленности, благодаря которым Урал стал подлинным опорным краем державы. В Энциклопедии помещены статьи об инженерах, представляющих все области, республики и автономные округа Большого Урала: Башкортостан и Удмуртскую республику, Пермский край, Курганскую, Оренбургскую, Свердловскую, Тюменскую и Челябинскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В редакционный совет Энциклопедии вошли губернаторы указанных регионов. Первый том вышел в 2001 году, второй том – в 2007 году, в 2012 году вышел в свет третий том[2]. Большое количество работ историков посвящено проблемам развития отдельных отраслей промышленности, прежде всего металлургии Урала – ключевой отрасли промышленности региона. В начале XXI века активизировалась работа по изучению истории металлургии в связи с 300-летием промышленной металлургии на Урале. К этой знаменатель-

[1] См.: Экономическая энциклопедия регионов России. Свердловская область. М., 1998.

[2] См.: Инженеры Урала. Энциклопедия / Гл. редактор *Н. И. Данилов*. Екатеринбург, 2001.

ной дате было издано большое количество научной и популярной литературы, в той или иной степени затрагивающей характеризуемый период. Подготовлены и опубликованы энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.», «Металлурги Урала», «Уральская горная энциклопедия». Эти работы не имеют аналогов в мировой истории. В них освящается история всех существующих ранее и существовавших ныне на территории региона металлургических заводов, их техническая, энергетическая и сырьевая база, деятельность наиболее выдающихся ученых-металлургов региона, руководителей металлургической промышленности.

«Металлурги Урала» – справочник о специалистах металлургической промышленности Уральского региона (Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области, республика Удмуртии и Башкортостан) выполненный учеными Уральского государственного университета. Он включает более 1300 статей – годы, места рождения, смерти, трудовые биографии металлургов Урала (у многих с фотографиями). Все они дают большой биографический материал о творцах металлургии[1].

Наиболее крупным событием с историографической точки зрения было издание энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.», созданной к 300-летию уральской металлургии Институтом истории и археологии УрО РАН. Это первый фундаментальный свод знаний о более чем 300 металлургических заводах, когда-либо существовавших и ныне существующих на территории Урала, их технике и технологиях, объемах производства и технико-экономических показателях, масштабах технического и социального прогресса. Эта энциклопедия – новый большой шаг в разработке, изучении и обобщении исторического опыта, накопленного металлургией Урала. В ней собрана обширная статистическая информация с первобытных времен до современного состояния металлургических предприятий, в основном впервые вводимая в научный оборот. До сих пор такое издание не было осуществлено ни в регионах, ни в центре. Оно снабжено иллюстративным материалом, имеет большое количество статистических таблиц. Этот труд объективно отражает роль металлургии Урала в исторических судьбах России. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют статьи о таких заводах, как ММК, НТМК, ОХМК, ВИЗ. К недостаткам энциклопедии следует отнести отсутствие обобщающей исторической статьи об основных вехах развития металлургии на Урале, технологическом прогрессе, учреждениях металлургической науки и образования, общественных организациях, хронике развития металлургии на Урале[2].

---

[1] См.: Металлурги Урала. Энциклопедия / Гл. редактор *Л. А. Козицин*. Екатеринбург, 2003.

[2] См.; Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.: энциклопедия / Гл. редактор. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2001.

«Уральская горная энциклопедия»[1] – фундаментальное, многотомное издание, подготовленное учеными и преподавателями Уральского государственного горного университета с привлечением ведущих специалистов региона (список участников создания Уральской горной энциклопедии включает 375 человек, в том числе историков). Это уникальное собрание материалов архивных и литературных источников, отчетных документов предприятий, рукописных и печатных изданий отдельных специалистов об истории освоения минеральных ресурсов крупнейшего горнорудного региона. Большое внимание в энциклопедии уделено работе шахтерских коллективов, инженерно-техническим работникам и руководителям горного производства, социально-нравственным аспектам шахтерского труда. Приведены краткие сведения о выдающихся ученых и деятелях горного производства, лауреатах Уральской горной премии и т. п. Примечательно, что авторский коллектив энциклопедии не ограничился показом горного Урала, а представил регион в общероссийском и общемировом аспекте.

Редакционная коллегия энциклопедии и авторы конкретных статей сумели воссоздать исторический опыт уральского края как основы горнозаводского дела России. Урал по социально-экономическому потенциалу горного производства является лидером Российской Федерации – подтверждение тому есть в каждом из томов, охватывающих различные направления и сферы горного дела, исторические периоды его развития. Так, первый том, вышедший еще в 2000 году, – «Вклад Урала в горное производство России за 300 лет» – представляет не только историческое обозрение становления и развития горного дела, но конкретно описывает передовые технологии и достижения в области открытой и подземной разработки, шахтного строительства и обогащения. В книге приведено краткое описание уральских горных предприятий, добывающих металлы, кварц, сырье для цементной промышленности, строительной индустрии и др. Авторы приводят данные по становлению высшего горного образования в уральских вузах, деятельности научно-исследовательских и проектных организаций, горного надзора и горноспасательной службы, деятельности государственных и общественных организаций в горнопромышленном комплексе Урала.

Следующие тома энциклопедии, которые вышли за период 2004 – 2007 годов, специализированы по конкретным направлениям горного дела – названия томов указывают эти направления. «Горное производство цветной металлургии Урала» (2004 г.) – кроме исторических справок, здесь приведены сведения о геологии месторождений, дана характеристика ранее существовавших и ныне действующих горных и обогатительных предприятий, перерабатывающих медные, полиметаллические, алюминиевые и никелевые руды. «Драгоценные металлы Урала» (2005 г.) – это две книги о

[1] См.: Уральская горная энциклопедия / Под ред. *И. В. Дементьева, В. Л. Яковлева*. Екатеринбург, 2006

золотоплатиновой промышленности Урала. Читатель узнает, что именно в результате открытия россыпного золота на Урале Россия в XIX веке вышла на первое место в мире по добыче золота, а сам уральский опыт положил начало волне открытий золотых и платиновых россыпей во всем мире. Из четвертого тома – «Горное производство черной металлургии Урала» (2006) – можно почерпнуть богатые сведения о геологии месторождений, строительстве и эксплуатации шахт, карьеров, обогатительных фабрик, жизни горняцких городов и поселков; их обитатели добывали и до сих пор перерабатывают железные, хромитовые, марганцевые руды, осваивают огнеупорные и флюсовые породы. В последнем из вышедших томов энциклопедии «Уголь и торф Урала», показаны и двухсотлетняя история уже отработанного Кизеловского бассейна, и столетний опыт разработки Челябинского буроугольного месторождения с самым глубоким в мире карьером.

Наряду с указанными выше коллективными обобщающими трудами, следует, в первую очередь, выделить работы доктора исторических наук В. В. Запария, одного из крупнейших специалистов по данной проблеме, автора фундаментального труда по истории черной металлургии Урала за весь период существования отрасли в целом[1]. Проблемы развития черной металлургии Урала в 1970-е – 1980-е гг. освящаются В. В. Запарием в докторской диссертации, ряде монографий[2] и научных статей. Академик В. В. Алексеев писал: «главная заслуга В. В. Запария заключается в том, что он сумел обобщить беспрецедентный по объему, сложности, противоречивости материал XVIII – XIX вв. и практически заново воссоздать историю уральской металлургии в XX в., особенно во второй его половине»[3].

Значительный вклад в изучение проблемы развития металлургии Урала внес международный конгресс, посвященный 300-летию уральской металлургии. Конгресс проходил в Екатеринбурге в 2001 г. Среди выступлений следует в первую очередь выделить доклад академика РАН В. В. Алексеева, носящий концептуальный характер и задавший тон всему обсуждению[4], а также доклады Д. В. Гаврилова, В .В. Запария, С. Г. Митина, О. А. Романовой, С. Г. Ченчевич, В. Л. Яковлева и др., в которых рассмотрены различные аспекты развития металлургического производства на Урале, в том числе и 1960-е – 1980-е гг.

Развитию цветной металлургии региона в рассматриваемый период по-

---

[1] См.: *Запарий В. В*. Черная металлургия Урала XYIII – XX вв. Екатеринбург, 2001.

[2] См.: *Запарий В. В*. Черная металлургия Урала в 1970 – 1980-е гг. Екатеринбург, 1992; *Он же.* Черная металлургия Урала в 70 – 90 годы XX века. Екатеринбург, 2003; *Он же.* Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. 2-е изд. Екатеринбург, 2007; *Он же.* Модернизация системы управления металлургическим комплексом во второй половине XX века. Екатеринбург, 2009; и др.

[3] См.: *Алексеев В. В.* От редактора // *Запарий В. В*. Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. … С. 5 – 6.

[4] См.: *Алексеев В. В.* Три века уральской металлургии // 300 лет уральской металлургии: труды международного конгресса (4 – l5 октября 2001). Екатеринбург, 2001. С. 26 – 32.

священы работы С. С. Набойченко, В. В. Запария, Д. В. Гаврилова, В. П. Тимошенко, А. В. Жука и др.[1] В них анализируются проблемы и перспективы развития медной, алюминиевой и никелевой промышленности региона.

Вопросы проектирования металлургических предприятий, деятельности проектных организаций металлургии рассмотрены в книге «Уралгипромез: от Уралпроектбюро до Уралгипромеза наших дней»[2].

Значительная литература посвящена истории отдельных металлургических предприятий. В ней приводится интересный материал о деятельности предприятий, их роли в металлургии региона в различные исторические периоды, в том числе в 1960-е – 1980-е гг., о роли металлургических предприятий в экологическом развитии Урала[3].

Большое внимание в работах уральских историков уделялось развитию топливно-энергетического комплекса Урала, как его традиционных, так и новых отраслей. Развитию угольной промышленности посвящена монография С. А. Баканова «Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка»[4]. Период 1960-х гг. – начала XXI в. рассматривается в третьей главе, включающей временной отрезок от прохождения отраслью пика развития в 1960-е гг., до прекращения добычи угля в регионе в начале XXI в.

На период 1965 – 1985 гг. приходится становление и развитие нефтегазового комплекса страны. В 1960-е гг. началась разработка крупнейших месторождений нефти и газа в Западной Сибири. Эти процессы подробно исследуется в монографиях тюменских историков Г. Ю. Колевой, С. М. Понарина, Н. М. Пашкова, Н. Ю. Гавриловой[5]. Особо следу-

---

[1] См.: *Набойченко С. С., Запария В. В.* История цветной металлургии Урала во второй половине XX века. Екатеринбург, 2011; *Гаврилов Д. В.* Цветная металлургия Урала в 1960-е – 1980-е гг. // Модернизационные процессы в металлургии Урала. Екатеринбург, 2006. С. 196 – 250; *Тимошенко В. П.* Медная промышленность Урала в мирохозяйственном измерении // Там же. С 251 – 267; *Жук А. В.* Уральский никель на фоне конъюнктуры мирового рынка // Там же. С. 268 – 286; и др.

[2] См.: Уралгипромез: от Уралпроектбюро до Уралгипромеза наших дней. Краткий исторический обзор к 70-летию со дня основания (1925 – 1995). Екатеринбург, 1995.

[3] См.: НТМК – 60 лет. Отечество, мы металлурги. Н. Тагил, 2000; *Молчанова Г. Ф.* Верх-Исетский завод 1726 – 2001. Екатеринбург, 2001; *Комратов Ю. С., Семенов И. Г., Устьянцев С. В., Хлопотов С. И.* Нижнетагильский металлургический завод XVIII – XX веков. Екатеринбург, 1996; Магнитка. Между прошлым и будущим (пятилетка реформ) 65 лет АО «ММК». М., 1996; Юбилей на пороге века. 1955 – 2000. СПб., 2000; *Молчанова Г. Ф.* Верх-Исетский завод. 1726 – 2001. Екатеринбург, 2001; *Каменских А. А., Карпов А. А., Седых А. М. и др.* Чусовской металлургический завод. Екатеринбург, 1998; и др.

[4] См.: *Баканов С. А*. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012

[5] См.: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994; *Колева Ю. Г.* Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления (1964 – 1977). В 2-х ч. Тюмень, 2005; *Гаврилова Н. Ю.* Социальное развитие нефтеперерабатывающих районов Западной Сибири (1964 – 1985 гг.). Тюмень, 2002; *Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю.* Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002; и др.

ет выделить книгу В. П. Карпова, в которой подробно рассматриваются проблемы геологических исследований и начала разработки Западно-Сибирских месторождений[1]. Проблемы развития Оренбургского газохимического комплекса рассматривались как на всероссийском уровне[2], так и в ряде работ оренбургских исследователей В. И. Столыпина, Н. Б. Шебаршовой и др. [3]

Недостаточно изученным представляется развитие электроэнергетической базы региона. Между тем, в период 1970-х – 1980-х гг. были введены новые мощные энергоблоки на Челябинской ТЭЦ, Южно-Уральской, Троицкой ГРЭС. Были построены Ириклиинская ГРЭС (Оренбургская область), Рефтинская ГРЭС (Свердловская область), Сургутская ГРЭС (Тюменская область). На Белоярской атомной станции во второй половине 1970-х годов был введен самый крупный в мире блок с реактором БН-600 на быстрых нейтронах. В 1970-е годы энергосистема Урала стала частью энергосистемы страны, дефицит в энергобалансе покрывался за счет электроэнергии из Поволжья и Сибири. Тем не менее, в отличие от предыдущих периодов, крупных монографических работ по этой проблематике, охватывающих 1960-е – 1980-е гг. – нет.

Если развитие добывающих отраслей промышленности Урала в 1965 – 1985 гг. достаточно изучено, то этого нельзя сказать о перерабатывающих отраслях. Нет ни одной крупной работы, посвященной развитию машиностроения, хотя в регионе действуют крупнейшие предприятия отрасли, такие как УЗТМ, Уралвагонзавод, Челябинский тракторный, Южуралмаш и др. Обойдены вниманием исследователей легкая и пищевая промышленность региона.

В 1960-е – 1970-е гг. Урал продолжал оставаться центром оборонной промышленности. История развития производства вооружений в регионе исследуется в монографии «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» (Гл. редактор А. В. Сперанский). В книге изучены основные процессы производства, тактико-технические характеристики и вопросы практического применения оружия, произведенного на Урале в период с V тыс. до н.э. до начала XXI в. н.э. Это первый обобщающий труд, комплексно воссоздающий историю производства в регионе различного рода вооружений, использовавшихся в военных конфликтах разного масштаба на протяжении всей истории челове-

---

[1] См.: *Карпов В. П.* История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948 – 1990 гг.). Тюмень, 2006.

[2] См.: *Черномырдин В. С.* Заглянуть на полвека вперед // Родина. 2008. № 10.

[3] См.: *Столыпин В. И.* Стратегия развития Оренбургского газохимического комплекса // Газовая промышленность. 2010. № 6; *Шебаршова Н. Б.* История решения вопроса организации управления и охраны окружающей среды (на примере Оренбургского газохимического комплекса в 70-е годы XX века) // Вестник ОГУ. 2005. № 4; и др.

чества. Вклад уральской оборонки в укрепление мощи Советской Армии в 1960 – 1970-е гг. отражен в целом ряде разделов этой уникальной книги («На огневом рубеже», «Броневая мощь Родины», «Ракетно-ядерный щит Отечества»)[1].

Для изучения периода 1965 – 1985 гг. особый интерес представляет статья А. В. Сперанского «Уральский военно-промышленный комплекс как фактор оборонной мощи СССР»[2]. В ней подробно исследуется развитие оборонной отрасли региона и ее вклад в укрепление оборонного потенциала страны. Необходимо так же отметить фундаментальную монографию этого автора «На войне как на войне», в последнем разделе которой «Уральская оборонка» детально рассмотрены история и современное состояние предприятий оборонной промышленности Среднего Урала[3].

Наряду с традиционными направлениями исследования промышленного развития Урала, на современном этапе складываются новые. Большое внимание уделялось состоянию экологической обстановки в районах дислокации промышленных предприятий и их роли в загрязнении окружающей среды. Эти вопросы нашли отражение в коллективной монографии, написанной под руководством Д. В. Гаврилова «Исторический опыт взаимодействия человека с окружающей средой на Урале» – первом комплексном исследовании актуальных проблем экологии Уральского региона, их возникновения и трансформации на протяжении ряда исторических эпох, вплоть до наших дней. В книге разработана концепция устойчивого экологического развития региона[4].

В последнее время появился ряд монографий, рассматривающих развитие инфраструктуры Урала – транспорта, связи. Наибольшее количество работ посвящено развитию железнодорожного транспорта в регионе[5]. Особый интерес для исследуемого периода представляет монография И. И. Конова «Развитие железнодорожного транспорта на Урале 1956 – 1970 гг.»[6]. Можно выделить также монографию Г. Н. Шапошникова, посвящен-

---

[1] См.: Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. *А. В. Сперанского*. Екатеринбург, 2008.

[2] См.: *Сперанский А .В.* Уральский военно-промышленный комплекс как фактор оборонной мощи СССР // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 6 – 15.

[3] См.: *Сперанский А .В.* На войне как на войне. Свердловская область в 1941 – 1945 годах. I изд. Екатеринбург, 2012; II изд. Екатеринбург, 2015.

[4] См.: Исторический опыт взаимодействия человека с окружающей средой на Урале / Отв. редактор *Д. В. Гаврилов*. Екатеринбург, 1997.

[5] См.: *Литовченко Г. А.* Полвека работы, поисков и свершений пермских железнодорожников. Пермь, 1996; *Лоскутов С. А.* Южно-Уральская магистраль: историко-экономический очерк. Челябинск, 2001; Исторический путь Свердловской железной дороги / Под ред. *М. Т. Крючкова*. Екатеринбург, 2011.

[6] См.: *Конов А. А.* Развитие железнодорожного транспорта на Урале. 1956 – 1970 гг. Екатеринбург, 2007.

ную развитию электрической связи в регионе – первое в России исследование по этой проблеме[1]. Проблемы внешнеэкономических связей Уральского региона рассматриваются в работах В. П. Тимошенко[2].

В рамках традиционного исследования проблем уральской промышленности в последнее время уделяется большое внимание проблемам старопромышленных регионов. Феномен старопромышленных регионов является мировым явлением. На рубеже 1950 – 1960-х гг. большинство промышленно развитых стран мира столкнулись с новой социально-экономической проблемой – появлением значительного числа городских поселений, в чьем развитии обнаруживались депрессивные черты. Прежде всего они проявлялись в падении объемов производства на градообразующих предприятиях этих городов и в значительном оттоке населения из охваченных депрессией регионов. Депрессивные регионы – это территории, которые в настоящее время отличаются более низкими, чем в среднем по стране, показателями социально-экономического развития, но в прошлом были развитыми, а по некоторым показателям занимали ведущее место в стране.

Феномен депрессивного города возник на этапе зрелого индустриального развития, когда в большинстве стран Запада создавались предпосылки перехода к постиндустриальному обществу. Экономика старопромышленных регионов основывалась на отраслях технологического уклада, характерного еще для периода промышленного переворота: угольной, металлургической, горнодобывающей и т.д. Наиболее остро кризис затронул район Аппалачей в США, Рурско-Саарский район ФРГ, Арденны, Эльзас и Лотарингию во Франции, а также промышленные районы Уэльса и Шотландии в Великобритании.

В Советском Союзе проблема депрессивных городских поселений проявилась одновременно с другими индустриальными державами. С 1959 по 1989 гг. городское население в РСФСР возросло с 50 до 75%. Появилось большое число новых городов. Вместе с тем, на фоне общего роста городского населения около 12% городов РСФСР остановились в своем развитии, причем в половине из них число жителей за тридцать лет сократилось более чем на 10%. Были и такие города, где отток населения достиг от 50 до 75%. Особенно сильно на общероссийском фоне выделялся Уральский экономический район, где находилось около трети всех депрессивных поселений РСФСР. Это наиболее высокий показатель среди всех экономических районов. Из 137 уральских городов 34 имели черты депрессивного развития, а 24 из них потеряли в течение этих 30 лет более 10% своего населения. Всего депрессивными тенденциями оказались за-

[1] См.: *Шапошников Г. Н.* Времен связующая нить: этапы развития электросвязи на Среднем Урале. Екатеринбург, 2002.

[2] См.: *Тимошенко В. П.* Исторический опыт мирохозяйственных связей Урала. Свердловск, 1989; *Он же.* Урал в мирохозяйственных связях (1950 – 1980-е тт.). Екатеринбург, 1992.

тронутыми около четверти городов Урала. Демографическая деградация города в данном случае служит индикатором его депрессивного развития, в то время как причины депрессии, безусловно, лежат в экономической сфере.

По обозначенной проблеме применительно к истории Урала 1960-х – начала 1980-х гг. в первую очередь необходимо выделить монографию С. А. Баканова, где на широком источниковом материале рассматривается феномен возникновения и развития депрессивных тенденций в уральских городах второй половины XX века. Предлагаются критерии выявления депрессивных поселений, применимые к реалиям советского периода истории, исследуются факторы, повлиявшие на углубление процессов депрессии[1]. Проблемам поиска путей социально-экономического оздоровления старопромышленных районов посвящены исследования В. Г. Кима[2]. В ракурсе решения проблемы интерес представляют изыскания В. В. Алексеева, К. И. Зубкова, В. В. Широгорова, А. П. Килина, сделавших попытку рассмотреть зарубежный опыт антидепрессионной политики[3].

Вопросам аграрного развития региона в 1960-е – 1980-е годы уделялось значительно меньше внимания. Это объясняется как спецификой Урала – преимущественно промышленного региона, так и недостаточной разработанностью этой проблемы в масштабах страны в целом. Можно выделить сборник документов и материалов по вопросам аграрного развития региона «Продовольственная безопасность Урала в XX веке», содержащий во втором томе материал по периоду 1965 – 1984 гг.[4], а также раздел «Деревню стерли, а грань осталась» в книге «Урал в панораме XX века», посвященный уральской деревне «брежневского» периода[5]. Интерес представляет также монография М. Н. Денисевича, посвященная развитию индивидуальных подсобных хозяйств на Урале[6]. В целом проблемы развития сельского хозяйства по периоду «застоя» на Урале нуждаются в дополнительном исследовании.

Изучению проблем становления и развития культуры Урала посвящена книга И. Я. Мурзиной и А. Э. Мурзина. Заявленная как учебное посо-

---

[1] См.: *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960 – 1980-е годы: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2006.

[2] См.: *Ким В. Г.* Старопромышленный район: проблемы социально-экономического оздоровления. Екатеринбург, 1996.

[3] См.: *Алексеев В. В., Зубков К. И., Килин А. П., Широгоров В. В.* Зарубежный опыт антидепрессионной региональной политики. Екатеринбург, 1992.

[4] См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. В 2-х т. Екатеринбург, 2000.

[5] См.: Урал в панораме XX века / Гл. ред. В. В. Алексеев; зам. гл. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург, 2000.

[6] См.: *Денисевич М. И.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург,1991.

бие, работа далеко выходит за декларируемые рамки, фактически представляет из себя фундаментальное двухтомное исследование региональной культуры Урала, всех ее сторон: фольклора, народных промыслов, литературы, музыки, живописи, театра, архитектуры и т.д. Хронологические рамки данной книги охватывают весь период истории Урала, с древнейших времен до наших дней, включая 1960-е – 1980-е гг.[1] Исследование И. Я. Мурзиной и А. Э. Мурзина написано в русле регионального направления изучения истории Урала. По мнению авторов, изучение регионов сегодня ведется в разных аспектах: в геополитическом, в социологическом, в историко-краеведческом, в демографическом. Данная книга посвящена анализу феномена региональной культуры на примере культуры Урала. Под региональной культурой авторы понимают «специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей, продуцирующую определенный тип личности»[2]. Существующие различия между территориальными образованиями внутри Российской Федерации по мнению авторов настоятельно требуют по новому понять исторически сложившееся единство национальной культуры, осознать ее как сложную систему, единство многообразия, включающее в себя неповторимый облик каждого из составляющего его элементов. Следует отметить высокий научно-теоретический уровень работы, ее фундированность. Совершенно правомерным представляется положение о том, что в настоящее время « … формируется новое направление в науке – региональная культурология, для которой объектом исследования становится конкретный регион как единство, продуцирующее особый тип культуры, как форма бытия национальной культуры в ее региональном варианте, являющееся необходимым условием существований локального социума и служащего основой для самоиндефикации его жителей»[3]. Период 1960-х – 1980-х гг. рассматривается в главах 4 и 5 IV раздела второго тома. В них детально рассмотрены живопись, скульптура, архитектура, музыка, театр, литература региона. Авторы приходят к неутешительному выводу. «Культура и искусство Урала в этот период, несмотря на отдельные яркие художественные открытия, в целом, отличалось отсутствием творческой самостоятельности, подражательностью, замедленным ритмом, неприятием неординарного, окончательно приобретая провинциальный характер»[4].

Причины этого явления С. В. Голынец видит в том, что «в 1960 –

[1] См.: *Мурзина И. Я., Мурзин А. Э.* Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры. В 2-х т. Екатеринбург, 2006.

[2] Там же. Т 1. С. 5.

[3] Там же. Т. 1. С. 9.

[4] Там же. Т. 2. С. 175.

1980-е гг. лучших деятелей искусства, получивших образование или выросших в известных мастеров на Урале, стали забирать в Москву и Ленинград, и уральцы лишились возможности наслаждаться талантом певцов Ю. Гуляева, И. Архиповой, Б. Штоколова, балерины Н. Павловой, драматических артистов Б. Плотникова, А. Солоницина, режиссеров В. Мотыля, В. Курочкина, А. Тителя, дирижеров Е. Колобова, В. Кожина и др.»[1]. К аналогичным выводам приходит А. В. Сперанский. В статье «Культура Урала в контексте российской модернизации: противоречия столицы и провинции» он пишет: «XX век не ликвидировал противоречия столицы и провинции. Провинциальность регионального искусства в традиционном понимании этого слова по-прежнему имеет место практически на всех периферийных территориях Российской Федерации. Сохраняются традиции следования «столичным образцам», «столичной моде», не стали забытым прошлым и директивные методы руководства культурой… Закономерно выстроилась некая культурная вертикаль: Москва – Ленинград – областные центры – районные центры и т. д. Причем, чем ниже ступень в обозначенной иерархии, тем выше степень провинциальности, ограничивающая условия работы, престиж, возможность публичного признания, международные связи и т. п.»[2].

Начиная разговор о проблемах образования, рассматриваемого периода, следует согласиться мнением С. П. Постникова о том, что, хотя « … исследование истории образования Урала занимает одно из важных мест в региональной историографии, до сих пор по данной проблеме нет обобщающих трудов. Большинство работ по истории образования носит «отраслевой» или узко хронологический характер. Задача исследователей показать образование как составную часть сложного процесса социокультурных трансформаций регионального сообщества в XX веке. А для этого необходимо создание фундаментальных трудов»[3].

К сожалению, в историографии истории Урала 1960-х – 1980-х гг. обобщающие исследования по проблемам образования, как среднего, так и высшего до сих пор отсутствуют. Это объясняется прежде всего перманентным реформированием этой сферы, отсутствием единой концепции реформ. Старая советская система была признана непригодной, а что

---

[1] *Голынец С. В.* Искусство уральского региона в социокультурном контексте развития России // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001. С. 32.

[2] См.: *Сперанский А. В.* Культура Урала в контексте российской модернизации: противоречия столицы и провинции // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С. 33 – 38.

[3] *Постников С. П.* Новейшая литература по истории образования на Урале в XX веке. Историографический обзор // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 132.

должно быть создано на ее месте каждый представляет по-своему. Отсюда постоянные шараханья из крайности в крайность. Из немногочисленных серьезных, достаточно взвешенных работ можно выделить монографию И. Г. Малковой в которой проблемы образования рассматриваются в общем контексте социокультурного развития промышленных городов Урала во второй половине XX века. Показана динамика развития общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений[1]. Среди трудов по истории высшего образования внимания заслуживает монография С. С Набойченко, посвященная истории высшей школы Свердловской области, начиная с создания в 1916 году в Екатеринбурге первого уральского вуза до начала XXI века. В книге представлена история становления и развития системы высшего профессионального образования на Среднем Урале, отражены основные этапы ее деятельности, в том числе и в 1960-е – 1980-е гг., показано современное состояние и достижения вузов Свердловской области[2].

Наряду с традиционными сюжетами, постоянно эксплуатируемыми историками, в постсоветский период начинают активно развиваться и новые направления исследований. Так, все больший интерес у ученых вызывают проблемы «истории повседневности». В рамках этого направления ведутся исследования условий жизни, труда и отдыха (быта, условий проживания, рациона питания, способов лечения, социальной адаптации), а также факторов, влияющих на формирование сознания и норм поведения, социально-политические предпочтения подавляющего большинства населения («обычных людей») той или иной страны в тот или иной исторический период.

В 2002 г. был создан Научный Совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее», который разработал программу и основные направления исследования различных сторон человеческого бытия. Ю. А. Поляковым, членом Совета, в статье «Человек в повседневности» ориентировочно определена проблематика исследований в этом направлении. Он выделяет следующие ключевые направления исследований: историко-демографическое; проблемы семьи и брака; проблема «жизненных условий»; проблема досуга[3].

Уральские историки достаточно внимательно и систематически занимаются их изучением. Очень много сделано в области изучения демографических процессов в регионе. Следует в первую очередь выделить книгу А. И. Кузьмина, А. Г. Оруджиевой, Г. Е. Корнилова, С. В Голиковой и др.

---

[1] См.: *Малкова И. Г.* Города промышленного Урала. Трансформация культурного пространства (вторая половина XX века). Челябинск, 2013.

[2] См.: *Набойченко С. С.* История высшей школы Свердловской области. Екатеринбург, 2013.

[3] См.: *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. № 3.

«Население Урала. XX в », положившую начало исследованиям в данном направлении, В данной работе, охватывающей и рассматриваемый период истории России, анализируются проблемы динамики численности населения и миграции, рождаемости и смертности, эволюции возрастной структуры населения Урала, тенденции семейно-брачных и этнодемографических отношений. Книга написана на основе анализа данных переписей населения и выборочных обследований, содержит богатейший статистический материал. Данные систематизированы, представлены в виде таблиц[1]. Историко-демографическим проблемам посвящены и ряд других работ уральских исследователей[2].

Достаточно подробно изучены проблемы быта, жизненных условий, медицинского обслуживания населения Урала, роста его благосостояния в 1960-е – 1980-е гг. в монографии Л. Н. Мартюшова[3] и в написанном им же разделе «Пределы социальных достижений» в книге «Урал в панораме XX века»[4]. Отдельные проблемы быта населения Урала отражены в ряде статей Л. Н. Мартюшова, И. Л. Мартюшовой и М. А. Клиновой[5]. Делается вывод, что взяв на себя решение всех социальных проблем, административная система, несмотря на существенные достижения в социальной сфере, в конечном итоге оказалась несостоятельной. Социальные противоречия все более нарастали – политика государственного патернализма провалилась.

В ракурсе изучения истории повседневности чрезвычайный интерес представляет книга «Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917 – 1991 гг.) Сборник документов и материалов», подготовленный авторским коллективом кафедры общей и экономической истории во главе с доктором исторических наук, профессором

---

[1] См.: *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е., Голикова С. В. и др*. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

[2] См.: *Алексеев В. В.* Демографическое развитие Урала в XX в.: итоги и уроки // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII – XX веков. Новосибирск, 1996; *Оруджиева А. Г.* Динамика численности населения Урала в советский период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993; *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Алферова Е. Ю.* Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке // Урал в пошлом и настоящем. Екатеринбург,1998; и др.

[3] См.: *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955 – 1985 гг. Гл. 3. С. 127 – 178.

[4] См.: Урал в панораме XX в. … Гл. 8. Разд. 5. С 389 – 397.

[5] См.: *Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л.* Потребление продуктов питания населением Урала в 1950-е – 1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007*; Мартюшов Л. Н.* Борьба за здоровый образ жизни. 1955 – 1985 гг. // Теория, техника и экономика связи. Вып. 6. Екатеринбург, 2007; *Клинова М .А*. Советская историография о ценовой доступности товаров для городского населения СССР (1946 – 1991 гг.) // Экономическая история XX века: проблемы историографии. Екатеринбург, 2008; *Она же*. Современная историография о советской ценовой политике в послевоенные годы // Региональное измерение экономической истории России XX века: проблемы историографии. Екатеринбург, 2009.

А. В. Трофимовым[1]. Этот сборник является первой попыткой комплексной источниковой реконструкции экономических представлений, практик и суждений уральского населения, фиксируемых в рамках советского периода (1917 – 1991 гг.). Источниковую базу составляют как официальные документы инстанций разного уровня (партийные отчеты, справки, информация о настроениях в обществе, материалы прокуратуры), так и письма, обращения и жалобы граждан в центральные, региональные и местные органы власти, информация о мерах, принятых по данным обращениям, материалы периодической печати и др. Материалы за 1965 – 1984 гг. приведены в VII разделе книги. Большинство материалов вводится в научный оборот впервые.

В советский период любимой темой историков была тема социальной активности трудящихся – рабочего класса, колхозного крестьянства и даже творческой интеллигенции. В понятие «социальная активность» включали как политическую активность – деятельность по управлению делами государства; так и производственную и трудовую активность – деятельность по совершенствованию организации труда, изобретательство и рационализацию, различные формы соревнования. Количество работ по этой тематике превысило все мыслимые пределы. Однако, после смены политического строя в стране парадигма исследования проблем социальной активности меняется на диаметрально противоположную. По мере изменений политической конъюнктуры на смену старым идеологическим стереотипам пришли новые. Тезис о рабочем классе, как «ведущей силе общества», «неуклонно численно возрастающем», сменился новым тезисом – «рабочий класс сокращается на наших глазах и недалек тот день, когда он полностью отомрет». Положение о «высокой сознательности, творческой и политической активности» было заменено тезисом о «малограмотном, необеспеченном, состоящем из маргинальных слоев классе». Положение о рабочих, как «хозяевах социалистических предприятий» было заменено положением о «тотальном отчуждении населения от собственности» и т.д.

Наиболее последовательно такая точка зрения была выражена Э. Ю. Соловьевым, который сформулировал в качестве задач, стоящих перед обществоведами следующие: «Растущее плебейско-пролетарское чванство должно блокироваться широким фронтом исследований и публикаций, посвященных критической истории рабочего класса. При написании этой истории необходимо применять те методы классового анализа и ту презумпцию теоретической безжалостности, которые Маркс отработал в критике непролетарских политических движений. Пролетарский мессианизм не изживет себя до конца пока не будет теоретически доказано,

[1] См.: Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917 – 1991 гг.) / Отв. редактор *А. В. Трофимов*. Екатеринбург, 2015.

что справедливое завершение истории вовсе не обязательно должно быть царством труда и что фабрично-заводской рабочий класс – это экзотический и, в сущности, уже отживающий персонаж в истории материального производства»[1].

Иными словами, апологетический подход сменился разоблачительным, а с конца 1990-х годов исследования по истории рабочего класса, а, заодно, исследования динамики социальной структуры советского общества в целом, процессов, происходящих в нем, были практически прекращены. В силу новой общественно-политической конъюнктуры эти проблемы перестали интересовать общественное сознание. Как это ни парадоксально, наиболее объективный анализ реального советского общества, его классовой структуры, политического и социального устройства был дан в произведении социолога – диссидента А. А. Зиновьева «Коммунизм как реальность»[2]. Что касается произведений современных российских и уральских исследователей, то в них эта тема практически не поднимается. В то же время появились сюжеты о инакомыслии и механизме его подавления в СССР. Здесь, в первую очередь, необходимо выделить монографию А. И. Прищепы «Инакомыслие на Урале», где основной акцент делается на характеристике событий «брежневского» периода, раскрывается деятельность диссидентских организаций в Уральском регионе, показываются методы борьбы КГБ с диссидентами[3].

Новые теоретические и методические наработки, появление новых фактов, ликвидация «белых пятен истории» не могли не найти отражения в появлении новых учебников по истории Урала, включающих в себя событийные и оценочные характеристики периода «развитого социализма» времен правления Л. И. Брежнева, превратившегося после его смерти в период «застоя».

В первую очередь следует назвать учебник «История Урала: XX век», выполненный коллективом ученых под редакцией В. Д. Камынина и Б. В. Личмана[4] (раздел «Урал во второй половине 60-х – первой половине 80-х гг.» написан Л. Н. Мартюшовым). В данном учебнике впервые исторический материал излагается с позиций модернизационного подхода. На его страницах нашли отражение ряд новых проблем: репрессии, исследования принудительного труда на Урале, создание второго ядерного центра страны, экологические катастрофы и др. На основе этого учебника был создан еще целый ряд учебных пособий для средней школы[5].

---

[1] *Соловьев Э. Ю.* Даже если бога нет – человек не бог // Освобождение духа. М., 1999. С. 323.

[2] См.: *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.

[3] См.: *Прищепа А. И.* Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х). Сургут, 1998.

[4] См.: История Урала: XX век. Екатеринбург, 1996.

[5] См.: История Урала: XX век. 9 класс. Учебное пособие. Екатеринбург, 1999.

Среди учебников по истории Урала, написанных в последние годы и включающих период 1965 – 1985 гг., следует выделить учебное пособие «История Урала с середины XIX в. до нашего времени», подготовленное преподавателями Уральского государственного университета под редакцией Н. Н. Попова[1] (раздел «Период усиления кризисных процессов в жизни советского общества (сер. 1960-х – 1985)» написан Н. Н. Барановым). В пособии рассмотрен широкий фактический материал, впервые ставятся проблемы системы управления экономикой региона, широко освещены проблемы социально-политического и культурного развития.

Одновременно с учебниками по истории региона в целом, создаются учебники по истории отдельных областей и республик Урала: Башкортостана[2], Оренбургской[3], Пермской[4], Тюменской[5] и др. областей, также включающие разделы по периоду 1965 – 1985 гг.

Завершая историографический обзор, в целом следует отметить падение исследовательского интереса к периоду 1965 – 1985 гг. В современной историографии материал этого периода изложен главным образом в общих работах – специальных исследований по периоду крайне мало. В историографии утвердилась однозначно негативная оценка этого времени, как «эпохи застоя», как периода «потерянного времени». Между тем, этот противоречивый этап советской истории заслуживает самого пристального внимания. Необходимо объективно, без излишней политизации как на общероссийском, так и на региональном уровне изучать причины кризисных явлений, возникших в советском обществе 1965 – 1985-х гг., чтобы использовать положительный опыт и, в то же время, не повторять допущенных ошибок.

---

[1] См.: История Урала с середины XIX в. до нашего времени: Учебное пособие / Науч. редактор Н. Н. Попов. Екатеринбург, 2002.

[2] См.: История Башкортостана (1917 – 1990 годы). Уфа, 1997.

[3] См.: История Оренбуржья: Учебное пособие. Оренбург, 1996; *Зобов Ю. С., Футорянский Л. И.* Родной истории страницы. Оренбург, 1994.

[4] См.: Пермь от основания до наших дней: исторические очерки. Пермь, 2000.

[5] См.: Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.

РАЗДЕЛ IV

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Глава 1. Противоречия «перестройки». 1985 – 1991 гг.

Выделяется два этапа в изучении уральскими учеными различных проблем эпохи «перестройки». Первый этап пришелся на период осуществления политических и экономических реформ второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. В работах публицистов, журналистов и ученых обобщалась практика «перестройки», которая трактовалась в духе создания в СССР обновленного социализма.

Научное изучение истории Урала эпохи «перестройки» началось в 1990-е гг. и продолжается вплоть до настоящего времени. В последнее десятилетие XX – начале XXI в. этот этап уральской истории получил основательное освещение на страницах обобщающих исследований по истории Урала XX столетия, написанных с различных методологических позиций. В них проявилось стремление расширить рамки осмысления «перестройки» в контексте неоднолинейных исторических традиций России и альтернатив ее развития.

В 1996 г. в Екатеринбурге под редакцией В. Д. Камынина и Б. В. Личмана был подготовлен первый школьный учебник нового поколения «История Урала», вызвавший большой общественный резонанс. На его страницах впервые с позиция теории модернизации были подробно отражены исторические события на Урале в годы «перестройки»[1]. В 2000 г. вышел академический труд по истории Урала XX столетия[2], написанный также с позиций модернизационного подхода. Позднее стали издаваться учебники[3] и монографии по истории Урала XX столетия, написанные с либеральных позиций[4]. На страницах этих работ нашло довольно подробное освещение событий на Урале, происходивших в годы «перестройки».

---

[1] См.: История Урала: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. Т. 2: XX век. Екатеринбург, 1996. С. 230 – 250.

[2] См.: Урал в панораме XX века / Гл. редактор *В. В. Алексеев*; зам. гл. редактора *А. В. Сперанский*. Екатеринбург, 2000.

[3] См.: История Урала с середины XIX в. до нашего времени: Учебное пособие / Науч. редактор *Н. Н. Попов.* Екатеринбург, 2003; История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10 – 11-х классов общеобразовательных учреждений / Под ред. *И. С. Огоновской, Н. Н. Попова.* Екатеринбург, 2003.

[4] См.: Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь / Под ред. *А. Д. Кириллова, Н. Н. Попова.* Екатеринбург, 2000.

Региональные аспекты уральской истории этого периода были отражены в обобщающих работах, посвященных истории развития различных регионов Урала в XX в.[1]

Создаются научные исследования, специально посвященные истории Урала во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Они также написаны с различных методологических позиций[2].

Основные усилия исследователи направляют на изучение политических проблем эпохи «перестройки». Толчок исследованиям в этой области дала политика «гласности», которая способствовала изучению современного периода отечественной истории. Как и по стране в целом, первыми начали изучать процессы, происходившие на Урале во второй половине 1980-х – 1990-е гг., публицисты, политологи, журналисты, практические работники. Их интересовали прежде всего, процессы, происходившие в рядах правящей Коммунистической партии[3], изменения в деятельности местных Советов[4]. Было обращено внимание на возникновение в различных регионах Урала в 1987 – 1988 г. неформальных объединений[5].

Профессиональные историки включились в изучение политических событий, происходивших в регионе, также в годы эпохи «перестройки». Активно проявил себя А. Д. Кириллов, возглавивший научно-исследовательскую группу по изучению социально-политического развития Урала. Ему удалось наметить и вместе со своими единомышленниками рассмотреть основную проблематику политической истории Урала периода «перестройки». А. Д. Кириллов особое внимание уделял изучению состояния первичных организаций правящей партии[6].

Уральские исследователи проанализировали ситуацию, которая сложилась в местных организациях правящей партии к концу 1980-х гг. Они об-

---

[1] См.: Удмуртия в годы реформ: 1990 – 2001 гг. (учебно-методическое пособие) / Науч. ред. *А. Д. Кириллов.* Екатеринбург, 2002; Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. / Под ред. *А. Д. Кириллова.* Екатеринбург, 2010; Свердловская область: страницы истории (1934 – 2014). Екатеринбург, 2014; и др.

[2] См.: *Скоробогацкий В. В.* Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997; *Манюхин В. М.* Прыжок назад. Екатеринбург, 2002; *Зубков К. И.* Урал в период перестройки: «революция» несбывшихся надежд // Судьба России: вектор перемен. Екатеринбург-М., 2007. Т. I. С. 294 – 303.

[3] См.: Партийный работник в зеркале общественного мнения. Свердловск, 1990; *Черкашин Г. В.* Региональные проблемы социальной политики. Свердловск, 1991.

[4] См.: *Москалев А. В.* Пути совершенствования местных Советов народных депутатов. Свердловск, 1988; Выборы 1990 г.: общественное мнение на Среднем Урале: информационно-методические материалы. Свердловск, 1990.

[5] См.: Неформалы. Свердловск, 1988; *Житенев В. Б.* Мафия в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1991.

[6] См.: *Кириллов А. Д.* Партийные организации Урала в 1980-е гг.: состав партийных рядов. Свердловск, 1990; *Он же.* Коммунисты Урала в 1990 г.: кризисные явления в составе и деятельности первичных организаций. Возможности их преодоления. Свердловск, 1991.

ратили внимание на то, что к этому времени падение авторитета КПСС стало очевидным. По наблюдениям А. Д. Кириллова, в 1989 г. численность свердловской организации КПСС сократилась на 2100 человек, число кандидатов в члены КПСС – практически в два раза (с 1700 в 1988 г. до 987 в 1989 г.). В то же время автор указал на то, что на важнейших управленческих должностях число коммунистов увеличилось с 4388 до 4562 человек. А. Д. Кириллов объяснял это «жесткой кадровой политикой, осуществлявшейся областными органами власти в условиях падения авторитета КПСС»[1]. По проведенным в Свердловской области социологическим опросам в 1989 г. оказалось, что количество желающих выйти из КПСС примерно в два раза превышало количество тех, кто еще желал вступить в партию[2].

А. Д. Кириллов отметил, что процесс сокращения численности партийных организаций Урала продолжился и в дальнейшем. Наибольшее сокращение пришлось на 1990 г. Он подсчитал, что от 20 до 30 % состава потеряли в том году партийные организации Удмуртии, Пермской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей. Интерес представляет наблюдение автора о том, что «партию покидают представители различных социальных групп, в том числе люди, игравшие в недавнем прошлом активную роль в жизни КПСС[3]. Он констатировал, что «главная причина сокращения состава КПСС – утрата у части ее членов и сторонников смысла пребывания в партии»[4].

В трудах исследователей периода «перестройки» давался анализ политической элиты Урала[5]. Наиболее заметными уральскими публикациями стали статьи С. Ю. Андреева в региональном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Урал», который стал площадкой для реформистских публикаций в Свердловской области. Автор в статье «Причины и следствия» первым рассмотрел в советской массовой печати положение и деятельность управленческого аппарата с точки зрения классовой стратификации. Публицист усматривал коренное противоречие современного социализма и причину снижения народнохозяйственного потенциала в том, что экономические интересы бюрократии как отдельного класса расходятся с интересами государства и общества в целом. Силу, которая способна изменить систему привилегированного положения бюрократии, С. Ю. Андреев видел в партийных органах. И отмечал «чрезвычайно великую» роль партийного аппарата, который «в

---

[1] *Кириллов А. Д.* Партийные организации Урала в 1980-е гг. … С. 64.

[2] См.: Партийный работник в зеркале общественного мнения … С. 18.

[3] *Кириллов А. Д.* Коммунисты Урала в 1990 г. … С. 3.

[4] Там же. С. 5.

[5] См.: Разорванный круг. Свердловск, 1988; *Матюхин С. Л.* Кто есть кто. Средний Урал: политические портреты. Свердловск, 1991.

современных условиях оказывается далеко не тождествен партийной массе в целом»[1].

Статья С. Ю. Андреева вызвала оживленную дискуссию среди уральских публицистов, которая отражалась на страницах журнала «Урал»[2]. Б. Урванцев, например, призывал «делать все возможное, что ускорило бы начавшийся в СССР процесс стирания межклассовых границ, становления бесклассовой общности советского народа»[3].

В духе развития марксистской теории была выдержана и вторая статья С. Ю. Андреева «Причины и следствия: год спустя», в которой он заявил о необходимости «создания в максимально короткие сроки организационных структур» самостоятельного общественного движения. По словам автора, это движение должно было действовать «в контакте, но обязательно на паритетных началах с КПСС – в форме сотрудничества, а не прямого подчинения»[4].

Таким образом, в 1988 – 1989 гг. даже автор радикальной для советской публицистики 1980-х гг. идеи о противоречии интересов управленческого аппарата как особого класса интересам государства сохранял надежды на особую роль КПСС в совершенствовании общества.

В дальнейшем, в публицистике наметился реальный плюрализм во мнениях. Если в 1988 – 1989 гг. споры шли между сторонниками социалистических идей, то в дальнейшем плюрализм вышел за пределы марксистского учения.

Только на современном этапе политическая история Урала периода «перестройки» стала предметом специального исследования[5].

Рубеж десятилетий стал временем углубления политического противостояния, охватившего российские регионы. Важным показателем эволюции общественной жизни явилось изменение отношения к самой концеп-

---

[1] См.: *Андреев С. Ю.* Причины и следствия // Урал. 1988. № 1. С. 136 – 138.

[2] См.: *Урванцев Б.* Как выйти из тупика? // Урал. 1988. № 10; *Гончаров С.* Есть за что бороться // Там же; *Бреднева Л.* Так пойдем дальше! // Там же; *Зыков Ю., Кашин А.* Шаг к социализму // Там же; *Молчанов В.* Классовый подход – не навешивание ярлыков! // Там же; *Бондарев Г. И.* А те ли это причины? // Там же. № 12; *Задорожный В. Н.* Реальный тормоз перестройки // Там же; *Комлева М. А.* Найти и обезвредить! // Там же.

[3] *Урванцев Б.* Как выйти из тупика? // Урал. 1988. № 10. С. 145.

[4] *Андреев С. Ю.* Причины и следствия: год спустя // Урал. 1989. № 6. С. 11.

[5] См.: *Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Большой Урал: современные процессы политической жизни. Екатеринбург, 1992; Политическая жизнь в регионе. Сборник. Екатеринбург, 1992; *Кириллов А. Д.* Урал: тенденции политического развития (1991 – 1993). Екатеринбург, 1993; *Он же.* Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990 – 1997 гг.). Екатеринбург, 1997; *Лежнев К. М.* Общественно-политическая деятельность Пермской областной организации КПСС в 1985 – 1991 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2005; *Скоробогацкий В. В.* Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002; *Он же.* Общество и власть в эпоху перемен. Екатеринбург, 2007; Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985 – 2007 гг. / Автор-составитель *А. Д. Кириллов.* Екатеринбург, 2008.

ции «перестройки». Если ранее практически все политические силы сходились в том, что конечная цель перестройки – гуманный «социализм с человеческим лицом», то уже в 1990-е г. оформилось несколько подходов к оценке «перестроечных» процессов и их результатов.

Научная проблематика уральских исследователей так же значительно расширилась. А. Д. Кириллов и Б. А. Кирилловым подробно осветили ситуацию, которая сложилась на Урале в конце советской эпохи. Авторы внутри периода «перестройки» выделяют несколько этапов. По их мнению, первый этап продолжался вплоть до начала 1987 г. и его содержание сводилось к тому, что «партийные руководители местного уровня выводились из-под огня, соблюдая видимость активной перестройки»[1].

Исследователи пришли к выводу, что именно это стало причиной первого поворотного момента в ходе «перестройки» и наступления ее второго этапа, который пришелся на 1987 – 1988 гг. А. Д. Кириллов и Б. А. Кириллов пишут: «1987 год стал переломным для областей Урала в политическом смысле. Впервые власти столкнулись с непривычной ситуацией роста оппозиционных настроений»[2]. К новым явлениям в политической жизни уральского общества авторы относят молодежный протест в связи с возникновением «феномена Ельцина», рост рядов неформалов, создание в ряде городов Урала Народных Фронтов и т.д.

Это наблюдение авторов подтверждается и другими исследователями. В. Я. Гельман и Г. В. Голосов отмечают, что «первые независимые политические организации в Свердловской области начали создаваться еще в 1987 г. – значительно ранее начала волны политической мобилизации почти во всех регионах России»[3]. По словам В. В. Власовой, «сама логика развития процесса политического пробуждения общества вела в Свердловской области, как и во всей стране, к возникновению представления об отсутствии механизмов политико-идейной конкуренции как главной причине деформации советской системы, а, следовательно, и к мысли об отказе от однопартийной системы или, во всяком случае, к созданию механизма конкуренции внутри одной партии»[4].

Испанская журналистка П. Бонет отмечает роль интеллектуальной элиты Урала, прежде всего вузовской и технической интеллигенции в активизации политической жизни на Урале. Она указывает на то, что с конца 1987 г. Уральский и Пермский университеты, Уральский политехнический ин-

---

[1] Урал: век двадцатый... С. 212.

[2] История Урала. Т. 2. Екатеринбург, 1998. С. 296.

[3] *Гельман В. Я., Голосов Г. В.* Политические партии в Свердловской области (региональные практики в сравнительной перспективе) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С. 134.

[4] *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985 – 2000 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 17.

ститут, Челябинский пединститут становятся центрами интеллектуального брожения и бурных дискуссий о путях демократизации КПСС и «обновления» социализма[1].

Историки обращают внимание на влияние «феномена Ельцина» на общественную ситуацию на Урале в конце 1987 г. В. В. Власова пишет, что замалчивание содержания выступления Б. Н. Ельцина на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС, появление массовых слухов и версий по этому поводу стало одним из симптомов того, что региональное партийное руководство начало утрачивать контроль над развитием общественно-политической ситуации[2].

Уральские исследователи отмечают: «1988 год по праву считается началом активизации массового демократического движения на Урале, все более выходившего из под контроля партийно-государственных структур»[3]. По словам А. Д. Кириллова и Б. А. Кириллова, «оппозиционные организации правительству к 1989 г. возникли повсеместно, в том числе и во многих областях Урала (дополнительный толчок этим процессам дала XIX партийная конференция, 1988 г.)»[4].

В работах уральских исследователей содержится характеристика как особенностей политической ситуации в различных регионах Урала, так и деятельности наиболее крупных общественно-политических объединений.

А. Д. Кириллов и Б. А. Кириллов, анализируя особенности общественно-политической жизни в различных регионах Урала, обращают внимание на то, что «если в промышленных областях Урала (Свердловская, Челябинская, Пермская, Тюменская) неформальные группы делились на более или менее либеральные, то в Башкирии и Удмуртии во весь голос заявили о себе националистические настроения»[5]. Объясняют авторы это тем, что «далеко не все регионы России, а тем более национальные республики СССР были готовы к сколько-нибудь серьезным идеологическим и политическим новшествам»[6].

Особенно внимательно уральские исследователи характеризуют развитие политической ситуации в 1987 – 1988 гг. в Свердловской области. А. Д. Кириллов и Б. А. Кириллов пишут: «Наиболее неординарно складывалась обстановка в Свердловской области. Во многом это объяснялось достаточно либеральным руководителем области – первым секрета-

[1] *Бонет П.* Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле / Пер. с исп. // Урал. 1994. № 4. С. 127.

[2] *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985 – 2000 гг.). С. 16 – 17.

[3] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) // Урал в панораме XX века … С. 418.

[4] История Урала. Т. 2. … С. 298.

[5] Там же.

[6] Урал: век двадцатый. … С. 212.

рем ОК КПСС Ю. В. Петровым, сменившим популярного среди населения Б. Ельцина»[1].

Уральские исследователи подчеркивают, что именно на втором этапе «перестройки» началась политическая радикализация населения уральских регионов и прежде всего населения Среднего Урала. По словам А. Д. Кириллова и Н. Н. Попова, «в условиях всеобщей политизации населения стали создаваться местные организации новых общественных объединений и политических партий страны»[2].

По словам Ю. С. Кирьякова, в эти годы «большая группа преподавателей и сотрудников факультета[3], а вслед за ними и студенты вполне естественно превратились в активистов доселе находившегося в тени Всероссийского общества охраны памятников искусства и культуры (ВООПИК), которое в середине 80-х оказалось не только в центре борьбы вокруг проблемы возрождения исторической памяти, но и втянутого в противостояние с партийно-советской номенклатурой, которая в своей градостроительной политике спокойно «жертвовала» памятниками истории и архитектуры во имя ей одной известной «производственной необходимости»[4]. По нашим наблюдениям, из среды борющихся с диктатом партгосноменклатуры вырастали сначала неформальные, а затем и общественные деятели «перестроечной» эпохи[5].

Изучая деятельность неформальных объединений, авторы пишут о таких организациях как «Митинг-87», «Отечество», «Уральский Народный Фронт», «Возрождение», «Мемориал», «Объединенный фронт трудящихся», «Дискуссионная трибуна» и др. А. Д. Кириллов и Б. А. Кириллов указывают на то, что в Свердловской области неформалы разделились на две группы: взаимодействующих с обкомом КПСС и не идущих на контакты. К первой группе авторы относят актив «Дискуссионной трибуны», ко второй – Уральский Народный Фронт, лидером которого был Ю. В. Липатников[6].

Большое внимание уральских исследователей привлекает возникновение и деятельность «дискуссионной трибуны» в Свердловске. Этому феномену демократической жизни Урала периода ранней «перестройки» посвящен специальный сборник[7].

---

[1] История Урала. Т. 2. … С. 296.

[2] *Кириллов А. Д., Попов Н. Н.* Политические партии // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. 2-е изд. С. 428.

[3] Имеется ввиду исторический факультет Уральского государственного университета.

[4] *Кирьяков Ю. С.* Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3. С. 241.

[5] *Камынин В. Д.* Несколько эпизодов из жизни ЮС // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург, 2016. С. 256 – 257.

[6] История Урала. Т. 2. … С. 297.

[7] См.: Городская дискуссионная трибуна (1987 – 1990): Сб. статей, документов и материалов. Екатеринбург, 1997.

Городская «дискуссионная трибуна» открылась в Свердловске 21 мая 1987 г. Инициаторами ее организации выступили представители областных организаций творческих союзов, ВООПИК и уральского отделения философского общества. По воспоминаниям ее руководителей (председателем Совета городской «дискуссионной трибуны» стал Г. Э. Бурбулис, а Ю. С. Кирьяков – его заместителем) можно судить, как постепенно происходили радикализация общественного мнения уральцев. Ю. С. Кирьяков отмечал: «На первом заседании в Доме культуры «Автомобилист» обсуждалась тема: «Как сегодня сберечь духовную культуру Урала?» Автор специально акцентировал внимание на том, что «первые пять заседаний трибуны (с 31 мая до декабря 1987 г.) проходили на площадке «культуры»: вокруг проблем защиты и воспроизводства материальной и духовной культуры, исторической памяти и беспамятства»[1]. П. Бонет также подчеркивает, что на начальном этапе деятельности участники «дискуссионной трибуны» ставили перед собой достаточно скромную цель: обсуждать «в духе гласности» различные проблемы истории и современности[2]. Она указывает, что в 1987 г. Свердловский областной комитет партии занял по отношению к этому проекту уклончивую позицию, а отдел пропаганды и агитации городского комитета КПСС даже поддержал его, предполагая, что сможет направить общественную инициативу в нужное русло[3].

В литературе высказываются различные мнения о направленности деятельности «дискуссионной трибуны». Сами ее участники подчеркивают, что в 1988 г. «трибуна» быстро стала превращаться в своего рода неформальный центр интеллектуальной жизни города, место, где в ходе обсуждения частных проблем все больше кристаллизовались представления о необходимости глубоких реформ всей советской системы и организационно оформлялись сторонники таких реформ[4]. Современные исследователи считают, что общественная активность логикой развития перестроечных процессов приняла политическую направленность. По мнению В. В. Власовой, «возникновение и деятельность дискуссионной трибуны в Свердловске поэтому может рассматриваться как первое проявление процесса возникновения в области организационных структур, подрывающих на региональном уровне стабильность существующей политической системы»[5].

Третий этап перестройки (1989 – 1991 гг.) на Урале исследователи связывают с событиями 1989 г., который «начался в условиях борьбы за мандаты народных депутатов СССР». По мнению А. Д. Кириллова и Б. А. Кирил-

---

[1] *Кирьяков Ю. С.* Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (79). С. 245.

[2] *Бонет П.* Невозможная Россия … С. 127.

[3] Там же. С. 130 – 132.

[4] Городская дискуссионная трибуна (1987 – 1990) ... С. 17.

[5] *Власова В. В.* Общественно-политическая жизнь Свердловской области в условиях курса на обновление социально-политической системы социализма (1985 – 1988 гг.) // Судьба России ... С. 313.

лова, «выборы 1989 г. стали своеобразной границей, отделившей период непрочного, но единства основных социальных групп и их идеологов в борьбе за перестройку от этапа размежевания, утраты официальными органами власти (комитеты партии, исполкомы Советов депутатов) легитимности в глазах большинства населения и роста влияния неформальных (оппозиционных) групп и структур»[1]. Авторы считают, что результаты выборов показали, что «в целом ряде регионов, в том числе в Свердловской, Челябинской, Пермской областях были зафиксированы впечатляющие политические битвы, которыми «предоппозиция», по сути, начала свой поход во власть»[2].

В. В. Власова пишет, что «выборы народных депутатов СССР, проходившие весной 1989 г., во многих отношениях стали началом мирной революции против партийно-государственного аппарата»[3].

Уральские исследователи имеют в виду то, что в ряде областей Урала в ходе выборов 1989 г. партийные руководители потерпели поражение, началось ослабление управляемости экономическими процессами, наблюдались вспышки недовольства населения экономическим положением.

Исследователи полагают, что «1990 г. стал периодом окончательного размежевания основных политических сил». Доказательство этому они видят в том, что в этом году состоялись учредительные съезды блока «Демократическая Россия» и «Демократической платформы» в КПСС, объявившими себя оппозицией и взявшими курс на победу в российских и местных выборах[4].

В трудах современных исследователей продолжается анализ становления многопартийности и формирования новой политической элиты Урала периода «перестройки»[5], а также начала формирования в регионе органов власти новой российской государственности[6].

---

[1] История Урала. Т. 2. … С. 298.

[2] Урал: век двадцатый ... С. 220.

[3] *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985 – 2000 гг.) ... С. 17.

[4] История Урала. Т. 2 ... С. 299.

[5] См.: *Левин А. Ю.* Как стать губернатором в бывшем СССР. Екатеринбург, 1995; *Красильников Д. Г.* Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917 – 1918, 1985 – 1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998; *Мохов В. П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950 – 1990-е гг.). Пермь, 1998; *Он же.* Региональная политическая элита России (1945 – 1991 гг.). Пермь, 2003; *Кабацков А. Н.* Становление многопартийности в 1987 – 1991 гг.: (На материалах Пермской и Свердловской областей): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1999; *Расторгуев А. П.* Рождение оппозиции (Органы власти и национал-патриотические движения во второй половине 1980-х гг. на примере Свердловской области) // Социум и власть. 2008. № 1. С. 122 – 129.

[6] См.: *Кириллов Б. А.* Эволюция органов власти на Урале (1988 – 1995). Екатеринбург, 1996; Кириллов *А. Д.* Социально-политическое развитие регионов в период становления новой российской государственности, 1990 – 1998 гг. (на материалах Урала): Автореф. дис… д-ра ист. наук. Челябинск, 1999; *Иванов В. Н.* КПСС и власть. Департизация органов государственного власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999.

Отделяя элиту от номенклатуры, которая служила механизмом организации выполнения политических решений, а также рекрутирования и отбора кадров, пермский исследователь В. П. Мохов определил центром этого процесса секретариат регионального партийного комитета. Автор, в частности, приходит к выводу, что региональные элиты уже до «перестройки» были объективно заинтересованы в конвертации власти в собственность. Именно поэтому руководители областного уровня не только серьезно не сопротивлялись разрушению старой общественной конструкции, но и независимо от собственных политических пристрастий приняли активное участие в переделе собственности[1].

Основательному анализу исследователи подвергли кампанию по выборам в местные Советы, которые проходили в марте 1990 г. В. В. Власова пишет: «Совмещенные выборы в высшие органы законодательной власти РСФСР и местные советы марта 1990 г. проходили в Свердловской области в заметно обострившейся конкурентной борьбе. Сильное влияние на ход предвыборной кампании оказало то обстоятельство, что Б. Н. Ельцин баллотировался на выборах от одного из избирательных округов Свердловска. Его предвыборная кампания была хорошо организована местным активом сторонников «межрегиональной депутатской группы» (МДГ) и радикально-демократических реформ во главе с Г. Э. Бурбулисом и принесла убедительную победу с большинством более чем в 84%[2].

П. Бонет акцентирует внимание на том, что участники свердловской городской «дискуссионной трибуны», представители научно-преподавательского слоя свердловской интеллигенции, в их числе Г. Э. Бурбулис, Р. Г. Пихоя, Л. П. Мишустина, помогли организовать встречи Б. Н. Ельцина с населением во время его пребывания в Свердловске, сформировали своего рода группу «интеллектуального обеспечения» его кампании, а впоследствии стали на какое-то время близкими его соратниками[3].

Исследователи обратили внимание на то, что при формировании руководства Свердловского совета произошло настоящее сражение между сторонниками радикальных реформ и их противниками. В. В. Власова пишет: «На местном уровне линию МДГ должен был осуществить Г. Э. Бурбулис, избранный областным депутатом и претендовавший на то, чтобы возглавить Областной совет. Однако большинство членов Областного совета предпочло кандидатуре Г. Э. Бурбулиса кандидатуру Э. Э. Росселя, известного хозяйственника, долголетнего руководителя треста «Главсредуралстрой»[4].

---

[1] *Мохов В. П.* Региональная политическая элита … С. 116.

[2] *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985 – 2000 гг.) ... С. 18.

[3] *Бонет П.* Невозможная Россия ... С. 144.

[4] *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985 – 2000 гг.) ... С. 18.

По мнению К. И. Зубкова, А. Д. Кириллова, Б. А. Кириллова, «этап поздней «перестройки» характеризовался и ростом регионалистских настроений». Они пишут: «Лозунги полновластия Советов в промышленно развитых областях Урала практически сливались в конце 1980-х гг. с возникшими в это время идеями перехода регионов и городов на территориальный хозрасчет»[1].

Исследователи отмечают, что этому немало поспособствовал Б. Н. Ельцин, который в своих предвыборных выступлениях высказал немало радикальных предложений, включая создание в РСФСР (после соответствующего референдума) 7 отдельных территориальных образований, включая Урал[2]. Следует отметить, что немалое влияние на усиление регионалистских настроений среди свердловчан оказали народные депутаты от Свердловской области, принимавших участие в избирательной кампании Б. Н. Ельцина[3].

Особенностью литературы об экономическом развитии Урала на рубеже 1980-х – 1990-х гг. является то, что ученые изучают главным образом процессы, происходившие в промышленности, и гораздо меньшее внимание уделяют развитию других отраслей экономики региона.

Лейтмотивом большинства работ советских ученых эпохи «перестройки» как экономистов[4], так и историков[5] был тезис о том, что во второй половине 1980-х гг. Урал оставался одним из наиболее развитых промышленных регионов Российской Федерации и всего Советского Союза. Большие надежды связывались с провозглашенной М. С. Горбачевым программой «ускорения социально-экономического развития СССР», направленной на форсирование научно-технического прогресса, реконструкцию отечественного машиностроения, производство новых машин, высокотехнологического оборудования, а также на проводимые под его руководством «рыночные» реформы[6].

---

[1] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) // Урал в панораме XX века ... С. 419.

[2] Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001. С. 78 – 79.

[3] См.: В поисках надежды: Встреча в редакции с народными депутатами СССР // Урал. 1990. № 4. С. 3 – 12.

[4] См.: Эффект реконструкции. Свердловск, 1986; *Талалаев Н. А., Васильев В. В.* Урал: стратегия прогресса. Свердловск, 1987; Урал в едином народнохозяйственном комплексе. Свердловск, 1990; Уральский регион: проблемы и перспективы развития. М., 1991.

[5] См.*: Сафин Ф. А.* Партийное руководство повышением эффективности промышленности Башкирской АССР. Уфа, 1987; *Попов В. Ф.* Проблемы развития промышленности Урала в условиях ускорения // Октябрь на Урале: История и современность. Актуальные проблемы истории народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988; *Бакунин А. В.* Урал как единый промышленно-экономический район. Свердловск, 1991; *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала в 1970 – 1980 гг. Екатеринбург, 1992.

[6] См.: Экономические проблемы ускорения развития металлургии региона. Свердловск, 1988; Рейдерман *Ф. В.* Советы и рынок. Свердловск, 1990.

В то же время исследователи указывали на накопившиеся в советское время в экономике Урала проблемы. Б. В. Личман отмечал, что принимаемые меры не могут дать быстрого эффекта, ибо «на Урале, в силу специфики регионального развития, более рельефно, чем в других районах, отражены тенденции, трудности, противоречия советской экономики»[1]. По данным В. Ф. Попова, на ведущих машиностроительных предприятиях Свердловска (Уралэлектротяжмаш, Уральский турбомоторный завод и др.) объемы устаревшего оборудования достигали 50 – 60 %, а сохранявшиеся в течение 1986 – 1987 гг. низкие темпы обновления основных фондов (3 – 4 % в год) не позволяли надеяться на быстрый перелом в ситуации. Сплошь и рядом напряженные производственные задания уральских предприятий, игравших критическую роль в снабжении народного хозяйства СССР по целому ряду позиций, обесценивали эффект многих проводимых организационно-технических мероприятий (госприемка, аттестация рабочих мест, переход на двух- и трехсменный режим работы)[2].

В 1990-е гг. начали издаваться работы, в которых давался более объективный анализ развития промышленности Урала в эпоху «перестройки»[3].

По словам А. Д. Кириллова, «политическая борьба и изменения в общественной жизни постоянно «подпитывались» серьезными трудностями в экономическом развитии страны, которая постепенно вступала в полосу системного кризиса плановой экономики»[4]. Историки показывали, что во второй половине 1980-х гг. «кризисные тенденции уже отчетливо проявили себя в экономическом и социальном развитии Урала, который все более приобретал черты депрессивного старопромышленного региона»[5]. По их мнению, принятый в июле 1987 г. Закон о государственном предприятии не разрешил всех проблем, сковывавших инициативу предприятий и возможности их перехода на хозрасчет по формуле: «самофинансирование, самоокупаемость, самоуправление». Причинами этого были массовые нарушения дисциплины поставок, дезорганизация устойчивых связей между предприятиями, инфляция, взвинчивание цен на продукцию смежников, начавшаяся без подготовки конверсия оборонных предприятий, кото-

---

[1] *Личман Б. В.* Экономическая стратегия КПСС и тенденции развития индустрии Урала (1956 – 1985 гг.). Свердловск, 1990. С. 3.

[2] *Попов В. Ф.* Проблемы развития промышленности Урала в условиях ускорения ... С. 29.

[3] См.: *Анимица Е. Г., Ратнер Н. М., Шарыгин М. Д.* Уральский регион: социально-экономическое развитие (географический аспект). Екатеринбург, 1992; *Житенев В. Б.* 1991 г.: Екатеринбург на пороге рыночных реформ. Екатеринбург, 1992; *Бакунин А. В., Бедель А. Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994; *Личман Б. В.* Тенденции развития индустрии Урала в последние годы Советской власти // Судьба России ... С. 258 – 270.

[4] Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 372.

[5] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) // Урал в панораме XX века ... С. 416.

рая привела к спаду производства и оттоку квалифицированных кадров из этого сектора[1].

А. Д. Кириллов указывает, что 1988 г. был последним годом в истории СССР, когда темпы роста промышленного производства имели положительный показатель. По Уралу он составил 3 %. Несколько увеличились объемы экспорта тяжелого оборудования: с 1500 ед. в 1986 г. до 1800 в 1988 г. Тем не менее, очевидным стал факт приближения к нулевым темпам роста: топливная промышленность – 0,11 %, примерно то же в металлургии, несколько лучше были показатели легкой промышленности (4,34 %) и промышленности стройматериалов (4,48 %). Показатели же электроэнергетики стали отрицательными – 0,05 %[2].

Историки пришли к выводу, что курс «перестройки» в экономике Урала оказался фактически проваленным. Они пишут: «Саботаж управленческого аппарата, нерешительность союзного центра в переходе на новые рыночные формы хозяйствования и новую ценовую политику, многочисленные препоны, стоявшие на пути развития новых экономических форм, таких как аренда, кооперативное движение, малое предпринимательство, в конечном счете привели к нарастанию экономического и политического кризиса»[3].

Динамика экономического развития областей Урала в 1990 – 1991 гг. стала полностью отрицательной. По подсчетам ученых, в целом по Уральскому региону усредненный общеэкономический показатель снизился в 1990 г. на 3,1 %, в 1991 г. на 7,1 %. Это произошло главным образом за счет производств, расположенных в Свердловской и Челябинской областях, в которых в 1990 г. было зафиксировано сокращение продукции строительства на 10,35 % (1991 – 10,1), цветной металлургии на 5,2 % (9,1), химической промышленности на 4,7 % (6,17), черной металлургии на 2,3 % (6,9). Средний показатель сокращения объемов производства в 1991 г. составил 1,9 %, однако в машиностроении он снизился на 3 % . Конечный общественный продукт Урала сократился в 1990 г. на 1,5 %, в 1991 г. – на 3,1 %. Характерно также и то, что значительно возрос объем капиталовложений на возмещение выбытия основных фондов (в 1991 г. – на 65,2 %). Другими словами, оснащение промышленных предприятий к 1991 г. устарело фактически на 2/3[4].

На рубеже XX – XXI вв. были написаны работы по истории развития различных отраслей промышленности региона[5]. Особенно много иссле-

[1] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) // Урал в панораме XX века ... С. 418.

[2] Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 373.

[3] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) // Урал в панораме XX века ... С. 418.

[4] См.: Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 375.

[5] См.: Вклад Урала в горное производство России за 300 лет / Под ред. *В. С. Хохрякова.* Екатеринбург, 2000; *Кауфман А. А., Запарий В. В.* Очерки истории коксохимической промышленности. Екатеринбург, 2007; *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала: Жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

дований посвящалось истории уральской черной[1] и цветной[2] металлургии, что было связано с широким общественным резонансом празднования 300-летнего юбилея отрасли, который отмечался в 2001 г. Специальное исследование по истории уральской металлургии эпохи «перестройки» написал В. В. Запарий[3].

Многие уральские ученые проводимые в годы «перестройки» экономические реформы рассматривали с позиций теории модернизации[4]. Исследователи показывали, что модернизационные процессы вплоть до начала 1990-х гг. в техносфере промышленного комплекса Урала, ориентированного на оборонное производство, реализовывались главным образом экстенсивными методами.

В. В. Запарий указывает на то, что в черной металлургии Урала к началу 1990-х гг. четко обозначились негативные тенденции, обусловленные экстенсивным развитием экономики: низкий уровень использования передовой техники и технологий; медленное обновление оборудования, что привело к острому старению основных фондов, прогрессирующему росту затрат и снижению конкурентоспособности большинства видов металлопродукции; неудовлетворительная экологичность применяемых технологических схем оборудования и обусловленная этим необходимость высоких затрат на охрану окружающей среды; отставание в развитии сырьевой базы[5].

С. А. Баканов пишет о том, что в угольной отрасли Урала продолжалось экстенсивное наращивание угледобычи без серьезного перемещения ее центров на наиболее выгодные месторождения. По его наблюдениям, «не происходило и сокращение численности занятых в отрасли, наоборот, продолжалось даже ее некоторое увеличение без качественного скачка в производительности труда»[6].

Авторы отмечали, что во второй половине 1980-х гг. в развитии отрасли сложились серьезные диспропорции. Б. В. Личман указывает, что они проявлялись «в отставании темпов наращивания производственных мощностей последующих переделов от мощностей предыдущих». Ученый под-

---

[1] См.: *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001; *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

[2] См.: *Запарий В. В., Набойченко С. С.* История цветной металлургии Урала во второй половине XX века. Екатеринбург, 2010.

[3] См.: *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала в 70 – 90-е гг. XX в.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002. 46 с.

[4] См.: *Гаврилов Д. В.* Технологические аспекты модернизации уральской металлургии XVIII – XX вв. // Урал индустриальный: материалы докладов и сообщений региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1998. С. 28 – 35; Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII – XXI вв. Екатеринбург, 2006.

[5] *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII– XX вв. … С. 226 – 227.

[6] *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала ... С. 250.

черкивает, что никто не пытался решить проблемы, сдерживающие развитие металлургии в регионе. По его словам, «важнейшим фактором, сдерживающим развитие металлургии на Урале, является недостаточная обеспеченность собственными ресурсами топлива и энергии, низкие темпы промышленного освоения разведанных месторождений железных руд, дефицитность водохозяйственного баланса»[1].

В. В. Запарий подчеркивает, что продолжали развиваться устаревшие технологии, такие, как мартеновское производство, медленно внедрялись современные, такие, как непрерывная разливка стали и кислородно-конвертерный способ, обработка стали инертными газами и др.[2]

К. И. Зубков отмечает, что власти СССР пытались решить накопившиеся в уральской металлургии проблемы. По его данным, на XII пятилетку (1986 – 1990 гг.) «в числе важнейших приоритетов выдвигались задачи скорейшей реконструкции сталелитейного производства Магнитогорского металлургического комбината (ММК), ряда небольших металлургических заводов Урала»[3]. Однако по наблюдениям В. В. Запария, в 1991 г. идеи руководства по реформированию ММК «вызывали скептицизм, а нередко и недовольство в коллективе»[4].

В литературе, посвященной организации управления народным хозяйством[5], прямо указывалось, что региональное управление экономикой оказалось неэффективным. В. В. Запарий отмечает, что сначала ставка была сделана на научно-производственные объединения, затем была предпринята попытка создать координационные центры на местах в виде территориально-производственных комплексов. С 1 января 1990 г. многие области региона были переведены на региональный хозрасчет, однако ухудшавшиеся социально-экономические показатели, продовольственный кризис не позволили реорганизовать региональную систему управления экономикой[6].

Современные ученые изучают развитие сельского хозяйства Урала в годы «перестройки» с точки зрения теории модернизации. Они негативно оценивают реформаторскую «перестроечную» деятельность в сельском

---

[1] *Личман Б. В.* Тенденции развития индустрии Урала в последние годы Советской власти ... С. 269 – 270.

[2] *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала в 70 – 90-е гг. XX в. … С. 35.

[3] *Зубков К. И.* Урал в период перестройки: «революция» несбывшихся надежд // Судьба России ... С. 296.

[4] *Запарий В. В.* Металлургия Урала и ее денационализация // Судьба России ... С. 277.

[5] См.: *Боровский А. В., Жеребцов Е. А., Локшин М. Е.* От Уралпромбюро до Уралгипромеза наших дней // Очерки истории черной металлургии Урала. Сборник. Екатеринбург, 1998. С. 133 – 172; *Запарий В. В.* Модернизация системы управления металлургическим комплексом Урала в XX веке. Екатеринбург, 2011.

[6] *Запарий В. В.* Модернизация системы управления металлургическим комплексом Урала в XX веке ... С. 95 – 96.

хозяйстве региона. Оценивая аграрную политику государства в последние годы советской власти, Г. Е. Корнилов пишет, что несмотря на заявление о реформах «реальный аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер»[1].

Л. Н. Мазур проанализировала политику, направленную на раскрестьянивание уральской деревни. Она указывает, что на 1980-е гг. пришелся рост количества населенных пунктов без жителей. По ее данным, если в 1979 г. в Свердловской области насчитывалось 74 населенных пунктов без населения, то в 1989 г. – 103. Этот процесс исследователь объясняет «волнами оттока (миграции) населения из сельской местности, а также снижением естественного прироста»[2]. Автор подчеркивает, что в дальнейшем эти деструктивные моменты «усугубляются системным социально-экономическим кризисом»[3].

По словам Г. Е. Корнилова, аграрное развитие на Урале в годы «перестройки» характеризовалось, «с одной стороны, запаздыванием с проведением давно назревших преобразований, с другой – форсированными скачками и стремлением повсеместно и быстро внедрить то или иное «новшество». Результатом такой политики стало нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве»[4].

Кризис проявился в экономике уральских областей в интенсивной форме, что объяснялось незначительной долей сельского хозяйства в общем произведенном продукте. Исследователи указывают, что особенностью Урала было то, что большинство его регионов имело ярко выраженный индустриальный характер. Л. Н. Мазур считает, что во второй половине 1980-х гг. этот процесс завершился. По ее наблюдениям, в 1989 г. удельный вес городского населения в Свердловской области достиг 87,1 %[5].

Исследователи отмечают, что наиболее сильно экономический кризис затронул те области Урала, где аграрный сектор занимал значительный вес в общественном производстве. По данным А. Д. Кириллова, в сельском хозяйстве Курганской области кризисные моменты стали ощущаться уже в 1989 г. Впервые появились совхозы-банкроты (например, «Сибирь», «Мир» Половинского района), начала расти себестоимость животноводческой продукции (местами – до 23 % с центнера молока), план по животноводству за 1989 г. был выполнен только на 96 %, а в растениеводстве – на 60 %[6].

---

[1] *Корнилов Г. Е.* Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960 – 1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007. С. 63.

[2] См.: *Мазур Л. Н.* «Исчезающая» деревня: сселение неперспективных деревень в Свердловской области в 1970 – 1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007. С. 68 – 69.

[3] Там же. С. 77.

[4] *Корнилов Г. Е.* Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960 – 1980-е гг. … С. 63.

[5] См.: Мазур Л.Н. «Исчезающая» деревня … С. 65.

[6] См.: История Урала. Т. 2. … С. 239.

В Челябинской области также стали реальностью трудности в сельском хозяйстве. Дефицит бюджета сельского хозяйства, продукция которого дотировалась в рамках плановой экономики, составил 2,7 млрд руб. при необходимых капвложениях на сумму 5,2 млрд (именно такое финансирование могло обеспечить выполнение программы союзного правительства по производству 50 кг молока и 30 кг мяса на одного работающего)[1].

По мнению большинства исследователей, экономические реформы, проводившиеся на Урале в годы «перестройки», носили ограниченный характер. Их низкая результативность вызвала более глубокие изменения, связанные с переориентацией экономики на рыночный путь развития[2].

Пристальное внимание как экономистов, так и историков было привлечено и к изучению процессов, происходивших в социальной сфере Урала в годы «перестройки». Работы, написанные во второй половине 1980-х гг.[3], были направлены на пропаганду провозглашенного М. С. Горбачевым лозунга о возрастании роли человеческого фактора в процессе совершенствования социализма.

Затрагивались вопросы, связанные с влиянием интенсивного экономического развития на экологию Уральского региона[4].

Исследователи 1990-х – 2000-х гг.[5] указывают на то, что на фоне мощного промышленного потенциала Урала разительным контрастом являлось отставание региона по показателям социального развития от других развитых индустриальных центров страны. По их наблюдениям, именно в годы «перестройки» многочисленные проблемы уральской экономики, копившиеся десятилетиями, а иногда столетиями, в силу сложившихся обстоятельств, и прежде всего «гласности», привели к социальной напряженности.

Исследователи пишут о том, что в Уральском регионе нарушились пропорции между материальной и социальной сферами, причем первая получила большее развитие по сравнению со второй. Это противоречие в регионе было существенно большим, чем по СССР или РСФСР.

---

[1] Урал: век двадцатый ... С. 234.

[2] Экономическое развитие Урала / *Под ред. А. В. Трофимова.* Екатеринбург, 2004. С. 73; *Личман Б. В.* Тенденции развития индустрии Урала в последние годы Советской власти ... С. 270.

[3] См.: *Филиппов Н. Н., Зимбовский Г. М.* Социально-экономические вопросы формирования кадров Урала. Свердловск, 1988.

[4] См.: *Мамаев С. А.* Перед лицом экологического кризиса // Наука Урала. 1988. Декабрь. № 49. С. 3; *Харлампович Г. Д., Попов В. А., Семенов А. С.* Индустрия охраняет природу. Свердловск, 1988; *Ватолин Н. А.* Уральский ГМК: модернизация производства – спасение от экологической катастрофы // Наука Урала. 1991. Октябрь. №. 40. С. 2.

[5] См.: *Козаков Е. М., Рожков А. А, Шеломенцев А. Г., Калиновская В. А., Орлова Е. А.* Социальные последствия реструктуризации экономики углепромышленных районов. Екатеринбург, 2001.

А. Д. Кириллов указывает на то, что происходило очень серьезное обострение социально-экономической обстановки на Урале. В Челябинской области значительно замедлилось жилищное строительство, по 18 городам и районам области оно составило от 49 до 70 % годового задания. Возникли серьезные проблемы в строительной отрасли: в 17 городах и районах области наметилось сокращение темпов строительства жилья, причем число городов, не справлявшихся с планом, росло: в 1986 г. – 5, в 1987 г. – 15, в 1988 г. – 17. На ряде других территорий области были занижены плановые показатели (в Челябинске, Магнитогорске и в 18 других городах и районах). В 22 городах и районах фактический ввод жилья под ключ составил 40 – 55 % от плана. В Свердловской области план строительства жилья был выполнен на 83 %; произошло ощутимое сокращение ввода в эксплуатацию новых детских учреждений, школ, больниц, поликлиник (в среднем – более 20 % недовыполнения плановых заданий)[1].

Среди накопившихся проблем ученые указывают на обострение экологической обстановки в регионе[2]. Уровень загрязнения биосферы достиг невиданных размеров, угрожавших самому существованию человека на планете. В экономике, рассчитанной на объемные показатели и экстенсивное развитие, решить эту проблему было сложно. Впервые исследователи стали указывать на то, что актуальными проблемами региона являлись: химическое загрязнение, источником которого является хранящееся здесь химическое оружие; угроза ядерного загрязнения исходит от комплекса, работающего с плутонием, – «Маяк»; промышленные отходы, которые отравляли окружающую среду.

К. И. Зубков пишет: «Высочайшая концентрация промышленности, превышавшая среднесоюзный показатель в 3 раза, остро поставила проблему неадекватности проводимых в регионе природоохранных мероприятий». В ряде индустриальных регионов Урала (Свердловская, Челябинская области, Башкирия) экологическое неблагополучие достигло критических пределов»[3].

О. И. Ган указывает на то, что основной причиной сложной экологической обстановки в регионе к концу советской эпохи являлось как раз устаревшее оборудование на промышленных предприятиях Урала. По ее дан-

---

[1] Урал: век двадцатый ... С. 234 – 235.

[2] См.: *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала и экологические проблемы Екатеринбурга // Проблемы Большого Екатеринбурга. Екатеринбург, 1992. С. 31 – 32; *Он же.* Екатеринбург как центр металлургической промышленности: социально-экономический и экологический аспекты // Екатеринбург в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1993. С. 100 – 102; *Ган О. И.* Экологический кризис на Урале: генезис и характерные черты // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Защита природного и культурного наследия. Ч. 1. Екатеринбург, 2015. С. 38 – 46.

[3] *Зубков К. И.* Урал в период перестройки ... С. 296.

ным, предприятия Уральского горно-металлургического комплекса на 80 % оснащены устаревшим оборудованием, износ основных фондов достигал почти 60 %. Все это усугублялось наличием старых металлургических заводов, часть из которых по техническому состоянию и показателям производства не имела права на существование, но являлась основным градообразующим фактором для размещения многих населенных пунктов.

Аналогичная ситуация складывалась и в химической промышленности. В конце 1980-х гг. доля прогрессивных технологических процессов в целом по предприятиям Минхимпрома, расположенных на Урале, не превышала 50 %[1].

Уральскими учеными поставлена проблема социальных процессов, происходивших в конце советской эпохи в моногородах региона[2]. С. А. Баканов, указывая на депрессивный характер уральского моногорода, указывает на то, что этот процесс происходил постепенно, на протяжении нескольких десятилетий. По его словам, «в силу объективных причин, таких как истощение ресурсной базы, изношенность основных фондов предприятий города, а также изменения приоритетов в развитии отраслей промышленности СССР в 1960 – 1980-е гг., градообразующие предприятия в некоторых городах начали приходить в упадок, что выражалось в сокращении производства профильных видов их промышленной продукции»[3].

По наблюдениям автора, этот процесс был ускорен в годы «перестройки». С. А. Баканов пишет о том, что решение, рассчитанное на закрытие в регионе многих нерентабельных шахт в течение ближайших двух-трех десятилетий, привело к социальному взрыву во многих угольных моногородах Урала[4]. Автор указывает: «Находясь в упадке, градообразующие предприятия оказывались неспособными содержать принадлежащий им жилищный фонд и на прежнем уровне финансировать социальную сферу города»[5].

В работах уральских ученых проанализирована такая причина роста социальной напряженности в регионе, как усиление инфляционных процессов. А. Д. Кириллов пишет: «С начала 1989 г. в регионах Урала, как и на большинстве территорий России, стали нормой систематические дефициты товаров первой необходимости и в первую очередь – продуктов питания. Возникли проблемы с «отовариванием» введенных ранее талонов на мясные продукты и масло, начались перебои с молоком, подсолнечным

---

[1] *Ган О. И.* Экологический кризис на Урале ... С. 42.

[2] См.: *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960 – 1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2005.

[3] *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960 – 1980-е гг. … С. 161.

[4] *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала ... С. 251.

[5] *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960 – 1980-е гг. … С. 161 – 162.

маслом, солью, табачными изделиями. Остродефицитными стали сахар и алкогольные напитки. Все это служило мощным катализатором роста оппозиционных настроений и резкого падения авторитета и центральной, и местной власти». По подсчетам ученого, превышение платежеспособного спроса над предложением составило не менее 50 млн. руб.[1]

По мнению К. И. Зубкова, основной причиной инфляции стало то, что «реализация важнейшей задачи перестроечных лет – увеличение выпуска товаров народного потребления – сталкивалась со многими финансово-экономическими и техническими трудностями»[2]. Исследователи указывают на то, что это с неизбежностью привело к товарному дефициту при одновременном скоплении у населения инфляционных рублей[3].

В работах А. Д. Кириллова показаны масштабы инфляционных процессов на Урале. В сельском хозяйстве себестоимость центнера молока возросла с 36 руб. в 1985 г. до 42 руб. в 1989 г.[4] По подсчетам ученого, в 1989 г. темпы роста доходов населения составили 12,9 %, а расходы — 10,4 %; план эмиссии был перевыполнен почти в 2 раза при невыполнении кассового плана (наличные деньги) на 5 %[5]. Началось сокращение производства продовольственных товаров: мяса (на 4,3 тыс. т), мясных полуфабрикатов (2,2 тыс. т), растительного масла (431 т), рыбы (790 т). Историк делает вывод, что самая промышленно развитая область Урала – Свердловская область – первой вступила в полосу фронтального кризиса экономики, что можно объяснить структурой ее промышленности в сочетании с начавшимся кризисом плановой системы управления в масштабе страны[6].

Уральские ученые негативно оценивают меры центральных и местных органов, которые предпринимались с целью обуздания инфляционных процессов. К. И. Зубков пишет: «В начале 1990 г. Урал, как и вся страна, переходит на систему нормированного (талонного) снабжения основными потребительскими товарами»[7]. А. Д. Кириллов отмечает, что осенью 1990 г. негативное влияние на настроение населения стало оказывать быстро ухудшающееся снабжение населения товарами первой необходимости, включая продовольствие, что потребовало даже принятия специального постановления Областного совета «О программе неотложных мер по обеспечению продуктами питания населения Свердловской области при переходе к рыночной экономике в 1991 – 1992 гг.».

В Свердловской области в 1990 г. цены на рынках выросли в 2 – 5 раз,

---

[1] Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 375.

[2] *Зубков К. И.* Урал в период перестройки ... С. 299.

[3] *Зубков К. И., Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Противоречия перемен (1985 – 2000 гг.) ... С. 418.

[4] История Урала. Т. 2. … С. 239.

[5] Свердловская область: страницы истории (1934 – 2014) ... С. 279.

[6] Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 375.

[7] *Зубков К. И.* Урал в период перестройки ... С. 299.

а объем промышленного производства снизился на 2,6 %, объем АПК – на 3,5 %. Совершенно аналогичная ситуация складывалась в Челябинской и Курганской областях: снижение объемов производства, рост себестоимости продукции, рост цен, опустошение товарного рынка. Реформа ценообразования, проведенная Правительством СССР летом 1990 г., нанесла смертельный удар по советскому потребительскому рынку. С прилавков магазинов исчезло практически все, включая соль, макароны и крупы, табачные изделия. На прилавках не было ничего, кроме эстетично разложенных упаковок лаврового листа и самых плохих детских каш. Возникли перебои с хлебом, усугублявшиеся в 1991 г. и ставшие одной из главнейших проблем местных органов власти. Очереди стояли за всем. При этом негосударственный рынок, основанный на спекуляции, порожденной дефицитом, процветал, обусловливая дальнейший рост цен. Промышленные предприятия обеспечивали снабжение своих работников за счет бартера[1].

По мнению исследователей, всеобщий дефицит стал базисом для мощнейшего толчка к росту преступности. Так, в 1990 г. в Свердловской области общая преступность возросла на 40 %, а в Артемовском районе – на 96 %, Слободо-Туринском – на 83,3 %, Ленинском районе г. Свердловска – на 49,1 %. В Курганской области в 1990 г. рост преступности составил 35 %, в Челябинской – 39,7 %[2].

Характеризуя последний период советской истории современные исследователи много внимания уделяют роли государства в раскрепощении советской культуры. Для характеристики процесса взаимоотношений государственных структур и учреждений образования, науки, искусства[3] востребованным является термин «культурная политика»[4], под которым, по мнению уральского историка, С. С. Загребина, следует понимать систему базовых приоритетов государства, закрепленных в нормативно-правовых документах, направленных на сохранение и развитие национальной культуры, реализуемых в государственных программах и проектах на разных уровнях[5].

В перестроечный период культурная политика претерпела многочисленные повороты и трансформации, что нашло отражение в ряде обобщающих работ, осветивших различные аспекты культурной политики на Ура-

---

[1] Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. … С. 375 – 376.

[2] Урал: век двадцатый ... С. 236.

[3] См.: *Ветрова Н. К.* Управление социокультурными процессами в регионе. Екатеринбург, 2002.

[4] См.: *Малкова И. Г.* Цели и задачи региональной культурной политики на Урале. Смена парадигмы мышления // Государственная власть и местное самоуправление в контексте процессов модернизации Челябинск, 2001. С.174 – 193.

[5] *Загребин С. С.* Культурная политика в постсоветской России 1991 – 2015 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 18.

ле[1] и в его отдельных регионах[2].

Исследователи, которые занимаются проблемами культурного строительства на Урале в годы «перестройки», обращают внимание на возрастание социально-политической активности населения. Видимыми причинами этого были активная позиция средств массовой информации (СМИ), в первую очередь центральных, патронируемых М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым, и ухудшение социально-экономической ситуации в регионах.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. публицисты и журналисты состояние идеологической работы правящей партии трактовали в духе «перестройки»[3]. В этих трактовках была зафиксирована происходившая важная трансформация взглядов от восприятия СМИ как инструмента реализации политики КПСС к либеральному представлению о массовых медиа как средстве осуществления непосредственной демократии. Взаимоотношения власти и СМИ рассматривались в контексте развития гласности как одного из важнейших направлений политики реформ, обеспечивающего не просто их пропаганду, а трансформацию общественного сознания, эффективной экономической и политической системы. Б. Н. Лозовский, В. Ф. Зыков, В. Ф. Олешко и ряд других представителей уральского журналистского сообщества, отражая эволюцию настроений работников СМИ, считали необходимой замену директивных методов управления на равноправное взаимодействие.

На первый план в своей деятельности, считал С. Ю. Андреев, партия должна была поставить вопрос о перестройке идеологической сферы – в том числе сферы СМИ[4]. Л. Бреднева предлагала отказаться от пропаганды лишь тех идей, которые не выдержали проверки временем, и дополнить оставшееся богатствами человеческого духа, в том числе достижениями социал-демократической идеологии, религий всех направлений и буржуазных концепций развития общества и человека[5].

В дальнейшем стали высказываться более радикальные взгляды на роль

---

[1] См.: *Волков В. И., Юрганова Л. А.* Региональная сфера культурно-образовательных услуг: особенности диверсификационных процессов. Ч. 2: Культура. Екатеринбург, 1999; *Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б.* Урал социокультурный. Наука. Образование. Искусство. СМИ. Екатеринбург, 2000; *Малкова И. Г.* Социокультурный потенциал Уральского региона. Екатеринбург, 2001.

[2] См.: Город и культура. Челябинск, 1993; *Кузбеков Ф. Т.* История культуры башкир. Уфа, 1997; *Галигузов И. Ф.* Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск. 2000; История культуры Южного Зауралья. В 2 тт. Т. 2. Советский период. Курган, 2005.

[3] См.: *Лозовский Б. Н.* Журналистское воздействие на молодежь. Свердловск, 1986; *Он же.* Искусство взаимопонимания. Свердловск, 1991; *Усов В.* Прощание с догмой. Свердловск, 1989; Эффективность прессы: вопросы методологии, теории и практики. Свердловск, 1989; Идеологическое обновление: поиск и практика. Челябинск, 1990; Журналистика конца 80-х: смена приоритетов. Екатеринбург, 1991.

[4] См.: *Андреев С. Ю.* Причины и следствия // Урал. 1988. № 1. С. 138 – 139.

[5] См.: *Бреднева Л.* Нельзя не поступаться принципами! // Урал. 1990. № 1.

СМИ в советском обществе. В журнале «Урал» была опубликована статья бывшего ссыльного диссидента Р. И. Пименова, который долгое время жил в Сыктывкаре и был избран там народным депутатом РСФСР. С точки зрения автора, в общесоюзном масштабе в середине 1990 г. уже имелось необходимое разнообразие изданий, позволявшее высказывать различные мнения, тогда как в провинции власть оказывалась вне критики. Назвав такое положение дел «удручающей картиной», Р. И. Пименов подчеркнул необходимость появления независимых газет, журналов, радио, телевидения и на региональном уровне[1].

На современном этапе большое внимание уделяется анализу идеологической работы Коммунистической партии, партий некоммунистической ориентации, общественных и неформальных организаций. Обсуждается вопрос о роли СМИ в событиях и процессах второй половины 1980-х гг., ответственности журналистов и руководителей редакций за результаты и последствия «перестройки»[2]. Специальные работы по этому вопросу написал А. П. Расторгуев[3].

Авторы указывают на то, что политика «гласности» впервые с 1920-х гг. дала возможность появиться в центральной и местной прессе ряду публицистических статей, обосновывавших неминуемый крах экономики СССР в случае, если не начнется действительно радикальная реформа как в области экономических отношений, так и в системе управления.

В. Ф. Олешко определил одной из причин конфликтных взаимоотношений комсомольско-молодежной печати Уральского региона с органами власти во второй половине 1980-х гг. расхождение в представлениях о сути гласности и задачах СМИ[4].

По заключению В. В. Скоробогацкого, протест непосредственной демократии, в том числе в ряде публикаций СМИ в 1989 – 1991 гг., был вызван нарушением социального равенства как равенства в нищете, составлявшего идеологический принцип Системы. Духовные установки времен революции и гражданской войны, которые были реанимированы «перестройкой» и к которым как истокам «чистого» социализма в 1986 – 1988 гг. обращались многие СМИ, лишь способствовали этому[5].

На рубеже XXI в. некоторые черты трансформации региональных СМИ

---

[1] См.: *Пименов Р.* Заметки свободомыслящего // Урал. 1990. № 7.

[2] См.: *Олешко В. Ф.* Заложники гласности? Молодежная печать второй половины 80-х годов: характер изменений, тенденции развития, противоречия. Екатеринбург, 1992.

[3] См.: Расторгуев А. П. Из истории политической жизни Урала: трансформация взаимоотношений СМИ и органов власти в Свердловской области // Судьба России. С. 367 – 378; *Он же.* Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985 – 1991 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

[4] *Олешко В. Ф.* Заложники гласности? … С. 16.

[5] *Скоробогацкий В. В.* Россия на рубеже времен ... С. 60.

в конце «перестройки» – например, политизацию прессы или расширение рынка информационных услуг – в контексте социокультурного развития Урала отметили А. Д. и Н. Б. Кирилловы. По их мнению, в годы реформ «уральцам удалось сохранить равновесие между консерватизмом и инновацией, заимствованием и самобытностью в максимально возможной в сложившихся условиях степени»[1]. Непосредственно динамику деятельности региональных и местных СМИ, а также их взаимоотношений с властью на протяжении всего интересующего нас периода затронул Б. А. Кириллов, который зафиксировал определяющую роль московских СМИ в росте оппозиционных настроений в 1988 г., тогда как местные СМИ, за исключением молодежных газет, были «крайне замкнуты на региональные партийные структуры»[2]. Б. А. Кириллов считает, что на выборах народных депутатов СССР в 1989 г. «практически вся областная пресса работала на высших областных чиновников»[3]. Впрочем его точка зрения не является монополией на истину, что подтверждается не согласием с этим «излишне категоричным» выводом А. П. Расторгуева[4].

В. Н. Иванов связал рост антикоммунистических настроений в обществе в 1989 г. с сознательным нагнетанием таковых со стороны СМИ и высказал мнение, что на выборах Президента РСФСР в 1991 г. «успех Б. Н. Ельцина в регионах, где оппозиция в тот момент была еще в зачаточном состоянии», во многом стал возможным также благодаря интенсивной антикоммунистической пропаганде со стороны центральных СМИ[5].

В. М. Манюхин, оценивая деятельность СМИ в годы «перестройки» с ортодоксальных позиций, полагает, что неготовность партийных организаций противостоять массовым выступлениям «так называемых неформальных объединений и отдельных личностей» стало результатом ослабления внимания к идеологической работе и вырождения идеологических кадров. Однако само развитие различного рода «неформальных» движений он прямо связывает с реализацией инструкций, которые передавались по западным радиостанциям, и считает эти движения формой разложения населения с целью вызвать недовольство существующим строем. С «вражьего голоса», по мнению В. М. Манюхина, во время, выборов народных

---

[1] *Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б.* Урал социокультурный. Наука. Образование. Искусство. СМИ. Екатеринбург, 2000. С. 171.

[2] *Кириллов Б. А.* Эволюция органов власти на Урале (1988 – 1995 гг.). Екатеринбург, 1996. С. 7 – 8.

[3] Там же. С. 34.

[4] См.: *Расторгуев А. П.* Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985 – 1991 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

[5] *Иванов В. Н.* КПСС и власть. Департизация органов государственного власти и управления на Южном Урале ... С. 69.

депутатов СССР была организована «истерическая» кампания против привилегий, в ходе которой были «развенчаны честность и порядочность власти». Одним из инструментов этой кампании автор называет и ставшие рупорами антипартийных и антисоциалистических настроений СМИ, в целом считая их главным средством идеологического воздействия на людей и создания «пятой колонны»[1].

А. П. Расторгуев считает, что как либералы, так и их ортодоксальные оппоненты считали действия инициаторов «перестройки» и СМИ априори целенаправленными, различаясь лишь в оценке вектора этих действий[2].

По его мнению, в 1985 – 1991 гг. массовые СМИ Свердловской области выступали как субъектом, так и объектом политической и социокультурной трансформации, в ходе которой содержание и характер их взаимоотношений с властью определялись деятельностью центров таковой (комитеты КПСС, Советы народных депутатов, элементы гражданского общества) и собственными представлениями журналистов о предназначении СМИ[3].

С. С. Загребин полагает, что с 1991 г. государство фактически полностью отказалось от проведения какой-либо культурной политики, как целенаправленной деятельности по регулированию отношений в сфере культуры[4].

Изучая культурную политику государства на Урале в годы «перестройки», исследователи обращали и обращают внимание на самые различные процессы, происходившие практически во всех отраслях культурной жизни.

Немаловажное значение имело развитие науки. К. И. Зубков пишет: «С попытками ускорить темпы НТП в уральской индустрии, усилить его комплексный характер было связано решение ЦК КПСС о создании в 1987 г. Уральского отделения АН СССР». Уже в 1988 г. это региональное отделение, созданное на основе структур прежнего УНЦ, академических учреждений Башкирской и Коми Республик, организационно сложилось и приступило к работе[5]. По мнению уральских ученых к концу советской эпохи отчетливо стал ощущаться дефицит новых разработок в технической сфере. Расширявшиеся контакты с Западом показали отсталость многих, и прежде всего информационных технологий. Это продемонстрировала, например, выставка американской компьютерной техники, прошедшая в 1989 г. в Магнитогорске[6]. Реформы происходили и в гуманитарных науках, о чем свидетельствует литература о создании Института истории и

[1] *Манюхин В. М.* Прыжок назад ... С. 162 – 163.

[2] *Расторгуев А. П.* Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985 – 1991 гг. … С. 12.

[3] Там же. С. 19.

[4] *Загребин С .С.* Культурная политика в постсоветской России 1991 – 2015 гг. … С. 18.

[5] *Зубков К. И.* Урал в период перестройки: «революция» несбывшихся надежд // Судьба России ... С. 297.

[6] История Урала. Т. 2. … С. 241.

археологии Уральского отделения АН СССР[1].

В поле зрения исследователей находились и вопросы образования. Основной акцент делался на том, что в условиях планового хозяйства особое внимание уделялось кадровому потенциалу тех или иных отраслей, образовательному и профессиональному уровню рабочих кадров, развитию системы подготовки и повышения квалификации работников, планированию и регулированию этих вопросов на самом высоком уровне. Это диктовалось как политическими, так и экономическими причинами. К первым относилось положение о необходимости формирования человека нового коммунистического общества – высокообразованного, высококультурного и высокопрофессионального. Ко вторым, необходимость использования современной техники и все возраставшие объемы производства, требовавшие увеличения отряда квалифицированных рабочих и инженерных кадров.

Были разработаны соответствующие государственные и региональные программы, планы на предприятиях, шел процесс подъема культурно-технического уровня трудящихся путем перехода к обязательному среднему образованию, строительству школ, в том числе и школ рабочей молодежи, развитию среднего специального и высшего образования. Большое внимание уделялось профессиональному образованию как через систему производственно-технического образования, так и всевозможные формы на производстве. И это действительно давало большой эффект, делая участника производственных процессов в СССР одним из самых высококвалифицированных в мире[2].

Современные исследователи обращают внимание и на реформы в области образования, происходившие в годы перестройки. По мнению А. Д. Кириллова и Н. Б. Кирилловой, в процессе реформирования образования выделяется два этапа. В 1987 – 1989 гг. решались две основные задачи: формирование новых философских, идеологических и методологических основ предстоящей образовательной реформы и подготовка общественного сознания и образовательного сообщества к восприятию новых идей реформы. На заключительном этапе «перестройки» государство производило «слом старой тоталитарной, административно-командной системы в образовании и старой образовательной политики», осуществляло децентрализацию и деунификацию школы, ее демократизацию как социального института и образовательной практики[3].

---

[1] См.: Институт истории и археологии. Первое десятилетие. Екатеринбург, 1998; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. 20 лет научного поиска. Екатеринбург, 2007.

[2] *Филиппов Н. Н., Зимбовский Г. М.* Социально-экономические вопросы формирования кадров Урала. Свердловск, 1988. С. 41 – 42.

[3] *Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б.* Урал социокультурный. Наука. Образование. Искусство. СМИ. Екатеринбург, 2000. С. 38 – 39.

В многочисленной литературе по истории вузов Урала[1] на конкретном материале показано каким образом реформировалось высшее образование. Ученые показывают, что курс на «перестройку» принес значительное оживление прежде всего в гуманитарные науки. Флагманами перестройки учебных дисциплин стали Челябинский пединститут, УПИ, УрГУ. Началась дискуссия о преподавании общественных наук. К концу 1980-х гг. были почти полностью сокращены ранее обязательные курсы истории КПСС, научного коммунизма. В учебных аудиториях новое поколение студентов, поступивших в вузы во второй половине 1980-х гг., вело оживленные дискуссии с преподавателями об истории и путях развития страны. Либерализировались учебные курсы и дисциплинарные требования[2].

Исследователи, рассматривающие историю становлению вузовского образования, особое внимание уделяют формированию вузовской, прежде всего технической интеллигенции[3]. Выходят многочисленные биобиблиографические издания, на страницах которых нашли освещение жизненный и профессиональный путь ученых Урала периода «перестройки»[4]. В работе А. В. Черноухова специальному исследованию подверглось развитие исторического образования на Урале во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.[5]

---

[1] См.: Башкирский государственный медицинский институт имени XV-летия ВЛКСМ (1932 – 1992). Уфа, 1992; Уральский государственный технический университет. 1920 – 1995 гг.: Историч. очерк / Отв. ред. *Б. В. Личман.* Екатеринбург, 1995; Уральский государственный экономический университет: страницы истории / Под ред. *В. М. Камышева, В. М. Куликова.* Екатеринбург, 1998; Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, 1999.; Очерки истории Уральского государственного педагогического университета / Под ред. *В. А. Козлова.* Екатеринбург, 2001; Мгновения истории. ФГО – 25. Екатеринбург, 2002; *Постоногов Ю. И.* 50 лет архитектурному образованию на Урале 1953 – 2003 гг. Екатеринбург, 2004; УГТУ – УПИ: Очерки истории. 1920 – 2005 / Под ред. *С. С. Набойченко.* Екатеринбург, 2005; Верхняя Салда: Филиал УГТУ – УПИ (к 50-летнему юбилею). Верхняя Салда, 2006; Факультету гуманитарного образования УГТУ – УПИ 30 лет. Вехи истории Екатеринбург, 2007; Оренбургскому государственному педагогическому университету 90 лет. Оренбург, 2009; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 1920 – 2010: Этапы большого пути. Екатеринбург, 2010.

[2] История Урала. Т. 2. С. … 241.

[3] См.: Научные школы Уральского государственного технического университета: История и современность / Отв. ред. *Б. В. Личман.* Екатеринбург, 1995; УГТУ – УПИ: Люди. Годы. Управление. Вуз и личность / *В. Н. Давыдов, Л. Д. Митрофанов, С. В. Рыбаков* и др. Екатеринбург, 2001.

[4] См.: Уральский государственный университет в биографиях. I изд. Екатеринбург, 1995; II изд. Екатеринбург, 2000; **III изд. Екатеринбург, 2010; Уральский государственный экономический** университет в биографиях / Под ред. *В. М. Камышева, В. М. Куликова.* Екатеринбург, 2001; Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003; *Мазур В. А.* Ректоры Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2005; *Она же.* Ректоры Уральского государственного университета (1931 – 1946 гг.). Екатеринбург, 2008; УГТУ – УПИ: Профессура 1920 – 2008 / *Под ред. С. С. Набойченко.* Екатеринбург, 2011.

[5] См.: *Черноухов А. В*. Исторический факультет Свердловского университета. 1970 – 1991 гг. Екатеринбург, 2016.

Изучаются также процессы, происходившие в сфере профессионального образования[1] и общеобразовательной школы[2].

Историки делают вывод о том, что образовательной сфере требовался информационный прорыв, который многие связывали с переходом к настоящим экономическим и политическим реформам[3].

А. Д. Кириллов и Н. Б. Кириллова отмечают, что начавшийся в годы «перестройки» экономический кризис «сказался на сфере культуры и искусства в еще большей степени, чем на системе образования»[4]. Однако, по мнению исследователей, этот процесс не носил однолинейного характера. В начале «перестройки» выходили работы, в которых эта сфера считалась образцовой[5]. Современные ученые В. И. Волков и Л. А. Юрганова отмечают, что постепенно начались негативные процессы, выразившиеся, в первую очередь, в резком сокращении в регионе сети самых массовых учреждений культуры и досуга (клубов, библиотек), в значительном снижении их читательской аудитории. Понизился уровень посещения театров, музеев, кинотеатров[6]. А. Д. Кириллов и Н. Б. Кириллова объясняют это тем, что «традиция функционирования отрасли на бюджетные средства подверглась разрушительному воздействию новых экономических обстоятельств – инфляция и резкое увеличение нефункциональных расходов»[7].

Большое количество работ посвящено развитию киноискусства на Урале[8]. Исследователи отмечают, что уральская киношкола, представленная Свердловской киностудией, в годы «перестройки» получила новый импульс. Росло число художественных фильмов, среди них выделялись работы В. Хотиненко «СВ», «Рой», «Зеркало для героя». Лидером среди российских документалистов стал «свердловский цех» документального кино, представивший таких известных режиссеров как Б. Кустов, С. Ми-

---

[1] См.: Начальное профессиональное образование на Среднем Урале. 1917 – 1990 гг. / Под ред. *М. Т. Крючкова.* Екатеринбург, 2007; *Кот А. М.* Высшее военное образование на Урале: 1980 – 1990-е гг. Екатеринбург, 2011.

[2] См.: *Кораблева Г. В.* Осуществление общих условий права на образование в реализации национальной общеобразовательной школы Урала (1936 – 1993 гг.). Оренбург, 1999; *Болодурин В. С.* История образования в Оренбуржье. Оренбург, 2000; *Он же.* Образование в Оренбуржье (XVIII – XX вв.). Оренбург, 2008.

[3] См.: История Урала. Т. 2. … С. 241.

[4] *Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б.* Урал социокультурный ... С. 85.

[5] См.: *Цукерман В. С.* Социологические аспекты проблемы кадров культуры // Актуальные проблемы подготовки кадров культпросветработников и их закрепления на местах распределения. Челябинск, 1986.

[6] *Волков В. И., Юрганова Л. А.* Региональная сфера культурно-образовательных услуг. Ч. 2. … С. 4.

[7] *Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б.* Урал социокультурный ... С. 85.

[8] См.: *Кириллова Н. Б.* Феномен уральского кино. Екатеринбург, 2003; *Она же*. Кино Урала: от прошлого к будущему. Екатеринбург, 2013.

рошниченко, В. Тарик[1]. Новую оценку получило творчество выдающегося уральского кинорежиссера Я. Л. Лапшина в публикации Н. Б. Кирилловой[2].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. при изучении развития уральской литературы первоначально этому процессу давалась традиционная оценка[3]. Позднее, исследователи показывали, что период второй половины 1980-х гг. стал настоящим «золотым веком» для литературного процесса в России, вообще, и на Урале, в частности. Одним из лидеров среди российских толстых журналов являлся ежемесячный журнал «Урал», издававшийся в Свердловске и публиковавший многие интереснейшие произведения. На его страницах впервые были опубликованы романы М. Осоргина, была рассказана правда о Кронштадтом мятеже, разворачивались дискуссии о роли ленинизма в истории России[4].

Исследователи отмечают, что в период «перестройки» продолжала развиваться уральская художественная культура. Событиями стали книга «Слово о полку Игореве» с иллюстрациями В. Воловича, выставки уральских камней, каслинского литья[5]. Особо отмечается в литературе сенсационный факт приезда на Урал из США знаменитого скульптора Э. Неизвестного, родившегося в Свердловске[6].

Достаточно много публикаций посвящено модернизации уральского театра[7]. Отмечается смена концепции одного из ведущих театров России – Свердловского театра музыкальной комедии в связи с приходом нового художественного руководителя К. Стрежнева[8].

В годы «перестройки» продолжали публиковаться работы о музыкальном искусстве Урала[9]. Современные авторы обращают внимание на появлении

---

[1] См.: История Урала. Т. 2. … С. 242.

[2] См.: *Кириллова Н. Б.* Классик уральского кино: Штрихи к портрету Ярополка Лапшина. Екатеринбург, 2005.

[3] См.: *Гайнуллин М.* и др. Писатели Советской Башкирии: Библиогр. справочник Уфа, 1988;

[4] История Урала. Т. 2. … С. 241.

[5] Там же. С. 241 – 242.

[6] См.: *Жумати Т. П.* На пересечении вечности и современности… // Урал в панораме XX века … С. 469.

[7] См.: *Ложкин В. В.* Театральное искусство Удмуртии. Ижевск, 1994. 162; *Миненко Н. А., Федоров С. В.* Город на Исети: Страницы Шадринской летописи: К 335-летию Шадринска и 100-летию Шадринского государственного драматического театра. Шадринск, 1997; *Наточий В. Ф.* Силуэты. Хроника Оренбургского театра музыкальной комедии. Оренбург, 2001; *Ярков С. П.* Художественная школа Урала. Екатеринбург, 2002; *Костерина А. Б.* Судьба русского театра. Екатеринбург, 2003; *Хавторин Б.* История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII – XX вв.). Оренбург, 2004; Репертуар Башкирского государственного академического театра драмы имени Мажита Гафури 1919 – 2009 гг. / Сост. *А. А. Балгазина, М. А. Валитова.* Уфа, 2009.

[8] История Урала. Т. 2. … С. 242.

[9] См.: *Вольфович В. А.* Челябинск музыкальный. Челябинск, 1989. 173 с.; Композиторы Советской Башкирии / Сост. *Э. М. Давыдова.* Уфа, 1989.

нового направления в музыкальном искусстве, ставшего порождением политики «гласности». Свердловская рок-музыка стала законодателем мод, а песни группы «Наутилус Помпилиус» пела вся молодая Россия. Так, на большом гала-концерте звезд советской поп-музыки, состоявшемся в августе 1988 г. в Свердловске и Н. Тагиле, в котором приняли участие А. Б. Пугачева и «Наутилус Помпилиус», огромная толпа аплодировала песне Пугачевой «я не боюсь ни новых слов, ни дел, боюсь я только зависти подонков, о, как им хочется вернуть былые дни, когда святая правда задыхалась во лжи...». Тогда же, на дне города Свердловска, в концерте, состоявшемся на Плотнике, принял участие И. Тальков; тысячи собравшихся аплодировали его антикоммунистическим песням: «те, кто раньше был у трона, те и ныне там...»[1].

Сплав культуры протеста с расширением сферы дозволенного дал свои плоды. Однако к началу 1990-х гг. стало очевидным, что темы протеста уже исчерпаны, финансирование сокращается. Культура вступала в новый период, период адаптации к условиям рынка и конкуренции. Далеко не всем удалось вписаться в эту систему.

В современной уральской литературе представлены различные мнения о причинах краха советского строя. Ортодоксальные авторы видят эти причины в происках определенных сил. Бывший секретарь Свердловского обкома КПСС В. М. Манюхин, попытался обобщить и оценить основные события «перестройки» на региональном уровне. Считая «перестройку» придуманной, автор считает разрушение политической системы СССР и самой страны результатом «огромной подрывной работы западных стран Европы и США» и внутренних врагов, которая продолжалась на протяжении всей советской истории. Возникавшие до «перестройки» трудности со снабжением уральских городов продуктами бывший партийный руководитель вспоминает как временные и на этом фоне представляет вредительскими действия как именуемого «сатаной» М. С. Горбачева, «перевертыша» А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе и других «апологетов» реформ, так и ученых-экономистов «типа Заславской, Аганбегяна, Бунича».

Благодаря активным действиям руководства Свердловской области, заявляет В. М. Манюхин, в ней значительное время удавалось сохранять экономическую стабильность. Последовавшее затем сокращение поставок продуктов и товаров и введение карточек он объясняет повсеместным падением дисциплины, а периодическое отсутствие в магазинах товаров первой необходимости и связанные с ним митинги и даже бунты – прямым саботажем[2].

Одностороннее мнение бывшего представителя партийной номенклатуры, имеющее право на существования, тем не менее, не является определяющим в оценках процессов, приведших к крушению коммунистической

[1] История Урала. Т. 2. … С. 241.

[2] См.: *Манюхин В. М.* Прыжок назад. Екатеринбург, 2002. С. 80 – 81.

державы. Так В. П. Мохов приходит к выводу, что к краху КПСС привели не только революционные действия масс, но и организованный «бунт» самой номенклатуры. Пожелав узаконить уже имевшееся у нее право распоряжения собственностью, номенклатура вышла из-под контроля политического центра и отбросила партию как ненужную, отработанную конструкцию[1].

Пермский историк М. Г. Суслов, говоря о причинах краха советской системы, указывает, что на протяжении всей истории Советской власти в СССР не только оставались, но и множились ее противники – прежде всего силы кулацкого реванша. Этот автор усматривает в происхождении М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. С. Черномырдина и многих других политических деятелей кулацкие корни. По его мнению, «дворяне, нэпманы, кулаки, выходцы из буржуазных слоев общества» не только дожили до «перестройки», но и «занимали весьма важные посты в государственном управлении, в науке, культуре и других сферах. С началом «перестройки» они сбросили маскирующие их одежды коммунистов и массами стали переходить в лагерь противников социализма»[2].

Либеральные историки анализируя действие новых российских властей по началу радикальных реформ по улучшению местного самоуправления, положительно оценивают принятие Декларации о суверенитете России и Закона «О местном самоуправлении», но считают, что начавшийся процесс был прерван событиями 19 – 21 августа 1991 г. По их мнению, «провал попытки государственного переворота и последовавшие за ним Указы Президента России знаменовали начало нового исторического периода. Радикальные реформы стали единственной альтернативой хаосу и гражданской войне»[3].

Е. Т. Артемов, оценивая события с точки зрения теории модернизации, находит главную причину легкости, с которой «даже видные деятели и ответственные функционеры коммунистической партии мгновенно превращались в ярых либералов», в рассогласовании системообразующих для российского общества установок с жизненными реалиями. Когда идеал великой всемогущей страны оказался под угрозой, подавляющее большинство ее жителей отказало действующей политико-экономической системе в доверии[4].

---

[1] *Мохов В. П.* Региональная политическая элита ... С. 169.

[2] *Суслов М. Г.* Причины краха Советской системы. Пермь, 2007. С. 91.

[3] Там же. С. 304.

[4] *Артемов Е. Т.* Истоки кризиса советской системы // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 17. С. 103.

Глава 2. В постсоветский период. 1991 – 2017 гг.

Предметом исследования в данной главе является региональный аспект современной политической истории России, поэтому представленный в ней историографический материал будет рассмотрен в следующем проблемно-хронологическом порядке: 1990 – 1993 гг. – распад СССР, формирование новой управленческой системы, назначение глав регионов президентом, создание межрегиональных объединений – экономических ассоциаций; 1993 – 1995 гг. – ликвидация системы советов народных депутатов, принятие новой Конституции России, переход к выборности губернаторов и президентов регионов; 1995 – 1998 гг. – попытка создания «нового федерализма», по сути копирующего американскую модель в отношениях центра и регионов; 1998 – 1999 гг. – кризис общественного доверия, катализированный дефолтом 1998 г.; 2000 – 2004 гг. – реформы управления, проведенные президентом В.В. Путиным, формирование системы федеральных округов как нового управленческого механизма; 2004 – 2008 гг. – стабилизация экономической ситуации в регионах, завершение управленческих реформ, связанных с отношениями центра и субъектов федерации, выход на межрегиональные (окружные) экономические проекты; 2008 – 2009 гг. – глобальный форс-мажор, относительно эффективная «проверка на прочность» системы управления в условиях мирового экономического кризиса; 2010 – 2013 гг. – полная смена элит в регионах, переход к корректировке принципов управленческой политики; 2014 – 2017 гг. – реализация комплексного пакета антикризисных мер, обусловленных внешними обстоятельствами (антироссийскими санкциями), а также падением мировых цен на энергоносители.

Такой событийный ряд позволяет назвать первые семнадцать лет XXI века периодом: разграничения полномочий федерального центра и субъектов Российской Федерации, при котором регионы получили те функции, реализовать которые они были способны в полном объеме; повышения эффективности региональной политики федерального центра, что выразилось в создании системы федеральных округов, реформе партийно-политической и избирательной системы, Совета Федерации Федерального Собрания России, а в дельнейшем – трансформации института местного самоуправления; создания «подушки экономической безопасности» за счет перераспределения дополнительных бюджетных доходов, что позволило выдержать удар крупнейшего за последние 70 лет мирового экономического кризиса.

Несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру и осложнение внешнеполитической ситуации, обусловленное односторонними действиями западных стран после перехода Крыма под юрисдикцию России и обострения конфликта на Украине, общественно-политическая ситуация, экономическое положение и исполнение государством своих обязательств перед гражданами России оставались стабильными и, как по-

казали текущие опросы общественного мнения, для большей части опрошенных мировой финансовый кризис и санкционная политика Запада оставались больше медийными, а не реальными факторами жизни.

Следует признать, что предложенная авторами хронологическая канва с точки зрения трактовки событий не является ни догмой, ни аксиомой. Наоборот, мы имеем зачастую противоположные оценки исторического опыта трех последних десятилетий. Тем интереснее посмотреть, насколько изучена тема региональной политической истории России конца XX – начала XXI веков.

Современная история только в самое последнее время становится объектом научного изучения представителями исторической науки. В большом комплексе литературы о процессах, протекающих в современной России, по общему количеству доминируют работы, созданные политологами, философами, социологами, экономистами и представителями других наук об обществе. Между тем, историческая оценка событий недавнего прошлого необходима. По-прежнему актуален переход от идеологических дискуссий к реальному анализу событий в регионах страны в конце XX – начале XXI веков.

Определенное «запаздывание» историков в исследовании современных явлений можно объяснить целым рядом обстоятельств. По нашему мнению, у профессиональных историков отбивает желание заниматься изучением современности, во-первых, то, что не отложились еще или являются закрытыми для использования многие исторические источники; во-вторых, сложность овладения междисциплинарными методами исследования, которые помогают восполнить пробелы, имеющие место в источниковой базе; в-третьих, необходимость давать оценку людям, государственным структурам, политическим партиям, которые на наших глазах творят «современную историю»; и многое другое.

Вместе с тем, было бы абсолютно некорректно утверждать, что литература по современной политической истории России и ее регионов отсутствует. Можно выделить четыре основных блока изучения предмета исследования.

I. Общие исследования по истории России 1990 – 2017 гг.

Поэтапное формирование методологической базы, уход от довлеющей идеологической идентификации позволили ведущим российским обществоведам ко второй половине 90-х гг. сформулировать принципиальные научные подходы к изучению современной политической истории России. Среди них – парадигма российского федерализма, проблема дезинтеграции традиционных основ общества, кризис идентичности как размывание традиционных социальных основ российского общества. Результаты этих исследований, публиковавшихся в российских периодических изданиях, стали основой разработки первых крупных работ, учебных пособий, посвященных

российской истории 90-х гг., а также базой для дальнейших фундаментальных исследований.

Таким образом был сделан шаг от количественного накопления материала, от выявления тех или иных характеристик предмета и объекта исследования к новому качественному уровню – всестороннему исследованию новейшей политической истории Пример подобного историографического исследования – работа группы историков из различных регионов России под редакцией А. А. Чернобаева, вышедшая в 2015 году[1].

Уже в 1994 г. появились два первых отечественных исследования, посвященные систематическому изложению истории современной России[2], социально-политическим процессам второй половины 80-х – первой половины 90-х гг. Первое из них, с аналогичным названием, является экспериментальным учебным пособием[3], второе – монография В. Согрина «Политическая история современной России»[4]. Характерно, что методологические основания этих работ абсолютно противоположны. В. Согрин придерживается основных положений теории модернизации. Коллектив авторов учебника, наоборот, достаточно скептичен, явственно прослеживается осторожное отношение к избранной в 90-е гг. в России модели реформ. Нельзя не отметить скудость источниковой базы обеих работ: в первую очередь это материалы периодической печати. С другой стороны, это понятно – в тот период исследователи просто не имели возможности полноценно фундировать свои работы.

С 1995 г. начали систематически выходить в свет работы по истории России, доводимые авторами до момента написания данных книг. В целом это – достаточно полезная работа, однако, можно отметить, в качестве критики, сознательный уход авторов от концептуальных формулировок в последних главах этих книг. В этом ряду в лучшую сторону отличается, к примеру, вышедший в свет в 1996 г. второй том «Политической истории России»[5]. Главное достоинство данной монографии – разумное сочетание анализа и фактологии, дающие в принципе исчерпывающее представление об особенностях развития России в последние годы. Авторы впервые обосновали хронологические границы истории современной России:

[1] См.: Историография истории России / Под ред. *А. А. Чернобаева*. 2-е изд. М., 2015. В издании приведена краткая библиография из 62 названий книг по историографии России, вышедших в 2000 – 2012 гг.

[2] За последние три года появилось немало работ, посвященных современной политической истории (по подсчетам автора – не менее 15), однако большинство из них не представляют сколько-нибудь серьезного научного интереса, а потому остаются за рамками настоящего историографического обзора

[3] См.: История современной России. М., 1994.

[4] См.: *Согрин В. В.* Политическая история современной России. М., 1994 (Книга неоднократно переиздавалась. Последнее издание работы осуществлено в 2010 г, где изложение материала доведено до 2010 г.).

[5] См.: Политическая история России. Т. 2. М., 1996.

1990 г. – Декларация о независимости, 1993 г. – изменение политической системы, 1996 г. – завершение формирования «октябрьского» политического режима.

Важнейшее значение имеет и расширение источниковой базы исследования новейшего периода российской истории: кроме периодики и собраний законодательных актов, авторы использовали материалы ряда российских архивов. Кстати, сходную хронологию новейшей истории России обосновывает в своей монографии и С. Рябикин[1].

Вместе с тем, указанным авторам не в полной мере удалось сочетать изложение экономического, политического и идеологического материала. С этой задачей в большей мере справился Р. Пихоя[2]. Главное достоинство его работ – широта и объем освоенного материала, что позволило упорядочить и систематически изложить политическую историю периода распада Советского Союза и формирования новой российской государственности. В этом смысле ключевым стало его исследование (учебник), посвященное истории государственного управления в России. По сути это – политическая история страны сквозь призму основных институтов управления. Особо обращает на себя внимание широта источниковой базой при характеристике рассматриваемого периода. В целом, на наш взгляд, Р. Пихоей и его коллегами заложены основы дальнейшего изучения современной истории Российской Федерации. Таким образом, в 1990-е годы, эмпирически, методом «проб и ошибок», российские исследователи сформировали методологию и принципы исследования современной истории страны. По мере накопления материалов в оборот запускались новые источники, расширялось число актуальных мемуарных работ, были сформулированы общепризнанные хронологические рамки (или подходы к их построению) истории 90-х и «нулевых» годов.

Ориентировочно на рубеже XX и XXI вв. исследования по новейшей истории Российской Федерации стали выходить регулярно. Сегодня, по оценке РАНХ и ГС, этот список превышает 200 наименований, при этом речь идет только о масштабных монографиях и коллективных работах.

Абсолютное большинство авторов этих работ выделяют два основных периода современной российской истории:

– 1990 – 2000 гг. – период формирования новой российской государственности;

– 2000 – 2017 гг. – период укрепления российской государственности и формирования ее новой управленческой идентичности.

Каждый из них, естественно, имеет свое деление.

---

[1] См.: *Рябикин С.* Новейшая история России (1991 – 1997). Спб., 1997.

[2] См.: *Пихоя Р. Г.* СССР: История власти. 1945 – 1991. М., 1998; *Он же.* История государственного управления в России: Учебник. 2009; *Он же.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985 – 2005. М., 2007; Борис Ельцин. Жизнь замечательных уральцев. Екатеринбург, 2011.

Однако, определением хронологии единство подходов исследователей и заканчивается. Безусловно, бурные события 1990-х гг. остаются все дальше в истории, однако споры о содержании этого периода, о его значении для исторического процесса по-прежнему не стихли. Тем более актуально это для 2000 – 2017 гг. Естественно, что в центре внимания исследователей – ключевые фигуры современной российской истории.

Анализ различных подходов современных авторов к исторической динамике последних 27 лет не входит в задачу данного исследования. Отметим лишь, что их несколько.

1. Концепция неизбежного позитивного развития России, согласно которой, несмотря на противоречия, экономический и политические кризисы, история 1990 – 2017 гг. – это время поступательного развития страны, а выбор, сделанный Россией в 1991 г. был единственно возможным и безальтернативным. Поэтому и управленческие реформы начала XXI в. закономерны и позитивны. В чистом виде эта концепция представлена в трудах Е. Т. Гайдара[1].

2. Концепция «незавершенного времени», согласно которой реформы 1990-х годов были половинчатыми и стратегически неполными, что привело к значительному сужению демократического поля в 2000 – 2017 гг. Приверженцами этого взгляда на современную историю России являются представители политической оппозиции «нулевых годов», а наиболее фундированный взгляд на исторический опыт реформ представлен в работах и интервью А. Илларионова, Б. Федорова, Е. Ясина[2].

3. Концепция истории последнего десятилетия XX века как исторической катастрофы. Представители этой группы исследователей трактуют исторические процессы после 1991 г. зеркально противоположно сторонникам и последователям Е. Т. Гайдара[3].

---

[1] См.: *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории, М., 2005; *Он же.* Гибель империи. Уроки для современной России М., 2006.

[2] См.: *Илларионов А.* Трудный путь к свободе // Континент. 2010. № 145. С. 47 – 89; *Федоров Б.* Десять безумных лет. М., 1999; *Ясин Е.* Реформаторы приходят к власти: интервью Forbes // http:www.forbesmssia.rn/intemew/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yashin

[3] См.: *Полторанин М .Н.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2011; Современная Русская Идея и Государство / Под ред. *Г. Зюганов*а. М., 1995; *Вдовин А. И.* Российский федерализм и русский вопрос. М., 2001; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003; *Севастьянов А. Н.* Время быть русским! Третья сила. Русский национализм на авансцене истории. М., 2004; *Соловей В. Д.* «Русский вопрос» и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику России (начало XVIII – начало XXI вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005; *Шафаревич И. Р.* Русский вопрос. М., 2005; *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. СПб., 2007; Русский вопрос / Под ред. *Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой.* М., 2007; *Иванов В. Н., Сергеев В. К.* «Русский мир» и социальные реалии. М., 2008; *Самоваров А. В.* Перспективы русского национализма: национализм с человеческим лицом. М., 2008; *Белов Ю. П.* О судьбе русского вопроса // Правда. 2009. 21 – 24 августа; *Семанов С. Н.* Русское возрождение: борьба продолжается. М., 2009; *Соловей Т. Д., Соловей В. Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009; *Ципко А. С.* Ценности и борьба сознательного патриотизма. М., 2009.

4. Концепция истории России последних двадцати семи лет как переходного периода. В большинстве своем авторы учебных пособий и обобщающих монографий придерживаются именно этого подхода, суть которого в том, что на рубеже 1980-х и 1990-х гг. прошлого столетия страна вошла в сложный переходный, посткоммунистический период, который на протяжении последующих лет имел свои особенности и до сих пор не завершен. Такая методология, на наш взгляд, имеет наибольший исследовательский потенциал и позволяет вести анализ не с идеологических или актуальных политических точек зрения, а на основе общепринятых в исторической науке методов исследований[1].

Следует отметить, что интерес к новейшей истории России проявляют и западные ученые[2]. Не претендуя на репрезентативность, отметим, что по сравнению с исследованиями 1990-х годов здесь мало, что изменилось. Подавляющее их большинство исследуют лишь институциональные преобразования, не пытаясь создавать общую историческую картину последнего 27-летия развития России. Наиболее популярные темы в западной литературе – становление в России гражданского общества, институтов разделения власти, муниципального права. В большинстве своем в этих работах используются лишь методы прикладной социологии или политологии, калькируемые на западные образцы, что не позволяет говорить о комплексном характере данных исследований.

Анализ зарубежных текстов показывает что, как в 90-е годы, так и ныне в западных исследованиях доминирует идеологический подход. Главный теоретический постулат очень большого количества авторов –переход России XX1 века к «имперской модели развития», негативная оценка российского исторического опыта, противопоставление реформ 90-х годов и т.н. «путинской России». Очевидная не историчность и предвзятость указанных авторов могла бы серьезно уменьшить значение этих обобщающих работ, однако высокий политический статус и научный авторитет их авторов позволяет говорить об общих подходах большой группы западных обществоведов к проблемам новейшей истории России[3]. Очевидно, что подобные методологические основания для исследования сказываются и на

[1] См.: Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред. *Г. А. Бордюгова, А. Л. Касаева.* М., 2007; История России (IX – XX вв.): Учебное пособие / Отв. редактор *Я. А. Перехов.* М., 2003; История России: IX – XXI вв. От Рюрика до Путина: Учебное пособие / Отв. редактор *Я. А. Перехов.* 3-е изд., доп. и перераб. М., Ростов-на-Дону, 2005; История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX до начала XXI века / Под ред. *А. Н. Сахарова.* М., 2003; Новейшая история России / Под ред. *В. А. Шестакова.* М., Владимир, 2008; Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001; *Медведев Р.* Дмитрий Медведев: двойная прочность власти. М., 2010.

[2] Обзор публикаций см. в: История России в современной зарубежной науке. М., 2010.

[3] Представление об оценках исторического опыта современной России западными исследователями и журналистами можно получить, например, в: https://www.theguardian.com/books/2016/apr/20/top-10-books-on-vladimir-putins-russia; аналогичная подборка на итальянском языке: http://www.unilibro.it/libri/f/argomento/putin__vladimir

его результатах. Вместо анализа политического развития России – набор упрощенных модернистских схем. Наиболее ярко подобного рода взгляды представлены в работах корифея американской политологии и кремлинологии З. Бжезинского[1].

Однако, подобной методологии придерживаются далеко не все западные исследователи. Пожалуй, впервые не только в западной, но и в российской историографии четкие формулировки и освещение современная политическая история России получила в заключительной главе монографии Н. Верта, где изложение материала доведено до начала осуществления реформ 1990-х гг. Н. Верт анализирует российскую историю, отказавшись от использования схем, обличающих «российский империализм», с уважением к русскому народу, его национальной культуре и традициям[2].

Своеобразно, небесспорно, но аргументированно представлена новейшая российская история в книгах итальянского журналиста, специалиста по России Джульетто Кьезы[3]. Автор обобщает российский исторический опыт с позиции европейских левых, он поддерживает концепцию истории последних двадцати пяти лет как переходного периода, однако он подчеркивает, что страна обрела свое место и свой голос в глобальном мире, а это – залог поступательного движения вперед.

К этой же оценке современной российской истории и последствий социально-экономических преобразований 1990-х гг. близок известный американский советолог С. Коэн[4]. В своих первых работах, в 1990-е гг., он так характеризовал первый этап реформ: «Лишенная обещанной ранее зарубежной помощи, потрясенная незавершенными преобразованиями … Россия отвергла предназначенное ей место в новом мировом порядке и тем самым поставила под сомнение стратегию Запада. Если Запад не ощутит опасность ожесточения России, в мировом соотношении сил могут проявить себя новые, антизападные тенденции. Помимо прочего, все мечтания российских западников рухнут окончательно». В начале XXI в. в своих исследованиях Коэн сделал акцент на выявлении самобытных черт российской цивилизации, особо отмечая закономерность управленческих реформ, связанных с именем Президента России Владимира Путина.

---

[1] См.: *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Перевод с англ. яз. *Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова.* М., 2004; *Он же.* Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Перевод с англ. яз. *Ю. В. Фирсова*. М., 2007.

[2] См.: *Верт Н.* История Советского государства. М, 1995.

[3] См.: *Кьеза Дж.* Прощай, Россия! М., 1997. *Он же.* Русская рулетка. Права Человека. М., 2000; *Он же.* Война империй: Восток – Запад. М., 2006; *Он же.* Zero. M., 2008; Chiesa G. Putin e la russofobia. Roma, 2016.

[4] См.: *Стивен Ф. Коэн.* Помочь России! // Независимая газета. 1999. 25 января; *Он же.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001; *Он же.* Можно ли было реформировать Советскую систему? М., 2005; *Он же.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., СПб., 2007.

Еще более категоричен английский исследователь Р. Саква[1]. По его оценке, управленческие реформы Путина стали единственно возможным ответом на кризисное состояние российского общества в конце XX в., а потому они исторически объективны. Этой же концепции придерживается и немецкий аналитик Х. Зайпель, анализирующий «логику власти» Владимира Путина. Естественно, что формат данной работы не предполагает углубленного анализа зарубежной литературы об истории последнего двадцатилетия. Тем не менее, основные тренды понятны – западные исследователи уходят от создания обобщающих трудов по новейшей истории России, предпочитая делать акценты на политических, экономических, культурологических особенностях исследуемого периода[2].

Максимально объективно постарался подойти к исследованию новейшей истории России Дэниэл Трайсмен в работе еще не переведенной на русский язык «Возвращение. Россия от Горбачева до Медведева». Книга интересна не только большим фактическим материалом, но и значительным вниманием, которое автор уделяет развитию регионов[3].

Таким образом, систематическая работа по обобщению процессов современной истории России только началась, а ее результаты будут углубляться по мере удаления от рассматриваемого периода. Вместе с тем, очевидный интерес ведущих российских и зарубежных обществоведов к истории России рубежа XX и XXI вв. позволяет констатировать целесообразность, научную значимость и практическую актуальность изучения современной истории. Можно уверенно говорить, что к настоящему времени конкретизировано понимание хронологии новейшей истории России, накоплены необходимая фактологическая база и событийный ряд, постоянно расширяется ее источниковая база, в основном сформированы принципиальные методологические позиции для дальнейших исследований.

Вместе с тем, проблема региональной составляющей в обобщающих трудах по современной истории России практически не ставится. Однако в специальных исследованиях данная тема освещена и освещена достаточно полно.

II. Общие исследования по региональным аспектам политической истории России 1990 – 2017 гг. Проблема федерализма.

Вопросы регионализма в Российской Федерации вызывали интерес всегда. Дискуссия о роли и месте федерализма в системе управления страной началась уже в период правления М. С. Горбачева, сохраняла свою актуальность в 1990-е гг. и осталась ведущей темой в обсуждении процессов

---

[1] См.: *Саква Р.* Путин: выбор России / Перевод с англ. яз. *В. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной.* М., 2005.

[2] См.: *Кошко Д. Б.* Образ России в западных СМИ и в том числе во Франции // Судьба России: вектор перемен / Под ред. *Р. Г. Пихои.* Екатеринбург. М., 2007. С. 426 – 434.

[3] См.: *Treisman D.* The return. Russia s journey from Gorbachov to Medvedev. New-York, 2011.

2000 – 2017 гг. К примеру, только в монографии Г. Абдулкаримова «Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России» перечень публикаций по региональной проблематике занимает 38 страниц[1].

Это – поистине неисчерпаемая тема и автор не ставит задачу дать сколько-нибудь завершенный очерк исследования регионализма в России.

Нам представляется целесообразным пунктирно отметить, как трактовались вопросы региональной политики в России в 1990-е годы и с каким багажом знаний по этой проблеме мы вышли во второе десятилетие XXI века. Важнейший аспект новейшей истории России в этом смысле – трансформация политического режима и его важнейших элементов – системы власти как в центре, так и на местах.

Крах в 1989 – 1991 гг. советско-партийной системы управления страной и ее регионами дал возможность проанализировать место коммунистической партии (КПСС) в политической системе советского общества. Не принимая во внимание идеологические дискуссии тех лет, следует отметить вывод, общий для исследователей самого различного политического направления: КПСС была структурой, цементирующей политическую систему СССР, органом, обладавшим всей полнотой реальной власти. Быстрая ликвидация партии поставила Россию на грань управленческого кризиса. Одновременно встал вопрос о путях дальнейшей реформы политической системы. Большинство исследователей уже в тот – начальный – период анализа (Г. Водолазов, Б. Капустин, О. Мясников, А. Моммен, В. Шейнис[2] и другие) в качестве основного политического феномена, который определяет и будет определять в дальнейшем развитие России, назвали формирование новой политической системы и, в том числе, создание основ федералистских отношений. Таким образом, уже в начале 1990-х годов прошлого века проблема региональной политики, регионального развития была признана определяющей для исторического изучения современной России.

В этот же период началось изучение проблемы политических конфликтов как важнейшей характеристики современной политической истории России. В работах большинства авторов ставились проблемы истоков конфликтов и наиболее оптимальных методов их разрешения. Уже в первой половине 1990-х гг. в качестве выхода из кризисной ситуации было предложено формирование новой управленческой концепции и расширение

---

[1] См.: *Абдулкаримов Г.* Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России. М., 2008.

[2] См.: *Водолазов Г. Г.* Что впереди? // Народный депутат. 1992. № 12. С. 77 – 82; *Он же.* Две демократии: о новом этапе в политическом развитии России // Перспективы социальной демократии в России. М., 1994. С. 17 – 24; *Капустин Б. Г.* Кризис ценностей и шансы российского либерализма // Полис. 1992. № 5 – 6. С. 76 – 84; *Моммен А.* Федерализм и национальное государство // Полис. 1992. № 6. С. 27 – 38; *Мясников О. Г.* Смена правящих элит // Полис. 1993. № 1. С. 52 – 61; *Шейнис В. Л.* Судороги российского парламентаризма // Полис. 1992. № 3. С. 52 – 63.

прерогатив исполнительной власти (см., например, работы И. Клямкина[1]). Итоги всероссийских социологических опросов, проведенных центром Клямкина в 1992 – 1999 гг., подтвердили выводы, сделанные этим исследователем ранее.

Во второй половине 1990-х гг. появилось несколько монографий, в которых делались относительно успешные попытки проанализировать историю политической системы современной России с точки зрения организации власти на территориях. Так, в коллективной монографии «Становление новой российской государственности»[2] давался политологический анализ институционализации новых органов власти России, а также анализировались особенности возникающего российского федерализма. Авторы отметили, что развитие Российского государства, несмотря на кризисы и внутренние противоречия, имеет положительную динамику и оценивать итоги реформ исключительно негативно – научная некорректность. С этим выводом трудно не согласиться.

Определенный интерес представляет работа коллектива авторов Российской академии государственной службы, посвященная проблемам формирования института губернаторов в России[3]. Исследование носит ретроспективный характер и рассматривает институт губернатора, начиная с момента его возникновения – в эпоху петровских реформ – и заканчивая ключевыми формообразующими элементами этого феномена в 1990-е гг. двадцатого века., включая законодательное обеспечение и особенности соответствующих региональных выборов. Анализ монографии позволяет сделать вывод, что ее авторы не были уверены в эффективности сложившейся модели формирования губернаторского корпуса – слишком неоднозначными были избирательные кампании того, да и последующего периодов.

Вызывает интерес и работа еще одного автора 1990-х гг. прошлого столетия. История российского регионализма в центре исследования В. Гельмана «Региональная власть в современной России»[4]. Достоинство этой работы – проблемно-хронологический подход, позволяющий определить степень трансформации управленческих структур на местах, выделив их общее и особенное. Вместе с тем, в работе Гельмана имеется недостаток, присущий большому количеству современных историко-политологических исследований: политические и «электоральные» процессы рассматриваются в них как заданность, вне социально-экономического контекста, а

[1] См.: *Клямкин И. М.* Посткоммунистическая демократия и ее особенности в России // Полис. 1993. № 2. С. 6 – 25; *Он же.* Какой авторитарный режим возможен сегодня в России // Полис. 1993. № 5. С. 49 – 79 ; *Он же.* До и после парламентских выборов (российское общество : ценности и приоритеты) // Полис. 1993. № 6. С. 39 – 81.

[2] См.: Становление новой российской государственности. М., 1996.

[3] См.: Институт губернатора в России: традиции и современные реальности. М., 1997.

[4] См.: *Гельман В. Я.* Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // Полис. 1997. № 1. С. 87 – 108.

территории для анализа избираются в достаточной мере произвольно. В конечном итоге данный недостаток приводит к значительному упрощению общеисторической картины и сводит феномен социально-политического развития общества к простому набору характеристик политических отношений внутри групп региональных элит.

Очень любопытны с точки зрения диагноза региональной системы управления страной на рубеже веков публикации Центра политических технологий о региональной политике[1]. В них проанализированы отношения между Центром и регионами, дан политический портрет губернаторского корпуса, рассмотрены некоторые черты региональной политической элиты, а также уроки выборов в субъектах Федерации. И вновь в оценках авторов этого исследования прозвучала определенная неуверенность в устойчивости сложившейся модели, «в значительной степени опирающейся на систему «сдержек и противовесов» между федеральным правительством и регионами, губернаторами и мэрами, Государственной думой и региональными законодательными органами».

Таким образом, к концу XX в. был накоплен значительный эмпирический материал для дальнейшего анализа. В определенном смысле итоговыми для того периода можно назвать материалы Всероссийского совещания по вопросам развития федеративных отношений, прошедшего в Москве в январе 1999 г.[2] Это – и методологические аспекты федерализма, рассматриваемые в контексте исторического опыта зарубежных федераций (Австралия, Австрия, Бельгия, Индия, Канада, США, ФРГ, Швейцария), и анализ причин пробуксовки механизмов российского федерализма в законодательной сфере, противоречия при распределении полномочий между уровнями власти, региональных различиях в бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Общий вывод участников совещания – процесс формирования российского федерализма еще далек от завершения и требует существенной доработки по всем основным направлениям его обеспечения[3].

Тот же вывод звучал и в материалах состоявшихся в Москве, Екатеринбурге, Челябинске и многих других крупных научных центрах конференций, посвященных формированию демократической системы в России, причем одной из самых главных задач для анализа ставились именно проблемы регионализма и местного самоуправления. Однако, если до второй

---

[1] См.: *Лапина Н.* Региональные элиты России. М., 1997; Политические процессы в регионах России. М., 1998.

[2] См.: Материалы к Всероссийскому совещанию по вопросам развития федеративных отношений. М., 1999.

[3] Примечательно, что 8 лет спустя почти аналогичное заключение было сделано на слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания России: http://www.council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2007/02/49/iteml803.html

половины 1990-х гг. утверждалось, что децентрализация управления способна создать мобильную политическую систему современной России, то к началу XXI в. оценки исследователей существенно изменились и тезис о необходимости дальнейшей децентрализации управления был снят с повестки дня[1].

Ориентировочно с 1997 – 1999 гг. можно говорить о формировании развитого научного аппарата, опирающегося на многочисленные теоретические наработки отечественных исследователей современного исторического развития. В частности, в конце 1990-х гг. и в течение 2000 – 2017 гг. были проанализированы феномены электорального поведения, в том числе в региональном разрезе, проблемы территориального устройства России, в том числе с точки зрения его укрупнения, а также соотношения диверсификации (разнообразия) и единообразия политических систем регионов Россию[2]. Особо любопытно, что в рамках дискуссий представители прямо противоположных взглядов в большей или меньшей степени сходились в оценке того, что управленческая реформа В. Путина, предпринятая им на рубеже столетий, была объективно необходимой. К примеру, Питер Шолл-Латур в своей книге «Россия Путина: эффект сжатия», которую вряд ли можно отнести к «прокремлевским» изданиям, обратил внимание на геополитические факторы, «вынуждающие» российское руководство оптимизировать управление регионами и, в определенном смысле, унифицировать управленческую модель на территориях, а участники научно-практической конференции «Политическая реформа в России», состоявшейся в 2000 г. в Екатеринбурге, особый акцент сделали на необходимости

---

[1] См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1993; *Богданов Г. С., Ивкина Т. В.* Система местного самоуправления в новых условиях // Политическая демократия в историческом опыте России. Челябинск, 1993. С. 36 – 41; Власть и общество: региональный аспект взаимодействия // Аппарат Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе / Под ред. *А. Д. Кириллова*. Екатеринбург, 2005; *Воробьев А. П.* Арифметика и алгебра федерализма // Преображение Урала. 1996. № 3. С. 2 – 3; Депрессивные территории: оценка и механизм выхода из кризиса / Под ред. *А. И. Татаркина, В. П. Пахомова, Е. М. Козакова*. Екатеринбург, 2000; *Зотов В. Б.* Управление административной территорией в городе (проблемы и перспективы). М., 1995; *Панкевич Н. В.* Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург, 2008; *Россель Э. Э.* Становление федеративных отношений и будущее российской Конституции // Конституционализм в России. Екатеринбург, 1996. С. 1 – 15; и др.

[2] См.: *Бунин И. М., Зудин А. Ю., Макаренко Б. И., Рославлев К. А.* Сценарий развития ситуации в России // Независимая газета. 1998. 14 октября; *Голосов В. Г.* Поведение избирателей России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44 – 57; *Кургинян С. Е.* Часть и целое // Россия XXI. М., 1995. № 5 – 6. С. 28 – 51; *Логиновский С. Л.* К новому территориальному устройству России // Полис. 1997. № 5. С. 140 – 145; Политическая реформа в России: первые итоги и перспективы. Екатеринбург, 2000; Судьба России: вектор перемен / Под ред. *Р. Г. Пихои.* М., 2007; *Шолл-Латур П.* Россия Путина: эффект сжатия. Империя под прессингом НАТО, Китая и ислама / Перевод с нем. яз. А. Уткина. М., 2007.

оптимизации системы управления в условиях переходного периода и последующей модернизации.

В начале XXI в. дискуссии о роли и месте федерализма и регионализма в текущей управленческой системе России приобрели новое звучание и рассматривались в контексте обсуждения эффективности или неэффективности т.н. «вертикали власти», олицетворяющей управленческие изменения первого пятнадцатилетия наступившего столетия[1].

Иной раз доходит и до парадоксальных оценок. Так, исследовательница из Екатеринбурга Н. В. Панкевич в своей достаточно интересной работе «Методология построения моделей государственного территориального устройства в сравнительных политологических исследованиях» усомнилась в самой системе критериев «регионального», рассматриваемых через призму понятий «централизация» и «децентрализация». Выход исследовательница видит в переходе к анализу качественных характеристик систем территориального управления, в том числе через сумму институциональных совокупностей, характеризующих федеративные системы[2].

Любопытные теоретические зарисовки относительно текущего этапа эволюции российского федерализма содержатся в работе М. Г. Миронюка. Как справедливо отмечает исследователь, говоря об изменениях системы управления после 2000 г., во-первых, фундаментальные конституционные основы федерализма в России были не затронуты. Во-вторых, предпринятые меры по усилению государства (и установлению рамок политической деятельности), хотя и были восприняты как недостаточно демократические, изначально оказались нацелены на стабилизацию политических и других институтов федерализма и создание условий для утверждения в РФ «игры по правилам». И наконец, в-третьих, подходы к дальнейшему развитию Федерации жестко не фиксированы и могут (теоретически) быть откорректированы, что вполне укладывается в логику переходного периода.

По мнению М. Г. Миронюка, Президент, а если посмотреть шире – то сообщество управленческих элит, подошли к проблеме выстраивания властной вертикали сугубо инструментально, считая дефицит государственной власти причиной неэффективности отечественной модели федерализма, а также провала экономических реформ. Интервенция государства в социально-экономическую сферу и политические процессы по сути стало прагматической и вынужденной реакцией на ослабление роли государства в постсоветский период и обнаружившееся несовершенство рынка[3].

---

[1] См.: *Латыпов Р.* Назад к федерализму // http: www.apn.ru/publications/article 17368.htm.

[2] См.: Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и в Новых Независимых Государствах. Екатеринбург, 2003.

[3] См.: *Миронюк М. Г.* Человеческое измерение федерализма. Федералистские теории и тенденции развития федеративных отношений в России // Полис. 2003. № 3. // http: www.politstudies.ru/N2004fulltext/2003/3/10.htm.

Так или иначе, но к настоящему времени можно констатировать, что российские ученые значительно продвинулись в осмыслении механизмов регионального управления в переходный период истории России. На сегодня существует ряд добротных исследований российского федерализма и управленческих практик в регионах страны[1]. Они содержат все необходимые элементы для дальнейшего анализа – историю федерализма в России, юридические аспекты регионализма, анализ практики укрупнения регионов, финансово-экономические модели отношения центра и территорий.

И все же анализ публикаций, посвященных вопросам регионализма в России в 1990 – 2000-е гг., позволяет сделать вывод о неполной завершенности этой работы. Конечно, дело здесь не в некомпетентности авторов. Представляется, что главным недостатком работ данной группы является слабое использование конкретного регионального материала. Вновь подчеркнем, что для создания полномасштабной картины исторического развития России последнего двадцатилетия необходим учет конкретно-исторического материала на региональном уровне. В этой связи нельзя не упомянуть работу В. Иванова «Путин и регионы. Централизация России»[2], одну из очень немногих, где историко-политологический анализ событийного ряда 1990 – 2006 гг. ведется с привлечением значительного регионального материала. Автору удалось показать, что формирование и изменение управленческих структур по линии центр – регионы обусловлен общим контентом современной российской истории, а не «злой волей» тех или иных лиц, возглавлявших или возглавляющих ныне Российскую Федерацию. Кроме теоретической модели региональных аспектов переходного периода 1990 – 2006 гг. автор приводит достаточно много интересных подробностей обстановки в российских территориях. Это – и попытки повышения статуса субъектов Российской Федерации, и процесс укрупнения регионов, и специфика избирательных кампаний.

Таких работ, подчеркнем, немного. Тем больший интерес представляют работы, в центре внимания которых – политическая история территорий Уральского федерального округа – Урала и Западной Сибири.

III. Исследования политической истории Урала и Западной Сибири, 1990 – 2017 гг.

Следует отметить, что в изучении политической истории Урала конца XX – начала XXI вв. можно выделить два этапа. Первый из них пришелся на годы перестройки в исторической науке. Профессиональные историки стали подключаться к изучению политической истории современного Ура-

[1] См.: *Лексин В. Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М., 2008; *Косиков И .Г.* Реформируемая Федерация. Укрупнение российских регионов. М., 2008; *Шевцов В. С.* Федерализм и Россия. Кн. 1 – 2. М., 2008; Россия: региональная власть в условиях кризиса. М., 2010.

[2] См.: *Иванов В.* Путин и регионы. Централизация России. М., 2006.

ла со второй половины 1980-х гг. Их интересовали в те годы, прежде всего, процессы, происходившие в рядах правящей Коммунистической партии, возникновение неформальных объединений и состояние идеологических представлений в обществе. Второй этап отчетливо фиксируется на рубеже веков.

Буквально несколько слов об изучении новейшей истории Урала в 1990-е гг. прошлого столетия.

Важнейшей особенностью формирования методологии исследования новейшей истории России и ее составляющей – истории Большого Урала – стало регулярное обсуждение различных аспектов современности на общероссийских и региональных научных форумах, проходивших в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Тюмени и других городах Урала в 1990-е гг. В этом ряду можно отметить: «Социальные конфликты: роль органов власти и общественно-политических сил в их регулировании» (Екатеринбург, 1992), «Политическая демократия в историческом опыте России» (Челябинск, 1993), «Современные проблемы местного самоуправления» (Челябинск, 1995), «Выборы Губернатора Свердловской области: итоги и перспективы» (Екатеринбург, 1995), «Интеллигенция и власть» (Екатеринбург, 1996), «Конституционализм в России» (Екатеринбург, 1996), «Будущее конституционализма в России» (Екатеринбург, 1996), «Организация выборов: общее и особенное» (Челябинск, 1996), «Интеллигент в провинции» (Екатеринбург, 1997), «Каменный пояс на пороге 3 тысячелетия» (Екатеринбург, 1997), «Власть и общество: формы взаимодействия» (Екатеринбург, 1997), «Проблемы реформирования российского общества (философский, политический и правовой аспект)» (Челябинск, 1997), «Россия на рубеже XXI века: исторический опыт и современность» (Челябинск, 1998), «Реформа местного самоуправления в Тюменской области: практика, проблемы, пути совершенствования» (Тюмень, 1998), «Региональный аспект национальной безопасности России (Екатеринбург, 1999)».

Существенный вклад в изучение проблем регионализма в целом и современной политической истории Урала в частности внесли ученые Института истории и археологии Уральского отделения РАН[1]. Впервые в стране здесь была разработана программа «Исторический опыт регионального развития. Урал и сопредельные территории». В рамках продолжающихся до настоящего времени проектов «Урал и индустриальные регионы мира», «Индустриальное наследие Урала», «Российская геополитика и социокультурные основы уральского регионализма в XX веке», «Федерализм: правовое, политическое и институциональное многообразие», в работах В. В. Алексеева, Е. Т. Артемова, М. Н. Денисевича, К. И. Зубкова,

[1] Подробная библиография приведена в книге: Институт истории и археологии: Первое десятилетие. Екатеринбург, 1998.

И. В. Побережникова, С. П. Постникова, А. В. Сперанского[1] были рассмотрены концептуальные основы российского федерализма в ретроспективе, место и исторический опыт Урала в этих процессах. В рамках реализации проекта были сделаны выводы, ставшие особенно актуальными накануне и в ходе создания федеральных округов России: при разработке региональной стратегии необходимо, во-первых, использовать фактор объективно сложившегося территориального разнообразия, имеющего своими корнями не только экономическое, но и духовное, культурологическое, социальное и политическое единство; во-вторых, стратегия должна иметь комплексный характер, т.е. учитывать процессы, имеющие место в экономической, политико-правовой и социокультурной сферах региональных сообществ; в-третьих, региональная политика должна осуществляться на всех управленческих уровнях. Многие авторы, кроме того, высказали мнение о приемлемости и даже необходимости укрупнения регионов[2].

Пожалуй, первым в той или иной степени целостным исследованием событий политической истории Урала последнего десятилетия XX в. стала, как ни парадоксально, книга западного автора – испанской журналистки Пилар Бонет[3]. Автор поставила в качестве своей задачи проблему выяс-

---

[1] См.: *Алексеев В. В.* Институционализация региональной социально-экономической политики // Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте. Екатеринбург, 1996. С. 13 – 21; *Он же.* Урал в контексте национальной безопасности России // Региональный аспект национальной безопасности России. Екатеринбург, 1998. С. 45 – 49; *Он же.* Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екамтеринбург, 2014. С. 4 – 10; *Алексеев В. В., Артемов Е .Т.* Регионализм в России: история и перспективы // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 4 – 11; *Денисевич М. Н., Постников С. П.* Вопросы методологии и методики создания «Уральской исторической энциклопедии // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона. Березники, 1992. С. 87 – 94; *Зубков К. И.* Основы регионоведения: Программа и методические материалы. Екатеринбург, 1998; *Он же.* Регионализм и федерализм в современной России: к проблеме выбора модели // Современный федерализм: края, области в составе Российской Федерации (статус, модели взаимоотношений с федеральным центром). Тюмень, 1997. С. 73 – 79; *Он же.* Региональная безопасность в геополитическом измерении // Региональный аспект национальной безопасности России. Екатеринбург, 1998. С. 108 – 120; *Побережников И. В.* Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 57 – 62; *Сперанский А. В.* Государственное развитие России в региональном измерении: историографический аспект // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества. Екатеринбург, 2012. С. 77 – 88; *Он же.* Урал в модернизационной динамике России: историографический аспект // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 218 – 227; *Он же.* Урал в контексте российской и мировой истории: историографический аспект // Урал в истории России: теоретико-методологические и историографические аспекты. Екатеринбург, 2012. С. 32 – 43; и др.

[2] См.: *Алексеев В. В., Артемов Е. Т.* Регионализм в России: история и перспективы // Уральский исторический вестник 1996. № 3. С. 4 – 11.

[3] См.: *Бонет П.* Невозможная Россия: Борис Ельцин, провинциал в Кремле. Екатеринбург, 1994.

нения условий, благодаря которым Ельцин стал Президентом. Именно поэтому в центре ее исследования – территория Свердловской области, ее политическая история, ее основные политики. Интересно, что определенное внимание автор уделяет институту полпреда Президента России в регионе, рассматривая его на примере полпреда в Свердловской области В. Машкова. Любопытна и работа канадского автора Макса Ройза, посвященной деятельности Г. Бурбулиса[1]. Данная книга может быть использована скорее как иллюстрация политической истории Урала.

С середины 1990-х гг. интерес к политической системе российского общества и ее региональным аспектам позволил появиться целому ряду исследований, посвященных формированию органов государственной власти в регионах Урала. В большинстве своем эти работы имеют конкретный территориальный ареал – тот или иной регион. Так, например, формирование органов государственной власти Свердловской области рассматривается в работах ряда исследовательских групп правительства Свердловской области, Уральской академии госслужбы[2]. В этих работах прослеживается динамика становления политической системы, ее основные институты, кризисы в развитии (в первую очередь – феномен Уральской республики). В аналитическом обзоре, подготовленном сотрудниками администрации губернатора Свердловской области, ведется всесторонний анализ региональных аспектов избирательной кампании Б. Н. Ельцина[3]. Политическая стратификация Челябинской области, сложившаяся по итогам реформ 1990-х гг. исследуется в работах А. С. Корецкого и С. Г. Зырянова[4]. Успешная попытка представить социально-политический облик Тюменской области в динамике, в том числе с точки зрения основного противоречия этого региона, состоящего из трех субъектов, была предпринята журналом «Российская Федерация»[5].

Намного хуже были исследованы тенденции политического развития Курганской области. Для этого региона, скорее всего, препятствием явля-

---

[1] См.: *Ройз М.* Чужак в Кремле. М., 1993.

[2] См.: *Азанов Г. Г.* Уральская Республика: игра амбиций или необходимость. Екатеринбург, 1994; Власть и общество: формы взаимодействия. Екатеринбург, 1997; *Горфинкель И. М.* Политическая система Свердловской области // Восточно-европейское обозрение. 1997. № 5. С. 34 – 45; Кадры государственного и муниципального управления (социальный портрет). Екатеринбург, 1993; Средний Урал: Новый федерализм и региональная политика. Екатеринбург, 1993.

[3] См.: Средний Урал: президентская кампания 1996 г. Екатеринбург, 1996.

[4] См.: *Зырянов С. Г., Корецкий А. С.* Социальное представительство населения в местных органах власти // Проблемы реформирования российского общества (философский, политический и правовой аспект) Челябинск, 1997. С. 154 – 159; *Корецкий А. С.* Политическая стратификация населения Челябинской области // Там же. С. 119 – 129.

[5] См.: Регион крупным планом: Тюменская область // Российская Федерация. 1996. № 21. С. 25 – 40.

ется общая ситуация, характерная для депрессивных регионов России. Отчасти эти пробелы пытался заполнить в своей монографии Б. А. Кириллов[1].

Отдельно стоит отметить появление в 2015 г. первого исследования истории Урала, с петровских времен до настоящего времени, вышедшего на английском языке. Автор книги Пол Дюкс не претендует на научную новизну, однако объективность изложения и широкая источниковая и историографическая база заслуживают высокой оценки[2].

Таким образом, разработка полномасштабной исторической картины социально-политического развития Урала в 90-е гг. XX в. только началась.

Вместе с тем анализ историографического материала дает основания выделить некоторые «белые пятна» в изучении современной социально-политической истории. Среди них можно отметить в первую очередь недостаточное осмысление проблем взаимозависимости экономического и социально-политического развития России и ее регионов, в том числе с точки зрения их объединения в региональные ассоциации; социальной и политической обусловленности реформирования тех или иных институтов современного российского общества; соотнесения процессов преобразований на муниципальном, региональном и федеральном уровнях управления; четкой периодизации постсоветской истории. Кроме того, можно констатировать элементарную нехватку фактологического материала, особенно по первому периоду становления новой российской государственности.

В значительной степени ликвидировала эти пробелы серия книг Фонда политологических исследований «Урал политический»[3]. Значимость этих исследований, в первую очередь – монографии «Урал: от Ельцина до Ельцина» – посвященных политической истории Урала 1991 – 1997 гг., – в их систематическом характере изложения материала, определении основных этапов и тенденций развития уральских политических процессов, а также в богатом документальном материале, облегчающем дальнейшее более глубокое изучение. Проект был продолжен. В 2007 и 2010 гг. вышли две работы, посвященные истории Урала и Западной Сибири в анализируемый период[4]. Руководитель авторского коллектива этого проекта

---

[1] См.: *Кириллов Б. А.* Эволюция органов власти на Урале (1988 – 1995 гг.). Екатеринбург, 1996.

[2] *Dukes P.* A history of the Urals. Bloomsbury Academic, 2015.

[3] См.: *Кириллов А. Д.* Урал: тенденции политического развития. 1991 – 1993 гг. Екатеринбург, 1993; *Он же.* Урал: от Ельцина до Ельцина. Екатеринбург, 1997; Свердловская область: органы власти. Екатеринбург, 1994.

[4] См.: Средний Урал в преддверии новой России 1985 – 1991 гг. / Под ред. *А. Д. Кириллова.* Екатеринбург, 2010; Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985 – 2007 гг. / Автор-составитель *А. Д. Кириллов.* Екатеринбург, 2008.

А. Д. Кириллов выделяет в развитии новейшей истории России три основных периода: 1990 – 1993 гг. – распад СССР и начало становления новой российской государственности; 1994 – 1999 гг. – попытка перехода к «идеальной» – классической модели федеративных отношений в Российской Федерации; 2000 – 2017 гг. – развитие и укрепление новой России, регионов Урала и Западной Сибири в условиях реализации управленческих реформ В. В. Путина.

Таким образом, в 1990-е гг. уральские исследователи сформировали основные принципы подхода к определяющим феноменам современной российской истории, обобщая в первую очередь региональные тенденции развития общества в 1990-е гг. в рамках цивилизационной теории исторического развития. Основные методологические и фактологические достижения уральских историков обусловили завершение в 1998 г. работы над уникальным изданием – «Уральской исторической энциклопедией». Все это в комплексе позволило начать исследование конкретных процессов, зафиксированных на Урале в последнее десятилетие.

Современный этап в изучения новейшей истории Урала характеризуется целым рядом важных особенностей. Одной из них является желание авторов создать обобщающие труды по истории края научного характера[1]. Так, уже в 1996 г. в Екатеринбурге был подготовлен методологически новый двухтомный школьный учебник «История Урала», где довольно подробно отражены новейшие исторические события в регионе[2]. В дальнейшем эта книга неоднократно переиздавалась. Как уже отмечалось, в 1998 г. большой авторский коллектив ученых региона завершил работу над «Уральской исторической энциклопедией»[3], содержащей информацию по всей истории Урала, с древнейших времен до середины 1990-х гг. На их страницах довольно подробно освещены исторические события на Урале, происходившие в последние годы XX в.

В числе выводов современных исследователей несомненный интерес представляет тезис о том, что во второй половине 1990-х годов региональными элитами была предпринята попытка выстроить по сути своей конфе-

---

[1] См.: Урал в панораме XX века / Гл. редактор *В. В. Алексеев*, зам. гл. редактора *А. В. Сперанский*. Екатеринбург, 2000; Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории // Под ред. *А. Д. Кириллова и Н. Н. Попова.* Екатеринбург, 2000.

[2] См.: История Урала: Учебник для общеобразовательных учебных заведений // Под ред. *И. С. Огоновской.* I изд. Екатеринбург, 1996; II изд. Екатеринбург, 1999; История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10-11-х классов общеобразовательных учреждений // Под ред. *И. С. Огоновской, Н. Н. Попова.* Екатеринбург, 2004; История Урала с середины XIX в. до нашего времени: Учебное пособие // Науч. редактор *Н. Н. Попов.* Екатеринбург, 2003.

[3] См.: Уральская историческая энциклопедия / Гл. редактор *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 1998.

деративную систему управленческих отношений между центром и регионами. При этом тогда считалось, что это – «нормальная», американская модель разграничения полномочий и предметов ведения уровней власти[1].

Оказалось, что это не так. Более того, на основе анализа развития возникшей ситуации уральские исследователи пришли к важному выводу о том, что к концу 1990-х гг. «в политике самих регионов стали просматриваться известные центростремительные тенденции» и сами регионы стали выдвигать идею о необходимости «создания и укрепления единой вертикали исполнительной власти». Это стало возможным и необходимым в условиях, во-первых, преодоления последствий экономического кризиса 1990-х гг., во-вторых, накопления социальных обязательств государства перед гражданами, в-третьих, изменения мировой экономической и политической конъюнктуры.

Таким образом, первоначальное накопление материала по региональной тематике в настоящее время приобрело иное качество – были сформулированы первые принципиальные характеристики по тем или иным направлениям развития российских регионов в новейший период. Имеются достаточно серьезные исследования практически по всем аспектам социально-политических процессов в регионе, позволяющие наметить определенные ориентиры для дальнейшей работы. Однако некоего обобщающего исследования по новейшей истории Урала и Западной Сибири пока нет. Тем более это касается феномена федеральных округов в России.

IV. Работы, посвященные институту полномочных представителей Президента в регионах и федеральных округах.

Институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах существует с 2000 г. До них федеральные

[1] См.: Судьба России: вектор перемен. Екатеринбург – М., 2007 (В этом, ключевом для изучения новейшей уральской истории сборнике особо примечательны статьи *Р. Пихои, А. Кириллова, О. Малышевой, Н. Кузнецова* и др.); *Бакулин В. В., Ермолаева В. А.* Экономическая и социальная география Тюменской области: Учебное пособие. Тюмень, 2008; Большая Тюменская энциклопедия. Т. 1 – 3. Тюмень, 2004; *Быковский В.* Публичная экономика в Уральском федеральном округе. Екатеринбург, 2005; *Он же.* Ямал и его команда. Часть 1. Екатеринбург, 2011; Власть и общество: региональный аспект взаимодействия // Аппарат Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе / Под ред. *А. Д. Кириллова*. Екатеринбург, 2005; *Выборнов А. Н.* Энциклопедия местного самоуправления. Уральский федеральный. Екатеринбург, 2002; Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика. Екатеринбург, 2010; Информационное пространство Тюменской области. Вып. 2. Тюмень, 2003; *Куриков В. М.* Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000; *Левин А. Ю.* Феномен. Штрихи к портрету Эдуарда Росселя. Екатеринбург, 2007; *Омельчук А. К.* Рыцари Севера. Очерки. Тюмень, 2006; *Сарасов Е. А.* Региональная пресса в системе политических коммуникаций (на примере печатных СМИ Челябинской области). Екатеринбург, 2003; Север: проблемы, поиски, решения. Екатеринбург, 2002; *Тулисов Е. С.* Власть в регионе на пороге тысячелетий: Уральский федеральный округ, Свердловская область, город Екатеринбург. Екатеринбург, 2002; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Югра от А до Я // Под ред. *А. Кострова.* Тюмень, 2004; Энциклопедия Челябинской области. Челябинск, 2003 – 2007.

функции на территориях осуществляли полномочные представители Президента Российской Федерации в субъектах страны. Однако полноценного исторического исследования эволюции этих институций не имеется.

На первом этапе формирования и становления федеральных округов – в 2000 – 2003 гг. – институт полпредов вызывал самый живой интерес как прессы, так и аналитиков[1]. Если для журналистов наиболее интересным в новом управленческом институте был его статус в отношениях с региональными элитами, то исследователи главным образом обратили внимание на правовые составляющие деятельности полпредов.

В дальнейшем, после того, как федеральные округа и соответствующие полномочные представители Президента стали привычным элементом управления, интерес к их деятельности значительно снизился и общим трендом публикаций в прессе стала критика самого института, который, по оценке масс-медиа, не стал ключевым фактором влияния в регионах[2].

Трудно согласиться с такими трактовками и в дальнейшем изложении мы покажем, что полпреды Президента не являлись статичным институтом власти, развиваясь вместе с Россией. Именно так, опираясь на конкретный исторический материал, можно заполнить аналитические лакуны.

Пока же следует упомянуть несколько работ, имеющих серьезное значение для исследования института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе.

Уже в 2000 – 2002 гг. вышел в свет ряд исследований, авторы который анализировали статус, функционал, роль и место полпредов в региональной управленческой и политической практиках. Так, в небольшой, но достаточно содержательной статье С. Хурсевич[3] анализируется потенциал федеральных округов как механизма совершенствования федеративных отношений в России. Автор полагает, что немаловажное значение института полпреда обусловлено возможностями выравнивания экономических потенциалов регионов с неодинаковым уровнем развития.

Вопросу конституционного статуса федеральных округов (точнее – полпредов в федеральных округах) посвящена статья С. Н. Некрасова[4].

---

[1] См.: Первые журналистские оценки деятельности полпредов в 2000 г. // http:palm.newsru.com/nissia/14nov2000/polpred.html; *Лысенко В. Н.* Развитие федеральных округов и будущее федеративного устройства России // Федерализм. 2002. № 3; *Муравьев А. А.* Развитие государственного устройства Российской Федерации как фактор совершенствования системы регионального управления: Дис. д-ра юрид. наук. М., 2003; *Туровский Р.* Федеральные округа: политико-географический подход в теории и на практике // Федерализм. 2003. № 3.

[2] Представление о наборе критических замечаний могут дать публикации в интернете: http://www.pomeshikural.ru/index.php7option; http://www.sps.ru/?id=223010; «Грязное белье» Кремля. Разоблачение высших чиновников РФ. М., 2011.

[3] См.: *Хурсевич С.* Роль федеративных округов в развитии российского федерализма // Федерализм. 2000. № 4. С. 183 – 192.

[4] См.: *Некрасов С. Н.* Федеральные округа – новое звено в вертикали российской власти // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 18 – 24.

Дело в том, что с момента возникновения нового института отдельными экспертами высказывались сомнения в его соответствии Конституции России. Автор же убедительно доказывает, что Президент страны имел полное право принять решение об изменении схемы своего регионального представительства, укрупнив территории деятельности своих полпредов.

Более углубленно к вопросу места полномочных представителей в системе управления Российской Федерацией подошел А. Муравьев[1]. В двух достаточно подробных исследованиях этот автор проанализировал всю совокупность полномочий полпредов, механизмы их влияния на ситуацию в регионах, выделил ключевые задачи этого института. Главный вывод А. Муравьева – федеральные округа были ответом на вызовы времени и содействовали укреплению целостности Российской Федерации, кроме того они стали своего рода полигонами для отработки межрегиональных программ развития в экономике, социальной сфере, в политике и информационном пространстве. На наш взгляд, исследователь несколько преувеличил значение такой функции полпредов как приведение регионального законодательства в соответствие федеральному. Безусловно эта работа имела очень серьезное значение, однако только ею деятельность полпредов и на первом этапе их функционирования не ограничивалась.

Интересны выводы еще одного исследователя – В. В. Кистанова[2] – относительно экономического потенциала федеральных округов, а также их роли в процессе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Вместе с появившимися одновременно с полпредами заместителями Генерального прокурора по федеральным округам и окружными главками МВД, полагает автор, полпреды стали ключевой институцией для исполнения стратегических задач, стоящих перед органами власти всех уровней.

Анализу экономического потенциала федеральных округов посвящены работы М. Я. Гохберга[3]. С точки зрения этого исследователя, ключевой функцией полномочных представителей должна быть координация деятельности органов власти в экономической сфере. Речь должна идти, во-первых, о создании условий для дебюрократизации региональных экономики, во-вторых, о защите интересов отечественных товаропроизводителей, в-третьих, о разработке межрегиональных (окружных) программ

---

[1] См.: *Муравьев А. А.* Федеральные округа в Российской Федерации. М., 2003; *Он же.* Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе в системе государственного управления // Национальные интересы. 2002. № 6. С. 46 – 53.

[2] См.: *Кистанов В. В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000; *Кистанов В. В., Копылов Н. В.* Региональная экономика России : учебник. М., 2006.

[3] См.: *Гохберг М. Я.* Федеральные округа Российской Федерации: анализ и перспективы экономического развития. М., 2002; *Гохберг М. Я., Котляр Э. А.* Центральный федеральный округ: экономика и инновационный потенциал. М., 2007.

развития. История первых семнадцати лет XXI в. подтвердила справедливость мнения, представленного в работах М. Я. Гохберга.

Весьма интересна оценка места и роли института полпреда в федеральных округах, представленная в недавней работе Р. Г. Пихои, посвященной политической истории России, доведенной автором до XXI в.[1] По сути, это одна из немногих успешных попыток показать динамику развития власти в новейшей России и, в этом контексте, автор не смог обойтись без анализа системы «полпредств». Кстати, одно из достоинств книги – в яркости изложения.

Характеризуя имеющуюся литературу о федеральных округах, их месте и роли в современной России, нельзя не упомянуть и представленную выше книгу В. Иванова «Путин и регионы»[2]. Одно из достоинств этой работы – ретроспективный подход к предмету исследования. Автор показывает эволюцию института полпредов, выделяя два периода их деятельности – 2000 – 2002 гг., когда шел процесс позиционирования федеральных округов, и далее, после 2002 г. – этап «выхода на проектную мощность» (книга вышла в свет в 2006 г., поэтому дальнейший процесс эволюции рассматриваемого института – вне поля зрения исследователя). Ключевой вывод автора: «нынешняя модель государственного устройства, к которой Россия шла с 1991 г., в общем и целом адекватна потребностям страны».

Уральские исследователи также не обошли вниманием создание нового управленческого института – полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. Среди наиболее интересных можно отметить работы В. Быковского, А. Д. Кириллова, Е. С. Тулисова, Института экономики УрО РАН[3]. По сути, в представленных работах содержится первичный анализ места полпреда в Уральском федеральном округе в системах управления регионами УрФО, его экономике, политике, социальной сфере. Немаловажное внимание в этих работах уделяется ключе-

---

[1] См.: *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945 – 2003. В 3-х т. Том 3. 1985 – 2005. М., 2009.

[2] См.: *Иванов В.* Путин и регионы. М., 2006. С. 69 – 145.

[3] См.: *Быковский В.* Публичная экономика в Уральском федеральном округе. Екатеринбург, 2005; Власть и общество: региональный аспект взаимодействия // Аппарат Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе / Под ред. *А. Д. Кириллова*. Екатеринбург, 2005; Города Урала и северо-западной Сибири. Екатеринбург, 2007; Кто есть кто. Уральский Федеральный округ / *Сост. В. Вагнер, И. Велижанцева, Т. Деменьшина, О. Жлудова, Л. Карякина, О. Матвеева, Л. Медведева, А. Мосягин, Н. Носкова, В. Смелкова, В. Туришина*. Екатеринбург, 2005; Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН Екатеринбург, 2005. № 3(13); От «Перестройки» до «Возрождения»: социально-политические реформы в России на рубеже XXI века // Под ред. *А. Д. Кириллова.* Екатеринбург, 2005; Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели / Под ред. *А. И. Татаркина.* М., 2005; Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985 – 2007 гг. / Автор-составитель *А. Д. Кириллов.* Екатеринбург, 2008; *Тулисов Е. С.* Власть в регионе на пороге тысячелетий: Уральский федеральный округ, Свердловская область, Екатеринбург. Екатеринбург, 2002.

вым фигурам Уральского федерального округа, динамике его социально-экономического и общественно-политического развития. Особенно интересно то, что исследователи уделили внимание и феномену единого экономического пространства федерального округа, переходу электронных, печатных и сетевых СМИ к работе в окружном формате. Определенную роль сыграл в освещении этих процессов сыграл журнал «Уральский федеральный округ».

Всесторонний анализ проблем становления Уральского федерального округа и аппарата полпредства содержится в недавно вышедшей монографии Б. А. Кириллова[1]. В совокупности эти работы создали серьезную базу для дальнейшего исследования феномена полномочных представителей Президента в контексте новейшей истории России и ее регионов.

Подводя итоги обзору литературы по интересуемому вопросу, следует отметить, что в течение предыдущих лет проведен серьезный анализ всех основных составляющих новейшей истории России[2]. В основном отработаны хронологические рамки истории последних двадцати семи лет. В целом сформирована методология исследований феноменов российского федерализма, роли и места регионов в политической стратификации России. Накоплен серьезный объем материалов и по различным аспектам истории территорий Уральского федерального округа в 1990 – 2017 гг.

Вместе с тем, нельзя считать тему политической истории регионов России переходного периода завершенной. Для исследователей возникает несколько ключевых задач, решение которых может дать импульс дальнейшим разработкам данной сферы. Причем сделать это можно только на междисциплинарном уровне. Мы убеждены, что выводы, сделанные в процессе таких исследований, помимо отчетливо инновационного характера, станут основой разработки единых подходов и методологии дальнейшего изучения истории современной России.

В первую очередь необходимо проанализировать общее содержание управленческих реформ в начале XXI в. на предмет их взаимосвязи с предыдущими периодами. Одним из ключевых элементов анализа должна стать эволюция института полномочного представителя Президента России в регионе и федеральном округе. Федеральные округа заменили собой ранее созданные общественные ассоциации регионов (Урала, Сибири, Дальнего Востока) и стали относительно эффективным инструментом лоббирования интересов регионов перед федеральным центром. Аналитики неоднократно высказывали сомнения в перспективности этого институ-

---

[1] См.: *Кириллов Б. А.* Округ стратегического значения. Начало. Екатеринбург, 2015.

[2] При этом к настоящему времени российские ученые выходят на принципиально новые методологии исследований процессов современной политической истории, связанные с использованием интернет-технологий: История современной России: цифровая инфраструктура междисциплинарных исследований. М., 2014.

та, однако в течение первых семнадцати лет XXI в. вся методология региональной политики федерального центра основывалась на развитии «полпредств».

Во-вторых, важным является ретроспективный, исторический анализ реформирования системы власти на уровне регионов. Это и реформа Совета Федерации, и изменения в системе формирования губернаторского корпуса, и эффективность реформирования местного самоуправления.

Содержанием анализа является событийный ряд от борьбы за всеобщую выборность губернаторов в середине 1990-х гг., до унификации системы внесения кандидатур губернаторов правящей партией президенту с дальнейшим голосованием по кандидатуре президента в законодательном органе и новой системы их выборности, а также возвращения системы прямых выборов глав субъектов Российской Федерации.

В-третьих, было бы целесообразно проанализировать динамику общественного мнения в течение всего изучаемого периода (1990 – 2017 гг.), соотнеся ее с текущим на тот период экономическим положением в России.

Смена периодов в процессе формирования новой российской государственности, так или иначе связанная (а частью и опосредованная) с положением дел в сфере экономики напрямую не коррелируется с динамикой общественного мнения. С одной стороны это – социологическая закономерность, с другой – предмет будущего анализа. Рискнем предположить, что традиционные для России «реформы сверху», в том числе и те, что были осуществлены в 1990 – 2000 гг., были не следствием, а во-многом причиной изменения общественных настроений. Это, в свою очередь, приводит к выводу, что утвердившаяся в начале нынешнего столетия управленческая модель не противоречила общественным ожиданиям. Высокий рейтинг В. Путина – лишнее тому доказательство.

В заключение следует отметить, что в 2012 – 2017 гг. отчетливо фиксируется завершение очередного периода истории России. В этом смысле главным является вопрос о путях дальнейшего развития страны. Вряд ли ответить на этот вопрос можно сегодня, но готовить материалы для будущего изучения, в первую очередь с точки зрения динамики регионального развития – необходимо. Это не только вопрос качества изучения истории современной России, это вопрос эффективности ее будущего развития.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Гаврилов Дмитрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Вебер Михаил Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Воробьев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Иванов Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного экономического университета.

Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, Заслуженный работник Высшей школы РФ.

Кириллов Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра истории Свердловской области

Кириллов Борис Анатольевич – кандидат исторических наук, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

Корнилов Геннадий Егорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

Мартюшов Лев Николаевич – доктор исторических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

Мельников Никита Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ряпусова Дарья Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН.

Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского государственного экономического университета.

Научное издание

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института истории и археологии УрО РАН

УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА: историографическая концептуализация

Ответственный за выпуск: М. И. Вебер, к.и.н.
Компьютерная верстка: Т. Н. Черепанова

Директор А. А. Мороз

Издательство «Сократ», г. Екатеринбург,
тел. 8 (343) 311-35-61, e-mail: sokrat-ekb@mail.ru

Институт истории и археологии УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел. (343) 374-53-40, 374-42-34, 374-57-22
E-mail: iia-history@mail.ru

Подписано в печать 16.10.2017. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,79.
Тираж 500 экз. Заказ № 98